АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт всеобщей истории

ГЕРМАНСКАЯ *история*

В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

В ДВУХ ТОМАХ

Редакционная коллегия:

академик
С. Д. СКАЗКИН,
Л. И. ГИНЦБЕРГ,
Г. Н. ГОРОШКОВА,
В. Д. ЕЖОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

ГЕРМАНСКАЯ *история*

В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ТОМ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1970

1-6-3
46-БЗ-1-69

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двухтомный коллективный труд, предлагаемый вниманию читателя, представляет собой первый в советской литературе опыт систематического изложения германской истории в новое и новейшее время. Обобщающее издание подобного типа лишь недавно завершено в ГДР [1]. В учебнике же германской истории, выходящем отдельными выпусками [2], новейшая история пока представлена лишь частично.

В настоящем труде изложение доведено до наших дней. Ввиду сложности и особой актуальности проблем, связанных с историей немецкого народа в последние десятилетия, новейший период выделен в отдельный том, что позволяет осветить современные процессы и события с относительно большей полнотой.

Сравнительно ограниченный объем двухтомника диктовал сжатость изложения. При данном объеме нельзя было одинаково подробно осветить все этапы и события, рассказать обо всех эпизодах, заслуживающих внимания.

Задача состояла в раскрытии ведущих тенденций исторического развития страны, в марксистской характеристике тех классовых сил, которые оказывали воздействие на это развитие, в обнаружении динамики экономических процессов, находивших отражение в политической жизни, в области идеологии и культуры. Авторы стремились в то же время показать место того или иного деятеля в истории; тем более, что буржуазная историография уже в течение многих десятилетий создает превратное представление о деятельности политических представителей господствующих классов (Фридрих II, Бисмарк, Штреземан и др.), апологетизируя их.

[1] «Deutsche Geschichte», Bd. 1—3. Berlin, 1965—1968.
[2] «Lehrbuch der deutschen Geschichte (Beiträge)», Berlin, 1959—1969.

Германская история рассматриваемого в данном труде времени очень сложна и противоречива. Значительная часть его приходится на период феодальной раздробленности, уже преодоленной тогда в ряде соседних государств. На судьбы немецкого народа неизгладимый отпечаток наложила обусловленная всем ходом исторического развития особая реакционность господствующих классов, сила и живучесть милитаризма, оплотом которого была Пруссия с ее давними традициями военной муштры и агрессии.

Шли десятилетия, менялись объекты внешней экспансии, но Пруссия, а после 1871 г.— объединенная Германия закономерно представлялись современникам очагом реакции и источником агрессии. Такая точка зрения повлияла на многих историков, писавших об исторических путях развития Германии. Разумеется, речь идет отнюдь не о немецких буржуазных ученых, которые в своем подавляющем большинстве стояли — и стоят — на прямо противоположных позициях, изображая прошлое Германии сплошь розовой краской.

Одна из главных задач настоящего труда — возможно полнее показать те прогрессивные силы и движения германской истории нового и новейшего времени, которые противостояли господствующей реакции, подчас нанося ей ощутимые удары. Необходимо было проследить противоречивый ход освободительной борьбы немецкого народа, запечатлеть бурные взлеты народной энергии — и не только такие, как революции 1848—1849 и 1918 гг. (освещению этих узловых событий в нашем двухтомнике посвящены специальные главы), но и значительно менее крупные по масштабам, подчас еще не фигурировавшие в исторической литературе. Авторский коллектив опирался в этом смысле на ценные изыскания историков ГДР и СССР, осветивших ход массовой борьбы трудящихся против угнетения, многие имена замечательных борцов, в чьей деятельности воплотились славные революционные традиции немецкого народа.

Великие сыны немецкого народа Карл Маркс и Фридрих Энгельс создали научное мировоззрение революционного пролетариата. Достойными продолжателями их традиций были Коммунистическая партия Германии, такие деятели ее, как К. Либкнехт, Э. Тельман и многие другие, отдавшие свои жизни за народное счастье. Эти люди были наследниками нескольких поколений революционеров, которые в труднейших условиях вели неравную борьбу против абсолютистского режима, не теряя веры в победу.

Все это позволяет увидеть в историческом прошлом Германии зародыши тех сил, которые после второй мировой войны осуществили на востоке страны глубочайшие социальные преобразования и создали в лице Германской Демократической Республики оплот прогресса, цитадель социализма на немецкой земле. Рассмотрение

20-летней истории ГДР венчает собой изложение германской истории за длительный период, начальной гранью которого служит Великая крестьянская война.

Успехи трудящихся первого немецкого государства рабочих и крестьян показывают, что, сколь ни могущественны были в этой стране силы реакции, нашедшие наиболее полное выражение в гитлеризме, сколь незыблемым ни представлялось их господство, оно потерпело крах, и часть Германии пошла по социалистическому пути. В ГДР успешно осуществляются сокровенные мечты лучших представителей немецкого народа, боровшихся за светлое будущее. Руководящей силой строительства социализма является рабочий класс во главе с Социалистической единой партией Германии, твердо стоящей на позициях марксизма-ленинизма. В другом существующем ныне германском государстве — Федеративной Республике Германии — у власти находятся прежние властители — монополии и крупные землевладельцы. Но и здесь крепнут демократические силы, которые неминуемо одержат верх над теми, кто вверг мир в две мировые войны.

Основной теоретический фундамент двухтомника составляют труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. В этих трудах содержатся глубокий анализ и оценки различных аспектов германской истории в новое и новейшее время. Авторский коллектив стремился учесть все достижения германистики, что само по себе было нелегкой задачей, если иметь в виду современный размах исследований в этой области, особенно в изучении новейшего времени. Большое значение для данной работы имела 8-томная «История германского рабочего движения» [3], содержащая не только богатейший фактический материал, зачастую впервые вводимый в научный оборот, но — что еще важнее — глубоко аргументированные выводы по важнейшим проблемам исторического развития страны в XIX—XX вв. Усилиями историков ГДР созданы также исследования, которые заполнили много пробелов, имевшихся в марксистской литературе по германской истории; особую ценность этим работам придает то обстоятельство, что они, как правило, основаны на архивных источниках. Двухтомник опирается вместе с тем на многочисленные исследования советских германистов, тематика которых частично совпадает с трудами ученых ГДР, частично же дополняет их, расширяя фронт изучения германской истории.

Инициатором настоящего издания была Группа по изучению германской истории при Институте истории Академии наук СССР, а самый замысел принадлежит ныне покойному председателю ее, доктору исторических наук, члену-корреспонденту Германской

[3] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1—8, Berlin, 1966.

Академии наук в Берлине А. С. Ерусалимскому. Под его руководством и была начата работа над двухтомником, определены характер издания, его содержание. Основную работу научно-организационного и редакционного характера провел Л. И. Гинцберг, работу вспомогательного характера — О. В. Серова.

В ходе подготовки двухтомника, в особенности в связи с обсуждением рукописи на заседаниях Группы по изучению германской истории, редакционная коллегия получила ценные рекомендации ряда специалистов по различным разделам германистики — докторов исторических наук Р. А. Авербух, Л. Г. Бескровного, М. С. Восленского, А. Ф. Залетного, А. И. Молока, П. А. Николаева, Е. А. Степановой, Б. Г. Тартаковского, М. И. Орловой и др. Высказанные ими соображения во многом были учтены авторами соответствующих глав и помогли повысить научный уровень труда.

Рукопись двухтомника была внимательно прочитана также рядом научных сотрудников Института истории Германской Академии наук в Берлине, где в октябре—ноябре 1968 г. состоялось ее обсуждение. В рецензировании отдельных частей труда и его обсуждении участвовали проф. д-р В. Нимц, д-р Х. Беднарек, д-р Б. Вайсель, д-р Г. Вольтер, д-р Ф. Клейн, д-р И. Миттенцвай, проф. д-р В. Руге, д-р З. Томас, д-р Л. Томас. Каждый из них сделал исключительно ценные замечания, которые были использованы при окончательной доработке рукописи к печати.

Всем товарищам, оказавшим помощь в работе над двухтомником, редакционная коллегия приносит глубокую благодарность.

1

ГЕРМАНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Своеобразный характер исторического процесса в средневековой Германии заключался в обособленном развитии составлявших ее земель, в слабых экономических связях между ними. Экономическая разобщенность отдельных областей Германии явилась основой ее политической раздробленности, получившей свое оформление в сложившейся в XIII в. системе территориальных княжеств, формально связанных между собою императорской властью. Территориальные князья были полными суверенами в своих территориях.

В 1356 г. их суверенитет был официально санкционирован в «Золотой булле» императора Карла IV. Укреплению княжеского суверенитета способствовало и то, что до определенного этапа процессы экономической централизации были еще местными, т. е. концентрировали экономические связи вокруг местных центров [1]. Считавшие себя суверенами многочисленные князья, имперские графы, прелаты, верхушка знати имперских городов, игнорируя общие интересы страны и народа, стремились подчинить все развитие своих территорий своим обособленным целям. Политически раздробленная Германия все больше и больше уступала консолидировавшимся силам соседних народов, в среде которых развивался процесс формирования национального государства. Особенно обострилось положение во второй половине XV в., когда Германия оказалась в центре путей мировой торговли, когда и внутри стра-

[1] Ф. Энгельс характеризовал территориальных князей XIV—XV вв. как представителей централизации в самой раздробленности (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 348).

ны оживились экономические связи между ее разными частями. Произвол многочисленных духовных и светских князей, препятствовавший экономическому и культурному развитию страны, и осложнение международного положения вызывали широкое недовольство во всех слоях немецкого общества.

Подъем общественного движения, нарастая с большой силой, достиг своего апогея в первой четверти XVI в. в событиях Реформации и Великой крестьянской войны, которые Энгельс характеризовал как первую в Европе крупную битву против феодального строя.

Для понимания характера этой бурной эпохи и выяснения того места, которое она занимает в истории немецкого народа, необходимо ближе ознакомиться с экономическим и политическим положением Германии, с социальной борьбой и общественным движением в стране перед Реформацией.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДЪЕМ В XV — НАЧАЛЕ XVI В.

Выгодное положение Германии на путях мировой торговли явилось исходным пунктом для сдвигов в области развития промышленного производства в городах и в городских округах. Необходимость удовлетворения массового спроса на отдаленных рынках Германии и других стран стимулировала успехи в развитии производительных сил как в деле технических усовершенствований, так и в разделении труда и вела к зарождению новых форм производства.

Условия для зарождения элементов капиталистических отношений сложились в горном деле. Недра земли разрабатывались в средние века в Германии свободными рабочими. Беглые зависимые крестьяне, если они работали на горных промыслах, не могли быть затребованы феодалами. Уже в 40—50-х годах XV в. на серебрянорудных разработках Рудных гор, Тироля и в других областях конфликты о заработной плате, о рабочем времени, о надзоре за рабочими, о штрафах с них и т. д. становились весьма острыми.

Новые методы производства способствовали быстрому развитию текстильной промышленности. Выделка шерстяных тканей стала в Германии, как и в других странах Западной Европы, важной отраслью, продукция которой вывозилась на отдаленные рынки.

Рост промышленности, сконцентрировавшейся вокруг местных центров, усиливал хозяйственную зависимость одних областей от других, результатом чего было расширение обмена между ними.

Это подтверждается оживлением межтерриториальной торговли разнообразными предметами питания и широкого потребления [2].

О том же говорит возникшая к середине XV в. сеть внутригерманских торговых путей. Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Страсбург, Гейльбронн, Франкфурт-на-Майне и промышленный район Боденского озера окружены были паутиной расходящихся веером торговых дорог. Эти локальные пути были связаны с большими магистральными путями: с Дунайской магистралью, соединявшей юго-западную, южную и юго-восточную части страны; с путем, связывавшим юг страны с районами ганзейской торговли на севере, а также с путями, соединявшими пункты Верхнего и Нижнего Рейна, и с теми, которые вели через Среднюю Германию на восток. Средняя Германия оказалась в центре перекрещивавшихся торговых путей. Лейпциг, Эрфурт, Галле и другие города Саксонско-Тюрингенского района соединяли районы Дуная, Рейна и Эльбы [3].

Внешняя торговля Германии велась отдельными городами, занимавшими выгодное для этого географическое положение. Политическую защиту и покровительство города раздробленной Германии могли получить лишь от организованных ими объединений, от городских союзов. Крупнейшим из них была северогерманская Ганза, охватившая уже к середине XIV в. почти все германские города, расположенные на берегах Северного и Балтийского морей, и ряд других, связанных реками с торговыми путями на северном побережье Европы. Штральзунд, Росток, Висмар, Любек, Гамбург и Бремен, образовавшие ядро Ганзейского союза, и другие северогерманские и нижнерейнские города, находившиеся в центре северных торговых путей, стремились сосредоточить в своих руках всю посредническую торговлю между Россией, Скандинавскими странами, Англией и Нидерландами. Для этой цели Ганзейский союз основал свои заграничные торговые конторы в Новгороде, Каунасе, Бергене, Стокгольме, Брюгге, Лондоне и других городах.

XIV—XV века были временем утверждения международных торговых связей Германии, временем создания предпосылок к еще большему распространению в важнейших отраслях промышленности форм массового производства. Однако до последних десятилетий XV в. торговля, как и промышленность, была еще в основном связана в Германии с порядками и строем немецкого феодализма и средневекового городского права. Возникавшие хозяйст-

[2] *H. Bechtel.* Wirtschaftsstil des deutschen Spätmittelalters. München — Leipzig, 1930, Kap. XI—XII.
[3] «Deutsche Geschichte», Bd. I. Berlin, 1965. S. 462—463.

венные явления не выступали еще как элементы принципиально нового строя общественных отношений. Магистраты крупных городов в проведении запретительной политики сочетали свою заинтересованность в дальней торговле с охраной цеховых ограничений, с таможенной системой, имевшей для князей и городов в первую очередь фискальное значение.

Расширение внутренних и международных торговых связей и рост богатств в немецких городах имели результатом дальнейшее развитие элементов капиталистического производства. В текстильной промышленности и отчасти в области изготовления металлических изделий все больше места занимала система авансирования (Verlagsystem), при которой разрозненные ремесленники подчиняются организующей деятельности купца-предпринимателя, авансирующего их деньгами и доставляемым издалека сырьем.

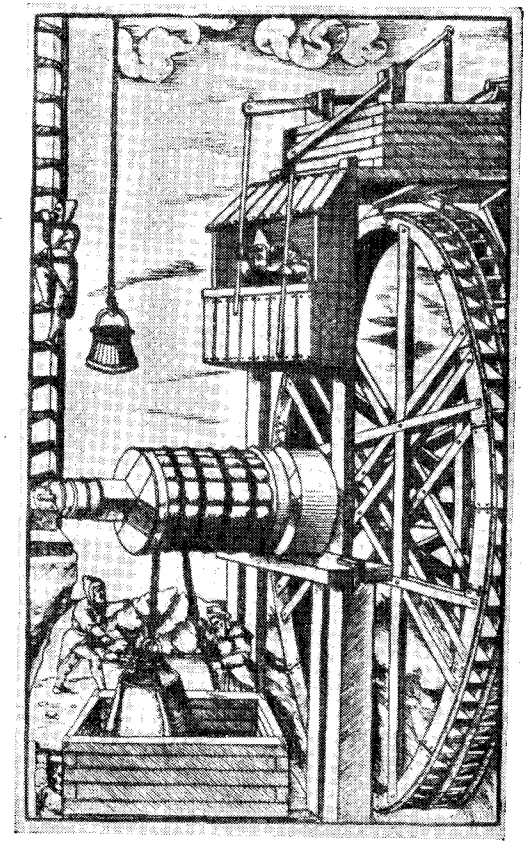
Руководящая деятельность купцов-предпринимателей выражалась главным образом в расчленении процесса производства и распределении его отдельных звеньев между непосредственными производителями, теряющими таким образом свою экономическую самостоятельность и постепенно превращающимися в наемных рабочих.

Система рассеянной мануфактуры получила распространение во многих городах и преимущественно в городской округе, где не существовало цеховой регламентации. За пределами городов развивалось внецеховое производство. В ряде центров производства легких тканей, в Шварцвальде и в районе Герлица — на восточной окраине земли Лаузиц, — возникали вне пределов влияния цехов крупные мастерские по производству тканей, представлявшие собой комбинацию централизованной и рассеянной мануфактуры [4].

В отдельных центрах текстильной промышленности, например в производстве шелка, цеховая организация подрывалась изменениями, происшедшими внутри самих цехов.

В первые три-четыре десятилетия XVI в. усилились элементы капиталистического производства в горном деле. По самым скромным подсчетам, в первые десятилетия XVI в. в горной промышленности Германии было занято свыше 100 тыс. человек. По добыче серебра Германия значительно превосходила все остальные страны Европы, вместе взятые. Добыча золота и серебра оказалась, по мнению Ф. Энгельса, «последним толчком, поста-

[4] *E. Gothein.* Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes. Bd. I. Strassburg, 1892, S. 524—525; *H. Bechtel.* Wirtschaftsstil des deutschen Spätmittelalters, S. 180—181.



Использование водяного двигателя в горных разработках в конце XV в.

Современная гравюра

вившим Германию в 1470—1530 гг. в экономическом отношении во главе Европы и тем самым сделавшим ее центром первой буржуазной революции в религиозном облачении так называемой Реформации» [5].

Однако около середины и во второй половине XVI в. выявилась невозможность дальнейшего развития горного дела Германии по капиталистическому пути. Обладатели горных регалий, феодальные собственники недр земли — территориальные князья, герцоги и графы, — не только присваивали себе огромную долю продукции рудников и плавилен, не только не допускали свобод-

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 229.

ного распоряжения остальной ее частью, но и вообще стремились полностью подчинить себе горное и плавильное дело. Саксонские герцоги и действовавшие от их имени должностные лица держали в своих руках все управление серебрянорудными разработками — привлечение капиталов, организацию работ, наем рабочих, распределение прибылей и т. д. Регальные собственники горных недр Тироля Габсбурги рассматривали серебрянорудные и меднорудные богатства этой земли как материальную основу своей великодержавной политики, своей военной и финансовой мощи [6].

С расцветом товарного производства и с распространением ранних форм капитализма связаны значительные изменения в аграрных отношениях. Увеличение спроса на шерсть, лен и продукты питания стимулировало в деревне рост овцеводства, расширение посевов технических и продовольственных культур.

С начала XVI в. землевладельцы в большей степени, чем раньше, учитывали возросшую доходность сельского хозяйства. Они принимали меры к укреплению феодальной собственности на землю путем превращения наследственных держаний крестьян в пожизненные, а пожизненные в срочные. Это вело к ухудшению условий крестьянского держания, к увеличению феодальных поборов — как регулярных, так и взимавшихся при определенных случаях (рождение, брак, смерть в семье крестьянина, продажа имущества и т. п.). Одновременно с этим феодалы расширяли свои собственные хозяйства. Там, где это представлялось возможным, они насаждали овцеводство и отводили новые участки земли для возделывания льна, конопли, вайды и других технических культур.

Феодалы стремились обратить все выгоды от подъема в области сельского хозяйства и развития товарного производства исключительно в свою пользу. Даже зажиточные слои крестьянства испытывали гнет феодальной реакции, сильно препятствовавший самостоятельному развитию крестьянского хозяйства и буржуазных отношений в деревне [7].

[6] См. *М. М. Смирин.* К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969, гл. 1—4.

[7] См. *М. М. Смирин.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией. М., 1952, гл. 2; *H. Mottek.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands, Bd. I. Berlin, 1964, S. 234—238.

ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ГЕРМАНИИ. СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ПЕРЕД РЕФОРМАЦИЕЙ

Развитие элементов капиталистического производства в Германии и социальной дифференциации общества тормозилось продолжавшимся и усиливавшимся княжеским мелкодержавием — политической раздробленностью. Германская империя представляла собою к началу XVI в. конгломерат самостоятельных и фактически разобщенных территорий, считавшихся «имперски непосредственными» (reichsunmittelbare) землями. «Членами империи» были имперские князья (наиболее влиятельными из которых были курфюрсты). В империю входили имперские графства и прелатства, а также имперские города. Кроме того, империя включала самостоятельные территориальные единицы (их насчитывалось до тысячи), отличавшиеся друг от друга как своими размерами, так и своим экономическим и политическим значением.

Сильнейшим княжеским домом был дом Габсбургов, за которым с 40-х годов XV в. утвердилась императорская корона. Владения Габсбургов состояли из Нижней и Верхней Австрии, Тироля, славянских земель — герцогств Штирии, Каринтии и Крайны, ряда наследственных земель на Верхнем Рейне («Передняя Австрия»), графства Бургундии и Нидерландов. С 1526 г. в состав габсбургских владений включены были королевство Чехия и часть Венгрии. Совокупность территорий и наследственных земель Габсбургов образовала крупную державу, претендовавшую на господствующую роль во всем христианском мире. Империю Габсбурги рассматривали как орудие своей великодержавной политики. Однако внутри империи с Габсбургами соперничали сильное герцогство Бавария и курфюршество Саксония, расположенное в богатом серебром и другими металлами районе Средней Германии. В то же время в империю входили мелкие территории, часто ограничивающиеся рамками одного города или одного монастыря.

Вся эта пестрая масса крупных, средних, мелких и мельчайших властителей находилась в постоянной междоусобной вражде. Независимо от размеров своей территории территориальный князь рассматривал себя полным сувереном, используя слабость императорской власти для подчинения дворянства и расположенных на его территории городов. Такой князь чеканил монету, собирал налоги, творил суд и старался перещеголять соседей блеском своего окружения, пышностью двора и прежде всего богатством и мощью своей армии.

Тяжесть налогов, взимавшихся для удовлетворения этих потребностей, подрывала экономику и тормозила предпринимательскую деятельность. Суверенитет территориальных князей самым отрицательным образом сказывался на экономическом развитии страны. Главное заключалось в том, что немецкие купцы и предприниматели лишены были государственной помощи и поддержки. В деловых связях и борьбе с конкурентами из других стран они могли рассчитывать только на собственные силы и на свои частные союзы.

В этих условиях в наиболее выгодном положении оказались крупные южногерманские торгово-ростовщические фирмы Фуггеров, Вельзеров, Гохштеттеров, Баумгартнеров и др., которые предоставляли займы постоянно нуждавшимся в деньгах немецким князьям, в том числе Габсбургам. Займы гарантировались и оплачивались богатствами недр территорий этих князей. Князья и императоры из габсбургского дома наделяли, кроме того, своих кредиторов привилегиями и монопольными правами, которые те могли использовать в борьбе с конкурентами.

Опираясь на силу своих торговых привилегий и монополий, а не только на финансовые связи, Фуггеры и некоторые другие торгово-ростовщические компании создавали для других предпринимателей, не обладавших привилегиями, серьезные препятствия в получении сырья и сбыте готовых изделий. Предприниматели-раздатчики из среды бюргерства, владельцы мануфактур, главным образом рассеянных в городской округе, подрывали своей деятельностью цеховые устои в городах и являлись носителями прогрессивных тенденций в промышленном производстве. Но они оказались бессильными перед лицом торгово-ростовщических компаний.

Отсюда возмущение, которое вызывала в кругах немецкого бюргерства деятельность этих компаний, наделенных регально-феодальными привилегиями, тем более что южнонемецкие торгово-ростовщические фирмы пренебрегали интересами экономического развития Германии, подчиняя их своим многообразным торгово-монополистическим, промышленным и ростовщическим интересам в ряде других стран.

Классовая структура предреформационной Германии отличалась особой сложностью. Конфликты между угнетенными и эксплуататорскими классами переплетались с ожесточенной борьбой внутри самого господствующего класса — между соперничавшими друг с другом суверенными князьями, между светскими и духовными князьями, между высшими духовными и светскими феодалами, с одной стороны, и мелким рыцарством — с другой, а также с разногласиями и противоположными интересами внутри бюргерства разных районов страны. В раздробленной Германии

объединение разнообразных течений оппозиции встречало особые трудности и фактически оказалось невозможным.

Средний слой бюргерства включал мастеров, ремесленников, торговцев и т. п., страдавших от непосильных налогов, от постоянных междоусобных войн и грабежей на больших дорогах, от засилья привилегированных компаний. В среде бюргерства все больше нарастало оппозиционное настроение, но в условиях политической раздробленности немецкое бюргерство, в отличие от среднего слоя горожан в других странах Европы, где тогда создавались крупные абсолютистские монархии, не сформировалось в класс общенационального масштаба и не смогло объединить вокруг себя другие оппозиционные силы. В большинстве своем бюргерская масса проявляла свою оппозиционность в решении вопросов местного характера и не ставила перед собою широких политических целей. Что касается прослойки, которая к тому времени вступила на путь буржуазных отношений, то ее удельный вес в общей массе бюргерства был еще сравнительно невелик.

Оппозиционностью и политической активностью выделялось немецкое мелкое дворянство, оказавшееся в критическом положении. Потеряв свою прежнюю роль военной силы вследствие развития техники военного дела — изобретения пороха и роста значения пехоты,— рыцарство желало укрепления империи, создания централизованного крепостнического государства, опирающегося на класс феодалов. Идеологи дворянства выражали недовольство всевластием князей, особенно засильем высшей церковной иерархии, являвшейся агентурой папского Рима. Но они не могли встретить сочувствия у других слоев оппозиции: рыцарский идеал крепостнического государства был неприемлем ни для бюргерства, ни тем более для широкой массы крестьянства и городского плебса.

Народные низы при всей пестроте их состава объединяло то, что все они — крестьяне, плебеи, деклассированные элементы и наемные рабочие — не имели никаких прав и подвергались эксплуатации со стороны всей феодальной иерархии. Отверженные феодальным обществом народные низы были настроены против самих основ феодального строя.

Характеризуя городское плебейство начала XVI в. в Германии, Энгельс различал в нем три группировки: 1) разорившихся и обедневших горожан, потерявших свое место в обществе, 2) подмастерьев, стоявших вне официального общества, но еще лелеявших несбыточную мечту занять в будущем какое-то место в цеховой системе, и 3) выброшенных из деревни крестьян и отпущенных слуг, которые образовали зародыши пролетариата[8]. Последний

[8] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 354—355.

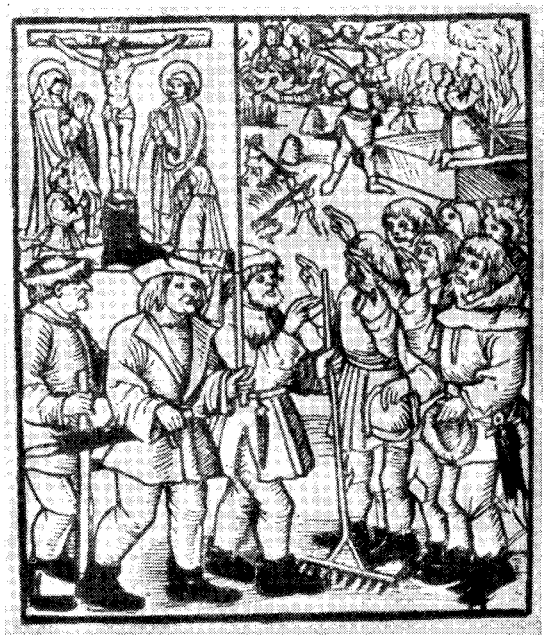
слой стоял ближе всего к крестьянам и был их самым надежным союзником в антифеодальной борьбе. Из его среды вышли талантливые и смелые организаторы во время крестьянских революционных выступлений и во время Великой крестьянской войны.

Существование крестьянско-плебейского лагеря не могло не оказать влияния на радикальные элементы бюргерства и на общий характер бюргерской оппозиции. Уже в 30—40-х годах XV в. в Германии проявилось общеполитическое значение народных выступлений. Юго-западные земли подверглись тогда нашествию вооруженных банд арманьяков, состоявших во время Столетней войны на службе французского короля. Под предводительством дофина Людовика (будущего короля Людовика XI) они разоряли рейнские земли, совершая грабежи, поджоги и убийства. Немецкие князья и феодалы, так же как и германский император, не только не препятствовали действиям арманьяков, но, наоборот, призывали их и помогали им, надеясь таким путем подавить сопротивление крестьян и покончить с нараставшей оппозицией в городах.

Однако чужеземные захватчики встретили энергичный отпор народных масс, прежде всего крестьянства. Образовавшиеся на обоих берегах Рейна отряды и группы патриотов устраивали засады, нападали на арманьяков, прерывали связь между отрядами, лишая их регулярного снабжения. В 1444—1445 гг. армия дофина Людовика была разбита. Разрозненные и деморализованные остатки ее были изгнаны.

В ходе этой борьбы народные отряды впервые развернули свое боевое знамя, на котором рядом с изображением богородицы был нарисован крестьянский башмак с длинными шнурами. После этого знамя «Башмака» стало символом, призывающим крестьян и всех, кто им сочувствует, к борьбе против феодалов и князей. В 1460 г. под знаменем «Башмака» восстали крестьяне земли Гегау (на правом берегу Рейна — западнее Боденского озера). Восстание вызвало большую тревогу среди феодалов всей Юго-Западной Германии. В 1493 г. в Эльзасе был раскрыт заговор, подготовленный тайным союзом крестьян и горожан. План участников заговора заключался в том, чтобы, захватив город Шлетштадт, поднять знамя «Башмака». Они были уверены, что это привлечет в их ряды массу простого люда, достаточную для захвата власти, после чего они намеревались внести ряд изменений в судопроизводство, упразднить некоторые из княжеских поборов и ликвидировать ростовщичество.

С начала XVI в. деятельность тайных обществ, готовивших восстания под знаменем «Башмака», усилилась. Отличие тайных обществ этого времени от эльзасского заговора 1493 г., во главе которого стояли бургомистр города Шлетштадта Ганс Ульман и другие представители радикального бюргерства, заключалось в том, что в заговорах 1502, 1513—1514 и 1517 гг. не только ядро заговорщиков, но и руководящие деятели принадлежали к крестьянско-плебейскому лагерю [9].



Присяга крестьян перед знаменем Союза башмака (на знамени изображен распятый Христос, стоящий на башмаке).

Современная гравюра

В 1502 г. тайное общество было раскрыто в Шпейерском епископстве на Рейне. Участники заговора намеревались совершить переворот в маркграфстве Баденском и в других землях с целью осуществления намеченной ими программы. Они считали необходимым раздел между крестьянами имущества духовенства, сокращение числа духовных лиц, упразднение всех феодальных платежей и феодальной зависимости вообще, возвращение крестьянам в свободное пользование всех узурпированных общинных угодий. Руководители тайного общества видели свою задачу в подготовке боевых групп, которые захватят город Брухзаль в качестве опорного пункта, а затем, подняв знамя «Башмака», поведут народные массы в военный поход по всей стране.

[9] См. *М. М. Смирин.* Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией, стр. 351 и сл.

Но до открытого выступления не дошло, так как планы заговорщиков были выданы властям предателем. Большинство руководителей общества были арестованы и казнены. Только самый смелый и талантливый руководитель — молодой крестьянин из деревни Унтергрумбах Йосс Фриц сумел спастись от ареста.

Жестокая расправа с участниками и сторонниками одной из тайных организаций не привела к прекращению их деятельности. Период между 1502 и 1513 гг., когда было раскрыто новое тайное общество, Ф. Энгельс характеризует как время кажущегося длительного затишья в классовой борьбе; в Швабии и Шварцвальде продолжали «втихомолку» действовать рассеянные члены тайного союза и революционных кружков. В 1513 г. революционная деятельность выступила наружу. Это выступление Энгельс ставит в связь с тем, что 1513 и 1514 были тревожными годами, когда в ряде феодальных стран обнаружился подъем крестьянской борьбы против усиления феодальной реакции [10].

Центр раскрытого в 1513 г. общества находился в деревне Леене, около города Фрейбурга в Брейсгау. Во главе его стоял уже упоминавшийся Йосс Фриц, который старался придать движению широкий характер и вовлечь в него представителей разных слоев оппозиции. Он по-разному подходил к каждому вербуемому, применяя гибкие формы пропаганды. Больше всего внимания Йосс Фриц и его товарищи уделяли крестьянам и плебеям. Обращаясь к ним, они указывали на факты усиления феодального нажима, на массовое закрепощение крестьян и призывали к объединенным действиям против этого.

Имея в виду прежде всего интересы крестьянской массы, руководители заговора 1513 г. направили острие своей пропаганды против феодальной реакции. Однако цели движения были шире, чем чисто аграрные требования. Ф. Энгельс связывает с этим обстоятельством и организационную структуру тайного общества. «...Весьма вероятно, — писал Энгельс об Йоссе Фрице, — что он организовал даже несколько более или менее резко обособленных друг от друга ступеней заговора. Все пригодные элементы были использованы с величайшей осмотрительностью и искусством» [11].

Тайным обществом 1513 г. выдвинуты были также политические требования, имевшие в то время всеобщее значение и способные объединить не только крестьян и плебеев. Наиболее важным из них было требование упразднения всех властей, кроме власти императора, да и та признавалась только при условии, что импе-

[10] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 382—383.
[11] Там же, стр. 383.

ратор присоединится к восставшему народу. В противном случае заговорщики намеревались его свергнуть и обратиться за помощью и руководством к швейцарцам. Пункт об упразднении всех властей, кроме императора, был выражением стремления установить государственное единство и устранить всех территориальных князей.

В 1517 г., уже незадолго перед выступлением Лютера и началом реформационного движения, был раскрыт план нового выступления под знаменем «Башмака». Во главе заговора стояли все тот же оставшийся неуловимым Йосс Фриц и Штофель из города Фрейбурга. В программных требованиях не выдвигалось никаких задач местного значения. Они очень лаконичны и даны в самой общей форме, способной объединить всех противников существующего строя: «Чтобы все ренты, чинши и платежи были полностью упразднены; за исключением императора и церкви, никому ничего не давать; не признавать и не покоряться никакой господской власти» [12].

В плане восстания городам отводилось важное место. Организаторы стремились добиться поддержки восставшего народа со стороны значительной части бюргерства. Вербовщиками выступали большей частью ремесленники разных профессий.

Деятельность тайных революционных организаций отражала нарастание антифеодальной борьбы народных масс и складывание крестьянско-плебейского лагеря. Недовольство широко распространялось также в среде бюргерства и мелкого дворянства.

Оппозиция большей части бюргерства носила умеренный характер. Она касалась в основном внутригородских дел и направлялась против патрициата и его бесконтрольного управления городскими делами и финансами. Значительно более радикальны требования тех элементов бюргерства, чья предпринимательская деятельность была связана с зарождавшимися капиталистическими отношениями. Их требования, направленные против раздробленности Германии, против произвола княжеских клик, отражены уже в памфлетах XV в. [13]

Памфлетная литература, содержавшая требования коренных политических преобразований, получила в предреформационной Германии большое распространение. В 1476 г., в то время как во Франконии происходило крестьянское восстание, был впервые напечатан радикально-бюргерский памфлет, известный под названием «Реформация императора Сигизмунда», написанный неизвест-

[12] *A. Rosenkranz*. Der Bundschuh, Bd. II. Quellen. Heidelberg, 1927, S. 308—309.
[13] См. *М. М. Смирин*. Очерки истории политической борьбы в Германии перед Реформацией, гл. III.

ным автором в конце 30-х годов XV в. В этом документе изложена подробная программа реформ, имеющих целью устранение княжеского мелкодержавия, утверждение принципа права взамен строя, основанного на привилегиях, подчинение церковных учреждений государственному управлению и проведение социальных и экономических реформ в государственном масштабе [14].

КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ В НАЧАЛЕ XVI В. И ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

К началу XVI в. в странах Центральной и Западной Европы чрезвычайно возросли материальные и политические претензии католической церкви, ставшей весьма влиятельной международной силой со сложным и широко разветвленным организмом. Папский Рим был главой «вселенской» католической церкви и одновременно столицей церковного государства, имевшего свое войско и свой судебно-административный и финансовый аппарат. Как ни велики были доходы папской казны, притекавшие в Рим из разных католических стран, их, тем не менее, не хватало для удовлетворения потребностей католической иерархии, активно вмешивавшейся в войны и интриги между европейскими государствами, и для покрытия огромных расходов по содержанию пышного папского двора. Папы и их многочисленное окружение изыскивали все новые средства путем введения дополнительных поборов, продажи духовных должностей и привилегий, «отпущения грехов».

Огромные суммы доставляли папской казне назначения на высшие духовные должности — епископов и аббатов. Всюду, где представлялось возможным, папы отстаивали свое право на такие назначения и получали при этом конфирмационные деньги. За утверждение архиепископа папа получал 10 тыс. золотых гульденов.

Кроме того, архиепископ обязывался приобрести в Риме за большие деньги так называемую паллию, шерстяную ленту, служившую доказательством его первосвященнической власти. С церковных приходов папы брали при каждом назначении доход первого года и еще единовременную плату. Все эти суммы по существу оплачивались населением приходов.

[14] *M. Steinmetz.* Deutschland von 1476 bis 1648. Berlin, 1965, S. 40—41.

Важное место в бюджете папского двора занимала продажа должностей, дававших право на получение платы из папской казны. По существу покупная сумма таких должностей была займом, который предоставлялся папе, а регулярная ежегодная плата по каждой такой должности — процентом по этим займам. Продажа должностей практиковалась особенно в начале XVI в. в связи с войнами, которые вели папы Юлий II (1503—1513) и Лев X (1513—1521). Первый из них в 1507 г. создал в своей канцелярии 101 новую должность, выручив таким путем 74 тыс. дукатов. Десять лет спустя, в 1517 г., его преемник, Лев X, готовясь воевать за расширение Папской области, сотворил еще ряд должностей, в том числе 31 новую должность кардинала. О финансовом значении этой операции можно судить по тому, что купивший тогда звание кардинала папский врач заплатил за него 30 тыс. дукатов. Из этой операции Лев X выручил 800 тыс. дукатов.

Но папское безденежье было хроническим и притом возрастающим явлением. В поисках источников новых пополнений своей казны папы и их многочисленная армия чиновников в центре и на местах ни перед чем не останавливались, прибегая к откровенным формам вымогательства. Взимание доходов и продажу духовных должностей папы отдавали на откуп ростовщикам, в том числе и Фуггерам.

Для своих претензий на крупные поборы, на продажу индульгенций и вообще на то, чтобы распоряжаться материальными благами мира, папский Рим выдвигал своеобразные «идеологические» основания. Основным пунктом этой идеологии было учение об исконной «греховности» земного существования человека. Католические богословы учили, что сами люди неспособны освободиться от «греховности»; это может быть сделано только богом. Вместе с тем, согласно католической догматике, бог поместил на грешной земле свою церковь, которая осуществляет «спасение душ». Действия, ведущие к этой цели, недоступны человеческому пониманию; они представляют собою «таинства», порученные богом католической церкви вместе с правом распоряжаться «божественной благодатью». От христианина требуется только принадлежать к церкви и выполнять предписанные обряды. Католическая церковь не требует от человека внутреннего раскаяния в совершенных им грехах. «Спасение души», или «оправдание», следует механически в результате выполненного обряда (ex opere operato).

Католическая церковь объявляет себя «уполномоченной» не только распределять божью благодать, но и перераспределять ее, передавая одним то, что предназначено для других. Это обосновывается догмами о единстве мистического «христианского тела» (corpus christianum) и о том, что церкви поручено распоря-

жаться заслугами «святых». Этими догмами католические богословы аргументировали продажу грамот об отпущении грехов[15].

Папы и высший католический клир вполне сознавали свое значение в феодальном мире. Папский Рим не без основания считал себя оплотом существующего строя в его борьбе против подымающихся антифеодальных сил, а в конце средних веков — против начавшегося процесса национальной консолидации народов. Отсюда притязания высшего католического духовенства во главе с папой на то, чтобы установить свою политическую гегемонию, подчинить себе светскую власть, использовать свое влияние в целях обогащения. Папские дипломаты, сборщики церковных поборов и продавцы индульгенций устремлялись во все страны Европы.

Все эти и многие другие подобные явления обращали на себя внимание и вызывали недовольство не только в народных низах, не только в бюргерских кругах, но и в высших светских слоях общества, в среде светских князей. Всюду говорили об «обмирщвлении» церкви, о том, что церковь погрязла в неблаговидных материальных делах, испортилась и совершенно забыла о своем духовном назначении. Повседневные наблюдения за образом жизни монахов, высшего и низшего клира убеждали в этом. Один автор XV в. писал о немецких епископах, что их дело — «скакать на лошадях, добывать себе большие почести, набивать карманы, есть хороших кур и бегать за публичными женщинами». На имперских сеймах большинство духовных князей появлялось в таких костюмах, что их, по словам некоторых наблюдателей, можно было принять за музыкантов.

XV—XVI вв. были временем, когда ряд европейских стран встал на путь государственной централизации. Во всех слоях общества и в правительственных кругах этих государств политическая деятельность многообразной, разветвленной по всем странам папской агентуры, отражавшая претензии католической церкви на верховную надгосударственную власть во всем христианском мире, вызывала особое возмущение и ненависть. Даже в церковных кругах этих государств нарастала оппозиция против папистского монархизма, которому противопоставлялась идея о том, что авторитет церковных соборов должен считаться выше папского авторитета. Деятели этого так называемого «соборного движения» отказывались признавать богоустановленность и особое величие римского папы.

«Вселенские» церковные соборы XV в.— Констанцский (1414—1418) и Базельский (1431—1449) — отвергли новые для того времени догматы о папском верховенстве, о его «непогрешимости»

[15] *А. Н. Савин.* Религиозная жизнь Европы эпохи Реформации. М., 1914, стр. 68—70 и след., 85—95 и след.

и праве издавать всеобщие и обязательные для всех верующих приказы. Решения Базельского собора об ограничении папских прав были приняты к руководству рядом правительств. Иным было положение в политически раздробленной Германии, где представители высшего католического клира чувствовали себя полными хозяевами. Многие епископы и другие высшие церковные чины были в Германии территориальными князьями. Папские легаты, посланные для сбора денег и для проповедей, действовали там бесцеремонно, вплоть до открытых продаж индульгенций. Среди светских князей было сильно желание действовать в духе постановлений Базельского собора. Они, однако, не обладали ни достаточной реальной силой, чтобы противостоять многообразной папской агентуре внутри Германии, ни необходимой для этого твердостью. Император Максимилиан I, следуя примеру английского короля, намеревался не пускать папских легатов в пределы империи. Однако в борьбе против императора папа мог рассчитывать на поддержку духовных князей, на немецкий епископат, на раздоры и соперничество внутри империи и — не в последней степени — на общую боязнь имущих классов перед восстанием народных низов.

Особое положение церкви в Германии содействовало обострению внутреннего положения. Вопрос об освобождении Германии от папского произвола стал национальной задачей. Требования церковной реформы содержались в каждой из выдвигавшихся тогда программ политических преобразований. Правда, каждая социальная группировка понимала реформу по-своему. Все же в требовании церковной реформы все разрозненные элементы общественной оппозиции нашли на некоторое время общую платформу. Подъем общественного движения бурно нарастал.

ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ДО РЕФОРМАЦИИ

В идеологической подготовке общественного подъема эпохи Реформации очень велика роль гуманистического движения. Возникновение и развитие гуманистической идеологии в Германии было обусловлено бурным расцветом рейнских и южнонемецких городов, ростом их богатств, зарождением новых производственных отношений, развитием международных связей и крупными успехами естественных наук. Успехам гуманистического движения в немалой степени содействовал и кризис самой теологии, представители которой стремились разграничить сферы науки и религии или же пытались «рационализировать» теологию, т. е. объяснять вопросы религии при помощи науки, что неизбежно вело к подрыву самих основ богословия, веры в авторитет.

Среди немецких гуманистов были люди из самых разнообразных слоев городского населения: молодые университетские магистры, странствующие поэты, проповедники и вообще образованные горожане. По примеру Италии немецкие гуманисты создавали в богатых городах кружки для изучения произведений античных авторов, но в отличие от своих итальянских собратьев развивали свою деятельность не при княжеских дворах, а главным образом при университетах. Сами немецкие университеты оставались еще в XV и в начале XVI в. очагами старых схоластических воззрений. Однако среди массы студентов имелись такие, которых схоластическая «наука» уже не удовлетворяла. Они жадно слушали молодых профессоров, развивавших в своих лекциях идеи раннего итальянского Возрождения. Новое направление мысли отстаивало самостоятельный характер наук по отношению к богословию.

В Германии виднейшие гуманисты выражали настроения тех передовых горожан, которые не могли мириться с жалким состоянием страны, раздираемой княжескими распрями и подвергающейся грабежу папской агентуры. Внимание более радикальных немецких гуманистов привлекали не только абстрактные вопросы религии, философии и морали, но и проблемы, волновавшие широкие оппозиционные круги: национальное развитие немцев, роль папского Рима в унижении Германии и др.

Пропаганду научных знаний, высоких моральных качеств и положительного отношения к радостям земной жизни, обличение невежества и грубости богословов, монахов и церковников мы находим уже у немецких гуманистов второй половины XV в.— Рудольфа Агриколы (1444—1485), Якова Вимпфелинга (1450—1528), поэта-гуманиста Конрада Цельтиса (1459—1508), лирические стихи которого проникнуты жизнерадостным мироощущением, прославлением человеческой природы, свободы человеческого духа и достижений культуры. Уже для ранних немецких гуманистов характерно сочетание интереса к общечеловеческому развитию с национальными мотивами. Обличительные произведения Вимпфелинга, где он бичует грубость монахов, связаны с ярко выраженной у него национальной тенденцией, со стремлением устранить препятствия на пути процветания и культурного подъема Германии.

Период настоящего расцвета гуманистической литературы в Германии, ее насыщения новыми передовыми идеями начался с 90-х годов XV в. на фоне общественного подъема в стране и нараставшего массового движения. В 1494 г. появилась на немецком языке книга «Корабль дураков» («Das Narrenschiff») — сатира, написанная и иллюстрированная профессором Базельского университета Себастьяном Брантом (1457—1521). Это рассказ о шумной толпе дураков, устремляющихся на корабль с целью отправиться в страну глупости Наррагонию. В этой толпе собраны представители разных слоев германского общества. Как и другие немецкие писатели-гуманисты, автор «Корабля дураков» разоблачает и высмеивает порочных и невежественных попов, распутных монахов, идущих на любые преступления ради денег. Себастьян Брант выступает в этом произведении как горячий сторонник государственного единства Германии и резко нападает на князей. Сатира Бранта содержит и социальные мотивы — осуждение роскоши, спекуляции и ростовщичества, обрекающих народные массы на бедность. Между тем, пишет он, все великое и благородное в истории связано с активностью бедных людей. Брант называет имена государственных деятелей и ученых, выходцев из простонародья, и приводит пример древнего Рима, построенного пастухами и управлявшегося долгое время простыми людьми, который затем был приведен к гибели управлением богатых. В книге Бранта звучит также разоблачение рыцарей и знатных господ, которые кичатся «благородством» своего происхождения, не обладая ни доблестью, ни подлинным благородством души [16].

Вскоре после «Корабля дураков» Бранта появилась сатирическая поэма «Рейнеке-Лис», отражающая протест и возмущение актами феодального произвола, политическими неурядицами и господством грубой силы, характерными для политической обстановки в Германии [17].

Сильной стороной таких произведений гуманистической литературы, как сатира Бранта и поэма «Рейнеке-Лис», была их близость к народной жизни, глубокие симпатии к трудолюбию народных масс, создающему условия для национального процветания. Но средства к улучшению жизни и устранению зла они видели не в борьбе с эксплуататорами, а в просвещении и воспитании добрых нравов. Так, видный поэт-гуманист XVI в. Эобан Гесс (1488—1550), активно участвовавший в борьбе с богословами-обскурантами и резко выступавший против дворянства, считал основным средством спасения Германии распространение знаний и воспитание внутреннего благородства. В книге стихов «О подлинном благородстве» (1515 г.) Эобан Гесс писал, что последнее «коренится лишь в добродетели и знаниях», что «только они делают бессмертными, все остальное тленно» [18].

Замечательный гуманист, профессор поэзии Тюбингенского университета Генрих Бебель (1472—1518) избрал жанр фацетий (шванков), коротких новелл, насыщенных фольклорным матери-

[16] *S. Brant.* Das Narrenschiff. Berlin, 1958, S. 177.
[17] См. *Б. И. Пуришев.* Очерки немецкой литературы XV—XVII вв. М., 1955, стр. 43—45.
[18] Там же, стр. 76.

алом и остро обличительных по своему содержанию; в них высмеивались нравы духовенства, схоластика и сама церковная догматика. Среди фацетий Бебеля имеются и такие, которые проникнуты мотивами антифеодальной борьбы крестьян. Примером может служить один из его шванков, повествующий о волке, обвиненном в грабеже и заявившем, что его преступление, вызванное голодом, ничто по сравнению с преступлениями больших господ — князей и феодалов. Волк удивлен тем, что неразумные крестьяне жестоко преследуют его и питают к нему ненависть, покорно терпя в то же время тех, кто отнимает у них не только плоды их полей, их стада и все нажитое тяжелым трудом, но и их жен и дочерей и даже самую жизнь.

Генрих Бебель был сыном бедного швабского крестьянина. До конца своих дней он сохранил любовь к народу, к его искусству. Но, как и другие гуманисты, он считал, что для устранения существующего зла достаточно развития гуманистической культуры и ее победы над лицемерием, ханжеством и схоластикой [19].

В среде немецких гуманистов начала XVI в. наибольшим авторитетом пользовались Эразм Роттердамский и Иоганн Рейхлин, названные «двумя очами Германии».

Эразм Роттердамский (1466—1536), выходец из Голландии, молодость провел в монастыре, который ему удалось покинуть лишь в 1493 г. Живя в Нидерландах, Франции, Англии, Италии и больше всего в Германии, Эразм с большим увлечением изучал произведения итальянских гуманистов и античную литературу. С 1513 г. он поселился в Базеле. Однако наиболее широкое признание и славу Эразм получил в Германии. В его творчестве нашли выражение характерные особенности немецкого гуманизма.

Уже в первых произведениях Эразма виден его особый интерес к проблемам религиозно-философского характера, к тому, что тогда волновало общественное мнение Германии, искавшее путей борьбы с засильем католического духовенства. Эразм ненавидел церковную обрядность и ханжество клира, осуждал монашество как крайнее проявление показной «святости». Вместе с тем Эразм был противником полного разрыва с догматической основой существовавшей церкви, противником переворота в этой области.

Большой известностью пользовалось сатирическое произведение Эразма Роттердамского «Похвальное слово Глупости», написанное им в Англии в доме его друга Томаса Мора и опубликованное в 1509 г. В этой и в другой своей сатире — «Разговоры запросто», законченной в 1518 г.,— Эразм затрагивает важнейшие в то время религиозно-философские, политические и социальные проблемы. Тонкой иронией и остроумной, не всегда сразу уловимой насмешкой

[19] *Б. И. Пуришев.* Очерки немецкой литературы, стр. 78—80.

Эразм вскрывал недостатки и пороки современного ему общества. Во всех областях политической, культурной и церковной жизни он видел пошлость, пустой формализм, бессмысленную догматику и прежде всего отсутствие всякого разумного начала. «Похвальное слово Глупости» написано в форме речи, в которой госпожа Глупость, выступающая перед аудиторией, доказывает, что она владеет умами всех современников, что ей подчинены все слои общества, что она, таким образом, является основой всей жизни — материальной и духовной.

Больше всего достается в этой сатире католическому духовенству, схоластической «науке», богословам и монахам. «Что до богословов,— говорит Глупость,— то, быть может, лучше было бы обойти их здесь молчанием, не трогать этого смрадного болота, не прикасаться к этому ядовитому растению». И дальше дается подробная и убийственная характеристика метода и предмета схоластических суждений и пустословия. В несколько более сдержанном тоне Эразм указывает на пороки высшего католического клира: епископов, кардиналов и самих пап — все они жадны к деньгам, ведут феодальные войны, погрязли в корыстолюбии и мирской жадности и вовсе не заботятся о духовных делах и религиозности.

Высмеивая внешнюю обрядовую сторону католической церкви и всю систему средневековых воззрений, Эразм по существу отстаивал принципы зарождавшейся буржуазной идеологии. Но, отражая ее незрелость в то время, не желая затрагивать основы религиозного мировоззрения, он высказывался за подведение под христианскую религию рационалистической основы [20].

Противоречивы и политические взгляды Эразма Роттердамского. В принципе он считал, что христиане не нуждаются ни в каком политическом господстве, что отношения между ними должны регулироваться любовью и разумом, но вместе с тем сознавал, что этот идеал неосуществим в конкретной действительности. С грустью Эразм констатировал, что современное ему общество не может существовать без принуждения и насилия. Из невозможности осуществления идеала свободной гуманистической организации общества вытекает, по мнению Эразма, необходимость приспособления к реальной действительности. Для политических взглядов Эразма характерно отрицательное отношение к теократии. Политическая власть должна находиться в руках светских лиц, а роль духовенства не должна выходить за рамки моральной пропаганды.

Передовая политическая мысль чувствуется и в отношении Эразма к войне. Он утверждал, что с точки зрения здравого смысла не может быть «ничего глупее, как вступать по каким бы то ни было причинам в такое состязание, во время которого каждая

[20] См. *Эразм Роттердамский.* Похвальное слово Глупости. М., 1958, гл. 66.

сторона обязательно испытывает гораздо больше неудобств, нежели приобретает выгод»; что «война, столь всеми прославляемая, ведется дармоедами, сводниками, ворами, убийцами, тупыми мужланами, нерасплатившимися должниками и тому подобными подонками общества, но отнюдь не просвещенными философами»[21].

Эразм вскрывает в своей сатире глупость, овладевшую всеми слоями общества. Дворян и знать он относит к «сословию безумцев» за увлечение забавами, лишенными разумной цели, а также за то, что они «кичатся благородством своего происхождения» и в то же время «не отличаются ничем от последнего прохвоста». Наиболее вредными Эразм считал паразитические элементы общества и прежде всего — наемных солдат.

Критика Эразмом социальных и политических порядков его времени, несомненно, отражает зарождавшуюся идеологию нового класса городской буржуазии. Однако незрелость элементов нового класса, особенно в раздробленной Германии, которую в первую очередь имел в виду Эразм Роттердамский, обусловила расплывчатость его социального и политического идеала.

Другой крупный деятель гуманистической культуры в Германии Иоганн Рейхлин (1455—1522), избегая открытых конфликтов с католической церковью, как и Эразм, оставался противником Реформации. Однако его борьба с реакционными католическими богословами (обскурантами) не ограничивалась абстрактной полемикой. Еще перед началом Реформации Рейхлину пришлось вступить в борьбу с самым реакционным воинственным отрядом обскурантов — кельнскими теологами. На сторону Рейхлина стали все передовые в то время умы Германии, прежде всего радикальные кружки молодых гуманистов, которые объявили себя «рейхлинистами».

«Дело Рейхлина», явившееся исходным моментом развернутой борьбы между гуманистами и обскурантами, началось в 1509 г., когда кельнские теологи стали добиваться уничтожения еврейских религиозных книг, по их словам, враждебных христианству. Рейхлин, запрошенный по этому поводу в качестве эксперта (он знал в совершенстве древние языки, в том числе и еврейский), высказался против уничтожения тех книг, которые могут быть использованы как источники при изучении христианства. В разгоревшемся споре решался принципиальный вопрос о возможности или невозможности критической трактовки религиозных догматов[22].

Решительную позицию в «деле Рейхлина» занял кружок радикальных гуманистов при Эрфуртском университете, руководимый

[21] *Эразм Роттердамский.* Похвальное слово Глупости, гл. 23.
[22] «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 488; *М. М. Смирин.* Немецкий гуманизм.— «Историк-марксист», 1941, № 3.

Ульрих фон Гуттен.
Современная гравюра

Муцианом Руфом из Готы. В 1515 г. этот кружок, активными членами которого были Ульрих фон Гуттен, Крот Рубеан, Эобан Гесс и др., выпустил талантливо составленную, остроумную сатиру «Письма темных людей», разоблачавшую невежество и нравственное разложение теологов, высмеивавшую их бесконечные схоластические споры по пустякам, их «кухонную» латынь и т. п. Одним из авторов этой сатиры был самый выдающийся член эрфуртского кружка Ульрих фон Гуттен (1488—1523).

Отданный 16 лет от роду в монастырь, Гуттен бежал оттуда, за что был отвергнут отцом. Его уделом стала жизнь странствующего поэта. Уже ранние произведения Гуттена отражают его глубокую преданность гуманистическим идеалам и резко отрицательное отношение к господствующим слоям общества. В прекрасном стихотворении «Никто» (Nemo), первый набросок которого отно-

сится к 1512—1513 гг. (напечатано в 1518 г.), подчеркивается, что действительный обладатель высокого образования и гуманистической нравственности — это «Никто», т. е. человек без официального положения. Гуттен своего остроумно названного героя наделяет качествами, которые он считает идеальными: Никто пробивает себе дорогу в жизни чистотой нравов, Никто ставит общественное благо выше собственного, Никто в одно и то же время скромный и светский человек, Никто объединяет всех немцев, Никто связывает гуманистические идеалы процветания наук и развития человеческих талантов с немецким патриотизмом, с преодолением княжеского мелкодержавия и с освобождением Германии от эксплуатации папским Римом, Никто осмеливается порицать папу и т. д.

В 1513 г., после посещения Италии, Гуттен начал литературную борьбу против Рима, публикуя эпиграммы на папу Юлия II, в которых изобличался безнравственный образ жизни последнего и высмеивалась практика «отпущения грехов». Из Италии Гуттен привез и опубликовал в Германии сочинение итальянского гуманиста Лоренцо Валлы «О ложном и вымышленном дарении Константина» — разоблачение фальшивки, «грамоты», якобы выданной папе римским императором IV в. Константином и служившей папам «основой» для претензий на подчинение себе светской власти. Сочинение Валлы представлялось Гуттену верным орудием в политической борьбе против папского Рима [23].

При всей силе критических изобличений следует иметь в виду, что его положительная политическая программа не могла стать популярной среди более или менее широких слоев немецкого народа. В отличие от большинства гуманистов, выражавших настроения отдельных прослоек городской оппозиции, Гуттен был связан с низшим, разоренным дворянством, с той его частью, которая быстрыми шагами шла к своей гибели и видела спасение в восстановлении старой империи [24] и вместе с тем в возрождении былой политической роли рыцарства. Восстановленная империя, имеющая свою опору в рыцарстве, могла быть только крепостническим государством. Но путь к осуществлению своей цели, самой по себе реакционной, Гуттен видел в победе патриотического движения над папским Римом и его агентурой. Говоря о Гуттене и Зиккингене как о «*дворянских* представителях революции», К. Маркс писал, что «они в своем воображении были революционерами» [25].

[23] *М. М. Смирин.* Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен. Вступительная статья к сб. «*Ульрих фон Гуттен.* Диалоги, публицистика, письма». Под ред. Б. И. Пуришева. М., 1959.
[24] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 483—484.
[25] Там же, стр. 484.

НЕМЕЦКАЯ РЕФОРМАЦИЯ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Своеобразно сложное внутреннее положение в Германии — бурный экономический и социальный подъем в обстановке неблагоприятных условий национального развития — было причиной того, что Реформация — событие, общее для ряда европейских стран, — приняла в Германии характер широкого общественного движения.

Решительно выступавший против католической церкви Мартин Лютер родился в 1483 г. в городе Эйслебене (Саксония), одном из крупных в то время центров медной промышленности. Его отец занимал видное место среди владельцев плавилен и меднорудных разработок, но он, как и другие, терпел большие убытки в результате того, что управление горным делом находилось в руках мансфельдских графов, получивших значительную часть добывавшихся металлов. Лютер рос в среде бюргерства, хотя и выражавшего недовольство, но не имевшего четкого представления о путях изменения своего положения. В этом классе было немало консервативных элементов, с беспокойством следивших за нарастанием активности революционных народных масс и склонных ограничить цели движения духовным развитием и оппозицией католическому духовенству.

Большое влияние оказала на Лютера гуманистическая среда Эрфуртского университета, куда он поступил учиться. Но испытав влияние общего радикализма века, стремления к коренным переменам и обострившейся склонности образованных немцев к теоретизированию, Лютер не ограничивался критикой злоупотреблений и испорченности нравов католического духовенства. Он бросил вызов самой католической религиозной концепции. В 95 тезисах против индульгенций, прибитых Лютером 31 октября 1517 г. к дверям Замковой церкви в Виттенберге, отвергалась та система католических догм, которая служила «обоснованием» спасительной силы индульгенций.

Лютер утверждал, что христианин достигает спасения души не через церковь и ее обряды, а с помощью «веры», даруемой ему непосредственно богом. В ряде тезисов вместе с отрицанием индульгенций и вообще механического «спасающего» действия обрядов отстаивалась идея о том, что роль церкви должна сводиться только к поучениям и наставлению христиан в духе благочестия, из чего следует, что сами духовные лица должны заботиться прежде всего о своем собственном моральном авторитете.

Отрицание претензий духовенства на господствующее положение в мире имело большое политическое значение. Более того:

в учении Лютера, отвергающем роль церкви как посредника между богом и миром, в известной степени содержались зачатки нового, отличного от средневекового мировоззрения, понимания важной роли земной жизни и мирских дел в христианском обществе. Объявив веру христианина единственным путем его общения с богом, Лютер утверждал, что и мирская жизнь, и весь мирской порядок, который обеспечивает человеку возможность отдаваться вере, выполняют важную функцию в обществе. Это относится в первую очередь к светскому государству и его учреждениям. В своем обращении «К христианскому дворянству немецкой нации» Лютер требовал предоставления мирянам права устройства церковных дел; он писал, что все христиане — священники. Это означало отход от средневекового католического воззрения о сплошной греховности светской жизни и светского человека, из которого выводилась необходимость их подчиненного по отношению к церкви положения.

Лютер объявил также, что авторитет папских декретов и посланий и всего, что объявляется церковью «священным преданием», должен быть отвергнут. Вместе с тем должен быть непререкаем авторитет «священного писания».

Признание положительного значения светского государства и светской жизни Лютер объяснял интересами веры и своей концепцией роли государства в создании условий для внутренней религиозности. Призывая к восстановлению авторитета «священного писания», Лютер вместе с тем не допускал мысли о свободном толковании текстов «священного писания» самими христианами. Однако в ходе поднявшегося движения отдельные социальные группировки стали давать новому религиозному учению свою собственную трактовку. Характерная особенность реформационного выступления заключалась в том, что каждая группировка вкладывала в формулы Лютера свои собственные социальные требования. До тех пор, пока не уточнялись социально-политические программы отдельных слоев общества, лютеровская реформация была общей идеологией, объединявшей все оппозиционное движение. В него были вовлечены самые широкие народные массы, которые в понимании целей реформационного движения шли гораздо дальше самого Лютера и вовсе не вникали в схоластические тонкости его спора с католиками. Массы воспринимали Реформацию как требование не только церковных преобразований, но прежде всего социального освобождения.

Историческое значение выступления Лютера заключалось в том, что на первом этапе Реформации многообразная общественная оппозиция в Германии объединилась вокруг него в мощную революционную силу. «...Сложившийся за одну ночь союз всех оппозиционных элементов, — писал Ф. Энгельс, — как бы недолговечен он ни был, сразу обнаружил всю огромную мощь движения и тем еще больше ускорил его развитие» [26].

Мартин Лютер. Современная гравюра

Необходимо, однако, иметь в виду, что в самом лютеровском учении нашла свое выражение классовая ограниченность немецкого бюргерства. Лютер не помышлял о необходимости политических и социальных преобразований. Усматривая значение светского государства в том, что оно устанавливает в мире необходимый для христианской жизни «порядок», Лютер утверждал, что эти функции выполняются государством в любом его виде, что внутренняя религиозность требует твердо установленной системы общественных отношений, но не требует изменения этих отношений по существу. Практически это означало, что правившие в Германии князья рассматривались Лютером как необходимая опора Реформации. Маркс обратил внимание на то, что провозглашенная Лю-

[26] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 392.

тером внутренняя религиозность также предназначена для порабощения человека, как и отвергнутая им внешняя религиозность католической церкви. «...*Лютер*,— писал Маркс,— победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» [27].

Но и сам Лютер не мог остаться в стороне от поднявшейся в Германии бури. Только опираясь на это движение, он мог занять твердую позицию против римской курии, которая хотела быстро покончить с ним. Лютер отказался явиться в Рим на допрос и суд, а попытка папского легата кардинала Каэтана добиться от духовных и светских властей Германии ареста Лютера потерпела в обстановке роста общественного движения полную неудачу. На состоявшемся летом 1519 г. в Лейпциге диспуте между Лютером и воинствующим папистом профессором богословия Экком Лютер в ответ на обвинение его в гуситской «ереси» смело заявил, что в учении Гуса имелись «истинно христианские положения» и что осуждение Гуса Констанцским собором и его сожжение не могут быть признаны правильными. Это был уже полный разрыв со всей католической традицией.

В своих полемических произведениях 1520 г. Лютер призывал действовать «против неистового бешенства» приверженцев папского Рима не только словом, но и оружием. «Если,— писал он,— мы вешаем воров, казним разбойников, сжигаем фанатиков, то почему не броситься с оружием в руках на этих главарей разврата, на этих кардиналов, пап и на всю свору римского Содома?» [28]

21 сентября 1520 г. была опубликована папская булла об отлучении Лютера от церкви. Лютер ответил на нее рядом резких памфлетов, а 10 декабря в присутствии студентов сжег буллу во дворе Виттенбергского университета.

Таким образом в реформационной деятельности и в учении Лютера отражались разные тенденции и интересы. Субъективно Лютер был связан с теми бюргерскими кругами, которые при всей своей оппозиционности к католической церкви не решались заявить о необходимости изменения общественных отношений. В ходе же борьбы лютеровские выступления приобрели более широкое значение, особенно в первые годы, когда Реформация стала центром общенародного движения. Лютер выступал тогда как представитель общенациональных интересов. Требование передачи свет-

[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 422—423.
[28] *Ф. Бецольд*. История реформации в Германии, т. I. СПб., 1900, стр. 297.

Лютер сжигает папскую буллу о своем отлучении.

Современная гравюра

ской власти и мирянам решения церковных дел мотивировалось им необходимостью спасения «несчастной немецкой нации» от засилья папистов, ибо «нужда и притеснения» «тяготеют над всем христианством и в особенности над немецкой землей» [29]. Для того периода, когда основная задача заключалась в объединении разнородных сил, постановка Лютером вопроса о борьбе с папским засильем в Германии, в плане национальном и политическом, в обход всего того, что вызвало бы расхождения и конфликты, имели большое революционное значение. На Лютера ссылались многие народные проповедники, выдвигавшие далеко идущие требования о преобразовании общественного строя.

Большие надежды стали возлагать на Лютера деятели рыцарской оппозиции. Идеолог этой оппозиции фон Гуттен, вначале равнодушный к религиозным спорам, и военный руководитель рыцарства Франц фон Зиккинген приветствовали Лютера как сорат-

[29] *М. Лютер*. К христианскому дворянству немецкой нации. Перевод Рожицына. Харьков, 1912, стр. 4.

ника в борьбе за освобождение Германии от гнета папского Рима, призывая его присоединиться к готовившемуся рыцарскому восстанию. Гуттен написал ряд диалогов — «Лихорадка I», «Лихорадка II», «Вадиск, или Римская троица» — и поэму «Жалоба и предостережение», проникнутые национальными мотивами. По указанным уже причинам рыцарская программа крепостнической империи не могла вызывать сочувствия ни у народных масс, ни у городского бюргерства. В поднятом в 1522 г. под руководством Зиккингена восстании против трирского архиепископа рыцари оказались изолированными и были разбиты, а сам Зиккинген смертельно ранен. Гуттен, бежавший в Швейцарию, вскоре умер. Однако то, что руководители рыцарства, готовясь к восстанию, обратились к Лютеру, показывает силу и общенародное значение реформационного движения.

В 1521 г. Лютеру пришлось столкнуться с императорской властью. Император «Священной Римской империи» — внук Максимилиана I Карл V, являвшийся одновременно королем Испании и ее обширных владений в Новом Свете, стремился превратить империю во всемирную католическую монархию Габсбургов. Реформация же представлялась императору движением, опасным для его планов. На Вормсском рейхстаге 1521 г., где присутствовал император, Лютеру было предъявлено категорическое требование отречься от своего учения. Но Лютер занял твердую позицию и в ответ на Вормсский эдикт решительно заявил: «На этом я стою и не могу иначе!»

Однако вскоре положение изменилось. Объединившийся на некоторое время вокруг Лютера лагерь оппозиционных группировок начал распадаться, каждая социальная прослойка стала определять свою позицию, свои особые цели в общей борьбе, свое особое понимание характера и целей самой Реформации. По мере того как стали обнаруживаться расхождения разных примкнувших к реформации классов, Лютер, субъективно отражавший настроения более консервативной части бюргерства, не мог уже, как прежде, оставаться центральной фигурой народного подъема. Весьма характерно, что после оглашения на Вормсском рейхстаге эдикта императора, предписывавшего арестовать Лютера, предать огню все его произведения и конфисковать имения его сторонников, Лютер искал защиты у саксонского курфюрста Фридриха, возглавлявшего группу светских князей — противников великодержавных планов Карла V. Курфюрст Фридрих Саксонский укрыл Лютера в замке Вартбург, близ Эйзенаха.

Среди более активных и радикальных слоев бюргерства нарастало недовольство стремлением Лютера практически ограничить Реформацию областью религиозного учения. Во время пребывания Лютера в Вартбурге реформационное движение в Саксонии оказалось под влиянием радикальных деятелей бюргерства. Профессор Виттенбергского университета Андреас Карлштадт, бывший монах Габриэль Цвиллинг и их сторонники произвели полный переворот в церкви и в положении духовенства. Из виттенбергских церквей стали удалять алтари, иконы и освященный елей. Исполнение католической мессы было объявлено идолопоклонством. Карлштадт и Цвиллинг требовали упразднения землевладения духовенства и ликвидации его привилегированного положения вообще. В выступлениях Карлштадта восхвалялись трудолюбие и предприимчивость. Проповедуя активность в светских делах, Карлштадт говорил: «Никто не может быть уверен в спасении души, если он не зарабатывает свой хлеб трудом своих рук» [30]. Католические деятели жаловались, что под влиянием проповеди Карлштадта молодые люди покидали схоластические школы и массами отправлялись на горные промыслы.

От революционной активности крестьян и плебеев и поддержки их радикальными группировками горожан зависела теперь дальнейшая судьба всего движения, которое уже шло мимо Лютера. В этих условиях Лютер стремился приспособить свое учение к изменившимся обстоятельствам, сочетая резко отрицательное отношение к «мятежам и возмущениям» с отстаиванием решающей роли светского государства в социальных вопросах. Свои мысли Лютер изложил в 1523 г. в сочинении «О светской власти, в какой мере ей следует повиноваться».

Основным политическим тезисом Лютера в этом трактате, а затем, во время Крестьянской войны, в его первом антикрестьянском памфлете «Призыв к миру по поводу Двенадцати статей швабских крестьян» является положение о необходимости установления в обществе двух порядков и двух систем права — божественного и естественного. Каждый из них имеет свою особую сферу и свои особые задачи. Строй «христианской жизни», основанный на любви, не может существовать без светской власти, основанной на принудительной силе. «Если бы,— пишет Лютер,— весь мир состоял из настоящих христиан, т. е. из истинно верующих, то не нужны были бы ни князья, ни короли, ни господа, ни меч, ни закон» [31]. Не было бы нужды в законах и в светской власти вообще, если бы все руководствовались наставлениями бога: «...Всех любить, от всех охотно и радостно претерпевать хотя бы самую смерть...» Светский закон и меч необходимы потому, что настоящих христиан в указанном смысле очень мало. Без меча и светского закона «один пожирал бы другого и никто не мог бы обзаве-

[30] *Peter Albinus.* Meissnische Bergk Chronica. Dresden, 1590, S. 73—74.
[31] Martin Luthers Werke. Kritische Gesamtausgabe, Bd. XI. Weimar, 1900, S. 249—250.

стись женой и детьми, не мог бы мирно питаться и служить богу; мир превратился бы в пустыню» [32].

В условиях, когда «подлинных христиан» так мало, «порядок», необходимый для обеспечения всякой жизни, в том числе и возможности отдаваться вере, может быть установлен только силой светского меча. Отсюда — главный политический тезис Лютера: светская власть обеспечивает возможность христианской жизни именно тем, что сама она основывается не на божественном, а на естественном праве.

Реакционный смысл лютеровской теории двух порядков заключается в освящении религиозным авторитетом светской власти, которая, согласно выдвинутой теории, остается свободной от религиозно-моральной ответственности. Однако освобождая светскую власть от религиозной ответственности, Лютер освобождал также государство от догматических предписаний церкви. Вместо религиозных аргументов Лютер ссылался на аргументы от «государственного интереса». Оставаясь в области религиозного учения резким противником признания свободы воли человека и значения человеческого разума, Лютер предусмотрел — и это важно подчеркнуть, когда речь идет о его политической концепции,— что в сфере естественного права, т. е. в сфере государственной политики и светских дел, следует руководствоваться категориями целесообразности и реальных, практических интересов, определяемыми разумом [33].

Формально Лютер сделал, следовательно, шаг к политическим концепциям нового времени, которые, по словам Маркса, «...стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии» [34]. В обстановке широкого оппозиционного и революционного движения Лютер вынужден был выделить область светских отношений в особую сферу естественного права, объявив ее самостоятельной. Однако эта прогрессивная для того времени постановка вопроса оставалась формальной и абстрактно-теоретической, поскольку в области практической политики Лютер приспособлял свои идеи о роли разума и разумного управления к признанию княжеского деспотизма и реакционной действительности [35]. Дальнейшие же шаги в направлении прогрессивной общественной мысли были сделаны отколовшимися от лютеровской реформации радикально бюргерскими

[32] Martin Luthers Werke, Bd. XI, S. 251.
[33] *Martin Luthers Werke.* Kritische Gesamtausgabe, Bd. XIV. Weimar, 1895, S. 551—553; Bd. XVIII. Weimar, 1908, S. 423, 693—786.
[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 111.
[35] См. *М. М. Смирин.* Лютер и общественное движение в Германии в эпоху Реформации.— «Вопросы научного атеизма», вып. 5. М., 1968.

Томас Мюнцер.
Современная гравюра

деятелями Карлштадтом и Цвиллингом. Значительно дальше их пошли представители революционных масс, деятели народной реформации — Томас Мюнцер, Михаил Гайсмайер и их сторонники.

Еще до Реформации среди крестьянских и плебейских масс вели пропаганду представители народных «еретических» сект, для которых обращение к «священному писанию» и отстаивание его особого толкования являлись средством выражения социального протеста. Но их проповедь призывала к уходу от «греховного» мира в замкнутую секту, к ожиданию социального переворота, исходящего от бога. В новой обстановке, созданной реформационным движением, пропаганда пассивного ожидания уступает место призывам к революционным действиям. Наиболее ярким выразителем народного революционного понимания Реформации стал Мюнцер.

Томас Мюнцер, ранняя биография которого точно неизвестна [36], выступил на историческую арену в первые годы Реформации как один из сторонников Лютера. В 1520 г. он стал по рекомендации Лютера священником и проповедником в саксонском городе Цвиккау. Совместно с лютеранами ведя борьбу против францисканцев, Мюнцер не только отличался более резким тоном и решительными методами, но и показал, что исходит из иных классовых позиций, привлекая на свою сторону подмастерьев и беднейшие слои населения и вкладывая в понимание Реформации новое социальное содержание.

Существовавшая среди ремесленников Цвиккау секта анабаптистов (т. е. перекрещенцев, требовавших крещения христиан в зрелом возрасте) под влиянием Мюнцера вышла из узких рамок сектантских идей. Члены секты сделались эмиссарами Мюнцера по распространению его революционного толкования реформации; это серьезно встревожило ближайших сторонников Лютера и самого саксонского курфюрста.

В понимании Мюнцера задачи Реформации заключались не в установлении новой церковной догмы или новой формы религиозности, а в провозглашении близкого социально-политического переворота, который должен быть произведен массой крестьян и городской бедноты. Формально Мюнцер ссылался на авторитет «слова божьего», но в «священном писании» он усматривал указание на необходимые действия людей. Нигде у Мюнцера мы не находим упоминания о какой-либо иной жизни, кроме земной. Он утверждал, что «земная жизнь должна быть возвышена до небес», т. е. очищена от зла. В этом смысле Мюнцер понимал и идеал установления «царства божия на земле».

Само представление Мюнцера о «слове божьем» в корне отлично от лютеровского. Мюнцер обращал свой страстный гнев против «книжников», которые знают только мертвые буквы и традиционные тексты. Настоящее слово божье, по мнению Мюнцера, это живое слово, которое «избранные» воспринимают как истину. «Вера (для Мюнцера.— *Ред.*),— пишет Энгельс,— является не чем иным, как пробуждением разума в человеке, и потому обладать верой могли и язычники». Энгельс поэтому заключает: «...Религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму» [37].

У Мюнцера нет представления о боге как о стоящей над миром индивидуальности. Для него бог неотделим от самого мира. Бог — это, по Мюнцеру, идея мира «в целом», вдохновляющая и подчиняющая себе все, что в мире существует.

[36] *M. Bensing.* Thomas Müntzer. Leipzig, 1965, S. 14—15.
[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 370, 371.

Идеал совершенства, связанный у Мюнцера с его пониманием божества, является по существу социальным идеалом. Активную и самоотверженную деятельность человека, преследующего не свои личные цели, а цели общего блага, Мюнцер считал служением богу. Наоборот, всякое действие в эгоистических интересах Мюнцер определял как «безбожие». Борьба с социальным злом, борьба за устранение и уничтожение «безбожников» составляет, по Мюнцеру, задачу ревнителей дела бога; под ревнителями же дела бога — в указанном смысле — Мюнцер понимал трудящийся народ. «Вся власть,— подчеркивал Мюнцер неоднократно,— должна быть отдана простому народу». Сам Мюнцер разъяснял, что, говоря о народе, он имеет в виду крестьян и всех трудящихся. Врагами бога, против которых должен быть направлен народный меч, он считал тех, кто узурпирует принадлежащие всем богатства мира и обрекает «простой народ» — единственного носителя идеи высшей справедливости — на тяготы и постоянные заботы о куске хлеба. Дворянские замки и монастыри должны быть уничтожены. Германия, писал Мюнцер, должна перестать быть княжеской и дворянской, потому что, покрытая княжескими и феодальными гнездами, она представляет собою «разбойничий очаг».

С этой политической программой Мюнцера была тесно связана и его социальная программа. Выступая против угнетения народа, Мюнцер проповедовал такой общественный строй, в котором нет классовых различий, нет частной собственности и независимой от членов общества и чуждой им государственной власти. В своей социально-политической программе Мюнцер пошел значительно дальше непосредственных требований крестьян и плебеев. Но его собственные представления о будущем обществе могли быть только фантастичными, к тому же они были облечены в мистическую оболочку.

Нападая на собственность и отвергая частные интересы, Мюнцер практически имел в виду ту собственность, которая являлась исходным пунктом угнетения народа и «шкуродерства», т. е. собственность крупных землевладельцев и богачей вообще. Укрепление свободной от феодальной эксплуатации мелкокрестьянской собственности Мюнцер, наоборот, считал необходимым условием освобождения бедного человека от угнетения и его возвышения к «истинной вере». Практически Мюнцер выражал реальные хозяйственные нужды крестьян и весьма энергично поддерживал популярные лозунги антифеодальной борьбы. Особенно энергично Мюнцер отстаивал общинную крестьянскую собственность от посягательств крупных феодалов. «Обрати внимание на то,— писал Мюнцер,— что основа всякого ростовщичества, воровства и грабежа — это наши господа и князья. Они присвоили в собственность всякую тварь. Рыба в воде, птица в воздухе, всякая расти-

тельность на земле, — все должно принадлежать им. Поэтому они распространяют среди бедных божью заповедь и говорят: бог заповедал — не укради; к ним же самим это не относится, хотя они доводят всех людей до нищеты. Они сдирают шкуру и мясо с бедного пахаря, ремесленника и всего живого» [38].

Тесная связь Мюнцера с широкими массами народа в их борьбе против эксплуататоров и угнетателей сделала его вождем крестьянско-плебейского лагеря, который рассматривал Реформацию как путь к революционному переустройству общества.

ВЕЛИКАЯ КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА

Общественное движение и классовая борьба в Германии в XV—XVI вв. достигли своего кульминационного пункта в Крестьянской войне 1524—1525 гг. Она зародилась в габсбургских землях на Верхнем Рейне, в районах Южного Шварцвальда. Вспыхнувшие летом 1524 г. крестьянские восстания в ландграфстве Штюллинген вызвали большую тревогу австрийских властей и крупных феодалов, поскольку обнаружилась связь восставших крестьян с реформационным движением в городах.

Всеобщее внимание привлек город Вальдсхут, отстаивавший свое право сохранить любимого проповедника-анабаптиста Бальтазара Губмайера. Губмайер был не единственным анабаптистом, ведшим в то время пропаганду среди крестьян. Вдохновляемые Мюнцером и его сторонниками, многие анабаптисты в последние месяцы 1524 г. распространяли идеи восстания в этой местности. Это стало организующим фактором стихийно начавшихся крестьянских волнений. Жалобы крестьян и городских низов на своих господ объединялись пропагандистами в общую программу борьбы угнетенного народа против всех господ, за новый социальный порядок.

В кругах, близких Мюнцеру, в конце 1524 г. в землях Верхней Германии составлен был документ, известный под названием «Статейное письмо» («Artikelbrief»), представлявший собою первую программу революционного крестьянства и предназначенный служить введением ко всем разнообразным требованиям и жалобам крестьянских общин. «Так как до настоящего времени,— говорится в нем,— на бедных простых людей городов и деревень... налагались большие тяготы со стороны духовных и светских господ и властей,

[38] «Thomas Müntzers Schriften». Hrsg. von Otto Brandt. Jena, 1925, S. 192; см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 372.

которых те и мизинцем не трогали, то из этого следует, что подобного бремени и отягощения нельзя ни переносить, ни терпеть, если только простой бедный человек не хочет пустить совсем по миру с нищенским посохом себя самого, свое потомство и потомство потомства».

Объединившемуся народу, говорится далее в письме, необходимо «освободиться полностью». Мирное решение этой задачи допускалось только в том случае, если бы все объединились в целях переустройства жизни на основе принципов «общей пользы». В условиях же существования указанных тягот дело не обойдется без кровопролития. Все те, кто уклонился и отказался вступить в братское объединение и заботиться об «общей пользе», должны быть поставлены вне общества. Все монастыри, являющиеся источником народного гнета, должны немедленно быть объявлены в «светском отлучении». Только в тех случаях, когда дворянство, монахи или священники откажутся от особого положения, направятся в обыкновенные дома, как другие «чужие люди», и согласятся вступить в братское объединение, они должны быть дружески и добровольно приняты вместе со своим имуществом и получать все, что полагается им по «божьему праву» [39].

Таким образом, согласно «Статейному письму», не крестьяне должны добиваться милостивых уступок от господ, а, наоборот, господа должны получать от народной организации то, что им может полагаться по «божьему праву», после того как они отдадут народному объединению все свои имения и все свое добро. За народной организацией должно оставаться право распоряжаться благами и распределять их. Здесь последовательно проводится принцип Томаса Мюнцера: «Власть должна быть отдана простому народу» [40].

Вопреки многим вожакам крестьянских отрядов, поверившим обещаниям господ и терявшим время и силы на переговоры с ними, среди восставших возникали революционные группы, которые отвергали переговоры и призывали к борьбе. Эти группы не были объединены между собою какой-либо организационной связью и неодинаково представляли себе цели борьбы, но следовали призывам «Статейного письма», которое стало первой и самой революционной программой Крестьянской войны.

В феврале-марте 1525 г. в ряде районов юго-запада Германии, прежде всего — в Верхней Швабии близ городов Ульма, Кемптена, Меммингена, на Верхнем Дунае и у Боденского озера, образова-

[39] См. *М. М. Смирин*. Народная Реформация Томаса Мюнцера. М., 1955, стр. 327—329.

[40] Там же, стр. 330—331.

лись крупные отряды крестьян. Вожаки этих отрядов в большинстве своем придерживались умеренной тактики, проповедовавшейся сторонниками цюрихского реформатора Ульриха Цвингли.

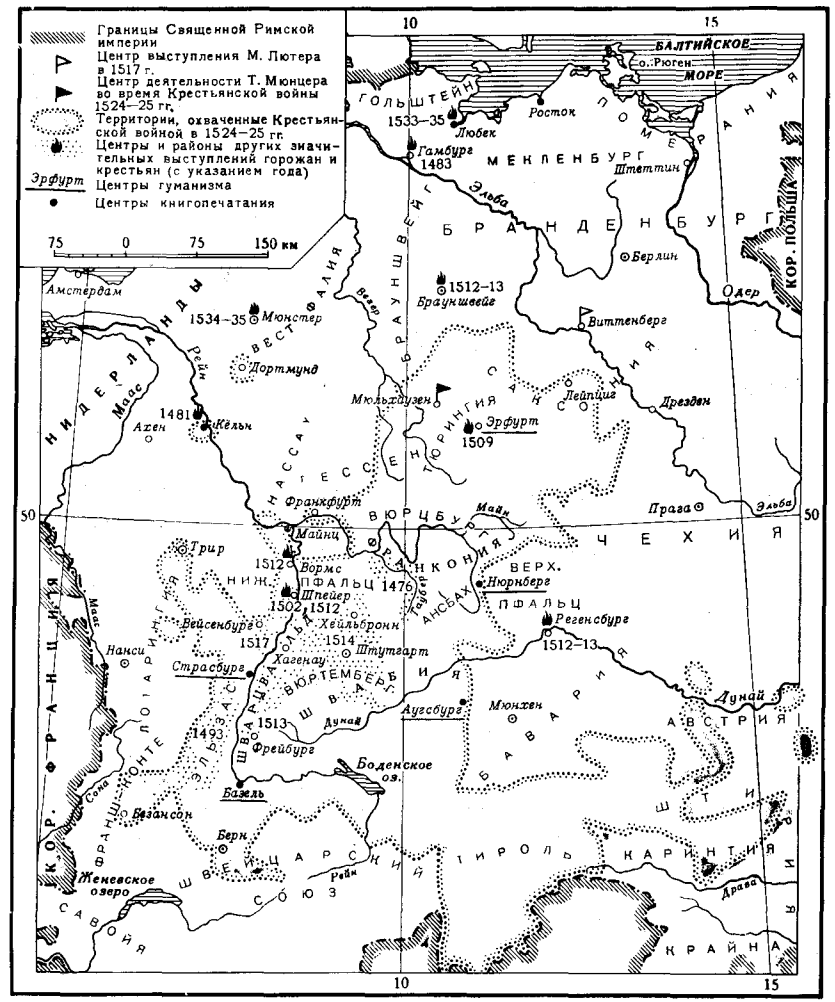
Цвинглианские пропагандисты в верхнешвабских отрядах и их сторонники также требовали установления «божественного права». Но в отличие от революционных группировок, понимавших под «божественным правом» устранение господ, умеренные добивались лишь смягчения феодальных тягот и отмены крепостного права.

В начале марта 1525 г. три главных отряда Верхней Швабии образовали в городе Меммингене Христианское объединение. В согласованном представителями отрядов уставе вопрос о понимании «божественного права» остался открытым. Умеренные руководители заключили с Швабским союзом (созданным в конце 80-х годов XV в. верхушкой имперских городов и феодалами) перемирие; господская партия, занятая собиранием сил, видела в нем средство выиграть время. Тем временем крестьянские массы, поощряемые революционной пропагандой в духе «Статейного письма», разоряли замки и монастыри, вступали в контакт с социальными низами городов.

Именно тогда в кругах руководителей объединившихся отрядов Верхней Швабии составлена была сводка крестьянских требований, обобщенных на основе «божественного права» в его умеренной трактовке. Так возникла ставшая знаменитой программа «12 статей».

Во вступительной части к ней и в тексте самих статей говорится о мирных намерениях крестьян и об их стремлении только к смягчению феодального гнета. Требуя отмены малой десятины, авторы «12 статей» признают обоснованность большой десятины при условии, что ее используют на общественные нужды. Важны статьи 4, 5 и 10-я, в которых выдвигается требование возвращения общинам узурпированных феодалами угодий (лугов, лесов, мест охоты и рыбной ловли и т. п.). В статьях 6—7-й составители программы добивались лишь облегчения многочисленных поборов и барщины, но не их полного устранения.

Самыми радикальными в «12 статьях» являются статьи 3 и 11-я. 3-я статья требует полного упразднения крепостного состояния «принимая во внимание, что Христос пролитием своей драгоценной крови освободил и искупил нас всех, как пастуха, так и самого высокопоставленного, не исключая никого» ...Согласно 11-й статье, должен быть «отменен совершенно» связанный с крепостным состоянием посмертный побор с наследства (Todfall) — один из самых тягостных и ненавистных поборов. «Мы никогда не потерпим и не позволим,— говорится в 11-й статье,— чтобы вопреки чести божией и правде у вдов и сирот отнимали их достояние



Революционное движение в Германии в конце XV — первой половине XVI в.

так постыдно, как это происходило во многих местах». Вместе с тем в 3-й статье подчеркивается готовность покоряться всякой власти, «поставленной от бога». Признание политической власти и решительный отказ подчиняться власти крепостника свидетельствуют, что составители программы находились под влиянием Ульриха Цвингли, который считал власть над крепостными против-

ной богу и писал, что «светская власть, действующая против бога, должна быть смещена общиной».

«12 статей» получили большое распространение среди крестьян, были напечатаны и сделались их официальной программой. Однако в ходе Крестьянской войны восставшие сочетали конкретные требования «12 статей» с революционной тактикой «Статейного письма». Таким образом, несмотря на их умеренный тон, «12 статей» получили значение программы антифеодальной борьбы.

Для настроения крестьянской массы характерны действия Лейпгеймского отряда, расположившегося недалеко от города Ульма-на-Дунае. Заняв все дороги, этот отряд расставил посты и вербовал в свои ряды всех крестьян округи. Бойцы не желали считаться с условиями перемирия с господами, заключенного руководителями Христианского объединения трех верхнешвабских отрядов. 28 марта 1525 г. крестьяне, расположившиеся лагерем близ города Бибераха, пришли в Гегбахский женский монастырь. Осмотрев монастырские запасы зерна, они заявили аббатисе, что из положений Евангелия о равенстве следует, что излишки зерна надо не продавать, а раздавать нуждающимся, и немедленно стали грузить зерно на подводы и увозить. Этот эпизод показывает, как крестьяне представляли себе осуществление своего требования равенства.

В последние дни марта 1525 г. во время перемирия в Верхней Швабии все замки и монастыри оставались под угрозой, а многие из них, в том числе и считавшиеся недоступными, как, например, замок Либентан близ Кемптена, вынуждены были сдаться осаждавшим их крестьянам. По признанию властей верхнешвабских городов, «простые люди» этих городов симпатизировали крестьянам и оказывали им помощь. В Швабском союзе выражали опасение, что дальнейшие успехи революционных сил могут привести к переходу на сторону восставших всех слоев горожан, что даже городские власти захотят использовать ситуацию против феодально-княжеской системы, а это привело бы к распаду самого Швабского союза.

С целью предотвращения такого развития событий руководители Швабского союза нарушили перемирие и напали на крестьянские отряды. Трухзес, возглавлявший военные силы Швабского союза, рассчитывал, что внезапное нападение внесет в ряды крестьян моральное разложение и подорвет их боевой дух.

В действительности же вероломное нападение Трухзеса вызвало всеобщее возмущение крестьян, создало благоприятную почву для революционной пропаганды и дало толчок общему подъему массовых революционных действий, распространившихся за пределы Верхней Швабии и Шварцвальда — по всей Средней Германии. Отдельные отряды крестьян оказывали Трухзесу ожесточенное сопротивление. В горных районах, недоступных для рыцарской конницы, Трухзес вынужден был перейти к позиционной войне. У городка Вейнгартен, севернее Боденского озера, Трухзес, зажатый крестьянскими отрядами, почувствовал, по его собственному выражению, близость военной катастрофы. Его спасло, однако, то, что ему удалось завязать переговоры с отдельными вожаками отрядов и шантажом и предательством внести раскол в лагерь крестьян. К концу апреля 1525 г. основные силы верхнешвабских крестьян были разбиты, после чего Трухзес получил возможность направить свои войска на север, в сторону Франконии и Средней Германии, где создавались новые очаги крестьянского восстания [41].

Восставший крестьянин.
Гравюра 1522 г.

В районах севернее Дуная — во Франконии и Тюрингии — события Крестьянской войны отличались более тесным контактом восставших крестьян с горожанами. Таких крупных городов, как в Южной Германии, здесь не было. Аристократический патрициат

[41] *М. М. Смирин.* Германия эпохи Реформации и Великой крестьянской войны. М., 1962, стр. 230—231 и след.

не был здесь так влиятелен, как в южных городах. Более заметную роль играло среднее бюргерство, стремившееся к активному участию в Крестьянской войне. Однако как социальный состав, так и тактика среднего бюргерства не были едины. В нем различались предпринимательские элементы — хозяева более крупных мастерских, мануфактур, солеварен, страдавшие от притеснений князей и феодалов, но придерживавшиеся умеренной тактики, и обедневшие мастера и торговцы, приближавшиеся по своему положению к плебсу и выступавшие на стороне крестьян более решительно.

Революционно настроенные элементы города Гейльбронна установили связь с крестьянской группой, действовавшей в Неккарской долине под предводительством Якова Рорбаха, обедневшего крестьянина деревни Беккинген (западнее Гейльбронна), который еще до Крестьянской войны был известен во всей округе призывами не платить оброка и не выполнять феодальных повинностей. Весною 1525 г. крестьянские силы, объединенные под его руководством, сделались фактическими хозяевами Неккарской долины, прекратили выполнение барщины, не платили оброка, призывали к разделу монастырских земель и объявили свободное пользование общинными угодьями. Яков Рорбах, яркий образец крестьянского революционера времен Великой крестьянской войны, решительно подавлял сопротивление франконских господ. По приговору созданного им трибунала прогнали сквозь строй пик вюртембергского фогта графа Людвига Гельфенштейна, первым открывшего военные действия против восставших, и 13 его сторонников.

Весть об этой казни быстро распространилась по всей стране и привела в ужас господ. Многие феодалы из страха перед восставшими вынуждены были давать крестьянским отрядам продовольствие и оружие.

Революционные действия крестьян против монастырей и замков встречали сочувствие и поддержку не только городского плебса, но и радикальной части бюргерства. В разгар борьбы против правящей верхушки Гейльбронна демократические элементы этого города открыли 17 апреля 1525 г. крестьянам городские ворота.

Руководимое Рорбахом крестьянское войско объединилось с «Черным отрядом» крестьян, действовавшим в районе города Роттенбурга на Таубере. Во главе этого отряда стоял порвавший со своим классом, рыцарь по происхождению, Флориан Гейер. Яков Рорбах и Флориан Гейер боролись в районах своих лагерей с умеренными элементами, но тем в конце концов удалось одержать верх. Объединившись с остатками разбитого рыцарства, умеренные бюргерские деятели стремились подчинить крестьянское движение целям бюргерско-рыцарской оппозиции, добивавшейся лишь имперской реформы. Во второй половине апреля умеренные деятели оттеснили революционное руководство и возглавили образовавшийся в Южной Франконии сводный крестьянский отряд, получивший название «Светлый отряд» (Heller Haufen), в состав которого вошел и возглавлявшийся Флорианом Гейером «Черный отряд». Начальником полевой канцелярии «Светлого отряда» стал Вендель Гиплер, видный деятель умеренной бюргерской оппозиции. Он мечтал о преобразовании Германии не путем союза с революционным крестьянством и полного устранения феодального гнета, а путем сближения бюргерства с рыцарством и использования крестьянского движения, а потому задался целью притупить его антидворянский характер. Гиплер добился того, что командующим крестьянскими силами Франконии пригласили стать воинствующего рыцаря Геца фон Берлихингена, который поставил условием отказ от враждебных действий против замков и монастырей. Противники этой тактики — Яков Рорбах и Флориан Гейер — были отстранены от руководящей роли в «Светлом отряде» и вынуждены уйти из него вместе со своими сторонниками.

С целью ослабить значение самостоятельной крестьянской антифеодальной программы Вендель Гиплер и его сторонники взялись за исправление «12 статей», изменив их так, что сами требования стали менее определенными, а их выполнение откладывалось до проведения имперской реформы. Гиплер и его приверженцы подготовили свой проект переустройства Германии, который они намеревались предложить крестьянским руководителям на намечавшемся съезде делегатов крестьянских отрядов в Гейльбронне.

Согласно этому проекту, известному под названием «Гейльброннской программы», все власти должны были быть подчинены императору, а князья превращены в должностных лиц империи. Пятый пункт проекта требовал, чтобы духовенство было полностью лишено власти в светских делах. Предусматривалось общеимперское законодательство и выборный суд на основе сословного представительства, в котором большинство мест предоставлялось бы городам. Проект содержал требования единства монеты, мер и веса и отмены всех внутренних таможенных пошлин, запрещения крупных торгово-ростовщических компаний, изгнания докторов римского права, находящихся на службе у князей и всегда отстаивающих их интересы.

Составители проекта «Гейльброннской программы» старались сделать ее выгодной и рыцарству, в интересах которого предусматривались сохранение сословного строя и конфискация церковных имений. Программа допускала возможность выкупа крестьянами феодальных повинностей путем единовременной уплаты

в двадцатикратном размере. Феодал при этом ничего не терял, так как, отдав суммы выкупа в рост, он даже при норме в 5% получал бы тот же доход. Таким путем часть феодальной собственности превращалась бы в буржуазную. Само собою разумеется, что этим пунктом могли воспользоваться только зажиточные крестьяне. Для всей же массы феодально-зависимого крестьянства реализация вытекавших из этого пункта прав представлялась невыполнимой. Ориентация авторов «Гейльброннской программы» на союз с оппозиционным рыцарством видна также из того, что такие важные для крестьянства пункты, как отмена крепостного состояния, свобода охоты и рыбной ловли и отмена посмертного побора, вошли не в основную «программу», а в дополнительный документ и сопровождались оговорками, фактически сводившими их к нулю.

В целом «Гейльброннская программа», предусматривавшая ряд буржуазных преобразований и, главное, государственную централизацию, являлась для своего времени прогрессивным документом. Ее требования, по выражению Ф. Энгельса, «воплотили в себе, хотя и в несколько идеализированном виде, необходимые результаты происходившего разложения феодального общества». О вдохновителе и главном авторе «Гейльброннской программы» Венделе Гиплере Ф. Энгельс писал, что этот «представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предчувствию *современного буржуазного общества*» [42]. Однако необходимо иметь в виду, что программа составлялась в те дни, когда в Тюрингии и Северной Франконии революционное крестьянское движение принимало широкий размах, проявляя тенденцию вобрать все силы, готовые вести решительную борьбу против феодалов и князей. То, что именно в этот момент Гиплер и его сторонники стали ориентировать франконское крестьянство на сближение с рыцарством, не могло содействовать подъему боевого духа восставших. Наличие таких «союзников» и командование Геца фон Берлихингена могли привести крестьян только к поражению.

12 мая 1525 г., во время перемирия, войска Швабского союза внезапно напали на крестьянские соединения в районе Верхнего Неккара, между этой рекой и городом Беблингеном. Крестьяне мужественно сопротивлялись, но в результате неожиданного нападения были разбиты. Поражение под Беблингеном стало решающим для судьбы повстанцев всей Южной Франконии. В начавшихся кровавых репрессиях погибли Рорбах, Гейер и другие революционные предводители. Военному поражению здесь предшествовало предательство как самого командования, так и руководящей верхушки крупных городов, магистраты которых открывали

[42] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 413.

ворота войскам Трухзеса. Радикальные элементы бюргерства, призывавшие к поддержке крестьян, были в этих городах немногочисленны.

Иным был ход борьбы в землях Средней Германии. Основными центрами крестьянского восстания в Северной Франконии были монастыри Бильдхаузен и Аура, занятые крестьянами 9 апреля 1525 г. Вокруг этих монастырей расположились мощные крестьянские лагери, которым формально подчинились многие города и рыцарские замки. В Тюрингии центром движения был город Мюльхаузен, где с середины февраля 1525 г. находился вернувшийся из земель Верхнего Рейна Томас Мюнцер. С середины марта 1525 г. он стал играть в избранном вместо старого мюльхаузенского магистрата «Вечном Совете» главную роль. При нем город установил тесные контакты с образовавшимися в разных пунктах Тюрингии крестьянскими отрядами.

В Тюрингии не было таких крупных лагерей, как в Верхней Швабии и Франконии. Здесь не возникло новых программ. Нет также данных о происходившей в этом районе внутренней борьбе направлений. На фоне всех событий Великой крестьянской войны борьба, разыгравшаяся в Тюрингии, представлялась многим историкам лишь эпизодом. Ф. Энгельс показал, однако, что этот эпизод образует «кульминационный пункт всей Крестьянской войны» [43].

Пропаганда Мюнцера и его сторонников указывала крестьянам великую цель. Крестьянские вооруженные отряды, занимавшие в Тюрингии города, замки, монастыри и господские имения, делили имущество феодалов среди крестьян и горожан, рассматривая свои действия как начало общего социального переворота, установления равенства людей во всей стране и за ее пределами.

Большое значение Мюнцер придавал революционному подъему, нараставшему в горных районах Саксонии и Тюрингии, а также в расположенной по соседству Чехии. Об объединении назревавшего в Германии революционного взрыва с движением в Чехии, где были живы революционные традиции таборитов, Мюнцер мечтал еще в 1521 г., когда, направляясь в Прагу, посетил горнорудные районы Северо-Западной Чехии. И в Чехии, и в Германии недовольство обратилось тогда против режима на промыслах, обеспечивавшего герцогам и графам значительную часть добычи серебра и меди, но препятствовавшего свободному развитию этой переживавшей эру бурного расцвета отрасли промышленности. В обращении к жителям тюрингенского города Альштедта Мюнцер указал на необходимость привлечения к общему восстанию «деревень и городов и особенно — горнорабочих и других добрых

[43] Там же, стр. 356.

друзей», заинтересованных в устранении княжеского режима. На такой широкой основе Мюнцер рассчитывал создать в Тюрингии революционный центр всей Крестьянской войны[44].

По всей Средней Германии многие города — от Фульды и Герсфельда на западе до Бамберга, Кобурга, Иены и Веймара на востоке — были охвачены восстанием, подчинились восставшим крестьянам. Всюду такое подчинение подтверждалось официальным признанием «12 статей» верхнешвабских крестьян. Признать их вынуждены были и многие феодалы.

Против революционных сил Северной Франконии и Тюрингии была создана военная организация среднегерманских князей под руководством молодого ландграфа Филиппа Гессенского, который стал действовать в контакте с Трухзесом. Подчинив Фульду и Герсфельд, а также другие города этого района, которые присоединились к крестьянам и признали «12 статей», ландграф двинул военные силы князей на город Франкенхаузен, где концентрировались силы тюрингенских крестьян в количестве 8-9 тыс. человек. Руководил ими Мюнцер, стремившийся к объединению этих сил с сильнейшими отрядами франконских крестьян до прихода Трухзеса и его войска в Среднюю Германию.

Князья, их советники и вся феодальная верхушка придавали тюрингенскому району и предстоящему там сражению решающее значение, потому что в этом районе движение под влиянием мюнцеровской пропаганды приняло особенно радикальный характер. Мюнцер разъяснял, что требование введения «божественного права» означает полное устранение существующих властей и господ и установление самими массами новых порядков. Представители расширенного магистрата Фульды, приняв «12 статей», заявили, что главное — в лежащем в их основе принципе, требующем упразднения духовных княжеств и превращения их в светские. Фульда, принадлежавшая монастырю, объявлена была на этом основании светским городом. На том же основании магистрат вынужден был принять решение о демократизации городского управления, о передаче монастырских ценностей городу, о срытии замков на прилегающей к городу территории и т. п. Такая же картина наблюдалась и в других местах Тюрингии. Таким образом, «12 статей» толковались в Тюрингии так, что могли служить основой для объединения разных слоев оппозиции и для территориального расширения движения.

Ландграф Филипп Гессенский и вся княжеская партия Средней Германии справедливо пришли к выводу, что исходным пунктом тенденций объединения всей многообразной оппозиции являются мюнцеровская пропаганда и создающийся в Тюрингии под руководством Мюнцера революционный центр. Поэтому вся сила княжеского войска обрушилась против франкенхаузенского лагеря.

[44] См. *V. Husa.* Tomás Müntzer a Cechy.— «Rozpravy Československe Akademie Ved», Rocnik 67. Praha, 1957, str. 53—57; см. также *М. М. Смирин.* К истории раннего капитализма в германских землях, стр. 346—348 и след.

В неравном бою 15 мая 1525 г. крестьянские отряды были разбиты. Мюнцер был схвачен и подвергнут жестокой пытке в присутствии князей, но никого из своих сторонников не выдал. После пыток он был казнен. Так погиб Томас Мюнцер, которого Ф. Энгельс характеризовал как самую величественную фигуру всей Крестьянской войны[45]. Учение Мюнцера Энгельс определил как предвосхищение фантазией последующей истории; действительные цели Мюнцера понимали лишь немногие из его сторонников.

25 мая сдался Мюльхаузен, и движение в Тюрингии было подавлено. Современники считали Крестьянскую войну оконченной, несмотря на то, что в ряде мест еще летом и осенью 1525 г. действовали группы и отряды восставших. Из последних эпизодов Крестьянской войны наиболее важное значение имели вооруженные выступления крестьян в австрийских землях, особенно в Тироле и Зальцбурге, где они продолжались и в 1526 г. Главным предводителем тирольских крестьян в 1526 г. был Михаил Гайсмайер, талантливый революционер, по словам Энгельса, «единственный предводитель среди всех крестьянских вождей, обладавший незаурядным военным дарованием...»[46]. В 1526 г., разбив в районе Зальцбурга войска эрцгерцога Фердинанда и баварских князей, тирольские повстанцы стали на короткое время фактическими хозяевами этой земли. В феврале-марте 1526 г. Гайсмайер составил для Тироля «Земское устройство» («Landesordnung») — один из выдающихся документов Великой крестьянской войны. В основе этой программы коренных социальных и политических преобразований лежала идея установления народной республики на глубоко демократической основе[47]. Наряду с общими антифеодальными требованиями, «Земское устройство» Гайсмайера содержало пункты о демократизации суда, о призрении бедных, о строительстве государственных больниц, о роспуске монастырей и превращении их зданий в приюты для детей, о праве государства регулировать использование полей, лугов и недр земли, об упразднении и изгнании крупных торгово-ростовщических компаний, об устранении и истреблении господ — угнетателей народа и т. п.

О непосредственных связях или знакомстве Гайсмайера с Мюнцером данных нет. Несомненно, однако, что принципы, лежавшие

[45] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 356.
[46] Там же, стр. 429.
[47] *W. Zimmerman.* Der grosse deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1952, S 762.

в основе программы Гайсмайера, рассматриваемые на фоне борьбы социальных, политических и реформационных идей и направлений того времени, восходят к идеям народной реформации и к учению Томаса Мюнцера. Краеугольным камнем плана Мюнцера по устройству «царства божия» на земле был его тезис «власть должна быть отдана простому народу», а также положение о том, что один только народ может осуществлять правосудие и проводить во всем принцип «общей пользы», для реализации которого необходимо устранение всех господ и угнетателей. Эти принципы легли в основу «Земского устройства» Михаила Гайсмайера, стремившегося определить конкретные формы их применения в условиях Тироля. Ф. Энгельс, знавший «Земское устройство», имел все основания считать Гайсмайера одним из последователей Мюнцера.

В конце 1525 г. Гайсмайер стремился восстановить боевые силы крестьян и создать мощную армию. Ему удалось сформировать революционные отряды из крестьян и горняков Тироля и Зальцбурга, к которым примкнули многие участники Крестьянской войны, нашедшие убежище в горных областях Тироля. Обладая незаурядным военным талантом. Гайсмайер в борьбе с двинувшимися против него с разных сторон войсками австрийского эрцгерцога, баварцев и Швабского союза сумел провести ряд успешных операций и сохранить свое войско. Окруженный превосходящими силами врагов, Гайсмайер сумел вывести часть своих отрядов, перейти с ними через австрийские Альпы в Венецианскую область, где началась их реорганизация. Одновременно он вступил в переговоры со швейцарцами и венецианцами о совместной борьбе против Габсбургов. Но во время этих переговоров Гайсмайер погиб от руки подосланного австрийским правительством убийцы.

Борьба тирольских крестьян под руководством Гайсмайера была заключительным актом Крестьянской войны. Всюду начались преследования и массовые казни участников восстания. Число погибших крестьян превысило 100 тыс. Крестьянство было разорено огромными контрибуциями.

Кровавое подавление Великой крестьянской войны, жестокие репрессии против ее участников совершались с «благословения» Лютера и по его прямым призывам. Высказывавшиеся Лютером в первые годы Реформации радикальные идеи о функциях и роли светского государства, самостоятельности сферы «естественного права», а также о значении «интересов подданных» в политике светского государства он сам позднее интерпретировал так, что они не могли не оставаться областью абстрактной теории [48]. Практически же Лютер предоставлял князьям и феодалам определять

[48] *М. М. Смирин.* Лютер и общественное движение в Германии в эпоху Реформации, стр. 128—129.

Суд над крестьянами.
Современная гравюра

«интересы подданных» и всю политику в области социальных отношений. «Естественным правом» Лютер обосновывал в своих антикрестьянских памфлетах право феодалов на барщину и на восстановление крепостничества.

История Великой крестьянской войны, образующей вместе со всем общественным движением эпохи Реформации первый акт буржуазной революции в Европе, показывает, что главной силой в борьбе с феодализмом был крестьянско-плебейский лагерь. Поражение восставших крестьян и плебеев имело тяжелые последствия для всего немецкого народа. Причину поражения Ф. Энгельс видел в разрозненности крестьянских выступлений и в неумении оппозиции встать выше местных и провинциальных интересов [49]. Останавливаясь на этом выводе Энгельса, В. И. Ленин подчеркнул, что речь идет о таких особенностях классовой

[49] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 434—435.

природы крестьянства, которые лишают его возможности одержать победу в самостоятельных выступлениях. Ленин писал: «...Организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата» [50].

Объективно перед немецкими крестьянами и городским плебсом стояли две главные задачи — ликвидация феодальной эксплуатации и прекращение политической раздробленности страны. Решение этих задач устранило бы препятствия к переходу Германии на путь буржуазного развития. Однако ход событий показал, что, несмотря на заинтересованность передовых элементов бюргерства, уже в известной степени обуржуазившихся, в победе над феодализмом, в целом бюргерство оказалось неспособным возвыситься над местной ограниченностью и освободиться от опутывавших его связей с миром феодальных отношений, чтобы выступить руководителем всех антифеодальных сил.

Последним отзвуком Крестьянской войны была Мюнстерская коммуна.

В 1533 г. в Мюнстере победили сторонники Реформации. Анабаптисты, стекавшиеся в Мюнстер из других городов Германии и из Нидерландов, принимали активное участие в обороне города от вооруженных сил изгнанного оттуда князя-епископа. В феврале 1534 г. анабаптисты, опиравшиеся на плебейские массы Мюнстера, получили большинство в магистрате и фактически захватили власть в городе. Во главе их стояли прибывшие из Нидерландов булочник Ян Матис и портной Иоанн Лейденский (Бокельсон).

Мюнстер был объявлен «Новым Иерусалимом», т. е. центром «царства божия», которое, согласно учению Яна Матиса, должно быть установлено на земле мечом «праведных». Во время своего господства в Мюнстере, длившегося 14 месяцев (до июня 1535 г.), в обстановке вражеской осады анабаптисты провели ряд преобразований. Ремесленные мастера обязаны были выполнять заказы городской общины и подчиняться ей в деле организации производства, хотя они сохранили в своих руках орудия производства и использовали труд работавших на них, как и прежде, подмастерьев. Община распоряжалась раздачей отдельным лицам земельных участков для обработки. Золото, серебро и драгоценные вещи подлежали конфискации в общую пользу. Деньги были упразднены; производился только натуральный обмен. Потребление было организовано на уравнительных началах. Все эти меры,

[50] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 41.

не выходившие за рамки уравнительства, проводившегося к тому же не вполне последовательно, диктовались в основном военной обстановкой. По вопросу об общности имуществ у мюнстерских анабаптистов не было единства взглядов. Не было у них вообще более или менее определенной программы устройства будущего общества [51].

Значение Мюнстерской коммуны — не столько в ее социальных преобразованиях, сколько в том, что после разгрома революционных сил и подавления Крестьянской войны она показала пример готовности к дальнейшей борьбе против свирепствовавшей феодальной реакции. Деятели Коммуны решительно расправлялись с феодалами. В условиях реакции Мюнстерская коммуна не могла получить достаточной поддержки, хотя некоторые города Германии и Нидерландов послали ей в помощь вооруженные отряды. После 14-месячной героической обороны Мюнстер пал. Оставшиеся в живых деятели Мюнстерской коммуны, в том числе Иоанн Лейденский, были после жестоких пыток казнены.

ГЕРМАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI И В НАЧАЛЕ XVII В.

Подавление Крестьянской войны и всего общественного движения той эпохи открыло дорогу дальнейшему усилению власти территориальных князей. Орудием княжеского сепаратизма стала лютеровская реформация, лишившаяся связи с народом. Для князей эта реформация была выгодна и как орудие секуляризации церковных земель. Когда в 1529 г. император Карл V приостановил секуляризацию, то сторонники Лютера заявили протест, за что их и стали называть «протестантами». В секуляризации церковных земель заинтересованы были также князья-католики. На этой почве наметилось известное сближение протестантов-лютеран с католиками, выражавшееся в стремлении ослабить остроту различий между обоими вероучениями. На Аугсбургском сейме 1530 г. ближайший соратник Лютера Филипп Меланхтон представил систематическое изложение основ лютеранства, известное под названием «Аугсбургского вероисповедания». Наряду с положением о том, что князь, а не папа является главой церкви в пределах своей территории, в этом документе устанавливалась

[51] По вопросу о социально-политических взглядах и экономической деятельности руководителей Мюнстерской коммуны см.: *А. Н. Чистозвонов.* Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI века. М., 1964, стр. 244—262.

обрядовая и внешняя сторона лютеранского культа. Обрядность предусматривалась здесь в духе буржуазного требования «дешевой церкви»: без внешней пышности, без почитания икон и мощей; вместо торжественной католической мессы вводилась протестантская литургия, в которой большое место занимала проповедь, а из семи «таинств» оставлено только два — крещение и причащение. Однако самый факт создания церковной организации и культа, хотя и упрощенного, свидетельствовал об отступлении Лютера от первоначального принципа «оправдания только верой».

Превращение лютеранства в орудие княжеского сепаратизма усилило враждебное отношение императора Карла V к протестантизму. В ответ на попытки императора перейти к строгому применению Вормсского эдикта протестантские князья вместе с некоторыми имперскими городами составили в 1531 г. в городе Шмалькальдене союз для защиты дела реформации. В 1546 г., после того как на сторону протестантов перешли трое из семи курфюрстов, между императором и Шмалькальденским союзом началась война, закончившаяся в 1548 г. победой императора. Но эта победа не была окончательной. Вторая шмалькальденская война против императора, в которой на стороне протестантов участвовал также французский король Генрих II, привела в 1552 г. к победе над императором. После этого протестантские и католические князья в 1555 г. заключили между собою и с императором Аугсбургский религиозный мир, согласно которому княжеский суверенитет, объявленный незыблемым, распространялся и на область религии. Провозглашен был принцип, выраженный в формуле: «Cujus regio, ejus religio» («Чья страна, того и вера»). Это означало, что религиозная принадлежность подданных определяется их князем. За князьями признано было право назначения в своих территориях на высшие церковные должности, а также утверждения консисторий (органов церковного управления). В территориях лютеранских князей консистории функционировали как органы княжеской администрации.

В результате религиозного мира 1555 г. в Германии образовались две группировки княжеств — католическая и протестантская. В католическом лагере остались все наследственные земли Габсбургов, Бавария, Франконня, духовные княжества на Рейне и в Северо-Западной Германии и Эльзас. Северогерманские княжества, герцогство Пруссия, Бранденбург, Саксония, Гессен, Брауншвейг, Верхний и Нижний Пфальц и Вюртемберг образовали протестантскую группировку. Обе группировки обособлялись друг от друга не только в религиозном отношении, но и своей политической ориентацией: протестантские князья оставались более решительными противниками великодержавной политики Габсбургов. Таким образом, после подавления Великой крестьянской войны

борьба реакционных политических сил между собою привела к усилению и закреплению политической раздробленности Германии.

Это было одной из причин, почему экономический подъем, имевший место в 30—40-х и особенно в 70-х гг. XV в., прекратился к середине XVI в.; в дальнейшем стали проявляться черты застоя и упадка. Характер и масштаб этих новых явлений в экономической жизни Германии по-разному оцениваются в исторической литературе [52]. Бесспорными, однако, остаются поворотный характер данного периода хозяйственной истории Германии, потеря ею прежнего места и прежней роли в мировых экономических связях, снижение темпов хозяйственного развития, ухудшение условий развития элементов капиталистического производства и их ослабление.

Перечисленные явления выражались прежде всего в ослаблении конкурентоспособности раздробленной Германии. Она не только потеряла свое прежнее положение на внешних рынках, но торговцы других стран стали вытеснять немцев и с немецких рынков. Проявлениями тех же тенденций были значительное ослабление горной и плавильной промышленности, разорение ряда торговых фирм и как следствие — сокращение капиталовложений в промышленные предприятия [53] и т. п. Для понимания причин этого необходимо иметь в виду не только общую слабость раздробленной страны перед лицом ее политически централизованных конкурентов, но и всю обстановку политической и социальной реакции с конца 20-х годов XVI в.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что элементы застоя и упадка проявлялись в рассматриваемый период неравномерно. Затруднения в сбыте немецких сукон вследствие английской и голландской конкуренции привели во второй половине XVI и в начале XVII в. к сокращению их производства в Ахене, Вормсе, Шпейере, в землях Вестфалии и Баварии. К сокращению сукноделия вело также изгнание из ряда городов протестантов,

[52] Среди специалистов по экономической истории Германии преобладало ранее мнение об этом периоде как о времени общего регресса (см., например, *R. Kötzschke*. Grundzüge der deutschen Wirtschaftsgeschichte bis zum 17. Jahrhundert. Berlin, 1923; в этой работе раздел, посвященный данному периоду, озаглавлен: «Застой и упадок народного хозяйства Германии после периода расцвета раннего капитализма»). В новейшей же литературе, в частности — в работах историков ГДР (*H. Mottek*. Wirschaftsgeschichte Deutschlands, Bd. I, S. 289—290; «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 565—566 и др.) приводятся данные, свидетельствующие об относительном характере экономического отставания Германии во второй половине XVI и в XVII в.

[53] *W. Goerlitz*. Staat und Stände unter den Herzogen Albrecht und Georg 1485—1539. Leipzig — Berlin, 1928.

многие из которых были искусными ремесленниками. Но в других местах сокращение сукноделия вызывалось развитием в самой Германии производства тонких и легких тканей, а с начала XVII в. также изделий вязального производства. В отдельных же местах, как в Бранденбурге-Пруссии, с XVII в. даже наблюдался рост выработки сукон для военных нужд. В Саксонии, в окрестностях Лейпцига, в 1579 г. возникла суконная мануфактура централизованного типа с валяльной мельницей, красильней и вязальными механизмами[54]. В суконном производстве Гёрлица деятельность иноземных купцов, авансировавших и эксплуатировавших производителей через посредников из числа местных купцов и мастеров, продолжалась и во второй половине XVI в. В Вюртемберге с конца XVI в. непосредственные производители легких шерстяных тканей также втягивались в систему капиталистического авансирования и рассеянной мануфактуры. В производстве полотняных хлопчатобумажных и бумазейных тканей раннекапиталистические отношения в форме раздаточной системы развивались в Саксонии, Вестфалии и Лаузице, а также в старых центрах этих отраслей текстильной промышленности Верхней Германии.

Характерен пример нюрнбергского купца Бартоломея Виатиса, начавшего в 50-х годах XVI в. подчинение саксонских, лаузицких и силезских ткачей. В конце века в развернутую им систему раздач втянуты были ткачи 50 городов. Количество розданных им и пущенных в дело ткацких станков достигало внушительной цифры. Сумма оставленного Виатисом в конце XVI в. наследства составляла 1240 тыс. флоринов[55]. Расширению капиталистических отношений в текстильной промышленности содействовали поселившиеся в протестантских землях эмигранты из Нидерландов, принесшие с собою опыт, квалификацию и новые методы работы, особенно — новые методы крашения.

Ко второй половине XVI и началу XVII в. относится ряд успехов в области развития производительных сил, усовершенствования в использовании силы воды и ветра в лесопильном деле, в производстве пороха, в бумажной промышленности и в металлургии, дальнейшие успехи в области книгопечатания, в добыче и применении каменного угля, в металлообработке, солеварении и производстве стекла. Все эти и другие достижения в отдельных отраслях производства подчеркивают неравномерный характер определившегося со второй половины XVI в. хозяйственного застоя и упадка.

[54] *H. Mottek.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands, Bd. I, S. 310.
[55] *G. Aubin.* Bartolomeus Viatis. Ein nürnberger Grosskaufmann vor dem Dreissigjährigen Kriege.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 33. Stuttgart, 1940.

То же следует сказать о состоянии немецкой торговли в указанное время. Признаки упадка выражались в том, что восторжествовавшая феодальная реакция задерживала образование внутреннего рынка. Внешняя же торговля Германии страдала от перемещения старых, проторенных торговых путей, что ставило ее в невыгодное положение в отношении конкурентов. Однако наряду с этим успешно развивалось немецкое судоходство[56], Франкфурт-на-Майне сохранил свое место среди крупнейших ярмарок мирового значения, продолжался расцвет Гамбурга, определявшийся главным образом вывозом через этот порт немецкого полотна за границу.

Но в целом, если до поражения раннебуржуазной революции можно было ожидать, что новые формы производства, опираясь на революционные силы народа, опрокинут препятствия на своем пути, то после победы реакции открылась широкая дорога для приспособления и подчинения растущих производительных сил интересам князей и феодалов. Дальнейшее развитие элементов капиталистических отношений допускалось лишь в тех масштабах, которые поддавались регулированию феодально-княжеским государством. О свободной системе наемного труда не могло быть речи в условиях, когда еще не была сломлена сила цеховых организаций и, особенно, в условиях феодальной реакции в деревне[57].

Ухудшившееся положение немецких городов и горных районов вело к сокращению емкости внутреннего рынка для сельского хозяйства. Это особенно чувствовалось в землях запада и юго-запада Германии, где до этого наибольшее значение в сельском хозяйстве приобрели огородные, винодельческие и технические культуры для нужд бурно развивающихся городов. Со второй половины XVI в. перспективными оказались в основном те отрасли сельского хозяйства, продукция которых вывозилась за границу — в страны растущего капиталистического производства.

Тенденция к новому закрепощению крестьян, наметившаяся еще в XV в., после поражения Крестьянской войны стала проявляться гораздо более отчетливо. Расширение товарного производства в восточных землях, где существовали благоприятные условия для крупного хозяйства, производившего хлеб на экспорт, происходило на основе феодальной реакции.

[56] См. «Deutsche Geschichte», Bd. I, S. 565. На данные о росте процента немецких судов среди проходивших в XV—XVI вв. через Зунд ссылается Ф. Лютге при характеристике положения Ганзы (F. Lütge. Studien zur Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Stuttgart, 1963, S. 364—365). Необходимо, однако, иметь в виду, что к фрахту ганзейских судов прибегали и купцы других стран.
[57] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 105.

В западной части страны дело обстояло иначе. Хотя феодальная реакция шла именно отсюда — из районов, где бушевала Крестьянская война, — тем не менее здесь продолжала господствовать система мелких хозяйств, плативших феодалам главным образом денежный и натуральный оброк. Барщинная система хозяйства не представлялась здесь целесообразной самим феодалам.

Как видим, от подавления массового общественного и политического движения эпохи Реформации, развернувшегося на фоне экономического подъема XV — начала XVI в., в выигрыше остались только князья, что означало усиление и закрепление германской раздробленности. Ф. Энгельс указал на это, как на главный результат поражения Крестьянской войны [58]. Характерной чертой политической жизни Германии сделался областной и провинциальный сепаратизм. Каждый князь становился полновластным монархом в своих владениях.

К. Маркс характеризовал княжеский суверенитет в Германии как «уродство»; создалось «специальное немецкое „подданство", которое делало крестьян и бюргеров одинаково „крепостными" государя» [59].

Усиление немецких князей сопровождалось ослаблением императорской власти. Особенное влияние приобрели курфюрсты; перед выборами императора они заставляли претендента подписывать так называемую избирательную капитуляцию, ограничивавшую свободу его деятельности как во внутренней, так и во внешней политике.

В конце XVI и в начале XVII в. политическое соперничество многочисленных немецких князей осложнилось острой борьбой между католическими и протестантскими князьями; последние стремились закрепить за собою перешедшие к ним в результате секуляризаций духовные земли и продолжать подобные приобретения. В католическом же лагере было много духовных князей, против которых эти секуляризации были направлены. И даже светские католические князья, заинтересованные в сохранении приобретенных имуществ, видели в католической церкви опору своей власти против вассалов и не желали дальнейшего подрыва ее могущества.

[58] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 434.
[59] См. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 97.

2

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Обострение положения в Германии затрагивало не только немецкие государства. Каждая из сильных централизованных держав Европы: Англия, Франция, Голландия, Швеция, Дания, Россия — рассматривала возможный исход назревавшего в Германии конфликта как угрозу своим интересам, хотя речь шла о событиях, происходивших за пределами их территорий. Война общеевропейского характера вызывалась, конечно, не только религиозными противоречиями между германскими государствами, но не в меньшей степени острыми территориальными спорами и борьбой за гегемонию в Европе между Австрией и Францией, борьбой ряда стран за господство на Балтийском море и т. п.

В первом десятилетии XVII в. в Германии сложились союзы, ставшие прообразами воюющих коалиций: в 1608 г. возникла Протестантская уния, главой которой был Фридрих V Пфальцский, а в 1609 г.— Католическая лига во главе с баварским курфюрстом Максимилианом. Каждая из них располагала войском. Командующим армией Католической лиги стал крупный военачальник, габсбургский фельдмаршал Тилли. Хотя в религиозном отношении между Лигой и императором существовала полная общность, подлинное единство их затруднялось соперничеством Габсбургов и баварских Виттельсбахов. Абсолютного единодушия не было и в противоположном лагере, где сказывались разногласия между лютеранами и кальвинистами. И Католическая лига, и Протестантская уния завязали переговоры с иностранными государствами, а последняя в 1612—1613 гг. заключила союз с Англией и Голландией.

В последующие годы атмосфера все более накалялась и нужен был только повод для начала войны. Таким толчком послужили события в Чехии, которую Габсбурги (Чехия с 1526 г. входила в их державу) настойчиво стремились лишить привилегий, в свое время предоставленных ей. В мае 1618 г., во время переговоров между оппозиционными депутатами чешского сейма и чиновниками — сторонниками Габсбургов, двух из числа последних народ выбросил из окна дворца в Пражском Граде.

На первом этапе Тридцатилетней войны (он длился до 1625 г.) основные военные действия развернулись в Чехии, а затем в Пфальце. Чехи в течение двух лет оказывали сопротивление войжам императора, объединившимся с военными силами Католической лиги, но в битве при Белой горе (1620 г.) потерпели тяжелое поражение; оно было в немалой степени обусловлено страхом чешского дворянства перед развертыванием массового национально-освободительного движения. В Пфальце Католическая лига также добилась решительного успеха; это княжество, являвшееся до начала войны оплотом протестантского блока, оккупировали войска испанских Габсбургов — союзников императора.

К середине 20-х годов XVII в. поражение Протестантской унии представлялось современникам неминуемым. Но разгул католической реакции, грабежи и террор усиливали сопротивление не только со стороны князей и рыцарей — протестантов, но и со стороны народных масс. С 1621 г. начинаются крупные волнения крестьян, сначала в Чехии, а затем в Верхней Австрии и некоторых других областях Германии. Победе католического лагеря препятствовали также обострившиеся противоречия между Габсбургами и Виттельсбахами. Наконец, перспектива торжества папизма во всей Германии, подчинения Габсбургам северо-западных районов страны, захвата ими балтийского побережья активизировала иностранные государства.

Особенно большую закулисную роль играла Франция, где с 1624 г. у власти находился кардинал Ришелье. Сторонник католической реакции, он не хотел, однако, допустить усиления германских католиков, считая более выгодным для Франции равновесие, установленное Аугсбургским миром 1555 г. Но Ришелье по внутриполитическим соображениям предпочитал не участвовать непосредственно в военных действиях. Первой из иностранных держав в войну вступила Дания (1625 г.), что положило начало второму этапу Тридцатилетней войны.

На этом этапе бедствия, обрушившиеся на Германию, еще более умножились. Основными войсками, противостоявшими датской армии, командовал состоявший на австрийской службе чех Альбрехт Валленштейн; он предложил создать армию без затраты средств — лишь за счет грабежа местностей, где развернутся

Альбрехт Валленштейн.
Портрет работы Ван Дейка

военные действия. Его предложение было принято. Там, где прошли его войска, все было опустошено. Более всех обогатились сам Валленштейн и близкие к нему офицеры. Крестьянские волнения, вызванные грабежами, беспощадно подавлялись. Продвигаясь на север, армия Валленштейна постоянно росла, вбирая в себя банды наемников, которые не прочь были поживиться за счет крестьян.

В 1629 г. Дания, не добившись каких-либо военных успехов, заключила с германскими католиками мир на основе положения, существовавшего до ее вступления в войну. Сразу же после этого император Фердинанд II, стремившийся закрепить выгодную для католического блока военную обстановку, издал Реституционный (т. е. восстановительный) эдикт, согласно которому все церковные имущества, секуляризованные после 1552 г., подлежали возврату церкви. Эта мера побудила протестантских князей удвоить свои усилия.

В католическом же лагере не прекращались раздоры; результатом их было отстранение в 1630 г. «героя» датской кампании

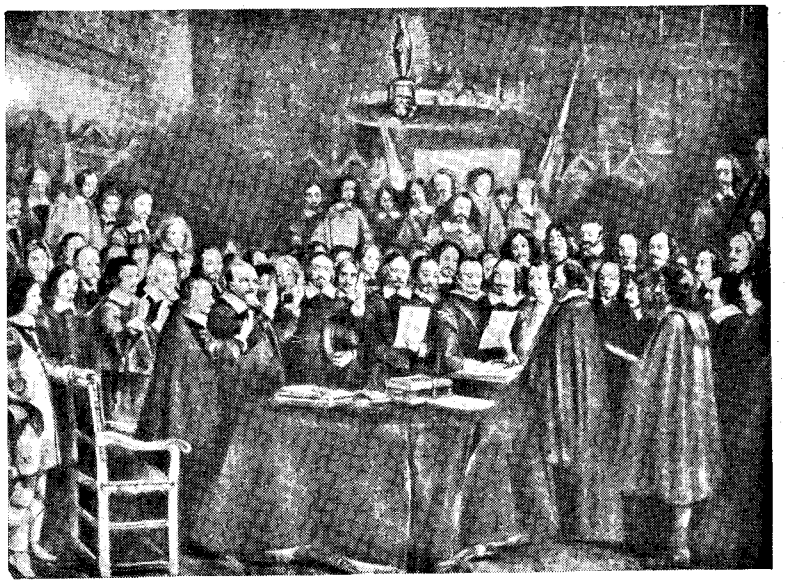
Валленштейна. Тем не менее император не «забыл» его: Валленштейн стал герцогом Мекленбургским.

С того времени как в военные действия включилась Швеция (1630 г.), начался третий этап Тридцатилетней войны. Шведские войска во главе с королем Густавом II Адольфом в течение нескольких лет нанесли католикам ряд поражений. Особенно ощутимой была их победа над Тилли при Брейтенфельде, в Саксонии (1631 г.). Успехи шведской армии обусловливались в первую очередь тем, что она состояла из лично свободных крестьян, и потому по своим боевым качествам намного превосходила наемные войска германских князей. Шведы умело использовали наступательную тактику, быстро маневрировали, концентрируя свои силы для ударов по противнику. Их успехи могли бы быть еще значительнее, если бы не помехи со стороны протестантских князей Северной Германии, формально находившихся в союзе со Швецией, но в действительности относившихся к ней с большой опаской и склонных к компромиссу с императором и Католической лигой. По этой причине Густав-Адольф не двинулся во владения Габсбургов, как предполагал вначале. Вместо того он предпринял поход во Франконию.

Возвращение в 1632 г. Валленштейна в качестве главнокомандующего войсками Габсбургов не изменило хода военных действий, складывавшегося теперь неблагоприятно для католического блока. В конце 1632 г. шведы разгромили Валленштейна при Лютцене (правда, в этом бою был убит их король). Валленштейн, видя превосходство противника, вступил в переговоры со Швецией и Францией; это стоило ему головы: Фердинанд II, заподозрив измену, подослал к своему полководцу убийц, которые в начале 1634 г. умертвили его.

Но к тому времени положение шведской армии существенно ухудшилось. Грабежи и насилия, чинимые шведами, вызвали острую ненависть к ним населения. Бедствия мирных жителей, уже в течение полутора десятилетий являвшихся объектом вымогательств и издевательств солдат различных армий, не имели предела. Некоторые области почти обезлюдели. В 1634 г. военные действия охватили германскую территорию между Дунаем и Майном. В битве при Нордлингене шведы, покинутые своими протестантскими союзниками, впервые потерпели серьезное поражение; но для населения мало что изменилось — теперь его грабили обосновавшиеся здесь войска испанских Габсбургов.

1635 годом датируется начало четвертого, последнего этапа Тридцатилетней войны. В это время она в значительной степени перестала быть конфликтом германских государств, какой была в момент своего возникновения и на первом этапе. Бранденбург, Саксония и некоторые другие протестантские государства в 1635 г.



Заключение Вестфальского мира. 1648 г.

вступили в сделку с императором и заключили с ним мир, выговорив себе ряд уступок, в том числе отказ от применения к ним Реституционного эдикта. После этого те, кто в течение многих лет разжигал междоусобицу в Германии, оставаясь за кулисами,— Франция и Голландия — вынуждены были открыто принять участие в войне.

Последний этап войны оказался самым длительным (13 лет) и самым мучительным для населения Германии, которая продолжала оставаться ареной борьбы за чуждые ей интересы. Военные действия шли с переменным успехом, но все же перевес медленно склонялся на сторону антигабсбургской коалиции. В конце 1642 г. шведы вторично нанесли имперским войскам крупное поражение при Брейтенфельде, в 1645 г. они проникли в собственно австрийские земли, создав угрозу Вене. К концу войны грабежи и поборы со стороны воюющих армий почти повсеместно наталкивались на вооруженный отпор населения. Император (Фердинанд III) вынужден был пойти на заключение мира, хотя международная обстановка в 40-х годах XVII в. осложнилась к невыгоде его противников: во Франции развернулась Фронда, в Англии — буржуазная революция.

Мир был подписан в октябре 1648 г. в двух вестфальских городах: Оснабрюке — между империей, с одной стороны, Швецией и протестантскими князьями Германии — с другой; в Мюнстере — между империей и Францией. Условия были весьма тяжелы для Германии. Швеция получила всю Западную Померанию, а также Штеттин (Щецин) в восточной ее части и в качестве «имперского лена» — Бременское и Верденское архиепископства. К Франции отходили Верхний и Нижний Эльзас, за ней закреплялись захваченные ранее крепости Мец, Туль и Верден. Бранденбургский курфюрст сумел присоединить к своим владениям Восточную Померанию. Но наиболее тяжелым последствием Тридцатилетней войны стало для Германии усиление и закрепление ее раздробленности. Таковы были итоги этой войны, порожденной корыстными устремлениями немецких князей и политикой Габсбургов, добивавшихся установления своей гегемонии не только в Германии, но и во всей Европе.

ИМПЕРИЯ — КОНГЛОМЕРАТ НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

«Когда наступил мир,— писал Энгельс,— Германия оказалась поверженной — беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекающей кровью» [1]. Численность населения упала более чем вдвое, некоторые же районы страны, в том числе Пфальц и Вюртемберг на западе, Бранденбург, Мекленбург и Померания на востоке, потеряли $^5/_6$ населения.

Тридцатилетняя война довершила распадение страны на множество фактически, если не формально независимых государств. Согласно условиям Вестфальского мирного договора, князья получали право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными государствами, объявлять войну и заключать мир. Правда, в мирном трактате содержалась оговорка, что внешнеполитические действия князей не будут направлены против империи, но на деле эта оговорка не приобрела серьезного значения. «С тех пор на целых три столетия Германия исчезает из числа стран, самостоятельно и активно действующих в истории» [2].

«Конституированная анархия» — так назвал Гегель установившиеся в Германии порядки. Формально «Священная римская

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 341.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 314.

империя германской нации» продолжала существовать. Во главе ее стоял император, избиравшийся коллегией из восьми курфюрстов — крупнейших светских или духовных князей Австрии, Бранденбурга, Баварии, Кельна, Трира, Майнца, Саксонии и Пфальца. Императоры, как правило, являлись представителями княжеского рода, правившего Австрией,— Габсбургов. Целью курфюрстов было насколько возможно ограничить права императора; при избрании на престол каждому новому главе империи навязывались определенные условия, предоставлявшие те или иные преимущества князьям в ущерб империи. Примеру курфюрстов стремились следовать и остальные монархи, зачастую мелкие и мельчайшие; в Германии того времени было, как говорили, столько государств, сколько дней в году. И каждое из них претендовало на самостоятельность, хотя чаще всего не имело для этого ровно никаких оснований. Так, бургграфство Райнек состояло лишь из замка с 12 подданными, а также нескольких дворов и мельниц [3]. Коронованная мелочь влачила, как правило, жалкое существование, но, по словам прусского короля Фридриха II, «даже среди младших членов владетельных домов не было никого, кто не воображал бы себя похожим на Людовика XIV; каждый строил свой Версаль, имел своих метресс и держал свои армии» [4]. Никакой заботы об общегерманских интересах князья — ни мелкие, ни крупные — не проявляли: они неизменно преследовали только свои собственные выгоды или выгоды своих графств и княжеств, даже если они резко противоречили национальным.

«Власть имперских князей,— писал Ф. Энгельс, глубоко изучавший этот период «безвременья» в истории Германии,— все более приближалась к полному суверенитету; их право не повиноваться воле императора, заменявшее в Германии польское liberum veto, было по условиям Вестфальского мира открыто гарантировано Францией и Швецией... В каждой войне император обнаруживал немецких имперских князей в числе союзников своих чужеземных врагов, каждая война, таким образом, являлась в то же время междоусобной войной. Почти все более крупные и средние имперские князья были подкуплены Людовиком XIV» [5].

Но, кроме множества светских и духовных княжеств, существовал и другой, не меньший фактор анархии — имперские рыцари, число которых доходило до 1500 [6]. Юридически не имея столь широкого суверенитета, каковым обладали князья, рыцари,

[3] *P. Kampfmeyer*. Deutsches Staatsleben vor 1789. Berlin, 1925, S. 51.
[4] *В. Н. Перцев*. Очерк по истории Германии XVIII в. Минск, 1959, стр. 77.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 19.
[6] *В. Н. Перцев*. Очерк по истории Германии XVIII в., стр. 8.

однако, по своим правам мало чем отличались от них, оставаясь неограниченными владыками своих подданных. Районами сосредоточения владений имперских рыцарей являлись преимущественно Швабия, Франкония и прирейнская Германия. Имперские рыцари пользовались покровительством и защитой императоров, что как нельзя лучше характеризует существо императорской власти, способствовавшей сохранению мелкодержавия.

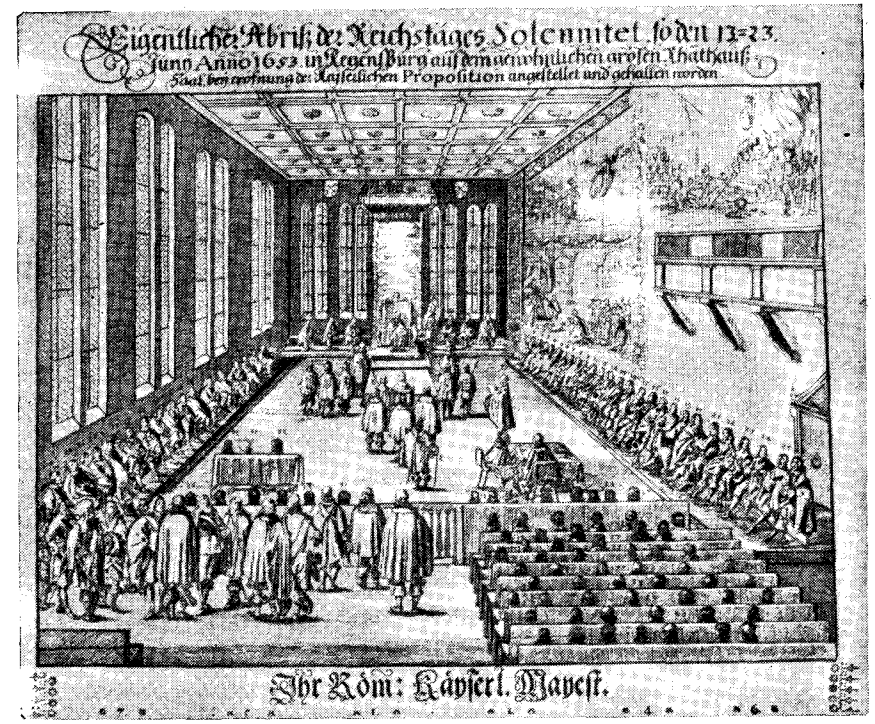
К тому же вела и деятельность имперского рейхстага — унаследованного от феодальных времен представительства сословий. Он состоял из трех курий — курфюрстов, князей и городов, численность которых, а главное, их прерогативы были резко различны. Курия курфюрстов включала в себя всего 8, а после 1692 г. (когда этого титула добился и ганноверский герцог) — 9 человек. В курию князей входило 98 человек (62 светских и 36 духовных князей); имперским рыцарям было предоставлено лишь 4 места.

Работа рейхстага парализовалась тем, что для принятия какого-либо решения требовалось единогласие всех трех курий и императора, являвшегося председателем рейхстага. Фактически все дело было в соглашении первых двух курий, ибо третья — курия городов — не имела права голосовать прежде, чем две другие курии договорятся, а такие случаи были редки.

Со второй половины XVII в. не только курфюрсты, но и другие князья, как правило, лично не участвовали в заседаниях рейхстага, длившихся многие месяцы, а препоручали эту обязанность своим представителям. Это еще больше затрудняло принятие решений, особенно тех, которые могли бы ущемить прерогативы мелкодержавных властителей. Так было, в частности, с неоднократно вносившимися проектами создания общегерманской армии. Зато по воле князей рейхстаг в 1654 г. предоставил им право облагать своих подданных налогами на военные нужды, не прибегая к утверждению местными ландтагами, а несколькими годами позже запретил подданным подавать на князей жалобы в рейхстаг[7].

Как видим, рейхстаг не помогал укреплению имперской общности, а, наоборот, содействовал упрочению княжеского абсолютизма, становившегося главным препятствием для германского единства. А раздробленность усугублялась тем, что к числу имперских князей принадлежали иностранные государи — французский и шведский короли. Это еще более ослабляло Германию, способствовало отторжению от нее все новых земель. Помимо чисто территориальной, существовала сильнейшая раздробленность по религиозному признаку, которую усилил Вестфальский трактат, под-

[7] «Gebhardts Handbuch der deutschen Geschichte», Bd. 2. Stuttgart, 1955, S. 216.



Заседание имперского рейхстага в 1653 г.
Современная гравюра

твердивший право князей менять религию своих подданных, что вызвало передвижение населения.

Для экономического развития германских государств тяжелейшие последствия имели статьи Вестфальского мира, касавшиеся судеб балтийского побережья. Наиболее ценная для Германии часть его — устье Одера — очутилась в результате Тридцатилетней войны в руках Швеции; это усугубило отрицательные последствия перемещения на запад торговых путей, уже до этого затормозившего экономическое развитие Германии. Война довершила подрыв торговли Ганзейского союза. Война вызвала дальнейший, к тому же весьма длительный, разрыв торговых связей, упадок производства сельскохозяйственных продуктов и сырья, добычи полезных ископаемых, этой важной отрасли германской экономики, сокращение городского населения.

Таково было положение страны в середине XVII в. Хозяйственному восстановлению в сильнейшей степени препятствовали внутренняя раздробленность и тесно связанное с нею вмешательство во внутренние дела Германии извне, в особенности со стороны Франции и Швеции — главных соперников Австрии в борьбе за гегемонию в Европе.

Мир, установленный в 1648 г., был для Германии понятием весьма относительным: за 73 года — с момента окончания Тридцатилетней войны до 1721 г. — страна была втянута в 10 крупных войн, длившихся в общей сложности 65 лет. Германские государства или подвергались нападению и вынуждены были защищаться или оказывались местом вооруженной борьбы войск других государств, бесчеловечно опустошавших их территории. Нередко, однако, участие тех или иных из германских княжеств в войнах было вполне добровольным и обусловливалось стремлением поживиться за счет других государств, входивших в империю.

Важным стимулом к участию германских государств в войнах крупных централизованных держав тогдашней Европы были субсидии. Иногда субсидии получали те правители, которые были прямо заинтересованы в данной войне. Но иногда властители Бранденбурга, Баварии или какого-либо иного из германских государств не гнушались и попросту продавать своих подданных для участия в войнах, к которым не имели даже косвенного отношения. Это — одна из позорнейших страниц истории германского мелкодержавья XVII—XVIII вв.

Наибольшую активность в подкупе германских князей проявляла Франция, настойчиво стремившаяся округлить свои владения за счет немецких земель. С этой целью Людовик XIV даже держал своих представителей при рейхстаге, заседавшем в Регенсбурге; они занимались «обработкой» посланцев германских курфюрстов и властителей помельче. Так, на содержании у Франции находилось трое братьев Фюрстенберг, занимавших ключевые посты в трех государствах: один из них был министром кельнского курфюрста, другой являлся главным гофмейстером баварского курфюрста, третий — страсбургским епископом [8]. Проводниками французского влияния призваны были стать региональные союзы германских князей, создававшиеся под эгидой Франции; наиболее крупным из них был Рейнский союз, существовавший с 1658 по 1668 г. В нем участвовали, кроме княжеств, расположенных на западе Германии, также Гессен-Кассель, Брауншвейг и даже Швеция [9]. Сама возможность такого объединения была свидетельством крайней слабости и аморфности империи.

[8] «Gebhardts Handbuch der deutschen Geschichte», Bd. 2, S. 19, 24, 29.
[9] *G. Schilfert.* Deutschland 1648—1789. Berlin, 1962, S. 35—36.

Но и после распада Рейнского союза Франция с успехом привязывала к себе немецких князей, осуществляя с их помощью свои планы, направленные против империи. Так, накануне войны с Голландией, начавшейся в 1672 г., Людовик XIV за сравнительно недорогую цену — 11 тыс. талеров — обеспечил себе помощь армии кельнского курфюрста, насчитывавшей 18 тыс. человек. Несколько дороже — 13 тыс. талеров — обошлись Франции 19 тыс. солдат, «уступленных» мюнстерским епископом [10]. Пфальцграф нейбургский, хотя и не предоставил войск, за определенную сумму обещал беспрепятственно пропустить французскую армию через свою территорию и обеспечить ей зимние квартиры. Курфюрст же баварский пошел еще дальше и обязался не пропускать через свои владения армию императора, являвшегося союзником Голландии. Только за вторую половину XVII в. немецкие князья получили таким способом более 137 млн. ливров у Франции и 45,5 млн. ф. ст. за аналогичные услуги от Англии [11].

Опираясь на свою княжескую агентуру в Германии, Людовик XIV создал в пограничных районах «комиссии присоединения», которые занимались «изучением» претензий Франции на те или другие земли. Достаточно было обнаружить в исторических документах хотя бы видимость «прав» Франции, как в данный район посылались французские войска. Таким образом Франция присоединила к своим владениям графства Зальм и Саарбрюкен, пфальцграфства Лютцельштейн и Цвейбрюкен и др. Главным же приобретением Франции был Страсбург, захваченный в 1681 г. Этот акт вызвал в Германии широкое патриотическое движение протеста. Но император бездействовал, а крупнейшие княжества Германии — Бранденбург, Саксония и Бавария — поддерживали Францию, получая от нее субсидии. Правда, непрекращающиеся французские захваты вызвали у немецких князей опасения за свои собственные земли, и с 80-х годов они уже более, чем прежде, были склонны поддержать императора.

Это проявилось, в частности, во время турецкого нашествия на Австрию, кульминационным пунктом которого была осада Вены в 1683 г. Отпор туркам с помощью польского короля Яна Собеского был, увы! единственным примером успешного сотрудничества немецких князей, поддержанных к тому же эксплуатируемыми классами. Это крайне редкое единодушие обусловливалось смертельной опасностью для немецких государств. Но и здесь некоторые из князей попытались прежде всего извлечь выгоду. Например, Бранденбургский курфюрст Фридрих-Вильгельм (которо-

[10] *А. Д. Эпштейн.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961, стр. 197.
[11] «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 328.

го дворянско-буржуазные историки окрестили «великим») за свое участие в борьбе против турок потребовал от императора Леопольда I расширения территории Бранденбурга.

Война против турецкого нашествия лишь на короткий срок прервала борьбу империи с Францией и Швецией. Разорение, напоминавшее худшие времена Тридцатилетней войны, принесло вторжение шведской армии во владения Бранденбурга в 70-х годах. Таким же ожесточением отличалась так называемая пфальцская война, начавшаяся в 80-х годах. В ходе военных действий французские войска буквально опустошили Вюртемберг, уничтожив колодцы, фураж, фруктовые деревья и т. п. Мир был заключен только в 1697 г. Но уже в 1701 г. военные действия возобновились, причем в еще большем масштабе: началась известная война за испанское наследство, длившаяся 13 лет. В то же время Бранденбург и Саксония активно участвовали в Северной войне, продолжавшейся с 1700 по 1721 г. Нечего и говорить, как тяжело все это сказывалось на состоянии экономики германских государств, которая все более отставала от уровня, достигнутого Англией, а также непосредственной соседкой Германии — Голландией, в недалеком прошлом входившей в империю.

Характеризуя причины своеобразного развития Германии, К. Маркс отмечал, в частности, «упадок немецкой промышленности и немецкой торговли, покоившихся на чисто средневековых отношениях, как раз в тот момент, когда появляется современный мировой рынок и возникает крупная мануфактура; обезлюдение страны и ее варварское состояние, явившееся наследием Тридцатилетней войны... характер предметов вывоза, состоявших большей частью из продуктов земледелия и потому служивших источником роста материальных жизненных ресурсов почти одних только дворян-землевладельцев...» [12] Процессы, происходившие в сельском хозяйстве, в конечном счете и были фактором, определившим отставание Германии.

«ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА»

Германская деревня наиболее пострадала в Тридцатилетней войне, особенно от грабежей и мародерства. Некоторые сельские местности почти обезлюдели. Многие поля превратились в пастбища, а бывшие пастбища запустели, заросли. Резко упали цены на зерно — в некоторых районах страны вдвое против довоенных; причиной этого было падение спроса со стороны значительно со-

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 306—307.

Военный лагерь. 1697 г.
Современная гравюра

кратившегося городского населения. Повсеместно сказывалась острая нехватка рабочей силы и орудий обработки земли. Война, таким образом, наложила существенный отпечаток на отношения, существовавшие в сельском хозяйстве, хотя и не изменила направления его развития. При этом надо учесть, что отсутствие экономического и политического единства страны сказалось в неравенстве уровней развития в разных частях Германии.

По всей Германии продолжали господствовать феодальные отношения, но форма их была весьма неодинакова. Имелись, как принято обычно считать, три разных с этой точки зрения района, хотя и внутри них эти отношения иногда отличались довольно большим разнообразием.

Одним из таких районов был северо-запад Германии. Расположенные здесь княжества не имели выхода к морю, ибо устье Рейна находилось в чужих руках. У владельцев земли отсутствовал интерес к производству большого количества хлеба, так как

он не мог быть вывезен в страны, быстро развивающиеся экономически и нуждающиеся в импорте хлеба. Вследствие этого так называемая барская запашка была мала или вовсе отсутствовала. Основной доход сеньора состоял не из продуктов собственного хозяйствования на домене, а из натуральных и денежных платежей крестьян, живущих на территории сеньории и являющихся (на различных условиях) держателями земли [13]. В северо-западной Германии действовало так называемое нижнесаксонское право, согласно которому крестьянин считался свободным, пользовался свободой передвижения и личных занятий. Особенность социальных отношений здесь состояла в том, что крестьянин мог держать землю от одного сеньора, лично зависеть от другого, а в судебно-административном отношении — от третьего. Это не могло не вести к некоторому смягчению гнета. Конечно, крестьяне не были и здесь раскрепощены. Сеньор имел право на барщину и всегда мог ее увеличить, да и личная свобода крестьянина не была полной. И все же северо-запад Германии выгодно отличался от востока.

Своеобразны были имущественные отношения в сельском хозяйстве юга и юго-запада страны. Здесь также отсутствовала экономическая целесообразность увеличения барской запашки, ибо перемещение торговых путей лишило эти районы выхода на широкий рынок. Некоторые области даже ввозили хлеб [14]. Господствовало мелкое, парцеллярное крестьянское хозяйство; держатели земли были относительно свободны в праве ее раздела, заклада и продажи. Но они были весьма обременены оброками, различными службами и десятинами в пользу помещика, чьей верховной власти подчинялись. Собственное хозяйство сеньора, как и на северо-западе, в большинстве случаев было невелико. Правда, после Тридцатилетней войны в Баварии, например, начало увеличиваться число крупных поместий с барской запашкой — фольварков (на них иногда применялся наемный труд). Но эти фольварки в южной Германии не привились — прежде всего благодаря сильному отпору со стороны крестьян усилению эксплуатации и попыткам феодалов отобрать землю, находившуюся в их держании. В конце XVII — начале XVIII в. Южная Германия стала ареной ряда крупных крестьянских выступлений. Повстанцы добились отмены военных поборов, сокращения барщины и сеньериальных

[13] *С. Д. Сказкин.* Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе.— «Вопросы истории», 1958, № 2.

[14] *J. Nichtweiss.* Zur Frage der zweiten Leibeigenschaft und des sogenannten preussischen Weges der Entwicklung des Kapitalismus in der Landwirtschaft Ostdeutschlands.— «Zeitschrift für Geschichtwissenschaft», 1953 N 5.

платежей; с этого времени в Баварии наметилось разложение фольварочного хозяйства.

Следовательно, на юге и западе Германии сельское хозяйство развивалось по пути «классического» феодализма, и, хотя элементы капиталистических отношений еще были слабы, все же не могло быть и речи о том, чтобы повернуть движение вспять.

Совершенно иначе обстояло дело в восточных районах страны — *областях германской колонизации:* Бранденбурге, Мекленбурге, Померании, Восточной Пруссии и т. п. Именно эти области имел в виду Ф. Энгельс, констатируя, что в Германии «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян» [15]. На востоке Германии имело место так называемое «второе издание крепостничества» — резкое усиление феодальной реакции, связанное с новым закрепощением крестьян. Причины этого явления коренились в экономических процессах.

На северо-востоке существовали очень благоприятные условия для выращивания и, что не менее важно, удобного вывоза сельскохозяйственных продуктов. Этому способствовали сравнительно мягкий климат, полноводные и лишь ненадолго замерзающие реки — Эльба и Одер, выходы к морю, которые владетели Бранденбурга постепенно отвоевывали у других держав, прежде всего у Швеции. Потребности же централизованных, капиталистически развивавшихся государств в пшенице, ячмене, льне, скоте, солонине росли быстрыми темпами. Доходы от экспорта этих продуктов были настолько велики, а главное постоянны, что восточногерманские помещики стали еще более закрепощать крестьян, часто сгоняя их с занимаемой земли. «Крепостное состояние,— пишет Энгельс,— сделалось отныне всеобщим; свободный крестьянин стал теперь такой же редкостью, как белая ворона» [16]. За несколько десятилетий после Тридцатилетней войны для крестьян Восточной Германии сложилось «унизительное состояние, подобного которому нельзя было найти даже в России...» [17].

Крестьяне теряли даже те права на свой надел, которые признавались ранее феодальным обычаем. Зачастую, как, например, в Бранденбурге-Пруссии, они превращались в так называемых ласситов, имевших только право пользования землей. Среди них можно выделить следующие категории: наследственные — их было меньшинство; пользовавшиеся землей пожизненно; ласситы,

[15] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 341.

[16] Там же, стр. 342.

[17] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 250.

у которых хозяин поместья мог отобрать землю, когда ему заблагорассудится. Нередки были случаи, когда помещик по нескольку раз менял участок, предоставляемый какому-либо ласситу, заставляя его вновь и вновь с огромным трудом культивировать запущенные, неудобные земли. Такой помещик, так же как и крестьяне, жившие в поместье, не сомневался, что вся земля его поместья принадлежит ему по праву собственности, что он может перебрасывать крестьянина с одного участка на другой, сообразуясь только со своими нуждами и даже со своим капризом, или переводить его с оброка на барщину и наоборот.

В районах «вторичного закрепощения» все три вида зависимости крестьянина — личная, поземельная и судебная — были, как правило, сосредоточены в одних руках — в руках помещика. «А для того,— с негодованием писал Энгельс,— чтобы господин помещик был в состоянии подавить в зародыше всякое, даже малейшее сопротивление крестьян, он получил от территориального князя право вотчинной юрисдикции... С того времени в деревне стали господствовать палка и кнут» [18]. Крестьянин не имел права отлучиться из села без специального разрешения. Беглецы, а также их семьи, в том числе дети, родившиеся «на воле», подлежали бессрочному принудительному возврату. Требовалось разрешение помещика на брак, а в случае нарушения виновный подвергался тюремному заключению или принудительным работам.

На востоке Германии сложилась система хозяйственных отношений, которая получила в литературе название «поместное господство» (Gutsherrschaft); условная граница распространения этой системы — Эльба. С введением этой системы резко меняется соотношение между помещичьим и крестьянским хозяйством. Роль организующего производство центра начинает переходить от последнего, как было во времена «классического» средневековья, к поместью, фольварку. Между тем в первые десятилетия после Тридцатилетней войны именно крестьянские хозяйства приложили главные усилия, устраняя наиболее тяжелые для сельского хозяйства последствия войны. Сокращение крестьянских наделов, а кое-где и сгон крестьян (в основном он развернулся уже в XVIII в.) преследовали поэтому двоякие цели: прибрать к рукам ухоженную крестьянами землю, чтобы развернуть на ней собственное производство, и в то же время положить предел расширению и усовершенствованию крестьянских хозяйств [19].

[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 342.
[19] *G. Heitz*. Die sozialökonomische Struktur im ritterschaftlischen Bereich Mecklenburgs zu Beginn des 18. Jahrhunderts.— «Beiträge zur deutschen Wirtschafts- und Sozialgeschichte des 18. und 19. Jahrhunderts», Berlin, 1962.

Феодалы стремились предотвратить самую возможность серьезной конкуренции со стороны крестьян, закрепить за собою монополию на производство товарного зерна и его экспорт за пределы Германии. В планах восточногерманских помещиков,— а эти планы не оставались на бумаге,— крестьянское хозяйство должно было стать источником даровой рабочей силы. Для крестьянина же его надел все более становился лишь натуральной заработной платой [20].

Чтобы удержать крестьянина в подобном положении, требовалось освящение крепостного права сверху. Эту цель и преследовали «указы о челяди», принятые в ряде восточногерманских княжеств вскоре после Тридцатилетней войны: в Саксонии в 1651 г., в Мекленбурге — в 1654 г. и т. п. Крестьяне встречали их отказом работать в качестве «челяди», а также отбывать барщину. Но, в отличие от южной Германии, сопротивление усилению феодального гнета не принесло здесь ощутимых результатов, и одной из причин этого была решительная поддержка помещиков княжеской властью, немедленно применявшей против возмущенных крестьян войска. Самым крупным и эффективным крестьянским выступлением на востоке империи в конце XVII в. было восстание 1680 г. в Богемии, в котором участвовали как чешские, так и немецкие крестьяне. В результате этого восстания император Леопольд вынужден был издать указ о снижении размера барщинных работ [21].

В литературе, посвященной «вторичному закрепощению», высказываются различные точки зрения на социально-экономическую сущность сгона крестьян с земли, имевшего место в Германии конца XVII и XVIII в. Некоторые авторы считают, что это, аналогично английскому образцу, свидетельствовало о развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Подобная точка зрения противоречит фактам. На деле сгон крестьян с земли в Германии вплоть до конца XVIII в., когда началось медленное капиталистическое перерождение помещичьего хозяйства, не имел ничего общего с так называемым первоначальным накоплением, лежавшим в основе обезземеливания английских крестьян. На востоке Германии, как и на востоке Европы вообще, это было мерой, имевшей целью увеличение барщинного фольварка, т. е. в конечном счете сохранение и расширение, хотя и в особой форме, феодального способа производства. И этому нисколько не противоречили периодические указы князей (например, в Бранденбурге), формально направленные на смягчение или даже отмену

[20] См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 170.
[21] *G. Schilfert*. Deutschland 1648—1789, S. 17—18.

крепостничества; они вызывались стремлением князя увеличить поступления в свою казну (дворянские хозяйства были полностью освобождены от налогов) и нередко игнорировались помещиками [22].

РЕМЕСЛО И МАНУФАКТУРА

Подобное развитие крайне отрицательно отразилось на исторических судьбах Германии в целом. «Повсеместное восстановление крепостного права,— писал Энгельс,— явилось одной из причин, помешавших развитию промышленности в Германии в XVII и XVIII веках» [23].

В таких переживших победоносную буржуазную революцию странах, как Англия и Голландия, засилью цехов в производстве был нанесен сокрушительный удар. В Германии XVII в. они все еще определяли собой лицо промышленного производства. Цехи еще более, чем прежде, замыкались в себе, строго ограничивая число мастеров и делая практически невозможным превращение подмастерья в мастера. Нередко продолжало действовать старинное цеховое правило, согласно которому каждый мастер самостоятельно сбывал изготовленный товар. А что представляла собой торговля в условиях тогдашней германской раздробленности, можно судить хотя бы по тому, что на Рейне только в промежутке от Страсбурга до границы с Голландией имелось не менее 30 таможенных застав, занятых собиранием пошлин [24]. Многочисленные таможни существовали и на сухопутных дорогах, передвижение по которым было к тому же еще в течение долгого времени после окончания Тридцатилетней войны весьма небезопасно.

Не удивительно, что произведения немецкого ремесла, славившиеся ранее по всей Европе, оказывались во все более невыгодном положении по сравнению с мануфактурными изделиями стран Западной Европы и не выдерживали конкуренции с ними. Продукция сокращалась, падало и число лиц, занятых в ремесленном производстве. Некоторые центры германского ремесла: Нюрнберг, Аугсбург и др. — приходили в упадок. В Аугсбурге, например, из 6 тыс. ткачей к середине XVII в. осталось лишь 500. В Саксонии в 80-х годах оставалось лишь несколько сот ремесленных мастеров из 20 тыс., имевшихся там в предыдущие десятилетия [25]. Усилился вывоз из Германии сырья и полуфабрикатов; в частности, в Англию и Голландию экспортировалось много неотделанных тканей и пряжи, которые в последующем нередко ввозились,— но уже в виде готовых изделий,— назад в Германию.

[22] *С. Д. Сказкин.* Основные проблемы..., стр. 105.
[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 105.
[24] *А. Д. Эпштейн.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г., стр. 222.
[25] *R. Forberger.* Die Manufaktur in Sachsen vom Ende des 16. bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1957, S. 297.

В силу всех этих причин прогрессивное развитие производства могло происходить лишь вне цеховых рамок, и оно в тех районах, на которые не распространилось «второе издание крепостничества», приняло форму домашней сельской промышленности. Так, в нижнесилезской деревне, где природные условия препятствовали организации крупнопомещичьего доходного хозяйства, было широко распространено изготовление высококачественных полотен, имевших большой спрос [26]. Крестьяне нередко уплачивали помещику пошлину за право заниматься промыслом, а выработанные изделия отдавали за четверть цены скупщику. То была рассеянная мануфактура — зародышевая форма капиталистической промышленности. Основными предметами производства, кроме полотна, были шерстяные ткани, кружева, позументы и галуны, т. е. военное обмундирование для создававшихся в XVIII в. постоянных армий.

Заинтересованность в удовлетворении нужд армии, а также меркантильные соображения лежали в основе мер некоторого поощрения внецехового производства князьями. В Гамбурге, Саксонии, Бранденбурге, Гессен-Касселе инициаторам такого производства предоставлялись различные привилегии: они освобождались от подчинения цеховым установлениям, получали субсидии, ссуды, налоговые льготы. Толчок развитию мануфактурного производства дало переселение в Германию нескольких десятков тысяч гугенотов после отмены во Франции в 1685 г. Нантского эдикта о веротерпимости.

Как правило, переселенцы принадлежали к числу ремесленников и располагали средствами. Они обосновывались в Австрии, Саксонии, Гамбурге, Гессен-Касселе, но более всего — в Бранденбурге. Иммигранты пользовались правом беспошлинного ввоза имущества, свободной от цеховых уставов и другими льготами. Их деятельность способствовала развитию шерстяных, шелковых и бумажных мануфактур, производства платья, стеклянных и кожаных изделий [27]. Кроме того, иммигранты-французы создали на песках и болотах востока Германии образцовые фермы, развили садоводство и огородничество.

К началу XVIII в. в Вюртемберге стала налаживаться мануфактурная выработка сукон, выдерживавших конкуренцию с за-

[26] *С. Б. Кан.* Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М.— Л., 1948, стр. 40.
[27] *Э. Лависс.* Очерки истории Пруссии. Пг., 1915, стр. 207—208.

рубежными, на западе Германии развернулось металлургическое производство, изготовление высокохудожественного фарфора в Саксонии; ряд мануфактур возник в Берлине — резиденции бранденбургских князей (с начала XVIII в. ставших прусскими королями). Появлялись первые государственные мануфактуры, в том числе принадлежавшая саксонскому королю фарфоровая мануфактура в Мейссене, открывшаяся в 1710 г.[28]

Но капиталистическое производство не могло добиться решающих успехов из-за усилившегося именно в то время господства феодалов над крестьянством. Ф. Энгельс писал: «...*Обратное* разделение труда цехов, противоположное тому, какое имеет место в мануфактуре: вместо разделения труда внутри мастерской труд делится *между цехами*. Здесь, в Англии, произошло переселение промышленности в не знающую цехов деревню. В Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных. Но от этого затем погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры»[29]. Надо отметить, что эта характеристика применима не ко всем районам и княжествам Германии. Там, где не произошло новое закрепощение крестьян, как уже говорилось, возникла (и прежде всего в деревне) рассеянная мануфактура.

Цехи погибли, однако, еще не скоро; пока же они представляли собой тяжелейшее препятствие для развития капиталистической мануфактуры. Они очень затрудняли, в частности, решение проблемы квалифицированной рабочей силы, ибо цеховые подмастерья (хотя они и были недовольны своим положением и нередко покидали тот или иной цех и даже город, в котором работали) все же зарабатывали больше, чем рабочий мануфактуры. Такие же мануфактуры, где в качестве рабочих использовались заключенные или бродяги и труд был подневольным, не могли стать основой развития капиталистического производства. Но конечная причина того, что промышленность германских княжеств отставала в своем развитии от передовых стран тогдашней Европы, сводилась к тому, что нищая деревня, население которой являлось объектом постоянной, а на большой территории — все возраставшей эксплуатации, не могла стать потребителем значительного количества промышленной продукции.

Непосредственным следствием этого была слабость немецкой буржуазии, носившая затяжной характер. В результате экономической отсталости, экономического и политического распыления немецкая буржуазия в течение длительного времени находилась на стадии средневекового бюргерства, будучи подчиненной феодально-абсолютистской монархии. К. Маркс говорил об уродливом развитии немецкой буржуазии[30], а в «Немецкой идеологии» классики марксизма, характеризуя ограниченность немецкого бюргерства, раздробленность и мелочность его интересов, противопоставляли ему буржуазию маленькой Голландии с ее развитыми классовыми интересами, которая «была могущественнее, чем гораздо более многочисленные немецкие бюргеры»[31].

[28] *R. Forberger*. Die Manufakturen in Sachsen vom Ende des 16. bis zum Anfang des 19. Jahrhunderts, S. 183.
[29] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 105—106.

Краткий, но исчерпывающий ответ на вопрос о причинах своеобразия развития буржуазии в Германии дал в одном из своих писем Энгельс. «В Германии,— писал он,— мещанство — это плод потерпевшей поражение революции, результат прерванного и обращенного вспять развития; благодаря Тридцатилетней войне и последовавшему за ней периоду оно приобрело свои особые, резко выраженные характерные черты: трусость, ограниченность, беспомощность и неспособность к какой бы то ни было инициативе, между тем как почти все другие крупные народы переживали как раз в это время быстрый подъем»[32]. Долговременное подчинение немецкого бюргерства власти немецких князей выработало у него преклонение перед всяким начальством, способствовало утверждению в Германии культа государства, какого не знала история других стран и народов.

Не следует, однако, думать, что все немецкие бюргеры мирились с такого рода участью. В Гамбурге, который в XVII в. стал одним из крупнейших центров не только германской, но и международной торговли, буржуазия занимала положение, соответствовавшее ее экономической мощи. В результате Гамбург не утратил под натиском князей своей самостоятельности; наоборот, он усилился.

Были и другие примеры аналогичного характера (к сожалению, история немецкой буржуазии XVII в. пока еще мало изучена). О том, что в среде буржуа росли национальное самосознание, неудовлетворенность существующим порядком вещей, свидетельствует деятельность выходцев из бюргерства — немецких вольнодумцев XVII в., ранних представителей немецкого Просвещения.

Одним из них был Самюэль Пуфендорф (1632—1694), сторонник учения об естественном праве и о разуме как единственном источнике философской истины. В 1667 г. он опубликовал (ук-

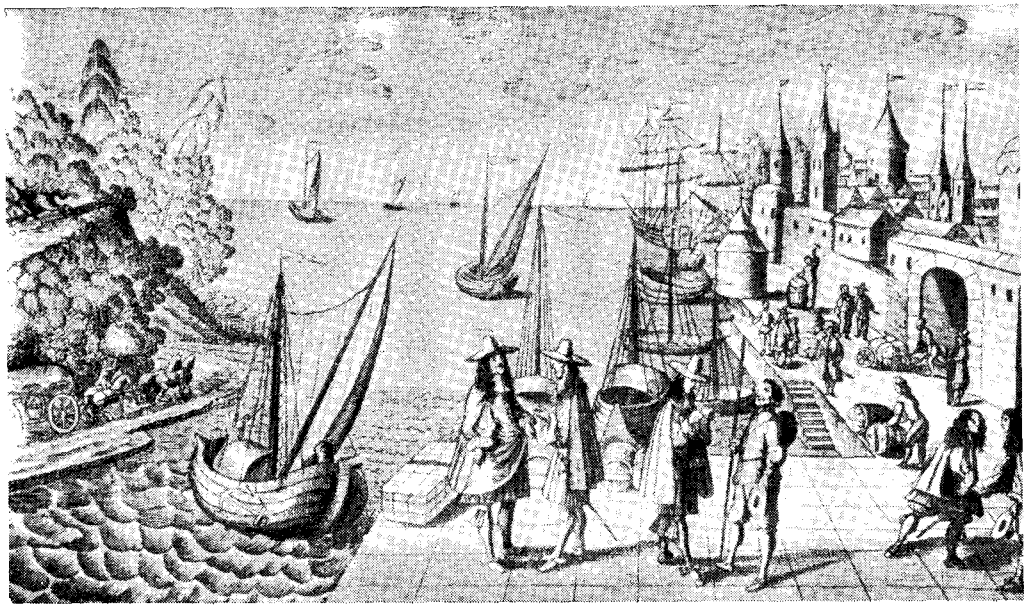
[30] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 306.
[31] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 183.
[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 351—352.

рывшись под псевдонимом «Северин де Монзанбано») книгу «О конституции Германской империи», в которой сделал попытку вскрыть исторические корни современного ему положения страны и определить пути его преодоления. Пуфендорф предлагал приложить все усилия, чтобы укрепить связи между имперскими сословиями, защитить территорию империи от иностранных интервенций и не распылять силы нации в экспансионистских авантюрах. В этих рекомендациях, а также в решительном требовании веротерпимости и ослабления светской власти духовенства выявилось буржуазно-патриотическое содержание взглядов Пуфендорфа [33].

Наиболее типичной фигурой этой эпохи пробуждающегося национального самосознания немецкого бюргерства был великий ученый Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646—1716), младший современник Пуфендорфа. Это был всеобъемлющий ум. Лейбниц создал основы для математической логики, для дифференциального исчисления, сконструировал счетную машину, установил органическое родство всех живых существ и т. п. Лейбниц был также крупнейшим организатором научных исследований (так, в 1700 г. он основал в Берлине Академию наук). Как социальный мыслитель Лейбниц утверждал принципы господства права, в котором нуждалась буржуазия, проповедовал ликвидацию произвола абсолютистских властителей, свободу и равенство граждан; по Лейбницу, государство создается не путем договора между народом и государем, а между членами общества. В книге «Христиаднейший бог войны» (1686 г.), имевшей целью разоблачить завоевательные планы Людовика XIV, Лейбниц выступил против антинациональной позиции многих своих современников. Все это, однако, сочеталось в концепции Лейбница не только с сильнейшей теологической окраской, но и со стремлением примирить любые противоречия, в том числе такие, как веру и разум, единство империи и самостоятельность отдельных ее частей, абсолютизм и демократию и т. п. [34]

Эта черта Лейбница как мыслителя отражала половинчатость самого немецкого бюргерства. Кроме уже упоминавшихся причин, подобная половинчатость была связана с эволюцией немецких городов в связи со складыванием княжеского абсолютизма. Место свободных имперских городов с их средневековым самоуправлением и подчинением непосредственно императору все более занимали резиденции князей. А это существенным образом меняло ха-

[33] *J. Streisand.* Geschichtliches Denken von der deutschen Frühaufklärung bis zur Klassik. Berlin, 1964, S. 32—34.
[34] *А. М. Деборин.* Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. II. М., 1961, стр. 67, 71—72.



Торговый порт.
Гравюра второй половины XVII в.

рактер деятельности бюргерства, задерживая превращение его в буржуазный класс. Дело в том, что в городе-резиденции ремесло и торговля были всецело подчинены одной цели — обслуживанию князя и его семьи, его двора, его армии. В этих условиях бюргер оказывался лично заинтересованным в максимальном увеличении расходов на содержание двора, чиновничества, войска, в успехах княжеской политики, хотя бы она и противоречила очевидным потребностям общественного развития.

Подчинение городов было одним из результатов становления княжеского абсолютизма. Для последнего самоуправление городов являлось существенным препятствием, в частности с точки зрения сбора налогов с населения. Чтобы подчинить себе имперские города, князья часто использовали внутреннюю борьбу, шедшую там. Городские низы оказывали деятельное сопротивление стремлениям патрициата превратить самоуправление в свою наследственную монополию. Так было, например, в Кельне в конце XVII в. В моменты обострения классовой борьбы городская верхушка нередко обращалась к соседним князьям за помощью против бед-

ноты. Последние охотно оказывали такую помощь, но при этом те или иные города подчас лишались своей самостоятельности.

Уже упоминавшийся Гамбург, находившийся на хозяйственном подъеме, сохранил свою самостоятельность. Но около 100 имперских городов, в том числе довольно крупные и известные в прежние времена, подпали под власть светских и духовных князей. В 1661 г. это произошло с Мюнстером, сдавшимся после двукратной осады войсками епископа, в 1671 г. — с Брауншвейгом, подчинившимся властителю близлежащего княжества, с Эрфуртом и др.[35]

Только несколько десятков городов сумели сохранить свой прежний статус, главным образом благодаря использованию противоречий между князьями. В подчинившихся же городах магистраты больше не выбирались, а назначались князем, превратившись в послушных его воле чиновников. При этом главным из них становился тот, кто ведал сбором налогов, ибо в условиях дворянского абсолютизма основная доля налогового бремени ложилась на плечи городского населения.

Германский абсолютизм сильно отличался от «классического» образца, сложившегося в странах Западной Европы[36]. Во-первых, в Германии не было централизованного государства и абсолютизм возник в пределах отдельных княжеств, которых, как указывалось, имелось несколько сот. Поэтому в Германии абсолютизм не содействовал укреплению национальной государственности. Мелкодержавный абсолютизм играл крайне отрицательную роль, закрепляя и многократно усиливая раздробленность страны. Во-вторых, германский абсолютизм отличался от западноевропейского тем, что не являлся результатом временного равновесия сил дворянства и буржуазии — последняя была слишком слаба. Он являлся поэтому выражением господства класса помещиков над бюргерством, которое призвано было поставлять средства для дворянского государства, присвоившего себе право судить о том, что хорошо для бюргерства и что плохо.

Выше уже говорилось о полном отсутствии у немецких князей национального самосознания. Очень резкую характеристику носителям германского абсолютизма дали Маркс и Энгельс: «...Каждый из этих 1000 князей — абсолютный монарх; это — грубые, невежественные негодяи, от которых нечего ждать совместных действий»[37]. Они объединялись с иностранными государствами против императора, многие из них были не прочь округлить свои владения за счет менее удачливых коллег, стоявших во главе княжеств или епископств. Самым ярким примером подобной антинациональной по своей сути политики были действия властителей Бранденбурга—Пруссии.

[35] «Gebhardts Handbuch der deutschen Geschichte», Bd. 2, S. 219.

[36] *С. Д. Сказкин.* Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения).— Сб. «Из истории средневековой Европы (X—XVI вв.)». М., 1957.

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 575.

БРАНДЕНБУРГ ВО ВРЕМЕНА «ВЕЛИКОГО КУРФЮРСТА»

До XVII в. Бранденбург, несмотря на то, что его владетели — Гогенцоллерны — находились в числе курфюрстов, не играл в «Священной Римской империи германской нации» особой роли. Его возвышение связано с перемещением торговых путей от Средиземноморья к берегам Атлантического океана, что обнаружило выгоды географического положения Бранденбурга. Княжества Южной и Средней Германии, искавшие выхода к Северному и Балтийскому морям, стали зависеть экономически от бранденбургских курфюрстов, через владения которых протекали крупнейшие реки Германии — Эльба, Одер, а с 1614 г., когда Гогенцоллерны получили в наследство княжества Марк и Равенберг на северо-западе страны, также Рейн и Везер. Еще большее значение для судеб Бранденбурга, да и всей Германии, имело приобретение им в 1618 г. герцогства Пруссии, которое Гогенцоллерны, воспользовавшись борьбой Швеции и Польши, получили в качестве ленного от Польши владения. Особая ценность Пруссии была в наличии у нее выхода к морю. Отныне бранденбургские курфюрсты видели главную свою цель в соединении трех групп своих владений, что могло осуществиться лишь посредством захвата не только славянских земель, отделявших Бранденбург от Восточной Пруссии, но и германских территорий на побережье, находившихся во владении Швеции.

В результате Тридцатилетней войны целые округа Бранденбурга превратились в пустыню. Но это мало беспокоило курфюрста Фридриха-Вильгельма (1640—1688), прозванного «великим»: за свое участие в войне Бранденбург был награжден землями, по своей величине почти равными его прежней территории. Самой существенной из них являлась исконно славянская область Восточная Померания, благодаря чему Бранденбург обзавелся постоянным выходом к морю. Задача курфюрста, которого один французский дипломат назвал самой хитрой лисой в Европе, заключалась после этого в приобретении устья Одера (с городом Щецином), оказавшегося в руках шведов. Это должно было еще

более усилить чрезвычайно выгодную посредническую роль Бранденбурга между северо-западом Германии, особенно Гамбургом, и районом верховьев Одера [38]. В осуществлении поставленных целей Фридрих-Вильгельм и его наследники проявили незаурядные хитрость и изворотливость, используя, с одной стороны, соперничество Швеции, Польши, Дании и России на Балтийское море, с другой — борьбу между Францией, Голландией, Англией, Испанией и Германской империей на западе Европы.

Наибольшим достижением «великого курфюрста» немецкая буржуазная историография обычно считает ликвидацию вассальной зависимости Восточной Пруссии от Польши. Фридрих-Вильгельм добился этого традиционными для Гогенцоллернов способами: несоблюдением каких бы то ни было обязательств, обманом союзников, вероломством по отношению к империи и т. п. Конечно, Бранденбург не составлял исключения, но его властители превосходили в своей беззастенчивости все, что знал тогдашний мир.

В 1648 г., когда проходили выборы на польский престол, Фридрих-Вильгельм поддержал кандидатуру Яна-Казимира, а позднее совершил унизительную поездку к его двору с целью закрепить за собой владение Восточной Пруссией в качестве вассала Польши. Это ничуть не помешало ему воспользоваться первыми же затруднениями, возникшими у польского короля в связи с начавшейся в 1654 г. войной Московского государства против Польши. Бранденбургский курфюрст заключил в 1656 г. военный союз со шведским королем Карлом X (также выступившим против Яна-Казимира) и признал его королем Польши, заручившись обещанием привлечь Бранденбург к участию в разделе Польши после ее окончательного поражения. Но вскоре положение изменилось и против Швеции сложилась сильная коалиция, куда вошли, в частности, германский император, Московское государство и др. «Великий курфюрст» сразу же изменил Швеции и переметнулся в стан ее врагов. «То он бегает за Польшей против Швеции,— писал Маркс,— то за Швецией против Польши, всегда следуя за кем-либо в качестве мелкого шакала, чтобы урвать кусок добычи» [39]. В данном случае добычей являлась славянская земля — Восточная Пруссия, которая в результате указанных махинаций была в 1657 г. присоединена к Бранденбургу и почти на 300 лет попала под власть германских колонизаторов. Население Восточной Пруссии, включая и немецких колонистов, встретило присоединение к Бранденбургу резко отрицательно; там вспыхнуло восстание, которое было, однако, вскоре подавлено войсками курфюрста.

[38] В 1662—1669 гг. в районе Мюльрозе был сооружен канал, позволивший перевозить товары водным путем от Вроцлава в Силезии до Гамбурга через Берлин. (*H. Krüger*. Zur Geschichte der Manufakturen und Manufakturarbeiter in Preussen. Berlin, 1958, S. 26).

[39] «К. Маркс и Ф. Энгельс о реакционном пруссачестве». М., 1943, стр. 15.

Аналогичной тактики Фридрих-Вильгельм придерживался в войнах 70-х годов XVII в., когда он, получив субсидии от Голландии, сначала выступил в качестве ее союзника против Франции, а в 1673 г., потерпев поражение от французского маршала Тюренна, подписал с Францией сепаратный мир. Людовик XIV уплатил за это 800 тыс. ливров [40]. Но уже через год, когда образовалась могущественная коалиция, в которую вошел и германский император, Фридрих-Вильгельм вероломно нарушил условия мирного договора с Францией и начал военные действия против ее союзницы Швеции.

Бранденбургского курфюрста интересовало лишь одно: выбить шведов из устья Одера. Следует отметить, что ему это удалось, хотя Швеция и являлась тогда одним из сильнейших в военном отношении государств Европы. Но воспользоваться плодами своей победы над Швецией Фридрих-Вильгельм так и не сумел. При заключении в 1679 г. мира между воюющими державами Людовик XIV при молчаливой поддержке императора, не заинтересованного в усилении Бранденбурга, настоял на возвращении Западной Померании Швеции. В качестве компенсации бранденбургский курфюрст получил от Франции 300 тыс. талеров.

И в последующие годы Франция щедро субсидировала «великого курфюрста», который не оставался в долгу, поддерживая захватническую политику Людовика XIV в Западной Германии. Более того, Фридрих-Вильгельм обязался оказать Франции военную помощь по первому ее требованию и поддержать кандидатуру самого Людовика XIV или другого, рекомендованного им лица на трон германского императора. Имея это в виду, К. Маркс писал, что действия бранденбургского курфюрста «осуществлялись именно таким способом, который — каковы бы ни были при этом местные выгоды — наносил ущерб истинным, всеобщим и постоянным интересам Германии» [41]. Уничтожающую характеристику дал Фридриху-Вильгельму и Ф. Меринг в своей «Истории Пруссии от средних веков до Иены»: ««Великий курфюрст» как начал лакейством перед Францией, так и кончил тем же; в конце его правления его семья, его двор, его правительство были коррумпированы французским золотом» [42].

[40] *F. Mehring*. Zur preussischen Geschichte vom Mittelalter bis Jena. Berlin, 1930, S. 102.

[41] «К. Маркс и Ф. Энгельс о реакционном пруссачестве», стр. 15.

[42] *F. Mehring*. Zur preussischen Geschichte vom Mittelalter bis Jena, S. 54.

Но для чего, собственно, нужны были бранденбургским владетелям иностранные субсидии? Ответ на этот вопрос можно получить, сопоставив две цифры: при восшествии Фридриха-Вильгельма на княжеский трон численность армии Бранденбурга составляла 7 тыс. человек, а на исходе его царствования — 30 тыс. [43] Не случайно «великий курфюрст» слывет зачинателем прусского юнкерско-милитаристского государства. На содержание бранденбургской армии ежегодно расходовались большие средства. Нельзя было длительное время содержать такую военную силу только за счет внутренних источников, особенно же в такой не слишком богатой природными ресурсами стране, какой был Бранденбург. А создание крупной армии вытекало из самой природы этого государства, господствующий класс которого, взращенный на традициях колонизации завоеванных земель, не мыслил обеспечения своих кровных интересов иначе, чем в постоянной вооруженной борьбе за господство над речными торговыми путями и за овладение побережьем Балтийского моря. Только это могло дать бранденбургско-прусским помещикам возможность утвердить свою монополию на вывоз хлеба в Западную Европу.

Но не только указанными соображениями определялось стремление правителей Бранденбурга иметь мощную армию. Не менее важна была для них и внутриполитическая сторона дела. Лишь постоянная армия могла обеспечить закрепощение крестьян, беспощадно подавляя их сопротивление. Того же требовало продолжение и усиление с конца XVII в. «Drang nach Osten», направленного в первую очередь против Польши. Вот почему Бранденбург, наряду с Австрией, стал первым германским княжеством, где в 50-х годах XVII в. появилась регулярная армия, решительно отличавшаяся по своему характеру от средневекового ополчения. Класс помещиков был безусловно заинтересован в существовании и укреплении такой армии, хотя его взаимоотношения с князем значительно осложнялись стремлением курфюрста, утверждавшего княжеский абсолютизм, заставить помещиков нести определенные расходы на содержание войска, призванного в конечном счете отстаивать классовые интересы юнкерства.

Бранденбургская, а позднее прусская армия была вымуштрована в духе палочной дисциплины и раболепного повиновения, при котором не оставалось места для какой-либо сознательности. Палка входила в официальное обмундирование унтер-офицера. Значительную часть войска составляли наемники-иностранцы. Остальных в первое время после Тридцатилетней войны вербовали преимущественно среди «черни», бродившей по дорогам,

[43] *В. Перцев.* Гогенцоллерны. М., 1918, стр. 22.

а в дальнейшем — среди крестьян и представителей городской бедноты. Вербовка в армию подчас превращалась в форменную ловлю людей, ибо служба солдата продолжалась до 25 лет, а иногда и всю жизнь. Все офицерские должности были заняты дворянами — младшими сыновьями помещиков, получившими военное образование во вновь созданных кадетских заведениях. Командование воинской частью считалось весьма прибыльным делом, ибо офицер получал от князя определенную, иногда немалую, сумму на содержание вверенной ему части, а расходовал деньги по своему усмотрению [44].

Новый, регулярный характер армия приобрела далеко не сразу, и в первое время «великому курфюрсту» еще приходилось договариваться со своими генералами и полковниками «на равных», как это было в эпоху кондотьеров.

Приступая к созданию постоянной армии, Фридрих-Вильгельм хорошо понимал необходимость урегулирования своих отношений с помещиками, которые внутренне противились усилению княжеской власти и не хотели предоставлять средства на военные нужды, хотя боялись крестьян, познакомившихся в Тридцатилетнюю войну с оружием, и ощущали потребность в помощи против них. Соглашение было достигнуто в 1653 г. после довольно упорной борьбы. Ландтаг — в дальнейшем он никогда более не собирался — разрешил курфюрсту расходовать из сумм, полученных от прямой подати, по 56 тыс. талеров в год на содержание войска. Взамен бранденбургское дворянство получило, по выражению Ф. Энгельса, «великую хартию вольностей» — сохранение и подтверждение всех своих привилегий. Решение ландтага, одобренное курфюрстом, предусматривало преимущественное право помещиков на владение рыцарскими имениями, на господство в своем поместном округе, на освобождение от налогов и пошлин, а также на суверенитет в вопросе о крестьянских повинностях [45].

Установление абсолютизма было в рассматриваемый период характерным явлением для многочисленных светских, а в несколько отличных формах — и духовных княжеств Германии. Но в Бранденбурге-Пруссии и в ряде аналогичных по своим условиям государств этот процесс привел к особенно типичным результатам. «Князья, уничтожившие как раз к этому времени политические права дворянства в сословных собраниях, предоставили ему зато полную свободу действий в отношении крестьян» [46]. В Бранденбурге буржуазия была особенно слаба — даже торговля

[44] *Ф. Меринг.* Легенда о Лессинге. Пг., 1924, стр. 105—106.
[45] «Gebhardts Handbuch der deutschen Geschichte», Bd. 2, S. 313.
[46] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 341—342.

в немалой степени находилась здесь в руках помещиков. Вот почему курфюрст вынужден был идти на значительно бо́льшие уступки дворянству, чем это делали абсолютные монархи Западной Европы. Запоздалый по времени своего установления, мелкодержавный германский абсолютизм в силу указанных причин был и особенно затяжным.

Несколько иначе сложилось положение в Восточной Пруссии, где и во времена господства Тевтонского ордена, и после возвращения этой области в состав Польского государства знать не сумела добиться освобождения от налогов. К тому же, как уже отмечалось, восточнопрусское население, включая многих помещиков, отнеслось к переходу под власть Бранденбурга враждебно. В конце 60-х годов XVII в. здесь началось восстание; одновременно ландтаг попытался поколебать позиции бранденбургского курфюрста и обеспечить привилегии, которыми пользовались дворяне в Бранденбурге. Фридрих-Вильгельм подавил сопротивление вооруженной силой. Он не остановился даже перед тем, чтобы схватить на территории Польши вождя оппозиционного дворянства полковника Калькштейна, бежавшего туда от репрессий, и в 1672 г. обезглавить его. Но эта расправа не поколебала экономического могущества восточнопрусских помещиков-юнкеров, а именно в нем заключался источник их силы, с чем вынужден был считаться и властолюбивый курфюрст.

Фридрих-Вильгельм достиг больших успехов в уничтожении самостоятельности городов. Он обложил их непосильными налогами: города были обязаны вносить 59% главной подати — так называемой контрибуции, а кроме того, на их население падала значительная часть нового косвенного налога-акциза, введенного по голландскому образцу в 1667 г. и приносившего казне большие доходы. Единственным более или менее существенным источником доходов для городских ремесленников Бранденбурга было обслуживание воинских гарнизонов. Таким образом, не только в княжеской резиденции, но и в ряде других городов бюргерство становилось экономически заинтересованным в процветании военщины, политическая роль которой в Бранденбурге неуклонно возрастала, равно как ее чванливость и высокомерие.

Сбор податей был чуть ли не главной целью княжеской бюрократии, складывавшейся в конце XVII — начале XVIII вв. Так же, как и в армии, от чиновников требовались слепое повиновение и исполнительность. И они прилагали максимум умения, чтобы выколотить с очень небольшого населения Бранденбурга — менее 2 млн. человек — сотни тысяч талеров, потребных на создание все новых полков, батарей, военных училищ и т. п. Эти расходы приходили во все большее несоответствие с малоразвитыми производительными силами княжества. Фридрих-Вильгельм и его наследники видели выход в торговле родиной и своими подданными за иностранные субсидии.

Этим и прославился Фридрих III, занимавший бранденбургский престол с 1688 г. и питавший неодолимую слабость к дворцовому великолепию. Он стремился во всем подражать Людовику XIV, не имея, однако, необходимых средств для этого. Даже его внук, будущий прусский король Фридрих II, отзывался о деде пренебрежительно, говоря, что он был «велик в мелочах и ничтожен в серьезных делах»[47]. Но одно предприятие честолюбивого курфюрста, оставившее существенный след в истории Германии, вполне удалось ему: превращение в 1701 г. Бранденбурга в королевство Пруссию, что сразу придало ему среди немецких государств особое значение, а его монарху (именовавшему себя после этого Фридрихом I) — статут независимого европейского государя.

Способ, при помощи которого Фридрих достиг этого, был подстать методам, которые широко применял его предшественник. Он начал запутанную интригу при дворе императора, в которой активное участие принимали иезуиты во главе с духовником Габсбургов Вольфом. Курфюрст обещал иезуитам вернуться к католичеству. Неизвестно, сумел ли бы Фридрих достичь своего лишь с их помощью, но тут сильно осложнилась международная обстановка в связи с началом войны за испанское наследство. Бранденбургский курфюрст умело воспользовался затруднениями императора. Он поставил условием своего участия в этой войне, преследовавшей сугубо династические интересы Габсбургов, признание за ним титула прусского короля. Момент был выбран как нельзя более удачно, и император, нуждавшийся в срочной военной помощи, вынужден был согласиться с домогательствами владетеля Бранденбурга. Взамен он получил 30 тыс. солдат. «Гогенцоллернский курфюрст,— писал К. Маркс,— вернулся к древнегерманскому обычаю расплачиваться живым товаром, с той лишь разницей, что древние германцы платили скотом, он же платил людьми. Так создалось божьей милостью королевство Гогенцоллернов»[48].

Этот эпизод отнюдь не был единственным в практике курфюрста-короля, который за время своего царствования, по самым скромным подсчетам, получил от иностранных государств 14 млн. талеров за разнообразные «услуги». Он продолжал их оказывать и после провозглашения Пруссии королевством (которое было освящено международным договором): хотя это событие и умножи-

[47] *В. Перцев.* Гогенцоллерны, стр. 17.
[48] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 104.

ло ее значение, оно не устранило тех внутренних противоречий, которые были характерны для Бранденбурга в связи с его быстрой милитаризацией. Их острота толкала прусских монархов на авантюры, и в этом смысле создание Прусского королевства предвещало усиление соперничества двух крупнейших государств, входивших в «Священную Римскую империю германской нации»,— Пруссии и Австрии, а также дальнейшее развертывание ими «Drang nach Osten».

СТАНОВЛЕНИЕ АБСОЛЮТИЗМА В ДРУГИХ ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Социально-экономическое развитие и зависевшее от него становление абсолютизма отличались в различных германских княжествах значительным разнообразием. Сходный с Пруссией характер имел этот процесс в Австрии, ибо условия во многом совпадали. Австрия, наравне с Бранденбургом, была одним из основных районов распространения «второго издания крепостничества», следовательно, и там и здесь существовали предпосылки для сплочения господствующего класса вокруг носителя сильной власти. Более того, в Австрии эти предпосылки были в некоторых отношениях сильнее, чем в Бранденбурге. Они определялись тем обстоятельством, что бо́льшая часть населения страны принадлежала к захваченным в разное время национальностям; для удержания господства над ними необходима была сильная власть. Именно в Чехии, Моравии, Силезии, особенно же в Венгрии, закрепощение крестьян проводилось наиболее последовательно и неумолимо. Наконец, австрийские помещики подчинялись императору еще и потому, что были заинтересованы в существовании сильного войска, которое было бы способно отразить опасность, постоянно грозившую со стороны турок. Необходимость такого войска обусловливалась также и тем, что Габсбурги, почти всегда возглавлявшие «Священную римскую империю германской нации», участвовали в большей части войн, очень часто потрясавших тогдашнюю Европу. С конца XVII в. абсолютистское государство, хотя и непоследовательно, осуществляет принципы меркантилизма, создавая условия для несколько более быстрого развития промышленности и торговли [49].

Раньше всего по времени абсолютизм победил в Баварии, где с 1612 г. не собирался ландтаг [50]. Некогда одна из наиболее разви-

[49] *Е. Пристер.* Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 170 и сл.
[50] *W. Hubatsch.* Das Zeitalter des Absolutismus. Braunschweig, 1962, S. 105.

тых областей страны, Бавария уже в XVII в. превратилась в отсталую окраину. Здесь не осталось ни одного крупного города. Более половины земельной площади принадлежало католической церкви, для которой Бавария служила сильнейшим оплотом на территории Германии. Вследствие экономической отсталости баварские князья, уже с 80-х годов XVII в. создавшие по примеру Бранденбурга и Австрии, постоянное войско, еще в большей мере, чем Бранденбург, нуждались в иностранных субсидиях и шли еще дальше в сделках с зарубежными государствами. В период войны за испанское наследство Бавария (как и Кельн) выступила в союзе с Францией против императора. Результатом было низложение обоих курфюрстов императором Иосифом I, а также оккупация Баварии.

Междоусобица длилась ряд лет, а одним из следствий было крупнейшее в тот период крестьянское восстание в Баварии (1705—1706 гг.): бесчинства австрийских войск послужили толчком, переполнившим чашу терпения крестьян. В конце 1705 г. восставшие пытались даже овладеть княжеской резиденцией — Мюнхеном.

Одним из германских княжеств, игравших в рассматриваемое время видную роль не только в рамках Германии, но и в общеевропейском масштабе, была Саксония. По экономическому развитию она опережала другие княжества. В конце XVII в. здесь было на полмиллиона больше жителей, чем в значительно превышавшем ее по территории Бранденбурге. Саксония располагала крупнейшим торговым центром — Лейпцигом, чьи ярмарки привлекали купцов из многих стран. В то же время Лейпциг уже тогда был важным культурным центром; в 1657 г. здесь начала, например, выходить первая в Германии газета.

Абсолютизм не приобрел в Саксонии той силы, которой он отличался в Бранденбурге; здесь, в частности, продолжал существовать ландтаг, сохранивший за собой вплоть до XIX в. право утверждать налоги [51].

В духовных княжествах установление абсолютизма затруднялось тем, что монарх в них выбирался. Но порядки, типичные для княжеского абсолютизма, хотя несколько видоизмененные, воцарялись и здесь. Главы духовных княжеств, как правило, являлись отпрысками дворянских родов, правивших светскими княжествами, и были тесно связаны с последними общностью интересов. Прежде всего и наиболее последовательно абсолютистский режим восторжествовал в Майнце, чей глава играл среди германских государств особую роль — он был председателем коллегии курфюрстов.

[51] *G. Schilfert.* Deutschland 1648—1789, S. 58—59.

Но в Германии имелись и такие государства, развитие которых не шло по пути абсолютизма. К ним принадлежал, например, Мекленбург — государство, расположенное на северо-востоке страны и весьма сходное с Бранденбургом не только по природным, но, главное, по социально-экономическим условиям. Однако здесь попытки князя установить свое самодержавие не увенчались успехом; после длительной борьбы сословия не только сумели сохранить самостоятельность, но и утвердили существование в Мекленбурге своеобразной дворянской республики [52].

Этот пример особенно наглядно свидетельствует о большой пестроте экономических условий и социальных сил в различных частях Германии, что в свою очередь обусловливало разнообразие форм власти и государства. Тридцатилетняя война и ее последствия усилили эту пестроту и разнокалиберность. «Откуда могла взяться *политическая* концентрация в стране, в которой отсутствовали все *экономические* условия этой концентрации?» [53],— писал Ф. Энгельс, имея в виду эпоху, последовавшую за Тридцатилетней войной.

[52] *P. Wick.* Versuche zur Errichtung des Absolutismus in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 18. Jahrhundert. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Territorialabsolutismus. Berlin, 1964.

[53] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 183.

3

ГЕРМАНСКИЕ ЗЕМЛИ В XVIII В. ВОЗВЫШЕНИЕ ПРУССИИ

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ И МАНУФАКТУРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Германия XVIII в., особенно второй его половины, уже ушла во многом вперед от того катастрофического положения, в котором она находилась в момент окончания Тридцатилетней войны или в первые 20—30 лет после заключения Вестфальского мира. Хотя продолжали сказываться отрицательные факторы, обусловившие застойный характер развития экономики и торговли, остановить это развитие они не могли. Медленнее, чем в передовых странах тогдашней Европы, но и в Германии развивалось производство, устранялись наиболее вопиющие препятствия для его развертывания, для нормальной торговли внутри страны и с зарубежными странами. И за столетие, которое пролегло между концом XVII в. и последними годами XVIII столетия, облик Германии значительно изменился.

Одно лишь осталось без существенных изменений: Германия, как и 100 лет назад, пребывала в состоянии сильнейшей раздробленности. Она фактически продолжала быть лишь понятием, исторической же реальностью являлись сотни самостоятельных во всем государств, из которых только очень немногие обладали силами, чтобы вести независимую политику. Но политика эта, как правило, была направлена во вред интересам Германии как целого, наносила ущерб складывавшейся немецкой нации. Самый наглядный пример тому являла Пруссия, неуклонное усиление которой было центральным событием всей политической жизни Германии в XVIII в.

Возвышение Пруссии, происходившее как за счет захвата внегерманских территорий, так и в результате поглощения различных немецких земель, коренным образом изменило соотношение

сил в Германии. Из княжества, каких было много, чьи владения к тому же представляли собой не монолитный комплекс, а были разбросаны на солидном расстоянии друг от друга, Пруссия стала крупным государством, одним из главных участников европейского «концерта держав». Прусские короли уже мечтали о главенстве в Германии, а соперничество с Австрией, которое в конце XVII в. только зарождалось, было одним из основных принципов внешней политики Пруссии на протяжении почти всего царствования «великого» Фридриха II. Последствия этого вытекали из самого характера прусского государства, где милитаризм все более укреплял свои позиции и где имелась наибольшая (в расчете на душу населения) армия в Европе.

Но таков был итог развития «Священной римской империи германской нации» в XVIII в. В начале же этого века Пруссия еще только стала королевством и ее властители лишь делали первые шаги на поприще борьбы за гегемонию в Германии. И экономическое положение, и политическая обстановка в стране еще хранили отпечаток тяжелых последствий Тридцатилетней войны. Вместе с тем и в Германии, хотя развитие ее производительных сил шло медленнее, чем в Англии, Голландии, Франции, новое неуклонно пробивало себе дорогу. Это касалось прежде всего мануфактурного производства.

Буржуазные историки приложили много усилий, изображая дело так, будто в Германии вообще не было мануфактурной стадии развития, а промышленный подъем начался чуть ли не во второй половине XIX в., после того как Гогенцоллерны объединили страну «железом и кровью» [1]. Это противоречит и фактам, известным уже давно, и результатам новейших изысканий в данной области. В силу условий, о которых уже говорилось выше, в германских государствах доля рассеянных мануфактур (в общем их числе) была больше, чем в Западной Европе; но Германия не представляла в этом смысле чего-то исключительного, ибо повсюду рассеянная мануфактура преобладала над централизованной.

Рассмотрим положение в Пруссии. Уже в 20-х годах XVIII в. одна текстильная мануфактура имела в Берлине и вне его по меньшей мере 5 тыс. рабочих. Свыше 3 тыс. рабочих были заняты в шелковой мануфактуре братьев Лейен в Крефельде (60-е годы). Рассеянная мануфактура в области прядения и ткачества была очень широко развита в Силезии. В 80-х годах один лишь предприниматель Задебек эксплуатировал здесь 6 тыс. ткачей и 1200 намотчиков и резчиков, разбросанных по 850 точкам [2].

[1] См. подробнее: *С. Б. Кан.* Два восстания силезских ткачей. 1793 и 1844. М., 1948, стр. 15 и сл.

[2] *H. Krüger.* Zur Geschichte der Manufakturen nud der Manufakturarbeiter in Preussen. Berlin, 1958, S. 200.

Во второй половине XVIII в. начала падать роль государства как основателя и собственника централизованных мануфактур. Теперь в качестве создателей и хозяев подобных предприятий все чаще выступают частные лица — немецкие бюргеры. В ряде германских государств, и даже в Пруссии, некоторые государственные мануфактуры переходят в частные руки.

Здесь необходимо хотя бы вкратце сказать о роли меркантилизма в германских условиях. Конечно, меркантилизм, особенно в XVII в., когда без участия государства задача экономического восстановления была почти невыполнима, способствовал развитию производительных сил. Правда, правители отдельных княжеств такой цели перед собой вовсе не ставили — они исходили главным образом из фискальных соображений; если говорить о прусских королях, то их меркантилизм был вызван к жизни поисками дополнительных источников средств для расширения армии. Но объективно меры поощрения отечественного производства, принимавшиеся теми или иными князьями, были, в определенной степени, полезны.

И вместе с тем меркантилизм, осуществлявшийся не единой для всей страны централизованной властью, нес на себе отпечаток тех же отрицательных свойств, которые характерны для германского мелкодержавья вообще. Он препятствовал созданию экономического единства, способствуя хозяйственной замкнутости каждого из княжеств или герцогств. Меркантилистские мероприятия были лишены необходимого размаха, без которого они зачастую теряли смысл. Так, даже в Пруссии на развитие шелкового производства, пользовавшегося особым расположением короля Фридриха II, за все время его царствования — почти 50 лет — было израсходовано только около 2 млн. талеров. Достаточно сказать, что на военные нужды Фридрих II тратил за год в несколько раз больше. Крайне отрицательно сказывалась, кроме того, сопровождавшая княжеский меркантилизм мелочная опека, вмешательство во все детали производства.

Развитию торговли и промышленности способствовало некоторое упорядочение условий передвижения. В течение XVIII в. значительно уменьшились поборы с купцов, перевозивших товары по территории Германии. Многие города лишились этого права, а в пределах того или иного княжества пошлина взималась только один раз. Конечно, и тогда еще было весьма далеко до полной отмены внутренних пошлин, но определенный шаг вперед в этом отношении, по сравнению с XVI—XVII вв., был сделан. В условиях небывалой раздробленности не было и не могло быть и речи о какой-либо защите внутригерманского рынка в целом от конкуренции промышленно более развитых стран, что затрудняло утверждение капиталистических отношений.

Наибольшего развития они достигли в XVIII в. в Гамбурге, значение которого в качестве главных морских ворот страны продолжало расти, а также в двух основных ярмарочных центрах Германии того времени — Лейпциге и Франкфурте-на-Майне. Во второй половине века Гамбург ежегодно посещало до 2 тыс. судов. Отсюда уходили товары не только в Англию, Нидерланды, Францию, но и в Италию, Португалию, Россию. Одновременно расширялась и сухопутная торговля с Россией и другими странами Восточной Европы; это было одним из важнейших новых явлений в экономике Германии XVIII в. Здесь главную роль играл Лейпциг, выступавший в качестве посредника между Западной и Восточной Европой. Его годовой оборот составлял в течение последних 30 лет XVIII в. солидную сумму — около 18 млн. талеров[3]. Значение Лейпцига, первоначально связанное с выгодами его географического положения, усилилось благодаря тому, что в Саксонии промышленное развитие было сковано меньше, чем в остальных германских государствах. Именно в Саксонии в 50-х годах XVIII в. появилась первая в Германии шелкомотальная машина. На лейпцигских ярмарках более дешевая продукция саксонских мануфактур, естественно, находила широкий сбыт, что приносило немалые доходы и казне.

И все же, несмотря на определенные успехи, мануфактура, хотя и потеснила цеховое ремесло, еще не заняла в промышленном производстве решающих позиций. Поэтому в условиях Германии цехи оказались особенно живучи, цепки.

Цеховое ремесло в Германии XVIII в. было уже очень далеко от своего зенита. В 1763 г., например, в Неймарке, где прежде процветали полотняные цехи, на 8 мастеров оставался лишь 1 подмастерье; в Ротенбурге на 62 мастера — 1. В Баварии, издавна слывшей центром германского суконделия, сосредоточенного в цехах, за 100 лет — с 1680 по 1780 г.— выработка сукон упала с 70 тыс. штук в год до 5 тыс.[4] Некоторые цехи целиком попали под власть скупщиков. Но цеховые заправилы, пользуясь поддержкой князей, с невиданным упорством отстаивали свою монополию. Доводом, который обычно выдвигала цеховая верхушка, требуя вмешательства властей, было обострение классовой борьбы в городах, конфликт цеховых мастеров с подмастерьями. Первые два десятилетия XVIII в. были отмечены в различных местностях Германии крупными волнениями подмастерьев, вызванными их тяжелым экономическим положением и все большей затруднен-

[3] *А. Д. Эпштейн.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 г. М., 1961, стр. 306; *H. Mottek.* Wirtschaftsgeschichte Deutschlands, Bd. I. Berlin, 1964, S. 299.
[4] *G. Schilfert.* Deutschland 1648—1789. Berlin, 1962, S. 138.

Контора гамбургского негоцианта.
Современная гравюра

ностью перехода в мастера. Так, между 1715 и 1720 гг. имели место крупные беспорядки в Вюрцбурге, Майнце, городах Вюртемберга, в том числе восстание подмастерьев Штутгарта в 1720 г. Через шесть лет поднялись на восстание подмастерья и цеховые ученики Аугсбурга в Баварии.

Заправилы цехов громко требовали от властей обуздать непокорных подчиненных; довольно быстро князья вняли этому призыву. Особенно торопились с принятием мер правители Пруссии, более всех других не терпевшие «крамолы». И в 1731 г. появился на свет имперский закон, регулировавший отношения в цехах соответственно интересам и требованиям их верхушки. Под страхом суровых наказаний, включая смертную казнь, запрещались забастовки подмастерьев и учеников, а также какие-либо союзы, направленные против мастеров. Вводились рабочие книжки, крайне затруднявшие уход из данного цеха; ранее подмастерья, подвергавшиеся особенно сильной эксплуатации, свободно покидали

цех или даже город. При этом надо учитывать, что имперские законы принимались чрезвычайно редко, лишь в случае кровной заинтересованности князей.

Конечно, монополия цехов расшатывалась с каждым годом, и во многих местах конкуренция со стороны мануфактур росла и узаконивалась. В 1771 г. был издан имперский закон, разрешавший мастерам держать сколько угодно подмастерьев и учеников, т. е. отменявший одно из самых незыблемых цеховых правил. Но в Германии XVIII в. все же не было ни одного княжества, где сковывающее, мертвящее влияние цехов было бы ликвидировано раз и навсегда. Трудности, сопровождавшие утверждение новых производственных отношений, были велики и многообразны. Даже в Саксонии еще в 1767 г. был принят закон, строго запрещавший всем сельским жителям заниматься городским ремеслом [5]. Необходимы были огромные упорство и настойчивость, чтобы преодолевать эти препятствия.

Немецкое бюргерство, конечно, испытывало недовольство путами, сковывавшими его деятельность, но раздробленность страны накладывала свой отпечаток и на него, создавая пестроту интересов бюргеров различных частей Германии. Продолжала сказываться экономическая зависимость бюргерства от князей.

ФОРМЫ АБСОЛЮТИЗМА И ПУТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Необходимо проследить теперь эволюцию положения немецкого крестьянства в XVIII в., во многом определявшую ход экономического развития страны. Развитие сельского хозяйства на востоке и на западе шло совершенно разными путями, в зависимости от исторически сложившихся экономических особенностей соответствующих районов.

На западе и юго-западе Германии, где развитие приближалось к типу, характерному для стран Западной Европы, крестьяне постепенно освобождались от личной зависимости, но не от зависимости вообще. Крестьяне этих областей, являясь держателями сеньоральной земли, несли определенные обязательства перед помещиком. Как уже говорилось выше, собственного крупного хозяйства помещики здесь не вели, не будучи экономически заинтересованы в этом, и крестьянские обязательства сводились преимущественно к оброку. С течением времени оброк все более заменялся денежными платежами, так что к середине XVIII в. натуральные повинности в этих краях почти везде уступили место денежным. Изменились и условия держания, которое приобрело, как правило, характер наследственного владения или собственности, обусловленной определенными платежами. В результате здесь возникли предпосылки для развития капитализма в сельском хозяйстве в условиях сравнительно быстрого устранения феодальных пережитков. Сходно было и положение в сельском хозяйстве Средней Германии, где также утверждались денежные отношения, а крестьяне превращались в наследственных держателей земли, фактически в ее арендаторов.

[5] *P. Stulz, A. Opitz.* Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1956, S. 24.

Свободная купля-продажа земельных участков вела к дифференциации крестьянства, расслоению в его среде. В Нижней Саксонии и на Нижнем Рейне, например, зажиточные крестьяне, продолжая нести обязательства перед сеньорами, уже в свою очередь эксплуатировали бедняков. Значительная часть крестьян северо-запада Германии вынуждена была батрачить у кулаков, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Но еще больше батраков было на востоке страны, где развитие сельского хозяйства пошло по другому пути, предопределенному «вторым изданием крепостничества». Как мы уже видели, здесь центральным фактором сельскохозяйственного производства вместо крестьянского двора стали поместье, барская запашка, имевшие тенденцию к постоянному увеличению за счет крестьянских хозяйств.

XVIII век был временем усиленного сгона крестьян с земли на востоке Германии. В последние десятилетия XVII в., когда самой насущной задачей было устранение чудовищных разрушений, причиненных Тридцатилетней войной, обезземеливание крестьян не носило того характера, какой оно приобрело в XVIII в. «...Все крупное землевладение немецкого дворянства, особенно же ост-эльбских дворян,— указывал Ф. Энгельс,— образовалось из *награбленной крестьянской земли*» [6]. При этом бывшие держатели превращались в подневольных батраков, вынужденных обрабатывать помещичью землю, получая взамен лишь хижину и жалкий клочок земли для огорода. Но и на востоке не везде условия были одинаковы,— они зависели от соотношения классовых сил, складывавшегося в разных княжествах по-разному.

Наиболее последовательно сгон крестьян происходил в Мекленбурге. Здесь в течение XVIII в. в помещичьих хозяйствах утвердился семипольный севооборот, позволивший значительно повысить урожаи. При этом крестьянские поля стали помехой

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 251.

для помещиков, которые в массовом порядке сгоняли крестьян, оттесняя их на прежние пастбища или на другую неудобную землю[7]. Аналогичный, хотя и несколько более смягченный вариант представляли собой Пруссия, а также Богемия, входившая тогда в состав Австрии, и Лаузиц. На территории Саксонии явления, характерные для эволюции сельского хозяйства востока Германии, не носили столь ясного характера. Чтобы уяснить причины всего этого, необходимо познакомиться с условиями утверждения княжеского абсолютизма в каждой из перечисленных земель.

Пруссия была страной наиболее развитого, для германских условий, абсолютизма — агрессивного в своей основе, приближающегося к военной деспотии. Его отличали мощь дворянства и слабость буржуазии, от которой, следовательно, крестьянам нечего было ждать поддержки. Но именно военный характер государства толкал его властителей на некоторые меры, ограничивающие экспроприацию крестьян крупными землевладельцами. Сгон крестьян влек за собой уменьшение налоговых сборов и снижение контингента рекрутов, а также сужение возможностей постоя войск, обеспечения их провиантом и фуражом. Эти соображения побуждали прусских королей несколько раз на протяжении XVIII в. издавать указы о запрете или ограничении сгона крестьян. Так абсолютизм выражал свои претензии на часть феодальной ренты. Конечно, эти указы не имели ничего общего с «защитой крестьян», как изображают их западногерманские буржуазные историки. Сам факт повторяемости королевских распоряжений на этот счет говорит о том, что помещики далеко не всегда считались с ними.

Значительно отличалась от положения в Пруссии ситуация в Мекленбурге, где абсолютизм вообще не сумел утвердиться и вся власть находилась в руках неукротимого дворянства, справиться с которым герцог Мекленбурга оказался не в силах. Крайняя слабость буржуазии и отсутствие тех факторов, которые вызвали к жизни отмеченные указы относительно сгона крестьян в Пруссии, определили еще более бедственное положение последних в Мекленбурге.

Наконец, еще один вариант развития отношений в сельском хозяйстве, как и вообще особый вариант абсолютизма в германских условиях, был представлен Саксонией. Положение крестьянства было здесь более благоприятным по сравнению с другими государствами на востоке Германии, ибо существовала сильная и влиятельная буржуазия, поддерживавшая его, а дворянство,

[7] *J. Nichtweiss.* Das Bauernlegen in Mecklenburg. Berlin, 1954, S. 80—83.

хотя и сумело добиться сохранения сословного представительства, подчинялось власти абсолютизма, опиравшегося на экономическую мощь государства[8].

XVIII век был временем укрепления абсолютизма в Германии, который утвердился здесь позже, чем в западноевропейских странах, но зато приобрел особую силу и устойчивость. Он породил подлинный культ государства, невиданный авторитет бюрократии, преклонение перед всяким начальством, ставшие неотъемлемыми свойствами многочисленного немецкого мещанства. Самым ярким примером такого развития событий была Пруссия. В большинстве германских княжеств абсолютизм принимал аналогичные формы, хотя и без прусского «размаха» и ненасытных претензий прусских королей. Но были и исключения; об одном из них — Мекленбурге — мы уже говорили. Здесь сословия даже добились смещения герцога Карла-Леопольда (1713—1747), которому не помогли ни помощь России, ни демагогические заигрывания с крестьянами, обещания улучшить их долю в случае поддержки против дворянства[9]. Брат герцога Христиан-Людвиг в 1755 г. признал право дворян на соучастие в решении всех дел; это соглашение оставалось в силе более полутора столетий — вплоть до свержения монархического строя в Германии в 1918 г. В Вюртемберге все усилия князя установить абсолютистский образ правления также окончились безрезультатно. Во второй половине XVIII в. и он вынужден был заключить с сословиями официальное соглашение, в котором подтверждались их феодальные права.

Укрепление абсолютизма резко усиливало значение городов, становившихся резиденциями монарха. Быстро росло их население, так, например, Берлин в 1661 г. насчитывал всего 6500 жителей, в 1721 г. — уже более 60 тыс., а в 1760 г. — 120 тыс. В главных городах княжеств велось большое строительство, часто сосредоточивались значительные культурные ценности. Наиболее типичным примером такой немецкой резиденции XVIII в. была столица Саксонии Дрезден с ее роскошью и блеском, пышными сооружениями и богатейшими собраниями произведений искусства. Источником этих богатств была прежде всего эксплуатация крестьянства. Наибольшее значение Саксония приобрела в начале XVIII в. при короле Августе Сильном (1694—1733), являвшемся также польским королем. Это позволило ему значи-

[8] *G. Heitz.* Der Zusammenhang zwischen den Bauernbewegungen und der Entwicklung des Absolutismus in Mitteleuropa.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Sonderheft, 1965.

[9] *P. Wick.* Versuche zur Errichtung des Absolutismus in Mecklenburg in der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1964, S. 24 ff.

тельно укрепить свои позиции, предоставляя и дворянству, и буржуазии определенные преимущества за счет Польши.

Некоторые буржуазные историки придерживаются мнения, будто именно раздробленность Германии способствовала развитию культуры чуть ли не при каждом дворе абсолютного монарха, каких в Германии было множество. На самом деле это глубочайшее заблуждение. От того, например, что при дворе ганноверского курфюрста работал Лейбниц, выигрывал лишь один курфюрст; Лейбниц же, как и многие другие талантливые представители науки и искусства, вынужденные приноравливаться ко вкусам и капризам коронованных меценатов, проигрывал, а следовательно, терпела серьезный ущерб и немецкая культура.

Самое это понятие нередко подменялось понятием местной, саксонской или баварской, культуры, так же как провинциальные диалекты подчас подменяли собой общенациональный язык. Большое развитие приобрела местная литература, культивировавшая локальную ограниченность. Научные труды, как правило, публиковались на латыни. Среди дворянства, придворных кругов в княжеских резиденциях немецкий язык также был не в чести; здесь предпочитали изъясняться на французском. В 1750 г. великий французский просветитель Вольтер, находившийся тогда в дружбе с прусским королем Фридрихом II, писал из Потсдама: «Здесь все говорят только на французском... немецкий язык можно услышать только в казарме». Сам Фридрих, олицетворение милитаристского пруссачества, предпочитал французский язык немецкому. Раздробленность страны тормозила формирование немецкой нации.

Передовые элементы германских государств все более остро воспринимали торговлю кровью немецких людей, являвшуюся источником наживы для многих герцогов и князей. Широко известен факт продажи ландграфом Гессен-Кассельским Англии 17 тыс. солдат с целью усмирения восстания американских колоний. Кроме вознаграждения за убитых и раненых, ландграф получил 2800 тыс. фунтов стерлингов. Тогда же четыре других князя получили за аналогичный «товар» кругленькую сумму в 33 млн. талеров [10]. Продолжалось и субсидирование германских государств иностранными державами; лишь с 1750 по 1772 г. Франция выплатила различным немецким князьям субсидии в размере 137 млн. франков. Характерно, что получателями такого рода подачек, связанных с предательством общегерманских

[10] *F. Kapp.* Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach Amerika. Berlin, 1874, S. 209 ff.

интересов и торговлей жизнью немецких солдат, преимущественно были главы самых отсталых княжеств, наименее развитых в промышленном отношении, стремившиеся, тем не менее, содержать пышный двор, а также непомерно большие армии. Скромное по размерам ландграфство Гессен-Дармштадтское имело войско в 6 тыс. человек; его предводитель — ландграф — снискал себе славу лучшего барабанщика во всей «Священной Римской империи германской нации». А в армии майнцского курфюршества, во главе которого стоял епископ, насчитывавшей только 3 тыс. человек, имелось целых 12 генералов!

Кое-где преклонение перед военщиной выглядело курьезом, игрой. Но в более крупных государствах — таких, как Пруссия и Австрия, милитаризм был отнюдь не смешон. Он становился силой, не в малой степени определявшей ход развития. И, конечно, он был неразрывно связан с самыми реакционными тенденциями в политике абсолютистских монархий. А каковы были эти тенденции, видно из распоряжения одного из германских князей, относящегося к 1736 г.: «Настоящим запрещаются различные рассуждения некоторых наших подданных, ибо мы не желаем иметь в их числе резонеров. Наказание — до полугода каторжных работ» [11]. Наиболее полно подобные стремления княжеской власти, опиравшейся на феодалов, воплотились в Пруссии. Здесь их носителями были юнкеры: «В каждом дюйме — бароны, в каждой капле крови — плод шестидесяти четырех равных браков, в каждом взгляде — вызов»,— так характеризовал их Энгельс [12].

В исторической литературе режим, существовавший во второй половине XVIII в. в Пруссии, Австрии, Саксонии, Бадене, получил название «просвещенного абсолютизма». Конечно, политический строй каждого из перечисленных государств отнюдь не был одинаков, но основное совпадало: стремление феодального строя приспособиться к изменившимся экономическим и социальным условиям, чтобы сохранить свое господство. «Просвещенный абсолютизм» был попыткой приспособить прогрессивные идеи к потребностям господствующих классов, выбив тем самым из рук буржуазной оппозиции важнейшее ее оружие в борьбе против феодального государства. Это сочеталось с решительным подавлением всякого протеста, в какой бы он форме ни выражался.

[11] *P. Kampfmeyer.* Deutsches Staatsleben vor 1789. Berlin, 1925, S. 54.
[12] «К. Маркс и Ф. Энгельс о реакционном пруссачестве». М., 1943, стр. 14.

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯН И ВЫСТУПЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ НИЗОВ

Крестьянские волнения, борьба цеховых низов против притеснявшей их верхушки, восстания рабочих мануфактур против угнетения — эти и другие виды антифеодальных выступлений повторяются в течение всего XVIII в., который буржуазные историки обычно считают наиболее «спокойным» периодом в истории Германии. Познакомимся с некоторыми из этих событий — полное изложение их истории потребовало бы целой книги; к тому же многие, в том числе важные, эпизоды классовой борьбы до сих пор мало изучены. Сведения о них пока погребены в архивах и еще ждут своих исследователей.

В условиях абсолютизма открытые формы борьбы против гнета были чрезвычайно затруднены и возникали лишь при стечении определенных обстоятельств. Господствовали главным образом экономические формы, например отказ от несения феодальных повинностей или плохое их выполнение, причем такого рода сопротивление — индивидуальное и коллективное — было весьма распространено. Естественно, что в этих случаях речь шла отнюдь не о ликвидации феодальной эксплуатации, а лишь об ее смягчении, об уменьшении или отмене повинностей, которые были особенно невмоготу крестьянам. К числу наиболее ненавидимых крестьянами относились несправедливые законы относительно господской охоты, выпаса помещичьего скота и т. п. Их нарушение носило массовый характер [13]. С этим было связано весьма характерное для Германии конца XVIII в. явление — отряды, обитавшие в лесах и именовавшиеся разбойничьими. Их обилие было прямым результатом вопиющей бедноты деревни, бесчеловечной эксплуатации главной производительной силы тогдашнего общества. Эти отряды иногда насчитывали до 1 тыс. человек.

Классовая борьба той эпохи находила выражение также в предъявлении многочисленных исков помещикам. Этими исками были завалены суды германских государств. Возбуждая эти дела, крестьяне пользовались поддержкой буржуазных адвокатов, рассматривавших подобные процессы как средство расшатывания абсолютистского режима. В отдельных случаях, весьма немногочисленных, правда, правители, видя нарастающее возмущение крестьян феодальным гнетом, вынуждены были принимать некоторые меры для улучшения их положения, стремясь тем самым избежать крупных антифеодальных выступлений. Так поступил, в частности, маркграф баденский Карл-Фридрих, удовлетворивший в

[13] *P. Stulz, A. Opitz.* Volksbewegung in Kursachsen..., S. 35 ff.

1783 г. наиболее насущные требования крестьян, в том числе отмену платежей, основывавшихся на крепостном праве. Отработочные повинности остались, однако, в силе. Реформа была, таким образом, весьма половинчатой.

Одно из крупных восстаний той поры в Германской империи вошло в историю под названием «селитренных войн». Движение это, местом действия которого был юго-западный Шварцвальд, находившийся под властью Габсбургов, началось в 20-х годах XVIII в. Крестьяне (они одновременно занимались также добыванием и продажей селитры) воспротивились попыткам близлежащего монастыря навязать им повинности, которых в течение длительного времени они не несли. Борьба приняла вооруженный характер и потребовала от австрийских властей большого напряжения сил. Самые ожесточенные сражения между восставшими крестьянами и войсками произошли в 1727—1728, 1738—1739 и 1744—1745 гг. Несмотря на поражение, боевой дух «селитренников» Шварцвальда не был сломлен, что проявилось в дальнейшем [14].

Естественно, что крестьянские волнения были особенно интенсивны в тех государствах Германии, где имело место «второе издание крепостничества» и эксплуатация была наиболее тяжелой. Таким государством, как мы знаем, являлась Пруссия, причем классовый гнет здесь нередко осложнялся жестокими национальными притеснениями коренного славянского населения, проживавшего на захваченных Гогенцоллернами землях. Большой размах приобрело, например, восстание 1717 г. в округе Котбус, где проживали лужицкие сербы — потомки древнейших хозяев данной местности. Подробности этого восстания пока еще малоизвестны, но оно было настолько значительным, что план его подавления пришлось разрабатывать самому королю Пруссии Фридриху-Вильгельму I. Почти в то же время, в 1720 г., крупные волнения крестьян произошли в другом районе прусского королевства — в графстве Марк. Они были вызваны участившимися рекрутскими наборами, а также попытками превратить наследственную аренду в королевских доменах во временную. В двух округах эти волнения переросли в вооруженное восстание. Два штурма, предпринятых войсками, не привели ни к чему, и лишь отряду в 500 солдат удалось рассеять повстанцев.

Районом постоянных антифеодальных выступлений крестьян была польская область Силезия, находившаяся в то время под чужеземным игом — вначале австрийским, а позднее (с 40-х годов XVIII в.) — прусским. Положение крестьян было здесь особенно бедственным, а их повинности наиболее многообразными и обре-

[14] *G. Schilfert.* Deutschland 1648—1789, S. 78—79.

менительными. К тому же польское население подвергалось национальному гнету. Серьезные волнения имели место в Силезии в 60-х годах, вскоре после окончания Семилетней войны, в ходе которой эта область понесла огромный ущерб. Для подавления крестьянских выступлений посылались крупные военные силы, но волнения продолжались и в последующем, в частности в 1785 г. [15]

Для антифеодальной борьбы крестьянства характерна оторванность от аналогичных выступлений угнетенных масс города. Так было и в Германии. Нередко почти одновременно с крестьянскими волнениями и восстаниями и в непосредственной территориальной близости от них происходили вспышки возмущения подмастерьев, рабочих первых мануфактур и других представителей городских низов. Но лишь в крайне редких случаях между ними устанавливалась связь; таким исключением было восстание в Баварии в 1705—1706 гг., о котором говорилось выше (см. стр. 97). Крупные же волнения подмастерьев и учеников после 1715 г. в самых различных районах Германии, восстание горняков Фрейберга (Саксония), начавшееся в 1728 г. и длившееся ряд лет, и другие выступления городских низов были совершенно изолированы от крестьянских волнений, многие из которых также падают на конец 10-х и на 20-е годы XVIII в. [16]

Причиной беспорядков в городах нередко становилось усиление налогового гнета. Особенную ненависть населения снискали акцизы на табак и кофе, во взимании которых особенно усердствовал Фридрих II, а в роли исполнителей выступали преимущественно сборщики-французы. Волнения по этому поводу возникли в 1766 г. даже в самой прусской столице. Несколькими годами позже, в 1775 г., в Берлине вспыхнули волнения рабочих шелковых мануфактур.

В XVIII в. рабочие, боровшиеся за улучшение условий своего труда и существования, во многом напоминавших крепостнические, поднялись на первые в истории Германии стачки. Они имели, например, место в ряде городов на Рейне, где относительно быстро развивалась промышленность. Большую активность проявляли горняки: за выступлениями в Фрейберге в конце 20 — начале 30-х годов последовали многие другие.

[15] *J. Ziekursch.* Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. Breslau, 1927.
[16] *G. Schilfert.* Deutschland 1648—1789, S. 92.

ПРУССКИЙ МИЛИТАРИЗМ. «ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ НА ТРОНЕ»

Вольтер говорил, что «Священная Римская империя» на деле не была ни священной, ни римской, ни империей. К этому можно прибавить, что еще в меньшей мере имела она право называться государством германской нации. Ибо она фактически являлась конгломератом различных народностей, среди которых элементы будущей немецкой нации были далеко не единственными: немалое место занимали чехи, земли которых были захвачены Австрией, поляки, населявшие обширные территории, которые попали в прошлом (и, как увидим, также и в XVIII в.) под иго Австрии и Пруссии, и др. Что касается Пруссии, то в XVIII в. ее территория увеличилась более чем вдвое — и прежде всего за счет славянских земель. Военно-колонизаторский характер, присущий этому государству, проявился еще более выпукло, будучи помноженным на сверхмилитаризм, вызванный к жизни задачами, которые юнкерство ставило перед абсолютистской монархией. Эти задачи заключались, с одной стороны, в решительном подавлении при помощи военной силы попыток крестьянства добиться раскрепощения, с другой — в обеспечении необходимых юнкерству позиций для производства и экспорта хлеба и иных сельскохозяйственных продуктов.

Острота классовых противоречий и борьба с конкурентами — не только иностранными, но и германскими государствами, среди которых главным соперником Пруссии несомненно являлась Австрия,— и были в конечном счете причиной невиданного роста армии и ее влияния в Пруссии XVIII в. Типичнейшим главой этого государства был Фридрих-Вильгельм I, занимавший престол с 1713 по 1740 г. Его называют фельдфебелем на троне — и не только за обычай постоянно ходить в мундире. Фридрих-Вильгельм I был олицетворением отталкивающих черт милитаризма, доведенного до абсурда. Так, например, он придавал огромное значение фискальной политике и довел годовой бюджет Пруссии до 7 млн. талеров, львиная доля которых — 5 млн.— шла на военные нужды. Но эти средства часто расходовались «непроизводительно»,— конечно, с точки зрения милитариста. Дело в том, что король, более всего в жизни любивший выправку и парады, стремился к тому, чтобы его солдаты были сверхвысокого, гренадерского роста. За подобными людьми охотились по всей стране, нередко прибегая к грубому насилию, вероломству. Весьма характерным для прусских обычаев был эпизод похищения с этой целью студента богословского факультета одного из университетов Пруссии. На протесты товарищей похищенного Фридрих-

Вильгельм ответил знаменитым «Не рассуждать!»,— пригрозив и им той же участью. Но так как в самой Пруссии явно недоставало людей столь высокого роста, как хотелось королю и его советникам, поиски подходящих лиц производились и за пределами Пруссии, причем в этом случае, естественно, уже приходилось платить — и платить чрезвычайно большие деньги. Фридрих-Вильгельм, отличавшийся невиданным скопидомством и буквально разогнавший огромный двор, существовавший при его отце — первом прусском короле, не жалел никаких средств на покупку великоростных рекрутов за границей.

При Фридрихе-Вильгельме I армия росла невиданными темпами. Если в момент его вступления на престол она насчитывала 38 с лишним тыс. человек, то в 1729 г. прусское войско составляло около 67 тыс., а в год смерти Фридриха-Вильгельма I численность его армии достигла почти 84 тыс. К этому времени Пруссия, территория которой занимала лишь 10-е место, а население 13-е место в Европе, имела 4-ю по величине армию [17]. Она в несколько раз превышала «средние» для других стран размеры. И более всего о целях ее непрерывного увеличения говорит изречение «солдатского короля»: «Если кто-либо в этом мире стремится решить какой-либо вопрос, он не может достичь этого при помощи пера, если оно не поддержано мощью меча» [18].

В этих словах — вся «мудрость» прусского милитаризма, гнездом и олицетворением которого в годы царствования Фридриха-Вильгельма I стал Потсдам — излюбленное им место муштровки и парадов. Ему принадлежит и гораздо более важное для дальнейшего развития милитаризма нововведение: принятие так называемого Кантонального регламента (1733 г.), в результате чего почти все крестьянство было охвачено службой в армии. Помещик становился также военным начальником крестьян, и его власть над ними усилилась, ибо он решал, кого отправить на военную службу, а кого оставить. От солдата требовали беспрекословного повиновения. В воинском уставе, изданном в 1726 г., говорилось, что «каждый, принесший присягу, осуществляет акт самоотречения, отказываясь от всего, включая жизнь, в пользу монарха, чтобы выполнить его волю».

Но Фридрих-Вильгельм I не форсировал событий, не стремился ввязываться в конфликты, считая, видимо, прусскую армию еще недостаточно подготовленной по сравнению с ее потенциальными соперниками — армиями Австрии, России и др. Сам он объяснял отсутствие активности со своей стороны фискальными

[17] *R. Ergang.* The Potsdam Führer. Frederick William Father of Prussian Militarism. New York, 1941, p. 73.
[18] Ibid., p. 83.

соображениями: «Когда армия находится в действии, то сбор акциза падает на $^1/_3$». Трудно поверить правдивости подобного объяснения; гораздо правдоподобнее предположение, что король хотел действовать наверняка, с минимальным риском. Единственной более или менее крупной операцией прусской армии при Фридрихе-Вильгельме I было участие в Северной войне против Швеции, еще и в то время господствовавшей над устьем Одера. Пруссия оказалась в числе победителей в этой войне, но то было отнюдь не ее заслугой, а результатом разгрома Карла XII русской армией. Поражение в Северной войне стало началом быстрого упадка Швеции, которая перестала играть роль великой державы. Непосредственно для Пруссии победоносное окончание Северной войны означало приобретение Западной Померании и устья Одера с городом Штеттином (Щецином). То были территории, издавна являвшиеся предметом вожделений прусского юнкерства, ибо обладание ими закрепляло за ним монополию на вывоз хлеба, производившегося в Восточной Европе, в заморские страны.

По отношению к дворянству, на потребу которому Фридрих-Вильгельм I создавал мощную армию, он стремился держаться как подлинно абсолютный монарх. Ему принадлежат слова: «Я поставлю корону несокрушимо как бронзовую скалу, а господам юнкерам предоставлю ветер речей в ландтаге». Но на деле король был гораздо более сговорчив с дворянами, от которых, при отсутствии действительно сильного класса бюргеров, весьма зависел. Его попытки привлечь юнкеров к участию в выплате налогов, не привели ни к чему: он сумел добиться лишь замены феодального обязательства дворян выставлять лошадей в случае войны денежным взносом в 40 талеров за каждую лошадь, числившуюся за поместьем. Ответом на дворянскую фронду, вызванную этим нововведением, послужили вышеуказанные слова короля о «бронзовой скале» [19].

Увеличение поступлений в казну Фридрих-Вильгельм искал на пути меркантилизма. Было строжайше запрещено шить одежду из иностранных материй, а в случае обнаружения таковой приказано немедленно уничтожать ее; виновные подвергались крупным штрафам. В основе этих мер лежало желание предотвратить утечку из страны золота и драгоценностей, которые могли бы сгодиться для военных целей. О том, что власти не испытывали подлинной заботы о процветании промышленности, свидетельствует их мелочная регламентация, сковывавшая развитие мануфактурного производства. Если развертывание суконной промышленности поощрялось, ибо это отвечало интересам юнкеров,

[19] *F. Mehring.* Zur preussischen Geschichte vom Mittelalter bis Jena. Berlin, 1930, S. 194.

поставлявших шерсть, то изготовление хлопчатобумажных тканей, в чем помещики не были так заинтересованы, тормозилось. Таким образом, покровительственная политика прусского государства по отношению к промышленности носила однобокий характер.

Фридрих-Вильгельм I поощрял участие выходцев из бюргерской среды в созданном им бюрократическом аппарате. Этот аппарат был задуман как противовес дворянству. Король решительно покончил, в частности, с так называемым индигенатом, т. е. неписаным законом, согласно которому чиновниками, управлявшими от лица государства в каком-либо районе, могли быть только выходцы из этого района. Вышколенная Фридрихом-Вильгельмом I бюрократия должна была обеспечить неуклонное поступление акциза и других поборов, и для этой цели все средства были хороши.

Пример подавал сам король, чью «скотскую грубость» отмечал К. Маркс в статье «Подвиги Гогенцоллернов» [20]. Телесные наказания Фридрих-Вильгельм I считал наилучшим способом воспитания и подрастающего поколения, и всех своих подданных вообще. Очевидцы рассказывают, что, завидев его на улице, все, кто был поблизости, разбегались. Если же королю все же удавалось поймать кого-либо, то нередко он обрабатывал неудачника своей толстой палкой, приговаривая при этом: «Вы должны не бояться, а любить меня!» [21]. Особенно доставалось тому, кто был одет в импортный или сшитый из импортного материала костюм. В этом случае король срывал костюм тут же на улице, если даже «провинившейся» оказывалась женщина.

Особое нерасположение короля — и в этом с ним были единодушны его приближенные — вызывали представители интеллигенции. С чисто солдафонской непосредственностью он называл профессоров «чернильными душами» и даже о великом Лейбнице отзывался с презрением, называя его никуда не годным человеком, не способным стоять на часах. Фридрих-Вильгельм I запретил иностранным ученым въезд в Пруссию.

Принципы воспитания, заключавшиеся в произволе и насилии, он применял и по отношению к своим собственным детям, в частности к наследнику престола Фридриху, оказавшемуся под влиянием французской просветительной философии. Ближайший друг и единомышленник кронпринца был по приказу короля повешен под окном Фридриха, а последний сослан. Но эти жестокости оказались в конечном счете излишними, ибо будущий Фридрих II, отличаясь от отца приверженностью к культуре и будучи безусловно одаренным в литературном смысле человеком, ничуть не уступал «солдатскому королю» в истинно пруссаческих «доблестях», превосходя его, однако, в сноровке и ловкости.

[20] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 519.
[21] *В. Перцев*. Гогенцоллерны. М., 1918, стр. 19—20.

ЗАВОЕВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ФРИДРИХА II

Его долгое царствование, длившееся с 1740 по 1786 г., было временем, когда прусское юнкерство приступило к реализации своих честолюбивых замыслов, осуществление которых было подготовлено в предшествующие десятилетия. Вместе с тем годы царствования Фридриха II — это эпоха «просвещенного абсолютизма» в Пруссии, когда правящий класс вынужден был устранить некоторые из сословных привилегий, покончить с остатками местного сепаратизма, с самыми отжившими формами религиозной нетерпимости.

Эти реформы отнюдь не были плодом личной инициативы Фридриха II, в течение двух столетий остающегося кумиром дворянских и буржуазных историков. Преобразования «сверху», ставшие неизбежными и осуществленные носителями «просвещенного абсолютизма», представляли собой в XVIII в. характерное явление для многих стран Европы. В Пруссии Фридриха II указанные реформы отнюдь не проводились последовательно. Все свои мероприятия Фридрих II неизменно подчинял заботе о благе юнкерства, которое он почитал наилучшим и наиболее достойным сословием. В этом отношении он отличался от своего отца, отстаивавшего интересы дворян, но никогда не обольщавшегося относительно них.

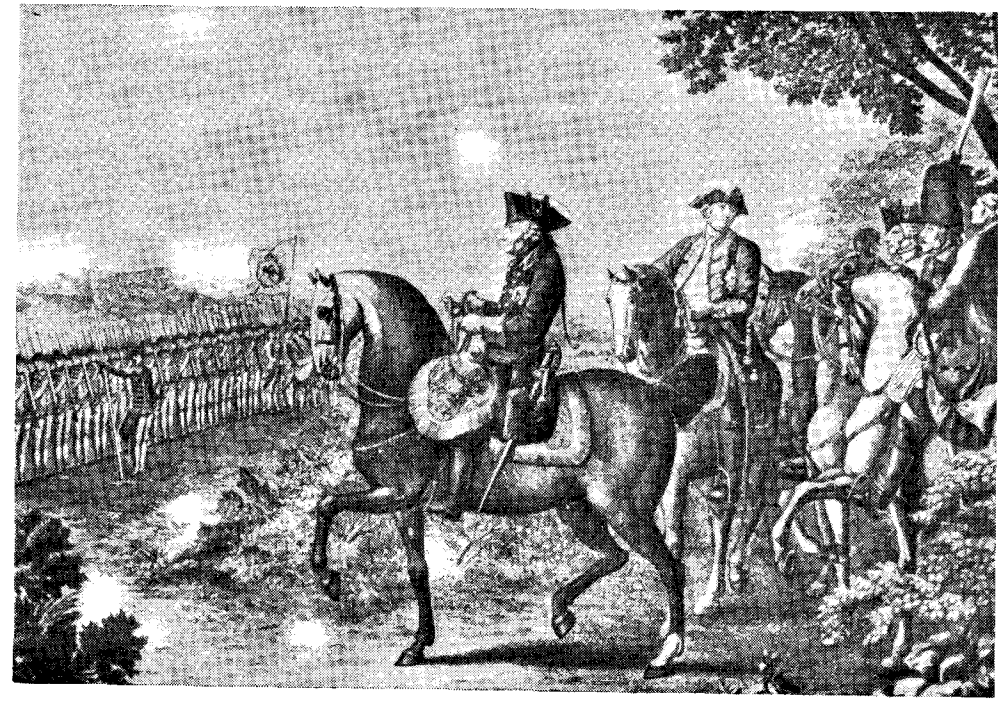
Свое наименование «великий» Фридрих II заработал у многочисленных поклонников пруссачества прежде всего военными победами, результатом которых было значительное округление территории Пруссии и увеличение ее населения (с 2 до 5 с лишним млн. человек). О том, что Фридрих II склонен к активным действиям, известно было еще до его восшествия на престол. Несмотря на просветительские увлечения и дружбу с Вольтером и другими светилами французского Просвещения, Фридрих уже в «Соображениях о современном состоянии Европы», написанных в 1738 г., отстаивал применение «кулачного права». И он стал поступать согласно этому принципу, как только стал королем. Первым его агрессивным актом, за которым последовало много других, был захват Силезии, польской территории, входившей тогда в состав Австрии. Этим Пруссия бросала открытий вызов Австрии и развязывала целую серию войн между обоими крупнейшими германскими государствами, войн, нанесших большой ущерб делу единства Германии. Вопреки настойчивым утверждениям буржуаз-

ных биографов «великого пруссака» [22], объединение Германии никогда не было его идеалом. «Со времен Фридриха II,— писал Ф. Энгельс, — Пруссия видела в Германии, как и в Польше, лишь территорию для завоеваний, территорию, от которой урывают, что возможно, но которой, само собой разумеется, приходится делиться с другими. Раздел Германии при участии иностранных государств и в первую очередь Франции — такова была «германская миссия» Пруссии, начиная с 1740 года» [23].

Место и время первого удара Фридрих II выбрал очень продуманно. Воцарение Фридриха совпало со смертью императора Карла VI, после чего австрийский престол заняла дочь покойного Мария-Терезия. Это создало для Австрии серьезные трудности, потребовав признания другими государствами законности восшествия женщины на трон. Прусский король потребовал за признание прав Марии-Терезии на престол Силезию, а получив отказ, двинул туда свои войска. Цели этого захвата были многообразны. Прежде всего по величине территория Силезия превышала Бранденбург и Восточную Пруссию, вместе взятые; к тому же она была и значительно богаче — плодородна и довольно развита в промышленном отношении. Присоединение Силезии означало, кроме того, что в руки властителей Пруссии переходило все течение Одера; это должно было привлечь сюда товары, направлявшиеся ранее по течению Эльбы. Тем самым были бы существенно подорваны торговые позиции Гамбурга.

Не меньшее значение Фридрих II придавал стратегическому положению Силезии. Здесь прусский король глядел далеко вперед. В руках Австрии Силезия была плацдармом, своим северным концом врезавшимся между Берлином и Познанью и охватывавшим Бранденбург с флангов. Лишь овладев ею, прусские властители могли думать о дальнейшей экспансии на Восток. А эта задача была всегда актуальна для прусских колонизаторов. У Фридриха имелся и повод для нападения: он выдавал себя за покровителя протестантов, подвергавшихся преследованиям в католической Австрии. А в своих конфиденциальных высказываниях он был более откровенен: «Если вам нравится чужая провинция и вы имеете достаточно сил, занимайте ее немедленно. Как только вы это сделаете, вы всегда найдете достаточное количество юристов, которые докажут, что вы имели все права на занятую территорию» [24].

[22] *G. Ritter.* Friedrich der Große. Heidelberg, 1954; *idem.* Staatskunst und Kriegshandwerk, Bd. 1. München, 1954; *W. Hubatsch.* Das Zeitalter des Absolutismus. Braunschweig, 1962.
[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 435.
[24] *Лависс* и *Рамбо.* Всеобщая история от IV столетия до нашего времени, т. VII. М., 1898, стр. 163.



Фридрих II

Начиная свою авантюру, Фридрих II дал заверения французскому королю, что «поделится с ним, если останется в выигрыше». Франция, заинтересованная в ослаблении Австрии, обещала поддержку. Вскоре между Францией, Пруссией, Испанией и Баварией было заключено соглашение о разделе «австрийского наследства»; предполагалось, что союзники нанесут Марии-Терезии сокрушительное поражение. В 1741 г. прусская армия действительно одержала победу над австрийцами у Мольвица. Но она была достигнута вовсе не благодаря полководческому гению короля, как утверждают его апологеты (на самом деле предводительствуемая им кавалерия бежала с поля боя), а благодаря стойкости и выдержке пехоты под командованием генерала Шверина. В ходе битвы пехота сумела выстоять против натиска кавалерии и взять над ней верх.

Но французы явно недооценивали «способностей» Фридриха II или были мало знакомы с историей дома Гогенцоллернов и мето-

дами, при помощи которых те сумели сколотить свое государство. В то время, как французы продолжали военные действия, Фридрих II завязал сепаратные переговоры с Марией-Терезией и в июне 1742 г. втайне от своих союзников заключил с ней сделку насчет Силезии. Взамен Пруссия вышла из войны [25].

Этот маневр был, однако, вовсе не последним в политике Пруссии периода войны за «австрийское наследство». Прошло немного времени, и Фридрих, отнюдь не собиравшийся удовлетвориться захваченным, вновь круто переменил фронт и, разорвав соглашение с Австрией, возобновил войну против нее. Он заручился поддержкой англичан и при их помощи получил всю Силезию, добившись, таким образом, своей цели. Но фортели Фридриха в ходе войны не прошли для Пруссии бесследно. В лице правителей Австрии он приобрел заклятого врага: Мария-Терезия говорила, что не пожалеет ничего, даже последней юбки, но вернет себе Силезию. Вероломство прусского короля сильно повлияло и на позицию Франции, правители которой поняли, что Пруссия весьма опасный сосед и в связи с этим стали на путь улучшения своих отношений с Австрией. Пруссии это не сулило ничего хорошего.

Между тем захват Силезии мыслился прусскими властителями лишь как прелюдия к осуществлению гораздо более обширных замыслов. Фридрих II стремился превратить Польшу в вассала Пруссии, захватить Чехию, отняв ее у Австрии, прибрать к рукам Курляндию, посадив там в качестве герцога своего брата Генриха. Реализация этих планов превратила бы Пруссию в сильнейшее государство Центральной и Восточной Европы. Ближайшим объектом нападения он избрал Саксонию, экономическое развитие и стратегическое положение которой делали ее заманчивейшей добычей. Стремясь ослабить Саксонию, Пруссия в течение многих лет вела против нее ожесточенную экономическую войну. С начала же 50-х годов Фридрих II начал военную и дипломатическую подготовку к ее захвату.

В 1755 г. прусский король предложил Людовику XV смелый план: Франция захватывает Бельгию, прусская армия тем временем вторгается в Богемию, входившую в состав Австрии, а затем завладевает всей Германией. Людовик XV отнесся подозрительно к подобному демаршу Фридриха II; да к тому же в Париже стало известно, что Пруссия одновременно ведет аналогичные переговоры с Англией. Это побудило Францию отказаться от вековой враждебности к Австрии и пойти на сближение с ней [26].

[25] *O. Groehler.* Die Kriege Friedrichs II. Berlin, 1968, S. 41.
[26] «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 334.

Благодаря усилиям австрийского канцлера Кауница стала сколачиваться антипрусская коалиция в составе Франции, Австрии, России и Польши, которая была в то время объединена личной унией с Саксонией; позднее в коалицию вошла также Швеция. «Коалиция Кауница», как ее принято называть, обладала большой силой и представляла серьезную опасность для Пруссии.

Но Фридрих II, одним из свойств которого были быстрота и решительность в действиях, опередил своих противников. В 1756 г. он заключил соглашение с Англией, предоставившей ему субсидии для ведения войны. Англия, сама не ввязываясь в военные действия на Европейском континенте и используя в своих интересах Пруссию, в то же время получала свободу рук в колониях для борьбы против своей основной соперницы — Франции. В том же году Фридрих II без объявления войны, в традиционном для прусских милитаристов духе, напал на Саксонию и тем самым развязал европейскую войну — так называемую Семилетнюю. В буржуазной литературе принято изображать шаг Фридриха II как вынужденный, оборонительный, вызванный угрозой «окружения» Пруссии враждебной коалицией. Но историки, изображающие дело таким образом, замалчивают то обстоятельство, что эта коалиция стала возможной только в результате политики самой Пруссии, ее захватов и вероломства.

Стратегия Фридриха II строилась на использовании разногласий противников, чтобы бить их поодиночке. Вначале это удалось: саксонский курфюрст капитулировал перед прусской армией. Но уже в 1757 г. военное счастье стало для нее весьма переменчивым, ибо ей пришлось бороться на нескольких фронтах. Правда, Фридрих еще сумел дойти до Праги и одержать под ее стенами победу над австрийскими войсками. Но вскоре австрийцы нанесли пруссакам поражение под Колином. Одновременно русская армия вступила в Восточную Пруссию, а французские войска — в западные владения Пруссии. Тучи сгущались, однако Фридрих II не терял присутствия духа; он собирал все новые армии, доводя до предела «налог кровью», который вынуждены были нести его подданные. Еще в том же 1757 г. прусские войска нанесли поражение сначала австрийцам — у Лейтена, а затем разгромили французов под Росбахом. Эта победа над армиями страны, в течение многих десятилетий проводившей по отношению к Германии агрессивную политику, была восторженно встречена населением германских государств. Но Фридрих II и под Росбахом меньше всего имел в виду общегерманские интересы, заботясь лишь о том, как бы улучшить военное положение Пруссии [27].

[27] *O. Groehler.* Die Kriege Friedrichs II, S. 106—107.

Казалось бы, после подобных успехов пруссаки могли чувствовать себя гораздо увереннее. Но русские силы только начинали развертываться. В 1757 г. русская армия разбила пруссаков под Гросс-Егерсдорфом и заняла всю Восточную Пруссию. Попытки Фридриха II вытеснить оттуда русских не имели успеха. Наоборот, в 1759 г. русская армия, перейдя в наступление, буквально разгромила и рассеяла войска Фридриха II в бою при Кунерсдорфе.

Фридрих был поставлен на грань катастрофы; сам он едва успел спастись бегством и помышлял о самоубийстве. «Все потеряно, — писал он, — я не переживу крушения своего отечества. Прощайте навсегда!» [28]. В следующем году русские войска вступили в Берлин.

Можно не сомневаться, что энергичные, а главное, дружные действия антипрусской коалиции привели бы к капитуляции Фридриха II. Однако таких действий не последовало. Австрийцы, очистившие Силезию от прусских войск и полностью уверенные, что этого достаточно, чтобы удержать ее в своих руках, воздерживались от активных операций. Точно так же поступили шведы, вновь обосновавшиеся в Померании. Французы после Росбаха вообще не двигались с места.

Все это позволило Фридриху II собрать новую армию численностью в 70 тыс. человек. Передовой русский отряд, находившийся в Берлине, на большом расстоянии от своих основных сил, не мог ему помешать в этом. Драгоценное время было упущено, хотя и тогда силы Фридриха во много раз уступали мощи его противников, вместе взятых. Но у Фридриха были важные союзники — исключительная бездарность французских генералов, непростительная медлительность австрийских полководцев и обильные английские субсидии. Бездеятельность союзников России имела определенную подоплеку — разногласия насчет политических целей войны против Пруссии. Австрия, в частности, не одобряла стремления России передать Восточную Пруссию Польше, а Курляндию присоединить к своей территории [29].

И все же положение Фридриха оставалось трудным. Даже в начале января 1762 г. он пребывал в панике. «Если вопреки нашим надеждам,— писал он брату,— никто не придет нам на помощь, прямо говорю Вам, что я не вижу никакой возможности отсрочить или предотвратить нашу гибель» [30]. Прусский король еще не знал тогда о событии, которому суждено было окончательно изменить ход войны. 5 января 1762. г умерла императрица

[28] *L. Ranke.* Sämtliche Werke, Bd. 30. Leipzig. 1877, S. 335.
[29] *А. Д. Эпштейн.* История Германии..., стр. 290.
[30] «История дипломатии», т. 1, стр. 265.

Вступление русских войск в Берлин. 1760 г.

России Елизавета, и ее место, под именем Петра III, занял голштинский принц — давний поклонник Фридриха II и всего прусского. Фридрих даже не предполагал, что новый самодержец России собирается отказаться от каких-либо приобретений за счет Пруссии. Направляя своего эмиссара в Петербург, он поручил ему согласиться на территориальные жертвы, в том числе и на уступку Восточной Пруссии. Это оказалось излишним, ибо Петр III прекратил войну без всяких условий. И хотя он пробыл у власти недолго, Россия не возобновила войны против Пруссии. Сменившая Петра Екатерина II, отказавшись от предложений союза, с которыми обратился к ней Фридрих II, тем не менее не обостряла отношений с Пруссией, имея несколько иные, нежели Елизавета, политические планы.

Семилетняя война завершилась Губертсбургским миром, заключенным в 1763 г. между Австрией, Пруссией и Саксонией на основе довоенного положения этих государств. Главным результатом войны, стоившей жизни десяткам тысяч людей, было утверждение Пруссии в качестве государства, по силе не уступавшего

Австрии. Их соперничество за преобладание в Германии предвещало новые столкновения.

Разрушения и ущерб, причиненные войной, были очень велики. Однако на устранение ее последствий власти ассигновали не слишком много средств. Фридрих II начал в эти годы строительство Нового дворца в Потсдаме — части комплекса блестящих сооружений, призванных утвердить за Фридрихом славу покровителя и ценителя искусств. Но по-прежнему главное внимание короля было уделено увеличению и усовершенствованию армии. Уже в 1767 г. было предпринято расширение ее состава. Если при его предшественниках Пруссия имела войско, лишь относительно превосходившее армии других крупных европейских держав, то при Фридрихе II прусская армия уже претендовала на абсолютное превосходство. Ее девизом были слова короля, что солдат должен бояться своего начальства больше, чем неприятеля. К концу царствования «старого Фрица» вооруженные силы Пруссии насчитывали 186 тыс. человек; их содержание обходилось в 13 млн. талеров в год, иначе говоря поглощало $^2/_3$ государственных доходов. Не удивительно, что Фридрих II, к тому же унаследовавший от своего отца скупость, отвергал подавляющее большинство обращенных к нему предложений об ассигновании средств на какие-либо нужды или просьб о помощи. «У меня нет ни гроша», — писал он на полях подобных прошений, или: «Я беден как Иов» [31].

Деньги же, расходовавшиеся на военные нужды, все более превращали Пруссию в подобие военного лагеря. Особенно это бросалось в глаза иностранцам. Итальянский поэт Альфиери, побывавший здесь в 1770 г., писал, что Берлин произвел на него впечатление «огромной омерзительной казармы», а все прусское государство — одной колоссальной гауптвахты.

После благополучного для Пруссии завершения Семилетней войны стали более реальными планы Фридриха II в отношении Польши, которая все более слабела из-за глубоко антинациональной политики дворянства — шляхты. Фридрих говорил, что «Польшу надо облупить, как кочан капусты, лист за листом». Для начала он ставил себе целью отторгнуть от Польши Западную Пруссию, чтобы лишить ее выхода к морю и связать воедино свои главные владения. Захват польских земель диктовался, кроме того, сугубо экономическими соображениями — стремлением подавить конкуренцию польского хлеба, который продавался по более низким ценам.

Замыслы властителей Пруссии во многом совпадали с планами русского царизма, особенно после того, как его попытки по-

[31] *Э. Лависс.* Очерки истории Пруссии. Пг., 1915, стр. 247.

ставить всю Польшу под свое влияние не принесли успеха. 11 апреля 1764 г. был заключен русско-прусский договор, согласно тайной статье которого оба государства приняли обязательство «...охранять силой оружия действующую польскую конституцию, — это лучшее средство разрушения Польши, — от всяких попыток реформы» [32]. Русско-турецкая война 1768—1774 гг., осложнившая положение России, ускорила первый раздел Польши, произошедший в 1772 г. Третьим партнером явилась Австрия, стремившаяся компенсировать себя за утрату Силезии. Желая прикрыть наглый грабеж польских территорий, Фридрих II советовал австрийским государственным деятелям: «Поройтесь хорошенько в архивах», — и сам делал то же. Правда, Мария-Терезия, понимавшая, что раздел Польши еще более усилит Пруссию, испытывала «укоры совести». Фридрих II реагировал на сообщение об этом замечанием: «Плачет, но берет» [33].

По первому разделу Пруссия получила польские земли по нижнему течению Вислы, соединявшие Восточную Пруссию с остальной территорией королевства. Лишь Гданьск и Торунь остались у Польши. Говоря о последствиях этого раздела, К. Маркс писал: «Целые области прусской Польши были наводнены прусскими наемниками, которые совершали неслыханные грабежи, жестокости, подлости и всевозможные зверства» [34]. Польское население оказывало отпор захватчикам. Так, в 1774 г. в Грауденце развернулись форменные сражения между жителями города и прусскими солдатами, пытавшимися разместить здесь свой гарнизон.

Присоединение новых польских земель, отвечавшее классовым потребностям прусского юнкерства, глубоко противоречило национальным интересам складывавшейся немецкой нации. Оно усиливало феодально-милитаристские силы, препятствовало прогрессивному развитию Германии.

«ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ»

Почти за полвека, когда на троне находился Фридрих II, прусский милитаризм вырос, как на дрожжах, укрепились традиции реакционного пруссачества. Но в то же время «просвещенный абсолютизм» не назывался бы так, если бы он не осуществлял

[32] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 23.
[33] *Лависс* и *Рамбо.* Всеобщая история от IV столетия до нашего времени, т. VII, стр. 484.
[34] «К. Маркс и Ф. Энгельс о реакционном пруссачестве», стр. 18.

каких-либо нововведений, внешне отвечавших духу времени. Так, например, было расширено начальное образование, преимущественно в городах. Сильно упростилось судопроизводство. Широко рекламировалась веротерпимость прусских правителей. «У меня пусть каждый спасается, как ему больше нравится», — любил говорить Фридрих II. Действительно, в Пруссии религиозных гонений не было; это объяснялось не только политическими потребностями, в частности борьбой против католической Австрии (вспомним повод, использованный Фридрихом II для захвата Силезии в 1740 г.), но и острой экономической заинтересованностью в привлечении переселенцев. Число последних в годы правления Фридриха II резко возросло; только в Бранденбург с 1763 по 1786 г. переселилось 85 тыс. человек [35]. Правда, веротерпимость прусских властителей была неполной; она не распространялась, например, на евреев.

Было несколько улучшено положение крестьян, являвшихся держателями земли королевских имений. Согласно указу, принятому в 1777 г., им гарантировались права собственности и наследования земли. Эти меры были продиктованы прямой экономической необходимостью. Мы уже говорили, что предпринимались и попытки приостановить сгон крестьян с земли помещиками. Помимо материальной заинтересованности казны в сохранении неизменного количества крестьянских дворов, эти указы диктовались и стремлением предотвратить уменьшение призывных контингентов. И все же Фридрих II не добивался полной реализации своих распоряжений насчет помещичьих крестьян. Это становится понятным, если познакомиться с его восторженными высказываниями о дворянстве, которое он называл «наилучшей расой, заслуживающей всяческих наград и поощрения» [36]. Фридрих II вернул дворянству господствующие позиции в государственном аппарате, отнятые у него Фридрихом-Вильгельмом I; бюргерские элементы редко допускались к сколько-нибудь важным чиновничьим должностям. Фридрих II запрещал им приобретать землю, чтобы не «засорить» благородное сословие дворян.

Близость Фридриха II к французским просветителям создала ему ореол сторонника свободомыслия. Но прусская действительность могла лишь глубоко разочаровать тех, кто принял бы всерьез красивые слова, содержавшиеся в сочинениях короля. Пожалуй, ярче всего сказал об этом великий немецкий мыслитель Лессинг. В письме, адресованном в 1769 г. другому выдающемуся просветителю — Николаи, он воскликнул: «Пусть кто-нибудь в Берлине осмелится выступить и поднять свой голос за права

[35] *В. Н. Перцев.* Очерки по истории Германии XVIII в., стр. 32, 36.
[36] *F. Mehring.* Zur preussischen Geschichte vom Mittelalter bis Jena, S. 118.

подданных, против угнетения и деспотизма, как это имеет место сейчас даже во Франции и Дании, и вы тогда узнаете на опыте, какая страна до нынешнего дня остается самой рабской страной в Европе» [37]. Фридрих II выдавал себя за сторонника «свободной печати»; на деле в его государстве уже в 1741 и 1746 гг. была подтверждена строгая обязательность цензуры, причем запрещалось «писать о государственных делах без разрешения свыше... Всякое обсуждение общественных отношений недозволено». Сам король настоятельно предписывал сельским старостам «зорко следить за появлением каких-либо посторонних негодяев, если они вздумают устраивать сходки и вбивать в голову простому люду всяческие мнения. Их следует преследовать по пятам».

«...Творец патриархального деспотизма, друг просвещения с помощью розги...» [38], — так характеризовал Фридриха II Маркс. Будучи прусским националистом, Фридрих II с особой неприязнью относился к передовым идейным движениям в остальных немецких государствах. Замечательный немецкий поэт-демократ Г. Гейне писал: «Презрение, с которым Фридрих Великий относился к нашей литературе, задевает даже нас, внуков».

Фридрих II уверял, что он стремится сделать налогообложение справедливым. Однако дворянство по-прежнему было освобождено от налогов; налогообложение все более сосредоточивалось на предметах потребления. В 1774 г. король заявил, что «доходы государства могут приобрести гарантию прочности лишь в главных потребностях людей». Соответственно этому быстро росли косвенные налоги на такие товары, как мясо, пиво, водка и т. п. Особенно стеснительны для населения были монополии государства на соль, кофе, табак. Каждый обязан был покупать эти предметы в очень больших количествах; так, соли требовалось приобретать по 15 $^1/_2$ фунтов на себя, по 7 $^3/_4$ фунта на корову и т. п. Те, кто покупал меньше 20 фунтов кофе, не имели права жарить его. За всем этим неусыпно следило множество соглядатаев. Бремя налогов, возложенное на население Пруссии, не имело равных во всей Европе.

Другим источником пополнения казны являлись ввозные пошлины на различные товары. Главные предметы ввоза подвергались очень высокому обложению. После Семилетней войны часто запрещался импорт различных изделий и некоторых видов сырья (в общей сложности около 500 названий). С другой стороны, строжайше запрещался вывоз из Пруссии сырья, в особенности шерсти. Таким образом, Фридрих II продолжал меркантилистскую политику своего отца; но она не достигла цели, ибо не развязы-

[37] *G. E. Lessing.* Gesammelte Werke, Bd. 9. Berlin, 1957, S. 327.
[38] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 519.

вала инициативы бюргерства, сковывая ее мелочной опекой и дилетантскими предписаниями. Король сам решал, например, какие фабрики следует основать, сколько должно быть рабочих на каждой из них и сколько товаров необходимо вырабатывать. Не случайно правительственную систему Фридриха II Маркс назвал смесью «...деспотизма, бюрократизма и феодализма...» [39]

Пруссия была государством, утверждавшим свою мощь при помощи особенно насильственных форм социального и национального угнетения. У власти здесь стояли самые реакционные и агрессивные элементы феодального класса. Особая опасность Пруссии для Германии и для ее соседей проистекала из противоречия между относительно небольшими экономическими возможностями этого государства и его непомерными претензиями. Бурное возвышение Пруссии во времена Фридриха II уже несло в себе семена скорого ее разгрома и падения в 1806 г.

Другое крупнейшее государство, входившее в «Священную Римскую империю германской нации», — Австрия — испытывало во второй половине XVIII в. большие трудности. Поражения в войнах с Пруссией, а также с Турцией обнаружили слабость и отставание Габсбургской монархии. Сильнейший классовый гнет осложнялся острейшим национальным гнетом, которому господствующие в стране австрийские феодалы подвергали другие народы: чехов, венгров, поляков и т. д. Многочисленные волнения свидетельствовали о том, что недовольство принимает опасные размеры. Отсюда реформы в духе «просвещенного абсолютизма», проведенные в годы царствования Марии-Терезии, а особенно при ее наследнике Иосифе II. Они носили здесь гораздо более систематический и последовательный характер, чем в других государствах Восточной Европы. Среди этих реформ одной из главных была отмена крепостного права (1781 г.), которая должна была облегчить капиталистическое развитие. В 1789 г. право помещиков на землю, которую обрабатывал крестьянин, было сведено до налога в размере 17% дохода. Иосиф II осуществил также перестройку государственного аппарата, значительно централизовав его.

Стремлением утвердить авторитет государственной власти, а также экономическими соображениями диктовались мероприятия, направленные против католической церкви и в защиту веротерпимости. Все распоряжения и определения папы римского подлежали утверждению государем. Была закрыта часть монастырей [40].

[39] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 743.
[40] *Е. Пристер*. Краткая история Австрии. М., 1952, стр. 281—285; *E. Winter*. Der Josefinismus. Die Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus 1740—1848. Berlin, 1962.

Бо́льшая часть этих нововведений была отменена после смерти Иосифа II, в эпоху Великой французской революции. Но в деятельности Иосифа II была и другая сторона — централизация, еще более ущемлявшая права подчиненных наций, насильственная их германизация, насаждение повсюду немецкого языка в качестве обязательного, и т. д. Вот это и было воспринято его преемниками.

Из германских государств значительную роль в событиях XVIII в. играла также Саксония. Но ее силы были подорваны враждебными действиями Пруссии в экономической области, а главное, Семилетней войной, которая велась в значительной степени на саксонской территории. После 1763 г. уния с Польшей, являвшаяся одним из источников могущества Саксонии, прекратилась; ее политическое значение сильно упало.

В бурную эпоху, началом которой стала Французская революция 1789—1794 гг., Германия вступала как слабая во многих отношениях, расчлененная страна, которая не была государством в подлинном смысле этого слова. Но и в эпоху безвременья, переживаемую ею, крепли внутренние силы, горячо желавшие повернуть ход развития Германии. То были представители бюргерства, испытывавшего все большую неудовлетворенность своим положением. Эту неудовлетворенность объективно отражали идеологи немецкого Просвещения, искренне мечтавшие о справедливом социальном строе.

4

НЕМЕЦКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. ПЕРИОД «БУРИ И НАТИСКА»

РАННИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ

Немецкое Просвещение своими корнями уходит в Реформацию; оно выросло на антикрепостнических идеях Реформации, выдвинутых немецким бюргерством и крестьянством. Не случайно развитие прогрессивной мысли проходило в основном в протестантских землях Германии. Просветительская деятельность отражала протест против феодальной раздробленности, узаконенной Вестфальским миром, против абсолютистского произвола, против нетерпимости.

Первые просветители, стремившиеся осмыслить исторические уроки тридцатилетней войны и указать путь к лучшему будущему, появились в германских землях в конце XVII в. В их ряду одно из ведущих мест по праву принадлежит Христиану Томазию (1655—1728).

Юрист по образованию, последователь Лейбница и пропагандиста теории естественного права в Германии Пуфендорфа, Томазий неутомимо распространял просветительские идеи, будившие гражданское самосознание. Отрицая средневековую схоластику, основанную на вере в авторитеты, Томазий требовал, чтобы познание мира было свободно от догматизма и руководствовалось только разумом. Он исходил из того, что здоровый разум направляет человека на решение жизненных проблем. Для Томазия познание не было самоцелью. Только польза делает его наукой [1].

[1] См. *А. М. Деборин.* Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. II. Очерки социально-политической мысли в Германии (конец XVIII — начало XIX в.). М., 1967, стр. 88.

В своих лекциях и статьях Томазий развивал основные положения идеологии, соответствующей потребностям поднимающейся буржуазии. Он доказывал, что практические знания и профессиональное умение купца и ремесленника важнее далекой от жизни учености. Богатый купец — лучший бюргер. Но богатство безнравственно, если не уметь его правильно использовать; расточительность ведет к упадку нравов. Из этого вытекала проповедь бережливости, получившая горячую поддержку в бюргерской среде.

Исходя из принципов естественного права, Томазий учил, что все люди наделены от природы разумом и подчинены одинаковым физическим законам. Отсюда Томазий делал вывод, что главное в учении об обществе — равенство. Он был активным защитником свободы совести, выступал за терпимое отношение ко всем религиям, доказывая, что понятие «еретик» лишено юридического смысла, что его породили только властолюбие и нетерпимость духовенства.

В 90-е годы Томазий сблизился со Шпенером и Франке, основателями секты пиетистов. На ранней стадии пиетизм был лишен того реакционного и изуверского характера, который он приобрел впоследствии, к середине XVIII в. Во времена Томазия это было течение, представители которого пытались очистить христианство от всего, что привнесла в него церковь, и воскресить принципы раннего христианства.

Томазий выступал против всяческих суеверий, считая, что «суеверные люди хуже атеистов». Он горячо боролся за отмену процессов ведьм — этих, как он выражался, «юридических убийств». Местные хроники свидетельствуют, что между 1600 и 1700 гг. в Вестфалии в результате подобных процессов уничтожались целые города [2]. Протестантская церковь также не избежала этого безумия. Последняя ведьма была сожжена в Кемптене в 1775 г. Нужно было большое мужество, чтобы бороться против столь сильно укоренившихся предрассудков.

Но, несмотря на непрестанную борьбу с богословами, Томазий оставался верующим. В этом сказалась духовная зависимость немецкого бюргерства от господствующих классов. Даже такие передовые ее представители, как Томазий, были еще не в состоянии порвать с религией. Хотя Томазий осуждал суеверных людей еще больше, чем атеистов, его отношение к последним также было сугубо отрицательным.

Велика заслуга Томазия в деле усовершенствования университетского образования. Будучи профессором Лейпцигского универ-

[2] *M. Fleischmann.* Christian Thomasius. Leben und Lebenswerk. Halle (Saale), 1931.

ситета, Томазий имел дело с поколением студентов, вышедших из эпохи длительных войн, нищеты и бедствий. Им были присущи нравы военного времени, и они не были подготовлены к упорному труду и усидчивости. Томазий требовал, чтобы профессора давали студентам широкое образование и в то же время были воспитателями юношества. На занятиях он пользовался системой диспутов, приучая студентов к свободному высказыванию своих мыслей. В программе лекций на 1691 г. Томазий писал: «Наша бедная Германия страдает от авторитетов, а между тем лишь ничем не связанная свобода дает духу подлинную жизнь, без нее же человеческий разум также кажется мертвым и бездушным». Отсутствием академической свободы он объяснял отставание наук в Германии по сравнению с Голландией, Англией и Францией.

Для того чтобы быть понятным более широкому кругу слушателей, Томазий читал лекции на немецком языке. Это было неслыханное по смелости новшество; в то время академическим языком считался латинский. Кроме того, в 1688 г. он стал издавать на родном языке ежемесячный журнал («Teutsche Monate»). Журнал имел большой успех, хотя немецкий язык его статей был еще очень неуклюж и изобиловал иностранными терминами. Томазий по праву считается основателем немецкой журналистики. По его примеру в Лейпциге и Гамбурге стал выходить журнал «Патриот» (под патриотом имелся в виду бюргер), выдвинувший лозунг: «Молись и работай».

Деятельность Томазия вызвала недовольство властей, и в 1687 г. он был выслан из Лейпцига. Томазий переехал в Галле (Бранденбург), где стал юристом-практиком. Право в это время было всецело пронизано изуверством средневековья. Против этих пережитков смело выступил Томазий. В своей диссертации «О пытке» (1705 г.) он резко осудил применение обычных для тогдашнего судопроизводства пыток. Томазий считал такую жестокость бесполезной, если преступник изобличен и без того, и совершенно ненадежным средством для открытия истины.

Социальная этика Томазия нашла свое отражение в его коммунистической утопии, явившейся центральным пунктом его философии. В идеальном обществе, по Томазию, должны быть удовлетворены все материальные и духовные потребности человека на основе общности имущества [3]. Несомненно, что на Томазия оказали влияние и ранние французские утопии XVII в., на которые он ссылается во «Введении в учение о нравственности».

Дальнейшее развитие просветительские идеи нашли в философии Христиана Вольфа (1679—1754). Вольф был сыном бре-

[3] *А. М. Деборин.* Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. II, стр. 94—95.

Христиан Томазий

славльского кожевника, выходцем из ремесленных низов. Он проявил незаурядные способности еще в иезуитской школе, по окончании которой ему удалось поступить в Иенский университет, где он изучал работы Пуфендорфа, Лейбница и одного из первых последователей Спинозы в Германии Чирнгауза. В 1703 г. Вольф защитил диссертацию «О практической философии по математическому методу». По рекомендации Лейбница он получил в Галле кафедру математики и естествознания. Здесь Вольф встретился с Томазием, чья просветительская деятельность была ему близка. Это был самый плодотворный период в жизни Вольфа, когда он развивал и распространял просветительскую философию, за что Гегель справедливо назвал его «учителем немцев» [4].

В 1723 г. Вольф в результате доноса реакционной группы пиетистов был по повелению Фридриха-Вильгельма I изгнан из Галле. Поводом послужило сочинение о китайской морали, где Вольф доказывал, что этика Конфуция ничуть не ниже христианской. Протесты ортодоксов вызывали и публичные лекции Вольфа о сво-

[4] *Г. В. Ф. Гегель.* Лекции по истории философии, т. XI, кн. 3. М., 1935, стр. 358.

боде воли и о философии Лейбница, которую он излагал в популярной форме на немецком языке.

Вольфу удалось получить кафедру в Марбурге, где он читал лекции по всем разделам науки. У него было много учеников, среди них и М. В. Ломоносов, который очень ценил своего учителя и поддерживал с ним переписку после отъезда в Петербург. Ломоносов в 1746 г. перевел «Экспериментальную физику» Вольфа на русский язык. По восшествии на престол Фридриха II Вольф смог снова вернуться на кафедру в Галле. Но это были уже годы упадка его творчества, когда он стал апологетом фридриховского абсолютизма.

Вольф учил, что в круг деятельной трудовой жизни, о которой говорил Томазий, входит и духовная жизнь человека. Человек не только имеет право, но и обязан развивать свои духовные способности. Наряду с ремесленным, крестьянским трудом и трудом купца, Вольф возвеличил труд ученых и писателей, создателей духовных ценностей, и тем самым сделал важный шаг вперед по сравнению со своими предшественниками.

Учение Вольфа свидетельствует о том, что рационализм становился философской основой немецкого Просвещения. Духовная жизнь человека, подчеркивал Вольф, заключается в мыслях. Способность ясно мыслить с помощью понятий — есть разум. Ему доступно философское познание. С помощью развитой системы понятий Вольф доказывал, что только теоретические абстракции и обобщения ведут человеческое мышление к познанию сущности явлений. Он создал ряд научных и философских терминов, которые были приняты немецкой классической философией, а затем прочно вошли в жизнь. Само слово «понятие» (Begriff) было введено Вольфом, то же относится к таким категориям, как сознание (Bewusstsein), представление (Vorstellung), связь (Zusammenhang). Даже слово «наука» (Wissenschaft), а также названия ряда научных дисциплин, например психология, гносеология и история (Geschichte, вместо прежнего термина Historie), были предложены Вольфом.

Завершением целой серии работ по этике, праву, психологии, эстетике, озаглавленных Вольфом «Разумные мысли», стало трехтомное «Учение о природе». Эти работы устарели очень скоро, особенно то, что Вольф писал о телеологической направленности. Г. Гейне, а затем Ф. Энгельс справедливо высмеяли плоскую телеологию Вольфа, «...согласно которой кошки были созданы для того, чтобы пожирать мышей, мыши, чтобы быть пожираемыми кошками, а вся природа, чтобы доказывать мудрость творца» [5].

[5] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 350.

Но для современников «Разумные мысли» Вольфа были откровением. Они учили мыслить не по чьей-либо указке, а согласно собственному разуму и тем самым удовлетворяли потребность, возникшую к тому времени в обществе. Такая самостоятельность и независимость мысли была неизбежно направлена против власти церкви и привилегированных сословий. Но учение Вольфа об обществе еще было отмечено консерватизмом, пропитано лютеранским благочестием и прусским духом. Не случайно идеалом социального государства стала для него абсолютная монархия Фридриха II.

Будучи последователем Пуфендорфа и Лейбница, Вольф стоял на позициях естественного права. Государство образуется путем договора. Оно должно гарантировать гражданам, передающим ему свои суверенные права, довольствие и безопасность, материально обеспеченную счастливую жизнь. Граждане же обязаны трудиться и ничего не предпринимать в ущерб государству. Вольф даже допускал, что в случае невыполнения верховной властью договорного обязательства народ имеет право на сопротивление. Но тут же оговаривался, что последней гарантией против произвола и всяких злоупотреблений властью является бог [6]. Следовательно, страх и вера в бога должны держать народ в повиновении. Так заканчивал Вольф свои свободолюбивые рассуждения.

В этике Вольфа особенно ощутимы черты идеологии бюргерства. Он проповедовал бережливость, выступал против неумеренного увеличения капиталов, что, по его мнению, ведет к расточительству и упадку нравов. Любопытно, что Вольф доказывал необходимость ограничения заработной платы рабочих; они должны получать лишь столько, сколько нужно для удовлетворения самых насущных потребностей.

Первые просветители дали толчок движению, которое с течением времени все более преодолевало ограниченность проповеди Томазия и Вольфа, не шедшей дальше обоснования свободной от религии светской морали, необходимости эмансипации научного знания. Томазий и Вольф были идеалистами и выступали не только против атеизма, но и против учения Спинозы, которое в 70-х годах XVII в. стало проникать в Германию и нашло здесь последователей.

Но уже с конца XVII в. в немецком Просвещении можно, наряду с бюргерским, обнаружить более радикальное, плебейское направление. Его представители тяготели к материализму и атеизму. Феодальные власти жестоко преследовали носителей радикального просветительства: им грозила тюрьма, а их произведе-

[6] *Ch. Wolff.* Vernünftige Gedanken von dem geselschaftlichen Leben der Menschen, 1721, S. 456—457.

ния, обычно выходившие анонимно, сжигались; не удивительно, что потомки сохранили далеко не все имена этих мужественных людей. Некоторые из них стали известны лишь в последнее время, благодаря исследованиям ученых Германской Демократической Республики, а отчасти и советских историков [7].

Одним из них был Иоганн-Конрад Диппель (1673—1734), автор опубликованного в 1700 г. трактата «Град Христа на Земле». Диппель должен был стать священником, но, занимаясь богословием, проникся глубокой ненавистью к схоластике и стал выпускать острые памфлеты против ортодоксов-лютеран, а также против официальной университетской науки, которая защищала церковь и существующую власть. В своих произведениях он доказывал, что в науке надо исходить из опыта, требовал устранения имущественного неравенства, уничтожения государственных учреждений, выступал против церковных обрядов. За это он подвергался преследованиям и вынужден был навсегда покинуть Германию.

О другом таком просветителе, Матиасе Кнутцене, известно лишь, что он родился в 1646 г. Из написанных Кнутценом листовок видно, что он был материалистом и атеистом, отстаивал революционные требования крестьянских и ремесленных масс. Радикализм взглядов Кнутцена был, вероятно, максимален для того времени.

Широкое распространение и большой общественный резонанс имели произведения Иоахима-Христиана Эдельмана (1698—1767). Он жил в большой бедности, по окончании университета давал частные уроки и готовился стать пастором. Но под влиянием выступлений и памфлетов Диппеля Эдельман порвал с христианством. Уже в своем первом произведении, носившем название «Невинные истины», Эдельман осудил лютеровский догматизм, высказался в пользу веротерпимости и провозгласил свое отрицательное отношение ко всякой религии.

В начале 40-х годов XVIII в. Эдельман познакомился с произведениями Спинозы и выпустил книгу «Моисей с открытым лицом», в которой проводил мысль, что мир существует вечно, а потому версию творения мира и человека по Библии надо отвергнуть. Он резко критиковал Вольфа, обвиняя его в лицемерии, а Вольтера называл лизоблюдом. Не удивительно, что Эдельман, как и другие радикальные просветители, подвергся преследованиям, попытки же его найти защиту у «короля-философа» Фридриха II закончились плачевно.

[7] *G. Steiner.* Der Traum vom Menschenglück. Berlin, 1959; *B. Weissel.* Von wem die Gewalt in den Staaten herrührt. Berlin, 1963; а также работы Ю. Я. Мошковской, А. В. Гулыги и др.

Весьма своеобразным мыслителем был Теодор-Людвиг Лау (1670—1740). Он родился в Кенигсберге в семье юриста. В Галле он слушал лекции Томазия и воспринял гуманистические идеи последнего, но пошел гораздо дальше. В своем главном произведении «Философские исследования о боге, мире и человеке», изданном анонимно на латинском языке, он рисует совершенно невыносимое положение немецких бюргеров, получивших какое-то образование, научившихся мыслить и чувствовать, но в силу существующих условий являющихся рабами не только своих князей, но и княжеских чиновников.

Книга Лау была сожжена, он подвергся репрессиям, от автора отшатнулся даже его учитель Томазий.

В своей книге Лау не порывал полностью с религиозными представлениями. Он рассматривал бога как творца мира. Вместе с тем Лау отвергал христианский догматизм, требуя терпимости и свободы мысли для всех. В конце своей книги Лау рисует утопическое государство, в котором не будет ни королей, ни церквей и человек в своей деятельности сможет руководствоваться только указаниями разума. Смелый мыслитель и демократ мечтал об обществе равных и свободных людей. Книга Лау завершалась страстным обличением инертности современного ему немецкого общества: «Мы, как скоты, хуже, чем скоты. Рабы королей и их чиновников. Машины без собственных чувств, рассудка и воли» [8].

ПРОТИВ ФЕОДАЛЬНОГО ПРОИЗВОЛА

Немецкие просветители конца XVII в. — начала XVIII в., исходя из необходимости воплощения разумного начала, требовали освобождения личности от власти всяческих авторитетов, утверждали ее самостоятельность. Одновременно они настойчиво внедряли в культурную жизнь германских государств немецкий язык, тем самым способствуя осознанию бюргерством национальных интересов. Но время шло и ограничиваться только этим нельзя было. К середине XVIII в. просветительская идеология приобретает новые черты. Ее носители все ближе подходят к требованиям политического освобождения, ликвидации феодально-абсолютистских порядков. На этом этапе чрезвычайно активную роль в Просвещении стала играть немецкая литература, «отцом» которой, по определению Н. Г. Чернышевского, являлся Лессинг [9].

[8] *А. В. Гулыга.* Из истории немецкого материализма (последняя треть XVIII века). М., 1962, стр. 28.
[9] *Н. Г. Чернышевский.* Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, стр. 9.

Готхольд Эфраим Лессинг (1729—1781) родился в Саксонии в пасторской семье, учился в Лейпцигском университете, где слушал лекции по философии и математике. Будучи студентом, он увлекался театром, считая, что театр является лучшей трибуной для широкой пропаганды идей веротерпимости и гуманизма. Лессинг был первым немецким писателем, пытавшимся избежать службы у немецких князей и жить на литературный заработок. Но это не удалось, и в 1769 г. Лессингу пришлось принять приглашение герцога Брауншвейгского и стать его библиотекарем в Вольфенбюттеле. Гениальный мыслитель вынужден был до дна испить чашу причуд меценатствующего тирана.

Особенно ярко гений Лессинга раскрылся в его драматических произведениях. Философы Просвещения в своих теоретических работах выдвинули на первый план индивидуальность, призывая к ее освобождению от пут авторитетов. Но эта индивидуальность оставалась чаще всего абстракцией, разумный человек был «всеобщим» человеком. Лессинг сделал индивидуальность живой и действующей в реальной среде, в определенную историческую эпоху. В своей «мещанской» драме «Минна фон Барнхельм» он взял сюжет из жизни простых людей в период Семилетней войны, показал благородство и патриотизм этих людей в тяжелейших условиях. Пьеса представляла собой сатиру на режим Фридриха II. В другой драме Лессинга — «Эмилия Галотти» — действие разыгрывается в эпоху итальянского Возрождения; но всем было ясно, что автор рисует нравы, характерные для любого княжеского двора Германии, бичует самовластие сладострастного и жестокого деспота, которому все дозволено, в то время как его подданные лишены права свободно распоряжаться даже своей жизнью.

Одной из вершин художественного творчества Лессинга, а вместе с тем и всего немецкого Просвещения была драма «Натан Мудрый» (1779 г.). Здесь Лессинг выступил как борец за свободу совести, против религиозной и национальной розни, против ненависти к инакомыслящим, ведущей к жестокости и изуверству. Автор изобразил представителей трех враждующих между собой религий: мусульманской, христианской и, в лице Натана Мудрого, иудейской. Натан отличается особым нравственным совершенством, честностью, человеколюбием и тонким умом.

Свою заветную мысль о религиозной терпимости Лессинг вложил в уста Натана, который рассказывает султану Саладину притчу о трех кольцах. Содержание этой притчи таково: на востоке существовало опаловое кольцо, которое приносило счастье тому, кто его носил и кто становился главой дома. Наконец, кольцо попало в руки одного человека, у которого было три одинаково любимых сына. Отец не знал, кому его передать. Тогда он заказал художнику сделать точно таких же два кольца и передал каждому

Готхольд Эфраим Лессинг

сыну по кольцу. Когда отец умер, сыновья убедились, что истинное кольцо нельзя отличить от подделок, и это привело их к вражде и раздору. В этом иносказании под кольцами имеются в виду различные религии, и Лессинг выступает сторонником равноправия вероисповеданий; впрочем, он не выступает против религии вообще.

Для Лессинга религия сливалась с этикой. При помощи разума, писал он, человек должен жить, осуществляя нравственные начала. Сущность христианства, по Лессингу, заключается в этих нравственных началах. К «священным» книгам, к религии вообще Лессинг подходил как историк. Все существовавшие и существующие религии, по его мнению, были продуктом определенных исторических эпох. Поэтому ни об одной религии нельзя сказать, что она истинна или ложна. Она истинна потому, что выражает потребность человека, и в то же время ложна, так как на высшей стадии того или иного исторического периода уже не соответствует достигнутому уровню духовного развития [10].

[10] *А. В. Гулыга.* Исторические взгляды немецких просветителей XVIII века.— «Новая и новейшая история», 1963, № 3, стр. 113.

В 1774 г. Лессинг опубликовал рукопись гамбургского профессора-ориенталиста Самюэля Реймаруса под названием «Вольфенбютельские анонимные фрагменты», где было подвергнуто историческому анализу происхождение книг «священного писания». Это вызвало возмущение правоверных лютеран; против книги выступил гамбургский пастор Геце. Началась полемика, в которой Лессинг удачно сражался с правоверным лютеранством. Статьи Лессинга под названием «Анти-Геце» вышли в 1778 г.

К концу жизни Лессинг стал последователем Спинозы, отрицал свободу воли и стоял на точке зрения детерминизма. Но ему приходилось скрывать свое отношение к Спинозе, так как в то время спинозизм был равносилен атеизму и считался крайне опасной ересью. Даже друзьям Лессинг не признавался в приверженности Спинозе. Лишь незадолго до смерти он открылся философу Фридриху Якоби, который опубликовал эту беседу с Лессингом вскоре после смерти последнего [11]. Книга Якоби о спинозизме Лессинга произвела на немецкую интеллигенцию огромное впечатление.

В своих произведениях Лессинг выступал за освобождение человека от сословного неравенства и феодального гнета. Особенно четко высказаны эти мысли в диалоге «Эрнст и Фальк. Беседа для масонов», написанном им в конце жизни. «Создан ли человек для государства или государство для человека?» — спрашивает Эрнст. И Фальк отвечает, что государство объединяет людей, чтобы они могли наслаждаться счастьем. Между тем множество людей не достигают благополучия, из чего следует, что они живут не в лучшем государстве. Предположим, что будет найдена лучшая форма для одного государства, но ведь все люди на Земле не могут жить в нем. Неизбежно должны существовать маленькие государства, которые будут разделять людей и по национальному, и по религиозному признаку. Но внутри одного государства люди разделены на сословия, что порождает самую большую рознь.

Выход из положения Лессинг видел в организации идеального платоновского государства, где во главе стоят люди, свободные от предрассудков, объединенные во имя равенства. Эти рассуждения Лессинга показывают, что даже самый прогрессивный писатель немецкой буржуазии был лишен революционной активности, присущей французским просветителям, подготовившим взрыв 1789 г.

Едва ли не главной заслугой Лессинга было требование воспитания человечества в духе гуманизма. Эта задача была воспринята мыслителями следующего поколения.

[11] *А. В. Гулыга.* Из истории немецкого материализма, стр. 29.

«БУРЯ И НАТИСК»

Новый этап в развитии немецкого Просвещения связан прежде всего с именами Гердера, Гёте и Шиллера — титанов мысли, каждый из которых составляет эпоху в истории идеологии. В целом широкое идейное движение второй половины XVIII в. в германских землях обычно обозначают, как период «Бури и натиска» в области идей. Это движение не было однородным, хотя представителей разных его течений подчас связывала личная дружба.

Особое место среди мыслителей эпохи «Бури и натиска» занимал Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803). Он родился в Морунгене (Восточная Пруссия) в семье школьного учителя, учился в Кенигсбергском университете, где слушал лекции Канта. Тогда же Гердер познакомился с идеями Руссо, которые оказали на него большое влияние. В 1764 г. Гердер получил место проповедника в Риге, затем некоторое время путешествовал по Франции, Голландии и Германии. С 1776 г. до самой смерти Гердер жил в Веймаре в качестве проповедника при веймарском дворе. Инициатором его приглашения сюда был Гёте.

Находясь в Лифляндии, Гердер с большим интересом отнесся к культурной жизни народов, населявших эту маленькую страну. Так положено было начало его занятиям фольклором. Собирая песни различных народов, он отдавал предпочтение тем из них, в которых проявлялись антифеодальные настроения, протест против эксплуатации крестьянства. Гердер собрал песни славянских народов, исследовал испанский и еврейский эпос, показал, что Библию, подобно «Илиаде» и «Одиссее», можно рассматривать как художественное произведение народа. Много сделал Гердер для внедрения народных слов и оборотов в литературную речь. К вопросу о языке он подходил генетически, показывая эволюционный ход его развития [12].

Гердер первым из просветителей сформулировал идею *прогрессивного* развития человечества. Эту мысль он подробно обосновал в своем главном сочинении «Идеи философии человечества» (1784—1791) [13]. Обладая разумом, человек подчиняет себе живую и мертвую природу и тем самым удовлетворяет свои материальные потребности. В этом Гердер видел залог прогресса. Человеческое общество находится в процессе постоянного изменения. Этот процесс Гердер вскрыл, обозревая историю древних народов. Истори-

[12] *А. В. Гулыга.* Гердер. М., 1963, стр. 37 и сл.
[13] *J. G. Herder.* Sämtliche Werke. Bd. XIV. Berlin.

ческую закономерность он связывает с закономерностью в области естествознания. Законы исторического развития, по Гердеру, тождественны законам природы, потому что человек — продукт природы. История человечества может рассматриваться как естественная история человеческих творений и действий, подчиняющихся влиянию условий места и времени. Все стороны человеческой деятельности и творчества следуют, как показал Гердер, закону историзма, потому что все они находятся в развитии; но развитие не идет по прямой, оно проходит по разным направлениям, иногда отклоняясь от восходящей линии.

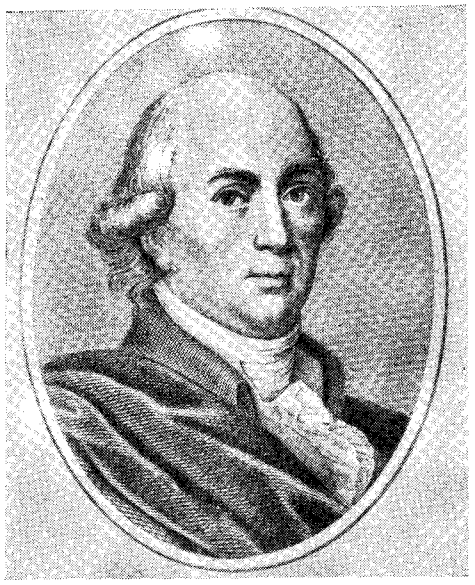
По Гердеру, для исследования исторических явлений и явлений природы должен быть использован один и тот же метод, так как и природе, и истории присуща единая закономерность. Гердер не допускал возможности вмешательства сверхестественных сил в ход исторического процесса и отвергал применение категории цели для объяснения этого процесса.

Центральной идеей Гердера стала идея гуманизма. С ней, писал Гердер, связано понятие человечности, человеческих прав и обязанностей, человеческого достоинства и любви к человеку. Сущности человека свойственны и самоутверждение, и тенденция к изменению мира, и деятельное участие в созидании общества, в котором все человечество найдет свое счастье.

В «Письмах для поощрения гуманизма» Гердер утверждал, что человек рожден для свободной деятельности (которой добивалась буржуазия в борьбе с феодальной сословной организацией и абсолютистской властью). Гердер подверг резкой критике современные ему государства — эти лишенные разума машины, созданные для грабежа и угнетения. Он полагал, что аппарат принуждения при более совершенных формах общественной жизни обречен на исчезновение.

В тех же «Письмах» Гердер нарисовал далекий идеал, когда все нации станут братьями, исчезнет всякое неравенство и будут уничтожены нужда и нищета. Гердер решительно выступал против расовой и национальной вражды; с большим сочувствием рисует он муки туземцев Америки, страдавших от жестокого обращения с ними европейцев.

Французскую революцию 1789—1794 гг. Гердер вначале принял восторженно; его даже не отпугнула, как большинство немецких интеллигентов, казнь короля: он считал, что уничтожение абсолютной монархии — положительное явление в жизни народа. С негодованием встретил Гердер манифест герцога Брауншвейгского и не скрывал своей радости по поводу появления в Майнцском курфюршестве французской революционной армии под лозунгом: «Мир — хижинам! Война — дворцам!» — французских же эмигрантов он называл предателями. Но по мере развития ре-



Иоганн Готфрид Гердер

волюции Гердер охладевал к ней, а якобинскую диктатуру не понял и не принял [14].

В середине XVIII в. появились на свет два гениальных поэта — Гёте и Шиллер, способствовавшие своим творчеством подлинному расцвету немецкого Просвещения.

Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) родился в имперском городе Франкфурте-на-Майне в зажиточной бюргерской семье. Учился на юридическом факультете сперва в Лейпциге, а затем в Страсбурге, где, наряду с правом, усердно занимался естественными науками. После окончания университета Гёте служил в имперской судебной палате в Ветцларе. В 1775 г. по приглашению веймарского герцога Карла-Августа он переехал в Веймар. Там Гёте прожил до конца своей жизни, занимая ряд высоких министерских постов.

Творческая жизнь Гёте началась в Страсбурге, куда он приехал в 1770 г. В этом городе, который находился на стыке двух культур — французской и немецкой, он познакомился с выдающимися произведениями современной ему французской литературы. Особенно увлекался он Руссо, Дидро и социальной утопией —

[14] См. «Историография нового времени стран Европы и Америки». М., 1967, стр. 70.

романом Мерсье. Молодой Гердер направил его внимание на средневековую народную поэзию, народные песни и эпос. Так ему открылся целый мир народного творчества, национально-самобытной культуры. Знакомство Гёте с драмами Шекспира окончательно оторвало его от французского классицизма, вызвало интерес к историческим сюжетам.

В Страсбурге вокруг Гёте собрался кружок молодых людей, близких ему по интересам. Среди них были талантливые поэты Ленц и Клингер, одно время — Гердер. Эта молодежь не удовлетворялась резонирующим оптимизмом прежних просветителей, их преимущественно абстрактным представлением о человеке, стремилась к более реальному пониманию его зависимости от социальных условий. Гёте и его единомышленники видели в жизни, в обществе, в государстве, в семье трагические конфликты и неразрешимые проблемы. Из этого кружка и вышло литературно-общественное движение, получившее по одноименной драме Клингера название «Буря и натиск» («Sturm nud Drang»).

В центре внимания участников этого движения стояли идеи социального и политического равенства, республики, проблемы культуры и ее воздействия, семьи и воспитания. Но чтобы разрешить эти проблемы и соответственно изменить жизнь, нужен был, по мнению молодых людей, группировавшихся вокруг Гёте, не просто разумный человек, а личность во всеоружии своих способностей, наделенная повышенным чувством самосознания, которое делает из человека борца.

Буржуазная молодежь в своей борьбе за достойное место в жизни нуждалась в сильных и смелых людях, сметающих со своего пути все, что мешает победе. Идеал такого человека Гёте воплотил в образе Прометея в одноименном стихотворении (1774 г.). Это не морализующий бюргер ранних просветителей, а титан, свободный от религиозных пут, освободитель человечества. На новом этапе Просвещение перешло от «всеобщего» человека к реальной личности, к признанию ее первостепенной роли.

По своему мировоззрению Гёте был близок Спинозе, с «Этикой» которого он познакомился еще в 1774 г. В Германии XVIII в. философия Спинозы привлекала к себе внимание передовых буржуазных мыслителей и писателей, тяготевших к материалистическому толкованию мира и критическому подходу к Библии. Гёте искал в спинозизме взгляд на природу как на всеобщую связь явлений, в которой действуют объективные законы. В пантеизме Спинозы он видел систему идей, выражавшую его собственное отношение к миру[15]. Гёте принимал у Спинозы учение о единстве мира, строгую закономерность и необходимость всего существующего, детерминизм, устраняющий телеологию. На основе этих положений Гёте строил свои конкретные работы в области естествознания, сравнительной анатомии и ботаники. Гёте был выдающимся естествоиспытателем и историком природы и сделал в этой области крупные открытия. В 1781 г. он открыл межчелюстную кость в черепе человека и тем самым конкретно доказал непрерывность остеологического типа позвоночных животных. Это утвердило Гёте в спинозистской идее о единстве и связанности всего органического мира.

[15] *А. В. Гулыга.* Из истории немецкого материализма, стр. 109.

Иоганн Вольфганг Гёте

Как и их предшественники, деятели «Бури и натиска» придавали большое значение дидактической стороне своего творчества; наиболее действенной литературной формой была в этом смысле драма. Дидро, которому следовали представители «Бури и натиска», требовал от драмы естественности, близости к социальным вопросам и морального эффекта. Драмы участников движения «Бури и натиска» часто даже в своих заглавиях давали представление о том, каким социальным группам они посвящены, например, «Учитель» и «Солдаты» Ленца или «Фальшивые игроки» Клингера, а впоследствии «Разбойники» Шиллера.

Первым драматическим произведением, вышедшим из этого кружка, был «Гец фон Берлихинген» Гёте. Это произведение ста-

ло как бы манифестом всего движения. Исторической почвой драмы послужила Крестьянская война XVI в., но в центре драматического действия был не народ, а герой. Гёте с увлечением рисует фигуру рыцаря-бунтаря, который становится во главе крестьян, но боится крайностей крестьянской революции. Движение перерастает вождя, который гибнет, сомневаясь в возможности победы. Не случайно против этого произведения выступил Фридрих II, который не мог согласиться с политической тенденцией драмы — заключенным в ней призывом к борьбе за единство Германии [16].

Личные переживания и наблюдения над жизнью буржуазной интеллигенции провинциального Ветцлара дали Гёте канву для романа «Страдания молодого Вертера». И здесь герой-бунтарь выступает против существующего общественного устройства и, в особенности, против общепризнанной морали. Но и этот молодой человек не выдерживает борьбы: он измучен сомнениями и рефлексией, разочаровывается и кончает с собой из-за несчастной любви. Роман получил невероятно широкий отклик у читающей публики и вызвал такую эпидемию самоубийств, что Гёте пришлось в предисловии ко второму изданию требовать от читателей не подражания Вертеру, а сочувствия ему и мужественного отношения к жизни.

Свое решение главных жизненных проблем Гёте изложил во второй части «Фауста», над которой он работал с 1808 г. (когда была закончена первая часть) в течение 20 с лишним лет. Гёте прошел с Фаустом длинный и мучительный путь, путь разочарования в средневековой науке, в политике мелких дворов, в любви. Но в конце концов он познал цель существования — это активная жизнь для общества, в котором нет места сословиям, создание наилучших условий для всех людей, всех наций. В освобождении человечества от забот, пороков и нужды Фауст получает удовлетворение:

Пусть миллионы здесь людей живут,
И на Земле моей свободный труд да процветет.

Не о революционной борьбе мечтал Гёте, а лишь о созидающем труде и соперничестве с силами природы. Он не принял Французскую революцию даже в ее начальной стадии, как приняли ее многие немецкие писатели-просветители. Тем не менее Гёте понял эпохальное значение этой революции. После поражения контрреволюционной армии при Вальми, свидетелем которого он был,

[16] *Н. Вильмонт.* Гёте. История жизни и творчества. М., 1959, стр. 87.

Гёте сказал, что отныне начинается новая эпоха всемирной истории. В поэме «Герман и Доротея» Гёте вложил в уста якобинца Форстера следующие слова:

...Я иду,
Ибо нынче на свете все пошатнулось и, мнится, готово
на части разбиться.
Наисильнейших держав вековые трясутся устои.
Древних владений лишился владелец старинный.

Социальные идеи движения «Бури и натиска», его бунтарская направленность зазвучали с особой силой в творениях младшего современника Гёте — Шиллера. Фридрих Шиллер (1759—1804) родился в семье бедного лекаря, служившего у герцога Вюртембергского. В 1773 г. герцог зачислил мальчика в только что открытую им военную школу. Там его ждали военная муштра и унизительное положение бюргерского сына, который не пользовался привилегиями дворянских детей. Мальчика спасала только любовь к чтению; он с упоением читал Клопштока, Виланда, молодого Гёте, проникаясь вольнолюбивыми идеями немецких писателей 70-х годов XVIII в.

На старшем курсе Шиллер был переведен на медицинский факультет, но занятия медициной мало его удовлетворяли. Он продолжал расширять круг чтения, познакомился с творениями Руссо, Дидро, Гольбаха и Гельвеция. Шиллер глубоко воспринял идею Руссо о народовластии, он навсегда проникся демократическими чувствами и любовью к простым труженикам.

Вокруг Шиллера образовался кружок из учащихся, которые увлекались «Гецем фон Берлихингеном» и «Страданиями молодого Вертера» Гёте, с энтузиазмом приняли манифест «Бури и натиска». Под влиянием произведений Гёте Шиллер написал свою первую драму «Разбойники». В эту юношескую пьесу он вложил всю свою ненависть к тираническому абсолютистскому строю, под чьим гнетом страдал сам, к сословному неравенству, от которого терпел постоянно унижения. Шиллер превозносил, в духе Руссо, первобытное состояние и проклинал законы, которые создают столь несправедливый строй.

Герой драмы Карл Моор воплощал идеал молодого Шиллера. Он хочет свободы для всей страны, которая должна стать республикой. Для осуществления этой мечты Карл Моор выбирает путь мятежа и разбойничьих нападений на представителей ненавистного строя. Вспомним, что в то время разбойничество было своеобразной формой социального протеста не только в Германии, но и в других странах, в том числе и в России. Карл Моор становится атаманом разбайничьей шайки. Герой Шиллера, как и герой Гёте, не добивается своей цели, он терпит поражение. Но драма «Раз-

бойники» стала грозным обвинением против немецкого абсолютизма XVIII в., а призыв к революционному действию вызывал восторг передовой интеллигенции [17].

После окончания медицинского факультета Шиллер получил назначение на должность полкового врача. И тогда поэт продолжал терпеть много унижений от герцога, который даже запретил ему писать, пригрозив за неповиновение крепостью. Шиллер решил бежать из Вюртемберга. После долгих скитаний он нашел приют в имении Генриетты Вольцоген, матери его товарища по школе. Здесь в полном уединении он получил возможность посвятить себя любимому труду; он много читал, пополняя свое историческое образование, и лихорадочно работал над новыми драмами, в том числе над «республиканской трагедией» (как он ее назвал) «Заговор Фиеско». Сюжет был подсказан Руссо, который считал Фиеско образцом героя-республиканца. Но Шиллер показал, что Фиеско из-за своего честолюбия предал дело республики. Свободы можно добиться только чистыми средствами, и этому учит история, полагал Шиллер.

В том же уединении Шиллер написал свою драму «Луиза Миллер», или, как ее потом назвали, «Коварство и любовь». По словам Энгельса, то была «...первая немецкая политически тенденциозная драма» [18]. Материалом послужили хорошо известная Шиллеру вюртембергская действительность и трагедии на почве предрассудков и убожества жизни в маленькой герцогской резиденции. Жизненные ситуации, изображенные в этой драме, были совершенно реальны: и сословные перегородки, мешающие осуществлению брака с любимой девушкой, и разврат при дворе, и произвол властей, и приниженность подданных. Смело раскрыл Шиллер возмутительный факт продажи вюртембергским герцогом своих подданных в солдаты иностранному государству. Этим государством была Англия, которая нуждалась в пушечном мясе для борьбы с американскими колонистами. Шиллер обнажил язвы немецкой действительности, вскрыв пороки существующей общественной системы.

В 1785 г. Шиллер переселяется в Дрезден и там, окруженный друзьями, продолжает занятия историей. Это был период спокойной жизни, когда, полный надежд, он пишет свою оду «К радости», призывая к единению все угнетенное человечество:

Обнимитесь, миллионы!
Слейтесь в радости одной!

[17] *A. Abusch.* Schiller. Grösse und Tragik eines deutschen Genius. Berlin, 1955, S. 42 ff.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 333.

Фридрих Шиллер

Там же Шиллер создал драму «Дон Карлос» — разоблачение средневековой феодально-абсолютистской и клерикальной реакции. В центре произведения стоит вопрос о личной свободе; но революционный порыв Шиллера погас, идеальное государство для него — дело будущего. В настоящем он предлагает умеренную программу ограничения абсолютной власти, более гуманной формы правления:

Нет, для моих священных идеалов
Наш век покуда не созрел.
Я гражданин грядущих поколений,—

говорит центральный персонаж драмы маркиз Поза и с ним — Шиллер.

Выбор тематики для его трагедий был продиктован интересом Шиллера к переломным моментам истории, когда на историческую арену выступал народ, пытаясь освободить себя от оков тирании. Шиллер увлечен эпохой широких антифеодальных народных выступлений, и в этих освободительных движениях прошлого он находит уроки для современников. Не удивительно, что после «Дона Карлоса» Шиллер пишет историю первой буржуазной революции в Европе — «Отпадение Нидерландов», а затем «Историю Тридцатилетней войны», где нарисована широкая картина бедст-

вий, постигших немецкий народ в результате вторжения иноземных полчищ.

В 1789 г. Шиллер получил кафедру истории в Иенском университете. Темой его вступительной лекции было: «Что такое всеобщая история и с какой целью изучают ее?» Стремясь раскрыть смысл исторического процесса, его закономерность, Шиллер рассматривал его идеалистически как поступательное движение вперед к торжеству разума и гуманности благодаря нравственному воспитанию личности [19].

В годы пребывания Шиллера в Иене произошли два чрезвычайно важных события в его жизни — знакомство с философией Канта и сближение с Гёте. Под влиянием Канта Шиллер пишет «Письма об эстетическом воспитании человечества», где он рассматривал искусство как рычаг, который создает нового человека и гармоническое общество. По идеалистической концепции Шиллера искусство должно было стать орудием переустройства общества, создателем истинной политической свободы. Шиллер отрицательно отнесся к революционным событиям во Франции и резко отзывался о терроре якобинцев. Но мечты о свободном государстве его не оставляли, и он не отказался от присужденного ему, автору «Разбойников», звания «почетного гражданина Французской республики».

Гражданские и патриотические чувства сказались и в последних драмах Шиллера — трилогии «Валленштейн», «Орлеанской деве» и «Вильгельме Телле». Уже во вступлении к «Валленштейну» Шиллер провозглашает: «Лишь тот для будущего жил, кто многое свершил для современников своих». В трилогии Шиллер показывает, что Тридцатилетняя война не носила религиозного характера, а была борьбой немецких князей за свои личные интересы, которые переплетались с интригами и честолюбивыми замыслами военачальников. Германия переживала тяжелые годы наполеоновских войн. В это время Шиллер обратился к историческому сюжету, который особенно перекликался с современностью. Героиней его драмы «Орлеанская дева» была простая девушка из народа, своим патриотическим воодушевлением спасавшая отчизну.

В «Вильгельме Телле» был опять поставлен тот же вопрос, что и в юношеской драме Шиллера: как должен бороться народ с насилием и деспотизмом? Героем этой последней пьесы Шиллера является легендарная личность, с именем которой связано освобождение Швейцарии от власти ненавистных Габсбургов. «Нет, есть предел насилию тиранов!» — говорит крестьянский вождь Штауффахер.— «И если все испробованы средства, тогда разящий остается меч!» Для успеха восстания необходимо сплочение швейцарцев всех кантонов: «Да будем мы народом граждан-братьев, в грозе, в беде единым, нераздельным». Выстрел Телля, который поразил ненавистного народу ландфохта Гесслера, стал сигналом ко всеобщему восстанию. Эти произведения существенно способствовали формированию национального самосознания немцев.

[19] *Ф. Шиллер.* Собрание сочинений, т. VII. М.— Л., 1937, стр. 611 и сл.

МАТЕРИАЛИСТЫ И АТЕИСТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В.

Корифеи «Бури и натиска» так и не сумели в своих воззрениях полностью преодолеть идеализм, не были сторонниками революционных методов борьбы против абсолютизма, хотя хорошо понимали колоссальный вред, приносимый им Германии. Но в то же время, и подчас рядом с ними, действовали значительно более радикально настроенные представители просветительской идеологии.

Одним из них был деревенский священник Иоганн Генрих Шульц (1739—1823). Он был знаком с сочинениями Спинозы, Дидро, Гольбаха и Гельвеция и неуклонно проводил их идеи в своих работах, которые выпускал анонимно. За атеистические проповеди прусское правительство в 1782 г. запретило Шульцу служить в церкви. Он много бедствовал, но продолжал писать. Как последовательный материалист Шульц учил, что природа существует вечно и не нуждается в посторонней силе, что все видимое есть материя и что душа тоже состоит из вещества. В 1786 г. он выпустил сочинение в защиту атеистов, где высказал новую и смелую для того времени мысль (которую впоследствии развил Фейербах), что представления о боге у различных народов и людей различны и что духовенство в своих интересах создало единый культ. Шульц доказывал, что атеисты, отрицая религию, строят общественную жизнь на морали и что разумная мораль является предпосылкой счастливой жизни всех людей.

С Шульцем поддерживал переписку Карл Кноблаух (1756—1794) — юрист по образованию, последователь Спинозы и французских энциклопедистов. Он всю жизнь провел на службе ненавистных ему владетелей княжества Гессен-Нассау. Произведения Кноблауха выходили анонимно, так как он, будучи судейским чиновником князя, не мог открыто высказывать свои радикальные философские и политические взгляды.

В сочинении «Политико-философские беседы» (1792 г.) Шульц с ненавистью писал о феодальной системе империи: «В чем я больше всего убежден, это в том, что величайшие бедствия, которые

выпадают на долю нашей несчастной нации, имеют своим источником религиозные и политические суеверия»[20]. Кноблаух решительно отрицал монархическую форму правления и дворянские привилегии. Все его симпатии были на стороне народа, которому должен принадлежать суверенитет в государстве. В экономической области Кноблаух был сторонником свободного предпринимательства в интересах бюргерства. Как демократ, он был против существования постоянных армий и выступал за то, чтобы оборона была в руках народа. Кноблаух был одним из представителей немецкой интеллигенции, которые до конца поддерживали Французскую революцию в период якобинского правления.

Выдающимся представителем левого течения Просвещения был Август Эйнзидель (1754—1837). Он родился в дворянской семье в Веймаре, вращался в кругу знаменитых писателей того времени, дружил с Гёте и Гердером, высказывал им свои мысли, но ничего не печатал. Мысли Эйнзиделя, записанные в виде афоризмов, были сохранены Гердером. Они увидели свет лишь недавно (1957 г.) под названием «Идеи».

Эйнзидель был последовательным материалистом, атеистом и республиканцем. Он принимал французский материализм в его механистическом аспекте; для него существовала только одна наука — физика, которая могла дать истинное представление о мире. «Мысли,— записывал он,— это движение мозга», «физические идеи», от которых зависит рассудок. Природа, по представлению Эйнзиделя, ступенчатый ряд веществ, в котором высшая ступень содержит низшую[21]. Эйнзидель предполагал, что в природе происходит борьба между противоположными силами и что природа периодически переживает революции. Его высказывания о религии носят безусловно атеистический характер. Он полагал, что история всех религий — это история жестокости и бедствий людей; но особенно ненавистно было ему христианство, о котором он писал: «Всякая религия имеет свои глупости, но эта содержит их в превосходной степени».

Особенно интересны и оригинальны учение Эйнзиделя об обществе и его социальная утопия. Общество, полагал Эйнзидель, образовалось после того, как возникла собственность и начались споры о владении. Он не требовал уничтожения собственности, высказываясь только за ее ограничение и уравнение. Богатство одних и бедность других составляют, по мнению Эйнзиделя, огромное зло. Эйнзидель считал главным источником неравенства торговлю. «Капиталист — гласит его афоризм — это противоестественное существо»[22]. Он считал необходимым уничтожить купеческое сословие и пришел к мысли о государственной монополии торговли.

[20] См. *А. М. Деборин.* Социально-политические учения нового и новейшего времени, т. II, стр. 152.
[21] *A. Einsiedel.* Ideen. Berlin, 1957, S. 46.

Эйнзидель в общем принял все достижения французской революции и полагал, что и для Германии политическая революция неизбежна. В этом отношении он на голову выше большинства немецких просветителей XVIII в. О глубокой проницательности Эйнзиделя свидетельствует его утверждение, что за политической революцией должна последовать вторая, в результате которой осуществится равенство имущества. Эйнзидель несомненно приближался к идеям, выраженным великими социалистами-утопистами XIX в. И в этой связи он высказал ряд новых для своего времени мыслей. В отличие от других просветителей Эйнзидель видел «золотой век» не в прошлом, а в будущем. Время наступления «золотого века» трудно предвидеть, писал Эйнзидель, но он твердо верил в прогрессивное развитие человечества и допускал, что это время наступит через поколение. Познание природы, техническое умение приведут к уничтожению болезней, войн и религий, а вместе с ними исчезнут всякого рода предрассудки, несправедливости и неравенство людей. Не будет нищеты, гнетущей человечество, а труд будет доставлять людям удовольствие.

По своим политическим убеждениям Эйнзидель был республиканцем. Его взгляды на государство весьма путаны, ибо исходят из точки зрения, что в основе всех общественных явлений лежат физические причины. Эйнзидель воспевал особый вид республики, где законодательством должно заниматься «культурное меньшинство», считал всеобщую волю народа в духе Руссо таким же деспотизмом, как и волю монарха-деспота. Лучшая форма правления это та, гласит запись Эйнзиделя, где меньше всего чувствуется правительство.

У Эйнзиделя имеется ряд высказываний против войны как против проявления варварства, и он возмущался поэтами, которые воспевают войны Людовика XIV и Фридриха II. Эйнзидель высказал в этом отношении ряд мыслей, далеко опережавших его время. Он считал, например, что развитие физики приведет к созданию таких орудий войны, которые сделают ее уже невозможной. И другая мысль Эйнзиделя поражает своей неожиданностью. Следя внимательно за экономическим развитием Германии, он сделал вывод о необходимости «планировать и рассчитывать» все, что производит страна, чтобы удовлетворить потребности населения.

Наиболее ярко черты, характерные для всей группы просветителей-радикалов конца XVIII в., которых иногда называют немецкими якобинцами, воплотил в своей деятельности известный

[22] Ibid., S. 206.

писатель, ученый и революционер Георг Форстер (1754—1794). Он привлекал внимание современников уже необычностью своего жизненного пути. Родился Форстер в местечке близ Гданьска, когда последний еще входил в состав Польши. В 1764 г. он с отцом, ученым-естествоиспытателем, поехал в Россию, где правительство поручило последнему обследовать условия жизни немецких колонистов на Волге. Затем семья Форстеров перебралась в Англию, и в 1772—1775 гг. отец и сын Форстеры приняли участие во втором кругосветном путешествии Кука. Это событие решило судьбу Георга Форстера. Он вошел в сознательную жизнь со славой сподвижника Кука и автора книги, содержавшей описание путешествия. После недолгого пребывания во Франции Георг Форстер в 1778 г. вернулся на родину и стал профессором Кассельского университета.

В 1784 г. по приглашению польского правительства Георг Форстер переехал в Вильно, где получил кафедру естественной истории. Но неудовлетворенный условиями работы в Польше, Форстер вернулся в Германию и занял место библиотекаря в университетской библиотеке в Майнце. Там он встретил французскую революционную армию и развил кипучую деятельность как организатор первой немецкой коммуны. В марте 1793 г. Форстер был делегирован в Париж; 10 января 1794 г. он умер в столице Франции.

Форстер пользовался в Германии большой популярностью, поэтому его имя, его взгляды, его работы нельзя было предать забвению, как это было сделано с другими писателями радикального направления. Форстер привлекал широтой своего кругозора; он впитал в себя самую передовую культуру своего времени. Англия дала ему представление о капиталистических формах промышленной деятельности. Философские взгляды Форстера сложились под прямым влиянием французских материалистов. Гельвеция он называл «своим героем» [23]. Для Форстера, как для всякого механистического материалиста, природа и ее процессы были единственной действительностью, в которой совершается круговорот материи. Само сознание, в котором сосредоточена духовная жизнь человека, по их мнению, является частью природы, и связь сознания человека с внешним миром осуществляется только посредством ощущений человека.

В вопросе о религии Форстер приближался к атеизму. В письмах к философу-мистику Якоби Форстер высказал свои мысли, которые нельзя было в то время предать гласности. Он называл бога «измышлением человеческого мозга» — в это понятие, полагал

[23] «Georg Forsters Briefwechsel mit S. Th. Sömmering». Hrsg. von Hettner. Braunschweig, 1877, S. 268.

Георг Форстер

Форстер, вкладывается различное содержание и соответственно этому возникают и различные формы поклонения божеству. Он характеризовал образ бога у первобытного человека, перса, древнего иудея, грека и делал вывод, что религии зависят от исторических условий и потому понять их возникновение можно только на исторической почве. Такова же была, как мы видели, точка зрения Эйнзиделя. Это доказывает, что научное отношение к религии уже вошло в сознание радикальной немецкой интеллигенции.

Как последователь теории естественного права, Форстер полагал, что люди наделены одинаковыми качествами и потребностями, что нет народов, которые по природе обречены на отсталость, темноту и невежество, что любой народ способен дойти до истинного просвещения. Тогда он и будет свободным, так как «истинно просвещенный человек не нуждается ни в каком господине» [24]. Форстера особенно возмущали такие сочинения, авторы которых с помощью ссылок на религию и Библию прикрывали существующую социальную несправедливость.

Религии Форстер противопоставлял мораль, основы которой он также заимствовал у французских материалистов. Он полагал, что

[24] *G. Forster*. Sämtliche Schriften. Bd. VIII. Hrsg. von G. G. Gervinus, S. 379.

мораль зиждется на учении о пользе и принципе личного интереса, который должен быть согласован с общественным интересом, что индивидуальная мораль есть основа общественной морали. В великих творениях немецких писателей XVIII в. Форстер встретился с новой буржуазной моралью в конкретных, живых образах, насыщенных глубокими идеями и чувствами. Форстер сочетал свое материалистическое мировоззрение с идеей гуманизма немецкого Просвещения [25].

Форстер считал самым большим преступлением господствующих классов то, что они «превращали разумного самостоятельного в своей деятельности человека в слепое, безжизненное орудие их капризов и вожделений» [26]. Отрицательное отношение к режиму, ущемлявшему права личности, разделяли и другие представители немецкого Просвещения. Но в статье Форстера «Об отношении искусства государственного управления к счастью человечества» особенно сильно звучал и другой мотив — возмущение антинародным характером деспотизма, при котором власть держалась на презрении к человеку, на унижении его достоинства, на тупости и забитости народа. Форстер негодовал на то, что просвещение в его время доступно только небольшой кучке людей. Между тем широкие народные массы также способны жить духовной жизнью, мыслить и создавать культурные ценности; чтобы превратить эту возможность в действительность, нужно «снять с усталых плеч бремя, возложенное несправедливым правительством на класс трудящихся», и не «заставлять отдавать плоды его труда привилегированным разбойникам и бездельникам» [27].

Форстер возмущался «просвещенным абсолютизмом» Фридриха II, но он осуждал и парламентский строй Англии, считая, что английская конституция находится в противоречии с нарождающейся промышленной системой. Форстер горячо приветствовал борьбу американских колоний за свою независимость. Но, восхищаясь американской конституцией, он видел ее ограниченность и слабость, понимал, что при этой конституции возможно любое неравенство состояний и что этот строй тоже не сможет обеспечить интересы широких масс.

Из всех этих высказываний вытекает, что у Форстера в 80-х годах XVIII в. формировались демократические и республиканские убеждения. Открыто писать о них он не мог, но он горячо высказывался за раскрепощение крестьянства, за освобождение колониальных народов, за поднятие их материального уровня. Не

[25] *Ю. Я. Мошковская.* Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII века. М., 1961, стр. 127—128.
[26] Немецкие демократы XVIII века. М., 1956, стр. 408.
[27] Там же.

удивительно, что Форстер сразу был увлечен и поглощен Французской революцией, что она была в его понимании «самой важной и лучшей революцией в развитии человеческого рода» [28]. Он был носителем ее идей и участвовал в их воплощении в жизнь сперва в Майнце, а потом в Париже. Форстер непрерывно учился у революции, рос и развивался вместе с нею.

Живя в Париже, Форстер продолжал следить за оппозиционной литературой, выходящей в Германии. В это время его особенно привлек анонимно вышедший памфлет «О человеке и его условиях жизни» (1792 г.). Форстер нашел, что это «редкий продукт нашего времени, произведение молодого, но правильно мыслящего и чувствующего человека». Автором памфлета, поразившего Форстера, был агроном К.-В. Фрелих, родившийся в 1759 г. и живший в своем имении около Потсдама [29].

Книга Фрелиха поразила Форстера потому, что в ней были выражены близкие ему мысли, вызванные критикой существующего строя, и еще не вполне осознанная им идея о радикальном преобразовании мира. В Германии до социалистических представлений о собственности дошел не один Фрелих. Кроме тех, о которых уже шла речь выше, можно еще назвать гамбургского купца Цигенхагена. В своей книге, вышедшей также в 1792 г. под сложным названием «Учение о правильном отношении к божьим творениям и о всеобщем человеческом счастье, которого можно достигнуть лишь через общественное введение этого учения», он нарисовал картину будущего общества, построенного на общественной собственности, социальном равенстве и свободе. Источниками для этих идей служили и французские утопии XVIII в., и учение Руссо, и практика общинной жизни братства гернгутеров, наследовавших свою идеологию от богемских братьев XVI в. В Германии во второй половине XVIII в. было несколько таких гернгутеровских колоний, в том числе одна в Бранденбурге; ее часто посещал Фрелих.

Книга Фрелиха — это памфлет, написанный в виде диалога двух крестьян, из которых один высказывает трафаретные суждения рутинеров, а другой дает смелые и убедительные ответы, соответствующие убеждениям автора книги. Фрелих подверг ожесточенной критике основной институт эксплуататорского общества — частную собственность. Он развивал мысль, что частная собственность является источником всех общественных невзгод, что только при условии ее уничтожения можно построить совершенное общество, Фрелих осуждал также современную ему куль-

[28] *G. Forster.* Sämtliche Schriften, Bd. VIII, S. 86.
[29] *Ю. Я. Мошковская.* Две забытые немецкие утопии XVIII века.— «Вопросы истории», 1953, № 10, стр. 90 и сл.

туру, служившую не народным массам, а верхушке общества, обличал господствующую идеологию своего времени — христианскую религию, являвшуюся орудием порабощения масс. Далее он рисовал картину счастливой жизни в деревенской общине, где нет частной собственности, все работают и все принадлежит всем. Чтобы добиться этого счастливого состояния, нужно, согласно идеалистической концепции Фрелиха, перестроить сознание людей с помощью правильного воспитания [30].

В таком же утопическом плане построена программа радикального преобразования существующего строя в книге Цигенхагена. Придавая, как и Фрелих, исключительное значение педагогическому воздействию, Цигенхаген предлагал начать преобразование с организации детской сельскохозяйственной колонии. В этой первичной ячейке нового общества воспитание мальчиков и девочек должно быть построено на принципе единства материалистической теории и трудовой практики. Выросшие дети-колонисты должны будут образовать взрослую колонию, которая получит самую совершенную демократическую конституцию и примет постановление о введении общественной собственности, бесклассовом обществе и свободе как важнейших достижениях человека. Не понимая исторических корней происхождения современного общества, не считаясь с процессом исторического развития, Цигенхаген допускал возможность организации такой колонии в любых существующих политических условиях. Естественно, что попытки ее создания кончились полным крахом.

Но выдвинутая Фрелихом и Цигенхагеном идея преобразования общества на более высоких социальных началах продолжала жить в умах передовых людей Германии. Важна была и обличительная сторона их памфлетов. По силе и смелости критики существующего строя, описанию бедствий, на которые он обрекал трудящиеся массы, эти памфлеты превосходят все другие образцы передовой немецкой литературы XVIII в. Выдвигая свои требования, хотя и в утопической форме, Фрелих и Цигенхаген выражали чаяния народных низов, их надежды на возможность лучшей жизни. Обоим авторам были свойственны ограниченность конкретных политических требований и политическая пассивность. Но эти черты типичны для немецкой литературы эпохи Просвещения, они объясняются обстановкой в Германии XVIII в., ее феодальной раздробленностью и экономической отсталостью (по сравнению с передовыми странами).

[30] *G. Steiner.* Der Traum vom Menschenglück. Berlin, 1959.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ГЕРМАНИИ

Просветительство второй половины XVIII века оказало благотворное влияние и на историческую науку. Почти все историки того времени были в той или иной степени сторонниками идей Просвещения, пропагандировали их в своих лекциях, научных трудах и публицистических статьях. Историки-просветители рвали со старыми авторитетами, с теологическими взглядами.

Выдвинутое просветительской философией понятие прогресса давало возможность представлять историю не как хаотическое собрание случайных фактов, а как поступательное движение, закономерно ведущее человечество от стадии одичания и варварства к разумно организованной жизни. Принцип же равенства всех людей, пронизывающий просветительскую литературу, получил в исторической науке широкое применение. Из этого принципа историки-просветители выводили идею равенства всех народов, больших и малых, необходимости изучения их прошлого. Этим объясняется появление во второй половине XVIII в. большого количества всемирных историй, включавших в себя историю народов, до того времени совершенно неисследованных. Не удивительно, что именно в это время работала целая группа историков, оказавших серьезное влияние на последующие поколения — и не только в Германии, но и за ее пределами [31].

Главой этой геттингенской школы был Август-Людвиг Шлецер (1735—1809). Он окончил геттингенский университет, где был учеником ориенталиста Михаэлиса. В 1761—1769 гг. Шлецер работал в петербургской Академии наук. Изучив русский язык, он стал собирать источники по русской истории. Заслуги Шлецера в области русского источниковедения очень велики. В 1768 г. он совместно с молодым русским историком Семеном Башиловым (1740—1770), которого Шлецер очень высоко ценил, выпустил «Русскую летопись по Никонову списку».

Знакомство с Россией значительно расширило исторический горизонт Шлецера. Читая с 1770 г. лекции в Геттингене, он вносил в свой курс по всемирной истории не только историю России, но и славян в целом. В своем курсе «Понятие всемирной истории» (1772 г.) Шлецер ставил новые для того времени важные проблемы — об исторических связях и об отборе событий, которые имели влияние на ход истории. Для Шлецера все народы были одина-

[31] См. *J. Streisand.* Progressive Traditionen und reaktionäre Anachronismen in der deuthschen Geschichtswissenschaft.— «Zeitschrift für Geschichtwissenschaft», 1961, N 8.

ково достойны изучения, и он не ограничивался историей греков и римлян, как тогда было принято. Идея развития и прогресса красной нитью проходила через все его курсы и исследования. Шлецер считал, что история должна внушать оптимизм, учить человечество бороться за лучшие, более справедливые условия жизни.

Принципиально новой в работе Шлецера была и его методика обработки исторического материала. Он первый применил критико-филологический анализ в исторической науке, первый обратил внимание на археологические раскопки, на эти, как он говорил, «источники из подземных архивов». Огромное значение Шлецер придавал языковым связям между народами. Он же поставил статистику на службу истории.

Публицистическая деятельность Шлецера имела огромное значение для общественно-политической жизни Германии его времени. Издававшиеся им журналы, выходившие в Геттингене с 1770 по 1793 г. («Briefwechsel, meist historischen und politischen Inhalts», «Staatsanzeiger»), оказывали большое влияние на широкую публику. Его разоблачений боялись даже владетельные князья.

Кроме Шлецера, на позициях Просвещения стояли и некоторые другие крупные историки — Исаак Изелин, Людвиг Шпиттлер, Людвиг Геерен. Исаак Изелин (1728—1782), швейцарец по происхождению, в своей книге «Философские рассуждения об истории человечества» (1762 г.) одним из первых выразил идеи прогресса и единства человечества и его истории. По замыслу Изелина, его книга должна была служить опровержением тезиса Руссо, отрицавшего прогресс в истории. В книге «Об истории человечества» Изелин резко выступил против феодальной реакции и клерикализма [32].

Людвиг Шпиттлер (1752—1810), как и Шлецер, служил профессором в Геттингенском университете. Этот университет, основанный в 1773 г., был самым передовым в Германии, свободным от схоластических традиций. Там собрались видные ученые просветительского направления — ориенталист Михаэлис, классик Гейне, физик Лихтенберг, историки Гаттерер и Шлецер. В своих лекциях и трудах Шпиттлер стоял на антифеодальных позициях. С 1794 г. в Геттингене преподавал и Людвиг Геерен. Он изучил политическую экономию Адама Смита и применял понятия этой новой науки к экономической истории, основы которой изложил в своей книге «Идеи о политике, путях сообщения и торговле у народов древнего мира» (1793 г.). Большая заслуга Геерена в

[32] *J. Streisand.* Geschichtliches Denken von der deutschen Aufklärung bis zur Klassik. Berlin, 1964, S. 55—58.

том, что он уделил пристальное внимание вопросам обмена, торговли и производства.

В стороне от академических историков того времени стоял Иоганн-Иоахим Винкельман (1717—1768), который своим трудом, написанным в Риме,— «История искусства древности» (1764 г.) — оказал большое влияние на современников. Он первый пытался представить развитие искусства древних как историю определенной области культуры, первый показал, что и эта область развивалась по своим законам и находилась под воздействием среды и общих политических условий. При всей скудости материалов, которыми он располагал, Винкельману удалось убедить своих современников, что искусство возникает, развивается и падает в связи с развитием общества. Под влиянием Винкельмана возник культ античности — интерес к классическому миру, греческой мифологии, пантеистической религии древних.

Проблемы историзма стояли в центре исследовательских интересов и крупнейшего философа Германии периода позднего Просвещения Иммануила Канта (см. стр. 177).

Немецкое Просвещение при всех своих слабостях, обусловленных исторической обстановкой, было одной из ярких страниц в истории немецкого народа. Оно стало важным этапом идеологической подготовки крупнейших социальных движений, развернувшихся в XIX в. и имевших целью навсегда покончить с раздробленностью страны, с ее отставанием от наиболее передовых государств тогдашнего времени — результатом затянувшегося господства абсолютизма и феодальных порядков.

5

КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ВОЛНЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И ГОРОДСКИХ НИЗОВ

Передовые деятели немецкой буржуазии и прогрессивная интеллигенция с восторгом приветствовали 1789 год. Гердер и поэт Виланд откликнулись на революцию восторженными стихами. Поэт Клопшток открыто радовался тому, что французский народ завоевал свободу, и с горечью писал, что Германия остается в цепях рабства.

С большим энтузиазмом встретил революцию Бетховен. Кант заявил, что французская революция означает победу разума над суеверием и невежеством. Интеллигенция и передовая молодежь провозглашали наступление эры человеческого счастья и свободы. В университетских городах устраивались шествия и манифестации, на которых прославлялись идеи революции.

Энгельс писал, что «...это был энтузиазм на немецкий манер, он носил чисто метафизический характер и относился только к теориям французских революционеров» [1]. Немецкая буржуазия, слабая экономически, отсталая политически, зависимая от правящих кругов, не сложившаяся в национальном масштабе в самостоятельный класс, не была готова к борьбе против феодального дворянства. Ее восхищение развитием революционных событий во Франции вскоре сменилось настороженностью, а затем и прямым союзом с реакционными монархами германских государств.

Чрезвычайно большое значение имели революционные выступления немецкого крестьянства и городских низов, начавшиеся в конце 80-х годов. В первую очередь поднялись крестьяне погра-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 562.

ничных с Францией областей, испытывавшие непосредственное влияние революционного движения в Эльзасе и других землях Франции, где имелось значительное немецкое население.

По Вестфальскому миру Эльзас перешел во владение Франции. Франция признала феодальные суверенные права немецких имперских князей в Эльзасе при условии признания ими суверенитета французского короля. Немецкие князья сами шли под власть могущественного версальского двора, ибо ограничение верховных прав эльзасских сеньоров королевской властью вполне компенсировалось освобождением от налогов и от подчинения королевскому суду. В то же время германский император продолжал рассматривать князей как полноправных членов империи. Князья извлекали из такого двойного подчинения политические и экономические выгоды и поэтому охотно мирились с ним.

В июле 1787 г. Людовик XVI издал эдикт, по которому немецкие князья лишались права участвовать в представительных собраниях, ибо не были французскими подданными. Созыв Генеральных штатов во Франции привел к обострению противоречий с имперскими князьями. Последние не хотели признавать представительных органов Франции и подчиняться их решениям. Сопротивление имперских князей всем акциям, которые угрожали их привилегиям, чрезвычайно озлобило население Эльзаса и способствовало росту антифеодальных настроений среди крестьянства и бюргерства. «Нигде во Франции народ не присоединился к революции с бóльшим энтузиазмом, чем в провинциях с говорящим по-немецки населением»,— писал Ф. Энгельс [2].

Крестьянское движение в Эльзасе не задержалось на границе, а перебросилось в немецкие государства на Рейне. В Трирском курфюршестве крестьяне отказались платить десятину, а в Саарской области перестали вносить налоги и нести барщину. Волнения развернулись в Лошейде, Бетшайде, Гинцерате, Куре, Бероне, Лосхайме. Почти повсюду крестьяне требовали отмены десятины и возвращения им лесных угодий. Отказываясь нести повинности, они грозили своим господам, что скоро в Германии «все пойдет, как во Франции» [3].

Не остались в стороне от освободительного движения и города. Цеховые волнения, носившие ранее архаический, средневековый характер, стали принимать совсем иные, откровенно антифеодальные формы. На заседаниях ландтагов представители городов требовали уничтожения всей системы налогового обложения, основанной на сословных привилегиях.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 461.
[3] *J. Ziekursch*. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. Breslau, 1927, S. 229.

Крестьяне поднимались на борьбу, стряхивали с себя гнет феодальных повинностей, бюргеры добивались участия в управлении, в то же время князья поспешно мобилизовывали свои силы — таковы были отклики на июльские дни 1789 года в западных областях Германии. В августе 1789 г. в графстве Мемпельгард началось крестьянское движение, которое удалось подавить, лишь применив вооруженные силы. В Цвейбрюккене и Нассау крестьяне добились сокращения некоторых повинностей. Серьезные волнения возникли в Гессен-Касселе, где крестьяне требовали сокращения барщины и податей.

Большого размаха достигли народные выступления в Силезии и Саксонии. Начавшись весной 1790 г., волнения саксонских крестьян привели в августе едва ли не к самому крупному со времен Крестьянской войны восстанию в районе города Мейссена. Оно охватило десятки сел и деревень. Восставшие отказались от несения барщины, обезоружили и разогнали войска, присланные чтобы усмирить их, заставили помещиков подписать отказ от своих привилегий.

Свыше двух тысяч крестьян вступили в Мейссен, добились освобождения арестованных ранее руководителей; они требовали предоставления земли, разыскивали и уничтожали документы о феодальных повинностях. Понадобились крупные воинские силы, чтобы подавить восстание [4]. Один из арестованных участников восстания заявил на следствии: «В Саксонии все должно быть, как во Франции, и мы знали из газет и других листков, что там все особенно хорошо».

Весть об этом выступлении быстро распространилась по всей Саксонии и за ее пределами, всюду вселяя в дворянство смертельный ужас [5]. События в Мейссенском округе нашли отклик в соседней Силезии, где крестьяне уже раньше отказывались нести барщину и платить оброк. В горных местностях Нижней Силезии выступления крестьян значительно участились в конце 1792 г.; центрами этих выступлений явились округа Левенберг-Бунцлау и Гольдберг [6].

В конце 1790 г. Бреславльская палата обратила внимание властей на местах на то, что «Париж сделался клубом для пропаганды, который с помощью множества тайных эмиссаров повсеместно распространяет неприемлемые понятия об естественных правах человека, свободе и равенстве». Палата предписала местным властям

[4] *P. Stulz, A. Opitz.* Volksbewegungen in Kursachsen zur Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1956, S. 67 ff.
[5] *H. Schmidt.* Die sächsischen Bauernunruhen des Jahres 1790. Meissen, 1907, S. 15.
[6] *С. Б. Кан.* Два восстания силезских ткачей. М.— Л., 1948, стр. 104—105.

принять все зависящие от них меры к изоляции лиц, распространяющих сведения о революции во Франции [7].

Однако «сведения» не только проникали, но и оказывали свое воздействие. Появлялись прокламации, призывающие к вооруженному выступлению [8]. В марте — апреле 1793 г. произошло грандиозное, по тем временам, восстание ткачей в горных округах Силезии.

События начались 23 марта в Шёмбурге, но здесь все ограничилось лишь бранью и взаимными угрозами ткачей-ремесленников и купцов. 25 марта нечто подобное повторилось на рынке в Болькенхайне, где ткачи грозили ростовщикам расправой. 27 марта волнения перекинулись в Либад: здесь возмущенные ткачи сбросили купцов с их высоких стульев, а затем выгнали из города. 28 марта в Ландсхуте дело дошло до столкновения ткачей с войсками. 2, 6 и 9 апреля беспорядки произошли на рынках в Болькенхайне, Вальденбурге, Штригау, Шмидеберге. Все новые и новые города и селения поднимались на борьбу. Хотя движение ткачей носило локальный характер и не пошло далее стихийных, разрозненных выступлений, нетрудно было усмотреть в нем прямое продолжение и дальнейшее развитие революционного движения силезского крестьянства, столь испугавшего дворян. Над горными районами Силезии нависла угроза общеплебейского восстания. Выступление ткачей против эксплуататоров — купцов и мануфактуристов слилось с борьбой всей порабощенной массы деревни против феодально-крепостнических порядков, господствовавших в Пруссии. Лишь наводнив всю Силезию воинскими частями, прусские власти сумели подавить восстание [9].

Большой размах приобрели выступления народных масс против княжеского произвола и феодальных порядков на Верхнем Рейне, в Гессене, в южногерманских государствах. Буржуазная историография замалчивала народные движения той поры, и лишь в последнее время начинает выясняться картина интенсивной борьбы против угнетения, в основе которой лежали не внешние влияния, а глубокие внутренние причины [10].

Германские властители принимали решительные меры против народного движения. Так, прусское правительство в 1789 г. опубликовало предостережение по поводу «смут в соседних государст-

[7] *C. E. Schück.* Weber-Unruhen in Schlesien in und nach dem Jahre 1793, S. 3.
[8] *J. Ziekursch.* Das Ergebnis der friderizianischen Städteverwaltung und die Städteordnung Steins. Jena, 1908, S. 229 и др.
[9] *С. Б. Кан.* Два восстания силезских ткачей, стр. 110—120.
[10] *K. Yulku.* Die revolutionäre Bewegung im Rheinland am Ende des 18. Jahrhunderts, Bd. I. Helsinki, 1965; *K. von Raumer.* Deutschland um 1800. Konstanz, o. J., S. 74—77.

вах», а годом позднее издало указ, запрещавший под страхом тюремного заключения распространение газет и брошюр революционной Франции.

Тем не менее влияние Французской революции продолжало распространяться, проникая в самые глухие углы и вызывая огромную тревогу немецких властителей. События во Франции затрагивали и материальные интересы немецких князей, владевших крупными вотчинами в Эльзасе, Лотарингии и Бургундии. Отменявшие феодальные права августовские декреты 1789 г., а также последующие мероприятия революционного правительства Франции касались и этих владений. Князья через имперские власти предъявили протест и потребовали полного восстановления своих привилегий, но Учредительное собрание Франции отказалось удовлетворить их домогательства.

Серьезное беспокойство немецких князей вызвал Праздник федерации 14 июля 1790 г. В этот день на заседание Учредительного собрания явилось «посольство рода человеческого» в составе 30 иностранцев. От имени «посольства» пруссак Анахарсис Клоотс заявил, что весь мир принимает Декларацию прав человека и гражданина.

Поток контрреволюционных эмигрантов из Франции буквально наводнял пограничные германские княжества. Центром роялистской эмиграции стал город Кобленц, входивший в состав Трирского курфюршества. Здесь обосновались братья короля Людовика XVI граф Прованский и граф Д'Артуа. Под влиянием настойчивой пропаганды феодально-монархических государств Европы против революционной Франции большинство немецких князей стало склоняться к войне против французов.

В августе 1791 г. прусский король Фридрих-Вильгельм II и австрийский император Леопольд II опубликовали Пильницкую декларацию [11], согласно которой оба государства договорились о совместной вооруженной интервенции против Франции. Опубликование Пильницкой декларации и открыто враждебная политика немецких государей заставили революционную Францию объявить войну Австрии; это случилось 20 апреля 1792 г. Франция оказалась в состоянии войны также с Пруссией и другими германскими государствами, связанными с Австрией союзным договором. Первоначально союзникам сопутствовал успех. Немецкие войска вторглись на территорию Франции; одержав ряд побед, они дошли до крепостей Лонгви и Верден и угрожали жизненным центрам Франции.

В дальнейших событиях большую роль сыграл провокационный

[11] *F. Mehring.* Krieg und Politik, Bd. II. Berlin, 1961, S. 89.

манифест, с которым 25 июля 1792 г. обратился к французам герцог Брауншвейгский, угрожавший тяжелейшими карами участникам революции. Уже к осени 1792 г. стало ясно, что немецкие войска, состоявшие из наемников и крепостных крестьян, сражавшихся за чуждые им цели, не в состоянии противостоять французской революционной армии, защищавшей завоевания революции.

В сражении при Вальми 20 сентября 1792 г. прусско-австрийская армия потерпела поражение. Вслед за тем французские войска перешли границу Нидерландов и нанесли противнику ряд новых поражений.

Успехи французских войск были с радостью встречены народными массами Германии [12]. Местами народ предпринимал попытки установления нового строя наподобие французского. Высшей точкой подъема массового движения в Германии тех лет явились события в Майнце.

Еще в 1790 г. в самом городе и его окрестностях начались революционные выступления крестьян и ремесленников. Революционно-демократические элементы Майнца, возглавляемые Георгом Форстером и Андреасом Гофманом, организовали «Общество пропаганды», которое распространяло идеи Французской революции.

20 октября 1792 г. революционные французские войска под командованием генерала Кюстина подошли к Майнцу. Кюстин решил взять город хитростью. Его войска стали столь искусно маневрировать, что создавалось впечатление о скоплении у стен Майнца огромной армии. Не начиная осады, Кюстин предложил командующему крепости Гимниху сдаться, чтобы спасти Майнц от разрушения. Военный совет согласился сдать город.

На другой день были подписаны условия капитуляции, согласно которым гарнизону и всему гражданскому населению разрешено было свободно выехать из города. Оставшимся жителям Кюстин обещал обеспечить безопасность. Солдаты революции вступили в первый город Германской империи, в город, которым правили немецкие феодалы.

Заняв Майнц, Кюстин опубликовал воззвание, из которого явствовало, что он не собирается отменять феодальные повинности, отстранять от власти курфюршеских чиновников и изменять старые суды: он действовал в духе конституции 1791 г., предписывавшей ничего не менять в строе чужой страны, а предоставлять на-

[12] *H. Scheel.* Süddeutsche Jakobiner. Klassenkämpfe und republikanische Bestrebungen im deutschen Süden Ende des 18. Jahrhundert. Berlin, 1962; *H. Voegt.* Die deutsche jakobinische Literatur und Publizistik, 1789—1800. Berlin, 1955, и др.

роду право самому принять ту или иную форму правления [13]. Население Майнца в своем большинстве весьма сдержанно встретило французов. Оно опасалось возвращения прежних властей и не решалось участвовать в решении политических вопросов. В эти дни энергичную деятельность развили лидеры майнцской демократии — клубисты, близкие по своим воззрениям к якобинцам. Они решительно выступили за присоединение Майнца и прилегающих к нему территорий к Франции, видя в этом гарантию от реставрации старых порядков.

Замечательную речь по этому вопросу произнес 15 ноября 1792 г. Г. Форстер. Она была озаглавлена: «Об отношении жителей Майнца к франкам. Присоединение левого берега Рейна к Франции» [14]. С огромным пафосом он приветствовал «покорителей тиранов, которые как братья пришли к нам», и призывал народ присоединиться к Франции. «Если вы, жители Майнца и прилегающих мест, выразите желание быть свободными и стать франками, то вы будете включены в состав несокрушимо свободного государства... и тогда Французская республика должна вас защитить, как свои собственные провинции». Форстер развенчал антинародную суть феодальной тирании в Германии и призвал к решительной борьбе против нее. Мнимая германская свобода, говорил он, всего лишь «дьявол феодального рабства, как это легко узнать по громадным книгам, которые он таскает с собой, и по звону цепей, сопровождающему каждый его шаг. Это ужасное привидение, говорящее о титулах, о феодализме, о пергаментах в то время, когда разумные люди говорят об истине, о свободе, о нации и человеческих правах, может быть изгнано только в том случае, если идти на него с оружием в руках» [15].

Однако французское законодательство не давало ответа на вопрос, будет ли Франция защищать освобожденные ею народы от поползновений тиранов восстановить старую власть. Этот вопрос майнцские демократы поставили Кюстину, а он, в свою очередь, Конвенту. 19 ноября 1792 г. Конвент принял декрет, коим от имени французской нации предлагал «братство и помощь всем народам, которые захотят свободу», и поручал Исполнительному комитету дать необходимые указания генералам. Так под влиянием майнцских клубистов был издан декрет, давший толчок более решительным выступлениям против феодального гнета на немецких землях, куда вступили армии революционной Франции.

[13] «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.— Л., 1941, стр. 256 и сл.
[14] *G. Forster.* Sämtliche Schriften. Bd. VI, S. 413—431.
[15] Ibid., S. 422; подробнее см.: *Ю. Я. Мошковская.* Георг Форстер — немецкий просветитель и революционер XVIII века. М., 1961.

Декретом французского Национального конвента от 15 декабря 1792 г. во всех областях, занятых французскими войсками, отменялась крепостная зависимость, упразднялись привилегии дворянства и духовенства, прежние подати и налоги, провозглашался суверенитет народа и ликвидация существующих властей. Этот акт оказал огромное воздействие на народные массы Майнца и его окрестностей: они высказались за создание свободного, независимого государства, сувереном которого является народ; через своих представителей это государство объявило связь с германским императором и империей порванной, а права владетельных князей на этой территории несуществующими. 21 марта 1793 г. майнцский Национальный конвент принял декрет о присоединении к Франции. В этот день Г. Форстер говорил: «Начинается новый период в истории нашего народа... Эта эпоха освобождения человечества не менее значительна, чем та, с которой 1800 лет назад началось наше летосчисление» [16]. 30 марта Конвент единогласно принял решение о присоединении к Франции земель по левому берегу Рейна, от Ландау до Бингена.

Майнцская республика не получила необходимой поддержки от соседних областей, хотя сочувствие к ней со стороны трудящихся было очень велико. В июне 1793 г. пруссаки перешли в наступление. 22 июня 1793 г. прусские войска бомбардировали Майнц. Французский гарнизон был вынужден сложить оружие, Майнцская республика пала. Старые порядки были восстановлены без особых изменений. Виднейшие деятели Майнцской республики бежали в Париж и приняли деятельное участие в работе Якобинского клуба. В октябре 1794 г. французы вновь взяли Майнц и при одобрении народа присоединили Майнцскую республику к Франции.

ВОЙНЫ ПРОТИВ ФРАНЦИИ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

Поражения на фронте, подъем освободительного движения внутри страны, непопулярность войны создавали в германских государствах тенденцию к миру с Францией. Дело распада антифранцузской коалиции довершили австро-прусские противоречия, обострившиеся в связи со вторым разделом Польши (1793 г.), от участия в котором Австрия была отстранена [17]. Первой вышла из войны Пруссия; 5 апреля 1795 г. она заключила с Францией сепаратный мир в Базеле. Согласно Базельскому мирному договору,

[16] См. *Ю. Я. Мошковская.* Георг Фостер..., стр. 320.
[17] «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 438, 450—451.

Франция обязалась вывести свои войска с прусской территории; левый берег Рейна оставался за Францией, за это Пруссии были обещаны немецкие княжества на правом берегу. Прусский король гарантировал нейтралитет северогерманских государств, что фактически означало признание его протектората над этими государствами.

Предательство Пруссией своих союзников привело к падению престижа прусского королевства среди других германских государств. С этого момента до 1806 г. Пруссия не участвовала в войнах против Франции. Другие немецкие государства продолжали войну. В 1796 г. французские армии заняли Баден, Вюртемберг и Баварию, в 1797 г. вторглись в Австрию. Буржуазия, а особенно крестьянство встречали победителей дружелюбно. После ряда поражений Австрия 17 октября 1797 г. заключила в Кампоформио мир с Францией. По условиям мирного договора Австрия признавала притязания Франции на левый берег Рейна, получив компенсацию за счет немецких и итальянских государств. Кампоформийский договор имел для Германии серьезные политические последствия, положив начало подчинению мелких германских государств более крупными.

В ноябре — декабре 1797 г. в Раштате был созван конгресс для урегулирования отношений между Францией и Священной Римской империей, в работе которого участвовал Наполеон. Был одобрен принцип секуляризации духовных владений и решено вознаградить крупные германские государства за потерю земель на левом берегу Рейна, присоединив к ним некоторые мелкие германские государства[18]. Переговоры остались незавершенными, так как в 1799 г. союзники начали новую войну против Франции; из числа германских стран в ней приняли участие Австрия, Бавария, Вюртемберг и ряд других княжеств.

Разгром второй коалиции Францией произошел уже после государственного переворота 18 брюмера и установления во Франции контрреволюционной диктатуры Наполеона Бонапарта. Войны наполеоновской Франции приобрели грабительский, захватнический характер. Поражения антифранцузской коалиции при Маренго (14 июня 1800 г.) и Гогенлиндене (3 декабря 1800 г.) привели к Люневильскому миру (9 февраля 1801 г.), согласно которому левый берег Рейна окончательно отошел к Франции.

Влияние Наполеона в Германии настолько усилилось, что в феврале 1803 г. под его давлением особая имперская депутация при рейхстаге в Регенсбурге приняла постановление о секуляризации духовных владений и план «вознаграждения» крупных княжеств.

[18] *K. von Raumer.* Deutschland um 1800, S. 112—114.

По решению регенсбургского рейхстага, утвержденному императором Францем II, упразднялись все духовные княжества, за исключением Майнцского курфюршества, число имперских городов сократилось с 51 до 6 (Аугсбург, Бремен, Гамбург, Любек, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне), исчезло множество мелких светских княжеств[19]. Всего было ликвидировано 112 мелких «государств» с 3-миллионным населением, а их территории переданы более крупным: Баварии, Бадену, Вюртембергу, Нассау; из них Наполеон хотел создать противовес Австрии и Пруссии.

Проведение медиатизации[20] явилось сильнейшим ударом по Священной Римской империи германской нации, началом ее фактического развала. Эта мера объективно представляла собой важный шаг по пути ослабления раздробленности Германии, хотя и не устраняла ее полностью.

Занятие Наполеоном Ганновера (1803 г.) привело к созданию третьей коалиции. К Англии присоединились Австрия, Россия, Швеция и Неаполитанское королевство. После побед Наполеона при Ульме (октябрь 1805 г.) и Аустерлице (2 декабря 1805 г.) Австрия вынуждена была 26 декабря 1805 г. заключить в Пресбурге (Братислава) мир. Политическая карта Германии вновь претерпела серьезные изменения. 12 июля 1806 г. был учрежден Рейнский союз, находившийся под протекторатом Наполеона. В него вошли первоначально 16 германских государств. Но позднее, под впечатлением все новых ошеломляющих побед Наполеона над обеими крупнейшими державами тогдашней Германии, членами Рейнского союза стали еще 5 государств. В итоге вне Союза остались только Австрия и Пруссия. Участники Рейнского союза объявили, что они выходят из состава империи и упраздняют в своих владениях все имперские учреждения. Это был конец Священной Римской империи[21]. 6 августа 1806 г. император Франц II сложил с себя корону и освободил членов империи от обязанностей по отношению к себе.

Опасения в связи с неуклонным распространением влияния Наполеона на германские государства, недовольство буржуазным законодательством, введенным в прирейнских землях, и торговой политикой Франции, имевшей для Пруссии крайне неблагоприятные экономические последствия, побудили ее правящие круги к вступлению в четвертую антифранцузскую коалицию. В ней принимали участие Англия, Россия, Швеция. Прусский король Фридрих-Вильгельм III направил Наполеону ультиматум, предлагая

[19] *J. Streisand.* Deutschland von 1789 bis 1815. Berlin, 1961, S. 98—99.

[20] Этот термин происходит от слова «средний» (по своим размерам немецкие государства после 1803 г. уже не различались так резко, как раньше).

[21] *Th. Bitterauf.* Die Gründung des Rheinbundes und der Untergang des alten Reiches, Bd. I. München, 1905.

очистить Южную Германию и отказаться от создания Рейнского союза.

8 октября 1806 г. началась война. Пруссия вступила в нее неподготовленной и по существу изолированной. Из всех германских государств ее поддерживала одна Саксония. Прусская армия, как и прежде, в значительной мере состояла из иностранцев. Солдата насильно держали на службе до полного истощения, после чего ему вместо пенсии давали билет на право нищенства. Солдат плохо кормили, к тому же они не могли выслужиться выше унтер-офицера.

Пруссаки готовились к наступательной войне, рассчитывая застать армию французов, расквартированную от Майна до Дуная, врасплох, однако Наполеон быстро сосредоточил шесть корпусов, которые вместе с резервной армией Мюрата насчитывали 175 тыс. солдат, и тотчас заставил прусскую армию перейти к обороне, к чему она в то время не готовилась.

Военные события разыгрывались с головокружительной быстротой. 14 октября 1806 г. произошли два решительных сражения. При Иене французские войска наголову разбили прусский корпус Гогенлоэ. Главные силы прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского продвигались от Веймара к Наумбургу через Ауэрштедт. Прусский король, и ранее не отличавшийся полководческими способностями, на этот раз совсем потерял голову и приказал отступать к Веймару. Сражение при Ауэрштедте завершилось паническим бегством прусских войск.

Вскоре королевская армия встретилась с остатками разбитого корпуса Гогенлоэ. Потерпевшая сокрушительное поражение, потерявшая своих предводителей, охваченная ужасом прусская армия представляла картину страшного хаоса. Она потеряла в этот день 22 тыс. убитыми и ранеными, 18 тыс. пленными, 200 орудий, 600 знамен [22]. Прусской армии больше не существовало. Ее остатки сдались несколько дней спустя: Гогенлоэ сложил оружие в Пренцлау, Блюхер капитулировал в Любеке.

27 октября 1806 г. победоносная французская армия вступила в Берлин. Население Пруссии очень спокойно, даже безучастно, отнеслось к национальному позору. Дворянская администрация и военные власти услужливо преподносили Наполеону и его маршалам ключи от городов и крепостей; крестьянство и мелкая буржуазия ожидали от французов новых порядков и не собирались оказывать им сопротивление. «Наполеон дунул на Пруссию и ее не стало»,— писал Гейне.

В Берлине Наполеон подписал указ о континентальной блокаде,

[22] *F. Mehring.* Krieg und Politik, Bd. II, S. 157—160.

в результате чего вся Германия включалась в сферу экономического влияния Франции и должна была закрыть свои порты для английских товаров. 7—9 июля 1807 г. был заключен Тильзитский мир, завершивший военные действия четвертой антифранцузской коалиции [23]. Пруссия теряла свои земли к западу от Эльбы, они вошли в состав королевства Вестфальского. Она была лишена земель, полученных в результате второго и третьего разделов Польши, они вошли теперь в состав вновь образованного Великого герцогства Варшавского. Территория Пруссии уменьшилась более чем вдвое. Она должна была сократить свою армию до 40 тыс. человек и уплатить 100 млн. франков контрибуции. Пруссия была оккупирована французскими войсками, эвакуация которых была поставлена в зависимость от уплаты контрибуции.

В. И. Ленин, оценивая характер и значение Тильзитского мира, указывал, что он был величайшим унижением Германии и одновременно являлся поворотом к величайшему национальному подъему. «Когда Наполеон I принудил Пруссию, в 1807 году, к Тильзитскому миру,— писал Ленин,— завоеватель разбил все армии немцев, занял столицу и все крупные города, ввел свою полицию, принудил побежденных давать вспомогательные корпуса для ведения новых грабительских войн завоевателем, раздробил Германию, заключая с одними немецкими государствами союзы против других немецких государств. И тем не менее, даже после *такого* мира, немецкий народ устоял, сумел собраться с силами, сумел подняться и завоевать себе право на свободу и самостоятельность» [24].

В 1809 г. против наполеоновской Франции образовалась новая, пятая коалиция, в состав которой из германских государств вошла только Австрия. В боях под Регенсбургом и в генеральном сражении 6 июля 1809 г. при Ваграме Наполеон вновь разбил австрийские войска. Мирный договор был подписан 14 октября в Вене — в Шёнбруннском замке (отсюда и название Шёнбруннский договор). По условиям этого договора Австрия теряла все Далматинское побережье Адриатического моря. Западная Галиция перешла к Варшавскому герцогству, а Тернопольский округ Галиции — к России. Договор предусматривал также сокращение австрийских войск до 150 тыс. человек и уплату Австрией значительной контрибуции.

С этого времени вплоть до 1813 г., когда Наполеон был уже очень ослаблен поражением, понесенным в России, ни одно из германских государств не рисковало больше подниматься против него.

[23] «История дипломатии», т. I, стр. 472—473.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, стр. 81.

ГОСПОДСТВО ФРАНЦИИ НАД ГЕРМАНИЕЙ

Господство феодальной реакции в Германии, ее раздробленность, противоречия между многочисленными германскими государствами сделали Германию легкой добычей наполеоновской Франции. Уже Кампоформийский мирный договор проложил Франции путь к гегемонии в Германии. Наполеон стремился полностью подчинить германские государства [25].

В 1805 г. на северо-западе Германии было создано зависимое от Франции государство — великое герцогство Бергское со столицей в Дюссельдорфе. Пост великого герцога занял французский маршал Мюрат. В 1807 г. было образовано Вестфальское королевство со столицей в городе Касселе. Здесь престол занял брат французского императора Жером Бонапарт. Оба эти государства входили в Рейнский союз, но были еще более зависимы от Франции, чем остальные его члены.

Границы новых государств устанавливались в соответствии с политическими, экономическими и военно-стратегическими интересами французской буржуазии, при этом полностью игнорировались объективные нужды германской нации, заключавшиеся в объединении страны. Страшным бременем для населения был налог «кровью», который они вынуждены были платить Наполеону; до 120 тыс. немецких солдат находились одновременно во французской армии, немалая часть их гибла в завоевательных походах.

В период наполеоновских войн внутри германских государств произошли серьезные изменения, которые были особенно значительны в областях, включенных в состав французской империи и Рейнского союза. Здесь были упразднены привилегии дворянства и духовенства, ликвидированы церковные владения; финансы, администрация, суд были реформированы по французскому образцу, кое-где введен наполеоновский гражданский кодекс. Главными же были изменения в немецкой деревне: отмена крепостной зависимости и начало выкупа сеньориальных платежей и повинностей, превращение крестьян в собственников земли. Все эти и им подобные перемены имели прогрессивное значение и способствовали победе капиталистического способа производства. Однако буржуазные реформы в германских землях проводились отнюдь не с этой целью: они диктовались стремлением правителей Франции к более интенсивному использованию ресурсов подчиненных ими государств. Пользу от нововведений, осуществленных французами или по их указанию немецкими властями, извлекали главным образом вла-

[25] *А. Д. Эпштейн.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года. М., 1961, стр. 262.

дельцы мануфактур и купцы (следует иметь в виду, что по мере развития капитализма менялось соотношение сил между этими прослойками немецкой буржуазии в пользу первых) [26].

Для укрепления своих позиций на аннексированных землях, а также в государствах Рейнского союза французам нужны были союзники. Наиболее естественным союзником, казалось, должна была стать немецкая промышленная буржуазия. Однако интересы последней часто оказывались противоположными чаяниям и стремлениям французских буржуа. Кроме того, во многих германских государствах местное бюргерство было слишком слабо, чтобы стать надежной опорой завоевателя. Наполеону пришлось искать других союзников. Это были либо монархи, либо дворянство, т. е. именно тот класс, против которого обращались реформы, призванные привести к буржуазным преобразованиям [27]. Поэтому большинство преобразований на оккупированной территории носило компромиссный характер.

Основу наполеоновской системы угнетения Германии представлял Рейнский союз. По своей классовой сущности он являлся блоком крупной французской буржуазии с немецкими князьями, в котором главенствующую роль играли французы. Задачи Рейнского союза заключались в том, чтобы поставлять для наполеоновской армии контингенты солдат и материальные ресурсы. Поэтому вся система реформ в Союзе была обусловлена потребностями завоевателя и приспособлена к ним.

Наиболее серьезные преобразования были проведены в Баварии, где прогрессивные реформы осуществлялись уже с первых лет XIX в. Здесь были отменены внутренние пошлины, ограничена деятельность цехов, реформированы по французскому образцу суды, государственное устройство и налоговая система. Были приняты законы об отмене крепостного права, а также привилегий дворянства в отношении занятия высших должностей, сбора поборов и налогов.

В большинстве государств Рейнского союза крестьянские повинности феодального характера были заменены денежным оброком; в Вестфалии и некоторых мелких государствах крестьяне получили право выкупа повинностей. Однако в целом аграрные преобразования, этот важнейший элемент буржуазных антифеодальных реформ, либо вовсе не были проведены, либо осуществлялись крайне медленно; условия выкупа были столь неблагоприятны для крестьян, что в имущественных отношениях почти ничего не изменилось [28].

[26] *J. Streisand.* Deutschland von 1789 bis 1815, S. 138.
[27] «Die französische Kriege und Deutschland 1792 bis 1815». Berlin, 1958.
[28] См. *Г. Хейтцер.* Рейнский союз — основа наполеоновской системы порабощения Германии.— «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства». М., 1965, стр. 196.

Таким образом, наполеоновские реформы затрагивали в первую очередь надстройку — государственное управление, юстицию и налоговую систему. В базисе, т. е. в производственных отношениях, сдвиги произошли весьма скромные. Тем не менее реформы, проведенные в государствах Рейнского союза, пробили определенную брешь в прогнившем феодальном общественном строе Германии.

Политическое господство Франции над Германией привело к глубоким экономическим последствиям, которые также имели противоречивый характер. Континентальная блокада — одно из важнейших мероприятий Наполеона в этой области — оказало известное положительное влияние на развитие немецкой экономики. Она исключила или по меньшей мере ограничила английскую конкуренцию, которая препятствовала экономическому развитию Германии, тормозя рост немецкой промышленности и задерживая начало промышленной революции [29].

Но континентальная блокада имела и отрицательные последствия для экономического развития Германии. Она препятствовала ввозу необходимого сырья для немецких мануфактур, например хлопка и хлопчатобумажной пряжи, создавала трудности для ремесленного производства. Торговая война Англии и Франции, в которую оказалась втянутой Германия, имела своим результатом затруднения также в области экспорта немецкого льна, зерна и древесины [30].

Наполеоновское господство надежно защищало немецкое ремесло от английской конкуренции, но оно привело к резкому усилению французской конкуренции. Были отменены пошлины на шелк, ввозимый в Германию, так же как и на другие товары. Французские изделия получили беспрепятственный доступ на немецкий рынок. В то же время Франция закрыла свой рынок для иностранных товаров и нанесла этим тяжелый урон немецким государствам, находившимся под эгидой Наполеона. На экономическом развитии Германии отрицательно сказались многомиллионные контрибуции, регулярно выплачиваемые Франции, огромные военные расходы, которые несли немецкие государства, особенно во время войны против России, затруднения в области внешней торговли.

Совокупность экономических акций Наполеона в отношении Германии бесспорно имела отрицательный эффект и привела к деградации экономики и застою в большинстве германских государств. Особенно сильно пострадало великое герцогство Берг — наиболее развитый район Германии. Все исследователи отмечают крайне

[29] *Е. В. Тарле.* Соч., т. 3. М., 1958, гл. XIII.

[30] См. *Г. Моттек.* Экономические последствия иноземного господства.— «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 201.

бедственное положение этого района в период 1808—1813 гг., констатируя упадок высокоразвитого здесь в недавнем прошлом ремесленного производства [31]. Резко обозначился экономический упадок Берлина — одного из главнейших центров промышленности Германии в начале XIX в. Число действующих ткацких станков сократилось здесь с 4216 в 1806 г. до 1029 в 1807 — 1808 гг.[32]

В 1801 г. в Берлине насчитывалось свыше 11 тыс. самостоятельных хозяев и более 30 тыс. работников, итого свыше 41 тыс., занятых в производстве, а в 1913 г.— более 19 тыс. хозяев и почти 9 тыс. работников, всего около 28 тыс.[33] Стало быть, произошло сокращение числа лиц, занимающихся ремеслом, на 32,9%. Еще более значительным было уменьшение числа наемных рабочих, что свидетельствовало о замедлении капиталистического развития.

Снижение объема промышленного производства и сокращение круга лиц, в нем занятых,— важные, но не единственные показатели отрицательных экономических последствий наполеоновского ига. Почти прекратилось дорожное строительство, снизились ассигнования на обучение и образование.

НЕМЕЦКАЯ КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ. ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО НАЧАЛА XIX В.

Разложение феодального строя создало в германских государствах своеобразные общественные условия, способствовавшие бурному развитию идейной жизни. Творчество великого немецкого мыслителя Иммануила Канта (1724—1804), всю жизнь прожившего в захолустном Кенигсберге, положило начало немецкой классической философии — одной из примечательных страниц истории мировой общественной мысли. Это учение служило идейной основой борьбы за ликвидацию феодальных отношений. По словам Маркса, философия Канта являлась немецкой теорией французской буржуазной революции XVIII в.

Гениальность Канта проявилась уже в его ранних работах, посвященных естественно-научным проблемам и относящихся к 50-м годам XVIII в. В них Кант высказал плодотворнейшую гипотезу происхождения солнечной системы из облака разреженных матери-

[31] «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 206; *O. Redlich.* Napoleon I und die Industrie des Großherzogtums Berg.— «Beiträge zur Geschichte des Niederrheins». Bd. 17. Düsseldorf, 1902.

[32] *H. Rachel.* Das Berliner Wirtschaftsleben im Zeitalter des Frühkapitalismus. Berlin, 1931, S. 251.

[33] «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 207.

альных частиц, развил учение об относительности движения и покоя, высказал идею генеалогической классификации животных и т. п. Но главным делом Канта была его философская система, изложенная в 80-х — начале 90-х годов в трудах: «Критика чистого разума», «Критика практического разума» и «Критика способности суждения». Кант учил, что существует объективный, не зависящий от нашего сознания мир вещей, воздействующих на наши органы чувств. Но, по мнению Канта, мы можем познать лишь эти явления, сущность же вещей непознаваема.

Философия Канта — это попытка примирения идеализма с материализмом. «Когда Кант,— писал В. И. Ленин,— допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе,— то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней,— Кант выступает как идеалист» [34].

Эта двойственность учения Канта, опосредованно отражавшая слабость и половинчатость немецкой буржуазии, сказалась и в том, что он так и не решился полностью отказаться от религиозного начала. Еще при жизни философа и позднее его система подвергалась резкой критике как со стороны приверженцев идеализма, так и со стороны материалистов, для которых дуализм Канта был одинаково неприемлем.

В 80-х годах XVIII века Кант вплотную подошел к истории человечества, к его происхождению и развитию. В статье «Вероятное начало человеческого общества» (1786 г.) Кант делает предположение, что в начальный период своего существования человек был полностью зависим от природы, что его действия определялись только инстинктом, что он был, по выражению Канта, в состоянии райской невинности. На следующей стадии человек начинает покорять природу, приспособлять ее для своих потребностей — так наступает эпоха труда и неизбежного раздора, неравенства, страдания отдельных людей. Но человеческий коллектив в целом, непрерывно побеждая природу, улучшает условия жизни, что ведет к подъему всего общества, к его прогрессу. Каждая следующая стадия в истории человеческого общества — победа культуры над природой.

В статье «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения» (1784 г.) Кант пытался открыть историческую закономерность в хаосе человеческих поступков. Он ставит задачу вскрыть основные движущие силы истории, ее «путеводную нить». Кант правильно установил, что основной закон общества, построенного на труде и собственности,— борьба, или, по его выражению, антагонизм. Но этот антагонизм он вывел из психических свойств человека, а не из структуры общества. Цель мировой истории Кант видел в достижении совершенного правового общества.

[34] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 18, стр. 206.

Иммануил Кант

По своим политическим взглядам Кант был противником феодального бесправия и произвола, выступал за установление порядков, зиждящихся на праве буржуазной частной собственности. Отсюда и восторженная реакция Канта на революционные события во Франции. Однако с приходом к власти якобинцев, которые, по мнению философа, зашли слишком далеко, он стал относиться к Французской революции с осуждением.

Одним из первых критиков Канта был его ученик Иоганн Готлиб Фихте (1762—1814), отбросивший материалистическую сторону кантианства и ставший на субъективно-идеалистические позиции. Свои философские идеи Фихте изложил в трактате «Наукоучение» (1794); под этим термином он понимал теорию науки. Фихте придерживался точки зрения о примате практического разума над теоретическим, что отвечало реальным потребностям буржуазии, ее стремлению к практической деятельности. Но в то же время Фихте отождествлял разум и волю, и это накладывало на его воззрения сильный отпечаток волюнтаризма.

Социальные взгляды Фихте сложились под непосредственным влиянием французской революции. Он был убежденным сторонником уничтожения сословных привилегий и феодальной зависимости

крестьян, высказывался против абсолютистских режимов, царивших в германских княжествах, выступал за введение конституционной монархии. Взгляды Фихте сыграли большую роль в росте политического самосознания передовых представителей немецкой буржуазии. В основе этих взглядов лежала идея свободы, правда, понятая в идеалистическом и метафизическом смыслах.

Но на рубеже XVIII и XIX вв. в мировоззрении Фихте произошел перелом, истоки которого коренятся в разочаровании, вызванном поражением Французской буржуазной революции. Фихте все более примиряется с существующими порядками. Хотя его общественное влияние не только не уменьшилось, но даже возросло, оно уже было связано с иным кругом идей, с национальным вопросом; в этот период в его деятельности прогрессивные элементы тесно переплетались с реакционными.

Младшим современником Фихте был Вильгельм Шеллинг (1775—1854), сначала также бывший приверженцем субъективного идеализма, но затем, в начале XIX в., создавший свою систему трансцендентальной философии. В ее основе лежала идея тождества духа и природы, мышления и бытия, а исходным понятием служил абсолютный разум. Эти идеалистические взгляды Шеллинг стремился противопоставить материализму. В то же время в своих работах по натурфилософии он высказал ряд весьма плодотворных идей, в частности, идею развития, идею всеобщей связи явлений, что было важным шагом к преодолению механицизма в естествознании. Шеллинг рассматривал природу диалектически, призывал к познанию реальных противоречий, заложенных в ней. Хотя его диалектика была идеалистической, она в определенной мере отвечала потребностям науки того времени, когда были сделаны важные открытия в ряде областей естествознания.

Социальные воззрения Шеллинга и в этот, лучший период его деятельности были отмечены консерватизмом. Он выступал за соглашение буржуазии с феодалами. После 1815 г. Шеллинг еще более эволюционировал вправо. В эти годы он разработал реакционную «философию откровения», имевшую явно религиозный характер.

Перечисленные учения в определенной мере подготовили наиболее стройную и законченную систему немецкой классической философии, автором которой был Георг Фридрих Гегель (1770—1831). Гегель преодолел некоторые ошибочные положения в учениях своих предшественников, в том числе тезис Канта о непознаваемости «вещи в себе». Но он остался идеалистом. Гегель полагал, что природа, хотя она и существует независимо от нашего сознания, является лишь инобытием духа, лежащего в основе мира, одной из форм развития абсолютной идеи. Абсолютная идея достигает своей высшей ступени — «абсолютного духа» в человеческой истории.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Главная заслуга Гегеля — открытие диалектического метода, имевшего безусловный революционный характер. Основным здесь было положение о внутреннем противоречии, как источнике развития любого процесса. Гегель «впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т. е. в беспрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития» [35].

Но диалектика Гегеля находилась в непримиримом противоречии с его системой объективного идеализма, которую он считал вершиной саморазвития абсолютной идеи. Она противоречила и его консервативным политическим взглядам, согласно которым прусская монархия якобы являлась идеальным политическим строем, высшим этапом развития человечества. Эти взгляды сложились у Гегеля в последний период его деятельности; но даже его «Философия права», написанная за несколько лет до смерти, была, по словам Энгельса, документом, возвещавшим о «близком пришествии отечественной буржуазии к власти» [36]. Философия Гегеля — наиболее значительное идеологическое явление в истории Германии до появления марксизма.

[35] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 23.
[36] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 16.

В идейной жизни германских государств конца XVIII — первых десятилетий XIX в. видное место занимал романтизм, оказавший большое влияние на литературу и искусство. Это влияние было противоречивым, ибо в романтизме уже в момент его зарождения прогрессивные стороны причудливо сочетались с реакционными. Романтизм появился как реакция на поражение Французской революции. Соответственно этому романтики отвергали рационалистические принципы Просвещения, критиковали буржуазные порядки. Они воспевали в своих произведениях подлинную, коренящуюся в народной толще нравственность, стремились сблизить искусство с национальными традициями, сделать его понятным возможно большему числу людей. Но незрелость общественных отношений в Германии обусловила серьезные отрицательные стороны немецкого романтизма, в первую очередь идеализацию феодальной старины, мистицизм, националистические, даже шовинистические настроения. Последние достигли особой силы в обстановке наполеоновского господства над Германией и развертывания освободительной борьбы против чужеземного ига.

Первый кружок романтиков возник в самом конце 90-х годов в Иене; его участниками были писатели братья Вильгельм и Фридрих Шлегель, Иоганн Людвиг Тик, Новалис; к ним были близки Фихте и Шеллинг. Они много сделали в деле собирания и изучения фольклора. Но в последующем, когда братья Шлегель после переезда в Берлин сблизились с К. Брентано, А. Арнимом, Г. Клейстом, реакционные черты мировоззрения зачинателей романтизма стали сказываться гораздо более определенно; это выразилось и в примирении с антинациональной политикой правящих кругов Пруссии. Значительно резче, чем вначале, стали проявляться такие типические для эстетики романтизма черты, как склонность к экзотичности в выборе обстановки действия, упор на исключительность изображаемых событий и т. п.

Но и тогда в романтизме имелись различные течения. Прогрессивные идеи одушевляли творчество наиболее крупного художника немецкой романтической школы — замечательного писателя и композитора Эрнеста Теодора Амедея Гофмана (1776—1822). Он был величайшим мастером фантастического повествования, но фантастика Гофмана большей частью имела в своей основе реальную действительность. Такие произведения Гофмана, как «Крошка Цахес», «Житейские воззрения Кота Мурра» и др., представляют собой непревзойденные образцы остро сатирического обличения мещанства. Темой ряда повестей и романов Гофмана являются отношения художника с окружающей его филистерской средой, с «великими мира сего». Этот конфликт имеет у Гофмана трагический, даже роковой, вневременной характер. Излюбленный герой Гофмана — романтик-музыкант Крейслер, не находящий себе места в ненавистной ему действительности. Жизнь Гофмана оборвалась трагически: тяжело больной, он был подвергнут судебному преследованию за сказку «Повелитель блох», в которой жестоко расправился с судейскими чиновниками.

К прогрессивному течению в немецком романтизме относится и Адальберт Шамиссо. Создавший ему славу роман «Петер Шлемиль» остро разоблачал высшие круги общества. Демократические воззрения лежали в основе деятельности известных собирателей сказок и публицистов братьев Гримм, Э. М. Арндта, В. Мюллера и др. Наконец, представителем прогрессивного романтизма был в начале своего творческого пути великий немецкий поэт Генрих Гейне (1797—1856). И даже в творчестве одного из видных представителей консервативного крыла романтизма — поэта и драматурга Клейста имелись произведения, противоречившие его идейным установкам и отличавшиеся подлинной народностью и сочувствием «простым людям». Такова, например, пьеса «Разбитый кувшин», уже более 150 лет составляющая украшение немецкой сцены.

Рассматриваемое время было эпохой необычайного расцвета немецкой музыки. Используя великие традиции Гайдна и Моцарта, немецкие композиторы конца XVIII — начала XIX в. шли, однако своим путем, еще выше подымая уровень развития музыкальной культуры Германии. Но и над этим уровнем высится гигантская фигура Людвига ван Бетховена (1770—1827) — человека, создавшего шедевры во всех без исключения жанрах музыкального творчества, отмеченные не только гениальной одаренностью, но и высокой идейностью. Бетховен испытал огромное влияние Французской буржуазной революции. Он выступил глашатаем прогрессивных идей, провозвестником освобождения от феодального гнета. Выше всего он ставил человеческое достоинство, право каждого человека определять свою судьбу. Музыка Бетховена — это изображение победоносной борьбы за светлое будущее. Страстный порыв к счастью пронизывает все его сочинения, будь то фортепианная соната «Аппасионата», Третья, Пятая и другие симфонии или «Крейцерова соната». Развлекательности, которая была характерна для творчества подавляющего большинства его предшественников, Бетховен противопоставил музыку, выполняющую важные идейно-воспитательные цели.

О высокой гражданственности Бетховена свидетельствует и его отношение к Наполеону. Сначала он видел в нем героя революции и потому посвятил ему свою Третью, Героическую симфонию. Но после того, как Наполеон провозгласил себя императором, Бетховен снял свое посвящение. «Он будет топтать ногами все человеческие права и сделается тираном»,— сказал композитор. Вершиной творчества Бетховена была его Девятая симфония, созданная уже старым и больным художником, в особенности заключительный хор,

на слова оды Шиллера «Обнимитесь, миллионы». Это непревзойденный по художественной силе гимн братству и дружбе людей.

Дальнейшее развитие музыки в Германии тесно связано с романтизмом. Основоположником этого течения, видевшего одну из главных своих задач в развитии национальных черт немецкой музыки, был Карл Мария Вебер (1786—1826), в творчестве которого, как и у Гофмана, фантастика сочеталась с изображением реальной жизни. Другим видным представителем романтизма был Феликс Мендельсон-Бартольди (1809—1847). Он создал ряд программных сочинений романтического характера, замечательную музыку для театра; кроме того, Мендельсон известен, как основатель первой в Германии консерватории в Лейпциге. Подлинным художником-романтиком был Роберт Шуман (1810—1856), многие сочинения которого навеяны произведениями писателей романтической школы — Гофмана, Шамиссо, раннего Гейне или написаны на их слова. В творчестве Шумана широко представлены мятежность, фантастика, мечтательность и другие стороны эстетики романтизма.

Но самым крупным художником прогрессивного романтизма в музыке был Франц Шуберт (1797—1828). В его творчестве с огромной силой воплотилась песенная, народная стихия, нашедшая наиболее полное выражение в известных песенных циклах («Зимний путь», «Прекрасная мельничиха»). Произведения Шуберта отличаются глубоким проникновением в духовный мир человека, тонким лиризмом. Он сумел сказать свое слово и в области программной симфонической музыки, хотя ему, современнику Бетховена, это было особенно трудно.

Просвещение, классическая философия, прогрессивный романтизм — эти течения представляют вершину идеологической жизни Германии XVIII — первой половины XIX в. Это эпоха высокого подъема общественной мысли, литературы, искусства. Германия, отстававшая в экономическом и политическом отношениях от ряда государств Западной Европы, в области идеологии и культуры не только не уступала им, но во многом шла впереди.

РЕФОРМЫ ШТЕЙНА И ГАРДЕНБЕРГА

Поражение, понесенное в 1806 г., явилось слишком ярким свидетельством отсталости прусского государства, чтобы можно было пройти мимо него. Господствующие классы решились на реформы, которые, по их мнению, должны были укрепить внутреннее и внешнее положение страны. 4 октября 1807 г. во главе министерства стал барон Штейн, с его именем связан ряд либерально-буржуазных преобразований, хотя Штейн пробыл на посту главы правительства лишь немногим более года.

Штейн принадлежал к сословию имперских рыцарей, менее других слоев затронутому идеологией Просвещения, вращался в кругу традиционных понятий и привычек. Он вырос в сознании нравственного и гражданского преимущества аристократии, разделял характерные для мелких рыцарей уважение к императору и антипатию к князьям — узурпаторам политической власти. Штейн идеализировал имперские и другие старинные учреждения. Он откровенно высказывал свои симпатии к дворянам — «лучшим» сынам народа, которые должны пользоваться почетом и политическими преимуществами; но они должны быть первыми работниками в государстве, заслужить свои преимущества. Другие сословия также представлялись Штейну органически сложившимися, освященными историей, скрепленными нравственной связью общественными группами, на различии и взаимодействии которых покоится государство. С этой точки зрения он положительно оценивал союзы рыцарей, цеховые организации и муниципальный строй старых имперских городов, хотя и видел их недостатки [37].

Великие события во Франции не вызывали сочувствия Штейна. Его прогрессивные соотечественники приветствовали Французскую революцию, как начало освобождения всего человечества. Штейн же видел «защитников великого дела общественного порядка» в роялистах-эмигрантах. Идеи 1789 г. он называл ложными, лишенными всякой исторической основы. Тем не менее ряд идей революции прочно вошел в арсенал его мышления и практической деятельности. С 1804 до начала 1807 г. Штейн входил в состав прусского правительства. 27 апреля 1806 г.— еще до трагедии Иены и Ауэрштедта — Штейн направил королю записку, указав, что Пруссия не имеет конституции и высшая власть в ней не разделена между главою и представителями народа. Он предлагал создать государственный совет, где принимали бы участие все министры, причем каждый из них должен быть не только докладчиком перед королем, но и лицом, ответственным за свое ведомство. Принцип разделения властей, народного представительства, ответственного министерства — все это идеи «французского» происхождения. Уже после Тильзита, в июне 1807 г., Штейн снова предложил на рассмотрение короля те же вопросы, добавив к ним реформу местного самоуправления [38].

Выступая сторонником административных преобразований, Штейн начал свою деятельность с реформ совершенно другого характера. Наиболее актуальной в то время была проблема раскрепощения крестьян. К началу XIX в. часть помещиков, связанных с

[37] *G. H. Pertz.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, Bd. 1—5. Berlin, 1851; *M. Lehmann.* Freiherr von Stein. Leipzig, 1921.
[38] *J. Streisand.* Deutschland 1789—1815, S. 148.

производством хлеба на внешний и внутренний рынок, уже убедилась в невыгодности применения крепостного труда ввиду его малой производительности; представители этой прослойки видели свою задачу в том, чтобы превратить большинство крестьян в безземельных и малоземельных батраков, вынужденных для поддержания своего существования наниматься к помещику. В интересах этой группы был принят эдикт от 9 октября 1807 г., содержавший в себе две реформы. Во-первых, разрешался свободный переход земель от одного лица к другому и уничтожалось различие между землями, принадлежавшими дворянам и выходцам из других сословий, тем самым предоставлялась возможность перехода землевладельцев из одного сословия в другое. Во-вторых, уничтожалась личная зависимость крестьян от помещиков. Она отменялась немедленно для наследственных владельцев земли, а с осени 1810 г.— для ненаследственных держателей и безземельных крестьян [39].

Однако эдикт оставлял в неприкосновенности все крестьянские повинности, а также судебную и административную власть. Так как наряду с указом от 9 октября были отменены законы, запрещавшие уменьшать количество крестьянских дворов, помещики стали массами присоединять крестьянские хозяйства к своим поместьям. Положение крестьян в Пруссии стало еще более тяжелым. Обстановка требовала новых реформ в крестьянском вопросе, которые были проведены при преемнике Штейна графе Гарденберге. 14 сентября 1811 г. был издан указ «о регулировании», который предлагал помещикам вступать в добровольные соглашения с крестьянами относительно выкупа ими повинностей и барщины. Условия выкупа, предусмотренные указом, были тяжелыми для крестьян: они должны были уплатить помещику 25-кратную стоимость годовых платежей, либо уступить ему от $1/3$ до $1/2$ своего земельного участка. В 1812 г. по требованию юнкерства был издан указ, лишавший безлошадных и однолошадных крестьян права выкупа барщины.

Таким образом, суть аграрных реформ Штейна и Гарденберга сводилась к тому, чтобы превратить крестьянина из объекта феодальной в объект капиталистической эксплуатации, не нанеся при этом серьезного вреда юнкерам и обеспечив им не только расширение поместий, но и рабочих за счет безземельных и малоземельных крестьян. Аграрные законы Штейна — Гарденберга несколько ускорили развитие капитализма в сельском хозяйстве, но они же положили начало прусскому пути его развития.

Прогрессивный характер имел закон 1808 г., предусматривавший введение в городах некоторого подобия местного самоуправления. Все важнейшие городские дела — финансы, полиция,

[39] *F. Mehring.* Deutsche Geschichte vom Ausgang des Mittelalters. Berlin. 1951, S. 118—121.

Генерал Шарнгорст

школьное образование, общественная благотворительность — передавались в руки выборных органов. Избирательное право предоставлялось лишь лицам, имевшим доход от 150 до 200 талеров либо недвижимую собственность. В Пруссии было учреждено пять министерств: военное, внутренних дел, иностранных дел, юстиции, финансов. Вводилось новое административное устройство, усилившее бюрократическую централизацию; во главе каждой провинции был поставлен обер-президент, назначавшийся правительством.

Большое место среди преобразований в Пруссии тех лет заняла реформа армии. Тяжелые поражения, нанесенные ей Наполеоном, показали передовым людям, что войско, состоящее из наемников, не может противостоять армии, построенной на совершенно иных принципах и составленной из свободных граждан. Реформаторами армии по буржуазному образцу (реформа осуществлялась в упорной борьбе против наиболее косных представителей прусского дворянства) стали офицеры-патриоты Шарнгорст, Гнейзенау, Клаузевиц и др. С именем Шарнгорста связано создание национальной милиции — ландвера, резкое ограничение применения телесных наказаний в армии, учреждение генерального штаба, доступ в офицеры недворянам. Шарнгорст и его соратники были приверженцами вве-

дения всеобщей воинской повинности, но этого удалось добиться лишь в 1814 г.

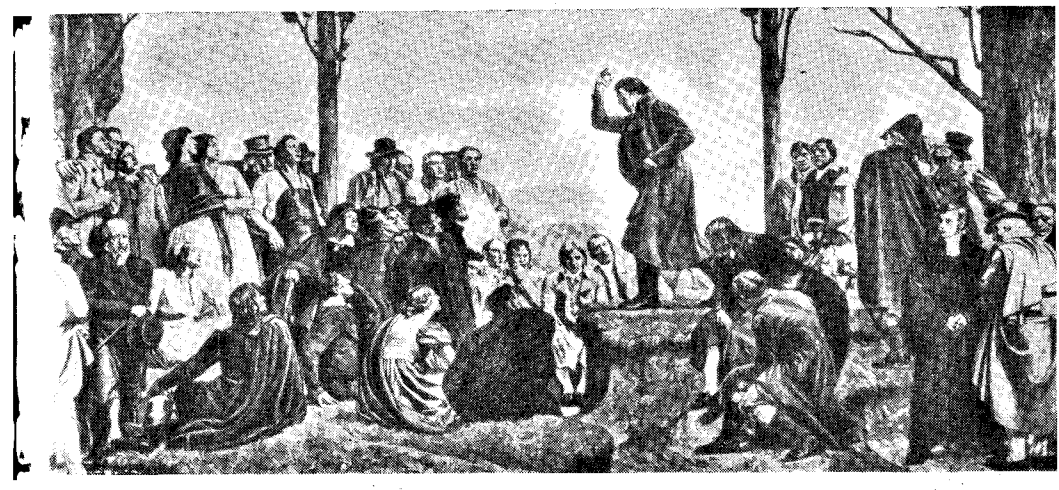
В целом реформы Штейна и Гарденберга имели буржуазный характер, но они не принесли коренного изменения экономической и политической жизни Пруссии, являлись лишь первыми шагами по пути буржуазного преобразования.

БОРЬБА НЕМЕЦКОГО НАРОДА ПРОТИВ НАПОЛЕОНОВСКОГО ИГА

Суровый оккупационный режим способствовал возникновению антифранцузских национально-освободительных тенденций. В 1808 г. в Кёнигсберге возникла тайная организация Тугендбунд («Союз добродетелей»); в числе ее членов были генералы и гражданские чиновники. Руководство организацией находилось в руках либерально-дворянской интеллигенции. Союз ставил своей целью освобождение Пруссии и всей Германии из-под гнета наполеоновской Франции, а также проведение буржуазных реформ в немецких государствах. 31 декабря 1809 г. Союз по требованию Наполеона был запрещен, но все же продолжал существовать на полулегальных основаниях. Подобные же организации создавались и в других местностях Германии.

Широкое распространение получило патриотическое движение в форме спортивных союзов. Основателем этого движения был Фридрих-Людвиг Ян (1778—1852). По специальности историк и филолог, Ян уделял большое внимание гимнастике, считая воспитание сильных и мужественных людей важным средством освобождения Германии от иноземного ига. В 1811 г. он основал в Берлине первую гимнастическую площадку. Созданные Яном и его приверженцами спортивные союзы имели политический характер; в дальнейшем их члены принимали активное участие в национально-освободительной борьбе 1813 г. Сам Ян настойчиво выдвигал требование всеобщего вооружения народа. Но в деятельности Яна имелись и отрицательные черты, например, националистическое возвеличивание немецкого народа.

Германская буржуазия оказалась неспособной возглавить подымавшееся движение и пошла на сближение с реакционным юнкерством восточных областей страны; это обстоятельство в значительной мере было обусловлено участием реакционно-националистических элементов в борьбе против иноземного господства. Весьма характерной в этом смысле была деятельность Христианского немецкого общества застольных бесед. Его организовали в январе 1811 г. в Берлине Арним, Брентано, Клейст и Адам Мюллер.



Выступление Фихте с одной из своих «Речей к немецкой нации» (1808 г.).

Картина А. Кампфа

Общество энергично выступало против всяких буржуазных реформ в Пруссии: против освобождения крестьянства, уравнения в правах евреев, свободы предпринимательства.

Немецкие демократы, при всей их слабости, выступали против ига наполеоновской Франции довольно активно. В апреле 1809 г. началось восстание тирольских крестьян, возглавляемое трактирщиком Гофером и крестьянином Шнекбахером, в ходе которого восставшие нанесли французским войскам чувствительные удары. Восстания имели место также в Бранденбурге и Саксонии. Борьба носила упорный характер; наиболее настойчиво сражались тирольские крестьяне. Их сопротивление было сломлено лишь к концу 1809 г., вождь восставших Андреас Гофер был казнен [40].

На свой страх и риск, не опираясь на широкие массы, поднимали восстания против французов некоторые прусские офицеры. Одно из таких выступлений имело место в Вестфалии, им руководил полковник Дернберг [41]. Наиболее крупным было движение в Пруссии, возглавлявшееся майором Шиллем. Шилль и его сторонники, приз-

[40] *P. Stulz.* Der Kampf des deutschen Volkes gegen die napoleonische Herrschaft. Leipzig, 1955.

[41] *H. Heitzer.* Insurrectionen zwischen Weser und Elbe. Volksbewegungen gegen die französische Fremdherrschaft im Königreich Westfalen 1806—1813. Berlin, 1959, Kap. III.

вав солдат к вооруженной борьбе, рассчитывали увлечь за собой всю Германию. Инициатива патриотически настроенных офицеров не встретила поддержки со стороны правящих кругов Пруссии. Фридрих-Вильгельм III объявил Шилля и его товарищей «дезертирами» и направил войка для расправы с ними.

В эти годы выросло идеологическое направление, выражавшее стремление буржуазии к руководству освободительным движением немецкого народа. Наиболее видным представителем этой в конечном итоге буржуазной идеологии был И.-Г. Фихте. Он завоевал огромную популярность своими «Речами к немецкой нации», в которых будил национальное самосознание и звал к непримиримой борьбе за освобождение родины от завоевателей. Но в «Речах» Фихте в еще большей мере, чем у Ф.-Л. Яна, звучали националистические нотки, проповедь превосходства немцев над другими народами, шовинистические выпады по отношению к французам. Эта позиция отражала противоречивые состав и цели лагеря противников Франции, включавших в себя не только прогрессивно настроенных немецких патриотов, но и реакционеров-националистов.

Идеологами освободительной войны были, помимо Фихте, также поэт, публицист и историк Эрнст-Мориц Арндт (1769—1860), естествоиспытатели братья Гумбольдт, историк Георг Нибур, теолог Фридрих-Даниэль Шлейермахер. Они звали народ к борьбе не только против французского господства, но и против феодального абсолютизма, выступали сторонниками буржуазных преобразований [42].

Патриотические элементы не были достаточно сильны, чтобы самим добиться освобождения страны от наполеоновского господства, а внутри страны — покончить с феодальной абсолютистской раздробленностью. Отсутствовала определенная социальная программа, на платформе которой могли бы объединиться все прогрессивные силы нации.

Поэтому накануне войны 1812 г. Наполеон смог принудить Пруссию и Австрию к заключению с ним военных договоров, по которым обе державы обязались выставить контингенты войск в помощь французской армии. Соглашаясь на эти условия, реакционные правительства Австрии и Пруссии рассчитывали на территориальные приобретения за счет России: Австрия намеревалась получить Волынь, а Пруссия — весь Прибалтийский край.

С первого дня русского похода Наполеона в германских странах развернулась скрытая, но упорная борьба между патриотами и монархами всех калибров. Немецкие и австрийские правите-

[42] «Kampf um Freiheit. Dokumente zur Zeit der nationalen Erhebung 1789—1815». Hrsg. von F. Donath und W. Markov. Berlin, 1954, S. 123 ff.

ли предоставили в распоряжение Наполеона более 150 тыс. солдат и офицеров. Эти части постоянно пополнялись [43]; всего в походе 1812 года участвовало около 200 тыс. немецких солдат. Однако большинство из них, так же как и народ Германии, были настроены против Наполеона. «Три четверти всего войска состоит из наций, которым совершенно чужды подлинные цели войны. Многие в этом убеждены и в глубине души желают победы русским»,— писал прусский офицер Ведель [44].

Немецкая патриотическая партия во главе со Штейном, Гнейзенау, Бойеном и др. была уверена, во-первых, в том, что война России и Франции явится спасением для Пруссии и Германии, во-вторых, в том, что поднять народное восстание в Германии при помощи немецких монархов — дело безнадежное. Поэтому взоры немецких патриотов обратились к России. Некоторые офицеры бросили прусскую службу, часть их направилась в Россию, стремясь найти свое место в рядах русской армии. Пруссию покинули такие деятели патриотической партии, как Гнейзенау, Бойен, Клаузевиц — сотрудники Г. Шарнгорста; боевые товарищи майора Шилля — Брюннов и Лютцов. В марте 1812 г. на русскую службу перешел полицей-президент Берлина Грунер. 27 мая в Россию выехал Штейн, последние годы находившийся в Чехии.

Решение Штейна произвело в Германии огромное впечатление. Штейн разработал систему мероприятий, которые должны были осуществить немецкие патриоты при поддержке России. Основная цель их заключалась в том, чтобы «постепенно подготавливать прямое и открытое восстание» против наполеоновского господства. Для этого нужно было развернуть широкую агитацию внутри Германии, разъясняя суть предательской политики князей и антинемецкий характер наполеоновского ига. Далее Штейн намечал подготовку и организацию вооруженных партизанских групп, действующих против Наполеона с целью поднять в Германии всеобщее восстание. Особое место в планах Штейна занимала идея создания Русско-немецкого легиона, куда должны были войти перебежчики из Германии и регулярные русские воинские части. Обосновывая необходимость создания легиона, он писал: «Как бы ни были ожесточены умы в Германии, все-таки я думаю, что добровольного восстания, от которого можно было бы ожидать значительных, продолжительных успехов, не произойдет» [45].

[43] *P. Holzhausen.* Die Deutschen in Russland 1812. Berlin. 1912, S. XIX.
[44] Ibid., S. 5. См. также *А. Г. Власкин.* Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов.— «Новая и новейшая история», 1962, № 5.
[45] *G. H. Pertz.* Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, Bd. 3, S. 68—77, 87.

Для выполнения намеченных мероприятий был создан Комитет по немецким делам (Немецкий комитет), душой которого стал Штейн. Это была независимая от германских монархов организация немецких патриотов, положившая начало совместной борьбе немецкого и русского народов против наполеоновской Франции. Виднейшим опорным пунктом этого комитета в Германии стала организация Грунера, агенты которого внимательно следили за французской армией и сообщали о ней весьма точные сведения в Россию. Грунеру удалось наладить связь с некоторыми национально-патриотическими организациями, например с Немецким союзом, возглавляемым Яном. Однако 22 августа 1812 г. Грунер был арестован, а вскоре та же участь постигла его сотрудников [46].

В центре деятельности Немецкого комитета было формирование Русско-немецкого легиона. Хотя создание легиона шло медленно, все же некоторые результаты были достигнуты. В сражении при Шлоке отряд немецких солдат во главе с офицером и двумя унтер-офицерами присоединился к русским войскам. После боя у Даленкирхена в плен сдались 664 немецких солдата; часть из них пожелала вступить в легион [47].

В августе 1812 г. из перебежчиков и пленных были образованы пехотный батальон, гусарский полк, конная батарея и рота егерей. В сентябре началось формирование второго пехотного батальона [48]. Все же на первом этапе войны успехи эмиссаров — вербовщиков Немецкого комитета были скромными. Они значительно увеличились после того, как русские войска перешли в наступление.

К концу ноября 1812 г. численность Русско-немецкого легиона выросла до 8 тыс. человек. В него входили пруссаки, баварцы, вестфальцы и жители других немецких земель. Штейн и его сторонники стремились как можно скорее завершить организацию легиона и использовать его для боевых действий в Северной Германии, рассчитывая при этом на помощь Англии и Швеции. Однако ни Англия, ни Швеция не оказали легиону существенного содействия. Штейн был прав, когда писал своему сторонику Мюнстеру: «Германия открыта для русских войск, а английские министры заняты парламентскими выборами и парламентскими комбинациями» [49].

[46] *P. Stulz.* Fremdherrschaft und Befreiungskapmf. Berlin, 1960, S. 40.
[47] *А. Г. Власкин.* Отечественная война 1812 года и движение немецких патриотов, стр. 80; *К. Военский.* Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Сб. РИО, т. 133. СПб., 1911, стр. 476.
[48] *B. Quistorp.* Die kaiserliche Russisch-deutsche Legion. Berlin, 1860, S. 26; см. также: *G. Venzky.* Die Russisch-deutsche Legion in den Jahren 1811—1815. Wiesbaden, 1966.
[49] «Stein-Archiv», Bd. IV, S. 182.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1813 Г.

Предпосылки для успешной борьбы немецкого народа против наполеоновского владычества были созданы блестящими победами русских войск. Немецкий народ, так и не дождавшись сигнала своих незадачливых правителей, сам поднялся на вооруженную борьбу против иноземных поработителей. Толчком к открытому восстанию в Пруссии послужила Таурогенская конвенция, заключенная в конце 1812 г. между генералом Йорком, командующим прусскими войсками, находившимися под начальством французского генерала Макдональда, и русским командованием. Согласно условиям этой конвенции, прусские войска прекращали военные действия, очищали Прибалтику и отступали в Восточную Пруссию, оставаясь нейтральными вплоть до решения прусским правительством вопроса о союзе с Россией [50]. 4 января 1813 г. в Берлин пришла весть о Таурогенской конвенции. Она вызвала переполох при дворе короля. «Есть от чего получить апоплексический удар. Что теперь делать?» — в смятении воскликнул он [51]. Перепуганный Фридрих-Вильгельм III, стремясь показать свои верноподданнические чувства к императору французов, не только не поддержал этого открытого начала борьбы немцев против Наполеона, но отрешил Йорка от должности и даже издал приказ об его аресте [52].

Таурогенская конвенция была заключена в очень сложной обстановке. То было время, когда контрнаступление русских войск и действия партизан привели к окончательной гибели наполеоновских полчищ в России, что сделало возможным перенесение военных действий на территорию германских государств. Национально-освободительное движение в Германии было еще слабым, что в первую очередь определялось позицией германских монархов, боявшихся открыто выступить против Наполеона. Австрия выдвинула идею мирного посредничества и не собиралась действовать против Франции. Фридрих-Вильгельм III отклонил предложение России о совместной борьбе против Наполеона. «Если Наполеон,— писал он за два дня до подписания Таурогенской конвенции,— примет умеренные условия и всеобщий мир... будет заключен к апрелю, то самая главная наша цель будет достигнута» [53]. «Уме-

[50] «История дипломатии», т. I, стр. 487—488.
[51] *A. J. F. Fain.* Manuscrit de 1813. Paris, 1824, p. 205—206.
[52] *R. Röder.* Zur Geschichte der Konvention von Tauroggen.— «Das Jahr 1813. Studien zur Geschichte und Wirkung der Befreiungskriege». Berlin, 1963, S. 87 ff.
[53] *A. Holleben.* Geschichte des Frühjahrsfeldzuges 1813 und seine Vorgeschichte, Berlin, 1904, S. 83.

ренные условия», о которых писал король, должны были означать согласие Наполеона на присоединение к гогенцоллерновской монархии значительной части герцогства Варшавского. Прусское правительство, как всегда, заботилось вовсе не об интересах нации, а руководствовалось династическими соображениями.

Но русская армия уже перешла границы Пруссии. Население встречало победоносные войска, одолевшие Наполеона, как своих братьев и освободителей; в свою очередь русские солдаты дружески относились к жителям. «Вообразить нельзя,— писал М. И. Кутузов,— как мы приняты в Пруссии. Никогда ни прусского короля, ни его войска так не принимали» [54].

5 января был освобожден Кёнигсберг. 22 января в город прибыл Штейн, взявшийся за мобилизацию сил и ресурсов провинции для содействия русской армии. 5 февраля восточнопрусский ландтаг одобрил законы о создании ландвера и ландштурма, разработанные К. Клаузевицем и Ф. Допа. Решения ландтага, принятые вопреки воле короля, были смелым шагом.

В конце января — начале февраля 1813 г. русская армия заняла Восточную Пруссию, бóльшую часть Польши. В середине февраля передовые отряды перешли Одер и двинулись к Берлину. Действия этих отрядов опирались на поддержку населения: оно сообщало русским войскам о продвижении и силах противника, захватывало французские транспорты с оружием и снаряжением. Немцы вступали в русские отряды, иногда создавали части ландштурма. 20 февраля четыре русских полка ворвались в Берлин и завязали бои на улицах города, однако к вечеру вынуждены были отступить. Объясняя причины отступления, командир отряда Чернышев писал: «Если бы доброе расположение жителей, покушавшихся подать нам руку помощи, не было останавливаемо неприязненными распоряжениями городской полиции и в особенности господина Лекока, то могу уверить, что подвиги кавалерии в сей день не ограничились бы одним нанесенным неприятелю вредом» [55].

Дальнейшие победы русских войск создали критическое положение для французской армии. Возникла реальная возможность разгрома ее основных сил в Германии (ими командовал Евгений Богарне) путем совместного выступления прусских и русских войск. Но прусское правительство не спешило с заключением военного союза с Россией, стремясь добиться ее согласия на присоединение к Пруссии польских территорий. Стремление прусского

[54] «М. И. Кутузов». Сб. документов, т. V. М., 1956, стр. 98.
[55] «Поход русской армии против Наполеона в 1813 году и освобождение Германии». Сб. документов. М., 1964, стр. 73—74.

короля быть королем Польши стало серьезным препятствием на пути быстрейшего заключения союза с Россией.

Между тем новые успехи русского оружия вызвали дальнейшую активизацию национально-освободительной борьбы. «В Пруссии,— писал Ф. Энгельс,— поднялся весь народ, принудивший трусливого короля Фридриха-Вильгельма III к войне против Наполеона» [56]. Одновременно терпели крах надежды прусской монархии на уступчивость Наполеона, который игнорировал ее предложение о мирном посредничестве между Россией и Францией.

28 февраля 1813 г. в Калише был подписан союзный договор между Россией и Пруссией, предусматривавший восстановление последней в прежних границах и возвращение всем германским государствам их независимости, иными словами,— ликвидацию наполеоновского господства над Германией. Россия и Пруссия обязались не заключать сепаратных договоров с Наполеоном [57]. Калишский союзный трактат был важным этапом в создании новой коалиции европейских держав против Наполеона. Подписывая этот договор, русская сторона подчеркнула, что «полное уничтожение неприятельских сил, проникнувших в сердце России, приуготовило великую эпоху независимости всех государств, какие пожелают ею воспользоваться для освобождения от ига, столь много лет тяготевшего над ними от Франции» [58].

Заключение Калишского трактата знаменовало победу прогрессивных сил, возглавляемых Штейном и Шарнгорстом, над реакционным прусским дворянством, стремившимся не допустить развития народной войны. «Весь немецкий народ за нас...,— писал Кутузов. — Немецкие государи не в силах больше остановить это движение. Им остается только примкнуть к нему» [59].

Казалось, что подписание трактата должно привести к немедленному и самому энергичному выступлению прусских вооруженных сил. Но правительство и король даже после этого продолжали медлить: они боялись народа, стремились ограничить его вооружение. Однако массовая борьба против наполеоновского ига достигла таких внушительных размеров, что правительство Пруссии оказалось вынужденным официально санкционировать народные методы ведения войны. 16 марта 1813 г. прусский король обратился с воззванием «К моему народу», которое по существу означало объявление войны Франции. 17 марта был опубликован закон об организации ландвера. К тому же 25 марта союзники опуб-

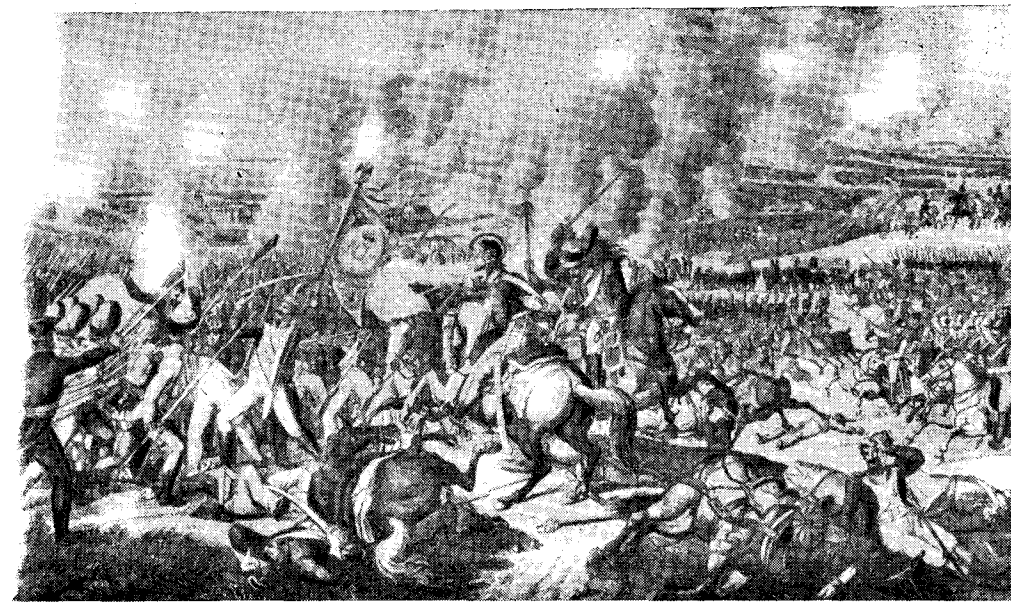
[56] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 30.
[57] *Ф. Мартенс*. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 7. СПб., 1885, стр. 74—81.
[58] «М. И. Кутузов», т. V, стр. 276—277.
[59] *М. И. Кутузов*. Из личной переписки.— «Знамя», 1948, № 5, стр. 116—117.

ликовали «Воззвание к немцам», в котором речь шла об освобождении Германии от наполеоновского господства, уничтожении Рейнского союза, создании единой Германии. В документ было включено немало фраз о «свободе и независимости» [60]. Само собой разумеется, что Александр I и Фридрих-Вильгельм III, публикуя «Воззвание», рассчитывали активизировать массовое национально-патриотическое движение, чтобы использовать его для победы над Францией, удержав в то же время в рамках, приемлемых для реакции. Тем не менее документ объективно сыграл большую положительную роль в развертывании народной войны, в расширении патриотического движения.

В ходе национально-освободительной борьбы начались крестьянские восстания и волнения в городах, развернулись вооруженные партизанские действия. Политическая обстановка складывалась так, что вся Германия была склонна примкнуть к борьбе, начатой в Пруссии [61]. Однако расширение национально-освободительного движения задерживалось антинародной, пронаполеоновской политикой монархов юго-запада страны. Они тревожились за судьбы своих владений, увеличением которых были обязаны Наполеону. Серьезное беспокойство монархов вызывал также тон воззваний союзников, адресованных не только князьям, но и народам германских государств. Баварское правительство даже просило австрийский двор «использовать свое влияние», чтобы «смягчить стиль прокламаций и предупредить волнения, которые явились бы их результатом» [62]. Монархов Рейнского союза весьма тревожили также проекты будущего государственного строя Германии, выдвинутые Штейном и поддержанные многими другими политическими деятелями-патриотами. Пронаполеоновская позиция южногерманских князей, нерешительность Пруссии и Австрии, плохо помогавших русским войскам, которым противостояла все еще сильная армия французов,— все это не позволило союзникам достичь решающих успехов и освободить всю Германию уже весной 1813 г.

В это время Англия и Россия организовали шестую антифранцузскую коалицию, к участию в которой привлекли Пруссию, Швецию, Испанию и Португалию. Австрия сначала объявила нейтралитет, но в августе 1813 г. также примкнула к коалиции [63]. Англия ограничила свою помощь финансированием ее участников.

[60] «М. И. Кутузов», т. V, стр. 408—409.
[61] *H. Boyen.* Erinnerungen, Bd. III. Leipzig, 1890, S. 2.
[62] *Doeberl.* Bayern und die deutsche Erhebung wider Napoleon.— «Abhandlungen der Historischen Klasse der königlichen Bayerischen Akademie der Wissenschaften», Bd. 24. München, 1909, Beilage V, S. 416.
[63] *K. Obermann.* Diplomatie und Aussenpolitik im Jahre 1813.— «Das Jahr 1813», S. 131 ff.



Битва при Лейпциге. 1813 г.
Современная гравюра

Первое сражение произошло 2 мая 1813 г. у Лютцена. Наполеон не сумел разбить войска союзников, однако они были вынуждены отойти и занять позиции у Бауцена. 20—21 мая здесь состоялось второе сражение. Наполеон по-прежнему сохранял превосходство. Главной причиной неудач союзников при Лютцене и Бауцене явилась недостаточная опора на общенародное движение; король Пруссии по-прежнему хотел бороться против Наполеона лишь силами регулярной армии [64].

4 июня было заключено перемирие. Наполеон отклонил требование отказа от завоеванных земель, и 10 августа военные действия возобновились. Переломным моментом в войне стала трехдневная Лейпцигская битва. Это грандиозное сражение происходило на значительной территории: 20 км с севера на юг и 12 км с запада на восток. Оно распадается на ряд самостоятельных, хотя и связанных между собой боев: у Вахау — южнее Лейпцига, у Линденау — западнее, у Мёккерна — севернее города [65].

[64] См. *Л. Г. Бескровный.* К 150-летию Лейпцигского сражения.— «Освободительная война 1813 года против наполеоновского господства», стр. 105.
[65] «Leipzig 1813. Die Völkerschlacht im nationalen Befreiungskampf des deutschen Volkes». Leipzig, 1963.

В ожесточенном бою у Вахау 16 октября ни одна из сторон не добилась решающего успеха. Серьезные столкновения происходили в этот день также у Линденау и Мёккерна. Бои 17 и особенно 18 октября были переломными. Союзные войска, подтянув дополнительные силы, получили значительное численное превосходство. Они со всех сторон перешли в наступление. Наполеоновские войска не смогли сдержать натиск. В ночь на 19 октября французы начали отступление. Всю ночь через город тянулись обозы, артиллерия, шла пехота. С утра 19 октября союзники двинулись на штурм Лейпцига. Русские и немецкие войска опрокинули боевые порядки противника и заставили его в панике бежать. К вечеру город был полностью освобожден. Лейпцигская битва закончилась поражением французов, которые потеряли более 60 тыс. человек.

Главную роль в победе сыграли русские и немецкие войска, принявшие на себя основную тяжесть сражения. Войска союзников воодушевляла высокая цель — они сражались против иноземного гнета, за национальное возрождение.

Вслед за разгромом у Лейпцига один за другим капитулировали гарнизоны Торна, Дрездена, Штеттина, Данцига и других крепостей. «...Война европейской коалиции против Наполеона во имя спасения национальностей...» [66] закончилась полной победой союзников. Последовали распад Рейнского союза, переход правительств остальных немецких государств на сторону антифранцузской коалиции, быстрое изгнание врага из пределов Германии. В ночь на 1 января 1814 г. часть прусской армии перешла Рейн, служивший в то время границей Германии.

Буржуазные историки, равно как и их дворянские предшественники, всегда принижали роль народных масс и игнорировали патриотические движения в этих войнах, стремясь объяснить победу над Наполеоном лишь «мудрыми» действиями монархов или их министров. В современной буржуазной историографии характер и традиции национально-освободительных войн против наполеоновской империи освещаются с тех же классово-ограниченных и националистических позиций. Особенно превозносится деятельность австрийского министра Меттерниха и английского министра Кэстльри. Их действия расцениваются как фактор более существенный, чем героическая победа русского народа в 1812 г. или патриотический подъем в Германии в 1813 г. [67]

Западногерманские историки усердно отрицают, что лишь давление народных масс заставило короля Фридриха-Вильгельма III

[66] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 488.
[67] *R. Schröder*. Metternich Studies since 1925.— «Journal of Modern History». September 1961, vol. 33, N 3.

Лейпцигская цирюльня.
Гравюра Гейслера

выступить против Наполеона, они утверждают, что Пруссия в 1813 г. якобы не нуждалась в союзе с Россией [68] и т. п.

На II конференции СЕПГ В. Ульбрихт призвал немецких историков в своих трудах «представить такие исторические личности, как Шарнгорст, Фихте, Гнейзенау, Ян, во всей их исторической значительности, не умалчивая, однако, о тех реакционных воззрениях, которых они придерживались» [69]. Реализуя это указание, историки ГДР посвятили свои труды анализу прогрессивных традиций национального движения, боевому содружеству русских и немецких патриотов, разоблачению реакционной политики монархических правительств [70].

[68] *G. Ritter*. Das Problem des Militarismus in Deutschland.— «Historische Zeitschrift», Bd. 177, 1954.
[69] *W. Ulbricht*. Die gegenwärtige Lage und die neuen Aufgaben der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands. Berlin, 1952, S. 110.
[70] *K. Obermann*. Über den Anteil des Freiherrn vom Stein an der Vorbereitung der Erhebung von 1813.— «Wissenschaftliche Annalen», 1957, H. 10; *H. Kamnitzer*. Wider die Fremdherrschaft. Berlin, 1956; *P. Stulz*. Fremdherrschaft und Befreiungskampf. Berlin, 1960; *F. Straube*. Früjahrfeldzug 1813. Die Rolle der russischen Truppen bei der Befreiung Deutschlands vom napoleonischen Joch. Berlin, 1963.

Большой вклад в изучение указанных проблем внесли также советские историки[71]. В трудах историков-марксистов показано, что для освободительной войны европейских народов были характерны противоречивые тенденции. Война против Наполеона не ограничивалась освободительными целями. Надо учитывать, что ограбление и порабощение стран Европы Наполеоном сопровождались проведением ряда буржуазных реформ, имевших прогрессивное значение. Известно также, что в антинаполеоновскую коалицию входили феодально-монархические государства и буржуазно-аристократическая Англия, правительства которых преследовали реакционные и захватнические цели[72].

Великий Гёте, продолжавший в эти годы работу над «Фаустом», над второй частью «Вильгельма Мейстера», в 1814 г. высказал свое неодобрение национализмом, все более усиливавшимся по мере успехов борьбы против наполеоновского господства и достигшим апогея после победы. В поэме «Пробуждение Эпименида» Гёте осудил засилье прусских милитаристов, стремившихся осуществить свои завоевательные планы. Он видел всю опасность того, что освободительное движение, первоначальной целью которого была свобода от насилия вообще, завершилось торжеством наиболее реакционных сил страны — прусских юнкеров.

Под влиянием Французской революции и наполеоновских войн в Германии произошли серьезнейшие изменения. Рухнула средневековая Римская империя германской нации, значительно уменьшилось число мелких государств, место которых заняли более крупные государственные образования. В ряде мест Германии французские войска, изгнав дворян, епископов, князей, ликвидировали феодальный режим, заменив его буржуазными отношениями, ввели наполеоновский кодекс, который был гораздо прогрессивнее прежних порядков. В тех германских государствах, которые сохранили самостоятельность и на которые не распространялось действие французских законов, господствующие классы также вынуждены были провести реформы, расчищавшие путь развитию капитализма.

Но большинство немецких княжеств лишилось самостоятельности и подпало под французское господство. Тысячи немцев вынуждены были умирать на полях сражений за чуждое им дело

[71] *Е. В. Тарле.* Соч., т. VII. М., 1959; *П. А. Жилин.* Историческое значение битвы под Лейпцигом в 1813 г.— «Новая и новейшая история», 1963, № 4; *Л. Г. Бескровный.* Отечественная война 1812 г. М., 1962, *Л. А. Зак.* Монархи против народов. М., 1966, и др.

[72] См. *А. Л. Нарочницкий.* Народы и правительства в войне 1813 г. за освобождение Германии.— «Вопросы истории», 1964, № 3, стр. 179—189; *С. Б. Кан.* Освободительная война 1813 г. в немецкой исторической литературе.— «Вопросы истории», 1955, № 2, стр. 130—141.

покорения Францией чужих стран. Эти обстоятельства вызвали большой подъем национально-освободительного движения; однако слабость демократических элементов, трусость и половинчатость немецкой буржуазии привели к тому, что руководство движением оказалось в руках реакционного юнкерства, немецких и иноземных монархов. Освободительный порыв немецкого народа был в конечном счете использован ими в своих целях.

После разгрома Наполеона в германских государствах вновь восторжествовала феодально-абсолютистская реакция, стремившаяся увековечить раздробленность Германии. Утвердившиеся с тех пор порядки наиболее полно олицетворялись персоной Меттерниха, в течение нескольких десятилетий направлявшего политический курс Австрии.

6

УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 20—40-Х ГОДАХ

После победы над Наполеоном союзники собрались в Вене на конгресс, чтобы определить послевоенное устройство Европы. Представители реакционно-монархических государств понимали, что полностью ликвидировать наследие Великой Французской революции и результаты наполеоновских войн и восстановить прежние порядки невозможно. Неосуществимым это оказалось и в отношении Германии: идея возобновления Священной Римской империи германской нации не была поддержана ни Австрией, ни Пруссией, ни другими германскими государствами.

Объясняется это прежде всего борьбой за гегемонию между Австрией и Пруссией. Так как эта борьба не привела еще к успеху той или другой стороны, была найдена новая форма сохранения раздробленности Германии: 8 июня 1815 г. был подписан акт о создании Германского союза. В его состав вошли 34 независимых государства и 4 вольных города (Бремен, Гамбург, Любек, Франкфурт-на-Майне). Членами Германского союза были признаны также три иноземных монарха — короли Англии, Дании и Нидерландов — в качестве государей Ганновера, Гольштейна и Люксембурга. Крупнейшими государствами Союза, как и ранее, были Австрия и Пруссия, часть земель которых не была включена в состав вновь созданного объединения (Венгерское королевство, Ломбардо-Венецианское королевство и Галиция, принадлежавшие тогда Австрии, а также захваченные в свое время Гогенцоллернами Восточная Пруссия и Познань). Такое решение вопроса укрепляло независимость Австрии и Пруссии от Германского союза.

Германский союз номинально стал крупнейшим государственным образованием Западной Европы. По территории и населению он значительно превосходил как Англию, так и Францию, уступая

только России. В 1816 г. число жителей Союза составляло 32 640 тыс. Из них в Австрии и Пруссии, вместе взятых, проживало примерно $^2/_3$. Если к этому прибавить 3,5 млн. баварцев, то остальные 31 государство и 4 вольных города насчитывали всего 9100 тыс. жителей, на 1,5 млн. меньше, чем проживало в одной Пруссии. Сохранились совсем мелкие княжества, например Лихтенштейн, чье население составляло 5546 человек, или ландграфство Гессен-Гомбургское — 20 тыс.[1]

Союз представлял собой конфедерацию самостоятельных государств, между которыми не было органической связи; не существовало ни единого законодательства, ни общей армии, ни общих финансов, ни общего дипломатического представительства. Верховным органом был Союзный сейм во Франкфурте-на-Майне. Депутаты являлись представителями государей, а не народа. Постоянным председателем Германского союза был австрийский уполномоченный, который, в соответствии с установками всесильного главы своего правительства Меттерниха, рьяно добивался сохранения реакционных режимов и обеспечения монархических принципов. Таким образом, демократизация и государственное единство по-прежнему оставались объективной задачей развития Германии.

НАЧАЛО ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Повсеместное господство феодальных порядков продолжало тормозить внедрение основ капиталистического строя. Феодальное дворянство сохраняло значительную часть своих привилегий, местами даже право суда над держателями земли. Лишь в Рейнской провинции Пруссии и в малых государствах на западе и юго-западе Германии феодальные порядки были ликвидированы.

Наиболее крепко удерживало свои позиции прусское юнкерство. Согласно прусской правительственной декларации 1816 г., только состоятельные крестьяне, владевшие полной упряжкой рабочего скота и занесенные в особые податные списки, имели право выкупить свои повинности. Процесс расслоения деревни приводил к формированию небольшой группы гроссбауэров (крупных крестьян) и обнищанию основной массы сельского населения.

Хотя точных статистических данных о социальной структуре населения Германского союза нет, в самых общих чертах она пред-

[1] *G. von Viebahn.* Statistik des Zollvereins und nördlichen Deutschlands, Bd. 2. Berlin, 1862, S. 40.

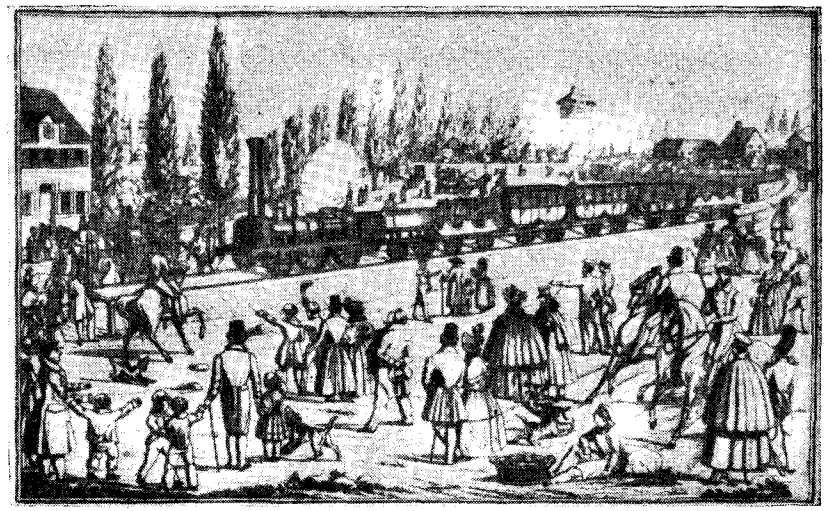
ставляется в следующем виде. Германия оставалась аграрной страной. Более 70% населения проживало в деревне и было занято в сельском хозяйстве [2]. Земля по-прежнему концентрировалась в руках крупных землевладельцев. Распределение земельных угодий выглядело так: 18 тыс. юнкеров, имевших в своем распоряжении свыше 600 моргенов каждый, владели примерно 60% земельной площади, 1600 тыс. мелких собственников (половина их имела надел от 5 до 20 моргенов, половина — менее 5 моргенов) располагали лишь 5% земельных угодий. Остальные 40 тыс. крестьян имели от 20 до 600 моргенов [3]. В числе 18 тыс. крупных землевладельцев были члены семьи Гогенцоллернов, многочисленные принцы, князья и графы [4].

Промышленное развитие Германии шло в общем медленно. Политическая раздробленность задерживала создание единого национального рынка; феодальные порядки в деревне тормозили процесс образования свободной рабочей силы. Крайне отрицательно сказывались внутренние таможенные перегородки, множественность валют, систем мер и весов, отсутствие единого коммерческого законодательства. Известный немецкий экономист Фридрих Лист с горечью писал: «Тридцать восемь таможенных и мытных линий в Германии парализуют внутренние сношения и действуют почти так же, как если бы каждый сосуд человеческого тела был перетянут веревкой, чтобы воспрепятствовать крови переливаться из одного члена в другой» [5].

И все же развитие капитализма делало определенные успехи, особенно после 1834 г., когда Пруссия заключила с девятью немецкими государствами договор об образовании Таможенного союза. Вскоре он объединял 18 государств с 23 млн. жителей. Создание Союза способствовало складыванию общегерманского внутреннего рынка и убыстрению экономического развития, что выразилось прежде всего в росте машинного производства. В 1822 г. во всей Германии работали лишь 2 паровые машины. В 1837 г. в одной только Пруссии насчитывалось 423 паровых двигателя, в 1849 г. их стало уже 1264, причем общая мощность их возросла в 9 раз [6].

Быстрыми темпами строились шоссейные дороги. Но еще более важен был бурный рост железнодорожного строительства, вызвавший подлинную революцию на транспорте. Первая в Германии железная дорога вступила в строй 7 декабря 1835 г.; она соединяла

[2] *G. von Viebahn.* Statistik des Zollvereins..., Bd. 2, S. 143.
[3] *A. Meitzen.* Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des Preußischen Staates, Bd. 3. Berlin, 1871, S. 445.
[4] *K. Obermann.* Deutschland 1815—1849. Berlin, 1963, S. 7.
[5] Цит. по *W. Sombart.* Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert. München—Leipzig, 1930, S. 6.
[6] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 20.



Первая железная дорога в Германии.
Современная гравюра

Нюрнберг с Фюртом. В 1837 г. была открыта дорога Берлин — Потсдам. В 1848 г. протяженность прусских железнодорожных линий составила 2363 км, а капитал, в них инвестированный,— 120,9 млн. талеров. Локомотивы для Нюрнбергско-Фюртской дороги, равно как и для Берлинско-Потсдамской, были куплены в Англии. Первый немецкий локомотив построен в 1838 г. в Юбигау под Дрезденом. По протяженности железных дорог Германия к середине XIX в. заняла одно из первых мест; на нее приходилось 16% тогдашней мировой сети.

Строительство железных дорог привело к ускорению развития горного дела, металлургии и машиностроения. Число рабочих, занятых в горной промышленности Таможенного союза, достигло к концу 40-х годов 60,8 тыс. Добыча каменного угля на западе страны возросла с 1835 по 1848 г. почти в 2 раза (с 993 тыс. до 1694 тыс. т). Производство чугуна увеличилось за тот же период с 110 тыс. до 229 тыс. т. Больших успехов достигла химическая промышленность, чему в немалой степени способствовали важные технические изобретения. Примерно 25% промышленных рабочих страны было сосредоточено в Рейнско-Вестфальском районе [7].

[7] Ibid., S. 22.

Начало промышленного переворота в германских государствах датируется серединой 30-х годов.

Основание Таможенного союза уничтожило, однако, далеко не все препятствия на пути развития капиталистического способа производства, главным из которых была сила феодальных пережитков. Поэтому уровень, достигнутый германской промышленностью в 40-х годах, оставался все еще низким. В 1845 г. продукция металлопромышленности Таможенного союза составляла примерно 3,5 млн. центнеров, тогда как в Англии и Шотландии — 30 млн., во Франции — около 7 млн. Добыча угля в Англии достигла 570 млн. центнеров, во Франции — около 72 млн., в Пруссии — лишь немногим более 14 млн. То же имело место в области легкой промышленности. Немецкие изделия испытывали сильнейшую конкуренцию английских; борьба же против нее очень затруднялась. В подобных условиях промышленный переворот на первом этапе мог происходить лишь за счет особенно экстенсивной эксплуатации рабочих. Голодная заработная плата и невиданная продолжительность рабочего дня являлись в Германии важнейшими средствами накопления капитала.

Развитие промышленности сопровождалось ростом городского населения. С 1816 по 1849 г. население Ахена возросло на 50%; Берлина — на 85; Золингена — на 130%. Население Берлина в 1825 г. составляло 220 тыс. человек, в 1835 г. — 265 тыс., в 1846 г.— 408 тыс., Кёльн и Гамбург развивались еще быстрее.

Изменение социальной структуры населения происходило медленно. Его основная тенденция сводилась к перемещению из сельского хозяйства в другие отрасли, к росту численности ремесленников и наемных рабочих.

Этот процесс с большой отчетливостью обозначился в Пруссии. Так, в Берлине с 1816 по 1847 г. число подмастерьев возросло на 50,6%, а фабричных рабочих — на 170,41%.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНЕ

Создание Таможенного союза означало также шаг на пути к преодолению политической раздробленности страны. Ведущая роль в союзе принадлежала Пруссии, что впоследствии оказало значительное влияние на исход борьбы между нею и Австрией за политическую гегемонию в Германии. Это было соперничество двух государств, где царила феодально-монархическая реакция, и победа любого из них могла привести к ее распространению на всю страну. Подобная перспектива была вполне реальной из-за политической слабости немецкого бюргерства.

Хотя завершение войны против Наполеона принесло германским государствам долгожданный мир и независимость, самые разные слои немецкого народа имели веские основания для недовольства. Экономика германских государств была почти повсеместно подорвана, неурожай 1816 г. вызвал к жизни дороговизну; в следующем году местами начался голод. Аграрное законодательство, направленное на ограничение феодальных порядков, было слишком непоследовательным, проводилось робко, неуверенно и не могло ослабить антагонизм враждующих классов немецкой деревни.

В первые годы после освобождения население Германии верило и надеялось, что многие беды и несчастья отведет от страны Союзный сейм, полагали, что он даст стране экономическое единство и будет способствовать введению либеральных конституций в отдельных государствах. Но этим надеждам не суждено было сбыться.

Открывшийся 5 ноября 1816 г. сейм поставил своей целью не поднимать важных вопросов, а если такие возникнут, всячески затягивать их решение. Реакционные государства — Австрия и Пруссия, а также мелкие княжества, государи которых боялись за свою независимость, весьма охотно откладывали решение любого вопроса, если чувствовали в нем угрозу реакционным порядкам или княжескому суверенитету. Более десяти лет потратил Союзный сейм на обсуждение того, какие крепости должны отойти в распоряжение союзных властей, а какие остаются у князей. Вопрос об объединенных вооруженных силах обсуждался еще дольше, но так и не был решен. Статья 13-я конституции 1815 г. обещала народу учреждение представительных собраний в отдельных государствах[8], и некоторые члены сейма пытались напомнить об этих обещаниях, но в конечном итоге он ограничился выражением полного доверия государям и фактически передал решение вопроса на их усмотрение. Немногие радикально настроенные депутаты сейма очень скоро были отозваны своими государями.

Убедившись в бессилии Союзного сейма, сторонники единства и демократизации Германии стали искать других форм борьбы за осуществление своих целей. В первые годы политической реакции с демократических позиций выступали лишь студенты, большинство которых были выходцами из мелкой буржуазии. В этой среде получили широкое распространение мечты о единой Германии, свободной от произвола монархов и засилья чиновников и полицейских.

Осенью 1817 г. студенческая молодежь задумала устроить празднование трехсотлетнего юбилея Реформации, соединив его с празд-

[8] Статья гласила: «Во всех государствах Союза будет введена сословно-представительная конституция».

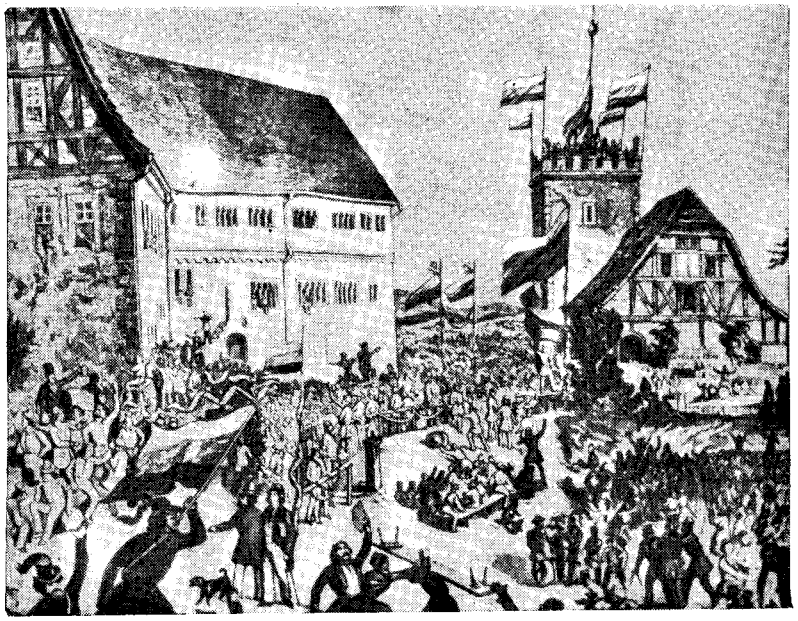
нованием недавнего освобождения от французского ига. 17 октября, в день четвертой годовщины Лейпцигской битвы, несколько сот студентов из всех университетских городов собрались в Эйзенахе и оттуда направились в исторический Вартбургский замок, где Лютер скрывался от преследований римской церкви. Распорядительная комиссия старалась избегать всякого намека на политику, чтобы не дать властям повода для репрессий. Однако студенты принесли в Вартбург годами скопившуюся неприязнь к полицейскому произволу. И вот в полночь, совершенно неожиданно для респектабельных организаторов праздника, вспыхнуло яркое пламя костра, в который полетели различные символы реакции — австрийская капральская палка, гессенская солдатская косичка, офицерский корсет, а вслед за тем книги и брошюры различных реакционных писателей.

В 1818 г. в Иене был организован кружок студентов, носивший республиканско-демократический характер. В 1819 г. по решению его участников Карл Занд убил Коцебу — бездарного реакционного драматурга, посылавшего русскому царю доносы о движении среди немецких студентов. Коцебу, разумеется, не был ни опасным противником демократии, ни серьезным союзником реакции — слишком мелкой была эта фигура. Значительно страшнее, чем само убийство, показалось коронованным особам отношение к данному эпизоду общественного мнения: все осуждали преступление, но большинство извиняло преступника, полагая, что его поступок внушен благородными побуждениями.

Когда 1 июля 1819 г. ученик аптекаря Лёнинг совершил покушение на нассауского министра Ибеля, яростного противника либералов, Меттерних получил желанный повод для усиления реакции. В августе того же года в Карлсбаде (Карловы Вары) был созван съезд германских государей и их министров с целью выработать меры против революционного движения. Карлсбадские постановления распространяли на все германские государства режим свирепого полицейского террора. Запрещалось введение конституций, в любое государство могли быть посланы союзные войска для подавления народных движений. Университеты были поставлены под строгий контроль. Множество лиц, заподозренных властями в революционной деятельности, было брошено в тюрьмы. Созданная съездом центральная следственная комиссия стала органом полицейского сыска [9].

В 1824 г. карлсбадские постановления, принятые на пять лет, были продлены sine die (без срока). Местные парламенты покорно подчинялись указаниям министров. Казалось, реакция торжество-

[9] См. *А. Д. Эпштейн.* История Германии от позднего средневековья до революции 1848 года. М., 1961, стр. 441.



Вартбургское празднество в Эйзенахе 18 октября 1817 г.

Современная гравюра

вала по всей линии. Однако репрессии не могли достичь своей цели: общественное развитие неумолимо подрывало основы полицейско-бюрократического режима.

Господство политической реакции пагубным образом отразилось на идейной жизни страны. Все, что напоминало Францию и свободомыслие XVIII в., подвергалось гонениям и поношению полицейских от философии, во весь голос провозглашавших крушение рационализма и торжество веры. Один из корифеев немецкого романтизма Иоганн Людвиг Тик призывал к уходу от реальной жизни в сказку. «Единственный закон по всей природе — я сам»,— утверждал Тик в «Странствиях Штернбальда». Фридрих Шлегель противопоставлял Прометею, «изобретателю образования и просвещения», соблазняющему людей стремлением к недоступному, Геркулеса — бога первозданной природы.

Политическая мысль Германии отличалась узостью и реакционностью. Во главе политиков-теоретиков оказался Галлер, автор книги «Реставрация государственной науки»; его идеалом также было возвращение к феодальному строю.

Временная победа реакции, разумеется, не могла устранить объективной основы революционно-демократического движения и роста оппозиции феодально-монархическим режимам в государствах Германского союза. Новый толчок движению дала победа Июльской революции во Франции. В курфюршестве Гессен и Брауншвейге под напором народных волнений государи были вынуждены отречься от престола. В Ганновере властям удалось подавить выступления, но пришлось уступить и ввести конституционные порядки. То же произошло в Саксонии. Союзный сейм санкционировал нововведения в этих землях.

С особой силой влияние Июльской революции сказалось в Баварском Пфальце, граничащем с Эльзасом. 27 мая 1832 г. представители демократической оппозиции собрались у замка Гамбах. В ходе массового политического выступления были сформулированы требования демократизации политической жизни и национального объединения.

В Гамбахском празднике приняло участие по меньшей мере 30 тыс. человек; в большинстве своем это были ремесленники и ремесленные подмастерья. Явилось немало окрестных крестьян. Были представители от всех крупнейших государств Германии, из других государств были получены приветствия. Среди участников находились польские эмигранты, представитель польского национального комитета в Париже и французского демократического «Общества друзей народа» в Страсбурге. Приветствие направили солдаты ландауского гарнизона [10]. Большое число участников, принадлежащих к самым разным слоям населения, свидетельствовало о том, что движение захватило широкие массы горожан и мелкой буржуазии, а также ремесленников и крестьян. Ораторы требовали провозглашения республики, создания европейской республиканской федерации. Аналогичные демонстрации происходили в некоторых других городах юго-запада Германии. На Гамбах были двинуты войска, наиболее активные участники демонстрации были арестованы. Союзный сейм по настоянию Меттерниха в июне—июле 1832 г. принял постановления, запрещавшие политические союзы, народные собрания и т. д. Сейм высказался за вооруженную поддержку тех немецких государей, которым угрожала революция [11].

Реакционные мероприятия Союзного сейма вызвали ответную волну протеста со стороны демократической интеллигенции и студенчества. Одним из проявлений этого протеста стали события во Франкфурте-на-Майне. В апреле 1833 г. небольшая группа студентов и присоединившихся к ним поляков-эмигрантов попыталась овладеть полицейским управлением и провозгласить всегерманскую республику. Подоспевшие войска подавили плохо подготовленное выступление.

[10] *K. Obermann.* Deutschland 1815—1849, S. 86.
[11] Ibid., S. 89.

В 30-х годах в Гессене и Дармштадте было основано тайное республиканское «Общество прав человека», во главе которого стояли участник студенческого революционного движения пастор Вейдиг и студент, впоследствии литератор, Георг Бюхнер. В общество, наряду с оппозиционно настроенными студентами и мелкими буржуа, входили также ремесленники. В 1834 г. Бюхнер составил антимонархическую программу общества, начинавшуюся революционным призывом: «Мир — хижинам! Война — дворцам!» Вскоре общество было разгромлено полицией.

«МОЛОДАЯ ГЕРМАНИЯ» И РОСТ ОППОЗИЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Вследствие преследований и репрессий многие революционные элементы начали покидать Германию. За границей они не прекращали своей деятельности, создавали организации, при помощи которых пытались наладить революционную работу в Германии. В апреле 1834 г. было основано общество «Молодая Германия» [12] являвшееся частью мадзинистской организации «Молодая Европа».

Первые документы этого общества — прокламации «К угнетенной Германии» и «К немецким солдатам» — в известной мере служили политическим и социальным кредо организации. Главным требованием «Молодой Германии» было покончить с княжеским деспотизмом и осуществить политическое и социальное равенство. Первая прокламация выдвигала и обосновывала необходимость отмены феодальных повинностей, введения свободы предпринимательской, торговой и промышленной деятельности, печати и собраний, выборности судей, чиновников и учителей. Конечная цель общества заключалась в установлении демократической республики путем революционного переворота, совершаемого вооруженными группами заговорщиков, которые должны были вторгнуться в Германию и, застав правительства врасплох, свергнуть их.

Этим идеям соответствовала организационная структура общества, зафиксированная в уставе. Согласно уставу, «Молодая

[12] *А. М. Бобков.* «Молодая Германия».— «Вопросы истории», 1955, № 12; см. также *H. Schmidt.* Die deutschen Flüchtlinge in der Schweiz und die erste deutsche Arbeiterbewegung. Zürich, 1899; *A. Feling.* Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution 1848. Rostock, 1922.

Германия» была строго конспиративным обществом. Во главе стоял Центральный комитет. Организация распадалась на клубы, находившиеся в различных кантонах. Устав предусматривал, что каждый член клуба обязан приобрести оружие; предательство каралось смертной казнью. Прием новых членов сопровождался сложным мистическим ритуалом.

Устав «Молодой Германии» находился в полном противоречии с практической деятельностью организации и с образом жизни ее членов — в подавляющем большинстве мирно настроенных ремесленников. На многолюдных собраниях, созываемых клубами общества, обсуждались политические вопросы, читались документы о положении в Германии, книги и брошюры. Такие собрания обычно заканчивались пением революционных песен.

Передовая часть немецких политических эмигрантов стремилась к перестройке организации на демократических началах, настаивала на исключении из устава таких требований, как приобретение членами общества оружия, смертная казнь за разглашение тайны и т. п. Разногласия внутри «Молодой Германии» были частью большого конфликта между сторонниками заговорщически-сектантской тактики и приверженцами идеи массовой пропагандистской политической организации, возникшего в те годы в европейском революционном движении.

Члены «Молодой Германии» установили тесную связь с широким кругом немецких ремесленников. Клубы «Молодой Германии» были организованы в Бёрне, Цюрихе, Женеве, Лозанне, Биле и других городах, которые являлись центрами промышленного производства.

27 июля 1834 г. члены «Молодой Германии» созвали в Штейнгольцли собрание ремесленников [13]. Собрание состоялось в день годовщины Гамбахского праздника и носило республиканский характер. Это событие имело далеко идущие последствия. Представители Священного Союза увидели в Штейнгольцском празднике «потрясение мира в Европе» и потребовали ареста и высылки всех членов «Молодой Германии».

Однако деятельность этой организации не только продолжалась и становилась все энергичнее, но и стала менять свое направление: преобладание в ней ремесленников привело к выдвижению на первый план экономических требований. Одновременно происходил и другой не менее важный процесс: «Молодая Германия» постепенно освобождалась от заговорщических традиций [14].

[13] *W. Kowalski.* Vorgeschichte und Entstehung des Bundes der Gerechten. Berlin, 1962, S. 87—88.
[14] *А. М. Бобков.* «Молодая Германия»..., стр. 100.

4 ноября 1835 г. близ Цюриха был убит тайный прусский агент студент Лессинг. Швейцарское правительство не смогло обнаружить виновников — не исключено, что они были связаны с прусской полицией. Тем не менее убийство Лессинга послужило поводом для разгрома «Молодой Германии». В 1836 г. швейцарское правительство приняло решение о высылке из страны всех эмигрантов, которые будто бы злоупотребляли правом убежища, нарушали внутреннее спокойствие Швейцарии и ее взаимоотношения с другими странами. Это решение было выполнено всеми кантонами. «Молодая Германия» прекратила свое существование.

Экономическое и политическое развитие германских государств усиливало оппозиционные настроения в кругах немецкой буржуазии, что особенно проявлялось в Рейнской Пруссии. Выразителем этих настроений стал прусский фабрикант и политический деятель, один из лидеров буржуазного либерализма 30—40-х годов, Давид Ганземан. В докладных записках на имя короля (1831—1840 гг.) и в публичных выступлениях Ганземан сформулировал политическую программу немецких либералов — созыв общепрусского представительного собрания, укрепление и расширение Таможенного союза, уничтожение вотчинной юстиции и других привилегий юнкерства. Политическим идеалом Ганземана была Июльская монархия во Франции. Предлагая превратить сословные провинциальные ландтаги в общепрусское представительное собрание, Ганземан отнюдь не выступал за ликвидацию монархии.

Политическая платформа немецкой буржуазии была, таким образом, весьма умеренной и верноподданнической. Но упорное нежелание монархов и юнкерства поступиться хотя бы частью своих позиций толкало буржуазию, особенно в Рейнской области, на борьбу против существующего строя. Определенный перелом в этом смысле произошел в 1840 г., когда пришедший к власти в Пруссии король Фридрих-Вильгельм IV полностью разочаровал либералов, возлагавших на него большие надежды [15].

Наиболее решительно выступала радикально настроенная мелкобуржуазная интеллигенция. Выразителем ее интересов было литературное направление, сложившееся в 30-х годах и получившее наименование «Молодая Германия». Его идейным вождем был Людвиг Бёрне. За ним шла группа молодых писателей и поэтов, среди них драматург Карл Гуцков. В противовес романтизму они отстаивали социальную значимость литературы.

Бёрне глубоко, искренне любил Германию, боролся за свободу, звал немцев к борьбе за политическое равенство. Но он не выдвигал при этом социалистических идеалов. Его «Парижские письма»

[15] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 25.

были боевым знаменем буржуазно-демократического переворота. Дальше этого Бёрне и его единомышленники не пошли.

Гораздо глубже понимал задачи социального прогресса великий поэт Генрих Гейне — «самый нежный лирик, какого Германия видела после юных дней Гёте, и притом сведущий ученик Гегеля», как говорил о нем Франц Меринг. Гейне приобрел широкую известность, как лирический поэт. Но в дальнейшем он показал себя также замечательным прозаиком. Преодолевая эстетические принципы романтизма, он в своих «Путевых картинах» и других сочинениях прокладывал путь новому литературному направлению — критическому реализму. Большое значение имели и литературно-критические работы Гейне.

С 1831 г. Гейне жил в эмиграции; но он никогда не порывал с родиной. Своим творчеством Гейне внес огромный вклад в борьбу с реакцией. Весь свой пафос, свой остро сатирический талант он обращал против феодальных режимов различных германских государств, против прусской военщины, против филистерства. Разоблачению этих зол посвящены такие жемчужины творчества Гейне, как поэма «Германия. Зимняя сказка» (1844) и др. Гейне понимал, что покончить с силами зла можно только революционным путем. Для идейного развития писателя решающим было знакомство в 1843 г. с Марксом и дружба с ним. Под влиянием Маркса укрепились революционные взгляды Гейне. Хотя он не во всем принимал коммунистические идеи (а подчас опасался их победы), все же считал, что только коммунисты способны покончить с деспотией и мракобесием. В стихотворении «Ткачи» Гейне горячо приветствовал первые выступления немецкого пролетариата; один из немногих в то время, он оценил огромное историческое значение этого события.

Другим талантливым представителем революционно-демократического направления в немецкой литературе 30-х годов был Георг Бюхнер (1813—1837). Хотя Бюхнер умер совсем молодым, он успел многое. Лучшее произведение Бюхнера — драма «Смерть Дантона», одно из наивысших достижений немецкой драматургии за всю ее историю. Здесь Бюхнер выступает убежденным сторонником якобинской диктатуры, хотя и понимает ее ограниченность. Бюхнер и в других своих произведениях с большой силой показывает остроту классовых противоречий, призывает к революционному преобразованию общества.

30-е годы ознаменовались расколом среди последователей и учеников Гегеля. Левое крыло — младогегельянцы — придавало главное значение диалектическому методу Гегеля и делало из его учения прогрессивные политические выводы. Однако их критика носила абстрактный, отвлеченный и потому ограниченный характер: они не шли дальше критического пересмотра истории религии,

происхождения христианства, личности Христа и т. п. Первые самостоятельные выступления немецкого пролетариата отбросили младогегельянцев вправо и довольно быстро превратили их в заурядных буржуазных либералов.

Иным оказался путь одного из крупнейших учеников Гегеля, Людвига Фейербаха (1804—1872) — философа-материалиста, примыкавшего на первых порах к левогегельянцам. Став на позицию радикальной интеллигенции, Фейербах вел непримиримую борьбу против идеализма и религии. Большое влияние на современников оказала его книга «Сущность христианства», вышедшая в свет в 1841 г.

«Надо было,— писал впоследствии Ф. Энгельс,— пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами» [16].

Восстановив материализм в своих правах, Фейербах, однако, не сумел распространить материалистическое мировоззрение на область общественных явлений. Справедливо критикуя идеалистическую систему Гегеля, Фейербах отбросил его диалектический метод. Наконец, социальные воззрения Фейербаха, отрицавшего классовую борьбу, не выходили за рамки туманной проповеди всеобщей любви и утверждения свойственного человеку от природы стремления к счастью.

НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ. ВОССТАНИЕ СИЛЕЗСКИХ ТКАЧЕЙ

Развитие капитализма в Германии сопровождалось довольно быстрым ростом числа рабочих. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1800 г. — 85 тыс. человек, в 1832 г. — 450 тыс., в 1848 г. — около 1 млн. [17], из них приблизительно 180 тыс. женщин и 100 тыс. детей. Тем не менее промышленные рабочие все еще составляли незначительную часть населения (например, в Пруссии около 3%). Главной массой трудящихся города были ремесленные подмастерья и полупролетарии, кустари, еще не порвавшие с землей. По данным 1846 г., в Пруссии насчитывалось 457 тыс. мастеров и самостоятельных предпринимателей, у которых работало 385 тыс. подмастерьев и учеников; кроме того, имелось 78 тыс. предприятий с 550 тыс. рабочих. Сами капиталистические предприятия, как правило, еще были мануфактурного, а не

[16] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 281.
[17] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 23.

фабричного типа. «Рабочий класс Германии,— писал Энгельс,— в своем социальном и политическом развитии в такой же мере отстал от рабочего класса Англии и Франции, в какой немецкая буржуазия отстала от буржуазии этих стран» [18].

Промышленный переворот нес немецким рабочим тяжелые бедствия. Продолжительность рабочего дня достигала на многих предприятиях 14—16 часов в сутки, заработная плата снижалась до голодного минимума, расчет обычно производился товарами. Рабочие страдали не только от развития капитализма, но и от недостаточности его развития. Города переполнялись разорившимися ремесленниками и крестьянами. Промышленность росла медленно и не могла поглотить массу свободных рабочих рук.

Тяжелое материальное положение пролетариата явилось объективной основой зарождения самостоятельного рабочего движения в Германии. Первые выступления немецких рабочих произошли в 30-х годах на Рейне, а также в Саксонии. Рабочие обрушивали гнев на машины, полагая, что их применение — причина бедственного положения трудящихся. Вскоре наметился переход к более совершенным формам борьбы; зарождалось стачечное движение. В 20-х годах в Германии было зарегистрировано 17 стачек.

В 30-е годы возникли организации ремесленников; с 1831 по 1840 г. образовалось 26 таких союзов, сразу подвергшихся репрессиям. В Гамбурге в 1832 г. был установлен строгий контроль за объединениями подмастерьев, а в 1835 г. они были распущены. В Бадене союзы были запрещены в 1833 г. Подобные же меры были приняты в Саксонии, Брауншвейге и других государствах. В 1830 г. в Берлине произошла демонстрация портных, вызванная арестом одного из подмастерьев. Вслед за своими английскими и французскими собратьями рабочий класс Германии поднимался на борьбу. Эта борьба начиналась в условиях более высокого социально-экономического развития, чем в Англии и Франции периода буржуазных революций XVII—XVIII вв.

Началом массового рабочего движения в Германии явилось восстание силезских ткачей 1844 г. Ткачи находились под двойным гнетом: с одной стороны, их эксплуатировал скупщик-предприниматель, с другой — местный помещик, которому ткачи платили пошлину за право заниматься ремеслом. В 1842 г. в Силезии произошло новое сокращение производства, вызванное трудностями сбыта текстильных товаров в Европе и США. Зимняя Лейпцигская ярмарка не оправдала ожиданий силезских промышленников, и 1843 г. принес с собой дальнейшее ухудшение конъюнктуры. Еще в январе 1844 г. пресса указывала, что предпринима-

[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 11.

«Штурм» (восстание силезских ткачей).
Рисунок Кетэ Кольвиц

тели Силезии не могут обеспечить работой тамошних ткачей и прядильщиков, и видела в этом основную причину бунтарских настроений среди рабочих Лангебилау [19]. С февраля 1844 г. безработица становилась всей сильней, заработки падали катастрофически — до 2—3 зильбергрошей в день. Но и этот нищенский заработок было очень трудно получить: товары не находили сбыта [20].

Тяжелое положение ткачей ловко использовали крупные предприниматели в целях наживы. Они не сокращали производство, а развертывали его, используя кризис для уничтожения более слабых конкурентов. В этом отношении выделялись Цванцигер в Петерсвальдау и братья Дириг в Лангебилау. Деятельность Цванцигера носила столь грабительский характер, что даже следственная комиссия, которая пришла к выводу, будто восстание 1844 г. было вызвано уголовными элементами, не смогла воздер-

[19] «Schlesische Provinzial-Blätter», 1844, N 1—2.
[20] *С. В. Кан.* Два восстания силезских ткачей. М., 1948, стр. 289.

жаться от обвинения фабриканта. Комиссия установила, что Цванцигер грубо обращался с ткачами, делал непомерно большие вычеты из их заработка, всегда выплачивал самую низкую, по сравнению с другими фабрикантами, зарплату [21].

В начале июня 1844 г. долго копившийся гнев вырвался наружу. Когда один из рабочих, распевавший под окнами Цванцигера песню «Кровавый суд», был схвачен и жестоко избит, толпа рабочих напала на дом и товарные склады ненавистного фабриканта. 5 июня ткачи двинулись из Петерсвальдау в Лангебилау и там разгромили ряд предприятий. При первом столкновении с войсками восставшие заставили солдат отступить. Восстание удалось подавить лишь после прибытия крупных воинских частей. Около 70 рабочих было схвачено, посажено в крепость и подвергнуто телесным наказаниям.

Силезские ткачи не ставили никаких целей политического характера. Недостаточная зрелость движения выражалась в наивном разделении хозяев-фабрикантов на «плохих» и «хороших», а также в отношении к прусскому государству. Многие из восставших сохраняли веру в короля, возлагали надежды на помощь со стороны центральной и местной власти.

Восстание было стихийным, во главе его не было никакой сколько-нибудь организованной группы. И все же ткачи внесли в движение элементы организованности и сознательности, которые и отличают восстание в Силезии от более ранних выступлений не только немецких, но также английских и французских рабочих.

Весть о событиях в Силезии быстро распространилась по всей Германии. Сопротивление, оказанное войскам восставшими, их уверенность в правоте своего дела вызвали тревогу среди немецких буржуа. У эксплуатируемых и угнетенных восстание нашло сочувственный отклик. Великий поэт-демократ Гейне написал знаменитое стихотворение «Ткачи», в котором он от имени голодающих рабочих посылал проклятие богу и королю, звал похоронить старую Германию, набросить на нее сотканный ими саван. С пролетарских позиций оценил восстание ткачей будущий член Союза коммунистов Вильгельм Вольф в статье «Волнение ткачей в Силезии (июнь 1844 г.)» [22].

Восстание ткачей ускорило процесс размежевания в лагере германской демократии, оно способствовало формированию ее пролетарского крыла. Мелкобуржуазные демократы, в частности младогегельянец Руге, дали силезскому восстанию резко отрицательную оценку [23]. Они стремились доказать, будто борьба рабочих в защиту своих классовых интересов ослабляет протест народа против абсолютизма. Это вызвало отпор со стороны К. Маркса, оценившего силезское восстание не как «голодный бунт», а как событие большого политического значения — начало самостоятельного рабочего движения в Германии [24]. Энгельс писал в 1845 г.: «Пролетарское движение развернулось с такой поразительной быстротой, что через год или два мы будем в состоянии устроить смотр славному отряду рабочих — демократов и коммунистов...» [25] Этот смотр действительно состоялся в памятные дни революции 1848 года.

[21] «Berliner Polizey- und Criminal-Zeitung», 8.VII 1847.
[22] *W. Wolf.* Der Aufruhr der Weber in Schlesien (Juni 1844) und andere Schriften. Berlin, 1958.

ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В самой Германии было крайне мало возможностей для образования революционных пролетарских организаций: слишком сильны были полицейские репрессии. Поэтому первые революционные союзы немецких рабочих и ремесленников возникли за границей. Разложение ремесла в Германии породило избыток ремесленников-подмастерьев, которые вынуждены были эмигрировать. В 40-х годах число их достигало полумиллиона. Поток эмигрантов из Германии направлялся преимущественно в Англию, Францию, Швейцарию, Америку. За границей, особенно во Франции, в Париже, немецкие подмастерья общались с передовыми пролетариями, усваивали идеи революционной демократии и социализма.

Число немцев, проживавших в 30-е годы в Париже, было очень велико. Немецкие ремесленники жили обособленными колониями, большинство из них не знали французского языка, стремились избегать контактов с французскими собратьями и через несколько лет возвращались в Германию.

Вторую группу немцев в Париже составляли политические эмигранты, литераторы, художники. По сравнению с ремесленниками их было немного. До середины 30-х годов эти две группы почти не соприкасались друг с другом. До Июльской революции 1830 г. ни те, ни другие не создавали никаких организаций, не участвовали они и в тайных объединениях французов.

Июльская революция, последовавшие за ней два восстания лионских ткачей, политические события внутри Германии акти-

[23] «Vorwärts», 27.VII 1844.
[24] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 443.
[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 557.

визировали деятельность немецкой политической эмиграции в Париже. Она стала охотно устанавливать контакты с тайными обществами французских республиканцев. Первое время в них входили только представители интеллигенции. Однако очень скоро в их составе появились и немецкие ремесленники [26].

Первая организация политических эмигрантов и ремесленных подмастерьев, поставившая своей целью борьбу за единство и свободу Германии, была основана в Париже в феврале 1832 г. Она приняла название Немецкий народный союз. Союз ставил своей целью поддержку эмигрантов, а также содействие немецкой демократической прессе путем периодического издания и распространения листовок [27]. В июле 1833 г. Немецкий народный союз приступил к регулярному изданию печатных листовок, которые должны были осведомлять народ о важнейших событиях политической жизни [28]. Эмиссары Союза — в большинстве случаев странствующие подмастерья — доставляли их в Баден, Пфальц, Гессен, Вюртемберг и Рейнскую область. Существовали связи с Северной Германией.

Немецкий народный союз был республиканско-демократической организацией, разделявшей программные положения французского «Общества прав человека» и ставившей своей целью достижение единства Германии. Летом 1833 г. направление деятельности и характер Союза определяли либералы, по преимуществу эмигранты из Южной Германии. С осени 1833 г. против идеологического господства либералов начали энергично выступать мелкобуржуазные республиканцы. Спор между ними ничем не окончился, когда в мае 1834 г. в связи с новым французским законом о союзах организация была распущена властями.

Но еще до этого, 2 мая 1834 г., группа активных деятелей Немецкого народного союза собралась, чтобы обсудить возникшее положение. На собрании было предложено создать тайную организацию — Союз отверженных и был обсужден предварительный проект устава.

Союз отверженных возник в виде строго конспиративной организации. Идейные позиции Союза, особенно в области социальных требований, отличались крайней неопределенностью [29]. Это отразилось, в частности, во втором параграфе устава, который гласил: «Целью Союза отверженных является освобождение Германии от ига позорного рабства и создание такого состояния, которое, на-

[26] *H. Ewerbeck.* L'Allemagne et les Allemands. Paris, 1851, p. 77.
[27] *W. Kowalski.* Vorgeschichte und Entstehung des Bundes der Gerechten. S. 41—42.
[28] *K. Obermann.* Deutschland 1815—1849, S. 97—99.
[29] См. *Е. П. Кандель.* Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов. М., 1953, стр. 41.

сколько вообще возможно человеческое предвидение, мешало бы возвращению к рабству. Достижение этой главной цели возможно только при установлении и сохранении социального и политического равенства, свободы, гражданской добродетели и народного единства первоначально в тех странах, где господствует немецкий язык и обычаи, впоследствии же и у всех остальных народов земного шара» [30]. В прокламациях ставилась задача свержения монархических режимов в германских государствах и создания единой германской республики. Социальные вопросы нашли в документах этой организации очень слабое отражение [31].

Центр Союза отверженных находился в Париже, но его ячейки имелись в Германии. Они действовали в Бремене, Ганновере, Гамбурге, Лейпциге, Майнце, Мюнхене, Франкфурте-на-Майне [32].

В середине 30-х годов в Союзе отверженных произошел раскол, явившийся результатом конфликта между мелкобуржуазным и пролетарским направлениями в организации. Второй причиной раскола были разногласия по организационным вопросам. Иерархическая организация Союза отверженных вызывала недовольство со стороны рядовых его членов, объединенных в «палатки». «Главный очаг» обсуждал вопрос о коррективах устава, но вынес решение о сохранении существовавшей структуры, что вызвало многочисленные протесты и отпадение от Союза отдельных «палаток» и «лагерей».

Этот отход начался в 1836 г. и в течение года привел к образованию новой организации — Союза справедливых. В 1838 г. он принял устав. Этот документ свидетельствовал о большом прогрессе в области демократизации организационной структуры. В нем уже сказывались характерные черты самостоятельной рабочей организации [33].

Однако в Союзе справедливых сохранились пережитки мистицизма и заговорщичества, свойственных самому раннему периоду рабочего движения. Характеризуя эту организацию, Ф. Энгельс писал, что она представляла собою «наполовину пропагандистское, наполовину заговорщическое общество» [34]. Союз находился в тесной связи с бланкистским «Обществом времен года», однако,

[30] *L. F. Ilse.* Geschichte der politischen Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1860, S. 571.
[31] См. *А. М. Бобков.* К истории раскола Союза отверженных в 1836—1837 годах.— «Новая и новейшая история», 1959, № 5.
[32] *D. Silbernagel.* Die geheimen politischen Verbindungen der Deutschen in der ersten Hälfte des neunzehnten Jahrhunderts.— «Historisches Jahrbuch», Bd. XIV, 1893, S. 808.
[33] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 30.
[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 215.

несмотря на сильное влияние бланкизма, имел свою собственную, отличную от бланкистской, коммунистическую концепцию, изложенную и обоснованную в трудах Вильгельма Вейтлинга.

Вильгельм Вейтлинг был одним из наиболее ярких идеологов раннего этапа рабочего движения. В своих трудах он отразил настроения и чаяния пролетаризирующихся ремесленников, еще не связанных с наиболее передовой формой производства того времени — капиталистической фабрикой.

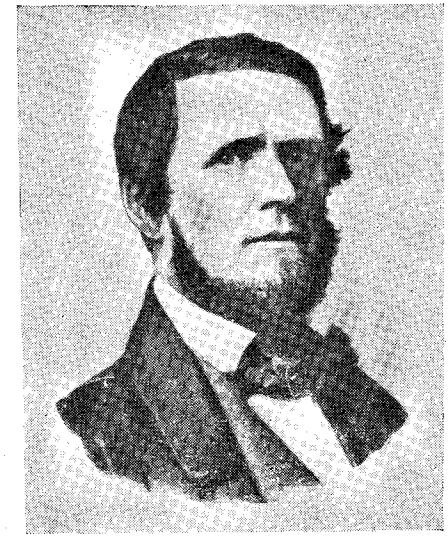
Вейтлинг завершил плеяду великих социалистов-утопистов и одновременно стал первым рабочим вождем международного масштаба. Как все утописты, он полагал, что наступление коммунизма неизбежно, раз логически доказано, что он является лучшей формой организации человеческого общества. Более того, коммунизм может быть достигнут немедленно, вне зависимости от сложного комплекса факторов общественного развития. Поэтому Вейтлинг искал пути немедленного проведения коммунизма в жизнь, и эти поиски, оторванные от реальности, часто приводили его, как и других утопистов, к абсурду. Но в момент наивысшего развития своей деятельности он делал упор на противоречиях между угнетенными и угнетателями, между владельцами частной собственности и неимущими, пропагандировал классовую борьбу и стремился направить энергию трудящихся на осуществление своей утопии.

Вейтлинг пытался объединить социализм с рабочим движением. Все его усилия как в устной, так и в письменной пропаганде были направлены к тому, чтобы развивать пролетарское классовое сознание среди немецких рабочих. Позитивная роль Вейтлинга на раннем этапе рабочего движения и социализма не подлежит сомнению.

Еще будучи членом Союза отверженных, Вейтлинг активно участвовал в деятельности его левого крыла, был одним из инициаторов раскола общества и организаторов Союза справедливых. По поручению руководства Союза Вейтлинг написал брошюру «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть» [35], которая стала программным документом Союза. Вейтлинг чрезвычайно удачно отразил жизненные условия немецких рабочих и те идейные влияния, которые они испытывали тогда во Франции.

В декабре 1842 г. он выпустил другую работу «Гарантии гармонии и свободы» [36], которую К. Маркс и Ф. Энгельс оценили как первое самостоятельное теоретическое выступление германского пролетариата. К. Маркс в 1844 г. писал: «Где у буржуазии, вместе с ее философами и учеными, найдется такое произведение об эмансипации буржуазии — о *политической* эмансипации, — которое было бы подобно книге Вейтлинга *«Гарантии гармонии и свободы»*? Стóит сравнить банальную и трусливую посредственность немецкой политической литературы с этим *беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих, стóит сравнить эти гигантские *детские башмаки* пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать *немецкой Золушке* в будущем *фигуру атлета»* [37].

[35] См. *В. Вейтлинг.* Гарантии гармонии и свободы. М., 1962, стр. 439—496.
[36] См. там же, стр. 61—435.



Вильгельм Вейтлинг

Окончив работу над «Гарантиями гармонии и свободы», Вейтлинг счел свои творческие поиски завершенными. Система нового общества была открыта и обоснована. Задача состояла в том, чтобы претворить ее в жизнь. Здесь-то и возник в голове Вейтлинга сумасбродный план коммунистической революции, совершаемой люмпен-пролетариями. Проект этот вызвал резкое и единодушное осуждение деятелей Союза справедливых, и Вейтлинг отказался от его осуществления, но с идеей «разбойничающего пролетариата» он расстаться так и не смог.

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 443—444.

СОЗДАНИЕ СОЮЗА КОММУНИСТОВ

В мае 1839 г. Союз справедливых принял участие в бланкистском восстании в Париже, после поражения которого наиболее видные деятели Союза были высланы из Франции. Они эмигрировали в Лондон и здесь восстановили организацию. Руководители Союза справедливых испытывали глубокое разочарование в бланкизме, особенно в его заговорщических методах. Это привело их к другой крайности — к отрицанию революционного насилия вообще. 21 сентября 1844 г. они направили в редакции ряда немецких газет письмо, выражая сожаление по поводу силезского восстания. «Мы видим, — писали они, — что такие локальные восстания не могут принести нашему сословию тех прав, которые принадлежат ему и которых оно стремится добиться... Мы хотим выбраться из этого омута, в котором уже столь давно находится наше сословие, не путем насилия, а посредством собственного просвещения, хорошего воспитания наших детей» [38].

Деятели Союза не смогли самостоятельно выработать новое революционное мировоззрение, их теоретические взгляды были неустойчивы и противоречивы. Стремясь чем-то заменить вейтлингианство, они решили приступить к обсуждению книги Ф. Фейербаха «Принципы философии будущего» [39]. Однако и изучение философии Фейербаха, который в вопросах общественного развития оставался идеалистом, не могло удовлетворить членов Союза, и они продолжали поиски. В этот период, когда руководители Союза справедливых К. Шаппер, И. Молль, Г. Бауэр безуспешно пытались выработать новую социальную доктрину и новую программу для своей организации, они впервые встретились с Ф. Энгельсом. Ф. Энгельс с большой теплотой вспоминал об этом знакомстве: «Это были первые революционные пролетарии, которых я видел... Я никогда не забуду импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда сам я еще только хотел стать человеком» [40]. Встреча произошла в 1843 г. Понадобилось, однако, еще четыре года, чтобы деятели Союза смогли порвать с утопическими воззрениями и принять систему научного коммунизма.

[38] «Dokumente zur Geschichte des Bundes der Kommunisten». Berlin, 1957, S. 65—66.

[39] *F. Feuerbach.* Religion der Zukunft. Zürich und Winterthur, 1843. Фридрих Фейербах (Friedrich Heinrich Feuerbach, 1806—1880) — брат Людвига Фейербаха, немецкий писатель. По специальности филолог, но много занимался философией, в области которой был сторонником своего брата. По его словам, «проповедовал то, чему учил его брат».

[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 216.

Таким образом, Союз справедливых хотя и являлся организацией наиболее активных и передовых немецких пролетариев, не превратился в боевую организацию, так как его деятели, не вооруженные передовой теорией, оказались бессильны преодолеть мелкобуржуазные и утопические системы. Чтобы превратить Союз в действительно революционную организацию, необходимо было идейно разгромить антинаучные концепции, а затем вооружить рабочих передовой теорией. То и другое было сделано основоположниками научного коммунизма Марксом и Энгельсом. Используя созданный ими в Брюсселе коммунистический корреспондентский комитет, они развернули борьбу за преодоление антинаучных, псевдосоциалистических доктрин.

Первый удар был нанесен по вейтлингианству. Вейтлинг приехал в Брюссель по приглашению Маркса. Вероятно, Маркс еще надеялся, что Вейтлинг сумеет преодолеть свои порочные воззрения и стать полезным для рабочего движения.

Однако Вейтлинг продолжал упорствовать в своих ошибках, крайне нетерпимо относился к критике, высокомерно третировал чужие аргументы и все больше и больше занимал в отношении Маркса и Энгельса открыто враждебную позицию. Взгляды Вейтлинга были подвергнуты критике на заседании Брюссельского комитета 30 марта 1846 г. Критикуя Вейтлинга, Маркс и Энгельс доказывали, что путь революционного движения — это массовая политическая борьба, опирающаяся на научно обоснованную программу, а не на фантастические планы преобразования общества, осуществляемого путем заговоров.

Идейная эволюция Союза справедливых, несомненно, шла в целом в правильном направлении. Но на этом пути были весьма значительные препятствия, одним из них было влияние «истинного социализма». «Истинный социализм» — одно из направлений реакционного мелкобуржуазного социализма, имевшего широкое распространение в Германии накануне революции 1848 г. среди радикальной буржуазии, мелкобуржуазной демократии, а также среди деятелей Союза справедливых. «Истинные социалисты» выступали против политической борьбы, против демократического движения, критиковали буржуазию с реакционных позиций и объективно служили орудием в руках правительства в борьбе против либеральных стремлений немецкой буржуазии. Маркс и Энгельс решительно выступили против этого направления в «Циркуляре против Криге» (1846 г.) [41], сыгравшем большую роль в деле высвобождения членов Союза справедливых из-под влияния «истинного социализма» и принятия ими основных принципов научного коммунизма.

[41] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 1—16.

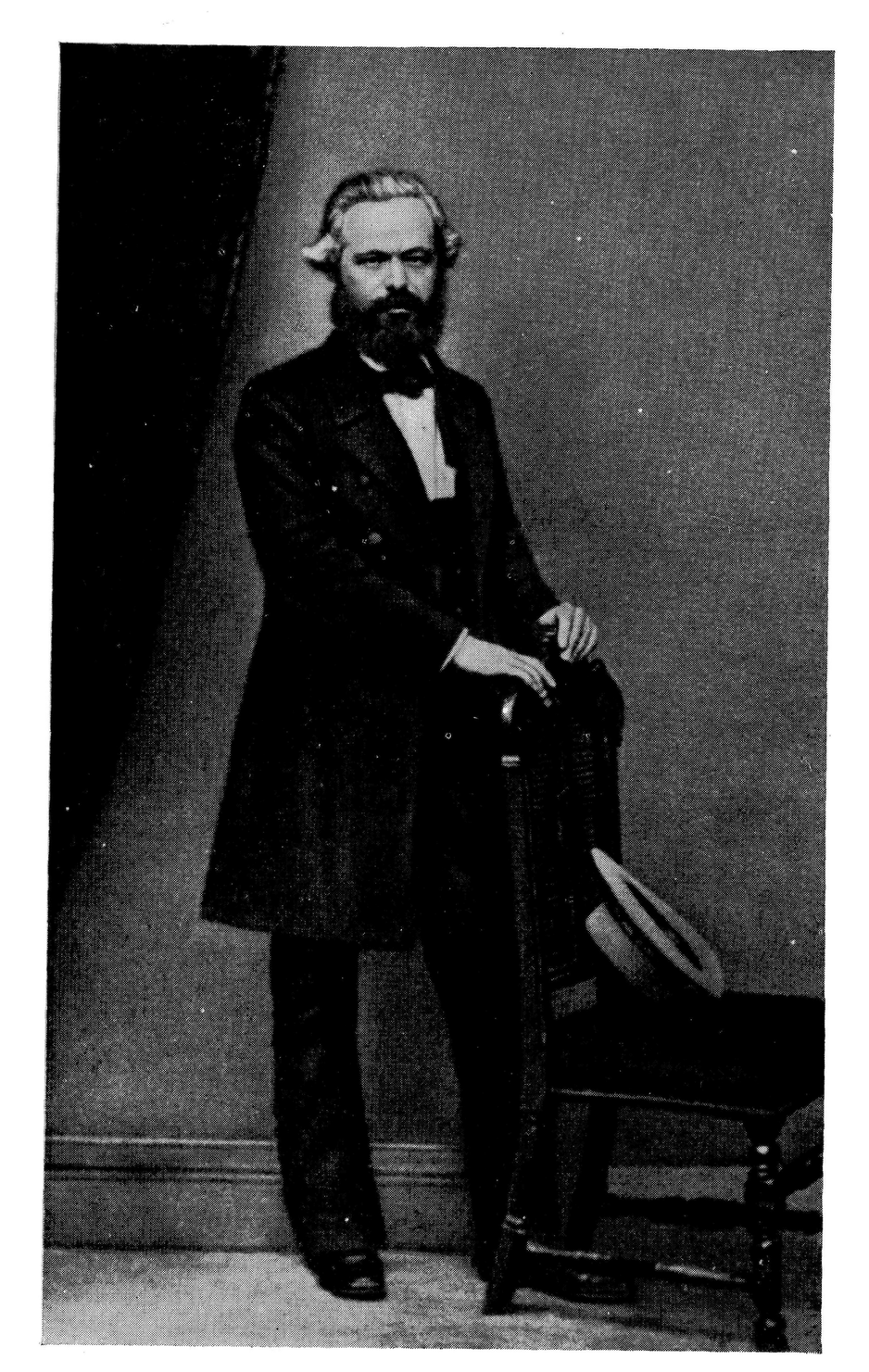
Так в борьбе с различными враждебными течениями в Союзе коммунистов вырабатывалось подлинно научное пролетарское мировоззрение. Это было величайшей заслугой Маркса и Энгельса, к которым руководители Союза справедливых еще в январе 1847 г. обратились с предложением вступить в организацию, принять участие в разработке ее программы и в реорганизации [42]. Основоположники научного коммунизма, ранее неоднократно отклонявшие предложение о вступлении в Союз ввиду несогласия с его программными и тактическими положениями, на этот раз дали положительный ответ, но сопроводили свое согласие рядом условий. «Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов, — писал Маркс, — произошло под тем непременным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами...» [43] Они также настаивали на том, чтобы из устава были исключены все элементы сектантства и заговорщичества.

В феврале 1847 г. руководство Союза справедливых выпустило обращение, в котором заявлялось о решительном разрыве с вейтлингианством и «истинным социализмом» и сообщалось, что на 1 июня 1847 г. назначен конгресс Союза справедливых.

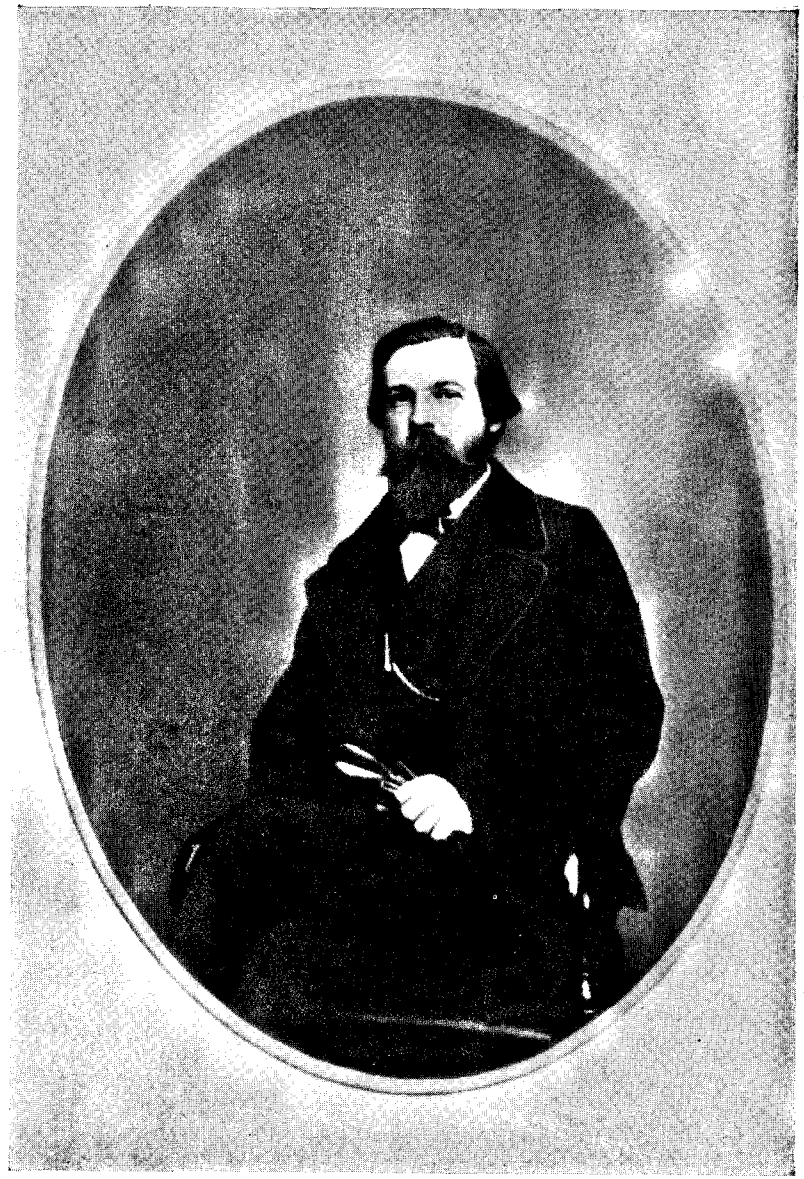
Первый конгресс Союза справедливых состоялся в Лондоне. Основным вопросом, обсуждавшимся здесь, был проект нового устава [44]. По предложению Ф. Энгельса конгресс принял первую статью устава, гласившую: «Целью Союза является: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества, без классов и без частной собственности» [45].

Из устава был удален весь сложный, полумистический ритуал приема. Отныне вступающий должен был ознакомиться с уставом и дать честное слово, что он будет добросовестно выполнять обязанности члена организации. Серьезные изменения претерпела структура Союза. В уставе был строго проведен принцип выборности и сменяемости. Демократическая организация Союза закрывала путь всякому стремлению к заговорам, требующим диктаторского централизма. Проект устава был передан на рассмотрение общин и подлежал утверждению на II конгрессе. Было принято решение об исключении сторонников Вейтлинга.

[42] «Союз коммунистов — предшественник I Интернационала». М., 1964, стр. 129.
[43] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 241.
[44] «Demokratisches Taschenbuch für das deutsche Volk». Leipzig, 1849, S. 290—299.
[45] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 524.



Карл Маркс



Фридрих Энгельс

По предложению Маркса и Энгельса конгресс принял решение о переименовании Союза справедливых: отныне он стал именоваться Союзом коммунистов. Прежний девиз Союза «Все люди братья», отражавший старое направление утопического коммунизма, был заменен боевым призывом Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Впервые в истории была создана небольшая, но подлинно революционная марксистская организация, положившая начало соединению марксизма с рабочим движением.

29 ноября 1847 г. начал свою работу II конгресс Союза коммунистов, который поручил Марксу и Энгельсу составить программу. Выработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом «Манифест Коммунистической партии» представляет собой первый программный документ научного коммунизма, в котором дано цельное изложение всех трех сторон марксизма — философии, политической экономии и социализма. В Манифесте сделаны гениальные выводы о непримиримости классовой борьбы в буржуазном обществе, о неизбежности пролетарской коммунистической революции, о всемирно-исторической миссии пролетариата как создателя нового общества [46].

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

1847 год был неурожайным, вместе с тем это был год торгово-промышленного кризиса, тяжело отразившегося на всех германских государствах. Положение трудящихся масс стало еще более тяжелым.

Голодали многие тысячи рабочих и крестьянских семей, в отдельных местностях от систематического недоедания и связанных с ним болезней вымирали целые деревни. На грани голодной смерти оказалась значительная часть населения Силезии и Восточной Пруссии. Острая нужда царила в Оденвальде и Шварцвальде — традиционных районах крестьянских восстаний.

Весной 1847 г. во многих городах Германского союза произошли голодные бунты: тысячи людей выходили на улицы, чтобы выразить свой протест против голода и лишений. 21 и 22 апреля 1847 г. в Берлине происходила «картофельная война», в ходе которой были разгромлены продовольственные магазины. Это движение выходило далеко за рамки сведéния счетов с купцами, бессовестно наживавшимися на голоде народных масс: демонстранты вы-

[46] *H. Förder.* Marx und Engels am Vorabend der Revolution. Die Ausarbeitung der politischen Richtlinien für die deutschen Kommunisten (1846—1848). Berlin, 1960.

били стекла во дворце прусского престолонаследника, впервые улицы прусской столицы огласились криками: «Революция!» Власти подняли на ноги почти весь столичный гарнизон [47].

Берлинские события нашли отклик в других прусских городах — Галле, Мерзебурге. В мае волнения распространились на города Вюртемберга, где кровавые столкновения с полицией стали частым явлением. Смело и энергично проявляли свое недовольство трудящиеся массы — крестьяне, ремесленники и прежде всего рабочие. В Мангейме в начале 1848 г. полиция обнаружила клуб «рабочих-коммунистов», в Силезии был раскрыт заговор, возглавляемый столяром Вурмом. Прокламации заговорщиков звали рабочих и крестьян на решительную борьбу против дворянства, попов и богачей. Главные признаки революционной ситуации: обострение нужды и бедствий трудящихся классов выше обычного уровня и резкое повышение в связи с этим их революционной активности — были налицо. Имел место и кризис «верхов», кризис политики господствующих классов. Либеральная буржуазия требовала созыва общепрусского сословного представительства, укрепления и расширения Таможенного союза, уничтожения юнкерских привилегий.

Особенно сильной была оппозиция прусской буржуазии. Королевское правительство испытывало серьезные финансовые затруднения: казна была пуста, а банкиры отказывали в займах, требуя гарантий со стороны представительного собрания. В апреле 1847 г. Фридрих-Вильгельм IV был вынужден созвать в Берлине представителей всех сословий. Однако при открытии Соединенного ландтага король в своей речи подчеркнул ограниченность задач, поставленных перед депутатами, и подтвердил незыблемость королевской власти и других институтов монархии. «Я никогда не позволю, — говорил король, — чтобы между господом, нашим небесным владыкой, и этой страной стал, словно второе провидение, исписанный лист бумаги и чтобы его параграфы правили нами. Корона не может и не должна зависеть от воли большинства... Я не позвал бы вас, если бы хоть в малой степени предполагал, что вы вздумаете играть роль так называемых народных представителей» [48]. Речь короля вызвала резкое недовольство большинства депутатов, и они отказали правительству в кредитах. Фридрих-Вильгельм IV распустил несговорчивый ландтаг. Престиж королевской власти, явно растерявшейся перед лицом растущего оппозиционного движения, резко падал. Революционный взрыв в Пруссии неумолимо надвигался.

[47] «Einheit und Freiheit. Die deutsche Geschichte von 1815—49 in zeitgenössischen Dokumenten dargestellt». Berlin, 1950, S. 210—213.
[48] Ibidem.

Подобные явления происходили и в других государствах Германского союза; повсюду усиливались возбуждение в «низах» и растерянность в «верхах» общества. Особенно рельефно признаки революционной бури проявились на юго-западе Германии: в Бадене, Баварии, Гессен-Дармштадте, Вюртемберге — в областях, пограничных с Францией и Швейцарией, где было немало революционных немецких эмигрантов.

С весны 1847 г. в Бадене появились брошюры и листовки, призывавшие народ к революции. В этих документах была намечена программа революционных действий. Она предусматривала провозглашение республики, арест и уничтожение врагов народа, захват княжеской казны, вооружение народа и т. д. Среди крестьян распространялись прокламации, призывавшие к уничтожению чиновничества и дворянства, к созданию «свободного государства».

Народное движение достигло таких размеров, что в среде буржуазной оппозиции, совсем недавно выступавшей единым фронтом, наметился раскол. Ее умеренное крыло, группировавшееся вокруг «Немецкой газеты», редактируемой Гервинусом, вело борьбу за создание единого немецкого национального государства в форме конституционной монархии. Левое, радикальное крыло буржуазной оппозиции, возглавляемое республиканцами-демократами Г. Струве, Ф. Геккером, Л. Брентано, Фиклером и др., предусматривало устранение различий между сословиями и улучшение материального положения беднейших слоев общества. Струве призывал народ не останавливаться ни перед какими жертвами, использовать революционные методы борьбы.

12 сентября 1847 г. в Оффенбурге состоялся съезд политических единомышленников Струве, принявший программу народных требований. Этот документ в своей основе воспроизводил политическую платформу французской республиканской буржуазно-демократической партии, группировавшейся вокруг газеты «Реформа». Оффенбургская программа требовала демократических прав для народа, полной свободы печати, неограниченной свободы ассоциаций, вооружения народа, уничтожения всех привилегий дворянства, ликвидации феодальных отношений. Программа содержала также требование введения подоходно-прогрессивного налога, «уничтожения противоречий между трудом и капиталом», она провозглашала обязанность общества «защищать труд» [49].

Начало организационного оформления партии мелкобуржуазных республиканцев завершило раскол антиправительственной оппозиции. В октябре 1847 г. в Геппенгейме собрался съезд умеренных либералов юго-западной Германии. Он проходил под

[49] Ibid., S. 214.

знаком борьбы против оффенбургской программы. В работе съезда приняли участие представители прусской буржуазии Ганземан и Мефиссен, стремившиеся к организационному сближению умеренных либералов южной и северной Германии.

Весьма своеобразно развивались предреволюционные события в Баварии. Несмотря на существование конституции, формально ограничивавшей королевскую власть, в стране царил полный полицейский произвол, цензура решительно пресекала всякое подобие свободы печати. Разложение королевской власти достигло предела. В конце 40-х годов при дворе престарелого короля Людвига I Виттельсбаха появилась испанская танцовщица Лола Монтес, которая вскоре присвоила себе функции, далеко выходящие за круг обязанностей королевской любовницы. Лола назначала и смещала чиновников, формировала по своему вкусу министерства, распоряжалась университетом и мастерски разоряла королевскую казну. Все это делалось открыто, с наглостью, присущей зарвавшейся авантюристке. В феврале 1848 г. король был вынужден согласиться на высылку Монтес за пределы Баварии, но ее отъезд не принес желаемого результата: монарх был окончательно и бесповоротно дискредитирован в глазах подавляющего большинства населения.

Предгрозовое время переживали монархии в Вюртемберге и Гессен-Дармштадте. Дарованные королем Вильгельмом I Вюртембергским и великим герцогом Людвигом II Гессенским конституции вовсе не ограждали подданных от гнета самодержцев. Семейные связи обоих монархов с русским царем поддерживали реакционный внутриполитический курс. И здесь буржуазная оппозиция активизировалась. Особенно энергично выступали с требованиями реформ мелкобуржуазные республиканцы, единомышленники Струве. Включались в движение и народные массы: в мае 1847 г. поднялись на борьбу рабочие и ремесленники Штутгарта. Вооруженные чем придется, они воздвигали баррикады. Попытка короля обратиться к восставшим окончилась для него неудачно — народ встретил монарха градом камней. Восстание было подавлено лишь в результате вмешательства воинских частей.

К началу 1848 г. революционная ситуация всегерманского масштаба вполне сложилась, взрыв революции был неизбежен. Главными задачами надвигавшейся революции были воссоединение страны, ликвидация феодальной раздробленности, установление единой, демократической республики.

7

БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ.

Известия о революционных событиях в Италии и о падении монархии во Франции послужили сигналом к началу революции в Германии. Наиболее сильное впечатление они произвели в государствах запада и юго-запада страны.

Первыми выступили жители великого герцогства Баденского. 27 февраля 1848 г. в Мангейме состоялся многолюдный митинг, который предъявил правительству ряд требований демократического характера; главными из них были: созыв общегерманского парламента, провозглашение свободы печати, введение суда присяжных, вооружение народа. Вслед за Мангеймом поднялись другие города, и правительство поспешило пойти на уступки, объявив об отставке наиболее реакционных министров и замене их представителями буржуазии. К середине марта власть в Бадене оказалась в руках либералов.

В начале марта подобные же события произошли в Гессен-Дармштадте и Вюртемберге. В результате народного движения в обоих государствах были сформированы новые министерства, в состав которых вошли деятели либеральной оппозиции. В Саксонии и Баварии были образованы коалиционные министерства из либералов и старой бюрократии.

Быстрая и легкая на первых порах победа либеральной буржуазии в западных и юго-западных землях Германии была следствием дружного выступления народных масс, особенно крестьянства, добивавшегося ликвидации феодальной системы. 4 марта начались выступления крестьян в северных округах Бадена — Крайгхау и Оденвальде. 6 марта восстали крестьяне Неккарбишофсхейма. Вскоре вся область между Майном, Таубером и Неккаром была охвачена крестьянскими волнениями. Крестьяне за-

хватывали помещичьи замки, сжигали феодальные книги и документы, заставляли крупных землевладельцев отказываться от своих прав и привилегий. Такой же характер и те же формы приняло движение на юге Бадена, в Озерном крае[1]. 10 марта 1848 г. правительство Бадена поспешно провело через палату закон об отмене феодальных платежей и повинностей; крестьяне удовлетворились этими уступками, и движение пошло на убыль.

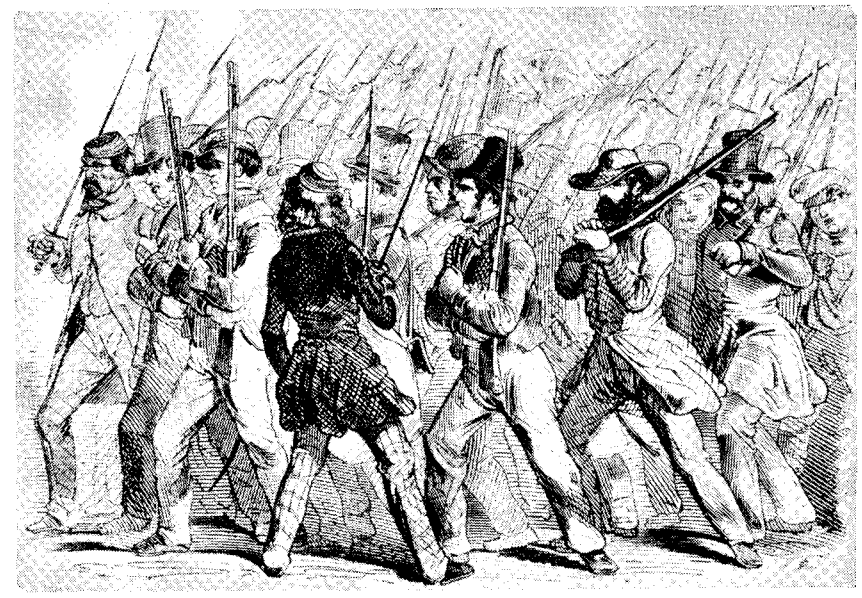
В государствах запада и юго-запада Германии пролетарская струя в революционной борьбе была незначительна. Гораздо отчетливее проявилась она в Пруссии, где разыгрались главные события революции 1848—1849 гг.

РЕВОЛЮЦИЯ В ПРУССИИ

Началом массовой революционной борьбы в Пруссии и первым крупным выступлением рабочего класса Германии в этот период стали события в Кёльне. Вечером 3 марта 1848 г. многочисленная демонстрация приблизилась к помещению ратуши, где в то время «отцы города» обсуждали проект реформ с целью предотвращения беспорядков. Часть демонстрантов проникла в здание ратуши. От имени народа член Союза коммунистов Андреас Готшальк передал городскому совету петицию с требованием всеобщего избирательного права, свободы слова и прессы, упразднения постоянного войска и замены его вооруженным народом, права союзов, «защиты труда и обеспечения всех человеческих потребностей для всех», воспитания детей на общественный счет. При вручении петиции Готшальк произнес речь, указав, что он является представителем «рабочего класса» и передает требования «четвертого сословия», достойнейшего из всех сословий, а не «народа», ибо этим словом «слишком часто злоупотребляли привилегированные классы»[2].

Под давлением присутствовавшего в ратуше простого народа, среди которого большинство составляли рабочие, магистрат был вынужден пригласить Готшалька принять участие в обсуждении петиции. После успокоительных слов Готшалька рабочие покинули зал и на площади перед ратушей организовали митинг. С пламенными речами обратились к демонстрантам коммунисты А. Виллих и Ф. Аннеке. Магистрат приступил к обсуждению петиции.

[1] *С. Б. Кан.* Революция 1848 года в Австрии и Германии. М., 1948, стр. 55—56.
[2] *H. Stein.* Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Köln, 1921, S. 27.



Вооруженная демонстрация в Южной Германии

Современная гравюра

Члены совета, ставшие куда более смелыми после того, как рабочие оставили зал, с негодованием отвергали один пункт за другим. Переговоры еще не закончились, как в зал устремилась многочисленная толпа с криком: «Солдаты! Они уже одного убили!» Члены магистрата вынуждены были спасаться бегством. Прибывшие к месту происшествия войска и полиция очистили площадь, а затем и помещение ратуши.

Таким образом, 3 марта в Кёльне произошла грандиозная демонстрация, далеко превосходившая по своим масштабам все предшествующие события в южногерманских государствах. «Кёльнский мятеж» существенно отличался и своим характером: главную роль играли в нем рабочие. Выступление в Кёльне, руководимое коммунистами, имело важное значение для последующего развития революционной борьбы в Германии: за кёльнскими событиями последовали выступления трудящихся города и деревни в различных частях страны.

6 марта в берлинском Тиргартене по призыву группы молодых демократов собралась передовая молодежь города. Было решено

составить особую петицию. Новое собрание, состоявшееся 7 марта, оказалось значительно более многолюдным. Несколько сот ремесленников, торговцев, студентов после длительного обсуждения приняли документ, но уже не от имени молодежи, как предполагалось ранее, а от имени всего берлинского населения. Петиция требовала равенства всех граждан перед законом, народного представительства, скорейшего созыва Соединенного ландтага, провозглашения амнистии и политических свобод. Делегация, избранная для передачи петиции, не была допущена к королю.

Тогда 9 марта третье собрание берлинцев — наиболее многолюдное — решило вручить петицию городским советникам, которые должны были представить ее королю. Однако собрание городских советников Берлина, почти целиком состоявшее из умеренных бюргеров, не согласилось участвовать в передаче королю требований демократического характера.

В первые дни марта ни характер этих требований, ни размах движения еще не угрожали существованию королевской власти. Однако в движение втягивались широкие слои рабочих; передовые пролетарии Берлина уже выступали на собраниях в Тиргартене со своими лозунгами. Они говорили о тяжелом положении трудового народа, угнетаемого ростовщиками и фабрикантами, и выдвигали требование создания министерства труда, призванного защитить их от эксплуатации[3]. Эти выступления вызывали страх и тревогу не только при дворе, но и в буржуазной среде. «Кто знаком с настроениями рабочих, — писала одна из немецких газет того времени,— тот знает, что надвигается ураган, по сравнению с которым французская буря только дуновение ветра!» 7 марта «Фоссише цейтунг» призывала рабочих не участвовать в уличных беспорядках. «Только порядок и мир принесут работу», — писала она[4].

При дворе Фридриха-Вильгельма IV царила растерянность, которая, однако, не означала готовности к уступкам. Особенно непримиримо была настроена военщина, которая явно провоцировала конфликт, надеясь вооруженным путем подавить народное движение и восстановить «порядок». Военное командование с 13 марта приступило к реализации своих провокационных планов.

В этот день отряд кирасир внезапно атаковал участников массового собрания в Тиргартене, расходившихся по домам. Один человек был убит, несколько ранено. На следующий день военный губернатор и полицей-президент опубликовали указ о запрещении

[3] *K. Obermann.* Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin 1953, S. 122.

[4] «Революции 1848—1849 гг.», т. I. М., 1952, стр. 281—282.

Мартовская революция в Берлине. Баррикада на Фридрихштрассе

уличных демонстраций. Войска вновь и вновь разгоняли народ. 15 и 16 марта они пустили в ход огнестрельное оружие. Число жертв сильно возросло. Король и его ближайшие друзья полагали, что дело идет к окончательному подавлению движения. Правда, тактику вооруженных репрессий одобряли не все сторонники правительства: некоторые из них убеждали короля пойти на уступки.

Утром 15 марта среди берлинцев стали распространяться, пока в виде слухов, известия о революции в Австрии. На другой день уже все знали о падении Меттерниха и о рабочих выступлениях в предместьях австрийской столицы. Эти новости внушали бодрость, уверенность, решимость бороться за свои требования. Движение возобновилось с новой силой. Народ готовился к решительным действиям.

В королевском дворце шли пререкания между крайними реакционерами, стремившимися подавить движение силой оружия, и сторонниками реформ и уступок. Вечером 17 марта в Берлин прибыл обер-президент Рейнской провинции Эйхман с докладом о событиях в Кёльне; он информировал о накале революционных

страстей на Рейне и предупредил, что, если реформы запоздают, можно ожидать отпадения провинции от Пруссии[5]. Король был вынужден уступить. В ночь на 18 марта он подписал два указа. Первый из них предусматривал созыв Соединенного ландтага, введение конституции, уничтожение таможенных перегородок внутри страны и некоторые другие реформы; вторым указом отменялась цензура. Напуганная размахом народного движения буржуазия встретила королевские указы бурным ликованием и поспешила объявить революцию законченной.

Однако требования трудящихся оказались невыполненными, и уступки не внесли успокоения в массы. 18 марта большая толпа рабочих и ремесленников появилась на площади перед королевским дворцом и потребовала удаления войск из столицы. Против демонстрантов были двинуты гвардейские части. Народ стал строить баррикады. Сражение длилось 16 часов. К утру 19 марта выяснилось, что королевские войска не имеют никаких шансов на победу. Фридрих-Вильгельм IV опубликовал воззвание, в котором обещал немедленно вывести войска из города. В течение дня гвардейские полки покинули столицу. Народ победил, но победа досталась нелегко; только убитых насчитывалось более 400 человек, а число раненых превышало тысячу.

На данном этапе планы крайних реакционеров раздавить народное движение, опираясь на армию, потерпели крах. Пруссачество понесло тяжелое поражение. Король и многие юнкеры поняли необходимость объединения усилий с либералами и пошли на временный компромисс с ними. Выражением этого компромисса явилось создание 29 марта правительства во главе с лидером рейнских либералов Кампгаузеном. Министром финансов стал Ганземан, большинство портфелей досталось представителям обуржуазившейся аристократии. Ф. Энгельс подчеркивал, что с приходом к власти либералов в прежней «бюрократической системе государственного управления не было произведено ни малейшей перемены»[6]. Новое министерство, выполняя волю крупной буржуазии, стало проводить политику, направленную на защиту монархии от натиска народных низов. Эта политика маскировалась рассуждениями о «всеобщем примирении», а на деле помогала сторонникам восстановления монархической реакции перегруппировывать свои силы и готовиться к реваншу.

Наиболее ярко антидемократический характер новой власти сказался, пожалуй, в ее отношении к национально-освободительному движению, развернувшемуся в марте — апреле 1848 г. в Познани. Либеральное правительство сразу же направило против восставших поляков, ожидавших из Берлина помощи, войска и подавило революционное выступление. Это крайне отрицательно сказалось на перспективах развития революции в самой Германии.

[5] *K. Obermann.* Deutschland von 1815 bis 1849. Berlin, 1963, S. 249—250.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 42.

Мартовские события в Берлине знаменовали кульминационный пункт революции в Германии и вместе с тем завершили собой ее первый этап. Вся страна была охвачена революцией. Всемогущество феодальной реакции было сильно подорвано, но контрреволюция отнюдь не была сломлена — она располагала важными позициями, а буржуазия в страхе перед пролетариатом всячески содействовала своим недавним антиподам — феодалам; тем самым либералы готовили свое собственное падение.

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В апреле — мае 1848 г. в Пруссии и в других германских государствах продолжался подъем массового освободительного движения. Повсюду происходили народные собрания, возникали политические союзы и комитеты, появились демократические газеты и листовки. Рабочие и ремесленники создавали свои профессиональные организации. Пролетариат проявлял все бо́льшую активность, поднимаясь на борьбу за выполнение своих требований.

Правда, незрелость рабочего класса имела своим следствием крайне нечеткую программу действий в период революции. Немецкие рабочие, сыгравшие выдающуюся роль в славных мартовских событиях, еще очень смутно чувствовали противоположность своих интересов интересам буржуазии. Конфликт с предпринимателями они надеялись разрешить апелляцией к королевской власти. На стенах берлинских зданий можно было прочитать листовку, которая содержала обращение рабочих к прусскому королю: «Государство, — говорилось в ней, — процветает лишь благодаря труду, который создает все необходимые для этого предпосылки. Между тем именно рабочих, людей труда, угнетают капиталисты и ростовщики, а существующие ныне законы не в состоянии их защитить. Поэтому рабочие просят его величество повелеть учредить новое министерство — министерство труда, состоящее из предпринимателей и рабочих. Такое министерство было бы в состоянии ознакомиться с истинными причинами угнетенного положения народа, устранить безработицу, предохранить государство от грозящей опасности, оградить собственность от разорения».

Подобные воззрения были весьма характерны для немецких рабочих, особенно накануне 18 марта. Революционные события этого дня, разумеется, не могли привести и действительно не при-

вели к коренным изменениям их взглядов. Однако активное участие в баррикадной борьбе выдвинуло рабочий класс на первый план политической жизни и позволило многим пролетариям осознать свою силу. Ближайшие дни после мартовского успеха были отмечены стремлением к созданию самостоятельных пролетарских организаций. Особенно активны были чернорабочие и безработные, скопившиеся в Берлине и его предместьях.

Магистрат Берлина создал специальную комиссию, которая (наряду с благотворительными мероприятиями) решила выслать из столицы всех прибывших туда «чужих» рабочих, в первую очередь (о чем, разумеется, не говорили вслух) поляков и евреев. Принятых мер оказалось недостаточно, и буржуазные политиканы стали использовать средства идейного воздействия на массы. «Интересы бюргерства и рабочих во всех случаях одни и те же. Горе тому, кто не желает этого видеть» [7], — таков был девиз предпринимателей.

Под знаком «классового мира» прошло 26 марта массовое собрание рабочих и ремесленников у Шёнхаузских ворот. Организаторами собрания явились руководители баррикадных боев — ветеринарный врач Урбан и доктор Венигер. Резолюция собрания требовала создания министерства труда, всеобщего народного образования, сокращения постоянной армии, помощи инвалидам труда. Но уже 28 марта Урбан и его сторонники опубликовали воззвание, в котором оповещали берлинцев о том, что они решили просить короля вернуть в Берлин войска, выведенные оттуда 19 марта. 30—31 марта часть войск вернулась в столицу. Политическая незрелость рабочего класса была до такой степени велика, что многие рабочие, участники недавних уличных сражений, вышли встречать своих прежних противников как восстановителей «порядка».

Наиболее передовые рабочие Берлина хорошо понимали, что означает возвращение королевских войск, и попытались найти свой собственный путь. 29 марта на совещании 150 представителей различных профессий было принято решение создать Центральный рабочий клуб. 11 апреля под председательством члена Союза коммунистов Борна состоялось заседание Рабочего клуба, на котором был избран Центральный комитет в составе 38 человек — по одному от каждой профессии — и выделена комиссия для выработки устава. Устав предусматривал создание рабочих комитетов и намечал их задачи: «исследовать бедствия, от которых страдают рабочие, и содействовать их устранению».

Так передовая часть берлинских рабочих сумела отделиться от буржуазных элементов и при активном участии членов Союза коммунистов создала свою самостоятельную организацию. С 25 мая в Берлине начала выходить газета «Дас Фольк», ставшая органом вновь созданного Центрального комитета.

[7] «Berliner Zeitungs-Halle». Extrablatt, 24.III 1848.

Поддержав стихийное стремление немецких рабочих к созданию собственной классовой организации, Стефан Борн внес положительный вклад в развитие немецкого рабочего движения, но в Центральном комитете рабочих он действовал не как коммунист, а проводил беспринципную политику. Он ничего не предпринимал для преодоления ограниченности экономических и социальных воззрений рабочих, равно как и для мобилизации их на решение больших политических задач. Во введении к уставу «Организации рабочих» Борн писал: «Мы знаем, что в народе, где существуют рабочие, бедняки, униженные и угнетенные, но где нет еще рабочего класса, инициатива не может исходить от последнего. Мы отлично знаем, что при первой неразумной попытке с нашей стороны устроить революцию мы рискуем потерять все, чего мы только что добились, и вызвать в Германии анархию, а разве мы знаем, кто очутится у власти после этого? Здесь наши интересы сливаются с интересами капиталистов. Мы, как и они, жаждем мира, мы должны его желать» [8]. Борн уделял главное внимание организации профессиональных союзов, кооперативных товариществ и т. д., забывая, что задача состояла прежде всего в завоевании почвы для этого путем политической победы [9].

К середине 1848 г. рабочее движение Германии достигло значительных успехов. Повсюду возникали рабочие союзы, где происходили дискуссии по экономическим и социальным проблемам. В ходе обсуждения своих интересов рабочие стали понимать, что они находятся в положении, отличном от других классов. Выражением этого процесса явилась первая в истории Германии попытка объединения локальных рабочих организаций в единое целое.

С 23 августа по 3 сентября 1848 г. в Берлине происходил первый рабочий конгресс. На нем было создано «Рабочее братство», куда входило более 100 рабочих союзов [10]. Центральный комитет, избранный конгрессом, обосновался в Лейпциге. Здесь в октябре 1848 г. стала выходить газета «Фербрюдерунг», находившаяся под сильным влиянием Борна. Борн ставил перед «Рабочим братством» цель основывать при помощи государства производственные рабочие ассоциации, посредством которых якобы можно победить в конкурентной борьбе частные капиталистические предприятия и мирно преобразовать капитализм.

[8] Цит. по: *М. И. Михайлов*. История Союза коммунистов. М., 1968, стр. 233—234.

[9] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 227—228.

[10] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 138.

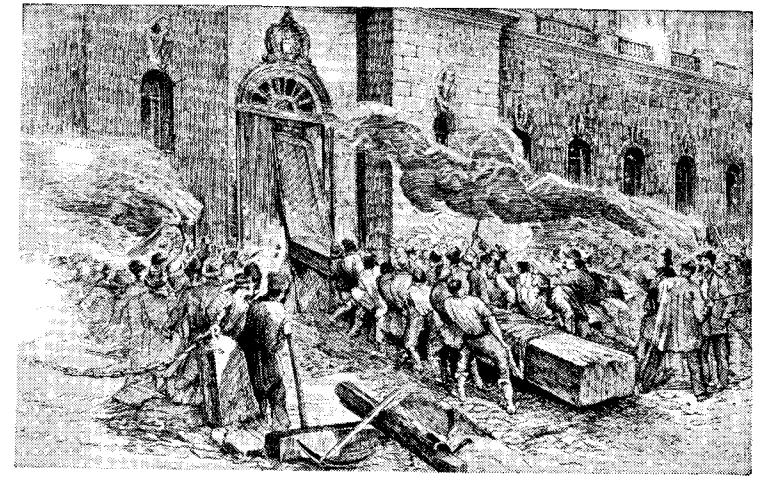
Образование единой организации немецких рабочих было значительным событием. Только что возникший, совсем еще незрелый, но уже полный силы молодой немецкий рабочий класс достиг первого успеха, а само «Рабочее братство» представляло уже более высокую организационную ступень рабочего движения, чем локальные союзы. Постепенно преодолевая цеховые традиции и тенденции, «Рабочее братство» способствовало развитию более прогрессивного тред-юнионистского сознания, распространяло в немецком рабочем классе идеи товарищества.

Рост политической активности рабочего класса и демократических элементов мелкой буржуазии привел к событиям 14 июня в Берлине. В этот день произошли два столкновения пролетариев с отрядами гражданской гвардии и полиции — одно у Бранденбургских ворот, другое — перед королевским дворцом. К вечеру народ окружил здание берлинского цейхгауза (арсенала) и потребовал выдачи оружия. Власти двинули к цейхгаузу отряды гражданской гвардии и батальон регулярных войск. Стихийно начавшееся выступление закончилось неудачей. Тем не менее оно не на шутку напугало и окружение короля, и либеральных буржуа. 20 июня глава прусского правительства Кампгаузен подал в отставку; его место занял близкий к Фридриху-Вильгельму IV чиновник Ауэрсвальд.

После мартовских событий активизировались и крестьяне. Они отказывались нести повинности, силой вынуждали помещиков отменять феодальные права, поджигали замки и усадьбы. Главным центром движения была Силезия, где уже в марте 1848 г. началась настоящая крестьянская война. В. И. Ленин отмечал, что с «марта по декабрь 1848 г. Пруссия жила под впечатлением «революционного пожара» в Силезии» [11]. Значительные масштабы крестьянских выступлений в Силезии объяснялись тем, что в этой области, насильственно отторгнутой от Польши и присоединенной к Пруссии, феодальный гнет переплетался с национальным. Массовые крестьянские восстания происходили и в Познани, где, так же как в Силезии, борьба против феодального гнета сливалась с борьбой за национальное освобождение.

Крестьяне пытались создать самостоятельные организации, опираясь при этом на демократические элементы. В августе 1848 г. в Швейднице состоялся учредительный съезд Крестьянского союза Силезии. Решения съезда носили антифеодальный характер. Они были направлены против попыток помещиков свести на нет успехи крестьянских восстаний весны 1848 г. [12] 22—23 сентября 1848 г.

[11] Ленинский сборник XXXI. М., 1938, стр. 327; см. также *K. Reis.* Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien im Jahre 1848. Breslau, 1910, S. 24—25.
[12] «Neue Rheinische Zeitung», 2.IX 1848.



Штурм цейхгауза в Берлине 14 июня 1848 г.
Современная гравюра

в Бреславле собрался второй съезд этого Союза. Многие делегаты предлагали отказаться от уплаты налогов, требуя немедленного выполнения выдвинутых требований.

Однако попытка создания самостоятельных крестьянских организаций не увенчалась успехом. Борьба в деревне была, как правило, оторвана от демократического движения в городах. Это пагубно отразилось не только на судьбе крестьянского движения, но и на исходе буржуазной революции в целом.

Германская, в особенности прусская, буржуазия, напуганная крестьянским движением, вынуждена была заняться аграрным вопросом. Однако в своем большинстве либеральные буржуа выступали против его революционно-демократического решения. Стремясь добиться соглашения с юнкерством, либералы отвергали требование крестьян отменить все феодальные повинности без выкупа, соглашаясь на отмену без вознаграждения только тех прав помещика, которые вытекали из ленного господства и наследственной крепостной зависимости. Наиболее обременительные для крестьян и наиболее выгодные для помещика повинности, прежде всего барщина, подлежали выкупу.

Таким образом, германская буржуазия ничего существенного для освобождения крестьян от феодального гнета не сделала. «Немецкая буржуазия 1848 года без всякого зазрения совести предает этих крестьян, своих *самых естественных союзников*, которые

представляют из себя плоть от ее плоти и без которых она бессильна против дворянства»[13].

Преданное либеральной буржуазией, крестьянство не получило должной поддержки и со стороны мелкобуржуазных демократов. Германский пролетариат был слаб и малочислен, и поэтому он не мог еще возглавить выступления крестьян. Отсутствие руководства, измена либеральной буржуазии привели к поражению крестьянского движения, что в свою очередь сделало невозможным победу антифеодальной революции.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА. «НОВАЯ РЕЙНСКАЯ ГАЗЕТА»

В начале марта 1848 г. Маркс прибыл в Париж, после чего ЦК Союза коммунистов был реорганизован. В его состав вошли: Маркс в качестве председателя, Шаппер в качестве секретаря, Энгельс, Валлау, В. Вольф, Молль и Бауэр — в качестве членов[14]. Перед вновь сформированным ЦК стояла задача — определить стратегию и тактику рабочего класса в революции.

Демократическая эмиграция в Париже в то время была увлечена революционной романтикой. Эмигранты различных национальностей объединялись в отряды, которые должны были вторгнуться в ту или иную страну и оказать помощь революции. Популярный среди немецких эмигрантов поэт Гервег выпустил воззвание «К братьям по изгнанию», где указывал, что пением галльского петуха дан сигнал восстанию в Германии; необходимо организовать революционный легион, выступить в поход против деспотов и тиранов и таким путем вызвать в германских государствах революцию[15]. Неоднократные неудачи подобных акций в прошлом были забыты, проект Гервега вызвал бурю восторга.

К. Маркс и Ф. Энгельс с самого начала решительно выступили против этой «игры в революцию», усматривая в ней опасное проявление мелкобуржуазного авантюризма, захватившего многих искренних, но не способных разобраться в событиях друзей революции. 6 марта Маркс выступил на собрании немецкой колонии. Он стремился предотвратить затею Демократического общества — поход добровольческих отрядов в Германию[16]. После победы революции в Вене и Берлине организация легиона сделалась совершенно бесцельной, но начатая игра не прекращалась; вопреки

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 299.
[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 114.
[15] *S. Born*. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1898, S. 100.
[16] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 588.

мнению Маркса и Энгельса легион был сформирован и при переходе баденской границы легко рассеян правительственными войсками[17]. Основная масса эмигрантов приняла план Маркса: возвращаться в Германию поодиночке и там действовать в интересах движения. Таким способом удалось переправить через границу 300—400 человек, среди которых члены Союза коммунистов составляли большинство.

ЦК Союза коммунистов выработал документ «Требования Коммунистической партии в Германии», в котором была изложена тактическая платформа союза. В центре ее стоял основной лозунг коммунистов в немецкой буржуазной революции — создание единой неделимой германской республики. При этом Маркс и Энгельс имели в виду включение в состав германской республики немецкой части Австрийской империи. В те годы это был прогрессивный, демократический лозунг; но после поражения революции, особенно после австро-прусской войны 1866 г., когда Австрия избрала свой самостоятельный путь, «великогерманский» лозунг аншлюсса превратился в реакционный и остается таким до сих пор[18].

Основоположники научного коммунизма рассматривали достижение единства Германии на республиканской, демократической основе как необходимое условие для будущей пролетарской революции, как меру, расчищающую поле битвы, на котором пролетариат и буржуазия призваны померяться силами[19]. Коммунисты выдвигали ряд политических требований, рассчитанных на демократизацию Германии: всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 21 года, вознаграждение представителям народа в парламенте, отмена постоянной армии и замена ее всеобщим вооружением, бесплатное судопроизводство, полное отделение церкви от государства, ограничение права наследования.

В области аграрных отношений главным был лозунг немедленного уничтожения феодальных повинностей и превращения всех феодальных имений в государственную собственность. Ипотеки на крестьянские земли должны были быть объявлены государственной собственностью, а земельная рента принять форму налога.

Финансовые мероприятия, намеченные платформой Союза коммунистов, предусматривали, в частности, создание единого государственного банка. Устройство национальных мастерских, гарантия средств существования всем рабочим, попечение о нетрудоспособных, всеобщее и бесплатное народное образование — эти мероприятия должны были проводиться в интересах всего народа.

[17] *В. Либкнехт*. Роберт Блюм и революция 1848 года в Германии. СПб., стр. 175.
[18] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 103.
[19] См. *Е. Степанова* и *С. Левиова*. Борьба за единую демократическую Германию в период революции 1848—1849 гг. М., 1955.

Документ заканчивался призывом к германскому пролетариату, мелкой буржуазии и мелкому крестьянству со всей энергией добиваться проведения в жизнь этих мероприятий [20]. Характеризуя программу действий Маркса в ходе германской революции 1848—1849 гг., В. И. Ленин убедительно показал, что в конечном итоге она сводилась к требованию установления революционно-демократической диктатуры [21].

«Требования Коммунистической партии в Германии» далеко не исчерпывали мероприятий, изложенных в «Манифесте Коммунистической партии». Однако ход событий показал, что и эта программа была не по плечу немецкой буржуазно-демократической революции: слишком низок был уровень экономического развития страны, недостаточна политическая зрелость пролетариата и народных масс Германского союза. И все же программа эта сыграла выдающуюся роль в революционных событиях. Впоследствии «реальные политики» II Интернационала пытались доказать, что марксистская программа была «непрактична и утопична» [22]. Отвечая этим критикам, Ф. Меринг писал: «Она не была непрактична, так как направила внимание революционно возбужденных масс на правильный путь; она не была утопична, так как творцы ее очень хорошо знали и ничуть не скрывали того, что она может быть проведена лишь путем длинного ряда революционных конфликтов и переворотов. Они ошибались не относительно направления и цели, а лишь относительно длины пути» [23].

В начале апреля К. Маркс и Ф. Энгельс вместе с членами Центрального комитета покинули Францию и направились в Германию. 11 апреля они приехали в Кёльн.

В апреле — мае 1848 г. Центральный комитет Союза коммунистов пытался активизировать деятельность организации, связаться с местными общинами, создавать новые. Для этой цели ЦК направил эмиссаров в наиболее важные центры страны. Однако донесения эмиссаров свидетельствовали, что шансы на превращение Союза в массовую организацию, способную оказать существенное влияние на развитие революционных событий, отсутствуют [24]. Впоследствии Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Как легко было предвидеть, перед лицом поднявшегося теперь движения народных масс Союз оказался слишком слабым орудием воздействия... С того момента, как исчезли причины, которые делали необходимым тайный Союз, и самый тайный Союз, как таковой, потерял всякое значение» [25].

[20] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 3.
[21] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 124.
[22] См. *M. Quarck*. Die erste deutsche Arbeiterbewegung. Leipzig, 1924, S. 53.
[23] *Ф. Меринг*. История германской социал-демократии, т. II. М., 1922, стр. 94.
[24] См. *W. Schmidt*. Der Bund der Kommunisten und die Versuche einer Zentralisierung der deutschen Arbeitervereine im April und Mai 1848.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1961, N 3.

Тем не менее в бурные годы революции Союз коммунистов, как наиболее передовая часть рабочего класса, выполнил свою роль и с честью выдержал испытание. Его члены повсюду активно участвовали в движении — и в печати, и на баррикадах, и на полях сражений они были в первых рядах революционного пролетариата. С другой стороны, выдержало испытание мировоззрение Союза, изложенное в его документах, в первую очередь в «Манифесте Коммунистической партии». Характеризуя деятельность Союза в период революции, Ф. Меринг указывал, что, несмотря на отсутствие единой организации, Союз сыграл большую роль в развитии революционных событий. «Члены Союза коммунистов были той побуждающей силой, которая в революционные годы двигала рабочий класс к классовому сознанию» [26].

Великие вожди пролетариата исходили из того, что перед германской революцией стояли общедемократические, а не социалистические задачи. Необходимо было добиться объединения Германии в единую демократическую республику, полной ликвидации феодального строя в деревне, завоевать право союзов, собраний, свободу печати. Ни в одном из своих аспектов революция не могла выйти за рамки допустимого при капитализме. Поэтому немецкий пролетариат появился на политической арене не как самостоятельная сила, а как самое левое крыло демократии. «Когда мы вернулись в Германию весной 1848 г.,— писал Ф. Энгельс,— мы примкнули к демократической партии, потому что это было единственно возможным средством привлечь внимание рабочего класса; мы были самым передовым крылом этой партии, но все же ее крылом» [27]. Маркс и Энгельс считали необходимым сотрудничество коммунистов с мелкобуржуазными демократами, они советовали своим единомышленникам — коммунистам вступать не только в рабочие союзы, но и в демократические общества.

Сами они вступили в Демократическое общество, основанное в апреле 1848 года и объединявшее рабочих, ремесленников, мелких буржуа, революционно-демократическую интеллигенцию Кёльна. По инициативе Маркса Демократическое общество, Кёльнский рабочий союз и Союз рабочих и работодателей создали общий комитет, который поставил задачу объединить под своим руководством все демократические и рабочие общества Рейнской области и Вестфалии. Комитет приступил к подготовке окружного конгресса

[25] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 227.
[26] *F. Mehring* Einleitung.— *K. Marx*. Enthüllungen über den Kommunistenprozess zu Köln. Berlin, 1914, S. 19.
[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 504.

рейнских и вестфальских демократов. Эти меры должны были способствовать созданию в будущем политической партии пролетариата.

Против этой единственно правильной тактики выступили А. Готшальк и его приверженцы в Кёльнском рабочем союзе.

6 апреля 1848 г. Готшальк обратился с призывом основать «Демократическо-социалистический клуб» [28]. Учредительное собрание состоялось 13 апреля. В нем приняло участие примерно 300 человек, подавляющее большинство которых составляли рабочие и ремесленники. Собрание единодушно решило создать Рабочий союз, председателем которого был избран Готшальк. Рабочий союз должен был представлять собой легальную форму деятельности кёльнской общины Союза коммунистов. Однако вскоре Готшальк заявил о своем выходе из Союза коммунистов [29].

Число членов Рабочего союза быстро росло: в конце июня их насчитывалось около 8 тыс. Росла и популярность Готшалька. Однако его политическая программа отличалась крайней неопределенностью, ближе всего он был к «истинному социализму». Готшальк требовал немедленного провозглашения «рабочей республики», в рамках которой должно было совершиться освобождение пролетариата, не понимая, что перед немецкой революцией объективно стояли буржуазно-демократические, а не социалистические задачи. «Ультралевые», анархистские фразы Готшалька сочетались с весьма умеренными политическими акциями. Политическая деятельность Рабочего союза сводилась к направлению правительству и местным властям петиций с требованием о помощи нуждающимся со стороны государства. Эти действия, разумеется, никак не могли завершиться созданием «рабочей республики».

Вполне естественно, что по прибытии в Кёльн Маркса и Энгельса между ними и Готшальком тотчас же возникли разногласия. Первое открытое столкновение произошло по вопросу об участии в выборах в общегерманское Национальное собрание и в прусское Учредительное собрание. Маркс был за участие в выборах, считая что левые силы не должны без боя уступать реакции поле сражения. Готшальк же предложил бойкотировать выборы, большинство рабочих поддержало его. Лозунг бойкота был проявлением общей тактики Готшалька. Он отвергал всякий компромисс, всякие совместные действия с непролетарскими демократическими группами. Борьба за единую, демократическую Германию, равно как и большинство других крупных проблем того времени, совершенно выпали из поля зрения Готшалька и его друзей.

[28] «Kölnische Zeitung», 6.IV 1848.
[29] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 523.

3 июля 1848 г. Готшальк был арестован. Рабочий союз оказался без руководителя. Временным председателем избрали коммуниста Иосифа Молля, известного своим мужеством и энергией. Дальнейший ход революционной борьбы в Кёльне наряду с активной деятельностью коммунистов привел к усилению их позиций в Рабочем союзе и к превращению его в надежную опору К. Маркса и Ф. Энгельса.

Сотрудничество с демократией не снимало вопроса о самостоятельной партии пролетариата. Но революционная эпоха привела к изменению форм и методов борьбы за революционную рабочую партию: эта борьба велась посредством легальных организаций, в первую очередь ежедневной массовой газеты. Печатный орган коммунистов и революционных демократов начал выходить в Кёльне 1 июня 1848 г. под названием «Новая Рейнская газета». В состав редакции вошли: К. Маркс (главный редактор), Ф. Энгельс, Г. Бюргерс, Г. Веерт, В. Вольф, Э. Дронке — все они были членами Союза коммунистов. «Новая Рейнская газета» выступала как орган демократии, но демократии, подчеркивавшей всегда и везде, по каждому отдельному случаю, свой специфически пролетарский характер. Она давала пролетариату безошибочную ориентировку в сложнейших условиях революционной борьбы того времени.

Основой политической программы «Новой Рейнской газеты» была борьба за единую демократическую германскую республику. Интересам пролетариата в одинаковой мере противоречило как опруссачение Германии, так и увековечение ее раздробленности. Только национально-государственное объединение Германии путем свержения всех многочисленных монархических правительств, в первую очередь Габсбургов и Гогенцоллернов, отвечало интересам рабочего класса и соответствовало потребностям экономического развития Германии.

Достижению этой цели, помимо внутренних сил контрреволюции, мешали реакционные правительства России и Англии. Поэтому Маркс и Энгельс призывали готовиться к войне против царской России, которая не допустила бы создания единой германской республики. Такую войну Германия могла бы выиграть при условии ведения ее революционными методами, попутно решая коренные вопросы революции. «Лишь *война против России* есть война *революционной Германии*, война, в которой она может смыть грехи прошлого, окрепнуть и победить своих собственных самодержцев...» [30] Документы, которые не могли быть в то время известны Марксу и Энгельсу, раскрывая милитаристские планы царя накануне и после событий 18 марта, свидетельствуют о глубине про-

[30] Там же, стр. 212.

никновения основоположников научного коммунизма в тайны европейской дипломатии [31].

Огромное значение для судеб германской революции имело бы правильное решение задач национально-освободительного движения. Только объединение усилий всех народов, населявших Германию, способно было сокрушить силы контрреволюции [32]. Поэтому Маркс и Энгельс неустанно звали к борьбе против национального гнета. «Мы будем отстаивать дело итальянской независимости, мы будем вести смертельную борьбу против австрийского деспотизма в Италии, равно как в Германии и в Польше» [33],— писали они. «Новая Рейнская газета» высоко оценивала героическую борьбу поляков, итальянцев, венгров, рассматривая их движение как важнейший фактор не только ликвидации монархии Габсбургов, но и обеспечения победы германской революции.

В течение всей революции газета вела последовательную и непримиримую борьбу против предательской политики немецкой либеральной буржуазии, доказывая, что из страха перед революционным народом та пошла на сделку с монархией и помещиками и тем самым обрекла себя на роль политического придатка контрреволюции. На страницах газеты была развернута и обоснована последовательно-демократическая программа решения крестьянского вопроса; она сводилась к требованию немедленной и безвозмездной отмены всех феодальных повинностей.

Пролетарско-революционное направление газеты особенно отчетливо проявилось в дни июньского восстания парижских рабочих — первой гражданской войны пролетариата против буржуазии. В дни, когда буржуазная печать всего мира обрушилась на героических повстанцев с грязной клеветой и отборной руганью, «Новая Рейнская газета» самым решительным образом встала на сторону борющихся пролетариев.

Деятельность «Новой Рейнской газеты» была ярким образцом марксизма в действии, она наглядно демонстрировала присущую ему способность теоретически обобщать революционную практику, предвидеть ход исторических событий, давать истинные лозунги борьбы, превращать теорию в орудие революционного преобразования общества. Газета была не только трибуной, с которой Маркс и его соратники обращались к народу, указывая ему путь, она играла роль организующего центра, сплачивающего народные массы, в первую очередь пролетариат. Ее редакция фактически взяла на себя функции Центрального комитета Союза коммунистов, направляя деятельность членов Союза по общему руслу к единой цели.

[31] *K. Obermann.* Die Rolle der zaristischen Hilfs- und Interventionspläne gegen die Revolution in der ersten Hälfte des Jahres 1848.— «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas», Bd. 8, 1964.

[32] См. *W. Schmidt.* Die internationale Stellung der deutschen Revolution von 1848/49 in der Sicht von Marx und Engels.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, Sonderheft, S. 101.

[33] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, стр. 4.

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ ГЕРМАНИИ

Борьба между силами прогресса и реакции развернулась по главному вопросу революции 1848 г.— об объединении Германии. Большинство дворянства, стремившееся сохранить свою власть и свои привилегии, явно или скрыто выступало против ликвидации раздробленности страны. Крупная буржуазия, не желавшая полной ликвидации феодально-абсолютистских порядков, стояла за объединение Германии «сверху», что исключало сколько-нибудь существенные изменения социально-экономического строя. Большинство буржуа высказывалось за «малогерманский» путь объединения вокруг Пруссии. Мелкобуржуазные демократы в принципе стояли за республику, но не проявляли должной решимости и энергии в борьбе за нее. Отражая партикуляристские тенденции мелкой буржуазии, ее представители в большинстве своем высказывались в защиту федерализма. Наиболее последовательное, отвечающее интересам прогрессивного развития Германии решение данного вопроса, как уже отмечалось, было сформулировано Марксом и Энгельсом.

Движение за объединение Германии развернулось с первых дней революции. Его результатом был созыв предпарламента, собравшегося 31 марта во Франкфурте-на-Майне. Он состоял из 500 с лишним делегатов, представлявших преимущественно либералов южногерманских государств. Предпарламент принял решение о проведении выборов во всегерманское Национальное собрание и на этом закончил свою работу; предложение демократов о немедленном провозглашении Германии республикой было отвергнуто [34].

Весной 1848 г. состоялись выборы. Они проходили в условиях острых классовых столкновений. Народ связывал с парламентом надежды не только на объединение страны, но и на освобождение от феодального гнета; буржуазия полагала, что он создаст сильное правительство, которое, обеспечив ликвидацию раздробленности страны, одновременно сплотит имущие классы для борьбы против народных движений. Власти всех германских государств старались

[34] *С. Б. Кан.* Революция 1848 года в Австрии и Германии, стр. 83.

обеспечить избрание возможно большего числа антидемократически настроенных, консервативных депутатов; для этой цели применялись различного рода ограничения избирательных прав[35].

18 мая 1848 г. во Франкфурте-на-Майне под звон колоколов и гром артиллерийского салюта открылось Национальное собрание, вошедшее в историю под названием Франкфуртского парламента. Большинство в нем принадлежало представителям германской буржуазии и буржуазной интеллигенции — профессорам, адвокатам, учителям, литераторам. $^2/_3$ депутатских мест принадлежали делегатам Пруссии и Австрии, $^1/_3$ — представителям остальных государств Германского союза.

По составу парламент не был однородным. Крайне правую группировку представляли сторонники дореволюционных порядков, враги единства и демократии, приверженцы монархии (около 60 человек). Им противостояла значительная группа — примерно 150 человек — республикански настроенных депутатов, политическим руководителем которых был Роберт Блюм. Наиболее многочисленная группировка (около 270 депутатов) состояла из посланцев либеральной буржуазии, склонявшейся к соглашению с контрреволюцией; они занимали среднее положение между демократической партией и сторонниками абсолютизма.

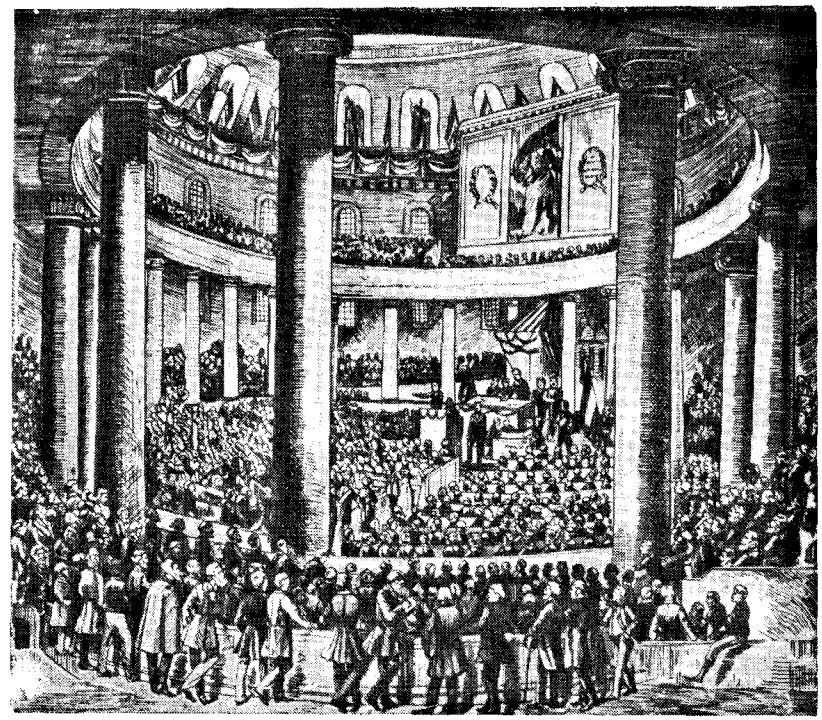
Перед Франкфуртским собранием стояли очень сложные проблемы, требовавшие безотлагательного решения. Надо было покончить с политической раздробленностью, определить будущее государственное устройство Германии и, опираясь на поддержку народа, выступить в качестве верховной власти. Для этого следовало немедленно распустить Союзный сейм и вместо него избрать из своей собственной среды союзное правительство, которое должно было стать единственным выразителем суверенной воли германского народа.

Осуществление всех этих задач было возможно лишь при условии поддержки со стороны народных масс и создания вооруженной силы против контрреволюционных элементов. Однако с первых дней своего существования Франкфуртское собрание показало, что оно больше боится народных движений, чем реакционных заговоров немецких правительств.

27 мая собрание приняло решение объявить себя Учредительным. Однако его либеральное большинство отнюдь не помышляло о присвоении парламентом суверенных прав и об отказе от соглашения с монархическими правительствами отдельных германских государств.

Левые требовали предоставления права принятия конституции только общегерманскому Учредительному собранию; решения

[35] «Революции 1848—1849 гг.», т. I, стр. 599.



Франкфуртское национальное собрание

собраний отдельных немецких государств должны были считаться действительными лишь в том случае, если они не противоречили постановлениям Учредительного собрания. Роберт Блюм, отстаивая необходимость декларации о суверенитете собрания, говорил: «...Наша работа без такой декларации была бы похожа на дом без фундамента, на дерево, лишенное корней! Какая польза от того, что мы будем здесь в течение ряда месяцев создавать конституции, значение и ценность которых будут в конце концов поставлены под вопрос?»[36] В результате довольно продолжительного обсуждения было принято решение, формулировавшее права Франкфуртского собрания весьма завуалированно и неопределенно.

29 июня собрание избрало австрийского эрцгерцога Иоганна имперским правителем. В помощь ему было сформировано вре-

[36] Там же, стр. 603.

менное центральное правительство, во главе которого стал бывший председатель Союзного сейма Шмерлинг. Эрцгерцог принял предложенный ему пост, оговорив при этом, что его избрание должно быть санкционировано Союзным сеймом и всеми монархическими правителями Германии. Как и следовало ожидать, центральное правительство не пользовалось авторитетом у последних, особенно у прусского и австрийского монархов, которые не считали себя обязанными повиноваться ему. Фридрих-Вильгельм IV изъявил согласие на признание имперского правителя, но отказался упомянуть о его избрании общегерманским парламентом. Он заявил, что, когда будет необходимо, прусская армия станет под начало имперского правительства по его королевскому приказу.

Одной из важнейших задач парламента была ликвидация феодального гнета в деревне, уничтожение всех средневековых ограничений в области промышленности и торговли. Однако Франкфуртское собрание не выполнило этой задачи. Вопросу об отмене феодальных повинностей даже не было посвящено специального заседания; им занимались лишь попутно, в связи с обсуждением «Основных прав германского народа». Парламент провозгласил уничтожение всех видов феодальной зависимости, но не дал никаких указаний на то, когда и каким образом следует осуществить его. В ответ на многочисленные требования крестьянства ликвидировать фидеикомиссы (неотчуждаемые земельные владения дворян) хозяйственная комиссия собрания предложила ограничиться постановлением о недопустимости увеличения уже существующих и образования новых фидеикомиссов.

Идя навстречу пожеланиям буржуазии, собрание решило отменить внутренние таможенные пошлины и объединить все германские государства в единый таможенный союз. В его состав должна была войти и Австрия со всеми ее славянскими землями. Однако австрийское правительство отклонило этот проект. Вопрос остался нерешенным. Франкфуртский парламент принял также решение о свободе передвижения в рамках Германского союза и об отмене древних пошлин, затруднявших речное судоходство. Однако центральное правительство не провело в жизнь этих решений, оставив в силе пережитки средневековья.

Не стал предметом специального рассмотрения собрания и рабочий вопрос. Демократически настроенные депутаты сочувственно отнеслись к многочисленным петициям рабочих и ремесленников, добивавшихся улучшения условий труда. Эти депутаты настаивали на необходимости «уничтожения неравенства между трудом и капиталом», создания министерства труда, призванного заботиться об улучшении жизни рабочих, и т. п. Франкфуртское собрание передало все подобные предложения в хозяйственную комиссию, а та никак на них не реагировала.

Собрание не сумело также решить вопрос о ликвидации старой армии и создании революционной военной силы. Левые выступали за уничтожение постоянной армии и всеобщее вооружение народа, но никаких мер для этого не приняли. Либералы пытались создать «парламентскую армию» из отрядов бюргерского ополчения, образованного в мартовские дни, но потерпели полную неудачу.

Политический курс парламента с особой наглядностью проявился в его отношении к национальным движениям в различных землях Германского союза и Австрии. Требования восстановления Польши, предоставления независимости славянским народам Австрии, итальянцам, населявшим Тироль и Ломбардо-Венецианскую область, были центральными в программе революционной демократии. «Революционная Германия,— писал Энгельс,— должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Одновременно со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которых она до сих пор угнетала»[37]. В процессе обсуждения данного вопроса не только либеральное большинство, но и вожаки демократической левой стремились во что бы то ни стало удержать в составе Германии все земли, населенные другими национальностями. Франкфуртское собрание одобрило кровавые действия прусского правительства в Познани; оно приветствовало подавление пражского восстания палачом чешского народа Виндишгрецем. С трибуны собрания постоянно раздавались выражения одобрения кровавых действий австрийского фельдмаршала Радецкого в Италии, обосновывались «права» Австрии на Ломбардо-Венецианскую область.

Прямое предательство интересов революции совершили депутаты собрания в отношении Шлезвига и Голштинии. Война за освобождение этих областей из-под власти Дании была единственной революционной войной Германии в то время[38]. Однако 26 августа 1848 г. в городе Мальмё было подписано перемирие между Пруссией и Данией, предусматривавшее ликвидацию временного правительства Шлезвига и Голштинии и вывод прусских войск с этих территорий. Условия перемирия вызвали в Германии большое недовольство; на многолюдных и многочисленных собраниях принимались резолюции протеста, обращения к Франкфуртскому парламенту с требованием немедленной отмены перемирия. Шлезвиг-Голштинское национальное собрание также выступило с резким протестом. Но Франкфуртский парламент и в этот критический момент обнаружил свою неспособность довести до конца

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 84.
[38] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 141.

дело объединения Германии; 16 сентября он после длительных дебатов ратифицировал перемирие в Мальмё.

Это вызвало взрыв народного негодования. От имени немецкого пролетариата и революционной демократии Ф. Энгельс писал: «Национальное собрание вынесло решение: оно произнесло себе и созданной им так называемой центральной власти *смертный приговор*. Будь у Германии свой Кромвель, он не преминул бы появиться со словами: «Вы не парламент! Именем бога, убирайтесь вон!»»[39] Особенно острые формы приняло движение в самом Франкфурте. 18 сентября огромная толпа подошла к зданию собрания, требуя отказа от перемирия и продолжения военных действий, угрожая в противном случае разгромом парламента. Тогда большинство Франкфуртского собрания обратилось за помощью к прусским и гессенским войскам. На улицах города произошло кровавое столкновение. Восстание, лишенное твердого руководства, потерпело поражение.

Политика парламента была отражением позиции либеральной буржуазии Германии, которая предпочла мир с аристократией перспективе борьбы против нее в союзе с массами. Парламент с каждым днем терял свой авторитет в глазах народа. Это облегчало переход контрреволюции в наступление.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ПРУССИИ

Поражение июньского восстания в Париже активизировало силы контрреволюции во всей Европе. Подняла голову, собравшись с силами, и германская реакция. Прусский король и правительство тайно приступили к подготовке государственного переворота. В середине июля в юнкерской среде начались переговоры об устранении буржуазно-либерального правительства Ауэрсвальда — Ганземана и о переводе Учредительного собрания из Берлина в маленький провинциальный городок Бранденбург. Затем король выдвинул план введения в Берлин двух армейских корпусов и роспуска собрания. В августе замыслы короля определились окончательно. Реализуя их, король назначил контрреволюционного генерала Врангеля командующим Бранденбургским военным округом, в состав которого входил Берлин. К столице Пруссии стали спешно стягиваться войска.

Демократы пытались организовать сопротивление наступающей контрреволюции. В Берлине не прекращались антиправительственные уличные демонстрации; часто дело доходило до

[39] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 438.

схваток с полицией. Продолжались стачки рабочих и ремесленников. Активизировалось крестьянское движение. Признаки брожения наблюдались в прусской армии.

Особенно острые формы борьба приняла в Рейнской провинции, где движение возглавили коммунисты. Маркс и Энгельс, ожидавшие нового взрыва революции, усилили практическо-политическую деятельность. 13 сентября редакция «Новой Рейнской газеты», Кёльнский рабочий союз и Демократическое общество — три крупнейших коллективных руководителя рейнской демократии — созвали народное собрание, в котором приняло участие 5—6 тыс. человек. Под бурные аплодисменты собрание избрало Комитет безопасности из 30 человек. В его состав вошли редакторы «Новой Рейнской газеты», руководители Демократического общества и Рабочего союза. Энгельс предложил проект обращения к Берлинскому собранию с призывом к депутатам не покидать своего поста даже под угрозой штыков[40]. Проект был принят единогласно. Образование комитета вызвало тревогу властей и полиции. Обстановка накалялась.

17 сентября в Воррингене, близ Кёльна, состоялось многолюдное народное собрание. Из Кёльна вниз по Рейну спустилось 5—6 больших барж с участниками предстоящего митинга. Впереди реял красный флаг. Многочисленные делегации прибыли и из других городов. Председателем собрания был коммунист К. Шаппер, секретарем — Ф. Энгельс. Собравшиеся единодушно одобрили обращение к Берлинскому собранию, принятое 13 сентября, и признали Комитет безопасности, в честь которого была провозглашена троекратная здравица. Было принято предложенное Энгельсом обращение к Франкфуртскому национальному собранию, в котором участники митинга заявляли, что, если «возникнет конфликт между Пруссией и Германией,— они готовы до последней капли крови бороться за Германию»[41]. 20 сентября в Кёльне состоялось новое народное собрание, которое заявило о своей солидарности с баррикадными бойцами Франкфурта и заклеймило как предателей народа депутатов Франкфуртского парламента, санкционировавших перемирие с Данией[42].

Решающее значение для исхода борьбы имело положение в Вене и Берлине, где в сентябре было спокойно. 21 сентября, впервые после мартовской революции, в Берлине состоялся парад королевских войск. Генерал Врангель выступил перед берлинцами с речью, в которой наряду с дешевой демагогией содержалась неприкрытая угроза: «Я должен восстановить нарушенный порядок.

[40] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 537—538.
[41] См. там же, стр. 542.
[42] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 143.

Войска находятся в хорошем состоянии, мечи остры и пули наготове»[43].

Первые мероприятия реакции были направлены против демократического движения в Рейнской провинции, в особенности в Кёльне. 25 сентября Кёльн был объявлен на осадном положении. Г. Беккер и К. Шаппер были арестованы. И. Молль избежал заключения благодаря тому, что быстро собравшаяся толпа воспрепятствовала его аресту и обратила полицейских в позорное бегство. Последовали приказы об аресте Энгельса и ряда других коммунистов. Они были вынуждены бежать из Кёльна.

16 октября председателем Рабочего союза по просьбе рабочих стал К. Маркс. «Правительство и буржуазия,— заявил он,— должны убедиться в том, что, несмотря на все их преследования, всегда найдутся люди, готовые предоставить себя в распоряжение рабочих»[44]. Под руководством коммунистов Рабочий союз неуклонно шел по пути превращения в боевую организацию немецких пролетариев, уже тогда успешно воспринимавшую основные положения теории научного коммунизма.

Подавив серию сентябрьских восстаний и укрепив свои позиции, контрреволюция в конце октября нанесла революции решительный удар в Вене. Известия о падении Вены, взятой штурмом имперскими войсками во главе с Виндишгрецем 1 ноября 1848 г., вдохновили прусских контрреволюционеров. 3 ноября в Пруссии было сформировано новое министерство во главе с графом Бранденбургом — ярым реакционером, заклятым врагом демократии, усмирителем народных восстаний в Силезии. Он был внебрачным сыном Фридриха-Вильгельма II и приходился, следовательно, дядей Фридриху-Вильгельму IV. Либеральную буржуазию, расчистившую своей соглашательской политикой путь дворянской контрреволюции, теперь окончательно отстранили от власти. Все левые газеты были закрыты, демократические организации распущены, национальная гвардия обезоружена. 9 ноября реакция решилась на государственный переворот.

В этот день был опубликован королевский указ о переводе Учредительного собрания из Берлина в Бранденбург. Это решение мотивировалось желанием короля обеспечить собранию «свободу действий» и защитить его от «давления извне». Либерально-буржуазное большинство Учредительного собрания, страшившееся революционного подъема, призвало народ лишь к «пассивному сопротивлению» — отказу от уплаты налогов. Эта мера, разумеется, не могла остановить наступления контрреволюции.

[43] «Революции 1848—1849 гг.», т. I, стр. 657.
[44] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 549.

5 декабря королевским указом была введена конституция, 6 декабря опубликован новый избирательный закон. Учредительное собрание распускалось, новое должно было быть созвано в феврале 1849 г. Конституция в общем удовлетворяла буржуазию: она гарантировала ей свободу слова, собраний, союзов, представительство в палатах. Статья 8-я объявляла частную собственность неприкосновенной. Но в то же время конституция провозглашала незыблемость королевской власти «божьей милостью», устанавливала абсолютное вето короля, закрепляла за ним бесконтрольное распоряжение армией, неограниченное право объявлять войну. Были сохранены старое уголовное законодательство, старая система налогов, прежний дисциплинарный устав в армии. Избирательное право было существенно ограничено.

Тем не менее в результате выборов преобладающее место в нижней палате заняли оппозиционные элементы, главным образом депутаты разогнанного собрания. 27 апреля 1849 г. палата королевским указом была распущена. Вторичный разгон собрания вызвал массовые волнения в Берлине, во время подавления которых погибло 15 человек, многие были ранены. С этих пор прусская контрреволюция взяла на себя роль общенемецкого жандарма. Опираясь на огромную армию, прусский король активно поддерживал немецких государей в борьбе с революцией.

Победа реакции в Пруссии и Австрии резко изменила соотношение сил. Борьба продолжалась, но уже при значительном перевесе контрреволюционных сил.

Но ни один из общественных классов не приобрел в период революции столь большого и многостороннего политического опыта, как немецкий пролетариат. Он воочию убедился, что буржуазия превратилась в контрреволюционную силу, растеряв остатки своей былой оппозиционности. Часть мелкой буржуазии отошла от революционного движения, другая часть заняла колеблющуюся позицию между революционным пролетариатом и контрреволюционной буржуазией.

БОРЬБА ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Лишь осенью 1848 г. когда контрреволюция уже одержала победу в главных центрах революции — Вене и Берлине, Франкфуртский парламент приступил к выполнению своей основной задачи — выработке конституции, которая призвана была дать немецкому народу долгожданное единство. 27 марта 1849 г. имперская конституция была принята парламентом. На следующий день собрание избрало прусского короля Фридриха-Вильгельма IV «императором германцев». Конституция предоставляла буржуазии пре-

обладающую политическую роль, сохраняя при этом большое влияние юнкерства. Она оставляла нетронутыми всех 34 монархов и старый государственный аппарат во всех германских землях.

Имперская конституция не отвечала революционным задачам, стоявшим перед немецким народом, ибо вместо создания централизованной демократической республики сохраняла в Германии монархический порядок, федерацию королевств и герцогств. Но она ослабляла политическую раздробленность страны, будучи шагом вперед к ее объединению, ибо создавала общегерманскую центральную власть, носителем которой должны были стать император и двухпалатный общеимперский парламент (рейхстаг). Конституция провозглашала равенство всех перед законом, свободу слова, собраний. При всех своих недостатках она представляла собой в известной мере прогрессивное явление. «...Имперская конституция,— писал Энгельс,— выделялась не только своим с виду исключительно демократическим происхождением: она в то же самое время, несмотря на все свои многочисленные противоречия, была все-таки наиболее либеральной конституцией во всей Германии» [45].

В условиях, когда контрреволюция одержала значительную победу, рабочий класс вступил в новый этап борьбы за самостоятельную пролетарскую партию. Необходимо было, организационно порвав с мелкобуржуазной демократией, объединить различного рода рабочие союзы в единую национальную организацию, на основе которой должна была возникнуть партия.

14 апреля 1849 г. коммунисты заявили о своем выходе из Рейнского окружного комитета домократических союзов [46]. Через два дня общее собрание Кёльнского рабочего союза решило выйти из объединения демократических союзов Германии. Это отнюдь не означало отказа от блока с демократами. В новых условиях этот блок принимал лишь иную форму — форму единства двух самостоятельных организаций в борьбе против общего врага [47].

Кёльнский рабочий союз принял решение примкнуть к объединению немецких рабочих союзов «Рабочее братство», Центральный комитет которого находился в Лейпциге [48]. Его руководители к этому времени частично пересмотрели свои социально-утопические планы реформ [49]. Коммунисты Кёльна решили присоединиться к

[45] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 95—96.
[46] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 462.
[47] См. «Карл Маркс. Биография». М., 1968, стр. 231.
[48] *G. Becker*. Die Rolle von Marx und Engels und des Kölner Arbeitervereins bei der Vorbereitung einer revolutionären Massenpartei des deutschen Proletariats im Frühjahr 1849.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1962, Sonderheft, S. 159.
[49] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 151.

«Братству», полагая что это может способствовать распространению их взглядов. 6 мая 1849 г. в Кёльне состоялся созванный по инициативе Кёльнского рабочего союза конгресс делегатов рабочих союзов Рейнской провинции и Вестфалии. Поддержанный всеми революционными союзами этих земель конгресс мог стать исходным пунктом превращения существующих рабочих организаций в партию, положить начало основанию всегерманской рабочей партии.

Но в это время, в апреле — мае, борьба революции и контрреволюции вступила в завершающую фазу. Франкфуртский парламент рассчитывал ввести конституцию в действие путем сговора с монархической реакцией, прежде всего с прусской. Король Фридрих-Вильгельм IV заявил о своей готовности стать во главе «общегерманского отечества», но свое согласие принять императорскую корону поставил в зависимость от решения других германских государей. Иными словами, Фридрих-Вильгельм IV намеревался использовать имперскую конституцию для создания союзного — отнюдь не унитарного — государства, возглавляемого Пруссией. В течение апреля имперская конституция была отклонена правительствами Австрии, Баварии, Ганновера, Саксонии. 28 апреля прусский король опубликовал ноту, в которой сообщал об отказе признать имперскую конституцию и принять императорскую корону. Одновременно Пруссия приглашала германские правительства прислать своих уполномоченных в Берлин для обсуждения вопроса о создании союзного государства без участия франкфуртского собрания. Дело явно шло к роспуску последнего.

В этих условиях парламенту нужно было немедленно призвать народ к оружию для защиты национального представительства и объявить вне закона всех монархов и министров, которые осмелились противиться введению конституции в жизнь. Именно с этих позиций и выступил в парламенте единственный депутат-коммунист Вильгельм Вольф. Но его предложение даже не голосовали, а просто заглушили злобными криками.

Победа контрреволюции привела к усилению репрессий, ликвидации свободы печати, слова и союзов. Кёльнские власти приняли решение о высылке Маркса и его соратников из Кёльна, о закрытии «Новой Рейнской газеты». 19 мая 1849 г. вышел в свет последний номер газеты Маркса. Весь текст был отпечатан красной краской. На первой странице было опубликовано обращение к кёльнским рабочим. Редакторы газеты благодарили их за участие и заверяли, что их последним словом всегда и повсюду будет: освобождение рабочего класса! [50]

[50] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 6, стр. 564.

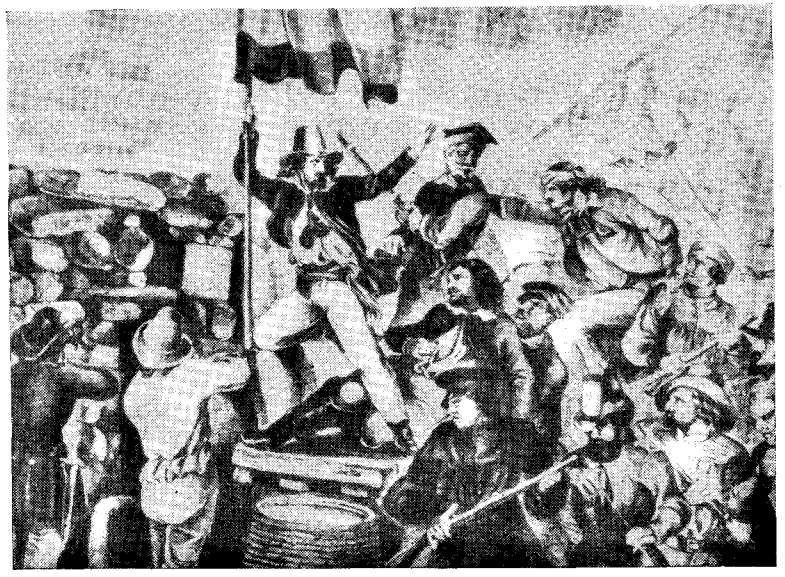
После закрытия «Новой Рейнской газеты» Маркс вслед за Энгельсом выехал из Кёльна и направился в Южную Германию, где в то время началось движение за проведение в жизнь конституции, выработанной франкфуртским парламентом.

Это движение, перешедшее в вооруженную борьбу, начали рабочие, крестьяне, ремесленники, представители демократической интеллигенции. Выступления прусских, баварских, саксонских властей против конституции показали народу, что существует угроза полного крушения революции и всех попыток объединения страны сколько-нибудь демократическим путем. С другой стороны, движение за конституцию представляло собой протест против агрессивного курса Пруссии, направлявшей свои войска против революционных масс. Опасность опруссачивания Германии волновала народ не меньше, чем судьба имперской конституции, так как торжество Пруссии угрожало лишить его тех немногих социальных и политических завоеваний, которых ему удалось достичь за год революции. Революционный подъем весны 1849 г. представлял собой не только движение за объединение Германии, но и борьбу народа против первой попытки Пруссии силой навязать Германии свое господство.

Движение за проведение в жизнь имперской конституции под лозунгом защиты родины и свободы от прусских штыков началось в Саксонии. 4 мая 1849 г. на улицах Дрездена произошли кровавые столкновения восставшего народа с полицией и войсками. Королевская армия дрогнула, но при помощи пруссаков движение удалось подавить. 9 мая пали последние баррикады. Еще не смолкла канонада в саксонской столице, а пламя восстания уже перекинулось в Рейнскую Пруссию, охватив правый и левый берега Рейна. 10—11 мая в ряде городов — Бармене, Эльберфельде, Золингене, Дюссельдорфе, Изерлоне — вспыхнули народные восстания, главной силой которых были рабочие.

13—14 мая поднялись народные массы Бадена и Баварского Пфальца. Особенно грозным было восстание в Бадене, так как здесь к восставшим примкнуло 20 тыс. солдат регулярной армии. На подавление революционно-демократического движения были двинуты прусские войска во главе с принцем Вильгельмом. К середине июня 60-тысячное войско пруссаков заняло главный город Пфальца — Кайзерслаутерн, форсировало Рейн и вторглось в Баден. Вскоре прусская армия захватила Карлсруэ и Фрейбург. Восставшие оказались прижатыми к швейцарской границе, и часть из них устремилась в Швейцарию. 28 июля пал революционный Раштатт — последний оплот движения.

Одним из лучших отрядов революционной армии был добровольческий корпус, во главе которого стоял член Союза коммунистов Август Виллих. Его адъютантом был Ф. Энгельс, принявший



Баррикада на Фрауенштрассе в Дрездене в мае 1849 г.

непосредственное участие в четырех сражениях, в том числе в битве при Раштатте. Он проявил большое мужество и храбрость, обнаружив выдающиеся способности военачальника. В том же отряде сражался и погиб Иосиф Молль.

Однако, как правило, руководство движением находилось в руках мелкой буржуазии. Вследствие ее нерешительности преобладала пагубная тактика пассивной обороны. Руководители не провели немедленной отмены всех феодальных повинностей и освобождения крестьянских хозяйств от задолженности и этим оттолкнули крестьянство от восстания.

Анализируя итоги борьбы за имперскую конституцию, Энгельс указывал, что восстание, как и война, есть искусство и оно подчиняется определенным правилам, забвение которых может привести к поражению и гибели. Главнейшие из этих правил состоят в том, чтобы никогда не затевать восстания, если нет налицо достаточно крепкой силы, способной противопоставить себя врагу, который имеет все преимущества организации и дисциплины. Но если восстание начато, то нужно действовать с величайшей решительностью и идти в наступление. Этими правилами пренебрегли руководители восстания, что явилось одной из причин поражения.

Подавление восстания сопровождалось белым террором, проводившимся с обычной для прусского юнкерства жестокостью. Каторжные приговоры выносились десятками, расстрелы по суду и без суда стали обычным явлением.

Разгром народного восстания на юго-западе Германии означал конец франкфуртского парламента. Депутаты собрания много болтали, протестовали, но боялись действовать. Прусское и австрийское правительства отозвали из Франкфурта своих депутатов. Потеряв авторитет, парламент совершенно обезлюдел и к концу мая перенес свои заседания в столицу Вюртемберга Штутгарт и оттуда продолжал засыпать Германию своими протестами и манифестами. Открытый с такой торжественностью и помпезностью, парламент доживал свои последние дни, всеми забытый, потерявший всякий авторитет и никому не нужный. В июне о нем вспомнило вюртембергское правительство, но лишь затем, чтобы разогнать собрание. «Подавлением восстания в Юго-Западной Германии и разгоном германского парламента заканчивается история первой германской революции» [51], — писал Ф. Энгельс.

*

Революция 1848 г. в Германии носила буржуазно-демократический характер. Ее главная задача сводилась к созданию единого государства путем революционной ликвидации политической раздробленности страны, унаследованной от феодализма. Она должна была уничтожить феодальные порядки в немецкой деревне, свергнуть монархию во всех государствах Германского союза, упразднить сословные привилегии дворянства. Однако ни одна из этих задач в ходе революции не была решена.

Главная причина поражения сводилась к тому, что революция происходила здесь «под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс» [52]. А либеральная буржуазия уже в начале революции заключила союз с монархией и дворянством против народа. Демократическая мелкая буржуазия не могла возглавить борьбу народных масс вследствие своей неорганизованности и непоследовательности. Борьба крестьянства была оторвана от демократического движения в городах и лишена всякого руководства. Пролетариат принял в революции самое активное участие. Однако ввиду своей малочисленности, недостаточной зрелости, отсутствия партии он не мог повести за собой крестьянство, стать руководителем революционного движения.

[51] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 113.
[52] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 226.

Ф. Энгельс на баррикадах в Эльберфельде в мае 1849 г.

Одной из важных причин поражения революции было отсутствие единого политического центра: десятки германских революций вызывали десятки реакций со стороны объединенного под главенством Пруссии феодально-монархического лагеря. Вследствие столь невыгодных для прогрессивных сил условий революция 1848—1849 гг. в Германии развивалась по нисходящей линии.

Революция потерпела поражение, но события 1848 г. отнюдь не прошли для Германии бесследно. Пользуясь замечательными словами Маркса, относящимися к Франции 1848 г., можно сказать: погибла не революция, погибли пережитки дореволюционных традиций, погибли иллюзии, ошибочные идеи, проекты, от которых рабочий класс, революционные партии не были свободны до революции и освободились не в дни побед, а в черные дни поражений [53]. Борьба трудящихся масс, особенно рабочих, вынудила в дальнейшем господствующие классы провести назревшие социально-экономические преобразования. Революция расчистила путь для более быстрого развития капитализма в Германии, а, следовательно, для дальнейшего развития рабочего движения, способствуя тем самым поднятию классовой борьбы на более высокий уровень.

[53] *См. К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 7, стр. 7.

8

ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ В 50-х ГОДАХ

После поражения революции 1848 г. во всех германских государствах наступила политическая реакция. Буржуазия, напуганная самостоятельностью пролетариата, пресмыкалась перед юнкерством, а пролетариат, недостаточно организованный, ослабленный ударами контрреволюции, не смог противостоять ей.

Сильнее всего реакция свирепствовала в Пруссии. Прусское юнкерство, опираясь на армию, восстановило свои прежние привилегии. Введенная в 1850 г. конституция, по существу своему антидемократическая, закрепляла в стране господство юнкерства. К. Маркс дал непревзойденную характеристику этого творения противников прогресса. «Каждый ваш шаг, — писал он, — даже просто передвижение, регламентируется действиями всемогущей бюрократии, этого второго провидения чисто прусского происхождения. Вы не можете ни жить, ни умереть, ни вступить в брак, ни написать письмо, ни думать, ни печатать, ни открывать торговое дело, ни учить, ни учиться, ни созвать собрания, ни построить фабрику, ни эмигрировать, ни сделать что бы то ни было без obrigkeitliche Erlaubnis — без разрешения властей. Что касается свободы науки и религии, или уничтожения патримониальной юрисдикции, или отмены кастовых привилегий, или упразднения майоратов и права первородства, то все это чистейшая чепуха». «Во всех этих отношениях Пруссия в 1847 г. была более свободна, чем теперь» [1].

Конституция искусно превратила всеобщую подачу голосов в самую ограниченную, проделав это под благозвучным предлогом

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 632.

«соответствия прав обязанностям» (gleiche Pflichten — gleiche Rechte). Все избиратели были разделены на три класса по количеству уплачиваемых ими налогов так, чтобы на каждый класс приходилась одинаковая часть (одна треть) всей суммы податного обложения. Первый класс состоял из налогоплательщиков наибольшего обложения, второй — из налогоплательщиков среднего обложения, и, наконец, в третий класс входили все остальные налогоплательщики. Каждый из этих трех классов выбирал $^1/_3$ выборщиков, которые потом вместе избирали членов палаты депутатов.

Итак, важнейшее политическое право пруссака определялось размерами его собственности и уплачиваемого им податного налога. Такова была суть этой реакционной избирательной системы, укреплявшей власть земельных магнатов и богачей.

Выборы были не прямыми, а двухстепенными: сначала по классам избирали выборщиков, которые в свою очередь выбирали депутатов. В обоих случаях выборы были открытыми, и миллионы избирателей либо испытывали сильнейшее давление имущих классов, либо совершенно не принимали участия в выборах, потому что не могли избрать того, кому хотели бы доверить обеспечение своих интересов. Не случайно почти за 70 лет существования указанной избирательной системы число участвовавших в выборах ни разу не превышало трети общего количества избирателей.

Выборы не были всеобщими и юридически, так как по конституции имели право избирать только мужчины, достигшие 24-летнего возраста. Наконец, выборы не были равными, так как разделение на три класса по размеру уплачиваемого налога приводило к резкому неравенству числа избирателей в каждом классе, а выборщиков каждый класс посылал одинаково.

После принятия закона все избиратели делились на три класса следующим образом [2]:

I — 153 808	человек,	или	4,7%	всех	избирателей
II — 409 945	»	»	12,6%	»	»
III — 2 691 950	»	»	82,7%	»	»

Существенных изменений в распределении избирателей по классам не произошло и в последующем.

Избранию угодных господствующей верхушке депутатов способствовала также система комбинирования избирательных округов перед каждыми выборами. «...Если какой-нибудь город подоз-

[2] «Zeitschrift des Königlich preussischen statistischen Büreaus», Bd. II, Jg 1862, S. 101.

ревают в либерализме, то его могут растворить в массе реакционных голосов сельских избирателей; министр простым приказом сливает либеральный город с реакционным сельским районом в один общий избирательный округ»[3]. Прогрессивные элементы на протяжении десятилетий выдвигали вопрос о перераспределении округов и создании новых в связи с ростом населения и образованием новых промышленных центров.

Все же, как ни процеживались при выборах «народные» представители, они могли в некоторых случаях оказаться ненадежными. Поэтому в Пруссии, как и в ряде других германских государств, наряду с палатой депутатов существовала верхняя (первая) палата, палата господ. Она состояла из лиц, принадлежавших, как правило, к высшей земельной аристократии, некоторые из них заседали в палате господ по праву наследства. В этой палате были также представлены высшее духовенство и посланцы крупной денежной аристократии. Любое решение второй палаты, прежде чем поступить на утверждение короля, передавалось на рассмотрение палаты господ. Таким образом, она служила своего рода тормозом в тех случаях, когда палата депутатов принимала какое-либо либеральное решение.

Политический строй прусского королевства с его трехклассной системой был лишь пародией на парламентский строй. Воля прусского короля оставалась решающим фактором. Политические права народа были ничтожны.

Палаты в Пруссии созывались королем и могли собираться лишь по его указу. Король имел право, когда ему угодно было, распустить палату депутатов, а также просто запрещать или откладывать заседания палат. Конституция налагала на королевские прерогативы только воображаемые оковы. Ведь в ней не было пункта, который хотя бы формально провозглашал верховенство народа.

Не существовало в Пруссии также парламентской ответственности министров. Они могли совершенно безнаказанно для себя игнорировать постановления ландтага.

Таковы были последствия «неоконченной революции», закрепившие политическое господство юнкерства.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 636.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОЩЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕСПРАВИЕ БУРЖУАЗИИ

Но если в 50-е годы немецкая буржуазия в политической области чувствовала себя «в вавилонском плепении» и мирилась с гегемонией юнкерства, то в экономическом отношении она быстро крепла. После революции 1848 г. в Германии в полную силу развернулся промышленный переворот. Объем промышленной продукции за 50-е годы увеличился более чем вдвое[4]. При этом производство средств производства обгоняло производство средств потребления[5]. В Германии закладывался фундамент для развития крупной промышленности.

Указ 1850 г. «О регулировании отношений между помещиками и крестьянами», обеспечивший освобождение последних от сохранившихся форм зависимости, предоставил промышленности необходимые рабочие руки. Некоторые стеснения и преграды, существовавшие еще (особенно в Пруссии), хотя и тормозили развитие индустрии, не могли приостановить ее неуклонного роста. За десятилетие после революции Пруссия «...превратилась из сельскохозяйственной страны в промышленную»[6]. Строились и вступали в действие новые предприятия, увеличивалось число рабочих, занятых на них. К концу 50-х годов Берлин превратился в центр германского машиностроения.

Вся Германия, за исключением юнкерского северо-востока, была охвачена экономическим подъемом. Быстро расширялась добыча угля, руды, увеличивалась выплавка металлов, росло число паровых двигателей. В 1861 г. в Германии действовало почти в 6 раз больше паровых двигателей, чем в 1846 г.; в 1850 г. мощность такого рода двигателей равнялась 0,26 млн. л. с., а в 1870 г. достигла 2,48 млн. л. с., уже тогда оставив далеко позади Францию[7]. Среднее число рабочих, занятых на одном предприятии, увеличилось в производстве железа и стали, а также в машиностроении вдвое, а в вагоностроении — даже более чем в 2,5 раза. Крупнейшими предприятиями уже тогда были металлургические заводы Круппа, где в 1845 г. имелось только 122 рабочих, а к 1870 г. 16 тыс.

Рост промышленности в Германии сопровождался дальнейшим развитием транспорта и торговли. За период с 1850 по 1870 г. об-

[4] См. *Ю. Кучинский*. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 64.
[5] *H. Mottek*. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. Ein Grundriss. Bd. II, Berlin, 1964, S. 171—185.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 370.
[7] См. *Ю. Кучинский*. История условий труда в Германии, стр. 71.

щая протяженность железных дорог в Пруссии расширилась с 3869 до 11 523 км, т. е. почти в три раза [8]. За то же время внешняя торговля возросла в три раза, хотя она все еще отставала от внешней торговли Франции и Англии [9].

Таким образом, после революции 1848 в., несмотря на ее незавершенность, Германия превратилась в страну быстро растущей капиталистической промышленности. Одним из главных условий этого явилась бо́льшая, чем в других странах, эксплуатация рабочих, особенно домашней промышленности. «Домашняя промышленность,— писал Энгельс,— стала широкой основой для немецкой экспортной торговли, а вместе с тем и для всей крупной промышленности. Поэтому она широко распространена в Германии и с каждым днем распространяется все шире» [10]. Энгельс показал ее влияние на уровень заработной платы рабочих. «Именно это обстоятельство,— указывал он,— более чем любое другое, удерживает и в прочих отраслях промышленности заработную плату и жизненный уровень немецких рабочих ниже уровня рабочих западноевропейских стран» [11].

Видный немецкий экономист Ю. Кучинский отмечает резкое падение заработной платы в 50-х годах XIX в. В 1854 г. реальная заработная плата составляла лишь около $^2/_3$, а в 1855 г.— только 60% уровня 1850 г. [12] Одновременно происходило возрастание стоимости жизни, что пагубно отражалось на положении рабочих и их семей.

Очень высокой оставалась продолжительность рабочего дня. В Нижней Силезии, например, повсеместно был распространен 13—14-часовой рабочий день; на текстильных предприятиях он продолжался 16 часов. В горнодобывающей промышленности, особенно в Руре, рабочий день длился 10—11 часов, не считая времени спуска и подъема в шахты и из шахт. На наземных же работах продолжительность рабочего дня достигала 12 часов [13].

В конце 60-х годов произошло некоторое сокращение рабочего дня, но оно не охватило широких слоев рабочих домашней капиталистической промышленности и сельскохозяйственных рабочих. Снижение длительности работы предприниматели с лихвой компенсировали более изощренными методами выжимания прибыли, добиваясь увеличения производительности труда. Капиталисты перешли от экстенсивной к интенсивной эксплуатации рабочих.

[8] *Ю. Кучинский.* История условий труда в Германии, стр. 73.
[9] См. *G. Bondi.* Deutschlands Aussenhandel 1815—1870. Berlin, 1958.
[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 342.
[11] Там же, стр. 341.
[12] *Ю. Кучинский.* История условий труда в Германии, стр. 82.
[13] Там же, стр. 108—109.

Законодательство по охране труда детей, принятое в Пруссии (1853 г.), Баварии (1854 г., 1863 г.), Саксонии (1861 г), практически не облегчило их участи. Законы не выполнялись, да и родители часто посылали детей на непосильную работу, чтобы спасти семью от голодной смерти.

Рост производительных сил ускорился благодаря восстановлению в 1853 г. Таможенного союза, который создал предпосылки для экономического объединения страны. К концу 50-х годов вне союза, кроме Австрии, оставались лишь Гольштейн, Лауэнбург, Мекленбург и ганзейские города.

Сложившаяся в 50-х годах международная ситуация содействовала развитию торговых связей Германии с другими государствами, что способствовало экономическому развитию страны. Так, во время Крымской войны, оставаясь нейтральной, Пруссия торговала с обеими воюющими сторонами. К концу 50-х и в начале 60-х годов государства Таможенного союза заключили торговые договоры с Персией, Аргентиной, Китаем.

ПРУССКИЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Последствия «неоконченной революции» в высшей степени отрицательно сказались на путях развития сельского хозяйства в Пруссии, а впоследствии и в некоторых других частях Германии, а также на положении крестьянства. Для Германии был характерен так называемый прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. «В Германии,— писал Ленин,— пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок, переживающих трудный переход от барщины к кнехту и гроссбауэру» [14].

Медленный переход средневековых форм землевладения в капиталистические, постепенное превращение крепостнического поместья в юнкерско-капиталистическое хозяйство проходило в условиях все усиливающегося развития товарного хозяйства, что в свою очередь вызывало необходимость ликвидации средневековых форм крепостного права. Окончательно прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве Германии стал утверждаться лишь после поражения революции 1848 г.

[14] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 252.

Крупное юнкерское землевладение, уцелевшее во время революции, после ее поражения еще более укрепилось, а помещик-крепостник стал превращаться в помещика-предпринимателя. Благоприятная экономическая конъюнктура 50-х годов способствовала обогащению юнкерства. В годы Крымской войны прусские юнкеры, пользуясь отсутствием русской конкуренции, резко подняли цены на хлеб, тем более что спрос на него по мере роста городского населения возрастал. Юнкерской торговле и подъему крупного сельского хозяйства способствовало и восстановление Таможенного союза. Обогащению юнкеров в высшей степени содействовало их господствующее положение в политической области, облегчавшее эксплуатацию крестьян и многочисленного слоя бесправных батраков.

Указ «О регулировании отношений между помещиками и крестьянами» предусматривал освобождение прусского крестьянства от крепостной зависимости не на основе отмены феодальных повинностей, а в результате выкупа барщины и других повинностей на очень тяжелых условиях. С 1850 до конца 1865 г. освободилось 12 706 крупных крестьян-собственников, обладавших земельной площадью в 352 305 моргенов, и 1 014 341 мелкий землевладелец [15].

Изданное в 1854 г. «Положение о батраках»» юридически закрепляло наличие феодальных остатков в Пруссии. Восстановление вотчинной юрисдикции усиливало политическое господство юнкеров в том или ином сельскохозяйственном районе. Следовательно, «освобождение» крестьян в Пруссии в 50-х годах фактически означало их закабаление юнкерами.

Немецкий крестьянин страдал под бременем выкупных платежей, которые взыскивались в течение десятилетий сборщиками наравне с государственными налогами. Ф. Энгельс писал, что «...сумма, уплаченная крестьянами дворянству и казне за освобождение от противозаконно возложенных на них повинностей, составляет по крайней мере 300 миллионов талеров, а возможно, и миллиард марок» [16].

Такое ограбление крестьян ускорило расслоение деревни и превращение помещика-феодала в капиталистического сельскохозяйственного предпринимателя, в помещика-юнкера, земля которого обрабатывалась многочисленными полубезземельными крестьянами, или, точнее, «батраками с наделами» — как называл таких крестьян Ленин. Только за шесть лет, с 1852 по 1858 г., площадь всех сельских хозяйств, включая гроссбауэров, сократилась

[15] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 256.
[16] Там же, стр. 257.

в пользу крупных помещиков, о чем свидетельствует следующая таблица:

Размер хозяйства (в моргенах)	*Распределение земельной площади (в процентах)*	
	1852 г.	1858 г.
Ниже 5	2,52	2,38
От 5 до 30	9,13	8,99
от 30 до 300	40,76	38,32
от 300 до 600	6,52	6,45
Свыше 600	41,07	43,86

Jahrbuch für amtliche Statistik des Preußischen Staats, I. Teil. Berlin, 1863.

И в дальнейшем расслоение в германской деревне продолжалось. Крестьяне продавали не только часть своей земли, но и скот. Ликвидация общинных земель лишила крестьянский скот лучших пастбищ. Поэтому лошади продавались, и часто в качестве тягловой силы использовались коровы. Под бременем выкупных платежей, выплата которых затянулась до середины 70-х годов, крестьянские хозяйства приходили в упадок, разорялись, а юнкера за счет ограбления крестьян укрепляли свои хозяйства, применяя машины и дешевый труд батраков с наделом. Некоторые из прусских, силезских, саксонских помещиков не только имели в своих поместьях паровые мельницы, спирто-водочные заводы, т. е. предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, но и эксплуатировали горные промыслы.

В интересах сохранения дешевой рабочей силы помещики искусственно поддерживали мельчайшие крестьянские хозяйства различного рода «ссудами» за натуральную отработку. Разорявшийся крестьянин превращался в батрака, полуприкрепленного к своему участку и к помещику, и был обречен на жестокую эксплуатацию, кабалу и нищенское существование. Еще хуже было положение безземельных и бездомных сельскохозяйственных рабочих, которые жили в условиях постоянной ужасающей нищеты [17]. Они не были связаны контрактами с помещиками-юнкерами и потому зимой часто оставались без работы

Так сложились в Германии, преимущественно в ее северо-восточной части, крупные хозяйства помещиков-юнкеров. В Восточ-

[17] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 419.

ной Пруссии такие хозяйства (свыше 100 га) занимали более трети обрабатываемой земли, а в Померании — более половины.

В юго-западной части Германии происходили иные процессы: там капиталистическое развитие привело к разорению массы крестьян и к выделению из их среды прослойки гроссбауэров, наряду с помещиками эксплуатировавших основную массу крестьянства.

БОРЬБА ПО ВОПРОСУ ОБЪЕДЕНЕНИЯ СТРАНЫ

Главным препятствием дальнейшему развитию капитализма в Германии оставалась ее политическая раздробленность. Касаясь общенациональных задач, стоявших перед Германией после революции 1848 г., Ленин писал, что «национальным вопросом *вполне* утвердившегося буржуазного развития Германии было объединение и т. п., но не аграрный вопрос...» [18]

Еще в 1849 г., когда контрреволюция беспощадно расправлялась с последними очагами восстания, в Берлине по приглашению прусского короля состоялось совещание делегатов Пруссии, Австрии, Баварии, Саксонии и Ганновера по вопросу о дальнейшей судьбе Германского союза. Представители Австрии и Баварии, ознакомившись с прусским проектом «реорганизации» союза, в первые же дни покинули совещание. В дальнейшем в нем участвовали лишь Пруссия, Саксония и Ганновер. Было решено, что Союзный сейм как общегерманская государственная организация изжил себя и никоим образом не может представлять немецкое единство. Совещание сочло необходимым образовать союз немецких государств под руководством Пруссии.

Предложенный Пруссией проект «реорганизации» Германского союза состоял в передаче ей внешних сношений и военных дел; для управления всеми остальными ведомствами намечалось учредить коллегию из глав наиболее крупных германских государств. Далее проект предусматривал образование совещательного органа — Совета представителей правительств всех немецких государств и, наконец, создание выборной палаты, решения которой подлежали утверждению прусским королем. На этой основе в 1849 г. была подписана так называемая прусская уния (иначе «уния трех королей»). Союз Пруссии, Саксонии и Ганновера явился результатом карательной роли Пруссии по отношению к революции 1848—1849 гг.

Вскоре в Готе собрались умеренные депутаты бывшего Национального собрания (всего около 150 человек) и одобрили принятую в Берлине тремя королями унию как возможную основу объединения Германии. К голосу депутатов стали прислушиваться другие германские государства, и в дальнейшем к «прусской унии» присоединились 28 мелких и средних монархий и княжеств. Началась подготовка к выборам в общесоюзный учредительный парламент. Он смог собраться только в марте 1850 г. в Эрфурте [19]. К этому времени австрийская монархия успела расправиться с революционным движением в итальянских областях и развернула борьбу против принятых Пруссией мер. Под влиянием Австрии от Пруссии отошел ряд государств, в том числе и первыми подписавшие унию Саксония и Ганновер.

[18] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 229.

Таким образом, против попыток юнкерской Пруссии объединить под своей гегемонией государства Северной Германии выступила Австрия. Ее поддержала царская Россия. Правящие круги последней считали нежелательным образование единой Германии, тем более под главенством милитаристской Пруссии, ибо она могла стать опасным соседом. Поэтому правительство Николая I поставило Берлин в известность, что если «прусская уния» осуществится и это вызовет войну в самой Германии (между Австрией и Пруссией), то в этой войне царизм будет на стороне Австрии.

В апреле 1850 г. Австрия, ободренная поддержкой царской России, в противовес Эрфуртскому парламенту созвала во Франкфурте-на-Майне представителей немецких государств с целью реорганизации Союзного сейма. Собравшиеся здесь деятели приняли решение о восстановлении сейма, в котором впредь должны были председательствовать Австрия и Пруссия поочередно. В качестве уступки Пруссии решение предусматривало сохранение созданного ею союза северных немецких государств, но без права вмешательства последнего в компетенцию Союзного сейма [20].

Это, однако, не удовлетворило Пруссию, которая решила отстаивать свою роль «объединителя» Германии вооруженным путем. В сентябре 1850 г. прусский король объявил мобилизацию. Австрия и Пруссия стояли перед угрозой военного столкновения. Последовало грозное предостережение Николая I, который в октябре 1850 г. приехал в Варшаву и вызвал к себе представителей Австрии и Пруссии — Ф. Шварценберга и Ф.-В. Бранденбурга. Николай I решительно поддержал Австрию, охарактеризовав действия Пруссии как «противозаконные».

В конце ноября 1850 г. в Ольмюце (Оломоуц) состоялось совещание прусского министра Мантейфеля со Шварценбергом. Последний от имени Австрии предложил демобилизовать прусские

[19] *Ф. А. Ротштейн.* Из истории Прусско-германской империи. М.— Л. 1948, стр. 47.

[20] *И. С. Галкин.* Объединение Германии. М., 1951, стр. 23.

войска, распустить «прусскую унию» и признать Союзный сейм в качестве полномочного представителя Германского союза [21]. Пруссия капитулировала, временно отказавшись от своих притязаний на гегемонию в Германии. Ольмюцское соглашение означало тяжелое поражение Пруссии.

Созванная в марте 1851 г. в Дрездене конференция немецких государств восстановила старый Союзный сейм в его правах. После этого, стремясь сохранить хотя бы частично свои позиции в Германии, Пруссия обратила свои взоры на Таможенный союз. Сделав серьезные уступки ганзейским городам, прусское правительство добилось заключения с ними и с другими мелкими государствами севера страны таможенного соглашения. Таким путем Пруссии удалось экономически объединить под своим главенством значительное количество членов Германского союза. Оказывая на них большое экономическое влияние, Пруссия фактически брала реванш за Ольмюц и Дрезден. Немецкая буржуазия видела, что силой, которая держит в своих руках Германию, является все же не Австрия. И буржуазия в своем большинстве склонялась к прусскому пути завоевания единства страны, хотя порой еще фрондировала.

В 1853 г. закончился первый этап движения за объединение Германии. Демократический путь объединения потерпел поражение в результате победы контрреволюции, однако он не был снят с повестки дня. Борьба между двумя путями династического объединения («великогерманским» — под главенством Австрии и «малогерманским» — без Австрии, под главенством Пруссии) закончилась победой Австрии, которую поддерживала царская Россия.

ИТАЛО-ФРАНКО-АВСТРИЙСКАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ГЕРМАНИЮ

В Австрии в 50-х годах неудержимо разлагался режим, установившийся после поражения революции. В этот период Австрия потерпела ряд экономических и политических неудач; она ощущала большие финансовые затруднения, что вынудило ее продать французским компаниям железные дороги в Ломбардии и Венецианской области. В результате эти важнейшие экономические и стратегические опорные пункты в Северной Италии попали в руки французов.

В связи с Крымской войной и решениями Парижского конгресса держав (1856 г.) изменились внешнеполитические позиции Австрии. Во время Крымской войны властители Австрии, «забыв»

[21] *Ф. А. Ротштейн.* Из истории Прусско-Германской империи, стр. 48.

о помощи, оказанной им царской Россией в деле удушения венгерской революции и в борьбе с Пруссией за гегемонию в Германии, фактически оказались в острый для России момент в лагере ее противников. Вместе с тем Австрия не снискала себе дружбы Наполеона III, который остался недоволен, что она не предприняла военной диверсии против России. Отношения между Пьемонтом и Австрией были далеко не дружественными из-за того, что последняя продолжала оккупацию Верхней Италии [22].

Таким образом, к концу 50-х годов Австрия оказалась изолированной. Пруссия выжидала благоприятной обстановки, чтобы действовать активнее.

Как только обнаружилось обострение русско-австрийских отношений, в Венгрии и Северной Италии вновь разгорелось национально-освободительное движение. Центробежные силы, издавна накапливавшиеся в австрийской монархии, дали о себе знать. Австрия вступила в полосу политического кризиса, который осложнялся наступившим в 1857 г. экономическим кризисом. В этих условиях в апреле 1859 г. началась война между Австрией, с одной стороны, Пьемонтом и Францией — с другой.

Раздираемая внутренними противоречиями, Австрия не могла вынести тяжести войны. В июне 1859 г. австрийская армия потерпела два крупных поражения: при Мадженто и Сольферино. Как предвидели Маркс и Энгельс, итало-франко-австрийская война вызвала мощное народное движение в Италии. В страхе перед тем, что движение опрокинет все его расчеты, Наполеон III втайне от своего итальянского союзника поспешил 8 июля 1859 г. заключить перемирие с австрийским императором. Австрия вынуждена была отказаться от Ломбардии, переданной Сардинскому королевству.

Каково же было положение, создавшееся к этому времени в Пруссии? По своему политическому режиму Пруссия была отброшена далеко назад. «Робким романтическим воздыханиям наступил конец, но вместо них появилась прусская палата лордов; было восстановлено право мертвой руки, помещичья юрисдикция процветала в имениях, как никогда прежде; право не платить налоги снова стало атрибутом дворянства; полиция и правительственные чиновники должны были склониться перед дворянами; все высшие должности были предоставлены отпрыскам земельной аристократии и дворянства...» [23] Буржуазия, еще в дореволюционный период не склонная штурмовать устарелые учреждения и пускавшая вперед смелых идеалистов, которые атаковали абсолютизм в области мысли, теперь, после революции, потеряла и

[22] «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 294—295.
[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 704.

это оружие. Дореволюционный философский критицизм, прежде столь смелый, сильный и популярный, был вырван аристократией с корнем [24].

Растеряв революционные иллюзии, буржуазия с тем бо́льшим рвением обратилась к реальным источникам силы — к торговле и промышленности. 50-е годы прошли под знаком ее обогащения, особенно на Рейне и в Вестфалии. Буржуазия быстро становилась решающей экономической силой и, как следствие этого, активизировалась политически. Она перешла от бойкота выборов в прусскую палату к участию в них.

Это совпало по времени с изменениями в прусском королевском дворе. В 1857 г. король Фридрих-Вильгельм IV заболел психическим расстройством. В рескрипте короля, обращенном к принцу Прусскому Вильгельму, его брату, говорилось, что он просит принца «взять на себя временно отправление королевских полномочий в качестве регента». В контрреескрипте принц извещал, что он, согласно королевской просьбе «и на основании ст. 56-й конституции», принимает регентство над страной и созывает обе палаты ландтага.

Маркс в статье «Умопомешательство прусского короля» указывал, что в силу стечения обстоятельств Вильгельм (известный в народе как «картечный принц»: в 1849 г. он командовал войсками, подавлявшими восстание в юго-западной Германии, а в 1850 г. отказался присягнуть конституции), став регентом, почувствовал себя в неловком положении: ему приходится не только признавать конституцию, но и прибегать к ее помощи. Маркс подчеркивал, что принц-регент никогда не менял своих реакционных убеждений. Лишь обиды, которые ему приходилось переносить со стороны королевы и ее камарильи, толкнули его в некоторую оппозицию. Став регентом, он в борьбе с королевой пытался опереться на либеральные круги. За его спиной стояла связанная с буржуазией и ориентирующаяся на Запад (прежде всего на Англию) либеральная группка «Политише вохеншрифт». С другой стороны, Вильгельм стал менее разборчив и был готов присягнуть на верность конституции, которую в 1850 г. с отвращением отвергал. Принц-регент в достаточной мере мог убедиться за последние восемь лет правления его брата, короля Фридриха-Вильгельма IV, что «...конституция связывает королевскую прерогативу только на бумаге, между тем как с финансовой точки зрения она является прямо-таки находкой» [25].

В 1858 г. принц-регент назначил на пост премьер-министра Пруссии либерального бюрократа Шверина. Начался период заигрывания прусских властителей с либералами, получивший в устах

[24] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 12, стр. 704.
[25] Там же, стр. 622.

последних название «новой эры». Ее существо видно уже из первого заявления нового главы прусского правительства, провозгласившего «необходимость доверия между троном и обществом». На выборах в конце 1858 г. либералы получили большинство в ландтаге. На другие германские государства политический сдвиг в Пруссии оказал определенное влияние. В Саксонии, например, были смягчены методы господства, установившиеся в годы реакции. В Баварии ультрареакционное министерство Пфордтена вынуждено было уйти в отставку [26].

Экономический кризис 1857 г. также способствовал повсеместному политическому оживлению уже успевшей ожиреть буржуазии. Итало-франко-австрийская война дала сильный толчок движению за национальное объединение Германии. Значительные круги немецкой буржуазии — не только в Пруссии, но и в других германских монархиях — склонялись к объединению страны под главенством Пруссии, как экономически наиболее сильного из немецких государств.

В период итало-франко-австрийской войны по всей Германии шли оживленные споры по вопросу о том, вмешиваться или не вмешиваться в войну, которую вела Австрия — один из членов Германского союза — с чужеземным государством. Разные круги немецкого общества по-разному относились к этой проблеме. Многие буржуа («малогерманцы») решительно высказывались против вмешательства, мотивируя свою позицию тем, что, поскольку Германия должна объединиться вокруг Пруссии, пусть Австрия одна ведет войну со своими противниками. Буржуа — сторонники объединения Германии под главенством Австрии («великогерманцы») выступали за вмешательство. Приверженцы этой точки зрения утверждали, что немецкие государства должны удерживать за собой Верхнюю Италию и что река По является-де естественной границей Германии.

Ясность в этот сложный вопрос внесли Маркс и Энгельс. А сложность вопроса заключалась в том, что противопоставленный ими план объединения Германии и Италии «снизу», т. е. революционным путем, предусматривал борьбу против Наполеона III и царской России, которые были главным препятствием на пути объединительного движения в Германии. Но обстоятельства сложились так, что Пьемонт вел войну против Австрии, угнетавшей итальянцев в Верхней Италии; одновременно против Австрии воевал и Наполеон.

«Положение революционной партии в Германии» было «безусловно затруднительно» [27]. Маркс и Энгельс дали научный ана-

[26] *E. Engelberg*. Deutschland von 1849 bis 1871. Berlin, 1959, S. 88—89.
[27] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 350.

лиз положения и ответили на вопросы, волновавшие демократическую общественность. Ближайшей задачей было тогда содействие революционному объединению Италии и Германии в самостоятельные, независимые национальные государства. А так как Наполеон III своим вмешательством в итало-австрийские дела имел в виду подготовить условия для вторжения в последующем на Рейн и этим помешать объединению Германии, «то очевидно, что со всех точек зрения, хотя бы в интересах *существования* Германии ... следует предъявить требование *не* оставаться *нейтральными*» [28].

Таким образом, сущность тактики Маркса и Энгельса сводилась к следующему: германские государства принимают участие в войне против Бонапарта на стороне Австрии. Были основания полагать, что такая война превратится в революционную и покончит с бонапартовской империей, что значительно облегчит объединение Италии и Германии революционно-демократическим образом. Подчеркивая правоту этих тактических положений, В. И. Ленин указывал впоследствии, что «...вмешательство Пруссии против Наполеона в 1859 г. подтолкнуло бы народное движение в Германии» [29].

Вместе с тем концепция классиков марксизма исключала поддержку пролетариатом властителей Пруссии, стремившихся распространить свое господство на всю Германию. Противником этой точки зрения выступал Лассаль, в прошлом участник революции 1848—1849 гг., состоявший в переписке с Марксом и Энгельсом и называвший себя их единомышленником. В 1859 г. он опубликовал брошюру «Итальянская война и задачи Пруссии». В итало-франко-прусской войне Лассаль усматривал прежде всего желанную возможность разгрома Австрии как соперника Пруссии. Поэтому Лассаль считал, что прусское правительство должно в союзе с Наполеоном III немедленно выступить против Австрии для сокрушения последней, что создаст условия для объединения Германии без Австрии, под главенством Пруссии. По мнению Лассаля, деспотический властелин Франции Наполеон III в развязанной им войне 1859 г. творил «великое, справедливое, культурное и в высшей степени демократическое дело» [30].

Лассаль, следовательно, игнорировал борьбу народных масс за революционно-демократический путь объединения Германии и уже на том этапе видел в реакционной прусской монархии единственную силу, способную объединить страну. Брошюра Лассаля вызвала резкое осуждение со стороны Маркса и Энгельса. Маркс

[28] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 350.
[29] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138.
[30] *F. Lassale*. Gesammelte Reden und Schriften, Bd. I. Berlin, 1919, S. 43.

назвал ее «колоссальной ошибкой». Позицию Лассаля решительно осудил и В. И. Ленин, писавший: «Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики» [31].

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНФЛИКТ. ПРИХОД БИСМАРКА К ВЛАСТИ

Но Пруссия так и не приняла участия в итало-франко-австрийской войне. Выступить на стороне Франции, как предлагал Лассаль, прусское правительство не решилось; принц-регент Вильгельм знал, что не встретит поддержки у правительств многих немецких государств. Встать же на сторону Австрии означало усилить своего противника по борьбе за объединение Германии.

После заключения мира стало ясно, что Австрия серьезно ослабела, что действие центробежных сил внутри Габсбургской империи значительно увеличилось. В руководящих кругах Пруссии пришли к выводу, что наступило время, когда можно с помощью оружия выбросить Австрию из Германского союза. К активным действиям прусское правительство толкало и то соображение, что демократическое движение за национальное объединение угрожало пойти мимо правящих кругов.

В основе движения за национальное объединение лежали могучие экономические факторы. По своему содержанию оно было буржуазным. Но в нем приняли активное участие рабочие, крестьяне и мелкая буржуазия. Буржуазия использовала каждый повод для организации политических демонстраций. По всей Германии с особенным воодушевлением и в торжественной обстановке была в ноябре 1859 г. отмечена столетняя годовщина со дня рождения Шиллера. Десятки тысяч немцев вышли под лозунгами, звавшими к единству Германии, на улицы и площади Гамбурга, Дрездена и других больших городов [32]. Политический смысл этой демонстрации раскрыла «Иллюстрированная газета», выходившая в Лейпциге; она писала: «Имя Шиллера является символом, обозначением единства Германии» [33].

[31] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 138.
[32] См. *K. Obermann*. Die deutsche Einheitsbewegung und die Schillerfeiern 1859.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, N 5.
[33] *J. Streisand*. Der Kampf von Marx und Engels für die demokratische Einigung Deutschlands in der Periode zwischen der Revolution 1848/49 und der Gründung der I. Internationale.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1953, N 2, S. 253.

Немецкая буржуазия, внимательно следившая за движением народных масс, решительно не желала связывать единство Германии с революцией. Она предпочитала приспособлять свои экономические интересы к интересам прусского государства и юнкерства. Бывшие демократы 1848 г., собравшиеся в июле 1859 г. в Эйзенахе, а также либералы и конституционалисты, съехавшиеся тогда же в Ганновер, каждые порознь приняли решение о поддержке «малогерманской» программы, т. е. объединения под эгидой Пруссии. Тождественность политических устремлений участников эйзенахского и ганноверского совещаний послужила основанием для их объединения. В сентябре 1859 г. они образовали под председательством Рудольфа фон Бенигсена новую организацию буржуазии — Национальный союз. В принятом им манифесте, обращенном «Ко всем друзьям немецкого народа независимо от того, принадлежат ли они к демократической или конституционной партии» [34], выдвигалось требование реформы Германского союза, созыва общегерманского парламента. Подняв знамя имперской конституции 1849 г., либералы отводили роль объединителя Германии Пруссии, «...по возможности либеральной Пруссии, в крайнем случае — Пруссии как она есть» [35].

Собирая в своих рядах промышленников, торговцев, либеральных профессоров Северной и Средней Германии, Национальный союз не стал массовой организацией. Высокие членские взносы предотвращали вступление в союз рабочих; взамен этого руководители союза сулили рабочим свою «духовную опеку».

Деятельность Национального союза во многом способствовала популяризации среди населения программы объединения Германии вокруг и под эгидой Пруссии. Лояльная по отношению к монархии позиция либеральной буржуазии позволила прусскому правительству приступить к осуществлению давно задуманного плана реорганизации армии. В армии Вильгельм и его окружение видели главную опору юнкерского господства, а также орудие для последующего установления своей гегемонии в общегерманском масштабе.

В 1860 г. военный министр фон Роон внес в прусский ландтаг проект реорганизации армии. Проект имел противоречивый характер, во многом отражавший расстановку классовых сил в Пруссии и во всей Германии. С одной стороны, он диктовался назревшими потребностями военного дела, претерпевавшего серьезную техническую перестройку; основа этих изменений была безусловно буржуазно-капиталистической. Но, с другой, реформа разрабатывалась и проводилась юнкерством, которое стремилось использовать ее для сохранения своего господства над армией, для усиления своей политической власти в стране [36]. Поэтому, наряду с удлинением срока службы с двух до трех лет, одним из центральных пунктов реформы было сведение на нет гражданского ополчения — ландвера, созданного в эпоху освободительной войны против Наполеона и, в отличие от регулярной армии, имевшего командный состав в основном буржуазного происхождения.

[34] Die Eisenacher Erklärung zur Vorbereitung des deutschen Nationalvereins vom 14. August 1859.— *F. Salomon.* Die deutschen Parteiprogramme. H. I, von 1844—1871. Leipzig — Berlin. 1907, S. 98.

[35] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 441.

Либералы встретили проект отрицательно, ибо он вел к усилению короля и аристократии. Не получив поддержки в палате, правительство взяло законопроект обратно, но вместе с тем просило ассигновать 9,5 млн. талеров на усиление боевой готовности армии. Палата депутатов не нашла мужества «...решительно воспротивиться солдафонским наклонностям принца-регента, прибегла к обычной уловке слабых, избрав средний путь...» [37]: отклонив увеличение срока военной службы, санкционировала испрашиваемые ассигнования. Началось формирование новых воинских частей, и вскоре прусская армия состояла из 81 пехотного полка вместо ранее существовавших 45, 48 кавалерийских полков (ранее 38) и 18 артиллерийских полков (ранее — 8) [38]. Так вопреки воле палаты была начата реорганизация армии.

Конфликт короны с ландтагом способствовал подъему народного движения. Участились столкновения трудящихся с полицией и войсками [39]. Особенный накал массовые выступления приобрели в связи с кончиной в 1861 г. короля Фридриха-Вильгельма IV и занятием прусского престола принцем-регентом (под именем Вильгельма I). Приход к власти короля, чья крайняя реакционность была известна еще со времен революции 1848—1849 гг., вызвал большое возмущение в массах. Германия бурлила. Чтобы не потерять влияние, левая часть прусской буржуазии образовала в 1861 г. Прогрессивную партию. Весной этого года Маркс писал Энгельсу о настроении в столице Пруссии: «Тон, царящий в Берлине, дерзкий и фривольный. Палаты презираются... Среди значительной части общества сильно недовольство существующей прессой. На предстоящих новых выборах (осенью) во вторую палату безусловно пройдет бо́льшая часть тех парней, которые были депутатами прусского Национального собрания» [40].

Избирательная кампания по выборам в ландтаг проходила в обстановке всеобщего недовольства. Сторонники сильной королев-

[36] *H. Helmert.* Militärsystem und Streitkräfte im Deutschen Bund am Vorabend des preussisch-österreichischen Krieges vor 1866. Berlin, 1964, S. 177.

[37] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 15, стр. 199.

[38] *E. Engelberg.* Deutschland von 1849 bis 1871, S. 122.

[39] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 202.

[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 128.

ской власти, крайне правые элементы Консервативной партии, объединились с цеховыми ремесленниками, боровшимися против свободы промыслов, и образовали в сентябре 1861 г. Прусский народный союз. Эта реакционная организация вступила в избирательную кампанию с программой, призывавшей к единению вокруг прусского короля, к борьбе против сторонников парламентаризма и идеи республики [41]. Устоями государства признавались: церковный брак, христианская школа, покровительство цеховому ремеслу.

Мракобесие консерваторов лишь усиливало позиции Прогрессивной партии, которая активно выступала и в городе, и в деревне. В результате выборов, состоявшихся в декабре 1861 г., она получила 109 мандатов, «левый центр», выступивший в блоке с прогрессистами,— 52 места, правые (так называемые конституционные) либералы, входившие в правительственное большинство,— 95 мандатов, консерваторы— 15, остальные партии — 81 [42]. Консервативная партия потерпела, таким образом, провал, ее лидеры Бланкенбург, Вагенер, фон Роон были забаллотированы. Потерпели поражение и представители министерского большинства — Маттис, Мильде, Фальк, Бетман-Гольвег и др. Зато лидеры Прогрессивной партии: профессор Вирхов, Вальде, Дункер, Керст, Шульце-Делич и их единомышленники — были избраны в палату в двух или даже трех избирательных округах каждый. Оценивая это событие, Роон признавал: «Прошедшие в начале декабря выборы в палату депутатов оказались еще хуже, чем этого боялись Прогрессивная партия во всей стране, а особенно в восточных провинциях, одержала значительный успех» [43].

Несмотря на явный провал сторонников министерского большинства, король оставил у власти прежнее правительство. Разногласия между ним и вновь избранной палатой сразу же достигли большого накала в связи с росписью статей государственного бюджета на 1862 год. В результате бурного обсуждения палата большинством 171 против 142 потребовала у правительства «большей специализации бюджета» [44], т. е. конкретизации всех статей расходной части, с тем, чтобы лишить военное министерство возможности использовать для своих нужд ассигнования, предназначенные для иных целей. Король и правительство отказались выполнить это требование. Вслед за тем, 11 марта, последовал указ

[41] См. *F. Salomon.* Die deutschen Parteiprogramme, H. I, S. 83—84.
[42] *L. Parisius.* Deutschlands politische Parteien und das Ministerium Bismarck. Bd. I. Berlin, 1878, S. 22.
[43] «Denkwürdigkeiten aus dem Leben des General-Feldmarschals Kriegsministers Grafen von Roon», Bd. II. Breslau, 1892, S. 55.
[44] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Landtages». Berlin, 1862, Bd. I. S. 299.

о роспуске палаты депутатов и прекращении заседаний палаты господ. Главой правительства король назначил князя Гогенлоэ: 18 марта 1862 г. ушли в отставку министры «новой эры» Ауэрсвальд, Патов, Шверин, Пюклер и Бернут.

Роспуск палаты вызвал новую бурю негодования. В крупных городах и промышленных центрах состоялись антиправительственные митинги и собрания с выражением одобрения позиции депутатов палаты. Так, собравшиеся во Франкфурте-на-Майне призывали «каждого гражданина Пруссии и особенно депутатов... твердо, без колебаний отстаивать дело немецкой свободы и единства» [45]. Насколько было напряженным положение, свидетельствует сосредоточение в Берлине крупных воинских частей. Был разработан план генерального сражения. Эта мобилизационная готовность правительства для борьбы с народом сохранялась и в последующий период. В королевском лагере ждали восстания ежедневно. Именно этот момент и имел в виду В. И. Ленин, указывая, что в Германии 60-х годов XIX в. существовала революционная ситуация. Но революции не произошло, ибо отсутствовал субъективный фактор — класс, способный на революционные массовые действия [46].

Буржуазия боялась тех сил, на которые могла бы опереться. Выступая против всевластия юнкерства, она всегда подчеркивала свою умеренность и приверженность королю. «Ни конституционалисты, ни демократы,— писала газета «Национаь-цейтунг»,— не представляют существования Пруссии без короля» [47]. Правда, буржуазия подвергала критике основы избирательного закона и высказывалась против открытых выборов в пользу тайного голосования.

Вся активность либералов вновь сосредоточилась на избирательной кампании. Первичные выборы были назначены на 28 апреля, а выборы депутатов палаты на 6 мая 1862 г. В период избирательной кампании король и правительство усилили репрессии, наводнив рабочие районы полицией. Распускались ремесленные и рабочие союзы, запрещались предвыборные собрания. В округах ландраты не допускали агитации представителей Прогрессивной партии; были случаи избиения и арестов агитаторов [48]. Однако и в подобной напряженной атмосфере прогрессисты получали поддержку в самых различных слоях населения.

Во вновь избранном ландтаге, где прогрессисты опять оказались в большинстве, законопроект о военной реформе был отверг-

[45] «National-Zeitung», 4.IV 1862.
[46] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.
[47] «National-Zeitung», 10.IV 1862.
[48] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Landtages», 1862, Bd. I, S. 211.

нут вторично. Конституционный конфликт обострился до крайности. Монархия Гогенцоллернов находилась в глубоком кризисе. Вильгельм I стал даже поговаривать об отречении от престола. «Я не нахожу больше министров,— сказал король, объясняя причины своего намерения отречься от престола,— которые были бы согласны возглавлять мое правительство, не заставляя меня и самих себя подчиняться парламентскому большинству» [49]. Но король ошибался; такой министр нашелся. 23 сентября 1862 г. Вильгельм I пригласил на пост министра-президента Пруссии помещика Отто фон Бисмарка, пользовавшегося репутацией «сильного человека». Это о нем король Фридрих-Вильгельм IV сказал еще при формировании кабинета в 1848 г.: «Заядлый реакционер, пахнет кровью, использовать *позднее*» [50]. И эта пора пришла.

Бисмарк принял предложение и 8 октября 1862 г. был утвержден в должности министра-президента. В своих мемуарах Бисмарк рассказывает, что когда король пригласил его стать во главе прусского кабинета, то, говоря о создавшемся тяжелом положении, предупредил: дело может закончиться тем, что вначале голову на плахе на площади Оперы сложит Бисмарк, а вслед за ним сам король. «Бешеный юнкер», уже имевший за плечами большой политический опыт, решил бороться, понимая, что на карту поставлено существование монархии в Пруссии.

Отто Бисмарк вступил на путь политической деятельности довольно рано. Он отличался типичными чертами юнкерской касты, в первую очередь ненавистью к демократии. Уже в 1847 г., будучи депутатом Соединенного ландтага, Бисмарк обратил на себя внимание крайне правыми взглядами. Во время революции 1848 г. он примкнул к камарилье, которая боролась не только с пролетариатом, но и с правительством Кампгаузена. Не случайно Бисмарк любил часто повторять, что он «прежде всего пруссак, и лишь во вторую очередь немец». Прусский король по достоинству оценил монархическую преданность Бисмарка. После революции Бисмарк выполнял различные поручения короны, сначала будучи уполномоченным в Союзном сейме, затем посланником при важнейших европейских дворах — в Петербурге и Париже. И вот в 1862 г., в трудную для прусской короны годину, Бисмарк был призван дать решительный бой либералам.

Бисмарк пошел напролом, выступив против политических притязаний буржуазии. Он явился в ландтаг с проектом военной реформы и потребовал его утверждения. Выступая 30 сентября 1862 г. в бюджетной комиссии ландтага, Бисмарк заявил: «Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на ее мощь... Пруссия

[49] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. 1, М., 1940, стр. 193.
[50] Там же, стр. 36.

должна собрать свои силы для благоприятного момента, какой уже не раз был упущен... Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было ошибкой 1848 и 1849 гг.,— а железом и кровью».

Строптивая палата отказалась удовлетворить требования правительства. В ландтаге происходили бурные сцены, Бисмарк стучал кулаком, громко восклицал, что он слуга короля, а не слуга народа и поэтому будет действовать по своему разумению. И Бисмарк действовал решительно. Невзирая на отказ ландтага, он явочным образом провел военную реформу, израсходовав большие средства на реорганизацию армии и ее вооружение [51].

Таким образом, конфликт между правом и силой закончился победой последней, ибо в руках Бисмарка были войско, полиция и, что самое главное, Бисмарк имел перед собой такого трусливого и немощного противника, как немецкая либеральная буржуазия. Правда, она продолжала конфликтовать с Бисмарком в продолжение 1862—1864 гг. Военный бюджет все это время оставался неутвержденным, хотя правительство продолжало расходовать средства на военные нужды. Некоторые представители буржуазии, в частности депутат Якоби, обращались к населению Пруссии с призывами отказаться от уплаты налогов до тех пор, пока правительство не прекратит свои неконституционные действия. Ф. Лассаль предлагал другой способ борьбы. Он рекомендовал прогрессистам покинуть ландтаг, ибо они прикрывают собой действия абсолютистского правительства. После ухода прогрессистов из ландтага абсолютизм предстанет перед страной в своем неприкрытом виде, и тогда его действия вызовут массовое движение. Но как раз такого движения буржуазия и боялась больше всего. И Бисмарк понимал это. Он был убежден, что строптивые прогрессисты не способны на решительные шаги.

А. Бебель вспоминал позднее, что один из активных буржуазных деятелей, будущий министр внутренних дел Пруссии Микель, в 1863 г., в момент острого конфликта с правительством, призывал буржуазию к благоразумию, рекомендовал осторожную политику. «Господа в Берлине должны остерегаться и не слишком сильно натягивать струны,— говорил он,— а то в один прекрасный день мы посадим им (королю и правительству.— *Ред.*) на шею рабочих, и тогда они легко могут разделить судьбу Бурбонов» [52]. Выступление Микеля было рассчитано на устрашение правительства: либералы, мол, могут в случае нужды опереться на народные массы.

На деле руководители Прогрессивной партии боялись масс, всеми мерами старались помешать созданию самостоятельной

[51] *И. С. Галкин.* Объединение Германии, стр. 39.
[52] «Protokoll des Parteitages SPD zu Köln, 1893». Berlin, 1893, S. 261.

рабочей организации. «Рабочее движение беспокоило буржуазные круги и было им в высшей степени неприятно» [53],— вспоминал впоследствии лассальянец Вальтейх. Угрозы прогрессистов по адресу правительства не означали намерения вступить на путь революционной борьбы.

В. И. Ленин, характеризуя тогдашнее положение, писал, что «...немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластием...» [54] Имея перед собой нерешительного и непоследовательного противника, Бисмарк ревностно выполнял план создания юнкерско-буржуазного государства «железом и кровью», не останавливаясь ни перед чем. Но вместе с тем, действуя против буржуазии, он исполнял ее волю.

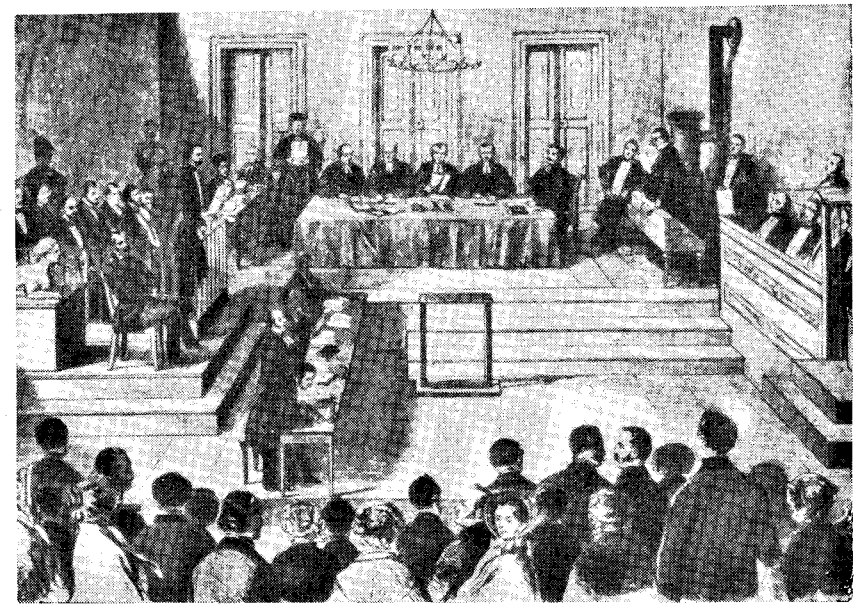
Грубым искажением исторической истины являются упорные попытки апологетов Бисмарка в современной буржуазной историографии доказать, будто не было альтернативы объединению Германии под главенством Пруссии. Так, один из реакционнейших историков ФРГ, Г. Риттер, попирая факты, утверждал, что «фактически не существовало никакого другого решения немецкого вопроса, чем то, которое нашел Бисмарк, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [55].

ВСЕОБЩИЙ ГЕРМАНСКИЙ РАБОЧИЙ СОЮЗ. ЛАССАЛЬ И ЛАССАЛЬЯНСТВО

Одной из существенных причин того, почему объединение Германии пошло по династическому пути под главенством Пруссии, была слабость немецкого рабочего движения.

Наступившая после поражения революции 1848 г. реакция свирепо обрушилась на возникшие в ходе революции рабочие союзы и ассоциации, в которых было объединено немало ремесленников и рабочих. Например, по сообщению администрации округа Цвиккау, к началу 50-х годов там существовало шесть ферейнов, но в середине 1850 г. все они были запрещены. В конце 1851 г. состоялся судебный процесс над руководителями ферейнов; восемь человек были приговорены к многолетнему тюремному заключению [56].

[53] *J. Vahlteich.* Ferdinand Lassalle und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1904, S. 21.
[54] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 144.
[55] *G. Ritter.* Bismarck und die deutsche Einheit. Zur 150. Wiederkehr seines Geburtstages.— «Tagesspiegel», 1.IV 1965.
[56] См. *G. Benser.* Zur Herausbildung der Eisenacher Partei. Eine Untersuchung über die Entwicklung der Arbeiterbewegung im sächsischen Textilindustrie-Gebiet Glauchau-Meerane. Berlin, 1956, S. 26—27.



Кёльнский процесс коммунистов. 1852 г.

Свой главный удар прусская реакция направила против Союза коммунистов. Арестовав нескольких участников Союза, в том числе членов его руководящих органов, власти инсценировали шумный процесс над ними, состоявшийся в 1852 г. в Кёльне. Подготовка к процессу продолжалась полтора года, суду были представлены многочисленные «документы», имевшие целью доказать вину подсудимых в «государственных преступлениях». Но обвиняемые и их защитники опровергли все клеветнические обвинения, показав, что они основаны на грубых фальшивках и терроре. Тем не менее подсудимые были брошены в тюрьму. Важную помощь оказал подсудимым К. Маркс, поддерживавший связи с ними [57]. Непосредственно после окончания процесса Маркс опубликовал свою работу «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», в которой раскрыл подлинные цели этого судилища, знаменовавшего начало крестового похода против всех демократических и патриотических эле-

[57] *R. Herrnstadt.* Die erste Verschwörung gegen das internationale Proletariat. Berlin, 1958; *М. И. Михайлов.* История Союза коммунистов. М., 1969, гл. 11.

ментов[58]. Характерно, что во время кёльнского процесса отчетливо появилось сочувствие «простых людей» к подсудимым: во время проезда их к зданию суда многие собиравшиеся по пути следования приветствовали революционеров возгласами «ура!», снятием шапок и т. п.[59]

Реакция добилась лишь кратковременного успеха. В 1854 г. по инициативе Бисмарка парламент Германского союза категорически запретил создание рабочих объединений. И хотя отдельные союзы сохранились, все же вплоть до начала 60-х годов в Германии не существовало единой рабочей организации. Некоторое оживление наметилось после экономического кризиса 1857 г., охватившего все страны Западной Европы. Франко-итало-австрийская война 1859 г. еще более повысила интерес рабочих к политической борьбе. Опасаясь, как бы рабочее движение не пошло по самостоятельному пути, буржуазия стремилась использовать его в период конституционного конфликта. С большой поспешностью деятели Прогрессивной партии стали создавать кооперативные товарищества рабочих и всякого рода просветительные союзы. Наибольшую активность в этом отношении проявил один из лидеров этой партии, Шульце-Делич, по имени которого и стали называть эти союзы. Используя отсталость рабочих, либеральная буржуазия посредством «культурничества» отвлекала их от борьбы. Однако, несмотря на препоны, рост политического самосознания масс создавал предпосылки для возникновения самостоятельной рабочей организации.

В 60-х годах число рабочих союзов начало быстро расти: в 1860 г. их насчитывалось 50, а в 1866 г.— уже 100[60]. Наиболее политически зрелые немецкие рабочие в своих стремлениях шли дальше буржуазно-демократических требований; особенно это относилось к рабочим Рейнской области, Гамбурга, Лейпцига. В этих районах среди рабочих стала распространяться идея великой исторической миссии пролетариата, который должен свергнуть капитализм и построить социализм. Вместе с тем усиливалось сознание того, что рабочий класс заинтересован в борьбе против юнкерского милитаризма за демократические свободы, за демократическое объединение Германии. Но все это было невозможно без объединения рабочих в самостоятельную политическую организацию.

Таким образом, происходил объективный процесс: в наиболее индустриальных районах Германии, где массы рабочих страдали преимущественно от капиталистической эксплуатации, рабочее

[58] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 423—491.
[59] *K. Obermann*. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung nach der Revolution von 1848/49 zu Beginn der fünfziger Jahre.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1961, N 4, S. 860.
[60] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 205.

движение постепенно принимало антикапиталистическую окраску. Стремление к разрешению национального вопроса невольно сливалось с социалистическими тенденциями[61].

Высвобождаясь из-под влияния буржуазной идеологии, рабочие Лейпцига в 1862 г. образовали самостоятельный союз «Вперед» во главе с Вальтейхом и Фриче. «Нашей целью,— писал впоследствии Вальтейх,— была организация, представляющая интересы рабочих»[62]. Союз посвятил свою деятельность обсуждению политических и социальных вопросов, повел активную агитацию за введение всеобщего избирательного права, за созыв общегерманского парламента, развернул дискуссию по вопросу о страховании рабочих. Большое внимание уделялось идее созыва общегерманского рабочего конгресса; для его проведения в Лейпциге был образован специальный комитет, куда вошли Вальтейх, Фриче и А. Бебель[63]. За созыв рабочего конгресса вскоре высказались рабочие ряда других городов Германии. Опираясь на это, Лейпцигский комитет, которому были приданы полномочия центрального органа по созыву конгресса, в ноябре 1862 г. опубликовал воззвание и пригласил местные рабочие комитеты принять участие в созыве конгресса.

Следовательно, идея образования всеобщей германской политической организации рабочих возникла у самих пролетариев. Она была подхвачена Лассалем, к которому Лейпцигский комитет обратился с просьбой высказаться по вопросам рабочего движения. Самое же главное заключается в том, что Лассаль, в течение многих лет находившийся в контакте с Марксом и Энгельсом, был прекрасно осведомлен об их борьбе за создание революционной партии рабочего класса в Германии — борьбе, первой вехой которой было образование Союза коммунистов; она не прекращалась и на протяжении 50-х годов, приобретая, в зависимости от условий, различные формы. Тем не менее буржуазная и реформистская историография с давних пор поддерживает легенду о Лассале как родоначальнике германского рабочего движения. Новое оживление этой легенды имело место в последние годы, когда в Западной Германии отмечалось 100-летие со дня создания Всеобщего германского рабочего союза. Вопреки фактам, свидетельствующим о том, что первой политической организацией немецкого пролетариата был Союз коммунистов, основанный Марксом и Энгельсом, буржуазные истори-

[61] См. *G. Benser*. Zur Herausbildung der Eisenacher Partei, S. 27—29.
[62] *J. Vahlteich*. Ferdinand Lassalle und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung, S. 20.
[63] *А. К. Воробьева*. Из истории рабочего движения Германии и борьбы Маркса и Энгельса против Лассаля и лассальянства в 1862—1864 гг.— «Из истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию». Сб. статей под ред. И. С. Галкина. М., 1955, стр. 254.

ки и пропагандисты утверждают, будто история германской социал-демократии датирует свое начало 1862 годом[64].

Ф. Лассаль никогда не признавал всемирно-исторической роли пролетариата, революционной классовой борьбы и необходимости создания нового, социалистического общества путем завоевания пролетариатом политической власти. Философские и общественно-политические взгляды Ф. Лассаля были чужды теории и практике научного социализма. В выступлениях Лассаля сочетались идеи различных систем мелкобуржуазного социализма, отдельные положения государственного социализма. Между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и Лассалем — с другой, еще в 1859 г. разгорелась идейная борьба. Почти одновременно с выступлением против лассалевского памфлета «Итальянская война и задачи Пруссии» Маркс и Энгельс подвергли острой критике литературно-историческую драму Лассаля «Франц фон Зиккинген», где была дана политически неверная оценка Крестьянской войны в Германии (Лассаль поставил в центре событий рыцарскую оппозицию, а не восстание Мюнцера). Отвечая на критику Маркса и Энгельса, Ф. Лассаль открыто заявил, что крестьянские войны не революционны, а реакционны[65].

В марте 1863 г. Ф. Лассаль выступил с «Открытым ответным письмом Центральному Комитету Всеобщего германского рабочего конгресса в Лейпциге», получившим название «Гласного ответа». В этом документе Лассаль излагал программу действий, сильно пронизанную мелкобуржуазными, государственно-социалистическими идеями. Но в то время как либералы стремились не допустить самостоятельного рабочего движения, Лассаль с присущей ему энергией и большим организаторским талантом возглавил борьбу за создание самостоятельной пролетарской организации. Он указал рабочему классу, еще находившемуся в значительной степени под влиянием тред-юнионистских представлений, что без такой организации нельзя бороться за свои классовые интересы. Именно этим он оказал влияние на передовую часть пролетариата[66].

В апреле и мае 1863 г. Лассаль выступил в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне с речами, обращенными к рабочим, где развивал положения своего «Гласного ответа». 23 мая 1863 г. был образован Всеобщий германский рабочий союз, во главе которого встал Ф. Лассаль. Он вел борьбу с партией прогрессистов и звал рабочих вступать в новую организацию, независимую от буржуазии. «С тех пор, как основался Общегерманский рабочий союз... нам с прогрессистами быть вместе не пристало»[67], — писал он.

[64] *K. Anders.* Die ersten hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963; *C. Schmid.* Ferdinand Lassalle und die Politisierung der deutschen Arbeiterbewegung.— «Archiv für Sozialgeschichte», Bd. III. Hannover, 1963; *W. Eichler.* 100 Jahre Sozialdemokratie. Bonn, 1962, и др.

[65] См. «Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу». СПб., 1905, стр. 163, 174.

[66] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 210.

Однако с самого начала Лассаль встал на путь соглашения классов, подчинения интересов пролетариата интересам эксплуататоров. Реформизм и оппортунизм Ф. Лассаля исходили из его идеалистического мировоззрения на развитие человеческого общества. Исторический процесс Лассаль рассматривал как развитие разума к свободе. Он смешивал понятие класса с понятием сословия в классовом обществе. О пролетариате Лассаль писал: «Я причисляю к рабочим всякого члена человеческого общества... если только он умеет быть полезным обществу»[68]. Из этих теоретических установок вытекала программа и тактика руководимого Лассалем и лассальянцами Всеобщего германского рабочего союза.

Лассаль внес в программу Союза как главнейшее политическое требование достижение мирным и законным путем всеобщего избирательного права, посредством которого якобы будут устранены все классовые противоречия[69]. Буржуазный парламентаризм являлся для Лассаля идеалом государственного устройства, а всеобщее избирательное право — средством против всех страданий масс. По утверждению Лассаля, будущее государство — демократическое, возрожденное введением всеобщего избирательного права — окажет кредитную поддержку производственным рабочим товариществам, которые и явятся средством экономического переустройства общества. Эта идеализация юнкерско-буржуазного государства лежала в основе ошибочных воззрений Лассаля[70].

Неправильным было отношение Лассаля и Всеобщего германского рабочего союза к крестьянству как сплошной реакционной массе. Маркс и Энгельс учили, что в интересах пролетариата всеми мерами содействовать развитию демократического движения, вовлекая в борьбу против полуабсолютистских порядков и против юнкерства широкие слои крестьянства. Лассальянцы игнорировали это важнейшее марксистское положение. Ф. Лассаль сформулировал так называемый «железный закон» заработной платы, согласно которому жизненный уровень пролетариата в условиях ка-

[67] *Ф. Лассаль.* Соч., т. II, М., 1925, стр. 220.

[68] *Ф. Лассаль.* Соч., т. I, М., 1925, стр. 314.

[69] Там же, стр. 124.

[70] См. *J. Schleifstein.* Der Kampf von Marx und Engels für die Herausbildung und Festigung der selbststandigen revolutionären Massenpartei der deutschen Arbeiterklasse in den Jahren 1859 bis 1871.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl Marx Universität Leipzig», 1954/55, H. 5, S. 416—418.

питализма не может быть повышен. Исходя из этого, всякая борьба за повышение зарплаты бессмысленна, а массовые организации, призванные бороться за улучшение положения трудящихся масс — профессиональные союзы, — излишни.

Несмотря на недостатки лассалевской программы и тактики, Всеобщий германский рабочий союз стал важной вехой в истории социалистического рабочего движения в Германии [71].

Правда, эта организация не имела массового характера. Хотя Лассаль хвастливо заявил, что Всеобщий германский рабочий союз объединит основную массу рабочих и численность его достигнет по меньшей мере несколько сот тысяч человек, к августу 1863 г. Союз с трудом привлек в свои ряды лишь немногим более 900 человек, а еще через год в Союзе состояло всего 4600 человек [72]. В таком промышленном центре, как Берлин, насчитывалось только 40 членов Союза.

Лассаль «рассматривал себя в качестве господина партии» [73]. Одержимый идеалистическими взглядами на роль великих личностей в истории, Ф. Лассаль считал себя такой личностью. Он не гнушался в выборе средств для осуществления своих идей, был убежден, что по основным пунктам своей программы ему удастся договориться с другой «великой личностью» — Бисмарком. Не установлено, при каких обстоятельствах состоялось личное знакомство Лассаля с Бисмарком. Но из обнаруженной после смерти Лассаля их переписки известно, что первая записка Бисмарка Лассалю была направлена 11 мая 1863 г., т. е. еще до образования Всеобщего германского рабочего союза. Бисмарк предлагал Лассалю изложить свои воззрения на положение работающих классов. На следующий день, 12 мая 1863 г., Лассаль посетил Бисмарка [74]. Вторая встреча состоялась между 8 и 15 июня 1863 г. Переговоры Лассаля с Бисмарком происходили как раз в период острого конфликта «железного канцлера» с прусской палатой. Хитрый и дальновидный Бисмарк учел, что умный, но тщеславный Лассаль может быть очень полезен для затемнения классового сознания немецкого пролетариата.

О чем же велись переговоры между Лассалем и Бисмарком? Лассаль обещал главе прусского правительства от имени рабочих

[71] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 211.
[72] См. *H. Hümmler*. Opposition gegen Lassalle. Die revolutionäre proletarische Opposition im Allgemeinen Deutschen Arbeiterverein 1862/63. Berlin, 1963, S. 57.
[73] *J. Vahlteich*. Ferdinand Lassalle und die Anfänge der deutschen Arbeiterbewegung, S. 61.
[74] См. *G. Mayer*. Bismarck und Lassalle. Ihr Briefwechsel und ihre Gespräche. Berlin, 1928, S. 59—62.

поддержку в объединении Германии «сверху». Вместо борьбы за революционное объединение, т. е. за создание единой демократической Германии на основе решительного разгрома народными массами прусско-юнкерского государства и ликвидации феодальных остатков в стране, Лассаль выпрашивал у Бисмарка дарование закона о всеобщем избирательном праве.

Маркс и Энгельс осуждали взгляды и все направление деятельности Лассаля, хотя они не могли тогда знать о содержании его тайных контактов с Бисмарком. Энгельс писал позднее, что Лассаль был на практике специфически вульгарным демократом с сильными бонапартистскими наклонностями. Он «...завел такие интриги с родственным ему по характеру Бисмарком, что это неизбежно должно было привести к фактической измене движению, если бы он на свое счастье не был вовремя застрелен» [75].

Общая негативная оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом деятельности Лассаля отнюдь не означает, что основоположники научного коммунизма совершенно отрицали его значение в развитии германского рабочего движения. В душной атмосфере Германии 50-х и начала 60-х годов Лассаль смело обратился с призывом к рабочему классу вступить в борьбу за свои требования. Конечно, ускорение промышленного переворота неизбежно вело к подъему освободительной борьбы пролетариата. Но именно «Лассаль — и это остается его бессмертной заслугой — вновь пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки» [76], — писал К. Маркс в 1868 г. В. И. Ленин, придавая большое значение отделению рабочего движения от либеральной буржуазии, отмечал: «...Великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию» [77].

Такой научно-исторический объективный подход к оценке роли Ф. Лассаля в развитии германского рабочего движения не дает в то же время оснований считать, что Всеобщий германский рабочий союз был прообразом будущей массовой революционной партии пролетариата, как пытаются доказать правосоциалистические историки. На деле ее подлинным прообразом был Союз коммунистов, а продолжателем его дела была партия, возникшая в конце 60-х годов под руководством А. Бебеля и В. Либкнехта в Эйзенахе.

[75] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 32. (Лассаль был убит в 1864 г. на дуэли.)
[76] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 474.
[77] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169—170.

НЕМЕЦКАЯ НАУКА И КУЛЬТУРА

Одним из последствий поражения революции 1848—1849 гг. был закат немецкой классической философии. Рационализм идеологии молодой буржуазии, стремление до конца раскрыть причины процессов, происходящих в природе и обществе, уступили место иррационализму и пессимизму. Не случайно в эти десятилетия резко возросла популярность философии Шопенгауэра, существо которой как нельзя более отвечало настроениям определенных слоев буржуазии. Вместе с тем мелкобуржуазные радикалы отвергали упадочное учение Шопенгауэра, звавшее к полной пассивности, к уходу от жизни как единственной мыслимой форме протеста против социальной несправедливости. Но, не принимая марксизм, они довольствовались вульгарным материализмом, проповедниками которого выступали Л. Бюхнер, К. Фогт и И. Молешотт. Хотя вульгарные материалисты, не понимавшие диалектики, не могли дать сколько-нибудь правильного представления о мироздании, они (особенно это относится к Бюхнеру) в определенном смысле делали полезное дело, способствуя расшатыванию религиозной идеологии и ведя борьбу против феодально-бюрократической реакции.

Промышленный переворот стимулировал развитие науки и техники в Германии, которое было отмечено в рассматриваемые десятилетия рядом выдающихся успехов. Чтобы добиться существенных сдвигов в промышленности, транспорте и сельском хозяйстве, необходимо было более глубоко познать сущность явлений природы, раскрыть взаимосвязь между различными формами движения и т. д.

Немецкие ученые особенно много сделали в области физики и химии, хотя и немецкая математическая наука может похвастать такой звездой первой величины, как К. Ф. Гаусс (1777—1855), чьи работы по теории вероятностей, мысли о возможности неэвклидовых геометрических систем и другие открытия снискали ему мировую известность. Гаусс разработал также абсолютную систему электромагнитных единиц.

Огромный вклад в науку был сделан естествоиспытателем и врачом Р. Майером (1814—1878). Начав с изучения проблемы превращения тепловой энергии в механическую, он придал окончательную форму механической теории теплоты. Но Майер не остановился на этом: в 1842 г. он обосновал закон сохранения и превращения энергии (впервые в общей форме открытый еще М. В. Ломоносовым), который Ф. Энгельс считал, наряду с эволюционной теорией и открытием клеточного строения материи, одним из величайших достижений науки XIX в.

Другим крупнейшим немецким физиком был Г. Гельмгольц (1821—1894), который (одновременно с некоторыми учеными в других странах) определил механический эквивалент теплоты, дал математическое выражение закона сохранения энергии, а также сделал ряд важнейших открытий в области физиологической оптики, акустики и учения об электричестве.

Чрезвычайно разносторонними учеными были Р. Бунзен (1811—1899) и Р. Кирхгоф (1824—1887). В 1859 г. они открыли спектральный анализ, что очень плодотворно сказалось на развитии физики и химии, в частности позволило открывать не известные до тех пор химические элементы, определить химический состав солнца и других небесных тел, а в дальнейшем — обосновать атомную теорию.

В области органической химии серьезные открытия совершили А. Кекуле (1849—1896) и А. В. Гофман (1818—1892). Первый из них установил, что молекулы органических веществ могут быть изображены как системы атомов в пространстве; он вывел также циклическую формулу строения бензола, что имело большое практическое значение. Гофман нашел практический, применимый в промышленности метод изготовления анилина. Эти открытия позволили Германии занять ведущее место в развитии химической промышленности.

В области агрохимии выдающуюся роль сыграла деятельность немецкого химика Ю. Либиха (1803—1873), чьи труды вызвали переворот в представлениях о плодородии почвы. Он разработал систему питания растений различными минеральными веществами.

Либих с точки зрения современного ему естествознания показал, к чему ведет хищническое отношение помещиков и капиталистических фермеров к земле; он настаивал на применении искусственных удобрений, в первую очередь фосфатных.

Одним из самых крупных немецких ученых XIX в. был Р. Вирхов (1821—1902), создавший в 50-х годах целлюлярную патологию, основанную на клеточной теории строения организмов. Вирхов сделал очень много для описания и классификации основных патологических изменений человеческого организма, хотя, в соответствии с воззрениями вульгарного материализма, он ошибочно рассматривал организм лишь как сумму клеток, обладающих самостоятельной жизнедеятельностью. Велики и его заслуги в развитии социальной гигиены, основанной на признании взаимосвязи болезни с социальным положением пациента. В Германии второй половины XIX в. Вирхов был широко известен не только как ученый, но и как политический деятель. Он был одним из руководителей Национального союза, а позднее — Прогрессивной партии, где примыкал к левому крылу.

Эволюционное учение Дарвина, возникшее в конце 50-х годов, сразу же было подхвачено в Германии Э. Геккелем (1834—1919). В 1866 г. он сформулировал основной биогенетический закон, согласно которому развитие того или иного индивидуума в зародышевой стадии (онтогенез) повторяет развитие всего данного вида (филогенез) от самых давних предков данной особи.

Ряд десятилетий продолжалась разносторонняя деятельность выдающегося ученого А. Гумбольдта (1769—1859), основоположника современной географии растений, геофизики, гидрографии. Многие годы Гумбольдт посвятил путешествиям (в том числе по России); на их материале он сформулировал ряд материалистических положений в географической науке. Последний период своей жизни Гумбольдт был занят гигантским трудом по сведению всех естественно-научных знаний его эпохи в стройную систему. Многотомный труд этот не был завершен, но он вызвал у современников сильнейший интерес и вышедшие тома были переведены на многие языки.

Немецкая литература и искусство с наибольшей отчетливостью отразили последствия поражения буржуазной революции. Это проявилось прежде всего в отказе писателей 50—60-х годов от постановки больших философских и социальных проблем, что было отличительной чертой немецкой литературы предшествующих десятилетий. Все сильнее сказывалось стремление уйти в бытописательство, в изображение психологических конфликтов.

Для многих писателей характерны провинциализм, областничество, этнографически точные описания жизни в тех или иных местностях все еще раздробленной страны.

Весьма наглядным литературным выражением политической эволюции немецкой буржуазии было творчество драматурга Ф. Геббеля (1813—1863). В предреволюционные годы он создал ряд пьес, стремясь продолжить традиции Гёте и Шиллера. Большой социальной глубиной отличается его «мещанская драма» «Мария Магдалина» (1844 г.), в которой с реалистической силой изображены распад старого патриархального мирка ремесленников и бесчеловечность его филистерских моральных устоев. После революции произведения Геббеля принимают консервативный характер. В драме «Агнесса Бернауэр» он оправдывает гибель героини во имя варварского «государственного разума». В пьесе «Гиг и его кольцо» герой гибнет, наказанный за стремление к новшествам, попытки «разбудить мир ото сна».

В 50-е годы вышли первые произведения В. Раабе (1831—1910), стремившегося продолжать гуманистические и реалистические традиции немецкой прогрессивной литературы. Его творчество отмечено глубоким сочувствием к простым, честным труженикам, которых притесняют тупые филистеры, стяжатели и карьеристы. В романе «Абу Тельфан» Раабе показал себя убежденным сторонником объединения страны, в остросатирических тонах изобразив затхлую атмосферу маленького немецкого княжества, где все мало-мальски выходящее за пределы общепринятого встречается в штыки. Но герои произведений Раабе не борцы, они уходят от зла в какое-либо укромное местечко.

Ушла в прошлое и эпоха, породившая гигантов музыкального искусства. По существу в Германии второй половины XIX века был лишь один композитор первостепенной величины — Р. Вагнер (1813—1883). Он к тому же сочинял либретто для своих музыкальных произведений, был автором немалого количества работ по философии художественного творчества и эстетике. Во всем его творчестве сказались сильнейшие противоречия, отражавшие эволюцию мировоззрения немецкой буржуазии начиная с 40-х годов и кончая первым десятилетием после объединения Германии «железом и кровью». В молодости Вагнер увлекался философией Фейербаха, проповедуемым им идеалом разностороннего, цельного человека; в 1849 г. он принял участие в дрезденском восстании, после разгрома которого бежал в Швейцарию. В своих ранних операх, или «музыкальных драмах», как Вагнер называл их, «Риенци», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин», он проводил освободительные идеи. Сюжеты, почерпнутые в основном из германского эпоса, Вагнер использовал для постановки общественно значимых проблем; так, тема «Лоэнгрина», по его словам,— «трагическое положение художника в современном мире».

Однако уже в начале 50-х годов в мировоззрении Вагнера происходит вызванный временным торжеством реакции перелом. Он становится последователем пессимистической философии Шопенгауэра, проповедником расистских взглядов, убежденным противником революционного движения. Этот перелом наложил глубокий отпечаток и на музыкальное творчество Вагнера. С особой наглядностью это видно на примере оперы «Тристан и Изольда», в основе которой лежит шопенгауэровская идея, будто только в смерти могут любящие найти счастье. Крупнейшее произведение Вагнера, которому он посвятил последние десятилетия жизни,— «Кольцо Нибелунга», цикл из четырех опер на сюжеты скандинавских и древнегерманских саг, переосмысленных композитором. Оно задумано как разоблачение «мировой несправедливости», порождаемой всемогущей «властью золота». Героический эпос стал в переработке Вагнера мрачной драмой: герои ее гибнут, не находя выхода. В последних операх Вагнера значительно сильнее, чем в его прежних произведениях, сказывается статичность и ложный пафос. Исключение составляют «Мейстерзингеры»

(1867 г.) — опера, отмеченная подлинной народностью, оптимизмом; ее массовые сцены очевидно навеяны широкими народными выступлениями конца 50-х годов в пользу единства Германии.

Немецкое изобразительное искусство середины XIX в. выдвинуло мастера большого масштаба — А. Менцеля (1815—1905), произведения которого дают широкую и разнообразную картину жизни страны. Пристальный интерес художник проявил к рабочему классу, изображая пролетариев в процессе их тяжкого труда. У Менцеля есть в то же время много полотен, посвященных ратным «подвигам» и быту Фридриха II, которые отмечены известной идеализацией «короля-философа».

В целом немецкая культура послереволюционного периода испытывала явный спад по сравнению с предыдущими десятилетиями, временами «Бури и натиска» и деятельности революционных демократов.

9

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ «ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ». ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

НАЧАЛО ДИНАСТИЧЕСКИХ ВОЙН ПРУССИИ. СЕВЕРОГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ

Немощность прусских буржуазных прогрессистов и неразвитость рабочего движения позволяли Бисмарку решать «железом и кровью» великие вопросы времени. Он пришел к выводу, что необходимо торопиться: это показал подъем массового движения в период конституционного конфликта. О том, что престиж Пруссии среди германских государств значительно вырос,— а для Бисмарка это имело первостепенное значение,— свидетельствовал следующий факт. На предложение австрийского императора Франца-Иосифа участвовать в съезде германских государей с целью реорганизации Германского союза Бисмарк ответил категорическим отказом. Собравшиеся в 1863 г. во Франкфурте монархи не осмелились в отсутствие прусского короля принять австрийский проект.

Для Пруссии сложилась и благоприятная международная обстановка. Франция крепко увязла в авантюрной мексиканской экспедиции. Россия после Крымской войны временно утратила свое влияние на дела континентальной Европы. Кроме того, положение России усложнилось вспыхнувшим в 1863 г. восстанием в Польше. Пруссия оказала России полицейские услуги в борьбе против повстанцев. Вдоль восточной границы Пруссии были сосредоточены войска, которым было приказано не допускать проникновения повстанцев на ее территорию и решительно подавлять всякое поползновение «польских подданных короля» к участию в революционном движении. По предложению Бисмарка между Россией и Пруссией в феврале 1863 г. была заключена так называемая конвенция Альвенслебена (по имени эмиссара Бисмарка, подпи-

савшего ее), предусматривавшая меры для совместного подавления польского восстания. И хотя царское правительство и без этого справилось с восстанием, Бисмарк снискал у царского двора доверие и расположение [1].

Бисмарк решил начать возвышение Пруссии с присоединения к ней Шлезвига и Голштинии, входивших тогда в состав Дании.

Две из числа великих держав, гарантировавших по Лондонскому протоколу 1852 г. целостность Дании,— Франция и Россия — оказались вне игры. Бисмарк стал действовать смело и решительно. Но чтобы не спровоцировать преждевременный конфликт с Австрией, Бисмарк предложил последней действовать совместно.

В начале 1864 г. австро-прусские войска начали войну против Дании; она закончилась уже через несколько месяцев отторжением Шлезвига и Голштинии. Между Австрией и Пруссией завязались длительные переговоры о дележе добычи, завершившиеся Гаштейнской конвенцией 1865 г. Австрия получила право на управление Голштинией, а Пруссия — Шлезвигом; маленькое герцогство Лауэнбург было присоединено к Пруссии [2].

Оба государства не считали условия Гаштейнской конвенции разрешением спорных вопросов, возникших между ними. Но в то время, как внимание правящих кругов Австрии целиком было занято заботами об усложнившихся внутренних делах, Пруссия деятельно готовилась навсегда вытеснить ее из Германского союза. В Шлезвиге открыто проводилась политика опруссачивания, в Голштинии же австрийская администрация дала простор деятельности антипрусских элементов. Бисмарк не преминул воспользоваться этим и стал обвинять Австрию во враждебных действиях, в потворстве революционным кругам и сообщничестве с ними. В своих нотах Бисмарк требовал прекращения антипрусской агитации в Голштинии и, в случае невыполнения этих требований, угрожал сохранить за собой «свободу действий», что могло означать лишь войну. Австрия нотой от 7 февраля 1866 г. отклонила притязания Пруссии. На заседании прусского кабинета Бисмарк заявил, что единственное разрешение споров с Австрией он видит в объявлении ей войны.

Австрийское правительство обратилось к германским государствам с предложением обсудить шлезвиг-голштинский вопрос в

[1] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968, стр. 54 и сл.; *В. Г. Ревуненков.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

[2] *Л. К. Роотс.* Шлезвиг-голштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 годах. Таллин, 1957.

Союзном сейме и в случае открытого разрыва с Пруссией мобилизовать свои войска. Пруссия в свою очередь уведомила эти государства, что она в ответ на австрийские военные приготовления принимает «оборонительные» меры и в случае нападения Австрии надеется получить поддержку с их стороны. Вместе с тем Бисмарк позаботился о союзнике против Австрии. В апреле 1866 г. Пруссия подписала союзный договор с Италией, пообещав ей свою поддержку в обмен за Венецианскую область [3].

Однако Бисмарк отдавал себе отчет в том, что война за присоединение Голштинии, входившей в Германский союз, не будет популярна среди других его членов. Поэтому в Берлине подыскивали различные поводы для развязывания войны. Через прусского представителя в Союзном сейме Бисмарк предложил созвать (на основе всеобщего избирательного права) всегерманское Национальное собрание с целью реформы союзной конституции. Цель данного предложения сводилась к вытеснению из союза Австрии и объединению Германии под главенством Пруссии. Бисмарк прекрасно понимал, что это и станет поводом для войны.

Однако за развертыванием событий внимательно следил Наполеон III, который за спиной прусского правительства вступил в переговоры с Австрией. Не зная этого, Бисмарк все же не был уверен в позиции Франции, поэтому он продолжал маневрировать и предложил Австрии обсудить вопросы о реформе Союзного сейма и о Голштинии. Австрия согласилась на переговоры. Но она полагала, что к решению судьбы Голштинии необходимо привлечь голштинский ландтаг [4]. Апелляция Австрии к ландтагу была охарактеризована Пруссией как нарушение Гаштейнской конвенции. В июне 1866 г. прусские войска заняли Голштинию.

Тогда Союзный сейм по предложению Австрии принял решение о мобилизации войск против Пруссии. В ответ на это Пруссия 16 июня напала на Австрию. Выступившие на стороне последней армии Баварии и некоторых других германских государств не улучшили положения австрийской армии, которая вынуждена была вести борьбу на два фронта: против пруссаков и против итальянцев.

На итало-австрийском фронте австрийцы добились успехов, но зато в борьбе с прусскими войсками, несмотря на упорное сопротивление, вынуждены были отступать. 3 июля 1866 г. в Чехии, при деревне Садова, пруссаки нанесли австрийцам жестокое поражение. Прусская армия одержала победу главным образом

[3] *Л. М. Шнеерсон.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав. Минск, 1962, стр. 106—107.

[4] *Ф. А. Ротштейн.* Из истории Прусско-германской империи. М.— Л., 1948, стр. 97—98.

благодаря лучшему вооружению. Игольчатые ружья прусских солдат, заряжавшиеся с казенной части, причиняли тяжелый урон храбро сражавшимся, но плохо оснащенным австрийским войскам.

После разгрома под Садовой Франц-Иосиф обратился к Наполеону III с просьбой посредничать при заключении мира с Италией, намереваясь продолжить войну с Пруссией. Наполеон уведомил об этом Бисмарка. В своем ответе прусский канцлер указал, что условия мира должны предусматривать полное устранение Австрии от германских дел и обеспечить первенствующую роль Пруссии. Для этого следует в первую очередь ликвидировать мелкие государства на севере Германии, разделяющие прусские владения на части.

Пока Наполеон и Бисмарк обменивались телеграммами, прусские войска подошли к Вене. Французские правящие круги опасались полного разгрома Австрии и стремились ограничить условия мира лишь тем, что уже стало неизбежным ввиду решительной победы прусской армии над австрийской. В Никольсбург, городок невдалеке от столицы Австрии, куда переместилась главная прусская квартира, прибыл французский представитель Бенедетти с предложениями Наполеона о мире. Их содержание сводилось к следующему: старый Германский союз ликвидируется, создается новый, к северу от реки Майн. Всякое участие Австрии в образовании последнего исключается; во главе его становится Пруссия[5]. Иначе говоря, французские предложения о мире фактически предусматривали господство Пруссии в новом германском государственном образовании.

Эти предложения Пруссия охотно приняла, так как они отвечали замыслам ее властителей. Поскольку Бисмарк рассчитывал в будущем сделать Австрию союзницей Пруссии, он постарался уговорить Вильгельма I и высшее военное командование отказаться от намерения занять Вену. Бисмарк употребил все средства давления на короля, включая угрозу отставки, и вынудил его расстаться с мыслью о дальнейшем уничтожении Австрии и расчленении ее[6]. 26 июля 1866 г. было подписано Никольсбургское перемирие на условиях, предложенных Наполеоном III.

Казалось, Пруссия уже преодолела главные трудности на пути к гегемонии. Однако ей пришлось встретиться еще с осложнениями со стороны России. Царь требовал созыва всеевропейского конгресса для разрешения вопросов, вызванных австро-прусской войной. Александр II был обеспокоен не столько образованием у западных границ России сильного прусско-германского государства, сколько политикой Бисмарка, стремившегося ликвидировать некоторые германские государства, главы которых находились в родстве с русской династией. Нарушение «священного права» монархий, одобрение Бисмарком принципа парламентаризма и явилось предметом обсуждения между Берлином и Петербургом.

[5] *Л. М. Шнеерсон.* Австро-прусская война 1866 г. и дипломатия великих европейских держав, стр. 254.
[6] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940, стр. 42—44.

Действительно, Бисмарк решительно расправился с мелкими германскими государствами — союзниками Австрии. Нассау, Ганновер и курфюршество Гессенское были ликвидированы, а их земли присоединены к Пруссии. Правда, монархи, лишившиеся своих престолов, получили денежную компенсацию (кроме ганноверского короля, отказавшегося от нее). Тем не менее действия Бисмарка были безусловным нарушением «священных» легитимистских традиций. Столь же одиозным казался и план введения всеобщего избирательного права в проектируемом Северогерманском союзе. Все это, однако, не означало, что Бисмарк пренебрегал интересами юнкерства и монархии. Но он сознавал, что революция неизбежна: в таком случае лучше ее провести «сверху», чем стать ее жертвой. «Это была полная революция,— писал Ф. Энгельс,— проведенная революционными средствами»[7].

В результате длительных переговоров, сопровождавшихся угрозами, Бисмарк побудил Александра II отказаться от вмешательства в германские дела, тем более что Англия, а также Франция не поддержали предложений России[8]. Не менее удачно Бисмарк справился и с требованиями Наполеона III. Встревоженный серьезным усилением Пруссии, Наполеон добивался передачи Франции Саарского бассейна, Пфальца с крепостью Шпейер и рейнской части Гессен-Дармштадта с крепостью Майнц. В ответ на эти домогательства Пруссия пригрозила Франции войной, одновременно предложив свое содействие в передаче ей Люксембурга и Бельгии, на что Наполеон согласился. Расчет со стороны Бисмарка был прост. Он не сомневался, что Англия не допустит перехода Люксембурга и Бельгии к Франции. Окончательные же переговоры с Наполеоном III Бисмарк оттягивал, чтобы за это время договориться с Англией.

Следующим шагом Бисмарка было подчинение южногерманских государств, выступавших на стороне Австрии. Они попытались было прибегнуть к посредничеству Наполеона при переговорах о мире, однако Бисмарк отверг всякое посредничество и вынудил их вести переговоры непосредственно с Пруссией. Вначале он ошеломил своих противников требованием большой контрибуции

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 448.
[8] *Л. И. Нарочницкая.* Россия и войны Пруссии за объединение Германии «сверху» в 60-х годах XIX в. М., 1960, стр. 130—133.

и значительных территориальных уступок, но вскоре изменил тактику. Прусские условия были значительно смягчены, что вынудило южногерманские государства пойти на заключение военного союза с Пруссией. При этом Бисмарк ознакомил своих бывших противников с требованиями Наполеона III, претендовавшего на их территории, чем восстановил их против Франции.

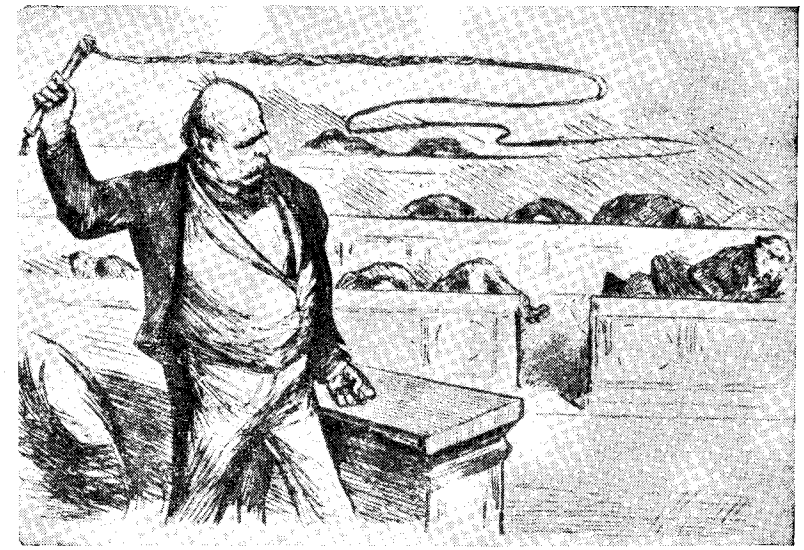
В разные сроки — с 13 августа по 21 октября 1866 г. — Вюртемберг, Бавария, Баден, Гессен-Дармштадт и Саксония заключили с Пруссией военные конвенции на пятилетний срок. 24 августа в Праге был подписан мир с Австрией, основанный на Никольсбургском перемирии. Так в ходе острой борьбы был разрушен и похоронен старый Германский союз, а Австрия навсегда устранена от участия в общегерманских делах и влияния на них.

Бисмарк поспешно приступил к образованию нового Германского союза под главенством Пруссии. 4 августа 1866 г. он обратился к государствам Германии с соответствующим предложением, которое приняли 18 государств и 3 вольных города — Гамбург, Бремен и Любек. В декабре 1866 г. их представители, съехавшись в Берлин, приступили к обсуждению проекта конституции будущего союза. В начале 1867 г. конституция была принята и создан Северогерманский союз, в котором Пруссия заняла господствующее положение. Вне Союза оставались лишь Бавария, Вюртемберг, Баден и часть Гессен-Дармштадта, которые, однако, уже состояли в военном блоке с Пруссией и были тесно связаны с нею экономически.

«Конституция Северогерманского союза, — писал Ф. Энгельс, — была скроена по шаблону прусской конституции, в том истинном ее толковании, которое она получила в конституционном конфликте. Отказ от вотирования налогов был воспрещен. Союзный канцлер и его министры назначались прусским королем независимо от какого-либо парламентского большинства. Утвердившаяся благодаря конфликту независимость армии от парламента была сохранена и по отношению к рейхстагу. Зато у членов этого рейхстага было горделивое сознание, что они избраны на основе всеобщего избирательного права» [9]. Права рейхстага ограничивались не только властью прусского короля, но и существованием Союзного совета из представителей правительств входивших в союз государств.

Тем не менее введение всеобщего избирательного права свидетельствовало об определенных изменениях функций государственной власти в Пруссии. Уже революция 1848—1849 гг. наглядно показала, что на арену общественной борьбы выступил новый класс — пролетариат; но в 50—60-х годах он еще был относительно слаб как политическая сила. То же в конечном счете можно сказать и о прусской (да и всей немецкой) буржуазии.

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 450.



Бисмарк в рейхстаге.
Современная карикатура

В результате юнкерское государство, руководимое Бисмарком, приобрело бонапартистские черты, изображая себя «надклассовой» силой. «...Старая абсолютная монархия должна была полностью превратиться в специально для этой цели выработанную государственную форму: *в бонапартистскую монархию*» [10]. Одним из признаков этого и было введение всеобщего избирательного права, действие которого Бисмарк хорошо изучил в свою бытность прусским послом при дворе Наполеона III.

Дальнейший опыт Бисмарка — периода конституционного конфликта — обнаружил, что трехклассная избирательная система ничуть не гарантирует от «неприятностей», не может предотвратить крупных успехов оппозиции. Поэтому Бисмарк полагал, что отрицательные (для господствующего класса) последствия введения всеобщего избирательного права будут вполне компенсированы политическими выгодами, которые оно принесет (тем более

[10] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 495.

что на деле оно не было всеобщим: солдаты, женщины и домашняя прислуга исключались). Важнейшей опорой прусско-германского бонапартизма с самого начала являлась военщина (и в этом, в частности, его существенное отличие от французского).

Успешное объединение Германии «сверху» привело к примирению буржуазных либералов с реакционной политикой прусского правительства. Больше того, с первыми победами прусского оружия еще столь недавно фрондировавшие вожди либералов открыто перешли к поддержке Бисмарка. В октябре 1866 г. бывшие лидеры прогрессистов Унру, Ласкер и другие покинули свою партию и образовали новую, Национал-либеральную партию. В то же время из состава старой консервативной партии выделилась группа так называемых имперских консерваторов, безоговорочно одобрявших политику Бисмарка. Имперские консерваторы и национал-либералы стали опорой Бисмарка.

«Мы считаем своей насущнейшей задачей оказание правительству полной поддержки в вопросах внешней политики со стороны народных представителей,— говорилось в программе Национал-либеральной партии. — В победоносно законченной войне и ее последствиях видим мы счастливое начало действительного объединения немецкого отечества... Священная обязанность народного представительства заключается в том, чтобы при любых обстоятельствах немедленно оказывать правительству поддержку... Правительство завоевало неоспоримое право на доверие; благодаря его руководству внешней политикой и военными силами Германия идет в желанном направлении» [11].

Вдохновленная военными успехами Пруссии, буржуазия с удвоенной энергией добивалась удовлетворения материальных интересов. И Бисмарк, не выпуская из своих рук политической власти, довольно далеко пошел в этом отношении навстречу буржуазии. Он видел, в чем заключаются ее потребности, и принимал меры, облегчавшие рост капиталистической промышленности и развитие товарооборота.

Бисмарк до некоторой степени поддерживал буржуазию и в сфере политики. В своем выступлении в северогерманском рейхстаге 28 марта 1867 г. он противопоставил всеобщее избирательное право прусской трехклассной системе, по поводу которой сказал следующее: «Всякий, кто имел случай близко наблюдать результаты и осложнения, к которым приводит эта система в нашей стране, должен сказать, что более жалкого, более бессмысленного закона нет ни в каком другом государстве... Всякий, загнанный в силу этого избирательного закона в низший класс из-

[11] *F. Salomon.* Die deutschen Parteiprogramme, Hf. I. Leipzig — Berlin, 1907, S. 74.

бирателей, должен считать себя илотом, политически мертвым человеком» [12].

Так осудить прусскую избирательную систему мог только ее злейший враг. Правда, и в момент создания северогерманского рейхстага, и много позже Бисмарк управлял Пруссией, в которой действовала так жестоко осужденная им сословная избирательная система. Но чтобы укрепить власть своего класса в сложный и ответственный момент создания Германской империи, важно было пробудить немецкий национальный дух, а для этого, помимо военных побед, полезно было вызвать детище «безумного 1848 года» — всеобщее избирательное право. Ради этого стоило на словах атаковать прусскую избирательную систему, на деле сохраняя этот аппарат.

«Что могло быть демократичнее, чем введение всеобщего избирательного права? — писал позднее Ф. Энгельс. — Не доказал ли Луи-Наполеон его полной безопасности — при надлежащем с ним обращении? И не представляло ли как раз это всеобщее избирательное право такого средства, при помощи которого можно апеллировать к широким народным массам и слегка пококетничать с зарождающимся социальным движением в случае, если буржуазия проявит упорство?» [13] И Бисмарк успешно воспользовался этим средством, пойдя навстречу сокровеннейшим желаниям буржуазии.

«Династически-юнкерская *революция сверху*, высшим пунктом которой являлась «национальная» политика Бисмарка, оказалась бы висящей в воздухе, — говорил В. Либкнехт, — если бы ей не было сообщено по крайней мере хоть некоторого сходства с *революцией снизу*. *Народ* был нужен, но только в качестве статиста. Лучшей приманки, как всеобщее избирательное право 1848 года, нельзя было и придумать. *Оно перебрасывало мост между бисмарковской революцией сверху и революцией 1848 года снизу* и порождало в... массах иллюзию, будто возвеличенная за счет Германии юнкерско-полицейско-солдатская Пруссия и является *осуществлением той Германии, о которой мечтала демократия*» [14].

[12] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages des Norddeutschen Bundes..., 1867», S. 429.
[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 444.
[14] *В. Либкнехт.* Никаких компромиссов. М.— Л., 1926, стр. 80.

ПРОТИВ ПОЛИТИКИ «ЖЕЛЕЗА И КРОВИ»

В середине 60-х годов, в период промышленного подъема, рабочее движение развивалось вширь и вглубь. Забастовки за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня охватили всю Германию. Наиболее крупными стачками были гамбургская и лейпцигская, в которых участвовали почти все категории пролетариев — от железнодорожников и печатников до домашних служанок [15]. Бастовали также красильщики и каменщики Эльберфельда, корабельные рабочие Штеттина, текстильщики Бурга и Силезии, плотники Ростока, металлурги Люнебурга. Всего в 1865 г. имело место не менее 150 стачек; в ходе борьбы выявилась пролетарская солидарность тружеников разных областей страны.

Забастовочное движение в Германии вызвало поддержку и со стороны зарубежных рабочих. Так, например, в адрес лейпцигских печатников поступили денежные переводы от парижских и лондонских типографов [16]. По инициативе Генерального Совета I Интернационала русские и лондонский союзы печатников препятствовали вербовке и отправке штрейкбрехеров в Лейпциг [17].

Стачки 1865 г. носили преимущественно экономический характер и многие из них закончились в пользу рабочих: предприниматели вынуждены были пойти на некоторое повышение заработной платы и снижение рабочего дня. Важно отметить, что забастовки часто сопровождались политическими демонстрациями под лозунгами свободы союзов и введения всеобщего избирательного права. В отдельных случаях доходило до вооруженных столкновений с полицией и войсками. В январе 1865 г. такое столкновение произошло в Штеттине, в июле — в Гамбурге, в декабре — в Мюнхене. Прусское правительство обрушилось на рабочих репрессиями; они коснулись прежде всего вождей, разоблачавших реакционную сущность политики Бисмарка. Практический опыт стачечной борьбы способствовал повышению политического сознания рабочего класса, эмансипации от буржуазного либерализма.

Подталкиваемые активностью пролетариата и в целях сохранения своего влияния на рабочих, мелкобуржуазные демократы стали отходить от буржуазного либерализма. Эти тенденции особенно ярко обнаружились в тех германских государствах, где преобладали мелкая буржуазия и крестьянство: Вюртемберге, Бадене, Гессен-Дармштадте, Тюрингии [18]. Наибольшую активность проявили вюртембергские мелкобуржуазные демократы во главе с К. Майером. Весной 1864 г. на массовых собраниях они призывали создать союз мелких и средних германских государств, возглавляемый парламентом, избранным на основе всеобщего избирательного права.

[15] См. *А. Бебель.* Из моей жизни. М., 1963, стр. 106—107; «National-Zeitung», 28.III; 4.IV; 13.VI 1865; «Sozial-Demokrat», 16.VII; 15.IX 1865.
[16] «National-Zeitung», 26.IV 1865.
[17] «National-Zeitung», 11.IV 1865.
[18] См. *E. Engelberg.* Deutschland 1849—1871. Berlin, 1959, S. 167.

Выступая с этим планом, мелкобуржуазные демократы стремились дать отпор домогательствам Австрии, а особенно — Пруссии. Агитационная кампания вюртембергских демократов завершилась образованием в конце 1864 г. демократической партии Вюртемберга [19]. Эта партия добивалась объединения Германии без революции. Имелось в виду, что общедемократическое движение в мелких и средних германских государствах приведет к усилению аналогичных тенденций в Австрии и Пруссии; это позволит объединить Германию на основах федерализма, включая и те области Австрии, где население говорит по-немецки.

Федералистские устремления вюртембергских демократов не встретили поддержки среди их баденских коллег, выступавших под руководством Л. Экардта. На собрании баденцев в октябре 1864 г. крайний федерализм вюртембержцев был отвергнут.

В конце 1864 г. Национальный союз, по-прежнему стоявший на позициях малогерманской программы, окончательно отверг требование леворадикальных демократов, отказался от поддержки объединения Германии под руководством Пруссии [20]. Вскоре в Мангейме стал выходить под редакцией Экардта орган демократов «Дейчес вохенблатт», пропагандировавший необходимость разрыва демократов с либералами [21]. В 1865 г. радикально настроенные элементы либеральной буржуазии порвали с Национальным союзом и образовали Народную партию; на ее крайнем левом крыле группировались пролетарии, все чаще и чаще выступавшие со своими требованиями. Это наглядно выявилось на Штутгартском конгрессе рабочих, состоявшемся 3—5 сентября 1865 г. [22]

Однако буржуазные демократы оказались неспособными стать во главе движения за революционно-демократическое объединение страны. Пролетариат же пока не мог возглавить борьбу за завоевание единства Германии на революционно-демократической основе; в середине 60-х годов еще не было марксистской рабочей партии. Общедемократическое и пролетарское движение продолжали разъедать федералистские тенденции.

[19] См. *R. Weber.* Kleinbürgerliche Demokraten in der deutschen Einheitsbewegung 1863—1866. Berlin, 1962, S. 107 ff.
[20] См. *E. Engelberg.* Deutschland 1849—1871, S. 169.
[21] *R. Weber.* Kleinbürgerliche Demokraten in der deutschen Einheitsbewegung 1863—1866, S. 159 ff.
[22] *E. Engelberg.* Deutschland 1849—1871, S. 171.

Австро-прусская война, экономический кризис 1866 г. дали новый толчок оживлению рабочего движения во всей Германии. Росту политического самосознания германских рабочих значительно содействовала деятельность I Интернационала; в Рурской области, Саксонии, Силезии, Шлезвиг-Голштинии возникли секции Интернационала. В их создании весьма значительную роль сыграл Иоганн Филип Беккер, с 1866 г. издававший в Женеве центральный орган немецких групп Международного Товарищества Рабочих в Швейцарии «Форботе». Ф. Энгельс высоко ценил деятельность Беккера в развитии германского рабочего движения [23].

Однако даже ведущие деятели германского пролетариата того времени — Вильгельм Либкнехт и Август Бебель — все еще не до конца изжили мелкобуржуазные иллюзии. Из правильного утверждения, что все демократические силы должны объединиться для борьбы против бисмарковского бонапартизма, оба они делали неверный вывод, будто рабочий класс должен пока воздержаться от создания своей революционной партии [24]. Примером растворения рабочего движения в общедемократическом было созванное 19 августа 1866 г. в Хемнице по инициативе В. Либкнехта и А. Бебеля собрание представителей земель, на котором рабочие потерялись в среде мелкобуржуазных демократов. Противоречива была и резолюция, принятая хемницким собранием: она решительно отклоняла как малогерманскую, так и великогерманскую программы объединения Германии и призывала демократов вести решительную борьбу против них, но не намечала путей революционно-демократического объединения страны [25].

В 1866-м и последующие годы В. Либкнехт и А. Бебель вели непрестанную оживленную агитацию среди пролетариев; благодаря их усилиям в Саксонии, а потом и по всей Германии были созданы народные союзы, преимущественно состоявшие из рабочих. По своим политическим устремлениям эти организации отличались от прежних общеобразовательных рабочих союзов, находившихся под буржуазно-либеральным влиянием. Возникли объективные условия для создания самостоятельной социал-демократической партии. В период избирательной кампании в северогерманский рейхстаг рабочие выдвинули В. Либкнехта и А. Бебеля своими кандидатами. Рабочие все чаще выступали с политическими требованиями. Наступал новый этап в жизни и борьбе германского пролетариата.

[23] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 457.
[24] *E. Engelberg*. Deutschland 1849—1871, S. 207.
[25] См. *K.-H. Leidigkeit*. Wilhelm Liebknecht und August Bebel in der deutschen Arbeiterbewegung 1862—1869. Berlin, 1958, S. 107—108.

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1870—1871 гг.

Образованием Северогерманского союза объединение Германии не завершилось. Бисмарк спешил использовать обстановку созданного военными победами шовинистического угара для подготовки третьей войны за объединение Германии «сверху», на сей раз с Францией. Мотивы, побуждавшие Пруссию спешить с началом этой войны, основывались на том, что южногерманские государства, заключившие военные конвенции с Пруссией, тяготились взятыми на себя обязательствами и с нетерпением ожидали истечения срока их действия. Открытое и наглое опруссачивание немецких земель, присоединенных к Пруссии, быстро усиливало антипрусские настроения в южногерманских государствах.

Бисмарк рассчитывал расправиться с Францией, которая упорно поддерживала раздробленность Германии, усматривая в объединении восточного соседа большую опасность [26]. План «железного канцлера» сводился к тому, чтобы, победив при помощи оружия Баварии и других южногерманских государств Францию, загнать эти государства под прусское иго.

Международная обстановка к концу 60-х годов сложилась далеко не в пользу Франции. С большим позором провалилась мексиканская экспедиция Наполеона. Внешнеторговая политика Франции усилила конкуренцию английских товаров в самой Франции, что вызвало ропот французской буржуазии. Английские капиталисты были недовольны колониальной политикой Франции в Азии. Настороженно относилась Англия и к притязаниям Франции на Европейском континенте [27].

Царская Россия после услуг, оказанных ей Пруссией в польских делах, чувствовала себя больше связанной с Берлином, чем с Парижем. Главное же, правящие круги России были заинтересованы в ослаблении Франции, что позволило бы им скорее освободиться от унизительных условий Парижского договора 1856 г., согласно которым России запрещалось держать флот на Черном море. Все это давало основания полагать, что наиболее могущественные державы — Россия и Англия — в случае войны между Пруссией и Францией не будут на стороне последней. Еще в 1867 г. Бисмарк заверял мировую общественность, что Пруссия никогда не будет воевать с Францией и претендовать на Эльзас, так как эльзасцы — это французы [28]. Но прошло всего три года, и прусские властители заговорили другим языком.

[26] *И. С. Галкин*. Объединение Германии. М., 1951, стр. 59—60.
[27] «История дипломатии», т. I. М., 1959, стр. 731.
[28] *А. С. Ерусалимский*. Бисмарк, стр. 81.

Для провоцирования войны Бисмарк использовал следующий повод. В 1868 г. в Испании произошла революция. Королева Изабелла бежала из страны, и кортесы предложили занять свободный трон принцу Леопольду из прусской королевской династии. Наполеон III потребовал отказа принца, дав понять, что вступление Леопольда на испанский престол вызовет войну между Францией и Пруссией; после этого, не без давления Вильгельма I, Леопольд отказался от испанского престола [29].

Однако, не ограничившись этим, французский посол в Берлине Бенедетти по указанию Наполеона отправился в Эмс, где отдыхал Вильгельм I. Французское правительство настаивало, чтобы король личным письмом на имя Наполеона дал заверение, что никогда не утвердит кандидатуру Леопольда. Вильгельм I ограничился тем, что подтвердил свою позицию, но отказался дать гарантию на будущее время. В таком духе и была составлена телеграмма, направленная из Эмса в Берлин (эмская депеша) и предназначавшаяся для передачи в Париж. Но перед отправкой Наполеону телеграмму отредактировал Бисмарк, и в результате этого текст ее принял явно вызывающий и провокационный характер.

В телеграмме теперь говорилось: «...Французский посол предъявил в Эмсе его королевскому величеству добавочное требование уполномочить его телеграфировать в Париж, что его величество король обязывается на все будущие времена никогда не давать снова своего согласия, если Гогенцоллерны вернутся к своей кандидатуре. Его величество отказался затем еще раз принять французского посла и приказал дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имеет ничего более сообщить послу» [30].

Французское правительство восприняло эмскую депешу как оскорбление. 19 июля 1870 г. Франция объявила Пруссии войну. Бисмарк торжествовал: он жаждал столкновения с западной соседкой и вызвал его. Франция предстала перед германским народом как нападающая, агрессивная страна. Впоследствии Бисмарк цинично хвастался, как ловко он спровоцировал войну 1870—1871 гг. Тем не менее и в наши дни западногерманские буржуазные историки, усердно поддерживающие культ «железного канцлера», пытаются фальсифицировать общеизвестные факты на этот счет. Так, В. Моммзен утверждает: «Ни в коем случае, как часто думают, Бисмарк не добивался сознательно немецко-французской войны, чтобы в результате этой войны завершить единство Германии» [31].

[29] *Ф. А. Ротштейн.* Из истории Прусско-германской империи, стр. 137.
[30] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. II, стр. 86.
[31] *W. Mommsen.* Bismarck. Ein politisches Lebensbild. München, 1959, S. 199.

После первых же побед на фронте Бисмарк вступил в переговоры с южногерманскими государствами по вопросу о включении их в состав будущей империи. Седан окончательно предрешил дальнейшую судьбу строптивых южногерманских монархий. В ноябре 1870 г. между правительствами Гессен-Дармштадта, Бадена, Баварии и Вюртемберга и Северогерманским союзом были подписаны союзные договоры. Некоторые государства, например Бавария, выговорили себе ублюдочные права в виде управления железными дорогами и почтой, сохранения особой почтовой марки.

18 января 1871 г. во время осады Парижа в Версале была торжественно провозглашена Германская империя. Прусский король Вильгельм I был провозглашен наследственным императором (Kaiser). В марте 1871 г. открылся первый имперский рейхстаг, который принял почти без изменения конституцию Северогерманского союза.

Таким образом, ценой «железа и крови» было куплено воссоединение Германии под главенством прусского юнкерства. «Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, *в самой невыгодной* для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья» [37].

Имперская конституция была составлена так, что закрепила в воссоединенной Германии гегемонию прусской монархии. В составе Германской империи остались 22 монархии со своими королевскими и княжескими династиями, потерявшими былую самостоятельность, и три вольных города: Любек, Бремен и Гамбург. В отдельных землях, входивших в империю, сохранились представительные учреждения (ландтаги) с правом разрешения некоторых местных вопросов: церковных дел, просвещения, прямых налогов, общинного самоуправления и т. п. Захваченные у Франции Эльзас и Лотарингия были включены в Германию как особая «имперская провинция», управляемая назначенным из центра чиновником (обер-президентом).

Рейхстаг должен был олицетворять собой народное представительство объединенной Германии и стоять выше частных интересов отдельных государств. Но в действительности он не выражал интересов народа. Конституция предоставляла рейхстагу право законодательной инициативы; однако оно парализовалось правом Союзного совета и императора накладывать вето на решения рейхстага.

[37] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 311.

Союзный совет (Bundestag) являлся своеобразной верхней палатой. Он не выбирался, а составлялся из представителей отдельных государств, вошедших в империю. Из 58 мест в Союзном совете 19 принадлежали Пруссии. А так как никакое изменение конституции не могло быть принято Советом, если против него подавалось хотя бы 14 голосов, прусские голоса предопределяли важнейшие решения Совета. Председателем его был имперский канцлер; он же обычно являлся и главой прусского министерства. Словом, Союзный совет был средоточием консервативных элементов, и руководящая роль в нем принадлежала прусскому юнкерству. «Бисмарк искал для себя главную опору не в рейхстаге, представлявшем национальное единство, — писал Энгельс,— а в Союзном совете, представителе партикуляристской раздробленности. У него, хотя он и разыгрывал из себя поборника национальной идеи, не хватило мужества действительно встать во главе нации или ее представителей; демократия должна была служить ему, а не он ей; он полагался не на народ, а, скорее, на темные закулисные интриги, на свое умение дипломатическими средствами, с помощью кнута и пряника, сколотить, хотя бы и строптивое, большинство в Союзном совете» [38].

Германская империя в 1871 г. обрела конституцию с внешними признаками парламентаризма, но германский народ больше, чем когда-либо, почувствовал на себе господство самого реакционного класса страны — прусского юнкерства. Имперская конституция не привела в соответствие с общесоюзным политическим устройством запутанный и отсталый правовой порядок отдельных немецких государств. Она не предусматривала расширения народного представительства в союзных государствах, не уничтожала сословных привилегий в них. Германская империя была полицейско-бюрократическим государством.

Реакционная юнкерско-буржуазная монархия душила не только немецких рабочих и крестьян. Еще более страдало многомиллионное бесправное польское население, подвергавшееся усиленной германизации. Антипольская политика прусских правителей привела к массовому обезземеливанию польских крестьян в Поморье и Познани. Прусское правительство отказывало польскому народу даже в удовлетворении таких скромных требований, как введение родного языка в начальных школах. Во всех польских округах ландратами и чиновниками были исключительно немцы, не умевшие говорить по-польски и не понимавшие польской речи.

[38] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 473.

ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

Бонапартизм Бисмарка, его демагогия с введением всеобщего избирательного права не ввели Бебеля, Либкнехта и их соратников в заблуждение. Наоборот, они еще более активизировали свое сопротивление опруссачиванию Германии. Будучи избранными в рейхстаг Северогерманского союза, Бебель, а затем и Либкнехт повели с его трибуны борьбу против реакционной внешней и внутренней политики Бисмарка. Широкая агитационная работа в профессиональных союзах и рабочих обществах, выступления рабочих депутатов против юнкерства и буржуазии, пропаганда со страниц газеты «Демократишес вохенблатт» [39] — все это содействовало прояснению сознания пролетариата.

Однако процесс формирования самостоятельной рабочей партии проходил медленно. Лассальянцы вели сектантскую, раскольническую политику, а вожди рабочего класса, и прежде всего Либкнехт, как редактор «Демократишес вохенблатт» и депутат рейхстага, были нерешительны и допускали ошибки. Ф. Энгельс в письме к Кугельману от 10 июля 1869 г. писал: «Разложение лассальянской секты и, с другой стороны, освобождение саксонских и южногерманских рабочих от помочей Народной партии — таковы два основных условия для образования новой, подлинно рабочей партии Германии. Лассальянцы теперь сами позаботятся о том, чтобы сделать свое дело, и перегрызут друг другу горло, но гораздо труднее отделаться от южногерманских республиканско-мещанских ограниченных взглядов, которые Либкнехт систематически вбивает в голову рабочим» [40]. Речь шла о неправильной позиции В. Либкнехта в вопросе о воссоединении Германии; он стоял на точке зрения южногерманских демократов, пропагандировавших идею создания федеративной республики по образцу Швейцарии и с включением Австрии. Между тем разработанный Марксом план борьбы за объединение страны, как мы знаем, предусматривал не образование федерации государств, а создание единой германской демократической республики.

Влияние Маркса и Энгельса на тактику и политику А. Бебеля и В. Либкнехта сказалось в том, что последние совершенно поиному, чем лассальянцы, восприняли всеобщее избирательное право, введенное Бисмарком в Северогерманском союзе. Перед немецким рабочим движением, пославшим в Северогерманский

[39] Газета стала выходить с 4 января 1868 г. как орган Народной партии и рабочих союзов.
[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т 32, стр. 517.

рейхстаг своих руководителей, стояла очень важная задача — проводить правильную тактику парламентской борьбы [41]. И если В. Либкнехт не был в достаточной степени диалектиком, чтобы постоянно учитывать все стороны борьбы за демократическое объединение Германии, то как революционер он никогда не терял из виду главного врага, постоянно оставался непримиримым борцом против прусского милитаризма [42].

В сентябре 1868 г. в Нюрнберге состоялся съезд рабочих союзов, который принял весьма важное решение о солидарности с принципами Международного Товарищества Рабочих. Съезд утвердил программу борьбы немецкого пролетариата, в которой его целью объявлялось уничтожение капиталистического строя; средством для достижения этой цели признавалась классовая борьба пролетариата. К. Маркс на заседании Генерального Совета Интернационала высоко оценил эти решения [43].

Нюрнбергский съезд, хотя и не привел к образованию рабочей партии, во многом содействовал разоблачению лассальянцев и разложению лассальянских организаций. Одна за другой они стали отходить от Всеобщего германского рабочего союза; значительно расширялась сеть профессиональных рабочих союзов, признававших принципы и идеи Международного Товарищества Рабочих [44].

Как предвидел Энгельс, вскоре начался разброд и в верхушке Всеобщего германского рабочего союза. Видные деятели его выступили против лидера союза Швейцера и публиковали в «Демократишес вохенблатт» заявления с разоблачением лассальянства.

Заявления бывших активных лассальянцев, а также обращения А. Бебеля и В. Либкнехта к немецким рабочим с призывом создать подлинную рабочую партию немецкого пролетариата сыграли большую роль в оживлении борьбы за образование партии. На митингах и собраниях рабочих все чаще стали раздаваться голоса о созыве общегерманского рабочего конгресса. Вскоре были определены и срок, и место созыва конгресса, а именно — начало августа 1869 г. в городе Эйзенахе. Повсеместно начались выборы делегатов. А. Бебель и В. Либкнехт в своем обращении

[41] См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 244.
[42] Ibid., S. 243.
[43] «К. Маркс. Даты жизни и деятельности». М., 1934, стр. 259.
[44] К 67 местным организациям, которые в сентябре 1868 г. голосовали на Нюрнбергском съезде за программу I Интернационала, в 1869 г. присоединилось еще 40 рабочих союзов. (См. «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 273).

«К немецким социал-демократам», опубликованном 17 июля 1869 г., определили его основную задачу — образование самостоятельной рабочей партии.

Как и намечалось, 7 августа 1869 г. в Эйзенахе был созван общегерманский съезд, в котором наряду с делегатами от профессиональных организаций и рабочих просветительных обществ приняли участие и бывшие лассальянцы, отколовшиеся от Всеобщего германского рабочего союза. Правда, на съезд проникли и заведомые последователи Лассаля во главе со сподручным Швейцера Тельке. Их целью было дезорганизовать работу союза и деморализовать ряды рабочих. Но они были в меньшинстве и в первый же день работы конгресса были удалены с него.

Эйзенахский съезд принял очень важное для германского пролетариата решение об образовании Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцев). Съезд одобрил программу партии, в которой заявлялось, что она стоит на позициях I Интернационала, будет бороться за уничтожение всякого классового господства, за освобождение трудящихся от эксплуатации и угнетения. Программа провозглашала, что политическая свобода является лишь вспомогательным средством для экономического освобождения трудящихся. Определяя задачи партии, авторы программы указывали, что освобождение трудящихся от власти капитала — задача интернациональная, требующая согласованных и солидарных действий рабочих всех стран.

Маркс и Энгельс приветствовали образование самостоятельной революционной партии германского пролетариата, но вместе с тем отмечали ее теоретическую незрелость; они критиковали путаные и неверные положения, имевшиеся в программе, в частности требование государственного кредита для свободных производственных кооперативов при демократических гарантиях [45].

Благодаря идейно-политическому влиянию Маркса и Энгельса молодая немецкая социал-демократическая партия исправляла свои ошибки. Огромная заслуга принадлежит в этом А. Бебелю, который не только учился у классиков марксизма, но и находился с ними в постоянной переписке. Под его руководством германский пролетариат заложил в Эйзенахе «прочный фундамент действительно социал-демократической рабочей партии. А дело шло тогда именно о *фундаменте* партии» [46].

Эйзенахская партия, сложившаяся в результате многолетней борьбы против лассальянства и буржуазного либерализма, организационно была построена по принципу демократического цент-

[45] Ibid., S. 279.
[46] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 366.

рализма. Устав партии предусматривал право каждого члена ее активно участвовать в решении всех вопросов теории и практики, что являлось полной противоположностью диктаторским организационным принципам Всеобщего германского рабочего союза. Если во главе последнего стоял диктатор-президент, то по уставу Эйзенахской партии руководство осуществлялось Центральным Комитетом, подотчетным съезду партии, созываемому ежегодно.

В момент своего образования Социал-демократическая рабочая партия (эйзенахцы) насчитывала 10 тыс. членов из всех слоев рабочего класса различных земель Германии[47]. Наибольшее влияние она имела в Саксонии, Брауншвейге, Вюртемберге, Тюрингии, Бадене, Баварии, Гессене, Силезии и Рейнской области; в остальных районах Пруссии, в Гамбурге и Берлине лассальянцы имели тогда большее влияние, чем эйзенахцы. Но образование Социал-демократической рабочей партии создавало предпосылки для объединения всего германского рабочего движения на единой марксистской основе[48].

Вновь созданная партия оказалась далеко не в легком положении. Ей пришлось бороться с широко распространившимся прусским шовинизмом, не только оньянявшим буржуазные и мелкобуржуазные элементы, но и просачивавшимся в ряды рабочего класса. Партии необходимо было вести острую борьбу против лассальянцев.

Важным событием в жизни партии было создание своего печатного органа, газеты «Фольксштаат», первый номер которой вышел 2 октября 1869 г. Газета сыграла большую роль в организации профессиональных союзов и в выработке тактики их борьбы. Через профсоюзы партия руководила стачечной борьбой германского пролетариата, особенно широко развернувшейся к концу 1869 г.

Первые годы деятельности Социал-демократической рабочей партии совпали с подготовкой Бисмарка к франко-прусской войне. Партия вела активную борьбу против милитаризации страны, против новой династической войны. Используя трибуну северогерманского рейхстага, депутаты германского пролетариата Бебель и Либкнехт разоблачали бисмарковскую политику «железа и крови», боролись против объединения Германии «сверху», против разгула прусского шовинизма.

Состоявшийся в июне 1870 г. очередной Штутгартский съезд подвел итоги годичной деятельности партии, одобрил ее политическую линию, направленную на ликвидацию влияния лассальянства, и призвал рабочий класс и все трудящиеся массы Германии к действенной борьбе против политики Бисмарка. Через месяц после Штутгартского съезда началась франко-прусская война, явившаяся тяжелым политическим испытанием для молодой организации.

[47] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 280—282.
[48] *H. Neef.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung im 19. Jahrhundert. Berlin, 1964, S. 102.

Германский пролетариат и его партия заняли правильную революционную позицию, не поддались шовинистическому угару. В тот момент, когда оньяненные победой пруссаки носились с лозунгом: «На Париж!», социал-демократы громко потребовали справедливого мира с Французской республикой. Рабочие депутаты в рейхстаге Бебель и Либкнехт воздержались от голосования по вопросу о военном займе, а после поражения французов под Седаном 2 сентября, когда Бисмарк продолжил войну против французского народа, Бебель и Либкнехт голосовали против военных кредитов[49]. Иначе повели себя лассальянцы — они высказались за военные кредиты. Решительная революционная позиция немецких рабочих получила высокую оценку Лондонской конференции I Интернационала: «Конференция заявляет, что германские рабочие во время франко-прусской войны выполнили свой долг»[50].

Когда весть о провозглашении Парижской Коммуны дошла до Берлина, Бебель и Либкнехт заявили о солидарности с героическими рабочими Парижа. От имени германских пролетариев они выступили с протестом против захвата Эльзаса и Лотарингии.

Таким образом, несмотря на тактические ошибки и колебания, Социал-демократическая рабочая партия показала себя революционной организацией. В острой борьбе с оппортунистами-лассальянцами она сплачивала ряды рабочих, воспитывала немецкий пролетариат в духе интернационализма. Бесстрашный и неутомимый деятель партии Бебель умел идти «против течения». Резонанс мирового масштаба имело выступление Августа Бебеля в защиту Коммуны с трибуны германского рейхстага 25 мая 1871 г. Это было грозное обвинение палачей Парижской Коммуны. Свою пламенную речь А. Бебель закончил словами: «Господа, как бы ни были предосудительны в ваших глазах стремления Коммуны (а вчера здесь, в частных разговорах, их называли даже безумными), будьте твердо уверены, что взоры всего европейского пролетариата и всех тех, кто еще сохранил в груди чувство свободы и

[49] См. *H. Beike.* Die deutsche Arbeiterbewegung und der Krieg von 1870/1871. Berlin, 1957.
[50] «Лондонская конференция Первого Интернационала 1871 г.». М., 1936, стр. 129.

независимости, устремлены на Париж. Господа, даже если в данный момент Париж и покорен, то я напоминаю вам о том, что борьба в Париже — лишь небольшая схватка на аванпостах, что главное в Европе еще впереди и что не пройдет и нескольких десятилетий, как боевой клич парижского пролетариата: «Мир хижинам, война дворцам, смерть нужде и тунеядству»,— станет боевым кличем всего европейского пролетариата» [51].

Буржуазные газеты подняли вой против А. Бебеля. В ответ на это газета «Фольксштаат» писала: «От имени Социал-демократической рабочей партии мы официально заявляем: Бебель не только имел право, но и обязан был защищать в рейхстаге Коммуну. Если бы он упустил эту возможность, то он плохо представлял бы партию; если бы он говорил в противоположном смысле, он не был бы больше членом социал-демократической партии» [52].

Август Бебель, смело бросивший вызов Бисмарку с трибуны Северогерманского рейхстага, был олицетворением лучших революционных традиций германского народа.

[51] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des deutschen Reichstages», I. Legislaturperiode. I. Session, Bd. II. 1871, S. 921.
[52] «Der Volksstaat», 17.VI 1871.

10

ГЕРМАНИЯ ВЫРЫВАЕТСЯ ВПЕРЕД

Объединение страны произошло не демократическим путем, что соответствовало бы интересам народных масс, а «сверху», под эгидой прусской монархии и юнкерства — наиболее реакционных сил общества. Они захватили государственный аппарат и армию, стремясь распространить на всю страну прусский режим, отличительными чертами которого были милитаризм и культ грубой силы.

В юнкерско-буржуазном блоке, сложившемся в Германии, буржуазия вынуждена была мириться с второстепенной ролью, ибо страшилась пролетариата и стремилась опереться в борьбе против него на помещичье государство, на военщину. Подобное соотношение сил предопределило живучесть разного рода феодальных пережитков. Буржуазия оплачивала проводившиеся в ее интересах нововведения согласием на важные экономические и политические уступки юнкерству, хотя они противоречили потребностям капиталистического развития. Тем не менее процесс капиталистического развития и перерастание свободного капитализма в империализм шли очень быстрыми темпами.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В 70—80-Х ГОДАХ

В 1893 г. Ф. Энгельс, после 16-летнего перерыва, побывал в Германии. Происшедшие за это время экономические сдвиги поразили его.

Еще в начале 70-х годов Германия была по преимуществу сельскохозяйственной страной, ее крупная промышленность тогда только возникала. К 90-м годам положение изменилось ко-

ренным образом; произошел подлинный переворот в экономической жизни страны [1].

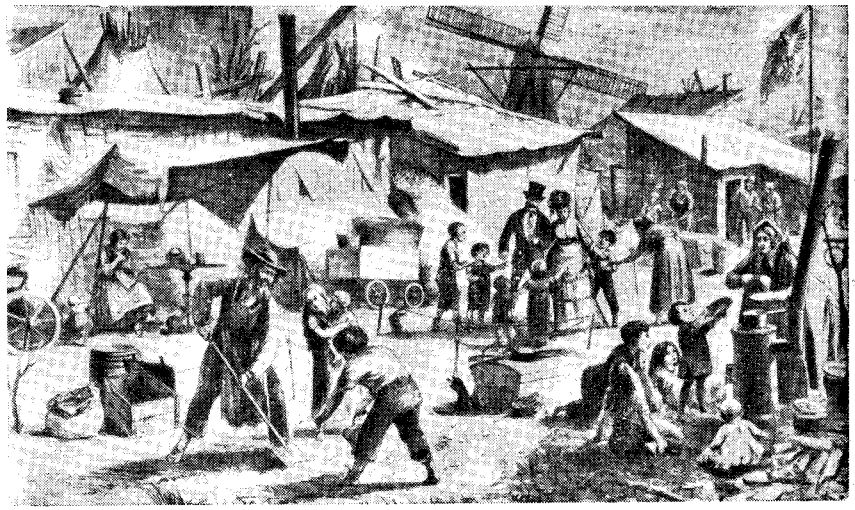
В Германии завершилась промышленная революция. Она была запоздалой, но это таило в себе и ряд важных преимуществ. Германия осуществляла свою индустриализацию, широко заимствуя опыт развитых капиталистических стран. Ее промышленность, особенно тяжелая, строилась на базе наиболее современной в тот период техники, тогда как в Англии и Франции наличие многочисленных устарелых предприятий искусственно увеличивало издержки производства.

Решительному преодолению отставания Германии содействовала также 5-миллиардная контрибуция, полученная с побежденной Франции. Важную роль в экономическом подъеме Германии конца XIX в. сыграл захват Эльзаса и Лотарингии с их богатейшими запасами железных руд; в конце 70-х годов открытие Томаса (обесфосфоривание фосфористых руд) превратило эти залежи, ранее не находившие использования, в главную сырьевую базу германской металлургии. Одним из серьезных преимуществ Германии перед ее соперниками была территориальная концентрация природных богатств в двух-трех районах.

Отражением неравномерности развития капитализма в Германии стал бурный рост тяжелой индустрии. Скачкообразный характер носил, например, подъем производства чугуна и выплавки стали. В 1890 г. было выплавлено 2,2 млн. т стали (против 0,2 млн. в 1870 г.), произведено в три с лишним раза больше чугуна, чем в 1870 г.; в Англии за то же время производство чугуна возросло менее чем на треть. Не менее характерны данные и по таким «молодым» для того времени отраслям промышленности, как электротехническая и химическая. Так, добыча калийной соли возросла за два десятилетия с 290 тыс. до 1279 тыс. т. Стремительно поднялась добыча каменного угля — с 26,4 млн. до 70,2 млн. т [2]. В непосредственной связи с подъемом тяжелой промышленности находился рост железнодорожной сети. В течение 70-х годов было построено свыше 15 тыс. км железнодорожных путей, а за два десятилетия протяженность линий увеличилась с 19,6 тыс. почти до 42,9 тыс. км [3].

Росла численность рабочего класса — в первую очередь индустриального пролетариата. В промышленности, а также в торговле и транспорте уже в начале 90-х годов было занято свыше 50%

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 430.
[2] «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. 1. М., 1937, стр. 178—179, 258—259, 500.
[3] *В. Гриневич*. Народное хозяйство Германии. Очерк развития (1800—1924). Берлин, 1924, стр. 32.



Жилище бедняков. 1872 г.

населения [4]. Вместе с развитием индустрии менялся самый облик страны. С каждым годом расширялся Рейнско-Вестфальский промышленный район, постепенно превращавшийся в почти непрерывную цепь крупных фабрично-заводских центров.

Капиталистическое развитие Германии, в целом весьма быстрое, не было, конечно, безоблачным; оно нередко пресекалось экономическими кризисами. Очень жестоким оказался кризис, начавшийся в 1873 г.; он приобрел в Германии особенную остроту в результате невиданной спекулятивной горячки, вызванной получением 5-миллиардной контрибуции. Волна грюндерства — учреждение всякого рода фирм и компаний (в 1870—1873 гг. их возникло более 950) [5], баснословно обогатившая множество ловких дельцов (среди них было немало членов рейхстага, тесно связанных с правительственными кругами), значительно превышала реальные возможности расширения производственного аппарата и сбыта продукции [6]. Наступивший в 1873 г. крах привел к закрытию

[4] *К. Гельферих*. Развитие народного хозяйства в Германии с 1888 по 1913 г. М., 1920, стр. 25.
[5] *H. Bechtel*. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1956, S. 453.
[6] *Л. Мендельсон*. Теория и история экономических кризисов и циклов, т. 2. М., 1959, гл. I.

большого числа предприятий и учреждений, росту безработицы, значительному ухудшению и без того тяжелого положения трудящихся. Кризисы происходили в тот период с промежутками приблизительно в восемь-десять лет — в 1883, 1892 и 1900 гг.; последний вновь отличался большой силой и длительностью. Снижая на время темпы промышленного развития, экономические кризисы конца XIX в. вместе с тем стимулировали модернизацию производства и тем самым расчищали путь для дальнейшего индустриального подъема.

Сельское хозяйство, хотя и здесь происходил некоторый рост, развивалось значительно медленнее. Одной из причин этого был затяжной аграрный кризис последней четверти XIX в., охвативший европейские страны[7]. В Германии его действие усугублялось спецификой развития сельского хозяйства по прусскому пути. Сохранение юнкерского землевладения затрудняло рост производительных сил в сельском хозяйстве, консервировало его отсталость, препятствовало выходу из аграрного кризиса. Но отрицательные последствия утверждения прусского пути этим не ограничивались. Обрекая безземельных и малоземельных крестьян на мучительную кабалу, он обусловливал относительную узость внутреннего рынка.

Почти $^2/_3$ всех сельских хозяйств Германии относились в конце XIX в. к категории карликовых, имевших до 2 га; на их долю приходилось только 5,6% обрабатываемой площади. Многие крестьяне вынуждены были батрачить, ибо своего хлеба им не хватало. В то же время помещичьи и кулацкие хозяйства (свыше 20 га) держали в своих руках 54,4% земли[8]. Юнкерские владения были особенно велики в Восточной Пруссии и Померании. Следствием тяжелого положения крестьянства был значительный приток рабочих рук из деревни в город.

Положение рабочего класса Германии было хуже, чем в ряде других стран Западной Европы и США. Несмотря на быстрый экономический подъем и значительную эмиграцию[9], вплоть до середины 90-х годов постоянно существовала резервная армия безработных. Буржуазная статистика, согласно которой в конце XIX в. номинальная зарплата германских рабочих росла, извращает истинное положение вещей; она учитывает не все категории индустриального пролетариата и целиком игнорирует сельскохозяйственных рабочих и лесорубов, эксплуатация которых (особенно сезонников-поляков из царской России) была наиболее интенсивной. Постоянное давление на зарплату индустриального пролетариата оказывал очень низкий уровень заработной платы рабочих, занятых в домашней промышленности. Но реальная зарплата даже тех групп, которые рассматривает буржуазная статистика, и не приближалась к прожиточному минимуму, как известно, занижаемому буржуазной статистикой[10]. И уж, конечно, никакие цифры не отражают роста интенсивности труда германских рабочих, являвшейся причиной их преждевременного старения.

[7] См. *А. Любошиц*. Вопросы марксистско-ленинской теории аграрных кризисов. М., 1956, гл. II.
[8] *А. Петрушов*. Аграрные отношения в Германии. М., 1945, стр. 32—38.
[9] Только в течение 80-х годов из Германии эмигрировало около 1,3 млн. человек (*А. Лихтенберже*. Современная Германия. М., 1914, стр. 149). Эмиграция пошла на убыль лишь в 90-х годах.

ФОРМИРОВАНИЕ МОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Узость внутреннего рынка увеличивала заинтересованность германских капиталистов во внешних рынках. Эта экономическая заинтересованность стимулировала зарождение и укрепление монополистических объединений. Они возникли сначала в Германии и развивались здесь быстрее, чем в странах «старого» капитализма, а в некоторых отношениях даже, чем в США.

Опоздавшая в своем экономическом развитии Германия столкнулась с чрезвычайными трудностями в борьбе за рынки. Орудием германских капиталистов в этой борьбе послужило, с одной стороны, максимальное снижение издержек производства, достигавшееся усилением эксплуатации рабочего класса, внедрением новой техники и т. п. С другой стороны, германская буржуазия стала применять демпинг. Сбывая товары за рубежом по бросовым ценам, немецкие капиталисты стремились возместить свои «потери» путем повышения цен на те же товары внутри страны. Идеалом в этом смысле была, естественно, монополия, которая только и дает гарантию получения максимальных цен. Ф. Энгельс разглядел эту тенденцию в самом начале ее развития. Он писал в 1879 г.: «Фабриканты железа могут пожелать покровительственных пошлин лишь в том случае, если они организовали *ринг*, то есть заговор, который навязывает *внутреннему рынку монопольные цены*, чтобы излишнюю продукцию по бросовым ценам сбывать за границей, *что́ они фактически уже и делают в настоящее время*»[11].

Вот почему крупнейшие капиталисты и банкиры Германии проявили особенную активность в деле монополизации, в основе

[10] *Ю. Кучинский*. История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 148.
[11] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 336—337.

которой лежал объективный процесс роста и концентрации производства. Монополизация происходила в Германии интенсивнее всего в области тяжелой промышленности. Металл, уголь, химия, электротехника — вот в каких отраслях производства в первую очередь возникли здесь монополистические объединения. Это были отрасли, ключевые для хозяйственной жизни страны и, — что немаловажно, — определяющие ее военно-экономический потенциал.

Господствующей формой таких объединений стали в Германии картели, т. е. соглашения относительно общей политики в области производства, цен и т. п., сохраняющие за каждым из участников формальную самостоятельность. Данные о численности картелей в Германии разноречивы; но все они показывают быстрый рост их (1879 г.— 14 картелей, 1885 г.— 90, 1890 г.— 210) [12]. Как и в других странах, большая часть монополистических объединений, возникавших в Германии в 70 — 80-х годах, носила преходящий, кратковременный характер и легко распадалась под ударами экономических кризисов и в результате взаимной борьбы участников. Стремление к форсированному образованию монополистических объединений приводило подчас к созданию их в отраслях с еще недостаточно высоким уровнем концентрации производства.

Но и в такой отличавшейся высокой концентрацией отрасли, как горнозаводская, созданию в 1893 г. Рейнско-Вестфальского каменноугольного синдиката, сосредоточившего в своих руках около 87% добычи своего района, предшествовал длинный ряд предварительных стадий, датирующих свое начало еще за 20 лет до создания синдиката. В чугунолитейной промышленности также неоднократно возникали временные объединения [13], но лишь в 90-х годах был основан огромный синдикат, вобравший в себя все рейнско-вестфальские чугунолитейные предприятия [14]. Вместе с Люксембургско-Лотарингским объединением, возникшим ранее, он по существу господствовал над всем металлургическим производством на западе Германии.

Неуклонно шла монополизация и в химической промышленности. Здесь особую роль сыграла германская система патентов, существование которой, в той или иной степени, содействовало

[12] *R. Liefmann.* Die Unternehmerverbände. Freiburg, 1897, S. 143.

[13] В 1880 г. Ф. Энгельс, характеризуя положение в германской железоделательной промышленности, писал: «...Имеется всего-навсего какая-нибудь дюжина предприятий, с которыми приходится считаться и которые господствуют над другими... Таким образом прекращается всякая конкуренция, налицо абсолютная монополия» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 180).

[14] *Ю. Кучинский.* Очерки истории германского империализма. М., 1952, стр. 96—97, 132—133.

концентрации производства и в других отраслях, ибо эта система охраняла в первую очередь интересы крупных фирм. В области химии производство целиком базировалось на патентах, требовавших больших вложений как в производственные процессы, так и в дорогостоющие исследовательские работы [15]. К концу XIX в. господствующими в этой отрасли являлись две группы концернов, все более решительно стремившиеся диктовать цены на внутреннем рынке. Аналогичное положение создалось в электротехнической промышленности. Две группы капиталистических объединений, сложившиеся здесь, были прообразами германских электротехнических монополий — Всеобщей компании электричества (АЭГ) и Сименса, окончательное оформление которых относится к XX в.

Существенной особенностью образования монополий в Германии стала значительная роль банков, потому что сама промышленность еще не успела создать необходимых накоплений и нуждалась в мобилизации средств. Крупные банки установили тесные связи с промышленностью, что оказалось взаимовыгодным. Банковые воротилы стремились держать под контролем промышленные фирмы, которым были предоставлены долгосрочные кредиты, содействовали их укреплению и концентрации производства в их руках. Так, например, банк «Учетное общество» был решающей силой в концентрации тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальского района. Происходило также укрупнение самих банков. К концу XIX в. основная масса кредитных операций сосредоточилась в руках шести гигантов, весьма тесно связанных со складывающимися промышленными монополиями. В ходе этого процесса выделились подлинные индустриальные магнаты и крупные банковские дельцы, контролировавшие чуть ли не целые отрасли промышленности: Кирдорф, Крупп, Штумм, Блейхредер, Ганземанн и др. По мере сосредоточения в их руках ключевых экономических позиций росла и их политическая роль. Они оказывали все большее влияние на курс правительства [16].

Это проявилось, в частности, в вопросе о таможенных пошлинах. Германские монополии имели возможность с особенным успехом усиливать свое влияние на экономическую жизнь, ибо здесь с конца 70-х годов произошел решительный поворот от свободной торговли к протекционизму. Высокие пошлины были призваны пресечь возможность иностранной конкуренции на внутригерманском рынке и способствовать установлению монопольных цен.

Мы встречаемся в Германии последних десятилетий XIX в. и с усилением вывоза капитала. Вполне достоверных данных на этот счет нет, однако источники сходятся на том, что по сравне-

[15] *Г. Леви.* Германские монополии. М., 1936, стр. 91.

[16] См. *Г. Хальгартен.* Империализм до 1914 года. М., 1961.

нию с началом 80-х годов капиталовложения Германии за границей к концу XIX в. примерно утроились, составив около 15 млрд. марок [17]. Эти вложения в руках германской буржуазии стали верным средством внешнеторговой экспансии и подготовки позиций для будущей войны.

И количество, и мощь монополистических объединений, и связи последних с банками, и некоторые другие моменты, характеризующие степень перерастания «свободного» капитализма в империализм, были выражены в Германии гораздо более отчетливо, чем в большинстве других стран. Но и здесь складывание империализма отнюдь не было завершено до конца XIX в. Монополии в ряде отраслей промышленности по существу все еще находились в процессе становления. Главное же, господство монополий над экономикой не было сколько-нибудь полным и в значительной части производства по-прежнему преобладала свободная конкуренция. Но развитие неуклонно шло к монополии, и немало мелких и средних предприятий погибало, не выдерживая конкуренции крупных компаний, или поглощалось ими.

ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНЫЙ БЛОК У ВЛАСТИ

Быстро развиваясь экономически, Германия в политическом отношении оставалась одной из стран, граждане которой, по сравнению, например, с республиканской Францией, пользовались гораздо меньшими правами. Государственное устройство Германской империи было определено конституцией, принятой в марте 1871 г. и составленной таким образом, чтобы закрепить гегемонию прусской монархии.

Прусский король — и только он — мог быть, согласно конституции, германским императором. Он неограниченно распоряжался вооруженными силами империи, имел право утверждения или отклонения всех законопроектов, созыва и роспуска имперского парламента — рейхстага. Министр-президент Пруссии являлся и имперским канцлером. Канцлер был единственным общегерманским министром (те или иные ведомства возглавлялись статс-секретарями, которые по своему служебному положению были лишь помощниками рейхсканцлера) и нес ответственность не перед рейхстагом, а только перед императором. Маркс и Энгельс неоднократно отмечали, что сколоченное в 1871 г. единство Германии было лишь маской для прусского деспотизма, что «...Германия первоначально обретает свое *единство в прусской казарме*» [18].

[17] *J. Kuczynski.* Die Bewegung der deutschen Wirtschaft. Berlin, 1946, S. 98.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 272.

Вместе с тем бонапартизм, столь характерный в рассматриваемое время для политического устройства Германии, наложил отпечаток и на имперскую конституцию, придав ей некоторые внешне демократические черты. Главной из них было всеобщее право выборов в рейхстаг. На практике оно не было всеобщим, ибо от участия в выборах полностью отстранялись женщины, военнослужащие и молодежь в возрасте до 25 лет. Существовали и другие уловки, чтобы затруднить избрание представителей народных масс в парламент. И все же всеобщее избирательное право открывало перед рабочим классом известные возможности в области политической борьбы.

Самым важным и наиболее реальным правом рейхстага было утверждение бюджета; однако правящие круги упорно и не без успеха стремились лишить рейхстаг этой прерогативы, — если не полностью, то хотя бы на длительное время. Права рейхстага были ограничены, так как над ним находились верхняя палата — Союзный совет, неответственное перед парламентом правительство и, наконец, сам император. «Союзный совет, — писал Ф. Энгельс, — не только имеет решающий голос в законодательстве наряду с рейхстагом, но он же, вместе с тем, является и высшей административной инстанцией» [19]. Детище Бисмарка — имперская конституция, указывал Энгельс, «была дальнейшим шагом на пути к его единоличному господству, осуществляемому путем балансирования между партиями в рейхстаге и между партикуляристскими государствами в Союзном совете,— дальнейшим шагом по пути бонапартизма» [20].

Имперская конституция обеспечила политическое господство юнкерства. И все же представители его, стоявшие у власти, и в первую очередь Бисмарк (занимавший пост рейхсканцлера вплоть до 1890 г.), не могли не учитывать интересов экономически крепнущей германской буржуазии. Бисмарк, сумевший в определенной степени преодолеть ограниченность кругозора своего класса, понимал необходимость создания единообразия условий для промышленной и торговой деятельности. С этой целью в 70-х годах была проведена целая серия мероприятий.

Первым из них стало введение в 1871—1873 гг. единой золотой валюты, заменившей собой многочисленные валюты отдельных королевств и княжеств, столь затруднявшие обмен. В 1874 г. была создана единая почтовая система — неотъемлемый атрибут беспрепятственного капиталистического развития. Еще большее значение имело в этом смысле основание имперского банка (1875 г.). В том же году вошел в силу единый для всей страны свод уголов-

[19] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 473.
[20] Там же, стр. 474.

ных законов. Началась также разработка гражданского кодекса, затянувшаяся, однако, на два с лишним десятилетия. В 1872—1875 гг. была осуществлена административная реформа в Пруссии, отнимавшая у отдельных юнкеров принадлежавшую им в силу феодальных привилегий местную власть [21]. Правда, юнкеры без особого труда могли получить послушное им большинство в органах самоуправления округов, ибо продолжали держать в экономической зависимости мелких крестьян и батраков, опутанных полукрепостническими формами эксплуатации. Тем не менее реформа округов встретила сильнейшее сопротивление помещиков, не желавших отказываться от каких бы то ни было феодальных прав.

В Пруссии, территория которой составляла почти $^2/_3$ империи, продолжала сохраняться архиреакционная конституция 1850 г. С течением времени, с ростом промышленности и городов, особенности трехклассной избирательной системы становились все более нетерпимыми. Но юнкеры упорно противились каким-либо попыткам реформирования прусской конституции. Более того, проводя политику опруссачивания Германии, они стремились навязать этот уродливый пережиток феодально-сословных отношений и другим составным частям империи (в 90-х годах это удалось в отношении Саксонии).

Важнейшей опорой юнкерско-буржуазной власти являлась армия. После объединения издавна сложившаяся в Пруссии военная система, ее реакционный дух и агрессивные традиции начали распространяться на всю страну. Быстрый рост промышленности, в особенности тяжелой, придал прусско-германскому милитаризму новые силы. Значительная часть контрибуции, полученной от Франции, была истрачена на расширение армии и ее перевооружение. В 1874 г. правительство провело через рейхстаг закон, увеличивавший численность армии мирного времени до 402 тыс. человек; но главным успехом милитаристских кругов стал принятый тогда же закон о так называемом септеннате, т. е. утверждении военных расходов на семь лет вперед. Это нововведение еще более развязало руки военщине, освободив ее на длительное время от какого-либо контроля со стороны рейхстага.

В 1880 г. Бисмарк добился от рейхстага принятия септенната на следующий срок. Армия мирного времени постоянно росла; в течение 70—80-х годов она увеличилась почти на 40% [22]. Военщина продолжала укреплять свои позиции в политической жизни, оказывая влияние на решение самых разных вопросов внутренней и внешней политики. Не только юнкерство, но и буржуазия ак-

[21] *W. Bussmann.* Das Zeitalter Bismarcks.— «Handbuch der Deutschen Geschichte», Bd. 3, T. 2. Konstanz, 1956, S. 156.

[22] *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951, стр. 59—60.

тивно поддерживала прусских милитаристов (кичившихся своими быстрыми победами над Данией, Австрией и Францией), видя в армии средство осуществления внешней экспансии и орудие борьбы против рабочего класса.

Против политического курса, проводимого Бисмарком, выступали в эти годы, как ни странно, его единомышленники из числа юнкерства, объединенные в партию консерваторов. Не понимая неизбежности некоторых реформ, имевших целью облегчить капиталистическое развитие, они обвиняли Бисмарка чуть ли не в измене своему классу. Консерваторы боролись против любых мер, направленных на расширение компетенции имперских властей, опасаясь «умаления» Пруссии.

Эти тревоги были, конечно, беспочвенны. К такому выводу пришли те элементы юнкерства, которые осознали неизбежность капиталистического развития страны. Они составляли руководящее ядро Партии «свободных консерваторов», или Имперской, как ее стали называть в 70-х годах. В руководство партии входили также некоторые крупные промышленники, в том числе основной фабрикант оружия в Германии Крупп, Кирдорф (впоследствии возглавивший Центральный союз германских промышленников) и Штумм. Имперская партия, с лидерами которой Бисмарк был тесно связан, являлась одной из основных опор правительства, ее члены занимали важные посты в государственном аппарате империи [23].

Политику Бисмарка активно поддерживала в тот период и Национал-либеральная партия, представлявшая интересы широких кругов буржуазии. На примере этой партии убедительно видна эволюция германской буржуазии от либерализма к союзу с реакционным юнкерством. Национал-либералы отказались от многих своих программных требований и удовлетворились реформами, проведенными Бисмарком. Микель, Бенигсен и другие политические лидеры буржуазии, руководившие партией, были заинтересованы в колониальной экспансии, в неуклонном укреплении милитаризма, деятельности разных шовинистских организаций, занимавшихся пропагандой экспансии вовне и сокрушения «внутреннего врага», т. е. социалистов. Правда, между правительством и национал-либералами бывали и размолвки, вызывавшиеся нежеланием руководства партии компрометировать себя в глазах избирателей поддержкой наиболее одиозных мер, осуществлявшихся Бисмарком; но то бывали только временные расхождения, и национал-либералы неизменно возвращались «в строй», зачастую обеспечивая правительству большинство в рейхстаге.

[23] *A. Bergsträsser.* Geschichte der politischen Parteien in Deutschland. München, 1953.

Либеральную окраску еще сохраняла партия прогрессистов. Она выступала, например, против протекционистских пошлин — это отвечало интересам буржуазии портовых городов и капиталистов тех отраслей промышленности (как, например, химическая), которые не боялись иностранной конкуренции и считали, что введение пошлин ухудшит условия внешнеторговой экспансии. Лидеры прогрессистов — знаменитый естествоиспытатель Вирхов, Рихтер и др.— энергично противились стремлению правительства устранить контроль рейхстага над ассигнованиями на военные нужды. Однако по мере углубления классовых противоречий и эта партия в свою очередь расставалась с либеральными идеями, нередко смыкаясь с национал-либералами и, как и они, усматривая свою главную задачу в борьбе против социал-демократии [24].

«КУЛЬТУРКАМПФ»

Важное место в политической жизни объединенной Германии занимала новая партия, принявшая название партии Центра. Она отражала сепаратистские настроения населения некоторых немецких государств, включенных в 1871 г. в состав империи. Руководители партии Центра с самого начала ориентировались в первую очередь на католическое население южных и западных районов страны. Непосредственно связанная с Ватиканом, она объединяла в своих рядах крайне разнородные элементы, которые могли находить что-либо общее лишь в религии: капиталистов-католиков западных областей Германии и нещадно эксплуатируемых ими рабочих, баварских партикуляристов и силезских феодалов-католиков. Руководство партии находилось в руках реакционеров-клерикалов, взгляды которых на методы подчинения народных масс во многом совпадали с программой правительства. Однако в 70-х годах партия Центра вела ожесточенную борьбу с правящими кругами империи, преследовавшими католическую церковь. «Культуркампф» — борьба за культуру — так окрестили антикатолические мероприятия Бисмарка его подголоски (сам он, как правило, не пользовался этим термином). На деле, однако, культура была здесь на третьем плане. Гораздо более корыстные соображения толкнули имперское правительство на войну против католического духовенства.

«Культуркампф» был вызван прежде всего стремлением юнкерско-буржуазного блока нанести удар партикуляристским настроениям и тенденциям. Политика насильственного опруссачивания вызывала естественное противодействие населения окраинных районов страны — не только подвергавшихся тяжкому национальному гнету поляков [25], датчан, французов Эльзаса и Лотарингии, но также баварцев, вюртембержцев, баденцев — жителей всех областей, на которые власть прусского юнкерства ранее не распространялась. «Сила центра, — писал Энгельс,— заключалась... в том, что он выражал неприязнь народных масс к специфическому пруссачеству, притязавшему теперь на господство в Германии» [26]. Католическая церковь поддерживала антипрусские настроения, стремясь тем самым усилить свою политическую роль.

Другой важной целью «культуркампфа», по замыслу Бисмарка, было отвлечь внимание пролетариата от его насущных классовых нужд в сторону религиозных вопросов [27]. Выбор момента для атаки на католическую церковь определялся еще одним соображением. «Культуркампф» не случайно начался в разгар грюндерской лихорадки, охватившей Германию после франко-прусской войны. Кроме всего прочего, он призван был прикрыть собой темные махинации грюндеров, замаскировать спекулятивные аферы, в результате которых наживалась кучка капиталистов и банкиров и разорялась мелкая буржуазия [28].

Первый важный закон против клерикалов был принят в 1872 г. Он предусматривал лишение католического духовенства привилегий исключительного надзора за школами. Этот закон не внес, однако, новых начал в дело образования. Имперские власти остановились на полпути, ибо опасались полного разрыва с католической церковью, этим традиционным оплотом реакции. Вот почему в пору «культуркампфа» вопрос об отделении церкви от государства, а школы — от церкви даже не поднимался.

В 1872 г. был принят также закон о запрещении деятельности иезуитских орденов и конгрегаций, в течение 1873—1875 гг. осуществлен еще ряд мероприятий, чувствительно затронувших интересы католической церкви. Государство взяло в свои руки дело подготовки и назначения духовных лиц, ограничило власть духовенства по отношению к служителям церкви и верующим, добилось отмены тех статей конституции, которые предусматривали автономию церкви, и т. д. [29] На непокорных католических епископов и других священнослужителей сыпались репрессии, их заме-

[24] *G. Seeber.* Zwischen Bebel und Bismarck. Zur Geschichte des Linkliberalismus in Deutschland. 1871—1893. Berlin, 1965.

[25] Бисмарк даже утверждал позднее, что для него «начало культуркампфа было преимущественно обусловлено польской стороной». (*O. Bismarck.* Gesammelte Werke, Bd. XV. Berlin, 1932, S. 333.)

[26] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 479.

[27] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 417.

[28] «Die Vorgeschichte des Kulturkampfes». Berlin, 1957.

[29] *G. Schmidt-Volkmar.* Der Kulturkampf. Frankfurt am Main, 1962.

няли угодные правительству лица. Наконец, был проведен закон об обязательном гражданском браке. Это мероприятие объективно носило прогрессивный характер, но для правящих кругов было лишь средством подчинения католической церкви.

Однако политика правительства не имела успеха. Наоборот, полицейские гонения увеличили число приверженцев партии Центра: в 1874 г. она получила 95 мест в рейхстаге вместо прежних 63. Заодно с ней обычно выступали 30 депутатов — поляков, эльзасцев и датчан [30]. Не удивительно, что с 1876 г. антикатолические законы не принимались и наметилось сближение между имперским правительством и клерикалами. В дальнейшем бо́льшая часть изданных в период «культуркампфа» законов была отменена.

Оправдание для своего «пути в Каноссу» Бисмарк видел в непрерывном усилении социалистической агитации, активизации рабочего движения, что вызывало необходимость сплочения всех реакционных сил. Ведь и для деятелей партии Центра главным аргументом против «культуркампфа» неизменно было указание на роль католической церкви как «мощного вала против социал-демократии». Так, доводом против закона о надзоре за школами было утверждение, что он «открывает двери социализму». Выступая против законопроекта об изгнании иезуитов, один из лидеров партии Центра говорил: «Если вы отнимете у рабочего рай в потустороннем мире, тогда он захочет его на земле. Поэтому иезуиты всегда будут самыми деятельными противниками Интернационала».

Одной из неизменных целей юнкерско-буржуазного блока была германизация польских земель, в свое время захваченных Пруссией. В 70-х годах гонения против польского населения шли главным образом под флагом борьбы с католической церковью: но они не только продолжались, а стали еще ожесточеннее именно тогда, когда «культуркампф» полностью прекратился. Западные польские земли все более превращались в европейскую колонию Германии; над трудящимся населением был установлен двойной гнет: социальный и национальный.

Немецкие колонизаторы стремились уничтожить польскую культуру. С этой целью в 1872—1874 гг. преподавание почти во всех школах было переведено на немецкий язык. Польских учителей переселяли в глубь Германии. В 1876 г. немецкий язык был объявлен официальным языком в учреждениях и судебных органах польских областей. Коренные названия городов и деревень заменялись немецкими. Шла быстрая германизация всего государственного аппарата, что наносило населению огромный ущерб. Новая волна гонений развернулась в 80-е годы, и она уже была

[30] *E. Eyck.* Bismarck, Bd. 3. Erlenbach — Zürich, 1944, S. 108.

связана с планами прусской военщины превратить Познань, Восточное Поморье и Силезию в плацдарм возможной войны против России. В 1885 г. германские власти начали массовое выселение поляков — выходцев с польских земель (бывших тогда в составе России), работавших в юнкерских поместьях и на промышленных предприятиях Германии. Всего до конца 1887 г. было выселено около 26 тыс. человек [31].

В эти годы издается новая серия германизаторских постановлений. В 1886 г. была создана Колонизационная комиссия, ставшая в дальнейшем центром преследования поляков с целью насадить на польских землях немецкие кулацкие хозяйства. Все эти меры сопровождались непрекращающейся шовинистической кампанией, направленной против польского населения, польской культуры. Правящие круги Германии, разжигая эту кампанию, преследовали особую цель — посеять вражду между немецкими и польскими народными массами, расколоть ряды немецкого пролетариата, отравив его ядом национализма.

УСПЕХИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЪЕДИНЕНИЕ ЭЙЗЕНАХЦЕВ С ЛАССАЛЬЯНЦАМИ

Германия стала в эти десятилетия центром европейского рабочего движения. Завершение промышленной революции не могло не привести к серьезным изменениям численности и характера немецкого пролетариата: с победой крупной индустрии в его составе все возрастал удельный вес промышленных рабочих, среди которых пропаганда социалистических идей находила наибольший отклик. Большое значение для активизации рабочего движения в Германии имела Парижская Коммуна, ее революционизирующий пример сильно способствовал росту симпатий германского пролетариата к социализму. Руководители эйзенахской партии делали многое для пропаганды подвига парижских коммунаров; они издавали в немецком переводе работы французских авторов, посвященные историческим свершениям Парижской Коммуны (например, книгу Лиссагарэ), публиковали собственные сочинения на эту тему (таковы были, в частности, книги Бракке, Блоса и др.). Это существенно способствовало развитию классового сознания и классовой солидарности немецких рабочих [32].

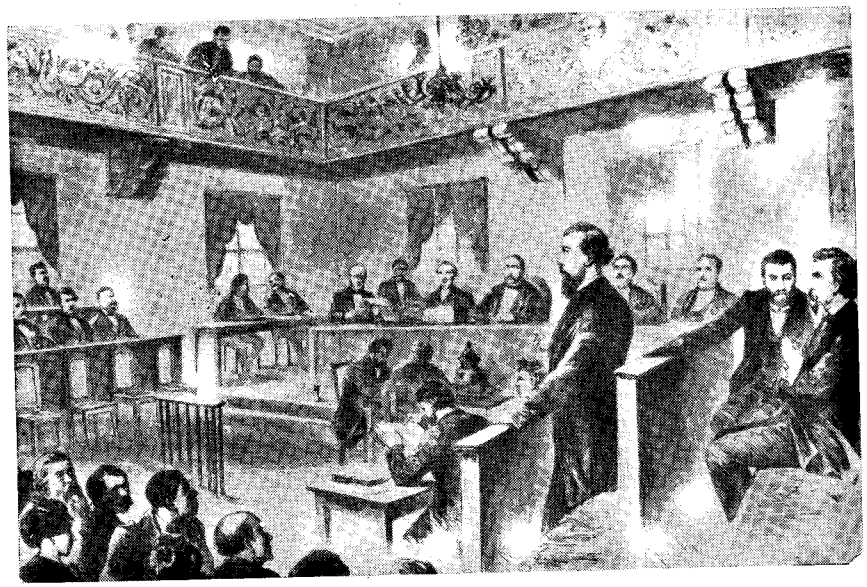
[31] *J. Mai.* Die preussisch-deutsche Polenpolitik 1885/87. Berlin, 1962, S. 98.
[32] *H. J. Friederici, J. Seidel.* Der Widerhall der Pariser Kommune in der deutschen Arbeiterbewegung.— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1961, N 2, S. 295.

Замечательный пример пропаганды идей Парижской Коммуны показали Август Бебель и Вильгельм Либкнехт, бесстрашно выступавшие в защиту дела коммунаров. Реакция не простила им этого. В марте 1872 г. над обоими был инсценирован судебный процесс по обвинению в «заговоре» против существующего строя. На суде, состоявшемся в Лейпциге, оба вождя рабочего класса полностью опровергли эти обвинения, изложили подлинные цели немецких социалистов и Международного Товарищества Рабочих. В выступлениях В. Либкнехта была четко охарактеризована классовая сущность пролетарского государства, созданного парижскими коммунарами. Это было очень важно для пропаганды марксистского учения о государстве. Суд приговорил обоих к двухлетнему заключению в крепости. В прощальном письме к своим сторонникам А. Бебель и В. Либкнехт призывали их в ответ на приговор «удвоить усилия в деле расширения нашей партии» [33].

Начало 70-х годов ознаменовалось значительными успехами эйзенахцев, опиравшихся в своей деятельности на марксистское учение. Быстро росли ряды приверженцев социалистических идей, членов I Интернационала. Некоторое представление об этом дают письма, которые К. Маркс в течение 1872 г. получал в качестве признанного главы Международного Товарищества Рабочих. Так, некто Б. Гайзер из Бреслау (Вроцлав) писал ему, что он нуждается в членских карточках МТР, ибо обстановка в этом городе «вселяет надежду, что Интернационал сумеет здесь завоевать значительное число приверженцев». Г. Квасненский сообщал Марксу из Криммичау, что он распространил 50 карточек, нуждается еще в 100. В. Финк из Лейпцига просил прислать 200 экземпляров, К. Клейст из Кельна — 150 и т. д. [34]

Революционно-социалистическая пропаганда, развернутая эйзенахцами, способствовала высвобождению пролетариев из-под влияния обанкротившихся лассальянских деятелей. Однако продолжали существовать две отдельные рабочие партии, и это ослабляло силы пролетариата. Все более ощущалась необходимость ликвидации раскола, тем более что узловой вопрос о путях объединения страны, разделявший в прошлом оба отряда рабочего движения, потерял после 1871 г. свое практическое значение. Нередко рядовые члены обеих партий плечом к плечу выступали против общих врагов — буржуазии и юнкерства, против милитаристского государства, вели совместную работу в профсоюзах и т. п. В Вюртемберге, например, было даже установлено полное согласие

[33] «Der Leipziger Hochverratsprozeß vom Jahre 1872». Berlin, 1960.
[34] «Die I. Internationale in Deutschland (1864—1872). Dokumente und Materialien», Berlin, 1964, S. 635, 648, 662, 670.



Процесс над А. Бебелем и В. Либкнехтом 1872 г.

Современная гравюра

обеих организаций и с 1873 г. выходила совместная газета [35]. Рабочие на практике убедились, что сплочение удесятеряет их силы, помогает им бороться против репрессий, которые обрушивались теперь и на головы лассальянцев. Во Всеобщем германском рабочем союзе все сильнее росло недовольство раскольнической политикой руководства [36].

В середине 70-х годов произошло событие, сыгравшее большую роль в истории германского пролетариата, — ликвидация раскола в его рядах. Объединение эйзенахцев и лассальянцев состоялось в 1875 г. на съезде в Готе. Сам этот факт отвечал насущным потребностям рабочего движения, поднимал его на новую ступень. Но руководители эйзенахцев, сами стоявшие в основном на марксистских позициях, допустили крупную ошибку, пойдя на компромисс с главарями лассальянцев по ряду центральных пунктов программы единой партии.

[35] *Ф. Меринг.* История германской социал-демократии, т. IV. М., 1907, стр. 66—67.
[36] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 333—334.

В результате принятая Готским съездом программа содержала много ошибочных и вредных лассальянских положений и догм, давным-давно опровергнутых ходом исторического развития. Среди них был тезис, провозглашавший все классы, кроме пролетариата, «сплошной реакционной массой», т. е. лишавший рабочий класс его естественного союзника в лице трудящегося крестьянства и некоторых других слоев населения. Готская программа включала также лассалевское положение о существовании некоего «железного закона» заработной платы (хотя съезд принял резолюцию о необходимости профсоюзной борьбы и в своей практической деятельности партия придерживалась именно этого решения)[37]. В духе лассальянства трактовался в программе важнейший вопрос о путях перехода к социализму; идея завоевания политической власти и установления диктатуры пролетариата была заменена расплывчатым лозунгом создания «свободного народного государства» и организации «производительных рабочих товариществ с помощью государства». Готская программа не учитывала серьезных уроков, вытекавших из опыта Парижской Коммуны[38].

Маркс и Энгельс подвергли проект программы резкой критике. Подробный анализ ее был дан в работе К. Маркса «Критика Готской программы» — одном из важнейших творческих документов марксизма. Проект вызвал также недовольство передовой части социал-демократии. Так, на рабочем съезде в Дортмунде было высказано много резких критических замечаний, которые большей частью совпадали с марксовыми[39].

В то же время в программу, отчасти под влиянием критики со стороны Маркса и Энгельса, были включены некоторые требования, соответствовавшие социалистическим принципам. Кроме того, Готский съезд принял устав партии, именовавшейся теперь Социалистической рабочей партией Германии. Устав требовал признания каждым членом организации ее программы и активной поддержки классовых интересов пролетариата. В противовес антимарксистскому принципу культа личности, которого придерживались лассальянцы, новый устав устанавливал коллективность руководства партией[40]. Все это, как писал позднее Энгельс, способствовало тому, что и представители буржуазии, и рабочие истолковывали итог Готского съезда в «коммунистическом смысле». «*Только это обстоятельство*,— подчеркивал Энгельс,— и позволило Марксу и мне не отмежеваться публично от подобной программы»[41].

[37] «Protokol des Vereinigungs-Congresses der Sozialdemokraten Deutschlands. Abgehalten zu Gotha vom 22. bis 27. Mai 1875». Leipzig, 1875, S. 81.
[38] «Grundriss der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung». Berlin, 1963, S. 61.
[39] *Ф. Меринг.* История германской социал-демократии, т. IV, стр. 94.
[40] *E. Kundel.* Marx und Engels im Kampf um die revolutionäre Arbeitereinheit. Berlin, 1962, S. 302 ff.

Объединение стало исходным пунктом для нового подъема социалистического движения, для утверждения марксистского учения во всей партии. Неуклонно росло влияние социал-демократии во всех промышленных районах страны. Крепла рабочая печать, возникали новые профсоюзы, культурно-просветительные, кооперативные организации пролетариата, находившиеся под ее влиянием. Бисмарку не удалось совлечь пролетариат с пути борьбы за его классовые интересы и ослабить социал-демократию. Каждые выборы в рейхстаг неизменно обнаруживали рост влияния социалистических идей. На выборах 1874 г. число голосов, поданных за кандидатов-социалистов, выросло почти втрое по сравнению с 1871 г. А в 1877 г., получив около 500 тыс. голосов и 12 мест, социал-демократия оставила позади себя прогрессистов и Имперскую партию, став по числу полученных голосов четвертой партией в стране. Это свидетельствовало о том, что социалисты с успехом отвоевывают трудящихся у юнкерско-буржуазных партий.

Власти уже в тот период ставили деятельности социалистов всяческие преграды. Так, в 1876 г. были запрещены центральные организации партии в Пруссии[42]. То же имело место в Саксонии и Баварии. Во второй половине 70-х годов возникают первые предпринимательские союзы, одной из центральных задач которых являлась борьба с организованным рабочим движением. В 1876 г. был учрежден Центральный союз германских промышленников, в его создании наиболее активную роль играли капиталисты чугунолитейной и текстильной отраслей[43]. Союзы работодателей, поддерживавшие постоянные связи с имперскими властями и правительствами союзных германских государств, выступали вдохновителями репрессий против социал-демократии и профсоюзов.

С удовлетворением отмечая распространение социалистических идей вширь, Маркс и Энгельс прилагали все усилия, чтобы повысить теоретический уровень партии, изжить допущенные при объединении идеологические ошибки. Большое значение имела в этом смысле серия статей Энгельса против Дюринга, печатавшихся в 1877—1878 гг. в центральном органе партии — газете «Форвертс» и составивших потом книгу «Анти-Дюринг».

[41] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 128.
[42] *А. Бебель.* Из моей жизни. М., 1963, стр. 545.
[43] *H. A. Bueck.* Der Centralverband Deutscher Industrieller 1876—1901, Bd. I. Berlin, 1902.

Эта работа была как нельзя более своевременна, ибо путаные взгляды Дюринга, представлявшие собой смесь вульгарного материализма, гегельянства и т. п., распространились и в социал-демократии [44]. Бывшим лассальянцам и иного рода оппортунистическим элементам энгельсовская сокрушительная критика дюрингианства пришлась не по нутру. Об этом свидетельствовало появление журнала «Цукунфт»; издатель его — выходец из рядов буржуазии Гехберг — пропагандировал идеалистические взгляды и всячески проповедовал «умеренность». Тем не менее партия в целом была здоровым организмом. Вожди ее — Бебель и Либкнехт — находились в постоянной связи с основоположниками марксизма, получали от них конкретные советы по вопросам теории и тактики рабочего движения.

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ

Германская социал-демократия уверенно набирала силы, и это вызывало все растущую тревогу юнкерства и буржуазии. Во второй половине 70-х годов, особенно после того, как попытки отвлечь пролетариат от борьбы посредством «культуркампфа» потерпели крах, Бисмарк и его окружение изменили тактику. Отражением нового курса правящих кругов по отношению к рабочему движению был проект исключительного закона против социалистов, предусматривавший запрещение деятельности всех социал-демократических (а также примыкавших к ним) организаций, закрытие рабочей печати и другие аналогичные меры. Весной 1878 г. он был внесен в рейхстаг, но отклонен значительным большинством, в том числе не только голосами прогрессистов и партии Центра, но и национал-либералов, не пожелавших взять на себя ответственность за меру, которая должна была неминуемо вызвать резкое обострение классовых противоречий.

Рейхстаг, избранный в 1877 г., отверг также правительственный проект введения протекционистских пошлин на железо и хлеб. Между тем в условиях экономического кризиса, переплетавшегося с аграрным, требования господствующих классов об установлении высоких ввозных тарифов становились все более настойчивыми. Они выдвигались, с одной стороны, воротилами металлургической промышленности, с другой — помещиками, стремившимися приостановить снижение цен на сельскохозяйственные

[44] *А. Б. Чернов.* Из истории борьбы против дюрингианства в германской социал-демократии.— «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962.

продукты, вызванное резким усилением ввоза из США, России и других стран [45].

Правительство Бисмарка, добиваясь выполнения этих требований, имело в виду и финансовую сторону дела. Протекционистские тарифы (так же, как и косвенные налоги, которые постоянно стремился повысить Бисмарк) должны были сильно увеличить ресурсы казны, причем эти поступления в дальнейшем не зависели бы от решений рейхстага. А нужда в новых источниках средств вызывалась в первую очередь неуклонно возраставшими расходами на вооружение.

Оба требования — о повышении ввозных пошлин и о разработке драконовских мер против социалистического движения — означали переход правительства Бисмарка к более реакционному политическому курсу. В июне 1878 г. он распустил рейхстаг, использовав для этого покушения на Вильгельма I (возможно, даже инсценированные самими властями), ответственность за которые без каких-либо оснований была возложена на социал-демократию.

Выборы проходили в обстановке разнузданной травли социалистов, а также правительственной кампании против национал-либералов, которых Бисмарк стремился ослабить, чтобы сделать их впредь еще более покорными своей воле. Национал-либеральная партия потеряла около четверти мандатов и в дальнейшем более не противодействовала принятию исключительного закона против социалистов. Значительно выросло представительство консерваторов и Имперской партии, энергично поддерживавших планы правящих кругов.

19 октября 1878 г. рейхстаг утвердил исключительный закон против социалистов, согласно которому деятельность социал-демократических организаций запрещалась (это не распространялось на использование парламентов представителями рабочих). За закон голосовали депутаты обеих консервативных партий и национал-либералы, подчинившиеся правительству. Прогрессисты, хотя и высказались против закона, мотивировали свою позицию не какими-либо принципиальными соображениями, а тем, что эта мера не достигнет цели — не сможет воспрепятствовать распространению социалистических идей, в чем прогрессистские лидеры усматривали наибольшую опасность [46]. Исключительный закон представлял собой распространение прусской полицейской системы, приспособленной к условиям абсолютизма, на всю Германию. Первоначально закон был принят на срок в два с половиной года, но впоследствии рейхстаг несколько раз продлевал его.

[45] *L. Rathmann.* Bismarck und der Übergang Deutschlands zur Schutzzollpolitik (1873/75—1879).— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, N 5.
[46] *G. Seeber.* Zwischen Bebel und Bismarck, S. 48.

Добившись введения исключительного закона, который в конечном счете был направлен не только против социалистов, но и против всех приверженцев оппозиции вообще, Бисмарк приступил к еще более активным действиям с целью перехода к протекционизму. В стране развернулась шумная агитация в пользу введения ввозных пошлин на сельскохозяйственные продукты и промышленные изделия, которой непосредственно руководили воротилы тяжелой индустрии и крупнейшие помещики. Направлял кампанию печати, как это нередко бывало, сам Бисмарк, предпочитавший, однако, оставаться в тени. Архивные документы свидетельствуют, что из его канцелярии в газеты направлялись «ходатайства» о пошлинах, которые якобы исходили от «страждущего юнкерства» [47]. Установление протекционизма, следствием чего неминуемо должно было явиться существенное удорожание жизни, находилось в теснейшей связи с исключительным законом против социалистов, который, по мысли его авторов, должен был предотвратить неизбежное сопротивление трудящихся. Чрезвычайно выпукло выразил это один из помещиков-протекционистов: «Эти реформы являются дополнением к закону против социалистов, который без них останется мертвой буквой» [48].

В 1879 г. рейхстаг ввел первые протекционистские пошлины — на железо, бумажную пряжу и хлеб. Таможенные доходы государства сразу повысились вдвое; металлопромышленники получили базу для развертывания демпинга. А вся тяжесть протекционистских тарифов, вызвавших вздорожание жизни, пала на народные массы. Только в 1880 г. население потеряло из-за повышения цен 130 млн. марок [49].

Принятие запретительных пошлин на хлеб привело к «примирению» Бисмарка с партией консерваторов, которая в дальнейшем вместе с Имперской партией поддерживала все основные его мероприятия. Что касается национал-либералов, то вопрос о протекционистских тарифах повлек за собой раскол в их среде, что ослабило партию и еще теснее привязало ее к правительственной колеснице. От национал-либералов откололась группа фритредеров, представлявшая интересы части буржуазии, в тот период не заинтересованной в повышении пошлин. Эта группа в 1884 г. объединилась с прогрессистами в так называемую Партию свободомыслящих и сумела добиться там руководящего положения.

[47] *L. Rathmann.* Bismarck und der Übergang Deutschlands..., S. 931—933.
[48] Ibidem, S. 936.
[49] *P. Peschke.* Geschichte der deutschen Sozialversicherung. Berlin, 1962, S. 248.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРИОД НЕМЕЦКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

В статье «Павел Зингер» В. И. Ленин говорил о годах существования исключительного закона как о «героическом» периоде немецкой социал-демократии [50]. В этот период партия показала свою жизнеспособность, сумела, несмотря на тяжелые удары, которые обрушивала на нее юнкерско-буржуазная реакция, не только выстоять, но и значительно умножить свои связи с массами. Германская социал-демократия была тогда подлинным авангардом международного пролетариата, являла образцы борьбы в эпоху «мирного» развития капитализма, когда задачей партии рабочего класса было собирание сил, распространение марксизма вширь. Не обошлось, правда, и в эти годы без ряда оппортунистических срывов и шатаний в руководстве партии, но революционная активность рядовых членов ее и постоянная действенная помощь со стороны Маркса и Энгельса (а после 1883 г.— одного Энгельса) выправляли политическую линию партии, не давали ей отклоняться от пути непримиримой классовой борьбы [51].

В момент принятия исключительного закона и в первые месяцы его существования некоторые деятели социал-демократии склонялись к тактике приспособления к закону, подчинения тем условиям, в которые он ставил рабочее движение. Партия не имела опыта борьбы против репрессий такого масштаба. Сказался также расчет на кратковременность исключительного закона, на «саморазоблачение» реакционной политики господствующих классов. Все это привело к решению (принятому деятелями партии, находившимися в тот момент в Берлине) о самороспуске центральных органов партии еще до вступления закона в действие. Естественно, что подобного рода тактика могла сильнейшим образом деморализовать партийные ряды. Тем более что гонения, предусмотренные исключительным законом, не заставили себя ждать.

В первые же две недели после его публикации были запрещены 45 из 47 имевшихся у партии органов печати, закрыты 16 кооперативных типографий, выпускавших социал-демократическую литературу. В ноябре 1876 г. полиция ввела так называемое малое осадное положение в Берлине (позднее оно вводилось также в Гамбурге, Лейпциге и ряде других крупных центров), после чего из столицы были высланы многие активные деятели пар-

[50] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 20, стр. 145.
[51] *H. Gemkow.* Friedrich Engels' Hilfe beim Sieg der deutschen Sozialdemoktie über das Sozialistengesetz. Berlin, 1957.

тии [52]. Были распущены некоторые профсоюзы, культурно-просветительные и кооперативные рабочие организации, их имущество конфисковано. Повсеместно были запрещены рабочие собрания.

Но Бисмарк и его единомышленники столкнулись с силой, на которую не могли оказать действия обычные для прусского режима методы подавления. Немецкий рабочий класс не прекратил борьбы против реакции, и это в сравнительно короткий срок положило конец пассивной, приспособленческой тактике. Большинство низовых организаций, не получая никаких указаний сверху, никакой литературы, тем не менее продолжало свою деятельность. Использовались все сохранившиеся легальные возможности для выражения подлинных чувств и настроений пролетариата (например, похороны одного из руководителей партии, Бракке). Несмотря на противодействие властей, велась широкая кампания по сбору средств в пользу высланных из Берлина. Сами высланные помогали восстанавливать утраченные в первый момент связи, создавать нелегальные организации [53].

Большое значение для переориентировки партии имели указания Маркса и Энгельса, выступивших с критикой колебаний руководства. Основоположники марксизма отвергли ошибочную постановку вопроса о тактике, согласно которой в условиях исключительного закона было возможно или подчинение ему или немедленное открытое выступление. Маркс и Энгельс разъясняли, что использование всех легальных возможностей — и прежде всего избирательного права и трибуны рейхстага — важно сочетать с применением нелегальных форм борьбы против существующего строя. Условием этого было создание системы партийных организаций, приспособленной к обстановке подполья.

Необходимо было также наладить за пределами Германии издание партийного органа, который мог бы нести в массы свободное слово, воодушевлять их на борьбу. Но возникла опасность, что он попадет в руки оппортунистов — Гехберга, Шрамма и Бернштейна, обосновавшихся в Швейцарии. Маркс и Энгельс дали жестокий бой «цюрихской тройке». Они направили в адрес Бебеля, Либкнехта и ряда других руководителей партии так называемое циркулярное письмо [54]. Это был важный документ не только по частному вопросу о направлении и редактировании «Социал-демократа» — так должен был называться новый орган партии, — но и для перестройки всей работы партии, перехода к революционной тактике. В письме шла речь о непримиримости двух ли-

[52] *D. Fricke.* Bismarcks Prätorianer. Die berliner politische Polizei im Kampf gegen die deutsche Arbeiterbewegung (1871—1898). Berlin, 1962, S. 64.
[53] *E. Engelberg.* Revolutionäre Politik und rote Feldsport. Berlin, 1959.
[54] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 161—175.

ний — революционной и оппортунистической — в борьбе за осуществление высоких идеалов рабочего класса.

Наиболее ярый оппортунист, Гехберг был после этого устранен от участия в газете. В сентябре 1879 г. появился первый номер «Социал-демократа», который в течение девяти лет выходил в Цюрихе, а позднее — до 1890 г. — в Лондоне. Издание газеты было весьма отрадным фактом, показателем того, что пассивной тактике приходит конец [55]. Правда, Г. Фольмар, являвшийся в первое время редактором «Социал-демократа», не сумел придать ему необходимый боевой характер. Это произошло после прихода на его место Э. Бернштейна, который в тот период оказался под сильным влиянием основоположников марксизма. 120 писем, которые Энгельс направил в те годы самому Бернштейну или Бебелю и Либкнехту для передачи ему, говорят об этом влиянии.

«Социал-демократ» был не только информационным органом или даже организационным центром. Он занимался распространением марксистского учения среди немецких трудящихся. И если после падения исключительного закона Энгельс имел возможность отметить, что марксова критика Готской программы целиком одержала верх, то первостепенная заслуга в этом принадлежала газете. В ней печатались важные теоретические работы классиков марксизма, а также многочисленные статьи других авторов, содержавшие толкование основных положений научного социализма и характеристику их значения для борьбы против милитаристского прусско-германского государства, за демократические свободы. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса публиковались и в виде отдельных изданий. Так, только в течение 1883 г., в условиях исключительного закона, вышло три издания работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» огромным по тем временам тиражом в 10 тыс. экземпляров. Работа Энгельса «Марка» была опубликована в виде листовки под заголовком «Немецкий крестьянин. Кем он был? Кто он теперь? Кем бы он мог быть?» [56].

«Социал-демократ», нуждавшийся первое время в дотации, в дальнейшем завоевал такую популярность, что полностью финансировался за счет подписки. К 1890 г. она достигла 10 тыс. экземпляров, но число читателей газеты, конечно, было несравненно больше. Газета контрабандным образом ввозилась в Германию. Рядовые социал-демократы — участники так называемой красной почты, преодолевая огромные трудности, не страшась репрессий, ловко и умело обманывая полицию, распространяли «Социал-

[55] *H. Bartel.* Marx und Engels im Kampf um ein revolutionäres deutsches Parteiorgan 1879—1890. Berlin. 1961.
[56] Ibid., S. 121 ff.; *H. Gemkow.* Friedrich Engels' Hilfe beim Sieg der deutschen Sozialdemokratie..., S. 138.

демократ» среди немецких рабочих, проникали даже в деревни.

Распространение «Социал-демократа» и другой нелегальной литературы в период исключительного закона — одна из ярких страниц истории германского рабочего движения, свидетельствующая о самоотверженности и героизме десятков тысяч простых участников борьбы. Именно этих неприметных героев имел в виду Энгельс, писавший в те годы: «Среди так называемых вождей много гнилья, но в наши массы я верю безусловно, а то, чего им не хватало в смысле революционных традиций, они все больше и больше приобретают в этой малой войне с полицией» [57].

Наряду с началом выхода заграничного органа, переломным пунктом в деле возвращения всей партии на путь активной борьбы был ее Виденский съезд, состоявшийся в 1880 г. в Швейцарии. Значение съезда заключалось прежде всего в изменении программы партии в части, касающейся методов ее деятельности. В прежней программной формулировке, гласившей, что партия добивается осуществления своих целей лишь законными средствами, съезд устранил слово «законными» и тем самым предусмотрел использование всех доступных для партии средств борьбы [58]. Виденский съезд к тому же выработал структуру подпольных организаций. На съезде было принято решение о признании социал-демократической фракции рейхстага правлением партии. В тогдашних условиях оно было безусловно правильным. Однако в дальнейшем именно фракция сделалась средоточием оппортунистических элементов.

Примером оппортунизма было выступление в 1884 г. части социал-демократических депутатов в пользу субсидий пароходным компаниям, которые поддерживали сообщение между Германией и захваченными ею колониями [59]. Подобная позиция вызвала возмущение в рядах партии; ее крупнейшие организации, среди них берлинская, лейпцигская, кёнигсбергская и др., требовали немедленного отказа от оппортунистической тактики. С резкой критикой поведения членов фракции выступил «Социал-демократ», их осудили Бебель и Либкнехт. Конфликт закончился поражением оппортунистов; они были вынуждены голосовать против субсидий.

Энгельс отлично видел, что в руководстве партии усиливается влияние правых оппортунистов. Но он считал открытую борьбу

[57] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 93.
[58] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» Bd. 1, S. 362—363.
[59] *М. И. Штабский*. Германская социал-демократия и колониальная политика в 1883—1885 гг.— «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», № 175. Пермь, 1965; *G. Weinberger*. Die deutsche Sozialdemokratie und die Kolonialpolitik.— «Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft», 1967, N 3.

Август Бебель

с ними в условиях исключительного закона нецелесообразной, тем более что, кроме правого крыла, в партии существовала анархистская группа, которая также была чрезвычайно опасна для рабочего движения. Она возглавлялась Мостом и Гассельманом и активизировалась после введения исключительного закона. «Левые» полностью отрицали легальные формы борьбы, звали к путчам, заговорам, проповедовали индивидуальный террор, чем наносили партии огромный вред. На Виденском съезде Мост и Гассельман были исключены из партии, однако анархистские тенденции и в дальнейшем питались проявлениями оппортунизма со стороны некоторых лидеров партии.

В эти тяжелые для германского рабочего движения годы в полную силу раскрылись качества Бебеля, которого В. И. Ленин оценил как самого влиятельного среди рабочих и наиболее любимого массами вождя германской социал-демократии. «Бебель про-

явил себя настоящим вождем партии, — писал Ленин. — Он вовремя увидел опасность, понял правильность критики Маркса и Энгельса, сумел направить партию на путь непримиримой борьбы» [60].

После перестройки работы партии на революционный лад ее влияние в пролетарских массах стало неуклонно расти. Большого успеха партия добилась на выборах 1884 г., собрав около 550 тыс. голосов (состав социал-демократической фракции увеличился почти вдвое — до 24 человек); это со всей очевидностью показывало, что массы поддерживают новую, революционную тактику. Исход этих выборов уже достаточно определенно обнаружил провал политики лобового удара по отношению к рабочему движению. Однако правящие круги продолжали стоять на своем. Вместе с тем, применяя излюбленную им бонапартистскую тактику «кнута и пряника», Бисмарк пытался приостановить рост рабочего движения жалкими подачками в области социального законодательства.

Первый из соответствующих законопроектов был внесен правительством в 1883 г. и касался страхования по болезни. Закон не распространялся на батраков, прислугу и рабочих мелких предприятий; основные средства больничных касс (не менее 70%) составлялись из взносов самих рабочих. Аналогичный характер имел и следующий закон о страховании на случай увечья (1884 г); пособия выплачивались только с 14-й недели после несчастного случая, размер их был мизерным. После большого перерыва, в 1889 г., в период особого обострения классовой борьбы, был проведен третий из задуманной Бисмарком серии «социальных законов» — о пенсиях по старости.

Бисмарк придавал этой мере особое значение. «Тот, кто имеет на старость пенсию,— говорил он,— гораздо более доволен своим положением и с ним легче сладить, чем с тем, у которого нет на это никаких перспектив» [61]. Но закон о пенсиях по старости предусматривал выплату их лишь после 70 лет, а до такого преклонного возраста при тогдашних условиях труда и жизни редко кто из рабочих доживал. Не удивительно, что большинство немецких пролетариев встретило эти подачки негодованием.

При этом следует учесть, что в области фабричного законодательства, охраны труда ничего не предпринималось. По-прежнему подвергались жесточайшей эксплуатации женщины и дети. Фабричная инспекция оставалась почти иллюзорной. Сплошь да рядом нарушалось элементарное право рабочих на стачку; полиция без труда подводила забастовки под действие закона о социалистах.

[60] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 367.
[61] *M. Busch.* Tagebuchblätter, Bd. III. Leipzig, 1899, S. 9.

О том, какова была позиция господствующих классов во всех этих вопросах, видно из слов одного из руководителей Центрального союза германских промышленников, директора заводов Круппа Энке: «Рабочий никогда не может быть равноправным соучастником работодателя. Рабочий должен оказывать повиновение и подчинение распоряжениям работодателя, который обеспечивает ему заработную плату и пропитание» [62]. Это было и осталось на долгие годы нерушимой доктриной магнатов германской промышленности. К тому же году, что и заявление Энке (1886), относится новый драконовский указ прусского министра внутренних дел Путкаммера, направленный против забастовок. Реакция, как и в первые годы исключительного закона, организует ряд провокационных процессов, бросает в тюрьмы видных деятелей рабочего движения, распускает вновь возникшие культурно-просветительные общества и т. д. [63]

ОТМЕНА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЗАКОНА ПРОТИВ СОЦИАЛИСТОВ И ОТСТАВКА БИСМАРКА

Конец 80-х годов характеризовался не только обострением внутриполитического положения, но и усложнением обстановки в Европе. Во Франции в 1886—1887 гг. развернул свою деятельность на посту военного министра генерал Буланже, бравировавший идеей реванша. Для Бисмарка и его окружения это было весьма удобным предлогом, чтобы обострить отношения с Францией и вновь создать в Европе военную тревогу, чтобы легче было протащить новый закон о септеннате. Прежний рейхстаг, отказавшийся вотировать кредиты больше чем на трехлетний срок, был распущен, и в 1887 г. состоялись новые выборы. Большинство получил шовинистский и милитаристский блок консерваторов обоих направлений с национал-либералами — так называемый картель. Он и утвердил септеннат [64]. Одновременно был вновь увеличен мирный состав армии (на 40 с лишним тыс. человек)

[62] *H. A. Bueck.* Der Centralverband deutscher Industrieller 1876—1901, Bd. II, S. 168.
[63] См. «Der Kampf der Deutschen Sozialdemokratie in der Zeit des Sozialistengesetzes, 1878—1890. Die Tätigkeit der Reichskommission», Bd. II. Berlin, 1956.
[64] Именно тогда Бисмарк выступил с одной из своих наиболее воинственных речей, в которой, наводя страх на соседей, в частности, сказал: «Мы, немцы, боимся только бога и никого больше» («Politische Reden des Fürsten Bismarck», Bd. XII. S. 477).

и сильно повышены ввозные пошлины на хлеб, что позволило увеличить расходы на вооруженные силы сверх специально ассигнованных рейхстагом средств.

Последовательную, непримиримую борьбу против усиливавшегося с каждым годом германского милитаризма вела социал-демократическая партия. Продолжая лучшие традиции рабочего движения, с особенной силой проявившиеся в период франко-прусской войны, представители партии в рейхстаге, в «Социал-демократе» и других бесцензурных изданиях смело разоблачали захватнические замыслы германских капиталистов и юнкеров, раскрывали опасность дальнейшего укрепления позиций военщины, звали на борьбу против милитаризма.

В 1888 г. скончался престарелый Вильгельм I, этот «император при канцлере». На престол, после эпизодического правления тяжело больного Фридриха III, вступил Вильгельм II Гогенцоллерн. В его лице Германия получила не совсем обычного монарха. Крайне неуравновешенный, совершенно не подготовленный к роли, которую он стремился играть, Вильгельм II в то же время был обуреваем неистовым честолюбием, толкавшим его на поступки один другого нелепее и, главным образом, опаснее. К тому же природа наделила Вильгельма II красноречием, при помощи которого он волновал весь мир воинственными «гуннскими» речами [65]. Такого рода человек не мог не тяготиться Бисмарком, привыкшим все дела решать по своему усмотрению и лишь после этого испрашивать согласия кайзера.

Расхождения между Вильгельмом II и канцлером возникли очень скоро, и одним из центральных пунктов их была тактика по отношению к рабочему движению. Если Бисмарк во что бы то ни стало добивался продолжения прежней, явно обанкротившейся, политики, то Вильгельм II склонялся к мысли о необходимости отмены исключительного закона и усиления социальной демагогии. Новый император, как показал опыт последующих десятилетий, был не менее яростным врагом рабочего движения; «рабочелюбие» его было продиктовано поисками новых путей борьбы с пролетариатом и стремлением избавиться от Бисмарка.

С весны 1889 г. в Германии начинается подъем забастовочного движения. В мае состоялись крупнейшая из имевших дотоле место в Германии всеобщая стачка горняков Рура, в которой участвовало до 110 тыс. человек, а также забастовка горняков

[65] Видный чиновник ведомства иностранных дел Гольштейн писал: «Главная опасность в жизни кайзера Вильгельма II заключается в том, что он совершенно не сознает того впечатления, которое его речи и действия оказывают на монархов, государственных деятелей и на массы» («The Holstein Papers», vol. III. Cambridge, 1961, p. 612—613).

в Саксонии, Силезии, Сааре. Рабочие требовали установления 8-часового рабочего дня на подземных работах, повышения заработной платы, улучшения техники безопасности. Правительство бросило против стачечников войска, обрушило на них сильнейшие репрессии и в сотрудничестве с клерикалами, выступавшими в роли представителей рабочих, удушило стачку. Но она все же сделала свое дело, определив поворот горняков Рура, где сильно было влияние партии Центра, в сторону социал-демократии — единственной последовательной защитницы их интересов.

По неполным данным, с начала 1889 г. по 1 мая 1890 г. в Германии произошло свыше 1130 стачек, в которых участвовало около 400 тыс. человек [66]. Эти цифры обнаруживают глубину провала как бисмарковского «социального законодательства», ставившего целью отвлечь рабочих от борьбы, так и драконовских мер по подавлению пролетариата. В стачечных выступлениях немецкие рабочие наглядно проявили свои боевые качества — стойкость и упорство. Это и определило провал исключительного закона.

В начале 1890 г. правительство внесло в рейхстаг проект, предусматривавший превращение этого закона в постоянно действующий, придав ему для отвода глаз несколько смягченную форму. «Закон о социалистах необходим нам как поправка к всеобщему избирательному праву» [67], — провозглашал орган национал-либералов, газета «Кельнише цейтунг». Но правительственный законопроект не получил большинства даже в реакционном «картельном» рейхстаге. Бисмарк считался с подобной возможностью и на этот случай лелеял планы государственного переворота: роспуска рейхстага, отмены всеобщего избирательного права, физической расправы с авангардом рабочего движения [68]. «Без крови мы вряд ли обойдемся» [69], — утверждал он. Эти планы не встретили, однако, поддержки со стороны Вильгельма II, сомневавшегося в успехе тактики «лобового удара».

В январе 1890 г. исключительный закон был отвергнут рейхстагом. Это было довершением краха политики Бисмарка. Через короткий срок, в марте 1890 г., он был уволен в отставку. Вильгельму II было тем легче сделать это, что после падения исключительного закона, рухнувшего под ударами рабочего класса, вера немецкого филистера во всемогущество «железного канцлера» оказалась подорванной.

[66] *H. Neef.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung im XIX. Jahrhundert. Berlin, 1963, S. 245.
[67] «Kölnische Zeitung», 26.X 1889.
[68] *E. Zechlin.* Staatsstreichspläne Bismarcks und Wilhelms II. Berlin, 1930.
[69] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. III, стр. 48; *Ф. Меринг.* История германской социал-демократии, т. IV, стр. 273—274.

Закон против социалистов просуществовал около 12 лет. За это время рабочее движение Германии подверглось жестоким гонениям. По приблизительным подсчетам, было запрещено 1300 изданий рабочей печати, закрыто свыше 300 рабочих организаций. Из районов так называемого малого осадного положения полиция выслала около 900 деятелей социал-демократической партии; много членов и сторонников ее было брошено в тюрьмы и на каторгу на разные сроки — в общей сложности до 1000 лет [70]. Но репрессии лишь закалили партию, сплотили ее ряды, умножили ее влияние в рабочем классе.

Опыт германской социал-демократии, накопленный за период существования закона против социалистов, имел важное значение для социалистов других стран. В частности, В. И. Ленин в годы реакции после первой русской революции обращал внимание русских революционных рабочих на этот опыт и советовал прибегать к созданию партийных организаций того типа, который существовал в Германии в период действия закона о социалистах [71].

К началу 90-х годов Германия по своей экономической мощи ушла далеко вперед от уровня 1870 г. Она уже «наступала на пятки» недавней индустриальной монополистке — Англии. Быстрыми темпами шло формирование экономических и политических основ империализма. Германия стала страной быстро растущего и крепнущего рабочего движения, которое господствующему юнкерско-буржуазному блоку не удавалось ни подавить, ни «умиротворить» подачками. Падение исключительного закона открыло перед германской социал-демократией благоприятные возможности дальнейшего развития.

[70] *D. Fricke.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1890. Berlin, 1964, S. 319.
[71] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 302—303; т. 19, стр. 192—193.

11

КЛАССОВЫЕ АНТАГОНИЗМЫ ОБОСТРЯЮТСЯ

ПЕРЕХОД К ИМПЕРИАЛИЗМУ И СДВИГИ В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА

В 90-х годах XIX в. Германия вступила в завершающую полосу перехода от свободного капитализма к капитализму монополистическому.

Процесс утверждения империализма был чрезвычайно противоречивым. Особенность положения в Германии 90-х годов состояла в том, что наряду с отличительными признаками экономического и политического развития, типичными еще для домонополистического периода, движение вперед все заметнее определялось уже законами империалистической экономики и политики [1]. В этом колебании между «еще» действовавшими закономерностями домонополистического капитализма и «уже» вступавшими в силу империалистическими тенденциями вращалась вся общественная и политическая жизнь, вся классовая борьба в Германии конца XIX в.

Вся история немецкого капитализма до первой мировой войны не знала таких высоких темпов промышленного подъема, как в 90-е годы XIX в. За это десятилетие прирост промышленной продукции составил 62,6% (в 1900—1910 гг.— лишь 37%) [2]. Символы феодального господства — дворянский замок и католическая кирха — уступили место символам капитализма — шахтному копру и заводской трубе.

Одним из самых примечательных явлений экономической жизни Германии, оказавшим огромное воздействие на все стороны об-

[1] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1. Berlin, 1966, S. 419—420.
[2] «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I. М., 1937, стр. 295.

щественного развития страны, стал необычайно быстрый рост концентрации и централизации производства и капитала. В 1895 г. только на крупных предприятиях, которые составляли около 0,6% всех существовавших в стране, было занято в горной и металлургической промышленности — 95,2% рабочих, в химической — 61,7% и т. д.[3] Подлинным индустриальным гигантом стал военный концерн Круппа в Эссене; численность рабочих на его предприятиях за 15 лет (с 1887 г.) увеличилась с 19 тыс. до 42 тыс. человек[4]. Огромную промышленную империю создал в Сааре лидер Имперской партии барон Штумм-Гальберг. На принадлежавших ему шахтах работали десятки тысяч горняков.

О темпах монополизации производства свидетельствуют следующие данные: если в 1890 г. общее число промышленных картелей составляло 210, то уже к 1896 г. оно достигло 260. Среди картелей выделяются подлинные гиганты. Так, в 1893 г. возник рейнско-вестфальский угольный синдикат. Уже в это время он контролировал 87% добычи угля в своем бассейне и 45% общегерманской добычи. К концу века более половины всего банковского капитала приходилось на долю шести крупнейших банков: «Дисконтогезельшафт», «Дармштедтербанк», «Дейче банк», «Коммерц унд Дисконто-банк», «Дрезденербанк» и «Национальбанк фюр Дейчланд».

Социальным последствием этого экономического скачка было усиление классовой дифференциации. Представление о социальной структуре немецкого общества на рубеже XIX и XX вв. дают расчеты В. Зомбарта. К декабрю 1900 г. население Германии достигло 56,3 млн. человек (за одно десятилетие оно выросло почти на 7 млн.). Из этого числа В. Зомбарт относил к буржуазии 2,25—2,5 млн. человек, или 4—5%, а к пролетариям и полупролетариям (вместе с членами семей) — свыше 35 млн. человек, т. е. 67,5%[5]. Более половины нации, таким образом, прямо эксплуатировалось капиталом.

Решительно изменилось соотношение между сельским хозяйством и промышленностью в пользу последней. Уже в 1895 г. из каждых 100 работающих 37 было занято в сельском хозяйстве и 48 — в промышленности и торговле[6]. Основной производительной силой нации стал рабочий класс, численность которого быстро росла, причем свыше 30% пролетариев было занято на предприятиях с числом рабочих более 50 человек.

[3] «Deutsche Geschichte», Bd. 2. Berlin, 1965, S. 624.
[4] «Krupp und die Hohenzollern». Berlin, 1956, S. 63.
[5] *W. Sombart.* Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert und am Anfang des 20. Jahrhunderts. Berlin, 1923, S. 449, 457—458.
[6] «Handbuch der Wirtschaftskunde Deutschlands», Bd. 1. Leipzig, 1907, S. 271.

Столь значительное увеличение удельного веса пролетариата в общественном производстве, в создании национального богатства страны, с одной стороны, и существенное усиление экономической мощи крупной немецкой промышленной и финансовой буржуазии — с другой, не могли не привести к заметным изменениям в расстановке сил на арене классовой борьбы. Социальный, или, как его называли современники, «рабочий», вопрос стал в центре политической жизни Германии. Даже царский посол П. А. Шувалов, характеризуя обстановку в Германии, доносил в октябре 1891 г. в Петербург, что к числу вопросов, от решения которых зависит судьба страны, относятся социальный и католический[7].

Трезвые представители господствующих классов убедились, что одними мерами подавления рабочее движение не уничтожишь. Они пришли к выводу о необходимости проведения более гибкой политики, политики заигрывания и уступок, не отказываясь в то же время от своего старого оружия — насилия.

Свержение бонапартистского режима Бисмарка стало рубежом в политической истории Германии. Произошли определенные сдвиги в парламентской опоре правительства. Реакционные партии, входившие в «картель» 1887 г., оказались скомпрометированными. На авансцену выдвинулась партия Центра, еще недавно третировавшаяся и преследуемая основателем империи. Эта партия взяла на вооружение идею буржуазных реформ, выдвинутую в начале 70-х годов катедер-социалистами[8]. Престарелый лидер партии Центра Л. Виндхорст писал в марте 1890 г.: «Если другие партии не поддержат кайзера, то это сделаем мы. Социальная реформа — вот та политика, которую мы всегда проводили. Социальная реформа является столь же важным вопросом конца нашего века, каким был вопрос о правах буржуазии в конце прошлого века»[9].

Едва оправившись от ударов, нанесенных им Бисмарком в период «культуркампфа», руководители Центра приступили к завоеванию трудящихся, в том числе рабочих,— и не только в районах традиционного католического влияния на западе и юго-западе страны. С начала 90-х годов политический католицизм превращается в одно из главных орудий борьбы господствующих классов против марксизма и рабочего движения.

Свою социальную программу католицизм получил именно в это время: 15 мая 1891 г. папа Лев XIII опубликовал известную энциклику «Rerum novarum», в которой указывал, что «социа-

[7] Архив внешней политики России, ф. Канцелярия, оп. 470, д. 16, л. 287.
[8] *F. Völkerling.* Der deutsche Kathedersozialismus. Berlin, 1959.
[9] *K. Buchheim.* Geschichte der christlichen Parteien in Deutschland. München, 1953, S. 296.

лизм вредит рабочему классу» и что социальный вопрос могут решить только католическая церковь и государство [10]. Еще в ноябре 1890 г. была основана массовая католическая организация «Народный союз католической Германии» с целью «борьбы против заблуждений, стремлений к перевороту в социальной области и защиты христианского общественного строя» [11]. Энциклика папы послужила также основой для создания в 1894 г. христианских профсоюзов, что привело к углублению раскола в профессиональном движении германского пролетариата. Кроме того, партия Центра располагала сетью ремесленных, молодежных, женских и других организаций. Это позволяло партии маскировать реакционную политику крупного капитала и аграриев, играя на религиозных чувствах верующих масс. Гибкая социальная политика способствовала росту популярности Центра.

Зато полное отсутствие гибкости проявила партия консерваторов. В 1892 г. она приняла новую программу, провозгласив: «Мы желаем сохранить в неприкосновенности богом данную монархию и будем бороться с любыми попытками ограничить ее парламентским режимом». Консерваторы настоятельно требовали от правительства бороться «с теми сторонниками социал-демократии и анархизма, антипатриотические и бунтовщические стремления которых подвергают опасности широкие слои нашего народа» [12].

Примечательной чертой общественно-политической жизни Германии было наличие множества политических, профессиональных, экономических, религиозных, культурно-просветительных союзов и обществ, составивших целую систему организованного воздействия господствующих классов на общественное мнение, на развитие национального сознания немецкого народа. Эта система создавалась либо непосредственно государством, либо с его одобрения или при его поддержке буржуазно-юнкерскими партиями.

Специальные организации вели проповедь идей милитаризма и шовинизма. Наиболее активной и воинственной из них был Пангерманский союз, ставивший своей целью пропаганду мировой экспансии и «превосходства» немцев над другими народами, обоснование захватнических притязаний германской буржуазии и юнкерства, культивирование прусско-юнкерских реакционных традиций. Он возник в начале 1891 г. и вскоре превратился в своего рода штаб распространения идей милитаризма и военной агрессии.

[10] «Leo XIII und die Arbeiterfrage». München, 1931, S. 18.
[11] *A. Erdmann.* Die christliche Arbeiterbewegung in Deutschland. Stuttgart, 1908, S. 159.
[12] *W. Treue.* Deutsche Parteiprogramme 1861—1956. Göttingen, 1956.

Во главе Пангерманского союза стояли представители крупного капитала и юнкерско-милитаристских кругов, в том числе магнат угольной промышленности Рура Кирдорф, будущий генеральный директор Круппа Гугенберг, душитель угнетенных народов К. Петерс и др. Активную роль в деятельности союза играла реакционная профессура; так, первым председателем его был университетский профессор Хассе [13].

Широко используя расистские «теории», Пангерманский союз стремился идеологически подготовить осуществление аннексионистской программы германского монополистического капитала. Пангерманцы усиленно пропагандировали, в частности, присоединение Австрии к Германской империи — так называемый аншлюсс — и создание «Средней Европы» с целью фактического подчинения германскому господству ряда европейских стран под видом их «объединения». В этой реакционной пропаганде и политике задавал тон непосредственно кайзер. Преследуемый цезаристской манией величия, он провозгласил: «Задачи, которые не могла решить старая Римская империя германской нации, в состоянии осуществить Германская империя. Средством их осуществления является армия» [14].

Вся эта система духовного подчинения немецкого народа интересам господствующих классов была направлена против демократических и социалистических идей, носителем которых являлся германский пролетариат. Правительство неизменно видело главного врага в «красной опасности», т. е. растущем революционном движении. Для всех, кто знаком с социалистической литературой, утверждал рейхсканцлер Каприви, ясно, что социал-демократическая партия «не сможет осуществить свои задачи без разрушения государства... Я считаю ее величайшей опасностью в настоящее время и полагаю, что при первом удобном случае для борьбы с ней должны быть использованы вооруженные силы» [15]. В подобных суждениях канцлер не был одинок.

На завершающем этапе перехода к империализму в центре всего социально-экономического и политического развития страны находились две основные проблемы: во-первых, стратегия и тактика господствующих классов по отношению к рабочему движению; во-вторых, взаимоотношения между господствующими классами — буржуазией и юнкерством [16].

[13] *A. Kruck.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890—1939. Wiesbaden, 1954.
[14] Цит. по: «Einheit», 1967, N 3, S. 359.
[15] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages», Bd. 3. Berlin, 1891, S. 1792.
[16] *E. Engelberg.* Deutschland von 1871 bis 1897. Berlin, 1965, S. 300.

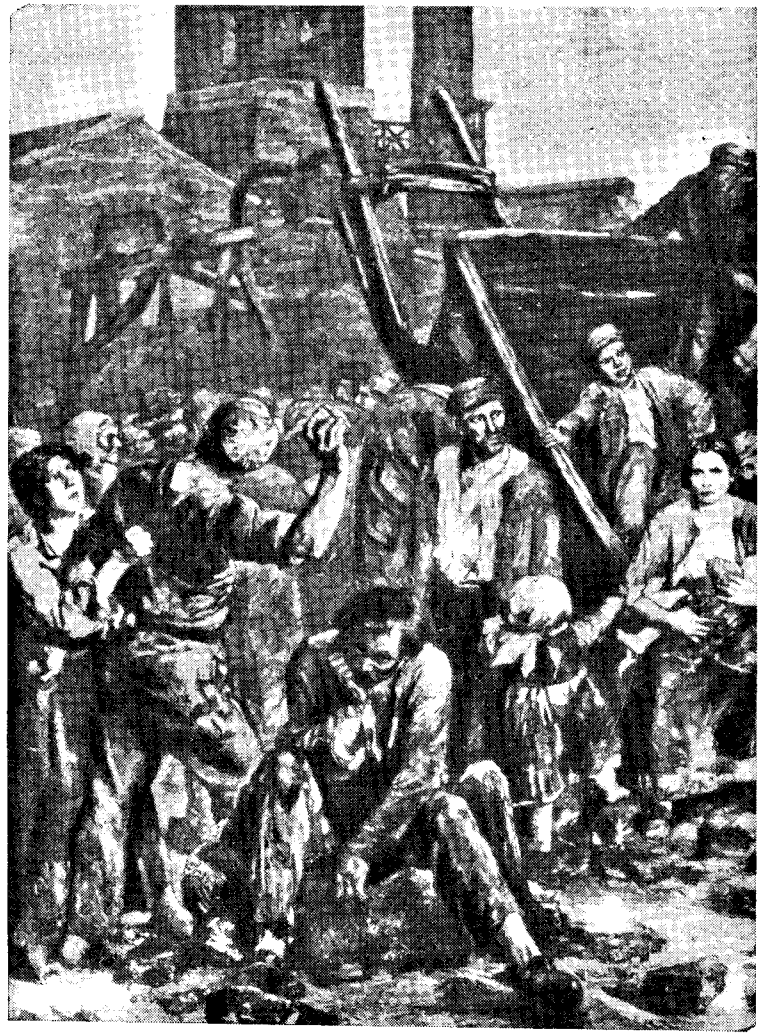
ГЕРМАНСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ЗАКОНА

Падение исключительного закона дало толчок дальнейшему росту СДПГ. Именно к этому времени относятся слова В. И. Ленина: «Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*» [17]. Влияние марксизма в Германии распространялось не только на основную массу рабочего класса, но и на определенные прослойки мелкой буржуазии, особенно в городах. К концу века СДПГ и свободные немецкие профсоюзы, которые находились под влиянием социал-демократии, издавали почти 150 газет и журналов. Большими, по тому времени, тиражами выходили произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, их соратников и последователей. Социал-демократия была инициатором крупных политических кампаний против существующего строя, которые становились школой политического просвещения и организации для трудящихся,— демонстраций, массовых первомайских празднеств, народных собраний и т. д.

Первомайский праздник рабочих Гамбурга в 1890 г. перерос в многомесячную забастовку, длившуюся до сентября. В конце 1890 г. 3 тыс. гамбургских табачников в течение 16 недель бастовали в защиту права коалиций. 10 тыс. печатников боролись с ноября 1890 г. по январь 1891 г. за повышение заработной платы и введение 8-часового рабочего дня. В апреле 1891 г. вновь вспыхнуло стачечное движение в Руре (после знаменитой забастовки 1889 г. власти считали Рур «успокоенным»). В забастовке участвовало около 20 тыс. горняков. На рубеже 1892/93 г. разразилась стачка 22 тыс. саарских шахтеров. В 1896 г. бастовало 130 тыс. рабочих [18]. Высшей точкой движения явилась стачка гамбургских докеров, продолжавшаяся с ноября 1896 г. до февраля 1897 г. и охватившая 18 тыс. человек. Гамбургский порт — «ворота в мир» — закрылся. Вслед за гамбуржцами приостановили на неделю работу бременские портовики. В марте 1892 г. в Гальберштадте состоялся первый конгресс профсоюзов Германии, на котором было представлено свыше четверти миллиона организованных рабочих. К 1898 г. численность свободных профсоюзов удвоилась и составила почти полмиллиона человек.

Эти факты опровергают вымыслы буржуазных и правосоциалистических историков, которые утверждают, будто в 90-х годах германский пролетариат заключил «классовый мир» со своим

[17] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 3.
[18] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 437.



Забастовка горнорабочих в 1891 г.

врагом — крупной буржуазией, что он «интегрировался в государство и общество» [19]. В повороте внимания СДПГ к насущным задачам борьбы за демократические требования проявились не «интеграция», не примирение с буржуазно-монархическим государством, а глубокое понимание новых исторических задач и потребностей.

Это отлично сознавали наиболее трезвые и разумные руководители той самой Второй империи, с которой якобы уже в 90-х годах, по мнению современных буржуазных и правосоциалистических историков ФРГ, «срослась» германская социал-демократия. В секретном докладе министерства внутренних дел канцлеру Германии о состоянии социалистического движения в 1900 г., указывалось: «Ни один знаток положения дел не может утверждать, что в результате этих изменений (т. е. активного использования СДПГ буржуазно-демократических учреждений в интересах классовой борьбы пролетариата. — *Ред.*) опасность, которая искони угрожала государственному строю со стороны социал-демократии, уменьшилась или же вообще устранена» [20].

Переход партии от нелегальных условий деятельности к легальным (срок действия исключительного закона истек 30 сентября 1890 г.) сопровождался крутой ломкой сложившихся представлений о задачах социалистического движения, его тактике, формах классовой борьбы и т. д. Быстрое превращение СДПГ в массовую пролетарскую партию вызвало необходимость в новой программе и тактике, точно так же, как и в новой организационной структуре. В начале 90-х годов в СДПГ возник острый внутрипартийный кризис, вызванный ожесточенными спорами об организации и тактике, острыми разногласиями по вопросам теории и программы рабочего движения.

В СДПГ сложилась группа «молодых», которая заняла левоанархистские позиции по всем вопросам. Она состояла из небольшого числа социал-демократических литераторов, студентов и ряда мелкобуржуазных попутчиков социалистического движения. «Молодые» считали себя марксистами, хотя в действительности их мировоззрение ничего общего с марксизмом не имело. Оппозиция «молодых» игнорировала конкретные исторические условия. Она догматически подходила к задачам классовой борьбы пролетариата, не учитывая новой обстановки; ее лидеры, по собственному

[19] *G. A. Ritter.* Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich. Berlin-Dahlem, 1959, S. 12; *G. Kotowsky.* Friedrich Ebert. Wiesbaden, 1963, S. 19; *H. Wachenheim.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Köln — Opladen, 1967, p. 602—605.

[20] Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Ministerum des Innern, N 13688, Bd. II Bl. 260 Rs.

признанию, «сознательно стремились к обострению экономических и политических противоречий» [21]. Основное требование «молодых» — уничтожение государства вообще, отказ от политической партии рабочего класса, замена ее профессиональной организацией. Оно сочеталось с сектантским отношением к важнейшим задачам политической борьбы. Они призывали рабочий класс отказаться от использования избирательного права и буржуазного парламентаризма. Тем самым «молодые» обрекали рабочее движение и его партию на самоизоляцию от политической борьбы, заранее уступая арену другим классам.

Левоанархистская оппозиция была сравнительно малочисленной — около 200 человек, но нападки ее представляли для СДПГ серьезную угрозу. Она стремилась захватить в свои руки прежде всего партийную печать, а затем с ее помощью управлять всей партией.

Справедливо выступая против оппортунизма некоторых деятелей СДПГ, придерживавшихся реформистских взглядов на задачи и политику движения, особенно из социал-демократической фракции рейхстага, «молодые» сосредоточили огонь на руководстве партии. Они обвинили «стариков» — А. Бебеля, В. Либкнехта, П. Зингера и др.— в авторитаризме, установлении своей диктатуры и иных «преступлениях». Центрами деятельности «молодых» были Берлин, Дрезден, Магдебург, где они имели свои газеты и поддержку немногих рабочих.

Летом 1890 г. А. Бебель провел в этих городах многолюдные собрания, на которых он выступил против левоанархистской оппозиции. «Молодые» везде потерпели поражения. Все крупные организации партии оказали полную поддержку руководству СДПГ; члены партии требовали соблюдения принципов пролетарской классовой политики. Борьба возобновилась на съезде партии, открывшемся в октябре 1890 г. в Галле. «Молодые» пытались расколоть СДПГ, повести за собой делегатов, но были полностью изолированы. Съезд отверг все обвинения оппозиции.

СОЦИАЛЬНОЕ МАНЕВРИРОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

И консервативно-монархические, и либерально-буржуазные ученые прошлого, а вслед за ними современные буржуазные историки немало потрудились, пытаясь приукрасить время правления

[21] *П. Кампфмейер.* Очерк развития немецкой социал-демократии. СПб., 1907, стр. 68.

Вильгельма II[22]. В действительности же «эпоха Вильгельма» не принесла ни славы господствующим классам Германии, ни «социального мира», которого они так жаждали.

Ряд крупных событий в политической жизни страны в самом начале 1890 г. оказал серьезное воздействие на все дальнейшее развитие юнкерско-буржуазного государства. Спустя месяц после того, как рейхстаг отверг законопроект Бисмарка об увековечении исключительного закона против социалистов, 20 февраля, социал-демократия добилась ошеломляющего успеха на выборах в рейхстаг: почти полтора миллиона избирателей, или $^1/_5$ всех участвовавших в голосовании, отдали свои голоса ее кандидатам. СДПГ стала первой политической партией страны. Ф. Энгельс писал в конце февраля: «Нынешние выборы производят настоящую революцию в положении партий Германии. Они действительно открывают новую эпоху в ее истории»[23].

Хотя устранение Бисмарка и не вызвало каких-либо конституционных изменений, тем не менее произошли существенные перемены: переместился центр тяжести высших государственных органов, изменились формы, отчасти и содержание, их деятельности[24].

Вместе с Бисмарком на выборах 1890 г. пал «картель» 1887 г. Новое клерикально-консервативное большинство уже не было таким послушным орудием правительства, выражая главным образом интересы фракций юнкерства и промышленников, не входивших в «партии порядка». Отличительный признак режима личной власти Вильгельма II, обставленной атрибутами «социальной монархии», состоял в том, что диктатура сабли, т. е. прусского юнкерства, дополнялась диктатурой денежного мешка, господством финансово-промышленной олигархии.

Политическую историю Второй империи в последнее десятилетие XIX в., когда завершался непосредственный переход к империализму, можно разделить на два этапа: «новый курс» 1890—1894 гг., связанный с именем канцлера Лео Каприви, и «эру Штумма» с 1894 до 1897/1898 гг., названную по имени самого видного представителя тяжелой промышленности — К.-Ф. Штумм-Гальберга. В эти годы «вся политика господствующих классов имела зигзагообразный характер, при котором мнимолиберальная

[22] См. *M. J. Koch.* Die Bergarbeiterbewegung im Ruhrgebiet zur Zeit Wilhelm II. Düsseldorf, 1954; *K. E. Born.* Staat und Sozialpolitik seit Bismarcks Sturz. Wiesbaden, 1957; *G. A. Ritter.* Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich; *H. Grebing.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1966.

[23] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 4.

[24] «Deutsche Geschichte», Bd. 2, S. 608.

политика реформ и попыток подкупа, особенно в отношении рабочего класса, переплеталась с грубой политикой насилия, реакционными исключительными законами и планами антидемократического государственного переворота»[25].

Начало «новому курсу» положили указы кайзера от 4 февраля 1890 г. на имя рейхсканцлера и министра общественных работ, торговли и промышленности. Вильгельм II демагогически обещал «принять меры для улучшения положения немецких рабочих» и заверял крупную буржуазию, что сделает «германскую промышленность конкурентоспособной на мировом рынке»[26]. Старый «новый курс» — так охарактеризовал эту политику ветеран германского революционно-демократического и социалистического движения В. Либкнехт.

Речь шла не о перестройке сложившейся государственной структуры и экономических отношений, а о полумерах, которые, даже с точки зрения правящих кругов, уже нельзя было откладывать.

Вильгельм II и его советники, прежде всего прусский министр Г. Берлепш, ярый сторонник социальной демагогии, попытались найти выход из назревавшего социально-политического кризиса на путях мнимой либерализации общественной жизни, поддержки крупного капитала и, особенно, захвата новых рынков и источников сырья на мировой арене.

Осуществленное в эти годы социальное законодательство, конечно, не принесло улучшения положения рабочего класса в целом. Оно распространялось большей частью лишь на отдельные отрасли промышленности. 28 июня 1890 г. рейхстаг принял закон о введении третейских судов. Они составлялись из представителей рабочих и предпринимателей; эти примирительные камеры «должны были служить делу примирения противоречий» между трудом и капиталом[27]. Наиболее важным актом правительственной социальной политики этих лет явилось принятие 1 июня 1891 г. дополнений и изменений к промысловому уставу 1883 г. По новому закону, в промышленности и строительстве были установлены дни отдыха в воскресенье и в праздники. Кроме того, ограничивался произвол предпринимателей в отношении принудительных вычетов из заработной платы, запрещался труд детей моложе 13 лет; рабочий день молодежи от 14 до 16 лет ограничивался 10 часами.

[25] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 420.

[26] «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik». Neue Folge, Bd. 21. Jena, 1890, S. 227.

[27] «Gebhardts Handbuch der deutschen Geschichte», Bd. 3. Stuttgart — Leipzig — Berlin, 1923, S. 399.

Принятие дополнений и изменений к промысловому уставу было одной из побед рабочего движения. Однако социал-демократия вела борьбу за более широкую программу законодательной охраны труда рабочих. Разоблачая ограниченность новых положений промыслового устава, СДПГ внесла 8 мая 1890 г. в рейхстаг законопроект, который предусматривал, в частности, установление вначале 10-часового рабочего дня с переходом в 1894 г. к 9-ти и в 1898 г.— к 8-часовому рабочему дню.

Нередко незначительные уступки только прикрывали очередное наступление на рабочий класс. Так, в 1892 г. во многих местах были распущены социал-демократические организации, якобы ставящие своей целью «уничтожение существующего государственного и общественного строя, монархии, религии, супружества, семьи, частной собственности» [28]. Подобные наскоки повторялись много раз. Однако нельзя отрицать известного психологического воздействия политики заигрывания на отсталые слои рабочего класса, которые начинали верить в «добрую волю» господствующих классов. Высшей точкой социального маневрирования правящих кругов Германии в конце XIX в. стало образование в мае 1899 г. комиссии для создания интернационального объединения в защиту рабочих. В нее вошли бывший министр Г. Берлепш, «легальный марксист» В. Зомбарт, представители «либеральной весны» начала 90-х годов — профессора, депутаты рейхстага и др. Социал-демократы от участия в работе комиссии отказались.

БОРЬБА СДПГ ЗА МАРКСИСТСКУЮ ПРОГРАММУ И ТАКТИКУ

Мнимолиберальный характер «нового курса» Каприви, легализация СДПГ и возможность более широкого использования буржуазно-демократических институтов явились питательной почвой для правого оппортунизма. Его родоначальником, прямым предтечей будущего ревизионизма стал Г. Фольмар (он жил в мелкобуржуазной Баварии), обосновавший летом 1891 г. в двух выступлениях в Мюнхене свою реформистскую программу. Он выдвинул лозунг: «Доброй воле — открытую руку, злой воле — кулак», открыто провозгласив необходимость сотрудничества с правительством, с господствующими классами и их партиями. Фольмар утверждал, будто в февральских указах 1890 г. императора проявилась «добрая воля». Инструментами «социализации» общества Фольмар считал избирательное право, рейхстаг и социальную реформу, которую дарует вильгельмовская монархия, а также буржуазную национализацию отдельных предприятий и отраслей — так называемый прусский государственный социализм.

[28] *E. Heilmann.* Geschichte der Arbeiterbewegung in Chemnitz und dem Erzgebirge. Chemnitz, o. J., S. 295.

В 1892 г. Фольмар пошел еще дальше. Он развернул широкую агитационную работу среди крестьян, главным образом гроссбауэров (кулаков). Результатом был сильный приток в баварскую социал-демократию мелкобуржуазных элементов. Вскоре Фольмар поставил вопрос о том, что социал-демократии пора перестать быть классовой пролетарской партией; в нее должны войти на равных правах крестьяне (под которыми Фольмар подразумевал в основном кулаков), ремесленники, чиновники и т. д. Фольмар хотел превратить революционную пролетарскую партию в реформистскую, мелкобуржуазную.

Программа Фольмара представляла серьезную опасность для СДПГ. Это были не выступления против отдельных мероприятий партии, а оппортунистическая система [29]. Оценивая сложившуюся тогда в СДПГ ситуацию, В. И. Ленин подчеркивал: «С одной стороны, оппортунисты с Фольмаром во главе готовы были воспользоваться легальностью для отречения от неурезанных лозунгов и от непримиримой тактики. С другой стороны, так называемые «молодые» играли в «левизну» и катились к анархизму» [30].

Революционное большинство партии дало реформистам решительный бой на Эрфуртском (1891 г.) и Берлинском (1892 г.) съездах. Если бы СДПГ, говорил А. Бебель на Эрфуртском съезде, сосредоточила свои силы на борьбе за фольмаровскую программу, то «мы превратились бы в оппортунистическую партию в самом плохом смысле слова» [31]. Он вскрыл идейно-политическую основу и классовую сущность реформизма Фольмара, который смыкался с идеологией буржуазного национал-либерализма. Бебель призвал партию отбросить тактику Фольмара, ибо в случае ее принятия социал-демократия как самостоятельная революционная партия погибла бы.

Революционное ядро партии во главе с Бебелем, Либкнехтом и Зингером выступило против фольмаровской теории «классового сотрудничества». Немецкие марксисты в классовой борьбе ставили на первое место революционные действия масс как обязательное условие и предпосылку успешной парламентской работы. На съезде был дан отпор реформистским элементам в социал-демо-

[29] «Deutsche Geschichte», Bd. 2, S. 634.
[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 368.
[31] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt». Berlin, 1891, S. 277.

кратической фракции рейхстага, которые стремились определять политику партии.

Эрфуртский съезд единодушно осудил оппортунистическую программу Фольмара. «Нашей конечной целью,— провозгласил председатель партии П. Зингер,— является уничтожение буржуазного общества, уничтожение классового господства и создание социалистического общества» [32]. Одновременно съезд окончательно разгромил оппозицию «молодых», а некоторых из них исключил из СДПГ.

Важнейшим делом Эрфуртского съезда было принятие новой программы германской социал-демократии [33]. Прежняя, Готская программа 1875 г., в основных своих требованиях реформистская, как было показано выше, уже в момент ее принятия не отвечала уровню и задачам рабочего движения.

При разработке новой программы революционному большинству СДПГ пришлось выдержать серьезный бой с реформистскими и сектантскими элементами внутри партии, преодолеть опасную тенденцию ограничить задачи классовой борьбы провозглашением исключительно мирных, реформистских, «законных» форм и способов. Социал-демократический депутат рейхстага К. Грилленберг 27 февраля 1891 г. публично заявил с трибуны рейхстага, что социал-демократия «не подчинилась этому программному требованию (диктатуры пролетариата.— *Ред.*) Маркса» и что у нее «никогда не было и речи о революционной диктатуре пролетариата» [34]. Он заверил представителей «партий порядка», что СДПГ готова сотрудничать с ними в интересах мирного разрешения конфликтов между трудящимися и господствующими классами. На страницах социал-демократической печати появились призывы вернуться «назад к Лассалю» при обосновании программных требований СДПГ.

Лучшие силы партии повели напряженную борьбу за преодоление оппортунистических шатаний. Большую роль в решении теоретико-программных вопросов, так же как и в разработке революционной тактики СДПГ, сыграл Ф. Энгельс. В период подготовки новой программы Ф. Энгельс написал ряд статей, посвященных германскому рабочему движению, переиздал и впервые опубликовал некоторые работы К. Маркса, где рассматривались важнейшие вопросы теории и истории движения. Обширная переписка Энгельса с революционными вождями СДПГ содержала многочисленные

[32] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages... zu Erfurt», S. 359.
[33] См. *Н. Е. Овчаренко.* Эрфуртская программа германской социал-демократии.— Сб. «Германское рабочее движение в новое время». М., 1962.
[34] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags. 1890/1891», Bd. 3, S. 1805.

советы по принципиальным вопросам классовой борьбы в новых условиях [35].

Крупнейшее значение для германского и международного социалистического движения имела публикация Энгельсом в начале 1891 г. «Критики Готской программы» К. Маркса, которая оставалась неизвестной широким партийным массам. Публикуя этот труд своего великого друга, Энгельс стремился, во-первых, дать партии теоретические основы для создания действительно марксистской программы; во-вторых, окончательно внести ясность в вопрос об отношении К. Маркса к Ф. Лассалю и разбить существующее в партии стремление затушевать ошибки Лассаля. Появление этой работы Маркса, воскрешавшей понятие «диктатура пролетариата», представляло собой нечто вроде бомбы [36] как для оппортунистов, так и для политических партий правящего лагеря. В то же время она вызвала глубокое понимание и одобрение членов партии, которые требовали от руководства составить новую программу в «духе Маркса» [37].

Не менее важное значение имеют замечания Ф. Энгельса, известные под названием «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», которые он высказал летом 1891 г. [38] Эти замечания, содержащие анализ ряда новых вопросов теории государства, революции и демократии, задач политической и экономической борьбы рабочего класса и т. д., способствовали преодолению реформистских взглядов.

Эрфуртский съезд принял новую программу единогласно. «Это единогласно принятое решение,— говорил П. Зингер,— служит гарантией того, что партия сохранит революционный характер, что мы стремимся завоевать победу исключительно на почве классовой борьбы» [39].

Эрфуртская программа была свободна от лассальянских требований Готской программы и от вульгарно-социалистических воззрений на задачи рабочего движения. Ее принципиальная часть, так называемая программа-максимум, была основана на выводах и положениях «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала» и других трудов основоположников марксизма. Программу

[35] См. *Б. Г. Тартаковский.* Советник и учитель международного пролетариата. М., 1966.
[36] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 38, стр. 9.
[37] «Friedrich Engels' Kampf für die Schaffung einer marxistischen Arbeiterpartei in Deutschland». Berlin, 1956, S. 56.
[38] См. *Н. Е. Овчаренко.* В борьбе за революционный марксизм. Проблемы теории, тактики и организации германской социал-демократии в конце XIX в. М., 1967, стр. 246—281.
[39] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt», S. 358.

высоко оценивал Энгельс: «К нашему удовлетворению, марксова критика возымела полное действие. Устранены и последние остатки лассальянства»[40]. Программа явилась убедительным доказательством победы марксизма в германском рабочем движении[41].

При оценке Эрфуртской программы необходимо учитывать, что она создавалась в переходную эпоху, когда некоторые процессы исторического развития лишь обрисовывались, а другие только зарождались. Этот переходный характер эпохи определил и силу, и слабость программы.

В ее первой части были изложены революционные принципы и социалистические цели социал-демократии. Четко сформулированы всемирно-историческая роль рабочего класса и цели его борьбы — завоевание такого общественного строя, в котором будет уничтожена частная капиталистическая собственность и организовано социалистическое общественное производство. СДПГ открыто провозгласила революционную классовую борьбу единственным, решающим средством преобразования капитализма в социализм, а завоевание политической власти — обязательной предпосылкой создания социалистической экономики и устранения антагонистических классов. В программе обосновывался принцип интернационализма классовой борьбы пролетариата, указывалось на руководящую роль пролетарской партии в этой борьбе.

В практической части — программе-минимум — выдвигались многочисленные задачи борьбы за расширение политических прав и улучшение экономического положения рабочего класса и трудящихся масс. СДПГ требовала всеобщего, равного и прямого избирательного права и права голоса для всех граждан, достигших 20-летнего возраста, самоуправления и самоопределения народа в государстве, отдельных землях, провинциях, общинах. Она настаивала на ответственности властей перед народом, полной свободе коалиций и собраний, замене постоянного классового войска всеобщим вооружением народа и т. д.[42] Хотя эти требования и не выходили за рамки буржуазного строя, но в силу своеобразия исторического развития и соотношения классовых сил в Германии они были направлены на подрыв сложившейся юнкерско-буржуазной государственной системы.

В Германии, указывал центральный орган партии «Форвертс»,— «на долю социал-демократов выпали политические задачи, осуществить которые у наших немецких буржуазных «радикалов» не хватает мужества. Из-за страха и трусости перед социал-демократией они отказались от требований, которые раньше

[40] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 38, стр. 157.
[41] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 432.
[42] «Protokoll über die Verhandlungen... zu Erfurt», S. 5—6,

рассматривались как чисто буржуазные. Вот почему германская социал-демократия вынуждена выдвигать требования, которые обязана была провозгласить и осуществить буржуазия»[43].

Программа-минимум верно определяла задачи борьбы за демократию, но ей недоставало последнего, завершающего лозунга. Критикуя проект политического раздела программы, Энгельс с полным основанием писал, что в нем «*нет того*, что́ собственно следовало сказать. Если бы все эти 10 требований были удовлетворены, то хотя в наших руках оказалось бы больше разнообразных средств для достижения нашей главной политической цели, но не была бы достигнута сама эта цель»[44]. Это было результатом того, что у авторов программы не было теоретической ясности в понимании такой сложной проблемы, как специфика борьбы за демократию и за социализм, соотношение этих двух форм классовой борьбы. Кроме того, они не придали должного значения выводу Маркса о переходном периоде от капитализма к социализму, содержание которого составляет диктатура пролетариата, о двух фазах социалистического общества[45].

В результате этих неясностей в программу не был внесен ряд принципиальных требований, выдвигавшихся самим ходом классовой борьбы. Так, отсутствовал лозунг буржуазно-демократической республики. Правильно сформулировав конечную цель, авторы программы не указали ясно на задачи промежуточного стратегического этапа на пути к цели.

В период принятия Эрфуртской программы политическая обстановка и условия классовой борьбы не позволяли открыто выдвинуть эти важнейшие политические требования. Однако можно было сформулировать и выдвинуть такие лозунги, которые, как указывал Энгельс, в легальных условиях ясно ориентировали бы рабочий класс на борьбу за уничтожение прусско-германского милитаристского государства, установление буржуазно-демократической республики и подводили трудящиеся массы к необходимости борьбы за социализм[46].

Современная буржуазная и правосоциалистическая историография ФРГ, не вникая в сущность этих недостатков Эрфуртской программы, фальсифицирует ее содержание и место в истории. Буржуазные и реформистские авторы пропагандируют вздорную концепцию, будто между теоретической и практической частями Эрфурт-

[43] «Vorwärts», 7.VII 1891.
[44] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 236.
[45] См. *H. Bartel*. Nachbemerkung.— *K. Kautsky*. Das Erfurter Programm. Berlin, 1965, S. 261—297.
[46] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 235, 237.

ской программы существовало непреодолимое противоречие: ее принципиальная часть выражала марксистские идеи и цели, а практическая якобы отражала реформистскую политику [47]. В действительности же между марксистскими принципами Эрфуртской программы и вытекающими из нее демократическими задачами, так же как и между принципами и самим опытом борьбы германской социал-демократии в конце XIX в. за демократическое обновление немецкого общества, нет никакого противоречия. Р. Люксембург писала в 1898 г.: «Между социальной реформой и социальной революцией для социал-демократии существует неразрывная связь. В то время как ее борьба за социальную реформу является средством, социальный переворот есть ее цель» [48]. Итак, демократические требования Эрфуртской программы составляли необходимый этап на пути к уничтожению эксплуататорского строя и борьбе за социализм.

В острой внутрипартийной борьбе, в непрестанных схватках с классовым врагом германская социал-демократия превратилась в массовую революционную марксистскую партию. Правым оппортунистам из баварской организации СДПГ и из социал-демократической фракции рейхстага не удалось захватить руководство СДПГ, распространить свои взгляды в рабочих массах. Но силы свои они сохранили, что проявилось во время почти двухлетней борьбы вокруг аграрной программы.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

Расширение сферы влияния социал-демократии сказалось и в ее повороте к крестьянским массам. В этом не было ничего неожиданного: в стране существовала огромная армия сельскохозяйственных рабочих, юнкерство усиливало наступление на крестьянство. Быстрый рост капитализма в сельском хозяйстве содействовал социальной дифференциации немецкой деревни.

В СДПГ сложилось два взгляда на политику рабочего класса в аграрном вопросе. Революционное большинство выступало за привлечение сельскохозяйственных рабочих на сторону идей социализма, в поддержку требований и интересов малоземельного кресть-

[47] *E. Matthias.* Kautsky und Kautskyanismus.— «Marxismus-Studien», 2. Folge. Tübingen, 1957; *K. Anders.* Die ersten hundert Jahre. Hannover, 1962; *F. Erler.* Demokratie in Deutschland. Stuttgart, 1966. Подробно об этом см.: *Н. Е. Овчаренко.* Буржуазные и правосоциалистические концепции истории германского рабочего движения в новое время.— «Новая и новейшая история», 1968, № 4.

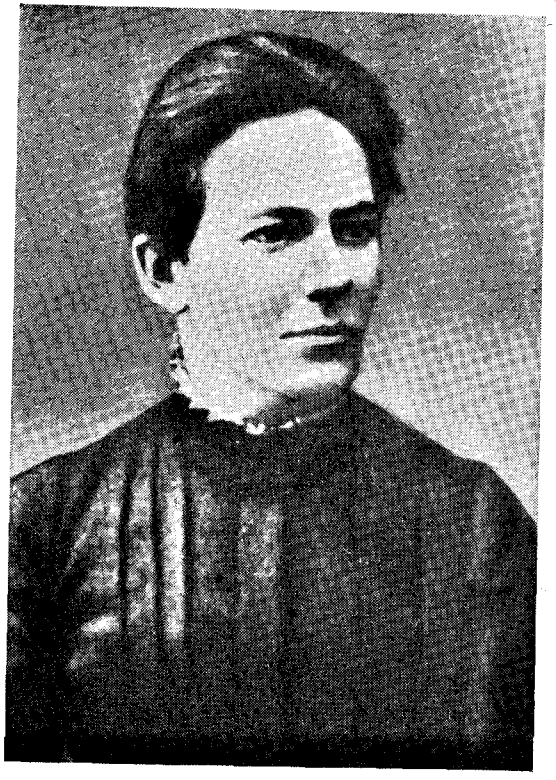
[48] *R. Luxemburg.* Sozialreform oder Revolution? Stuttgart, 1908, S. 1.

Агитация социал-демократов среди крестьян. 1889 г.

янства. Ему противостоял ряд влиятельных в партии лиц, которые составили так называемую аграрную оппозицию, выражавшую интересы верхнебаварских гроссбауэров. Во главе этой оппозиции стояли Г. Фольмар, Э. Давид, М. Кварк и др.

Франкфуртский съезд СДПГ в 1894 г. обсуждал аграрный вопрос. Правые стремились взять реванш за поражение в программных и тактических вопросах. Они сеяли иллюзии о возможности процветания мелкого производства, отрицали необходимость экспроприации крупной земельной собственности, прежде всего юнкерской. Эти воззрения не были безоговорочно осуждены съездом.

Фольмар публично заявил, будто его взгляды на аграрный вопрос совпадают с концепцией Ф. Энгельса. В специальном письме в «Форвертс» Ф. Энгельс разоблачил эти измышления, а затем выступил с известной работой «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии» (1894 г.). Здесь он наметил основы стратегии и тактики пролетарской партии по отношению к крестьянству вообще, к сельскохозяйственным рабочим и мелким крестьянам как союзникам рабочего класса, в частности. Энгельс указал, что единственное спасение крестьянских масс от неминуемой деградации



Клара Цеткин

в условиях капитализма состоит не в их насильственной экспроприации, а в том, чтобы «их собственность перевести в товарищескую... посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели» [49].

Эти важнейшие мысли Энгельса остались неиспользованными в СДПГ. После Франкфуртского съезда, когда экономическая конъюнктура в стране значительно улучшилась и пресловутый «законопроект о перевороте» провалился, германскую социал-демократию стала захлестывать волна мелкобуржуазной стихии. Многие вожди партии не видели в этом серьезной угрозы и не оценили всей опасности «аграрной оппозиции» Фольмара. Лишь А. Бебель сразу же повел решительную борьбу с ней [50]. Он возгла-

[49] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 518.
[50] *H. Hesselbarth*. Revolutionäre Sozialdemokraten, Opportunisten und die Bauern am Vorabend des Imperialismus. Berlin, 1968.

вил общепартийную дискуссию по этому вопросу и вынес на себе всю тяжесть борьбы по организации отпора масс оппортунистам. Энгельс подчеркивал в письме К. Каутскому 3 января 1895 г., что «атака Августа была все же большой заслугой и исправила многое, упущенное во Франкфурте. Господа баварские социалисты с оговорками [Reservatrechtssozialisten], конечно, не скоро захотят снова играть с огнем» [51].

Аграрная комиссия, избранная на Франкфуртском съезде, представила Бреславльскому съезду СДПГ (1895 г.) проект программы, важнейшие положения которой были откровенно оппортунистическими. К. Каутский, К. Цеткин и др., опираясь на работу Ф. Энгельса по крестьянскому вопросу, решительно выступили против проекта и фольмаровской оппозиции. Преобладающее большинство делегатов отклонило проект и осудило оппортунизм. Дискуссии показали, что за марксистским крылом идет преобладающее большинство партии.

Тем не менее, несмотря на большой прогресс социалистического движения, на наличие революционной программы и тактики, в аграрном вопросе СДПГ топталась на месте. Оппортунистам не удалось на Бреславльском съезде добиться своего, но в то же время съезд не принял ни марксистской аграрной программы, ни практических решений относительно политики партии в деревне. Таким образом, важнейший вопрос об отношении рабочего класса к самому многочисленному слою населения и его потенциальному союзнику — крестьянству не был решен ни теоретически, ни политически. Это сказалось в дальнейшем на всем теоретическом и политическом развитии германской социал-демократии.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ПРАВЯЩЕМ ЛАГЕРЕ

Одной из важнейших проблем политики «нового курса» были экономические взаимоотношения финансово-промышленной буржуазии и крупной земельной аристократии. Противоречия между промышленниками и аграриями обострились в начале 90-х годов в связи с таможенной политикой Каприви, продиктованной требованиями промышленников. Были заключены торговые договоры с рядом стран — Австро-Венгрией, Италией, Швейцарией, Испанией, Сербией, Румынией и Россией. Согласно этим договорам, значительно понижались охранительные пошлины на продовольствие, особенно на зерно, что чувствительно затрагивало интересы аграриев. Они развернули упорную борьбу против этой политики, про-

[51] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 301.

являя непослушание даже перед волей монарха. В речи при приеме вюртембергского короля в сентябре 1894 г. Вильгельм II заявил: «Будучи глубоко озабоченным, я должен заметить, что в среде близко стоящего ко мне дворянства мои намерения понимают неправильно, иногда борются против них. Можно услышать даже слово оппозиция. Господа! Оппозиция прусских дворян против короля — это же бессмыслица» [52].

Юнкерская фронда продолжалась с небольшими перерывами почти до конца века. Правительство Вильгельма II не могло удовлетворить тогда вожделения аграриев, ибо это оттолкнуло бы магнатов крупной промышленности, без усиления которых было немыслимо осуществление «мировой политики» — экспансии Германии на всех континентах.

Конфликт между аграриями и промышленниками имел глубокую объективную основу. Она заключалась в изменении удельного веса крупной капиталистической промышленности и крупного (главным образом юнкерско-помещичьего) землевладения в народном хозяйстве. Промышленность заняла ведущее место в экономике страны. Сельское хозяйство значительно отставало в сравнении с ней по темпам развития, особенно же по накоплению капитала, необходимого для дальнейшей интенсификации производства. Следствием этого был хронический аграрный кризис, хотя и в сельском хозяйстве Германии наблюдался известный прогресс.

Если в области индустрии имел место большой рост производительности труда, вводились принципиально новые технологические процессы и увеличивался основной капитал, то в сельском хозяйстве эти процессы происходили крайне замедленно. Здесь наглядно сказывались последствия развития сельского хозяйства по прусскому пути.

Однако в руках титулованных и нетитулованных дворян находились высшие должности в государственном аппарате, в чиновничье-бюрократической иерархии общеимперских органов управления. Они были монопольными поставщиками кадров для офицерского корпуса, командовали армией и флотом. Несмотря на то, что к концу века Германия превратилась в высокоразвитую индустриальную страну, социальные учреждения Пруссии в значительной степени сохраняли сословный характер. Юнкер еще и в конце XIX в. обладал на своих землях административными правами. Ф. Энгельс видел перспективу демократического развития Германии в первую очередь в том, что «должна прекратить свое существование Пруссия, она должна распасться на самоуправляющиеся

[52] «Reichsanzeiger», 8.IX 1894.

провинции, чтобы над Германией перестало тяготеть специфическое пруссачество» [53].

Ход исторического процесса оказался сильнее желаний «диких помещиков» остэльбской Пруссии. К концу века обострились противоречия между Пруссией и остальными государствами империи. Высокоразвитый промышленный Запад и центр Пруссии — Берлин стали районами наиболее мощного и организованного рабочего движения в Германии. Юнкерская фронда была одним из признаков кризиса пруссачества.

В январе 1892 г. министр культов и просвещения Цедлиц-Трюцшлер внес в прусский ландтаг реакционный законопроект о народной школе. Цедлиц, за спиной которого стояли кайзер и вся придворная камарилья, потребовал от ландтага, чтобы школа в Пруссии была подчинена церкви. При этом предполагалось запретить открытие школ для совместного обучения католиков и протестантов: школы должны были разделяться по конфессиональному признаку. Предусматривалось преподавание закона божьего как обязательного предмета.

Это было открытое покушение на культуру, на демократическое право свободы совести. Р. Вирхов, знаменитый ученый и лидер «свободомыслящих», говорил в своей речи, что «всякая попытка поставить государство на религиозную основу привела бы к господству организованной поповщины, а последующее развитие должно было бы привести к восстановлению католического отдела в министерстве культов и к отмене законов о наблюдении за школой» [54]. 102 профессора университета в Галле подняли голос протеста против католической контрреформы народной школы. За ними выступили другие общественные слои. Отклонение школьного законопроекта принадлежало к числу тех редких случаев, когда буржуазные либералы до конца выполнили роль оппозиции.

Вильгельм II вынужден был пожертвовать Цедлицем, уволив его в отставку. Каприви, который поддержал законопроект, ушел с поста прусского министра-президента, хотя и остался главой имперского правительства. Ранее неделимые посты имперского канцлера и первого министра Пруссии теперь оказались разделенными. Прусским министром-президентом стал Б. Эйленбург, реакционный прусский юнкер.

Юнкеры настойчиво пытались взять реванш за покровительственную в отношении крупных промышленников политику правительства Каприви. В апреле 1894 г. один из лидеров консерваторов, Г. Каниц, внес в рейхстаг законопроект, каждое слово

[53] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 238.
[54] «Das Deutsche Reich 1871—1895. Ein historischer Rückblick auf die ersten fünfundzwanzig Jahre». Berlin, 1895, S. 393.

которого откровенно свидетельствовало о непомерных аппетитах аграриев. Каниц предлагал, чтобы государство взяло на себя монополию торговли импортным хлебом, покупая его по нормальной цене, установленной на основе средних хлебных цен за последние 40 лет. Продавать же этот хлеб государство обязано по цене, вдвое превышающей цены мирового рынка. Этот законопроект был также отвергнут.

Хотя юнкеры потерпели ряд поражений, они не только не ослабляли свой нажим, но все более усиливали его. Шумную агитацию против канцлера, «пренебрегавшего» интересами юнкерства в таможенном вопросе, развернул «Союз сельских хозяев», образовавшийся в 1893 г. Дополнительным аргументом против Каприви стали в устах аграриев неудачи правительства в деле милитаризации страны.

РОСТ МИЛИТАРИЗМА И БОРЬБА СОЦИАЛИСТОВ ПРОТИВ НЕГО

К концу XIX в. прусско-германский милитаризм пронизывал все формы общественной жизни. 90-е годы были временем быстрого роста армии, флота, милитаризации экономики, разработки планов завоевания мирового господства, активного вторжения Германии в борьбу великих держав за рынки сбыта и источники сырья, развертывания великогерманской шовинистической пропаганды. Политика милитаризации была важнейшей составной частью классового компромисса между крупной буржуазией и юнкерством [55].

Избранный в 1890 г. рейхстаг начал свою работу с обсуждения нового законопроекта, который предполагал увеличение состава армии более чем на 18 тыс. человек. Однако правительство Вильгельма II открыто взяло курс на милитаризацию страны лишь два года спустя. 23 ноября 1892 г. военный министр Верди и начальник генерального штаба Вальдерзее внесли в рейхстаг проект увеличения германских вооруженных сил в течение последующих семи лет (1893—1899 гг.). Он устанавливал среднегодовую численность армии в 492 068 человек, предполагал введение 2-летнего срока службы в сухопутных войсках, что увеличивало пропускную способность военной машины на 30%. Значительно возрастали военные расходы, компенсировавшиеся повышением налогов на предметы потребления.

Новый план расширения германских вооруженных сил вызвал длительную политическую борьбу. Опасность милитаризма давно уже перестала быть чисто внутренним делом. Положение особенно обострилось в начале 90-х годов, когда возникла угроза военного конфликта между Германией, с одной стороны, Францией и Россией — с другой.

[55] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 420.

«...Для Пруссии—Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы» [56], — так еще в 1887 г. оценивал обстановку Энгельс. Социал-демократы выступили в авангарде антимилитаристских сил. Берлинский съезд СДПГ в ноябре 1892 г. заявил: «Пусть шовинистическая буржуазия на обоих берегах Рейна с величайшей злобой призывает к войне, пусть дипломаты и правительства обеих стран жертвуют благосостоянием наций ради милитаризма и ужасов войны, классово-сознательные рабочие обеих стран, как борцы за подлинную культуру и цивилизацию, протягивают друг другу руки через границы. Они убеждены, что их разделяет только один враг и что их общей задачей является борьба и уничтожение этого врага — капитализма» [57]. Социал-демократия еще с конца 60-х и на протяжении 70-х годов разработала основы пролетарской военной программы и антимилитаристской политики. Она требовала замены классового постоянного войска всеобщим вооружением народа [58].

Однако волна милитаризма и гонки вооружения требовала конкретного ответа на новые планы милитаристов. Ответ на этот вопрос в критический для европейских международных отношений момент дал Ф. Энгельс в серии статей под названием: «Может ли Европа разоружиться?», которые в начале марта 1893 г. начал публиковать центральный орган СДПГ «Форвертс». Впервые в истории международных отношений Энгельс провозгласил идею борьбы за разоружение и создание мира в Европе. «Я утверждаю: разоружение,— писал он,— а тем самым и гарантия мира, возможно» [59]. Энгельс не ограничивался провозглашением идеи. Он выдвинул реальную программу ее осуществления: «...*Международное установление,* по соглашению между великими державами континента, *максимального срока действительной военной службы* для всех родов войск... с провозглашением *милиционной системы в качестве конечной цели*» [60].

[56] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 361.
[57] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Berlin, 1892». Berlin, 1892, S. 32.
[58] «Die Sozialdemokratie im Deutschen Reichstag». Berlin, 1909; *H. Oeckel.* Volkswehr gegen Militarismus. Berlin, 1962.
[59] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 387.
[60] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 389.

Планы правительства на данном этапе потерпели провал. Несмотря на уступки, которые оно сделало, даже депутаты партии Центра, большинство депутатов от Партии свободомыслящих голосовали вместе с социал-демократами против законопроекта. В блестящей полемике с канцлером А. Бебель, в полном соответствии со взглядами Энгельса, отстаивал военную программу пролетарской партии [61]. Правительственный проект был отвергнут. Кайзер распустил непокорный рейхстаг на два года ранее истечения срока его полномочий. Мысль о возможности государственного переворота созрела в уме императора, доносил в Петербург русский посол из Берлина [62].

Борьба вокруг военного законопроекта отражала лишь более глубокое общее недовольство внутренней политикой Вильгельма II.

КОНЕЦ «НОВОГО КУРСА» И «ЭРА ШТУММА»

Провал законопроекта вызвал политический кризис. Распалась Партия свободомыслящих; из нее выделились Свободомыслящая народная партия во главе с Е. Рихтером и более правый Свободомысляций союз под руководством Риккерта и Барта. С другой стороны, выборы 1893 г. в рейхстаг продемонстрировали дальнейший рост влияния социал-демократической партии. Упадок буржуазного либерализма и усиление социал-демократии отражали социально-политические процессы, переживаемые Германией.

Политическое положение обострил конфликт между Каприви и министром-президентом Пруссии Эйленбургом. Эйленбург был сторонником самого жесткого курса в отношении рабочего и социалистического движения, Каприви же считал, что вряд ли удастся новыми репрессиями сломить пролетариат [63–64]. Это окончательно подорвало позиции имперского канцлера, пошатнувшиеся еще раньше в результате происков юнкерства. 23 октября 1894 г. он был уволен в отставку. «Либеральная эра» окончательно выдохлась.

[61] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags, 1892/93», Bd. 3. Berlin, 1893, S. 2164—2165. Следует заметить, что новые идеи Ф. Энгельса не сразу были поняты революционными вождями СДПГ. А. Бебель писал об этом в ряде писем Энгельсу в 1892—1893 гг. («August Bebels Briefwechsel mit Friedrich Engels». London — Hague — Paris, 1965, S. 666—667, 669—670).

[62] Архив внешней политики России 1893, ф. Канцелярия. 28 апреля (10 мая) 1893 г., л. 61.

[63–64] *E. Zechlin.* Staatsstreichpläne Bismarcks und Wilhelm II. 1890—1894. Stuttgart — Berlin, 1929, S. 184—186.

На смену Каприви пришел престарелый и безвольный князь Гогенлоэ-Шиллингфюрст, в прошлом наместник в Эльзасе, где он прославился тем, что запретил пользование французским языком. Вильгельм II видел выход в возврате к прежней политике кнута по отношению к рабочему движению, в поисках путей примирения интересов аграриев и промышленников и совместной борьбы против «красной опасности», как называли тогда социал-демократию. Не покончив с раздорами в правящем лагере, нельзя было рассчитывать на успех в этой борьбе.

5 декабря 1894 г. в новом здании у Бранденбургских ворот открылись заседания рейхстага. В тронной речи Вильгельма II, помимо трафаретных фраз о необходимости «защиты низших классов общества», упор был сделан на «смягчение экономических и социальных противоречий путем энергичной борьбы с замыслами тех, кто стремится противодействовать государственной власти в исполнении ее долга». 11 декабря 75-летний канцлер предложил рейхстагу программу, предусматривавшую активизацию колониальной политики, расширение военного флота, поддержку «нуждающегося сельского хозяйства» (т. е. аграриев), принятие «законопроекта о перевороте» и др. [65]

Первым шагом на этом пути был предложенный 5 декабря 1894 г. новым канцлером проект закона «Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса, военно-уголовного законодательства и закона о печати» [66]. Это предложение правительства обрело печальную славу под названием «законопроекта о перевороте» («Umsturzvorlage»). Он предусматривал превентивные меры сурового уголовного наказания за любое выступление против «религии, монархии, супружества, семьи или собственности». Законопроект объявлял преступлением «нарушение общественного порядка путем подстрекательства к насильственным действиям

[65] «Gebhardts Handbuch...», Bd. 3, S. 381.

[66] Внесению этого законопроекта в рейхстаг предшествовало длительное обсуждение в высших правительственных и партийных сферах. Уже в январе 1894 г. министерство внутренних дел Пруссии предложило в интересах защиты от СДПГ изменить ряд параграфов уголовного законодательства и закона о прессе. 26 мая 1894 г. прусский совет министров обсуждал доклад министра юстиции о законопроекте «в защиту общественного порядка и безопасности». В связи с убийством в июле 1894 г. французского президента Карно Вильгельм II потребовал срочных мер по подготовке нового исключительного закона. Все лето 1894 г. ушло на определение мер наказания в планируемых чрезвычайных законах. Крайне правое крыло возглавили председатель Имперской партии Штумм-Гальберг и прусский министр-президент Эйленбург. Они добивались самых суровых мер в отношении СДПГ. Наконец, 15 ноября бундестаг приступил к слушанию и обсуждению «законопроекта о перевороте», который лишь после этого был передан в рейхстаг.

одного класса против другого» и т. д. Это было направлено не только против рабочего класса, но и против всей массы мелкой буржуазии города и деревни, против значительных слоев средней буржуазии.

Со времени ухода Бисмарка и падения исключительного закона страна не переживала такого подъема общедемократического движения, как в связи с «законопроектом о перевороте». «...Мы быстро идем к кризису...»,[67] — писал в те дни Энгельс П. Лафаргу. На протяжении многих месяцев — с октября 1894 г. по май 1895 г.— шла острая борьба между силами реакции и прогресса. По всей стране состоялись сотни внушительных собраний социал-демократов, которые показали, что рабочий класс является серьезной политической силой. Волна протеста вышла за рамки чисто пролетарского движения. Она охватила обширные круги либеральной интеллигенции, ученых, писателей, деятелей культуры. 6 марта 1895 г. около 500 профессоров и доцентов, 1300 книгоиздателей, редакторов и книготорговцев в специальном заявлении выступили против введения нового исключительного закона. В начале апреля около 900 профессоров и других представителей интеллигенции обратились в рейхстаг с призывом не принимать «законопроект о перевороте»[68]. В ряде мест, например в Берлине и Готе, социал-демократы и либеральные политики на совместных собраниях энергично протестовали против атаки на демократические права народа[69].

Буржуазные круги в ряде крупных городов (Берлин, Франкфурт-на-Майне, Штеттин и т. д.) начали петиционную кампанию против принятия законопроекта. Особенно показательной была роль «Красного дома» (берлинского магистрата), который в конце апреля 1895 г. выступил с резким протестом. Созданный из депутатов магистрата комитет предложил созвать 5 мая общегерманский конгресс членов магистратов немецких городов[70]. Однако буржуазная оппозиция и не думала действовать солидарно с движением протеста, во главе которого шел рабочий класс, а тем более защищать демократические права народа. Действия буржуазной оппозиции были вызваны исключительно опасностью нападок прусской реакции на права буржуазии. «...Всем этим субъектам,— отметил Энгельс,— грозит *государственный переворот*»[71].

Под нажимом массового движения и выступлений буржуазной

[67] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 341.
[68] Deutsches Zentralarchiv Merseburg. Rep. 151. HB N 822, Bl. 1—2, 12, 17, 49.
[69] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 446.
[70] «Volks-Zeitung», 28.IV 1895. Morgenausgabe.
[71] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 39, стр. 340.

оппозиции большинство депутатов рейхстага вынуждено было голосовать против предложений правительства. В начале мая 1895 г. «законопроект о перевороте» был окончательно отклонен.

Несмотря на крупный провал, правительство Вильгельма II продолжало наступление на социал-демократию и стремилось ликвидировать основные буржуазно-демократические права. В 1895 г. полицейские власти распустили в Берлине партийные, профсоюзные и другие рабочие организации. 29 ноября 1895 г. полицей-президент Берлина распустил правление СДПГ. Было запрещено проведение народных собраний, конфисковывались газеты, редакторы их подвергались арестам. Вершиной разгула прусской реакции был законопроект «О дополнениях и изменениях положений о собраниях и союзах в Пруссии», внесенный в палату депутатов прусского ландтага 12 мая 1897 г. Это была попытка ввести в модифицированном виде провалившийся «законопроект о перевороте». Его постигла, однако, та же участь.

Рабочему классу под руководством социал-демократии удалось не только отстоять право собраний, союзов и коалиций, но и добиться расширения демократических свобод[72].

Во второй половине 90-х годов германский пролетариат, несмотря на общий подъем экономической конъюнктуры, развернул широкое стачечное движение. Союзы предпринимателей, местные правительственные и полицейские власти крупных промышленных и политических центров призывали имперское правительство принять решительные меры для пресечения деятельности социал-демократической партии, члены которой выступают пропагандистами и организаторами забастовок. Правительственный президент округа Арнсберг доносил в Берлин, что фактически стачечным движением «руководят профессиональные агитаторы и подстрекатели, редакторы и служащие социал-демократической прессы и партийного руководства, которые выступают на публичных собраниях по определенному, везде одинаковому плану»[73].

Вильгельм II быстро откликнулся на эти призывы. В своей речи в Билефельде 17 июня 1897 г. он сформулировал принципы, которыми будет руководствоваться правительство: «Охрана национального труда всех производительных сословий, укрепление здорового среднего сословия, беспощадное подавление всякой попытки переворота и тяжелейшее наказание тому, кто осмелится помешать соседу, который хочет работать, добровольно трудиться»[74]. То уже были не речи «либеральной весны», не демагогические февральские указы, а целая программа наступления на рабочее движение.

[72] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 471.
[73] Deutsches Zentralarchiv Potsdam. Reichsministerium des Innern. Koalitionsrecht und Arbeitskämpfe, N 6855, vol. 1, Bl. 4.
[74] J. von Miquels Reden. Bd. 4. Halle, 1914, S. 279.

В декабре 1897 г. новый министр внутренних дел Посадовский направил циркулярное письмо министрам всех немецких государств. Он предложил обеспечить охрану так называемых рабочих добровольцев (штрейкбрехеров), которых стачечники не допускали на предприятия[75]. Был подготовлен проект «Закона в защиту положения рабочих в промышленности». 6 апреля 1899 г. Гогенлоэ внес этот законопроект, вошедший в историю под названием «каторжного» («Zuchthausvorlage»), в бундестаг, а 19 июня к его обсуждению приступил рейхстаг.

«Каторжный законопроект» Посадовского предусматривал тюремное заключение для любого, кто помешает штрейкбрехеру приступить к работе на предприятии, рабочие которого забастовали. По существу это было покушение на право рабочих на стачки, на борьбу за улучшение условий труда и повышение жизненного уровня.

Однако мужественная борьба рабочего класса и на этот раз сорвала планы реакции. 20 ноября 1899 г. рейхстаг значительным большинством голосов отклонил антизабастовочный законопроект Посадовского. Представители буржуазных партий, за исключением имперских консерваторов и части национал-либералов, отказали законопроекту в поддержке, ибо не хотели усиления власти юнкерства и опасались нового подъема социалистического и рабочего движения, которое неизбежно последовало бы в случае принятия нового исключительного закона. Вся антидемократическая внутренняя политика кабинета Гогенлоэ потерпела крушение.

Острая политическая борьба в Германии между силами рабочего класса и объединенной юнкерско-буржуазной реакции в период «либерального» курса Каприви и «новейшего» (сентябрьского) курса Гогенлоэ завершилась отступлением сил реакции и расширением социальной базы рабочего движения, которое выступило в качестве последовательного борца за демократические и социалистические идеалы. Исход этой борьбы явился одним из побудительных мотивов для попыток господствующих классов сгладить взаимные противоречия.

ПОЛИТИКА СПЛОЧЕНИЯ ГОСПОДСТВУЮЩИХ КЛАССОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС КОНЦА XIX в.

«Политика сплочения», т. е. сотрудничества юнкеров и крупных промышленников, была делом нелегким. Правда, смягчению споров между этими двумя классами способствовали некоторые

[75] «Vorwärts», 15.I 1898.

внутренние и внешние обстоятельства. С 1894 г., после трехлетнего экономического кризиса, промышленность развивалась в условиях весьма благоприятой конъюнктуры. После принятия большой военно-морской программы государственные заказы рекой потекли в сейфы крупных компаний и банков. Усилилось проникновение Германии во многие районы Азии, Ближнего Востока, Африки, Океании. Все это поощряло юнкеров, державших в своих руках государственный аппарат, к компромиссу с крупной буржуазией, господствовавшей экономически. Со своей стороны даже такие столпы промышленного протекционизма, как, например, Штумм, неожиданно стали называть снижение аграрных пошлин «ошибкой». Беспокойство правящих кругов вызывало и отсутствие единого фронта против внутренней опасности — социалистического движения.

В мае 1897 г. в Дюссельдорфе на собрании Союза в защиту общих экономических интересов Рейнланда-Вестфалии была провозглашена необходимость введения покровительственных тарифов на сельскохозяйственные продукты. Центральный союз немецких промышленников поддержал это предложение. Так шаг за шагом шло сближение недавних «противников» — аграриев и финансово-промышленных воротил. Осенью 1897 г. «политика сплочения» вступила в решающую фазу[76]. Возник ряд союзов и комитетов, принявшихся за разработку основ политико-экономического соглашения между юнкерами и промышленниками. Сближению крупных буржуа и юнкеров содействовали курс Вильгельма II на «мировое господство» и связанные с ним увеличение армии и начало осуществления программы строительства военно-морского флота в 1898—1899 гг.

В 90-х годах правительство приняло ряд законов, регулировавших правовые и материальные отношения и ставших важным шагом на пути к завершению превращения юнкерской монархии в юнкерско-буржуазное империалистическое государство. Это, в первую очередь, новый гражданский кодекс, принятый в 1896 г. и вступивший в силу 1 января 1900 г. Таким образом, лишь спустя четверть века после революции «сверху», плодом которой явилась Вторая империя, она получила наконец единое буржуазное законодательство, действительное для всей страны.

Одним из проявлений «политики сплочения» было резкое усиление национализма и клерикализма. Еще в 1893 г. был отменен закон о запрещении иезуитских конгрегаций. После кратковременного смягчения еще более свирепыми и непримиримыми

[76] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951.

стали гонения на жителей западных польских земель, граничившие с чуть ли не полным искоренением местного населения. Строжайшим образом запрещалось изучение родного языка, подвергались жестоким репрессиям польские общественные культурные организации, в массовом порядке проводились выселения поляков во внутригерманские области. Возросшему национальному гнету подвергались также датское население Шлезвиг-Гольштейна, французы Эльзаса и Лотарингии и др.

Германия конца XIX в. отнюдь не представляла собой той идиллической картины, которую рисуют многие буржуазные и правосоциалистические историки. Завершение перехода от домонополистического капитализма к империализму, вызванные этим серьезные изменения в экономике и социальных отношениях, в идеологии и политике классов и партий поставили вопрос о судьбах дальнейшего развития страны. Брожение 90-х годов охватило буквально все классы и общественные силы. Оно проявилось, с одной стороны, в лихорадочных поисках различными фракциями буржуазии новых идей и политических программ, которые могли бы обеспечить их господство в новых условиях; с другой стороны, в усилении классовой борьбы, вовлечении в нее новых социальных слоев, в серьезном усилении роли социалистического движения в политической и общественной жизни страны.

Крупнейшие представители «партий порядка» и многие государственные деятели Второй империи со всей серьезностью писали в эти годы об опасности революционного переворота, о необходимости предупредить его насильственными мерами «сверху». Один из высших кайзеровских чиновников, О. Гамман, отмечает в своих воспоминаниях: «Первое десятилетие после ухода Бисмарка со своего поста было временем тяжелейшего внутреннего кризиса» [77]. Политической основой этого кризиса были прежде всего успехи социалистического движения, особенно неуклонный рост влияния социал-демократии в рейхстаге, ландтагах и органах местного самоуправления, массовая борьба рабочего класса против власти капитала и милитаризма. Все правящие партии были едины в своем мнении о силе угрозы существующему строю со стороны рабочего движения.

В начале 1897 г., после 11-недельной забастовки 18 тыс. гамбургских портовых рабочих, бывший начальник генерального штаба, затем командующий IX армейским корпусом генерал-фельдмаршал Вальдерзее обратился с секретным посланием к Вильгельму II. По существу это был призыв открыто применить против «партии переворота» (имеется в виду СДПГ) силу, не останавливаясь ни перед чем: «Мне кажется, что в условиях огромного распространения социал-демократической организации, если против нее не будут скоро найдены контрмеры, неизбежно приближение момента, в который силы государства должны будут сравняться с силами рабочих масс... Я думаю, что в интересах государства не предоставлять социал-демократическим вождям выбора момента для начала великого сведения счетов, а ускорить эту возможность» [78]. Печально знаменитый «уничтожитель социалистов» в годы исключительного закона Путкаммер, являвшийся тогда министром внутренних дел Пруссии, летом 1897 г. более откровенно выразил те же намерения по отношению к социал-демократии в своей речи в прусской палате господ: «Либо мы уничтожим ее, либо она уничтожит нас» [79].

[77] *O. Hamman.* Der neue Kurs. Berlin, 1918, S. 131.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ДВУХ ТЕНДЕНЦИЙ В РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ. ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕВИЗИОНИЗМА

Во второй половине 90-х гг. внутри рабочего движения резко обострилась борьба двух тенденций, прежде всего в идейно-теоретической области. В 1896—1898 гг. в партии зародилось новое оппортунистическое течение — ревизионизм. Духовным отцом его стал Э. Бернштейн, в прошлом редактор «Социал-демократа», боевого органа СДПГ времен «исключительного закона». Живя с 1880 г. в Лондоне, он постепенно очутился под большим влиянием фабианского социализма и реформистской практики английских тред-юнионов. Уже в 1893 г. Бернштейн предпринял попытку убедить партию в необходимости политического компромисса с либералами на выборах в прусский ландтаг [80]. Но она встретила всеобщее осуждение. Время Бернштейна еще не пришло. Это случилось несколькими годами позже и было связано с завершением экономического кризиса и наступлением периода высокой хозяйственной конъюнктуры 1894—1900 гг., а также с переходом правительства Вильгельма II к новым репрессиям против рабочего и социалистического движения. Страх перед преследованиями толкал оппортунистов на путь поисков компромисса с теми кругами господствующих классов, которые занимали мнимолиберальную позицию.

[78] «Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee», Bd. 2. Stuttgart und Berlin, 1925, S. 387.
[79] «Volkstimme» (Magdeburg), 17.VII 1897.
[80] *Ed. Bernstein.* Die preußischen Landtagswahlen und die Sozialdemokratie.— «Die Neue Zeit», 1892—1893, Bd. 2.

С точки же зрения внутреннего развития германской социал-демократии возникновению ревизионизма особенно способствовали два события. Во-первых, неудачный для революционных сил исход съездов во Франкфурте и Бреславле (1894—1895 гг.), где так и не была принята аграрная программа. На этих съездах с «пересмотром (mit der Revision) способа воззрений в партии» [81] открыто выступили уже не отдельные личности, как это было в первой половине 90-х годов, а определенное реформистское течение. Во-вторых, начал существенно меняться социальный состав СДПГ. В партию широким потоком хлынули не только вчерашние мелкие собственники, разоренные капиталом и превратившиеся в рабочих, но и представители мелкобуржуазных слоев, которые не имели собственного политического представительства в классовой борьбе. Особое место в идейной и литературной жизни партии заняли так называемые «академики» — интеллигентская молодежь, симпатизировавшая рабочему движению и марксизму, но рассматривавшая рабочий класс сквозь призму своих мелкобуржуазных иллюзий и представлений.

В сентябре 1896 г. и апреле 1897 г. Бернштейн опубликовал в нескольких номерах теоретического журнала «Нейе цейт» серию статей под претенциозным названием «Проблемы социализма. Собственное и переводное». Объединенные с рядом других его статей, они и составили кредо ревизионизма — книгу «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» [82] (1899 г.). Бернштейн требовал, чтобы социал-демократия отказалась от враждебного отношения к существующему буржуазному государству и обществу и занялась так называемой положительной реформистской политикой. Он утверждал, что стремится «восстановить единство между теорией и действительностью, между фразой и действием» [83]. СДПГ, требовал Бернштейн, должна отказаться от пролетарской революции, поскольку капиталистическое общество якобы «медленно и постепенно» врастает в социалистическое. Он подверг теоретической ревизии принципы марксизма в области философии, политической экономии и научного социализма, а также Эрфуртскую программу СДПГ и ее политику.

Выступление Бернштейна вызвало в рядах социал-демократии большое возбуждение. В эти годы как в местных, так и в централь-

[81] «Parteitag... zu Breslau. 1895». Berlin, 1895, S. 152.

[82] Новейшее издание этой книги вышло в ФРГ в 1964 г. Издатель — Д. Шустер пишет, что она «и поныне принадлежит к знаменательным произведениям социалистической литературы» (*E. Bernstein.* Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Hannover, 1964, S. VII).

[83] *V. Adler.* Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky... Wien, 1954, S. 259.

ных организациях еще нельзя обнаружить сколько-нибудь явного сочувствия идеям бернштейнианства. На многочисленных партийных собраниях и в социалистической печати взгляды Бернштейна объявлялись несовместимыми с принципами и политикой партии. Передовые представители рабочего класса выступили с серьезной марксистской критикой теоретической несостоятельности и политического вреда воззрений Бернштейна для рабочего движения.

Центром теоретической и политической борьбы с ревизионизмом был орган лейпцигских социал-демократов «Лейпцигер фольксцейтунг», где активно работал Ф. Меринг. На страницах газеты Р. Люксембург выступила осенью 1898 г. со своими знаменитыми статьями, которые печатались до весны следующего года и составили брошюру «Социальная реформа или революция?». В «Лейпцигер фольксцейтунг», как и во многих других органах СДПГ, например в социал-демократических газетах Магдебурга, Штутгарта, Кёнигсберга, Гамбурга и других городов, постоянно публиковались статьи А. Бебеля, В. Либкнехта, Ф. Меринга, К. Цеткин, Г. Кунова, Б. Шёнланка и др., направленные против ревизионизма. Немало сделал для борьбы с ревизионизмом теоретический орган СДПГ «Нейе цейт», возглавляемый К. Каутским. Он превратился в международную арену марксистских сил, с которой выступали против бернштейнианства Г. В. Плеханов, А. Лабриола, Е. Бельфорт-Бакс, П. Лафарг и многие другие. Но в то же время он предоставлял свои страницы для выступлений Э. Бернштейну, К. Шмидту, М. Шиппелю, Э. Давиду, Л. Вольтману и другим ревизионистам.

Взгляды Бернштейна, вероятно, не смогли бы в дальнейшем столь быстро распространиться, если бы они не были подхвачены молодыми «академиками»; они уже располагали собственным печатным органом — «Социалистише монатсхефте» [84], который в конце века превратился в орган международного ревизионизма. Кроме того, оппортунисты проникли в центральный орган СДПГ «Форвертс» и заручились там сильной поддержкой.

Ревизионисты ожесточенно атаковали философию диалектического материализма, в частности марксово материалистическое понимание истории. В этой важнейшей области идейной борьбы Л. Вольтман и К. Шмидт, главные проводники философской ревизии марксизма, прямо сомкнулись с реакционным лагерем неокантианцев, распространяя в СДПГ идеалистическую философию «этического социализма», проповедуя отказ от классовой борьбы и социальной революции. Если буржуазные неокантианцы в страхе перед нарастающим кризисом буржуазного общества при-

[84] Этот ежемесячник возник еще в 1894 г. и выходил до 1897 г. под названием «Sozialistische Akademiker».

зывали отказаться от философии Гегеля и заменить ее агностицизмом Канта, то «социалистические» неокантианцы выдвинули лозунг: «Назад от Маркса к Канту». Ревизионисты смыкались и с буржуазной политической экономией, которая в 90-х годах сосредоточила свои усилия главным образом на «опровержении» законов возникновения, развития и гибели капитализма, открытых К. Марксом.

Весьма опасным становился «практический» ревизионизм, затронувший многие стороны политики рабочего класса. В эти годы в недрах социал-демократических профсоюзов созрела пресловутая «теория нейтральности», осуществление которой такими вождями, как К. Легин, А. фон Эльм, О. Гуэ и др., было одной из предпосылок реформистского перерождения СДПГ. Ревизионисты М. Шиппель и В. Гейне в 1897—1898 гг. предприняли попытку ревизии антивоенной программы СДПГ. Одновременно реформисты в Баварии и Вюртемберге усиленно насаждали тактику классового компромисса в ландтагах своих земель. К. Шмидт попытался в 1898 г. доказать на страницах центрального органа партии, что деятельность профсоюзов, социальные реформы и некая мифическая «политическая демократизация» государства (это в полуабсолютистской юнкерско-буржуазной монархии!) являются будто бы решающими средствами «постепенного введения социализма» [85].

Штутгартский съезд СДПГ в 1898 г. обсудил возникшую в партии ситуацию и высказался за революционные принципы рабочего движения. Но ревизионистские взгляды Бернштейна и его сторонников на съезде официально не были осуждены. Он сам и его сторонники не были исключены из партии. Влияние группы оппортунистов, относительно немногочисленной, но уже располагавшей собственными печатными органами, постепенно усиливалось.

На протяжении 1899 г. продолжалась чрезвычайно острая теоретическая и политическая дискуссия по всем вопросам, подвергнутым Э. Бернштейном ревизии. Она показала наличие в СДПГ двух диаметрально противоположных точек зрения — марксистской и ревизионистской — по коренным проблемам теории и тактики освободительного движения пролетариата. Ход борьбы дал убедительные доказательства того, что подавляющее большинство немецких социал-демократов стояло на точке зрения пролетарской классовой борьбы и отвергало бернштейнианский лозунг: «Движение — все, конечная цель — ничто». Партийные организации и отдельные социал-демократы, пославшие правлению партии свои предложения в связи с предстоящим обсуждением на съезде

[85] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 1, S. 479.

нападок Бернштейна и его сторонников на принципы и тактику СДПГ, выступали против ревизионизма [86].

В предсъездовской борьбе с ревизионистами марксистские воззрения отстаивали А. Бебель, В. Либкнехт, К. Каутский, Ф. Меринг, Р. Люксембург, К. Цеткин, Г. Кунов и др. Одновременно усиливали свои позиции и сторонники Бернштейна (сам он находился по-прежнему в эмиграции в Лондоне). В ряде местных организаций и органов партии они располагали значительным влиянием.

Высшей точкой борьбы против ревизионизма стал Ганноверский съезд СДПГ, открывшийся 9 октября 1899 г. А. Бебель в своем докладе вскрыл теоретическую несостоятельность и политическую опасность ревизионизма для дела рабочего класса. Он последовательно отстаивал марксистские взгляды на законы общественного развития, революционную преобразующую роль пролетариата и его партии. Здесь прозвучал его знаменитый призыв: «Мы остаемся при экспроприации. Мы не отказываемся от нее» [87]. Бебель отверг попытки Бернштейна и его сторонников Г. Фольмара, Г. Граднауэра, В. Гейне, М. Кварка, М. Шиппеля и др. превратить социал-демократию в «партию социально-демократических реформ», подчеркивая, что СДПГ остается по своей сущности «революционной партией» [88].

Большинством в 216 против 21 голоса съезд принял резолюцию Бебеля, в которой, в частности, говорилось: «Современное развитие буржуазного общества не дает партии никаких оснований отказаться от ее принципиальных взглядов на это развитие или изменить их. Партия по-прежнему стоит на почве классовой борьбы, согласно которой освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом, и вследствие этого считает исторической задачей рабочего класса завоевание политической власти, для того чтобы с ее помощью обобществить средства производства и ввести социалистический способ производства и обмена, а тем самым обеспечить самое большое благосостояние для всех» [89].

В. И. Ленин высоко оценивал роль Бебеля в борьбе против «бернштейниады». Он подчеркивал, что «Бебель выразил настроение рабочих масс и их твердое убеждение в необходимости борьбы за неурезанные лозунги, когда восстал со всей энергией против этого поветрия. Его речи против оппортунистов на партийных

[86] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover von 9. bis 14. Oktober 1899». Berlin, 1899, S. 61—63, 67—68.
[87] Ibid., S. 121.
[88] Ibid., S. 225.
[89] Ibid., S. 243.

съездах в Ганновере и Дрездене надолго останутся образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно социалистический характер рабочей партии» [90].

На съезде обнаружилось вместе с тем, что революционные марксисты, которые выступили против Бернштейна, еще не осознали полностью всей той смертельной опасности, которую представлял ревизионизм для рабочего движения. Несмотря на предупреждение Р. Люксембург, которая говорила: «Для нас не подлежит сомнению, что классовая борьба не может подвергаться „свободе критики" в партии» [91], ревизионисты сохранили за собой право на подобную критику, которое означало на деле право свободы ревизии марксистских принципов и революционной политики. Борьба революционных сил против ревизионизма не была подкреплена организационными выводами. Устав партии нуждался в изменениях, которые лишили бы ревизионистов возможности расшатывать ее изнутри. Но это не было сделано. Разрыв между идейно-теоретической борьбой и организационными принципами, особенно в части, касавшейся ответственности членов партии за нарушение программных принципов, сыграл весьма отрицательную роль в дальнейшем развитии германской социал-демократии.

*

Итог внутриполитического развития Германии в последнее десятилетие XIX в. был весьма своеобразен. На основе «политики сплочения» и перед лицом растущего революционного рабочего движения сложился союз монополистического капитала и крупного землевладения. Но это не содействовало «примирению» классов, о котором много пишут западногерманские буржуазные историки. Напротив, классовая борьба поднялась на новую ступень. Ни один из планов реакционного государственного переворота, благодаря сопротивлению рабочего класса, а также оппозиционно настроенных слоев мелкой буржуазии и либеральной интеллигенции, осуществлен не был. Пролетариат выдвинул и отстаивал историческую альтернативу усилению реакционной диктатуры крупного капитала и землевладения: борьбу за демократию, которая являлась решающей предпосылкой свержения господства империализма и милитаризма в Германии.

[90] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 369.
[91] Цит. по: «Deutsche Geschichte...», Bd. 2, S. 697.

ИДЕОЛОГИЯ, НАУКА, КУЛЬТУРА В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XIX В.

Процессы, происходившие в экономике и политике, оказывали определяющее влияние на идеологическую жизнь. Приближение империалистической эпохи усиливало реакционные тенденции и в философии, и в историографии, и в литературе. Но вместе с тем и здесь все ощутимее давал о себе знать новый общественный класс, которому принадлежало будущее,— пролетариат; начавшейся клониться к упадку буржуазной культуре он противопоставил свою, демократическую культуру.

Идеология складывающегося империализма выдвинула лишь одного крупного мыслителя — Фридриха Ницше (1844—1900). Последователь Шопенгауэра, Ницше создал свои основные философские произведения: «Так говорит Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Воля к власти» — в 80-х годах, но популярность они (и не случайно) приобрели только в 90-х годах и позднее. Ницшеанство было одной из форм, в которые облекалась борьба идеализма против марксизма; в то же время оно отвечало специфическим задачам идеологической подготовки германской экспансии вовне.

Ницше возвестил «переоценку всех ценностей», он подверг острой критике многие проявления современной ему буржуазной культуры, клеймил присущий ей дух филистерства, звал к возрождению романтизма и героики в искусстве. Он метко ополчался на торгашескую сущность буржуазно-демократических порядков, низвергал христианство, но все это делалось с сугубо реакционных позиций [92].

Главное в воззрениях Ницше — последовательный антидемократизм, нашедший наиболее полное выражение в его учении о «сверхчеловеке». Ницше считал обязательным приход диктаторов, «демонических властелинов», для которых недействительны никакие законы. Ими, при благоприятном стечении обстоятельств, становятся наиболее совершенные «человеческие экземпляры»; они вольны обращаться с историей, как скульптор с глиной, ибо «в политике все возможно и все оправданно». По мнению Ницше, рабство принадлежит к сущности культуры. Народные массы он именовал не иначе, как сбродом, чернью, стадными животными и т. п.

Отсюда вытекал тезис, будто в обществе нет и не может быть единой морали, а есть мораль господ и мораль рабов. Ницше пропаган-

[92] *С. Ф. Одуев.* Реакционная сущность ницшеанства. М., 1959.

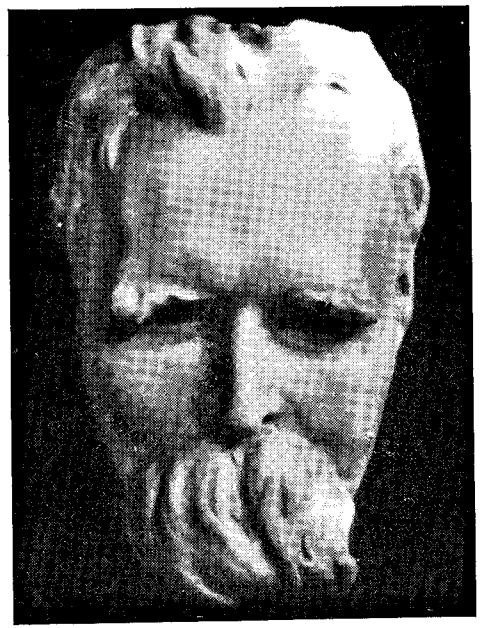
дировал принцип, согласно которому человек несет обязательства только по отношению к равным себе; по отношению же к другим он может поступать, как ему вздумается.

От подобных идей недалеко до расизма, хотя самого Ницше и нельзя назвать расистом в том смысле, какой это понятие приобрело позднее. Но отдельные стороны ницшеанства совершенно закономерно стали впоследствии одним из источников идеологии германского фашизма, который заимствовал у Ницше, в частности, звериный антидемократизм, культ «сильной личности» и безусловного преобладания грубой силы над интеллектом, освобождение от каких-либо моральных оков и т. п. [93]

Среди идеологов реакции рассматриваемого периода весьма колоритной фигурой был англичанин Хаустон Стюарт Чемберлен, волею судеб ставший немецким шовинистом, одним из духовных отцов германского фашизма. В сочинениях Х. С. Чемберлена центральное место занимали расистские мотивы, которые не ограничивались рассуждениями о превосходстве немцев над другими народами, а включали в себя требования поддержания «чистоты» германской расы. Естественно, что Х. С. Чемберлен был яростным антидемократом и безоговорочным сторонником кайзеровского режима. Одновременно с Чемберленом пропагандой расовой исключительности немцев занимался Л. Вольтман. В своей книге «Политическая антропология» он писал: «Германская раса призвана охватить земной шар своим господством, использовать сокровища природы и рабочей силы и включить пассивные расы как служебный член своего развития» [94].

Германский империализм нуждался в наукообразных «обоснованиях» для борьбы за передел мира, которую он замышлял. Одно из таких «обоснований» изложил в своих сочинениях географ Ф. Ратцель, основоположник так называемой геополитики, ставшей позднее краеугольным камнем идеологии гитлеризма. Ратцель исходил из того, что особенности государства, его характер складываются не только из свойств данного народа, но и из особенностей занимаемого им пространства. По Ратцелю, история государств и народов — это история завоевания ими тех или иных территорий. Что касается Германии, то ее положение в центре Европы и нехватка «пространства» настоятельнейшим образом диктуют переход к активной внешнеполитической экспансии [95].

[93] *Б. М. Бернардинер.* Философия Ницше и фашизм. М.— Л., 1934.
[94] *Л. Вольтман.* Политическая антропология. СПб., 1906, стр. 307.
[95] *А. М. Деборин.* К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти.— «Славяно-германские исследования». М., 1963, стр. 67—68.



Фридрих Ницше. Посмертная маска

Наряду с ницшеанством и подобными ему разновидностями агрессивной идеологии складывающегося империализма, в ней имелись и другие течения, видевшие свою центральную задачу в «опровержении» марксизма, в уловлении тех слоев населения, которые потенциально были союзниками рабочего класса и его партии. Существенную роль стремились играть в этом отношении неокантианцы (Г. Коген, Ф. Науман и др.). Называя себя последователями философской системы Канта, они на деле порвали с ней, ибо отбросили ее материалистические стороны. Итогом был субъективный идеализм. Подобная эволюция наглядно демонстрировала путь, пройденный немецкой буржуазией в XIX в.— от передовой для своего времени идеологии, отражавшей мировоззрение развивающегося класса, до идей, призванных замаскировать превращение буржуазии в реакционный класс.

Видное значение неокантианцы придавали философии истории. Их целью в этой области было доказать, будто исторический процесс лишен каких-либо закономерностей, представляя собой хаос, сплетение случайных явлений. Неокантианцы В. Виндельбанд, Г. Риккерт и др. проповедовали, что историческая наука якобы принадлежит к так называемым идеографическим наукам, вынуж-

денным ограничиваться лишь индивидуальным, особенным, неповторимым. Эта позиция отвечала потребностям господствующих классов, не заинтересованных в познании подлинных закономерностей исторического развития.

Не менее губительным для буржуазной исторической мысли было влияние философской концепции В. Дильтея (1833—1911), которую он так же, как Виндельбанд и Риккерт, пытался противопоставить историческому материализму. Дильтей рассматривал исторический процесс, как нечто иррациональное, что можно лишь постичь интуитивно; он считал достойным исследования только историю идей, развития «объективного духа», творящего все сущее. Эта концепция обобщала длительный опыт господствовавшей в Германии буржуазно-дворянской исторической школы Ранке — Зибеля [96].

Деятельность корифея немецкой дворянско-буржуазной исторической науки Л. Ранке (1795—1886) охватывает несколько десятилетий. Но апогеем ее были именно годы империи, когда Ранке стал признанным главой буржуазной исторической школы. Труды Ранке основывались на признании определяющей роли идей в истории и провиденциализме. Исторический процесс, по его мнению, был осуществлением «божественного плана». Ранке являлся одним из творцов концепции, рассматривающей государство как организм, призванный проводить «политику силы». Война, уверял он, содействует «гармоническому развитию» государства, принуждая его ко все новым усилиям [97]. Эта точка зрения стала традиционной для нескольких поколений немецких буржуазных историков — апологетов внешнеполитической экспансии Германии. Ранке поддерживал и «обосновывал» историческими аргументами политику «железа и крови», проводившуюся Бисмарком, хотя не во всем был согласен с последним (в частности, имперская конституция 1871 г. казалась Ранке слишком радикальной).

Ранке ввел в историческую науку ценное новшество — критику источников. Но сам он подчас оказывал доверие даже ненадежным свидетельствам, если они способствовали утверждению тезиса, который он стремился доказать. Классики марксизма резко отрицательно относились к Ранке и его школе, указывая, что их занятие — собирание анекдотов и «сведение всех крупных событий к мелочам и пустякам» [98].

[96] «Историография нового времени стран Европы и Америки», М., 1967, стр. 314.
[97] *О. Л. Вайнштейн.* Леопольд фон Ранке и современная буржуазная историография.— «Критика новейшей буржуазной историографии». М.— Л., 1961, стр. 130.
[98] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 352.

Ученик и последователь Ранке Г. фон Зибель (1817—1895) был идеологом малогерманской исторической школы, сыгравшей немалую роль в подготовке объединения Германии под главенством Пруссии. Зибель активно поддерживал Бисмарка и проводимую им политику и в дальнейшем как депутат рейхстага, где он выступал непримиримым противником социалистической партии, а главное, как «придворный» историограф канцлера. Он создал семитомный труд «Основание Германской империи Вильгельмом I» (1889—1894), носивший откровенно апологетический характер и в угоду Бисмарку фальсифицировавший историю объединения страны. Другим видным представителем реакционной исторической науки был Г. фон Трейчке (1834—1896); его творчество проникнуто лютой ненавистью к народным массам, стремлением представить всю историю как результат деятельности «выдающихся личностей». С этих субъективистских позиций написан и главный труд Трейчке — пятитомная «Немецкая история в XIX веке», публиковавшаяся с 1879 по 1894 г.; все успехи развития Германии в это время Трейчке приписывал прусскому государству. В политическом отношении он проделал примечательную эволюцию от умеренного либерализма к мракобесию и восхвалению милитаризма. Свои реакционные взгляды Трейчке, подобно Зибелю, отстаивал и в рейхстаге. В. И. Ленин называл Трейчке казенно-полицейским историком [99]. В конце жизни Трейчке стал сторонником Немецкой социально-антисемитской партии, возглавлявшейся пастором Штекером, полагая, что лишь с ее помощью «еще можно надеяться сломить господство... свободомыслящих и социал-демократии (!)» [100].

Трейчке был в этом смысле не одинок; антисемитизм не случайно стал широко распространяться в Германии именно в последние десятилетия XIX в., когда правящие круги увидели в нем весьма действенное орудие влияния на население в шовинистическом, милитаристском духе. Существенную роль в насаждении антисемитизма сыграл небезызвестный Дюринг, пытавшийся сочетать его с пропагандой псевдосоциалистических идей. Настойчивое распространение антисемитизма было одной из сторон идеологической подготовки к войне (и этот элемент, неизмеримо усиленный впоследствии, также вошел едва ли не главной составной частью в идеологию нацизма) [101].

[99] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 9.
[100] *H. Schleier.* Sybel und Treitschke. Antidemokratismus und Militarismus im historisch-politischen Denken grossbourgeoiser Geschichtsideologen. Berlin, 1965, S. 190.
[101] *Ф. А. Ротштейн.* Из истории Прусско-германской империи. М.— Л., 1948, стр. 204—206.

Однако и в области историографии уже сложились силы, представлявшие другую культуру — культуру трудящихся масс. Видные деятели рабочего движения публиковали исторические работы, вооружавшие немецких пролетариев правильным пониманием хода классовой борьбы в прошлом, развития революционного движения в Германии и за ее пределами. Таковы были, в частности, книга А. Бебеля «Женщина и социализм», его брошюра о Великой крестьянской войне в Германии и написанные им биографии великих социалистов-утопистов Фурье и Оуэна. Перу В. Либкнехта принадлежали серьезная работа по истории Французской революции XVIII в., биография Р. Блюма. Положительное значение имели созданные в 80—90-годах труды К. Каутского, противостоявшие буржуазным концепциям исторического процесса,— «Предшественники научного социализма», где было показано историческое значение освободительной борьбы крестьян и бедноты в средние века, и «Томас Мор и его утопия». К этим трудам примыкает и опубликованная в 80-х годах книга Э. Бернштейна «Коммунистические и демократические движения в Англии в XVII в.», содержавшая ценную для своего времени характеристику роли народных масс в Английской буржуазной революции.

В то время, как господствующие философские учения утверждали непознаваемость мира в его главных, определяющих связях, ход естественно-научных исследований (в которых была заинтересована германская буржуазия) нередко вел к выводам, разрывавшим рамки «официального» мировоззрения. Так было, например, с гениальным открытием Альберта Эйнштейна (1879—1955), сформулировавшего в 1900 г. так называемую специальную теорию относительности, основанную на принципиально новых представлениях о пространстве и времени. Открытие Эйнштейна (позднее дополненное им общей теорией относительности) подтвердило материалистическое положение, что мир познаваем и наши знания о сущности явлений становятся все более и более глубокими. К тому же, 1900 г. относится и другое крупнейшее достижение немецкой науки — начало квантовой физики, связанное с именем Макса Планка (1858—1947). Оно открыло путь бурному развитию исследований в области атомного ядра. В 80-х годах Г. Герц (1857—1894) экспериментально доказал существование электромагнитных волн, что явилось основой для развития радиотехники, и исследовал их свойства.

Важнейшее значение имело открытие немецкого физика В. Рентгена (1845—1923) — названные его именем лучи (1895 г.),— стимулировавшее развитие физики атома и нашедшее широкое применение в медицине. В области медицины немецкая наука конца XIX в. добилась и других выдающихся достижений, которыми она обязана Р. Коху (1843—1910) и его школе. Идя по

стопам Л. Пастера, Р. Кох в 1882 г. открыл туберкулезную палочку, а в следующем году возбудителя холеры. Несколько позднее немецкие ученые обнаружили также возбудителей брюшного тифа и дифтерита. Это были замечательные успехи в борьбе против болезней, являвшихся тогда бичом человечества.

Свидетельством высокого технического уровня немецкой науки было изобретение двигателя внутреннего сгорания, ставшее предпосылкой развития автомобильного транспорта, а затем и авиации. Первый такой двигатель (работавший на бензине) был построен Г. Даймлером и К. Бенцом в середине 80-х годов, но он был еще весьма несовершенен. Заслуга превращения двигателя внутреннего сгорания в высокоэкономичный агрегат принадлежит инженеру Р. Дизелю; решающее значение имело также приспособление этого двигателя к работе на тяжелом жидком топливе (конец 90-х годов). Двигатель конструкции Дизеля совершенно изменил не только лицо транспорта, но и повлиял на развитие многих отраслей промышленности, сельского хозяйства, оказал существенное воздействие на военную технику. На совершенствование последней правящие круги обращали особое внимание. Так, именно в Германии, славившейся своими успехами в области химии, были впервые начаты исследования, имевшие целью военное применение химических веществ.

Готовя материальную базу для внешней экспансии, господствующие классы не забывали и о «обработке душ». Изо дня в день насаждались шовинизм, культ военщины, ненависть к смутьянам-социалистам. В больших количествах издавались бездарные сочинения, воспевавшие победы прусского воинства над Данией, Австрией и Францией или рисовавшие картины грядущей войны, из которой Германия должна была выйти властительницей Европы. Те же цели преследовали многочисленные произведения псевдоисторического жанра, сюжеты для которых черпались из более отдаленных эпох истории бранденбургско-прусского милитаризма, связанных с именами «великого курфюрста», Фридриха II и т. п. На буржуазно-дворянскую литературу все большее влияние оказывало ницшеанство, а к концу века началось быстрое развитие декадентских течений; в творчестве ряда художников проявляются мистические настроения, иррационалистские мотивы, реалистические образы вытесняет символика.

Но литературная жизнь Германии последних десятилетий XIX в. отнюдь не исчерпывалась этими явлениями. Продолжали творить реалисты, ставшие известными еще до объединения страны,— Раабе, Фонтане, Шпильгаген.

Хотя лучшие сочинения Шпильгагена (прежде всего роман «Один в поле не воин») были созданы в 60-х годах, но он и позднее, правда уже с меньшей художественной силой, поднимает в

своих произведениях важные проблемы общественной жизни. Это и характер франко-прусской войны, послужившей темой романа «Всегда вперед», и грюндерская лихорадка, охватившая страну после победы над Францией («Бурный поток»). Фонтане именно в 80—90-х годах пишет наиболее значительные свои вещи, в которых подвергает критике буржуазные отношения, приводящие к тому, что деньги властвуют над чувствами; он ярко показывает фальшь официальной морали буржуазно-дворянского общества, безнравственность буржуазной семьи (романы «В лабиринте», «Госпожа Енни Трайбель», «Эффи Брист» — наиболее крупное достижение немецкого реализма второй половины XIX в.). Но у всех упомянутых художников отчетливо сказываются тенденция к сглаживанию социальных противоречий, поиски компромисса между иллюзиями и действительностью [102].

Реакцией на это был натурализм, выступивший на литературную арену в середине 80-х годов. Примирительным тенденциям в творчестве представителей «старого» реализма поборники натурализма противопоставили непримиримость, крайнюю резкость в отображении вопиющих пороков кайзеровского режима. Многие творения натуралистической школы пронизаны духом социальной критики и безусловно представляли собой прогрессивное явление по сравнению с бескрылым описательством и уходом в мелкотемье, характерными для большинства произведений немецких писателей второй половины века, даже если последние критически относились к окружающей действительности.

Слабость натурализма заключалась в непонимании его приверженцами природы социальных явлений, стремлении объяснить их с помощью биологических критериев, что не могло принести успеха. Не случайно натурализм был недолговечен — к концу XIX в. он уступил место другим течениям: с одной стороны, модернизму и декадентству, с другой, художникам нового реалистического направления, чье творчество вернуло немецкой литературе утраченные величие и значимость.

Наиболее ярким представителем эстетики натурализма был на первом этапе своего творческого пути крупнейший немецкий драматург Герхарт Гауптман (1862—1946). Он выступил в конце 80-х годов, как художник, остро воспринимающий социальные конфликты кайзеровской Германии. Первая же драма Гауптмана — «Перед восходом солнца», отвечавшая всем требованиям натуралистического произведения, была пронизана ощущением грядущих перемен в жизни германского общества. Еще более определенную направленность имела следующая пьеса Гауптмана «Ткачи» (1893), посвященная силезскому восстанию 1844 г.,— наиболее острое в социальном отношении произведение драматурга, постановка которого в тогдашних условиях имела большое революционизирующее значение. И в ряде других произведений — «Возчик Геншель», «Роза Бернд», «Бобровая шуба», «Крысы» и др.— Гауптман откликался на явления современной ему действительности, выступая в защиту эксплуатируемых. Но в то же время в его творчество проникают, а затем начинают играть в нем чуть ли не определяющую роль элементы символики, уводившей Гауптмана в сторону от проблем, волновавших страну.

[102] «История немецкой литературы», т. 4. М., 1968.

В канун XX в. в немецкую литературу вошли писатели, которым суждено было не только продолжить, но и поднять на более высокий уровень реалистические традиции прошлого. Назовем в первую очередь братьев Генриха и Томаса Манн. Уже первое произведение Т. Манна (1875—1955) — роман «Будденброки» (1901) было образцом реалистического решения большой социальной проблемы; на материале нескольких поколений одной семьи автор показал вырождение немецкого бюргерства, его паразитизм и моральное оскудение. Роман Г. Манна (1871—1950) «Страна кисельных берегов», появившийся в 1900 г., представлял собою острую сатиру на обитателей богатого квартала Берлина; в следующем его произведении — «Учитель Унрат» (1905) в необычайно резкой форме осуждалось немецкое мещанство — главная питательная среда милитаризма. Эти, и последующие, произведения братьев Манн, а также ряда других писателей их поколения свидетельствовали о том, что немецкая литература возвращается к темам крупного общественного звучания, содержащим важные обобщения. Борьба двух культур усиливалась и в области литературы и искусства.

12

ОТ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ К «МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

Итоги франко-прусской войны, а также другие события на рубеже 60—70-х годов создали совершенно новую ситуацию в Европе. Главным ее моментом было появление в центре континента единой Германии, взамен конгломерата немецких государств, взаимно ослаблявшихся соперничеством. Объединенная Германия по своей военной мощи превосходила другие европейские страны, а господство в ней Пруссии — давнего оплота милитаризма — создавало для соседей постоянную опасность.

СОЮЗ ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ

Одной из главных целей внешней политики Германии была изоляция Франции. Германские юнкеры и буржуазия, навязавшие Франции грабительский мирный договор и отторгнувшие от нее две провинции, не могли не понимать, что это породит стремление к реваншу; по выражению К. Маркса, аннексия Германией Эльзаса и Лотарингии превратила франко-германскую войну в **«европейскую институцию»** [1]. Возникла постоянная опасность новой войны между Францией и Германией, которая навряд ли осталась бы локальной, как это было в 1870 г., а втянула бы в свое горнило ряд других стран Европы. Правители Германии упорно старались лишить Францию возможных союзников, связывая европейские государства различными обязательствами, исключавшими сближение с Францией, а особенно — союз с ней.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 271.

В течение первых 20 лет существования Германской империи ее внешней политикой руководил Бисмарк, стремившийся, как и во внутренней политике, сочетать интересы юнкерства с интересами экономически быстро крепнувшей буржуазии. Бурный экономический подъем, который переживала страна после объединения и в ходе которого происходило перерастание «свободного» капитализма в монополистический, выдвигал перед правящими кругами Германии новые задачи. И хотя Бисмарк заявлял, что Германия «сыта» и не нуждается ни в чем, на деле вся дипломатия Бисмарка имела целью создать условия, которые обеспечили бы гегемонию империи на Европейском континенте и возможность беспрепятственно осуществлять замыслы ее господствующих классов. Выполняя эту задачу, Бисмарк обнаружил большое дипломатическое искусство, необычайную изворотливость и дальновидность.

В немецкой буржуазной литературе о Бисмарке (а она велика) преобладает точка зрения, будто внешняя политика Германии 70—80-х годов отличалась истинным миролюбием, в отдельных работах Бисмарка изображают даже в качестве родоначальника «европейской идеи» [2]. На деле, как свидетельствуют документы, во множестве опубликованные после первой мировой войны, а также архивные материалы, «миролюбие» Бисмарка было вынужденным. Он нередко вел дело к резкому обострению отношений с Францией (вплоть до непосредственной угрозы войны) и с Россией, но был в то же время трезвым политиком, предпочитавшим действовать только наверняка. В этом смысле Бисмарк безусловно превосходил представителей германской, точнее — прусской, военщины, нередко рвавшихся в бой без учета того, какова будет группировка держав, с которой пришлось бы столкнуться Германии. Для Бисмарка же это было главным: особенно его страшила возможность войны на два фронта — против России на востоке и Франции на западе.

Позиция Бисмарка по отношению к России была отнюдь не однолинейной, она во многом диктовалась враждебностью, но Бисмарк, как никто другой, понимал огромные возможности России и боялся ее. «До той поры,— писал он в ноябре 1870 г.,— пока мы не заложили лучшую и более прочную основу наших отношений с Австрией, до той поры, пока в Англии не укоренилось понимание, что своего единственного, полноценного и надежного союзника на континенте она может обрести в Германии, наши добрые отноше-

[2] См. *H. Rothfels*. Bismarck. Der Osten und das Reich. Stuttgart, 1960, S. 235; *W. Mommsen*. Bismarck. Ein politisches Lehensbild. München, 1959, S. 202—203; *G. Ritter*. Staatskunst und Kriegshandwerk, Bd. I—II. München, 1959—1960.

ния с Россией имеют для нас наибольшую ценность» [3]. Отсюда постоянное стремление Бисмарка не рвать связей с правящими кругами России, которых объединяла с германскими, в частности, обоюдная заинтересованность в развитии торговли и расширении финансовых операций, превративших Берлин в центр размещения русских займов за границей. Определенное значение имела общность интересов, обусловленная совместным участием в разделе Польши и решимостью сохранить господство над польским народом. Но еще важнее были общие реакционные устремления господствующих классов Германии и России, обоюдная заинтересованность в незыблемости существующего строя.

Это с особенной силой сказывалось в первые годы после франко-прусской войны, когда еще столь свежо было воспоминание о Парижской Коммуне и правителей каждой из европейских стран, а в наибольшей степени — абсолютистских государств, обуревал страх перед возможностью повторения парижских событий «у себя». Этим в немалой степени объясняется готовность, с которой Германия шла на укрепление связей с Россией и на установление договорных отношений между тремя крупными монархиями Центральной и Восточной Европы — Германией, Россией и Австро-Венгрией.

Расчеты германского канцлера были, как свидетельствует один из его приближенных, таковы: «Используя страх перед Интернационалом, восстановить Россию против Франции, как страны Коммуны и красных вообще, и завоевать на свою сторону Австрию» [4]. Начало было положено во время визита Вильгельма I в Петербург в 1873 г.; между Германией и Россией был заключена военная конвенция, предусматривавшая взаимную военную помощь в виде армии численностью в 200 тыс. человек в случае нападения какой-либо державы на одну из договаривающихся сторон [5]. Правда, эта конвенция не сыграла в дальнейшем существенной роли в отношениях между обеими странами. Значительно большее значение имело соглашение трех императоров, относящееся к тому же 1873 году и на ряд лет ставшее основой внешнеполитической ориентации Германии.

Соглашение трех императоров декларировало общность политики и предусматривало взаимные консультации в случае осложнения международной обстановки. Императоры обязались, «если нужно, силою поддержать европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали» [6]. Таким образом, это было соглашение на реакционной основе, в известной мере напоминающей принципы «Священного союза» [7]. Союз трех императоров представлял особый интерес для Германии, у которой в то время не было сколько-нибудь серьезных противоречий не только с Австро-Венгрией (главное противоречие между ними было решено войной 1866 г.), но и с Россией. Это давало Германии возможность стать чем-то вроде арбитра между Россией и Австро-Венгрией, которых разделяли острые разногласия по вопросу о политике на Балканах и дальнейшей судьбе балканских народов, находившихся под владычеством Турции.

Бисмарк искусно поддерживал эти противоречия, чтобы тем самым повысить значение Германии в монархическом блоке. Вместе с тем он заботился о том, чтобы борьба между Россией и Австро-Венгрией не заходила чересчур далеко. Бисмарк считал борьбу трех монархий против угрозы «антимонархического развития», против «социальной республики» более важной, чем «соперничество из-за влияния на фрагменты наций, населяющие Балканский полуостров» [8]. В случае войны между Россией и Австро-Венгрией из-за балкано-турецких дел, в которых германский капитал еще не был тогда заинтересован, Германии пришлось бы сделать весьма нежелательный выбор между своими партнерами. Между тем в будущем каждый из них мог стать союзником Франции.

Проблема изоляции Франции все острее вставала перед господствующими классами Германии по мере того, как западная соседка оправлялась от поражения. Уже в июне 1871 г., когда генерал Вальдерзее направлялся в качестве поверенного в делах в Париж, Бисмарк сказал ему, что, если готовность Франции к войне-реваншу станет очевидной, Германия не будет ждать, а сама нанесет превентивный удар на Западе [9]. В 1873 г. немецкие войска вынуждены были досрочно очистить оккупированные ими департаменты Франции, так как французы полностью внесли наложенную на них победителями 5-миллиардную контрибуцию. Характерно, что заем, выпущенный с этой целью в 1873 г., был перекрыт в 14 раз [10].

В правящих кругах Германии после этого окрепла мысль о проведении превентивной войны против Франции с тем, чтобы в зародыше подавить идею реванша и помешать созданию самих усло-

[3] «Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette 1871—1914». Bd. II. Berlin, 1924, N 225.
[4] *M. Busch.* Tagebuchblätter, Bd. II. Leipzig, 1899, S. 254.
[5] «Русско-германские отношения 1873—1914 (Документы из секретного архива б. министерства иностранных дел)». М., 1922, стр. 29.

[6] Там же, стр. 33.
[7] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк. Дипломатия и милитаризм. М., 1968, стр. 102.
[8] *O. Bismarck.* Gesammelte Werke. Bd. XV. Berlin, 1928, S. 398.
[9] *A. Waldersee.* Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1923, 8 июня 1871 г.
[10] *A. Schreiner.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik 1871—1945. Bd. I. Berlin, 1955, S. 86.

вий для его подготовки. В декабре 1873 г. Бисмарк в беседе с английским послом Расселом заявил, что, наблюдая за реорганизацией французской армии, он приходит к выводу, что не следует ждать завершения этой реорганизации, а лучше нанести Франции удар прежде, чем она будет готова к войне [11].

Стремление к превентивной войне диктовалось также серьезным ухудшением экономической конъюнктуры, наступившим в 1873 г. и порожденным внутренними противоречиями капитализма; прекращение небывалой лихорадки учредительства, вызванной французскими миллиардами, толкало правителей Германии на внешнеполитические авантюры. Первоначально кампания устрашения Франции была предпринята в 1873 г., затем такого рода «военные тревоги», направленные против Франции, повторялись периодически.

О том, насколько были серьезны намерения властителей Германии в каждом из этих случаев, не всегда легко судить, ибо для Бисмарка искусственное обострение напряженности в Европе всегда имело и другое, внутреннее назначение. Оно должно было содействовать консолидации политических партий юнкерства и буржуазии, особенно когда возникали препятствия для дальнейшего расширения армии.

Шовинистический угар, нагнетавшийся послушной Бисмарку прессой, помогал протаскивать через рейхстаг военные законы, значительно ограничивавшие парламентский контроль над ассигнованием средств на вооружение. При этом шумиха, инспирируемая Бисмарком, отнюдь не была только ответом на действительные проявления реваншистских настроений во Франции. Документы свидетельствуют о том, что в 70-е годы официальные представители Германии, аккредитованные во Франции, отрицали какую-либо реальную опасность реванша. Так, немецкий посол Арним в апреле 1874 г. писал Вильгельму I: «Для меня не подлежит никакому сомнению, что во Франции ни одно лицо, которое управляет или будет в близкое время управлять, не считает войну с Германией возможной или даже желательной в близкие годы. Эта покорность судьбе основывается единственно на убеждении, что Франции потребуется еще длительное время, чтобы она могла попробовать с шансами на успех вступить в схватку с германской армией». А его преемник Гогенлоэ с полной определенностью утверждал в марте 1875 г., что в ближайшее время о военной опасности со стороны Франции говорить не приходится [12].

[11] *E. Eyck.* Bismarck. Leben und Werk, Bd. III. Erlenbach — Zürich, 1944, S. 156.

[12] *А. З. Манфред.* Традиции дружбы и сотрудничества. Из истории русско-французских и советско-французских связей. М., 1967, стр. 90.

Это не значит, что стремлений к реваншу не было; не только Германия, но и Франция вооружалась, а в отдельные периоды, особенно со второй половины 80-х годов, реваншистская агитация приобретала во Франции весьма большой размах.

Но возможность нанести Франции превентивный удар зависела не только от воли и склонности Бисмарка. Это проявилось уже в 1873 г., когда французское правительство своевременно забило в набат и Бисмарк убедился, что реакция основных европейских держав, от которых зависело его решение, неблагоприятна замыслам Германии. Нежелание великих держав позволить Германии окончательно расправиться с Францией определялось весьма прозаическими расчетами — незаинтересованностью в дальнейшем усилении Германии, что было бы неминуемым результатом нового разгрома Франции, в исчезновении последней в качестве крупной политической силы, отвлекавшей внимание Германии от других районов. Столь резкое изменение соотношения сил было не в интересах остальных участников «европейского концерта».

«ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1875 г. И УХУДШЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

Противодействие великих держав планам Германии еще более явственно обнаружилось во время «военной тревоги» 1875 г., поводом к которой послужила подготовка во Франции нового закона об увеличении армии [13]. Еще до начала «тревоги» в Петербург был направлен один из сотрудников германского канцлера, некто Радовиц, со специальной миссией: он должен был в обмен на поддержку русских планов на Балканах добиться согласия русского правительства на новую войну против Франции [14]. Хотя миссия Радовица не увенчалась успехом, Бисмарк, широко используя подвластную ему прессу, развернул в марте — начале апреля 1875 г. шумную антифранцузскую кампанию. Инспирируемые германским правительством газеты твердили, будто новый французский военный закон через короткое время приведет к превосходству французской армии над германской. То же утверждали высшие представители правительства и армии. Так, начальник генерального штаба Пруссии Мольтке в беседе с бельгийским посланником в Берлине заявил, что, «если Франция не ограничит

[13] *А. С. Ерусалимский.* Военная тревога 1875 года.— «Уч. зап. Института истории РАНИОН», т. VI. М., 1928.

[14] *H. Holborn.* Bismarcks europäische Politik zu Beginn der siebziger Jahre und die Mission Radowitz. Berlin, 1925.

своих вооружений», война с ней «станет неизбежной». Русский дипломат Петр Шувалов, находясь проездом в Берлине, сообщал, что Бисмарк полностью разделяет мнение генерального штаба, считающего войну с Францией неизбежной [15]. Паника нагнеталась и правительственными мероприятиями, носившими как будто предмобилизационный характер (например запретом экспорта лошадей).

Внутриполитические цели, которые преследовал Бисмарк, были достигнуты полностью — «доказана» оправданность незадолго до этих событий введенного септенната. Что же касается дальнейшего, то Бисмарк уже по результатам переговоров Радовица в Петербурге увидел несвоевременность превентивной войны против Франции. Неблагоприятной для осуществления этих планов была и позиция Англии. Однако особую ярость Бисмарка (это видно из его мемуаров [16]) навлек на себя все же русский канцлер Горчаков. Как раз в период «военной тревоги» Берлин посетили царь Александр II с Горчаковым. Покидая Берлин, Горчаков телеграфировал русским послам в других европейских странах об отсутствии какой-либо угрозы миру со стороны Германии. Бисмарк, начисто отрицавший, что у Германии были какие-либо агрессивные замыслы, обвинил Горчакова в «клевете». Она заключалась в слове «теперь», которое, по утверждению Бисмарка, имелось в тексте телеграммы Горчакова (Горчаков отрицал это) об отсутствии угрозы миру [17]. Между обоими канцлерами возникла нескрываемая вражда, которая, конечно, накладывала свой отпечаток на русско-германские отношения. Но Бисмарк ненавистью к Горчакову нередко лишь прикрывал направленные против интересов России меры, особенно интенсивные с конца 70-х годов. Причины «военной тревоги» и ее обстоятельства глубоко проанализировал Ф. Энгельс в своей статье «Официозный вой о войне». Он вскрыл политические цели, которые преследовали германские правящие круги, раздувая военную истерию: они стремились заставить немецкий народ идти на новые жертвы в интересах дальнейшего укрепления прусского милитаризма. Рассмотрев действительное соотношение сил обоих государств в 1875 г., Энгельс пришел к выводу, что «истинной представительницей милитаризма является не Франция, а германская империя прусской нации» [18].

[15] «Красный архив», 1938, т. 6(91), стр. 127—128, 130—132.
[16] *Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. II. М., 1940, гл. XXVI.
[17] *А. С. Ерусалимский.* Франко-германский кризис 1875 г.— «Красный архив», 1938, т. 6(91), стр. 112—113; *А. З. Манфред.* Традиции дружбы и сотрудничества, стр. 110.
[18] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 565.

События 1875 г. не прошли бесследно для внешнеполитической ориентации Германии. С этого времени, по мнению некоторых исследователей, у Бисмарка возник тот «кошмар коалиций», который, согласно его собственному признанию, он испытывал [19]. «Кошмаром» была для него прежде всего угроза русско-французского союза, что вынудило бы Германию вести войну на два фронта.

Отсюда поиски Бисмарком новых возможностей укрепить позиции Германии в случае возникновения такой коалиции, сочетавшиеся с усилиями предотвратить ее — усилиями, которые в течение многих лет достигали цели.

Уже в это время Бисмарк и его окружение пришли к мысли о необходимости еще теснее сблизиться с Австро-Венгрией. Однако осуществление этих планов было нарушено внезапным обострением положения на Балканах в результате восстания славянского населения Боснии и Герцеговины против турецкого ига. Восстание, открывшее собой целую полосу чрезвычайно важных для народов Балканского полуострова событий, началось всего через три месяца после франко-германской «военной тревоги» и было весьма на руку германской дипломатии — оно отвлекло внимание великих держав от франко-германских отношений.

И Россия, и Австро-Венгрия стремились воспользоваться ослаблением турецкого владычества для укрепления своих позиций на Балканах. Готовясь к войне с Турцией, правящие круги царской России не могли не считаться с возможностью поддержки Турции Австро-Венгрией. Поэтому осенью 1876 г. Александр II запросил германское правительство, окажет ли оно в этом случае помощь России — аналогично тому, как поступил царизм в 1870 г., Бисмарк дал ответ лишь после повторного запроса, ответ весьма пространный, но не оставлявший сомнений, что Германия в возможном конфликте Австро-Венгрии с Россией не станет на сторону последней. Германия будет вынуждена выступить на стороне той державы, которая окажется более слабой [20]. Правда, и Австро-Венгрии было дано понять, что она не должна рассчитывать на поддержку Германии в случае, если решится на войну с Россией.

В то же время Бисмарк деятельно помогал России все более втягиваться в балканские дела, подталкивая ее на войну с Турцией, что неминуемо должно было до крайности обострить противоречия России не только с Австро-Венгрией (они были временно смягчены русско-австрийским соглашением о будущих судьбах

[19] «Русско-германские отношения 1873—1914», стр. 87.
[20] *О. Бисмарк.* Мысли и воспоминания, т. II, стр. 193; *Ф. А. Ротштейн.* Международные отношения в конце XIX века. М.— Л., 1960, стр. 85.

Балкан, заключенным в Рейхштадте в 1876 г.), но и с Англией. Разжигание противоречий и соперничества других государств было одним из наиболее излюбленных и эффективных методов германской дипломатии. В секретных документах Бисмарк не скрывал, что его цель — добиться, чтобы другие государства «были навряд ли способны участвовать в коалициях, направленных против нас» [21].

Русско-турецкая война окончилась победой России. 3 марта 1878 г. в Сан-Стефано, под Константинополем, был подписан мирный договор, предусматривавший создание большого болгарского государства. Но Англия и Австро-Венгрия (за спиной которых находилась Германия), не желая примириться со значительным возрастанием сферы влияния России, потребовали пересмотра договора на международном конгрессе.

Конгресс состоялся в Берлине летом 1878 г. Еще в феврале Бисмарк, выступая в рейхстаге, отказался быть арбитром в разгоревшемся споре держав, согласившись лишь на роль «честного маклера». В таком качестве он руководил работой конгресса, что свидетельствовало о значительно возросшем удельном весе Германской империи в международных делах. Но германский канцлер, конечно, не был «честным маклером». «На самом конгрессе и за его кулисами он плел тонкую сеть дипломатических интриг, используя существующие разногласия и разжигая новые в расчете на то, что в недалеком будущем Германская империя, ставшая крупнейшей милитаристской державой, предотвратит создание враждебных ей коалиций, сама же создаст и возглавит могущественную военную коалицию. Стратегическая цель германского милитаризма заключалась в том, чтобы, разгромив своих соперников поодиночке, установить в Европе свою гегемонию» [22].

В основном Бисмарк помогал Австро-Венгрии, с которой намеревался в ближайшем будущем вступить в союз; он также поддерживал Англию, которая добивалась от России отказа от тех или иных положений Сан-Стефанского договора. У правящих кругов царской России политика Германии вызывала растущее негодование. Они обвиняли Бисмарка в «черной неблагодарности», «измене» и других смертных грехах. Однако враждебная России политика проводилась и в дальнейшем. Германским делегатам в комиссиях, занятых уточнением новых границ на Балканах и реализацией других постановлений конгресса, было предписано придерживаться неблагоприятной для России линии поведения [23].

[21] «Die Grosse Politik...», Bd II, S. 294.
[22] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк, стр. 145.
[23] «История дипломатии», т. II. М., 1963, стр. 136.

Ухудшение русско-германских отношений вызывалось не злой волей Бисмарка или кого-либо из государственных деятелей России, оно определялось объективными причинами, в первую очередь экономическими. К концу 70-х годов начали сказываться результаты ускоренного промышленного развития Германии, а также рост капитализма в России. Россия принимала меры, чтобы оградить свою развивающуюся промышленность от колоссального наплыва немецких промышленных изделий, для которых Россия служила традиционным рынком сбыта. С другой стороны, сильнейший аграрный кризис, охвативший все страны мира, заставлял юнкерские круги Германии все более усиленно требовать закрытия германского рынка для русского хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, ввозившихся из России. Следует учесть, что в Германию направлялось около 30% всего вывоза России. До середины 70-х годов Бисмарк противился введению протекционистских пошлин, но соображения внутриполитического характера, связанные с поисками прочной опоры правительственному курсу, и стремление использовать средства, которые принесло бы взимание пошлин, для дальнейшего расширения вооруженных сил побудили германское правительство перейти к протекционизму [24]. К этому присоединились жестокие карантинные меры против ввоза русского скота, поводом для чего послужила эпизоотия (эпидемия чумы) где-то в глубине России; запрет оставался, однако, в силе и после прекращения эпидемии. Не менее важную роль в осложнении русско-германских отношений сыграло сближение Германской империи с Австро-Венгрией.

АВСТРО-ГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ОБРАЗОВАНИЕ ПЕРВОГО ВОЕННОГО БЛОКА В ЕВРОПЕ

Связь внутренней политики с внешней, весьма явная в дипломатии Бисмарка, прослеживается и в одном из центральных ее актов — заключении союза с Австро-Венгрией. И здесь главное слово принадлежало гегемону политической жизни объединенной Германии — прусскому юнкерству, интересы которого требовали сохранения многонациональной монархии Габсбургов. В случае ее распада перед Германией возникла бы проблема присоединения немецкой части Австро-Венгрии, а это значило бы резкое усиление антипрусских элементов, в первую очередь католиков и

[24] *L. Rathmann.* Bismarck und der Ubergang Deutschlands zur Schutzzollpolitik (1873/75—1879).— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1956, N 5,

либералов. Недавний опыт «культуркампфа» свидетельствовал о нежелательности подобного поворота событий и диктовал прусскому юнкерству политику сохранения Австро-Венгрии. В пользу этого говорили и экономические соображения — обеспечить целостность очень важного для германской промышленности рынка Австро-Венгрии, поглощавшего 10—12% германского вывоза, а в 90-х годах занявшего во внешней торговле Германии второе место после Англии [25]. Что же касается Австро-Венгрии, то ее толкнула в объятия Германии поддержка царской Россией балканских славян, что особенно остро проявилось во время русско-турецкой войны.

Ускорить осуществление намеченного плана Бисмарка побудило известие о предстоящей отставке министра иностранных дел двуединой монархии венгерского магната Андраши, сторонника тесного союза с Германией. Готовя заключение договора, Бисмарк искусственно нагнетал напряженность в отношениях с Россией, против которой и был задуман австро-германский союз. По испытанному рецепту вновь была пущена в ход рептильная пресса: она принялась распространять версию об угрозе Германии со стороны России. В качестве доказательства немецкие газеты указывали на сосредоточение русских кавалерийских частей на границе с Германией; при этом умалчивалось, что передислокация русских войск из южных губерний на западную границу была произведена задолго до начала пропагандистской кампании, потребовавшейся Бисмарку, чтобы подготовить общественное мнение к союзу с Австро-Венгрией [26]. Царизм, лишь незадолго до того проведший тяжелую войну против Турции, испытывавший большие внутриполитические трудности и недостаток финансовых ресурсов, не мог всерьез думать о войне против Германии.

И, как бывало всегда, когда на горизонте появлялась внешняя «угроза», Бисмарк проталкивал новый военный закон — очередной септеннат. «Нагнетание ужасов» было весьма выгодно и в этом смысле; автором газетных статей подобного содержания нередко являлся сам Бисмарк. В своем дневнике будущий рейхсканцлер Гогенлоэ записал после опубликования одного из таких произведений: «После я узнал от канцлера, что он написал эту статью лишь для того, чтобы, воздействуя таким образом на депутатов, заставить их голосовать за военный закон. Он смеялся, когда я рассказывал ему о произведенном ею впечатлении» [27].

Одна из задач, стоявших перед Бисмарком при подготовке союза с Австро-Венгрией, заключалась в том, чтобы убедить Вильгельма I в необходимости заключить союзный договор, направленный против исконного союзника и покровителя реакционной Пруссии — царской России. Германский император длительное время решительно противился этому; он исходил не только из принципов монархической солидарности Германии и России, но и из весьма трезвых практических соображений, опасаясь создания враждебной Германии коалиции с участием России. «Проектируемый договор,— написал он на одном из докладов, которыми Бисмарк буквально засыпал в эти недели императора,— *должен* бросить Россию в объятия Франции» [28]. Тем не менее Бисмарку удалось побудить Вильгельма I дать согласие на подписание договора; при этом использовались все возможные средства, включая и крайнее — угроза отставки не только самого германского канцлера, но и прусского кабинета. Вильгельм сдался и согласился даже мистифицировать своего племянника Александра II, послав ему письмо, написанное под диктовку Бисмарка, к которому был приложен фальсифицированный текст договора, лишенный главного — пункта о взаимопомощи против России [29].

Австро-германский союз, заключенный в октябре 1879 г. и являвшийся глубоко секретным актом, был первым звеном системы военных блоков, разделивших в дальнейшем крупные государства Европы и подготовивших первую мировую войну. Начало созданию этой системы положила Германия. Договор предусматривал военную помощь в случае нападения России на одного из союзников, т. е. на Германию и Австро-Венгрию, в случае же нападения какой-либо иной державы на одного из союзников другая договаривающаяся сторона обязана была соблюдать благожелательный нейтралитет. Формально австро-германский союз носил оборонительный характер. Но на деле полная неопределенность понятия нападающей стороны позволяла Австро-Венгрии или Германии объявить в нужный им момент такой стороной Россию, что превращало союз в агрессивный военный блок. Косвенно он был направлен и против Франции, ибо в случае начала франко-германской войны Австро-Венгрия была обязана соблюдать нейтралитет, благожелательный для Германии, а если бы на помощь Франции пришла Россия,— объявить ей войну [30].

Но Германия не ограничилась этим договором, окончательно лишившим Францию потенциального союзника в лице монархии Габсбургов и положившим начало образованию антирусской коалиции. Бисмарк давно имел виды на Италию, чьи отношения с Францией быстро ухудшались на почве колониального соперниче-

[25] *В. М. Хвостов.* Кризис внешней политики Бисмарка.— «Историк-марксист», 1934, № 5, стр. 36—37.
[26] Ф. А. Ротштейн. Международные отношения в конце XIX века, стр. 89.
[27] *С. Сказкин.* Конец австро-русско-германского союза, т. I. М., 1928, стр. 135.

[28] «Die Grosse Politik...», Bd. III, № 482.
[29] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 509.
[30] «История дипломатии», т. II, стр. 142.

ства. Хотя германский канцлер на Берлинском конгрессе заверил французских делегатов в поддержке их притязаний на Тунис (желая отвлечь внимание Франции от Эльзаса), германское правительство настойчиво подталкивало в том же направлении и Италию. Бисмарк стремился при этом обострить франко-итальянские противоречия и тем самым превратить Италию в своего союзника. Тактика Бисмарка увенчалась успехом после того, как во Франции в 1880 г. пришел к власти кабинет Ферри, резко повернувший руль в сторону колониальной экспансии; одним из первых шагов нового французского правительства явился захват Туниса, что вызвало у правителей Италии форменный взрыв ярости и на долгие годы определило их внешнеполитическую ориентацию.

Политическим итогом маневров Бисмарка был так называемый Тройственный союз, заключенный в 1882 г. Он предусматривал оказание Германией и Австро-Венгрией военной помощи Италии в случае нападения на нее Франции и помощь Италии Германии при нападении Франции на последнюю [31]. Формально Австро-Венгрия, как мы знаем, не была обязана поддерживать Германию в войне против Франции, а Италия — в войне против России, но можно полагать, что Германия сумела бы использовать в своих интересах скрытые возможности, заложенные в Тройственном союзе. Главное же для правящих кругов Германии, как впоследствии признал Бисмарк, заключалось в том, что «благодаря дружественной позиции Италии вся австрийская армия освобождалась для восточной границы» [32]. Еще до окончательного оформления военного блока Германии, Австро-Венгрии и Италии Бисмарк предпринял шаги к возобновлению соглашения с Россией. Подобно тому, как это имело место во времена заключения Союза трех императоров, канцлером руководило не только стремление предотвратить франко-русский союз, тем более что в первой половине 80-х годов, когда французский капитал устремился в колониальные авантюры и идеи реванша временно отошли на задний план, вероятность франко-русского сближения была невелика. Речь шла о большем — о сохранении «провода в Россию», как выражался Бисмарк, т. е. о создании условий, при которых не могла бы вспыхнуть война с ней [33]. Бисмарк отлично понимал всю опасность столкновения с Россией. «Война между Германией и Россией,— писал он, например, в 1879 г.,— явится во всех случаях, независимо от военных шансов, большим бедствием для нас, даже если Франция в ней участвовать не будет; только в самом крайнем случае, когда вопрос идет о наших важнейших интересах и наш тыл полнейшим образом обеспечен, можем мы пойти на такую борьбу» [34]. Это соображение и диктовало господствующим классам Германии осторожность в отношениях с Россией, и Бисмарк проявлял ее, ибо в те годы русско-германские противоречия, хотя уже давали о себе знать, еще не приобрели такой остроты, как через два десятилетия.

[31] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 571.
[32] *H. Poschinger.* Also sprach Bismarck, Bd. III. Wien, 1916, S. 151.
[33] *S. Kumpf-Korfes.* Bismarcks «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin, 1968.

Стремление правящих кругов Германии к урегулированию отношений совпало с намерениями царского правительства. Немалую роль играло, в частности, стремление посредством соглашения с Германией (и Австро-Венгрией), где существовал реакционный режим, укрепить внутреннее положение царизма, испытывавшего сильнейший натиск со стороны революционных сил. Наконец, царизму нужен был обеспеченный тыл в связи с ухудшением отношений с Англией на Ближнем Востоке и в Средней Азии.

Переговоры о возобновлении соглашения трех императоров были весьма сложными и длительными — они продолжались больше года, но в июне 1881 г. все же увенчались успехом [35]. Теперь это соглашение предусматривало благожелательный нейтралитет договаривающихся сторон в случае войны одного из них с какой-либо великой державой. Это обязательство распространялось также и на войну с Турцией, хотя обставлялось определенными условиями. Таким образом, Германия получала свободу рук в случае войны с Францией, а Россия — в случае войны с Турцией или Англией. Царизм привлекло не только это, но и специальная статья договора, подтверждавшая принцип закрытия Проливов, что имело для России, еще не успевшей восстановить свой черноморский флот, жизненно важное стратегическое значение [36].

Возобновление соглашения трех императоров было несомненным успехом внешней политики Германии. Используя трудности России и предоставляя ей свободу рук в тех районах, где Германия не имела непосредственных интересов, Бисмарк добился устранения России от вмешательства во франко-германские отношения. И если эта весьма выгодная для Германии ситуация не была использована ею, то прежде всего потому, что тогдашние французские правительства и не подымали вопроса о реванше, Более того, Германия оказывала в эти годы энергичную дипломатическую поддержку Франции, помогая ей все более втягиваться в различного рода колониальные предприятия, что неминуемо вело к изоляции Франции [37].

[34] «Die Grosse Politik...», Bd. III, N 713.
[35] «The Sabourov memoirs or Bismarck and Russia». Cambridge, 1929.
[36] «Русско-германские отношения 1871—1914», стр. 129—135.
[37] *W. Windelband.* Bismarck und die europäische Grossmächte 1879—1885. Essen, 1940, S. 665 и др.

Соглашение трех императоров вместе с австро-германским союзом и Тройственным союзом, созданным в следующем году, составило систему союзов, имевших целью обеспечить сохранение Германией завоеванных ею позиций в условиях, когда у нее еще не имелось ни достаточных внутренних ресурсов, ни необходимых международных предпосылок, чтобы поставить в порядок дня вопрос о новых крупных приобретениях.

НАЧАЛО КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ. ОТНОШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ

Перипетии германской внешней политики, в особенности по отношению к России, можно понять только в том случае, если учесть позицию Англии в международных делах той эпохи и значение, которое правящие круги Германии придавали позиции этой страны. Следует также иметь в виду, что политика Англии не оставалась неизменной, будучи зависимой, в числе прочего, и от того, какая из двух правящих партий находилась у власти. Бисмарк не раз предлагал Англии союз или соглашение какого-либо другого характера, подразумевая совместную борьбу против России или против России и Франции. Англия, поглощенная колониальной экспансией, отклоняла эти предложения, не желая связывать себе руки и не вполне доверяя Бисмарку, чья дипломатия отнюдь не отличалась однолинейностью и не была проникнута, как внешняя политика Англии тех десятилетий, исключительно антирусскими тенденциями [38]. Одним из побудительных стимулов к возобновлению соглашения трех императоров был для Германии приход к власти в Англии либерального кабинета во главе с Гладстоном — явным противником сближения с Германией.

Обострение англо-германских отношений в первой половине 80-х годов было связано также с началом германской колониальной экспансии; в ходе ее немцы повсюду наталкивались на соперничество и сопротивление своих более удачливых и более опытных английских конкурентов. Бисмарк предвидел это и в течение ряда лет возражал против колониальных приобретений. Но к началу 80-х годов он уступил нажиму банковских дельцов типа Ганземана, Вермана, Блейхредера, которым не давали покоя успехи их английских и французских собратьев в грабеже народов Африки и Океании.

Не последнюю роль играли и соображения внутриполитического порядка. Вот что писал, например, один из основателей «Колониального союза» князь Гогенлоэ-Лангенбург крупному промышленнику Штумму: «На мой взгляд, соответствующая колонизация была бы наилучшим громоотводом для социал-демократической опасности, которая грозит нам» [39]. К той же точке зрения склонялся Бисмарк, писавший: «Уже исходя из соображений внутренней политики колониальный вопрос является для нас жизненным вопросом» [40]. Забегая вперед, скажем, что колониальная экспансия 80-х годов не принесла ожидаемых результатов, в том числе и в смысле отвлечения внимания рабочего класса от социальных проблем. Но на заре колониальных авантюр это было трудно предугадать, и их участники были полны энтузиазма.

Еще в 70-х годах два крупнейших банка страны «Дисконтогезельшафт» и «Дейче банк» занялись кредитованием колониальной торговли [41]. В 1880 г. в Германии было основано первое колониальное общество. В том же году была предпринята попытка провести через рейхстаг ассигнования для пароходных компаний, заполучивших опорные пункты на о-ве Самоа. Она окончилась неудачей, ибо не только социал-демократы, но и представители либеральной буржуазии высказались против колониальных захватов. Тем не менее последние продолжались в нарастающих масштабах. В апреле 1884 г. Бисмарк встретился с группой финансистов, выступавших за форсирование колониальных приобретений; в их числе находился Людериц, в будущем один из главных создателей германской колониальной «империи» в Африке. На этом заседании были утверждены официальные инструкции, касавшиеся захватов в Западной Африке, и уже в августе того же года Верман торжественно рапортовал Бисмарку о присоединении Камеруна к Германской империи [42]. В 1885 г. колониальный авантюрист Петерс, захватив обширную территорию, заложил основы для другой крупной колонии рейха — Германской Восточной Африки; был присоединен к Германии район Килиманджаро [43]. Продолжалась также экспансия в Азии и Океании, которая на том этапе завершилась аннексией Маршалльских о-вов и части Новой Гвинеи.

[38] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк, стр. 99—100, 138—140 и др.; *F. Rachfahl.* Bismarcks englische Bündnispolitik. Freiburg, 1922.

[39] *M. Nussbaum.* Vom «Kolonialenthusiasmus» zur Kolonialpolitik der Monopole. Berlin, 1960, S. 51.

[40] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, S. 758.

[41] *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, стр. 43.

[42] *H. Stoecker.* Kamerun unter deutscher Kolonialherrschaft, Bd. I. Berlin, 1960.

[43] *K. Büttner.* Die Anfänge der deutschen Kolonialpolitik in Ostafrika. Berlin, 1959; F. F. Müller. Deutschland — Zanzibar — Ostafrika. Geschichte einer Kolonialeroberung, 1884—1890. Berlin, 1959.

Захваченные земли значительно превышали по своим размерам территорию самой Германии. Но заинтересованные германские капиталистические круги были недовольны добытым. Они мечтали о большем, Людериц, Петерс и др. намеревались прибрать к рукам в Африке огромную территорию от Атлантического до Индийского океана, сердцевиной которой должен был стать Трансвааль. Не случайно летом 1884 г., в разгар германских колониальных авантюр, Берлин посетил президент Трансвааля Крюгер, который вел секретные переговоры с Бисмарком[44]. В качестве своей ближайшей задачи германские колонизаторы рассматривали расширение своих владений в Юго-Западной Африке до границ бурской республики. При этом правящие круги Германии стремились использовать сложное положение Англии, находившейся тогда в острейшем конфликте с Россией в связи с продвижением последней в Средней Азии, который чуть не привел к войне между ними.

Однако, несмотря на это, Англия сразу же решительно пресекла домогательства Германии, которые грозили расстроить, во-первых, ее собственные планы создания сплошной полосы английских колониальных владений от южной точки Африканского материка до Египта, уже находившегося в ее руках, а во-вторых, ее намерения овладеть бурскими республиками. Не давая опередить себя, Англия присоединила к своим владениям Бечуаналенд, тем самым сорвав плен немцев, а также обосновалась на землях, расположенных между Трансваалем и побережьем Восточной Африки[45].

Возмущению германских экспансионистов не было предела. «Общественное мнение в Германии не потерпит долго английского чванства и узурпаторства»,— заявил Бисмарк в письме германскому послу в Англии, датированном 25 января 1885 г.[46]. Уже первая вспышка англо-германских колониальных противоречий оказалась, таким образом, весьма бурной. Длительные осложнения породило присоединение Германией части территории Новой Гвинеи, что привело к конфликту между правительствами Бисмарка и Гладстона. Урегулирование было достигнуто лишь после многомесячной ожесточенной борьбы. Выступая в марте 1885 г. в рейхстаге, Бисмарк сообщил, что лишь за один год он получил от Англии больше нот (главным образом по колониальным вопросам), чем от любого другого государства за 20 лет[46a]. Не оправдались и надежды, возлагаемые германскими капиталистами на

[44] *M. Nussbaum.* Vom «Kolonialenthusiasmus» zur Kolonialpolitik der Monopole, S. 100.
[45] *П. Дармштеттер.* История раздела Африки (1870—1918)... М.— Л., 1925.
[46] «Die Grosse Politik...», Bd. IV, N 758.
[46a] *A. Schreiner.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik, S. 120.

создание колониальной империи в Африке. Вывоз товаров, который в предмонополистическую эпоху является одним из основных стимулов к колониальным захватам, оказался ничтожно мал; расчеты на значительное смягчение социальных противоречий как результат получения огромных колониальных прибылей также не подтвердились ввиду сравнительно небольших размеров и бедности захваченных Германией земель. Заинтересованность в продолжении колониальных авантюр стала в связи с этим падать, тем более что затраты на их проведение требовали все новых ассигнований; и, хотя рейхстаг, как правило, утверждал их, это вызывало нежелательные для правящих кругов выступления представителей социал-демократии, а также некоторых депутатов-прогрессистов.

После 1885 г. в связи с серьезными изменениями в международной обстановке германская колониальная экспансия на время приостановилась. Она возобновилась позднее, уже в новых условиях «мировой политики».

БАЛКАНСКИЙ УЗЕЛ ПРОТИВОРЕЧИЙ И «ВОЕННАЯ ТРЕВОГА» 1887 г.

Англо-русский конфликт в Средней Азии закончился в 1885 г. отступлением правительства Гладстона, оказавшегося в политической изоляции; из всех крупных европейских держав оно пользовалось поддержкой только со стороны Австро-Венгрии и Италии, что было явно недостаточно на случай войны с Россией. Вскоре после этого кабинет Гладстона пал, надолго уступив место правительству консерваторов во главе с Солсбери, который считался сторонником более тесных отношений с Германией. Несколько ранее произошла смена правительства и во Франции, имевшая еще большее значение для международных отношений. Кабинет Ферри, потерпевший фиаско в своей колониальной авантюре в Индокитае, ушел в отставку, и последующие правительства, не отказываясь полностью от колониальных приобретений, вновь обратили главное внимание на европейские проблемы.

Во второй половине 80-х годов во Франции, обладавшей крупными капиталами, значительно усиливаются вооружения. В этом отношении Франция ушла далеко от того уровня, на котором она находилась в 1875 г. и который был тогда охарактеризован Ф. Энгельсом в статье «Официозный вой о войне». Конечно, Франция не представляла исключения: 80-е годы были временем повсеместного значительного роста вооруженных сил. Пример здесь,

как и прежде, показывала Германия, остававшаяся главным оплотом милитаризма в Европе. Но начало гонки вооружений внесло некоторые новые черты в обстановку, сильно увеличив возможность военного столкновения, горючий материал для которого имелся в достаточном количестве.

Это наглядно подтвердили события, вызванные новым кризисом на Балканах, развернувшимся в 1885 и последующих годах. Они нанесли смертельный удар соглашению трех императоров (которое было в 1884 г. возобновлено на трехлетний срок с изменениями, ограничивавшими обязательства России[47]). Новый взрыв противоречий между Россией и Австро-Венгрией показал, что их борьба за господство на Балканах оттеснила на второй план монархическую солидарность, общность реакционных интересов. Кризис на востоке Европы осложнился новой «военной тревогой» на Западе.

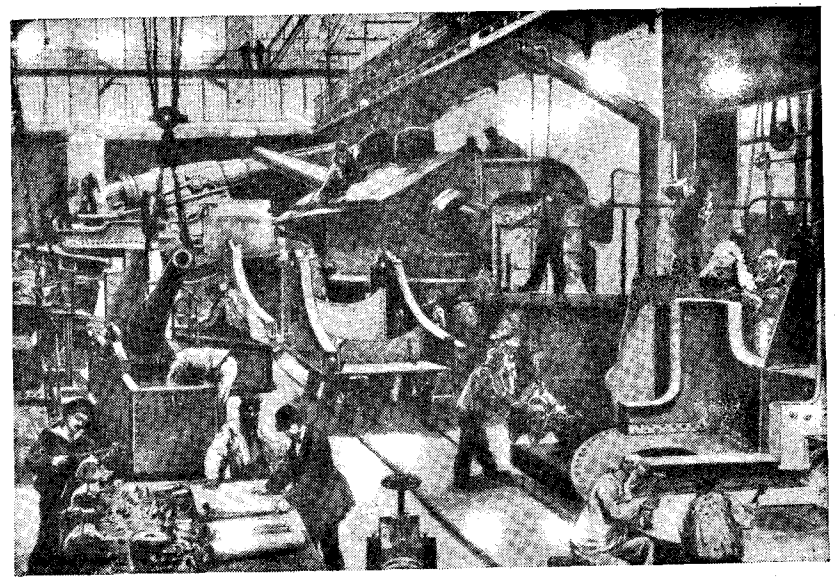
Поводом к обострению противоречий на Балканском полуострове было объединение Восточной Румелии с Болгарией, искусственно расчлененной решениями Берлинского конгресса; причина расчленения заключалась в страхе его участников, что создание крупного славянского государства резко усилит позиции России на Балканах. Стремление болгарского народа к объединению страны вызывало сильнейшее недовольство Англии и Австро-Венгрии; последняя сумела даже втравить Сербию в вооруженный конфликт с Болгарией. Болгары наголову разбили сербов.

Позиция Германии определялась в это время преимущественно одной целью — стремлением столкнуть Россию с Англией. Бисмарк всячески пытался поэтому удержать правящие круги Австро-Венгрии от открытого проявления своей враждебности по отношению к России, чтобы тем самым облегчить последней решительные действия в болгарском вопросе[48]. Это вынудило бы в конце концов Англию к выступлению против России с оружием в руках и позволило бы Германии осуществить свои замыслы по отношению к Франции.

Положение на Балканах еще более осложнилось после того, как князь Александр Баттенбергский, занимавший болгарский престол и считавшийся ставленником России, вышел из повиновения царю. Теперь царское правительство, ранее всеми силами добивавшееся расширения и усиления Болгарии, выступило за сохранение status quo, пытаясь в то же время осуществить в Болгарии переворот и даже не скрывая прямого участия своих эмиссаров в этих попытках[49].

[47] «Русско-германские отношения 1873—1914», стр. 137—145. Бисмарк вынужден был дать официальные заверения, что, пока он «является министром, нападение Германии на Францию не состоится» («Die Grosse Politik...», Bd. III, N 622).

[48] *R. F. Lucius von Ballhausen.* Bismarck-Erinnerungen. Stuttgart — Berlin, 1923, S. 323 и др.



На военном заводе Круппа. 1890 г.

Русско-английские и русско-австрийские отношения становились все более напряженными. И хотя закулисные интриги Бисмарка не могли быть абсолютным секретом для царского правительства, обстановка диктовала царизму поиски какого-либо соглашения с Германией — взамен соглашения трех императоров, о возобновлении которого уже не могло быть и речи в условиях неприкрытой вражды между двумя его участницами. Переговоры на этот счет вел русский посол Павел Шувалов, известный как безоговорочный сторонник сотрудничества с Германией.

Выше уже говорилось, что Бисмарк стремился при любых условиях сохранять какую-либо договоренность с Россией. Кроме всего прочего, согласие (пусть показное) двух монархических государств — абсолютистской России и полуабсолютистской Германии — должно было демонстрировать «незыблемость» реакционных устоев и во внутренней политике, и в международных делах. Но Германия, идя на соглашение с Россией, преследовала

[49] «Авантюры русского царизма на Балканах», Сост. П. Павлович. М., 1935.

прежде всего другие цели. Она стремилась посредством договора спровоцировать Россию на конфликт с Англией. А в этом Германия была особенно заинтересована, ибо ее отношения с Францией резко обострились.

Усиление реваншистских тенденций во Франции во второй половине 80-х годов было тесно связано с именем генерала Буланже, ставшего в начале 1886 г. военным министром. Буланже не только развернул шумную демагогическую кампанию, но и провел ряд мер по расширению и перевооружению армии. Он недвусмысленно стремился захватить власть в стране, и тогда его реваншистские устремления могли представить серьезную угрозу миру в Европе.

Деятельность Буланже, его призывы к освобождению Эльзаса и Лотарингии были совершенно безответственны ибо и в тот момент Франция не была в достаточной степени подготовлена в военном отношении к единоборству с Германией, а рассчитывать на вооруженную помощь других держав в тогдашних напряженных условиях было трудно. Известно, например, что Александр III категорически осуждал реваншизм Буланже, хотя сторонники последнего и выступали под лозунгами: «С царем, за бога, за Францию, за родину!» [50] А в ходе русско-германских переговоров о новом соглашении Петр Шувалов, прибывший в Берлин со специальной миссией, заявил, что в обмен на поддержку русской политики на Балканах царь в течение 24 часов даст письменное обязательство «о полном отказе от вмешательства во франко-германские споры, независимо от того, нападет ли Франция на Германию или Германия начнет войну против Франции» [51].

Позиция правящих кругов Германии определялась в последующие месяцы прежде всего тем, что буланжистская агитация как нельзя лучше отвечала внутриполитическим замыслам Бисмарка. Именно в конце 1886 — начале 1887 г. он вел упорную борьбу за утверждение нового септенната, который вновь встретил упорное сопротивление в рейхстаге. Парламент был распущен, и правительство развернуло крикливую шовинистическую кампанию, изображая дело так, будто предстоит непосредственное нападение Франции и единственное спасение Германии — в голосовании за реакционный блок, так называемый картель, который-де обеспечит необходимую оборону страны посредством принятия септенната. Даже такой милитарист и шовинист, как Вальдерзее, тогда заместитель начальника главного генерального штаба Пруссии, записал в своем дневнике: «Чем больше я размышляю об опасностях войны, которые канцлер считает теперь нужным расписывать, тем прочнее становится мое мнение, что все это — комедия» [52]. Но то была не только комедия. И военная верхушка, и Бисмарк полагали, что раз война с Францией неизбежна, то выгодно начать ее прежде, чем последняя завершит подготовку к реваншу.

[50] «Буланжизм и царская дипломатия».— «Красный архив», 1935, № 5(72). стр. 60.

[51] *E. Engelberg.* Deutschland 1871—1897. Berlin, 1965, S. 245.

Особенного накала «военная тревога» достигла в январе — феврале 1887 г., а ее последним отзвуком был так называемый инцидент Шнебеле в апреле 1887 г.— провокационный арест германскими властями на самой границе (а по некоторым данным, даже на французской территории) французского пограничного чиновника, прибывшего по письменному вызову своего немецкого коллеги для решения вопроса об установке упавшего пограничного столба. Расчет был на то, что французское правительство зайдет в своей реакции слишком далеко. Арест Шнебеле был подкреплен бряцанием оружия. Вальдерзее направился в Эльзас, где провел инспекторский смотр войск; генштаб настойчиво требовал войны [53].

Но французские власти проявили необходимую сдержанность, которая диктовалась, в частности, нежеланием раздувать шум вокруг персоны Шнебеле, причастного к деятельности французской разведки. Определенную роль сыграли и советы царского правительства, рекомендовавшего осторожность и не одобрявшего действий Буланже [54]. Вскоре он был уволен в отставку. И на сей раз дело до превентивной войны не дошло.

«ДОГОВОР ПЕРЕСТРАХОВКИ»

Напряженность во франко-германских отношениях, созданная усилиями и Буланже, и Бисмарка, и на этот раз принесла необходимые плоды во внутренней политике; на выборах в рейхстаг, состоявшихся в феврале 1887 г., «картель» добился победы, и сразу же после созыва нового парламента септеннат был одобрен. Предпринятый же Бисмарком зондаж в Петербурге насчет позиции России в случае германского нападения на Францию не дал тех результатов, на которые он надеялся, исходя из приведенных выше слов Шувалова. Перед лицом значительного укреп-

[52] *A. Waldersee.* Denkwürdigkeiten, Bd. I. Berlin, 1923, S. 281.

[53] *В. М. Хвостов.* Россия и германская агрессия в дни европейского кризиса 1887 г.— «Исторические записки», 1946, № 18, стр. 249.

[54] *Г. П. Морозов.* Франко-германский кризис конца апреля 1887 г. (инцидент Шнебеле) и позиция России.— «Научные записки высшей школы. Исторические науки», 1961, № 1, стр. 142.

ления Германии и ухудшения русско-германских отношений царское правительство все меньше склонно было допустить разгром Франции и не хотело связывать себя никакими обязательствами на этот счет. Заключение нового соглашения между Россией и Германией вообще было весьма проблематично; оно зависело от того, как сложатся отношения обеих стран в *системе* государств. А в ней, учитывая остроту международной обстановки, могли произойти — и происходили — существенные изменения.

Во-первых, как раз в январе — феврале 1887 г. завершились переговоры о возобновлении Тройственного союза. Новый договор между Германией, Австро-Венгрией и Италией стараниями германской дипломатии отличался в более выгодную для Германии сторону: ей удалось крепче привязать Италию к союзу обещаниями поддержки ее притязаний в Северной Африке и тем самым еще более обострить итало-французские противоречия. Во-вторых, завершилось и другое предприятие Бисмарка, над которым он настойчиво трудился с осени 1876 г. Речь идет о соглашении между Австро-Венгрией, Италией и Англией об охране status quo на Средиземном море, оформленном в виде обмена нот. Участники соглашения обязались не допускать никаких территориальных изменений во всем бассейне Средиземного моря, включая Адриатическое, Эгейское и Черное моря. Нетрудно понять, что «Средиземноморская Антанта», как ее иногда именуют в исторической литературе, была направлена прежде всего против России, а также против Франции [55].

Таким образом, Бисмарк, хотя и в весьма ограниченной степени, казалось, достиг цели, которая, по его собственному признанию, была предметом его забот в течение многих лет,— сотрудничества Англии с Тройственным союзом. И все же это никак не решало проблему союза с Англией, имевшего целью войну против России.

В конце 1886 — начале 1887 г. в правящих кругах Германии усилилось крыло, представленное прежде всего руководителями генерального штаба Мольтке и Вальдерзее, которое настаивало на превентивной войне против России; эту войну, по их мнению, надо было провести, пока Германия располагает военным превосходством. Бисмарк противился подобным планам, ибо опасался России, но и не исключал полностью такой войны, хотя она почти неминуемо вызвала бы вмешательство Франции, которая воспользовалась бы отвлечением главных сил Германии, чтобы

[55] *А. С. Ерусалимский.* Бисмарк, стр. 270; *А. Дж. П. Тэйлор.* Борьба за господство в Европе. 1898—1918. М., 1958, стр. 330.

осуществить реванш. Бисмарк допускал возможность войны с Россией только в случае участия в ней, наряду с Австро-Венгрией, Англии. Об этом идет речь во многих документах, вышедших из-под его пера, особенно в последние годы пребывания у власти, когда обнаружился крах столь тщательно созданной им системы союзов. В июне 1889 г. он писал, что целью внешней политики Германии «является пока сохранение мира, по меньшей мере до того... момента», когда «Германия завершит подготовку вооружения и амуниции; если возможно, даже до того момента, когда нынешняя относительная безоружность Англии уйдет в прошлое и можно будет больше, чем теперь, рассчитывать на содействие Англии в случае кризиса. Из этой временной потребности в мире вытекает необходимость хотя бы до того времени щадить и развивать наши отношения с Россией» [56]. Без участия Англии, писал Бисмарк осенью 1886 г., «вся тяжесть войны на два фронта ляжет преимущественно на наши плечи» [57].

Переговоры с Англией продолжались ряд лет, но не привели к каким-либо существенным результатам. Цель обоих партнеров заключалась в одном — заставить другую сторону «таскать каштаны из огня», как выражались в секретных документах и Бисмарк, и Солсбери. А так как огонь был бы уничтожающим, ни у того, ни у другого участника возможного антирусского сговора не было охоты рисковать ради интересов другой стороны, не имея ни малейшей уверенности в конечном успехе. К тому же Солсбери полагал, что, и не принимая на себя каких-либо договорных обязательств (на что английское правительство вообще шло крайне неохотно), Англия может рассчитывать на Германию в случае войны с Россией.

В подобных условиях Бисмарк форсировал заключение соглашения с Россией. Оно было подписано в июне 1887 г. и вошло в историю международных отношений под названием «договора перестраховки». Договор, срок действия которого был определен в три года, предусматривал нейтралитет участников в случае войны между одной из них с какой-либо третьей державой. Исключение делалось для случая нападения Германии на Францию и России — на Австрию. В других статьях речь шла о признании Германией «исторически приобретенных Россией прав на Балканском полуострове», особенно ее «преобладающем и решительном» влиянии в Болгарии и Восточной Румелии, и об обязательности принципа закрытия Проливов. Германия и Россия договорились «наблюдать за тем, чтобы Турция не допускала

[56] *S. Kumpf-Korfes.* Bismarks «Draht nach Russland», S. 110.
[57] См. *В. М. Хвостов.* Кризис внешней политики Бисмарка, стр. 43.

исключения из этого правила в пользу какого бы то ни было правительства». Имелся еще дополнительный и «весьма секретный» протокол, конкретизировавший те статьи договора, которые касались Балкан и Проливов. Германия обязалась здесь сохранять благожелательный нейтралитет и оказывать царскому правительству моральную и дипломатическую поддержку в том случае, если бы оно было вынуждено «принять на себя защиту входа в Черное море» [58].

Германия недвусмысленно стремилась втравить царизм в войну с Турцией. Давний замысел Бисмарка здесь был реализован с той степенью законченности, что, казалось, англо-русской войны не избежать. «Договор,— писал один из ближайших сотрудников Бисмарка по дипломатическому ведомству, Берхем,— имеет целью вызвать военные события, локализация которых крайне сомнительна... Если Россия начнет восточную войну, что и является целью договора, то...» [59]. Это многоточие весьма многозначительно.

Ведь «Средиземноморская Антанта», созданная по настоянию Германии, имела целью помешать России изменить status quo в этом районе, и, чтобы вызвать ее к жизни, Бисмарк не остановился перед прямым шантажом. Через германского посла в Лондоне Гацфельда он заявил Солсбери, что в случае его неуступчивости Германия, дабы обеспечить собственную безопасность, будет вынуждена искать соглашения с Россией насчет Константинополя и с Францией — насчет Египта. Таким образом, действия германской дипломатии были не чем иным, как откровенным провоцированием войны. Другое дело, что свой замысел Бисмарк сумел выполнить лишь наполовину — царское правительство оказалось осмотрительнее, чем этого бы хотелось правящим кругам Германии.

КРАХ СИСТЕМЫ СОЮЗОВ БИСМАРКА

Договоры, заключенные Германией или ее союзниками в течение 1887 г., были, по мнению преобладающего числа буржуазных историков — биографов Бисмарка, венцом его дипломатического искусства. Казалось при их помощи германский канцлер предусмотрел все мыслимые случаи, которые могли поколебать положение Германии в системе европейских держав и создать для нее угрозу. Бисмарка не смущало, что отдельные договоры,

[58] «Русско-германские отношения 1873—1914», стр. 147—151.
[59] «Die Grosse Politik...», Bd. VII, N 1368.

на которых стояла подпись представителей Германии, в чем-то противоречили друг другу. Так, «договор перестраховки», сохранявшийся в тайне от главной союзницы Германии — Австро-Венгрии (он стал ей известен лишь в 1896 г. в результате разоблачений со стороны находившегося в отставке Бисмарка, недовольного политикой его преемников), предусматривал нейтралитет Германии по отношению к русско-австрийской войне — за исключением случая нападения России на Австро-Венгрию. Согласно же союзному договору между Германией и Австро-Венгрией, последней фактически была обещана германская военная помощь в любом случае войны с Россией. Если вспомнить, что ни в одном из тогдашних соглашений не имелось хотя бы приблизительного определения нападающей стороны, становится ясно, что Германия установила бы свою тактику, сообразуясь не со своими различными обязательствами, а исключительно с выгодами для господствующих классов страны.

Однако внешняя политика, проводившаяся Бисмарком к концу 80-х годов, стала представляться наиболее крайним представителям юнкерства и крупного капитала устарелой, недостаточно энергичной в удовлетворении растущих аппетитов этих кругов. Объективной основой их недовольства было перерастание домонополистического капитализма в империализм. Предметом наиболее острых споров, развернувшихся в правящей верхушке Германской империи, особенно между Бисмарком и Вильгельмом II после его прихода к власти в 1888 г. (молодой император пользовался поддержкой генералитета), была политика по отношению к России. Противники Бисмарка полагали, что нет надобности сохранять с ней договорные отношения, которые лишь мешают налаживанию контактов с Англией. Именно в последнем они видели главную задачу германской внешней политики.

Эти тенденции сказались и в некоторых шагах Бисмарка, сделанных чуть ли не сразу после заключения «договора перестраховки» и отличавшихся нескрываемой враждебностью по отношению к России. Германия ответила отказом на просьбу царского правительства повлиять на Австро-Венгрию с тем, чтобы она сняла кандидатуру Фердинанда Кобургского на болгарский престол. Было проведено новое повышение ввозных пошлин на русский хлеб. Но наибольшее значение имел «совет» Бисмарка германским банкам разгрузиться от русских ценностей якобы ввиду неустойчивого состояния русских финансов. На деле эта мера являлась средством нажима на царское правительство, чтобы заставить его отменить незадолго до того принятый указ о принудительной продаже иностранцами земельных владений и об ограничении их имущественных прав в западных губерниях России. Антирусские меры были приурочены к приезду Александра III

в Берлин, что сделало еще более отчетливой остроту противоречий обеих держав, которые уже нельзя было ликвидировать никакими договорами.

Финансовый нажим, оказанный на Россию берлинской биржей, имел неожиданные для Бисмарка результаты. Царское правительство обратилось во Францию, и уже в 1888 г. парижские банки предоставили России первый заем на сумму 200 млн. руб. Для французских банкиров это было выгодное дело, не говоря уже о том, что кредиты проложили путь политическому сближению правителей республиканской Франции с царской Россией[60]. Германия не только утратила первое место в русском ввозе капитала, которое она занимала до 1887 г. Она быстро потеряла свои позиции и во внешней торговле России. Если в 1880 г. 49% русского импорта шло из Германии, то в 1889 г. лишь 33%. За период с 1880 по 1891 г. ввоз чугуна из Германии в Россию упал более чем вдвое, рельс — в 12 с лишним раз, и т. д[61].

Времена, когда Бисмарк мог заявить, что все балканские дела не стоят костей одного померанского солдата, уходили в прошлое.

Быстро складывавшийся германский империализм уже протягивал щупальца во все стороны, в том числе на Балканы и в Турцию. Большой интерес к последней проявляла и германская военщина. В 1880 г. Германия направила в Турцию военную миссию для помощи в реорганизации армии. Спустя три года туда прибыл генерал прусской службы фон дер Гольц, назначенный директором военного училища в Константинополе и принявшийся за перестройку офицерского корпуса по немецкому образцу[62]. Наконец,— и это самое главное,— началось проникновение немецкого капитала в Турцию. В 1888 г. немецкий банк получил концессию на строительство Анатолийской железной дороги протяженностью в 500 км; то было начало широко известного предприятия — сооружения Багдадской железной дороги, при помощи чего Германия окончательно привязала Турцию к возглавляемому ею военному блоку.

В основе краха системы союзов Бисмарка лежал тот факт, что она не создавала необходимых гарантий устойчивой национальной безопасности, ибо соглашения, которые он правдами и неправдами сумел заключить, были очень непрочны и могли просуществовать как цельная система лишь весьма ограниченный срок. «Мы не должны забывать,— писал Ф. Энгельс,— что двадцать семь лет хозяйничанья Бисмарка навлекли на Германию — и не без основания — ненависть всего мира. Аннексия датского Северного Шлезвига... аннексия Эльзас-Лотарингии, мелочные преследования прусских поляков — все это не имеет ничего общего с восстановлением «национального единства». Бисмарк сумел создать Германии репутацию страны, жаждущей завоеваний...»[63].

[60] *S. Kimpf-Korfes.* Bismarcks «Draht nach Russland», S. 116.
[61] *А. З. Манфред.* Внешняя политика Франции в 1871—1891 гг. М., 1952.
[62] *А. С. Силин.* Германская военная миссия фон дер Гольца в Турции в 1882—1895 гг.— «Уч. зап. по новой и новейшей истории», вып. 2. М., 1956.

Подлинные гарантии национального существования Германии могла дать только такая политика, которая основывалась бы на уважении к независимости других народов, на добрососедских отношениях с соседними государствами. Такую политику отстаивали К. Маркс и Ф. Энгельс, ее пропагандировала германская социал-демократия во главе с А. Бебелем и В. Либкнехтом. Но курс на дружбу народов органически противопоказан эксплуататорским классам, и в этом отношении господствующие классы Германии не только не уступали русским или французским, но нередко превосходили их.

«НОВЫЙ КУРС» И ПОПЫТКИ ДОСТИЧЬ СОГЛАШЕНИЯ С АНГЛИЕЙ

Разногласия со сторонниками перехода к «мировой политике» наряду с острыми спорами по поводу тактики, которую следует проводить по отношению к рабочему классу, и послужили причиной отставки Бисмарка, которая произошла в 1890 г.

Уход Бисмарка с политической арены не был простой сменой руководящего государственного деятеля, какие имели место в Германии и впоследствии. «Новый курс», провозглашенный Вильгельмом II и осуществлявшийся на первых порах новым канцлером генералом Каприви, означал изменение внешней политики господствующих классов Германской империи. Ее главной целью было теперь создать такую группировку держав, которая превосходила бы по силе Россию и Францию, вместе взятых[64]. Правда, этот курс осуществлялся без какой-либо последовательности. Начался он с отказа от продления «договора перестраховки» (переговоры на этот счет были начаты в последние месяцы пребывания Бисмарка у власти). Это соответствовало точке зрения нового императора и его советников, которые считали войну с Россией неизбежной.

Одновременно были приложены все усилия, чтобы добиться прочного соглашения с Англией. Казалось, новые правители

[63] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 413.
[64] «История дипломатии», т. II, стр. 268—269.

Германии близки к удаче. В 1890 г. обе страны договорились об обмене некоторыми владениями, что представлялось весьма благоприятной прелюдией к более крупным и важным соглашениям. За остров Занзибар Германия выторговала приращение территории своих прежних колоний на Африканском континенте, а главное, получила о-в Гельголанд в Северном море. Современники расценивали эту сделку, имея в виду выгоды английской стороны, как «приобретение нового костюма в обмен на пуговицу от старых штанов» [65]. История показала, что такого рода суждения были глубоко ошибочны: Гельголанд приобрел чрезвычайно выгодное стратегическое значение во время первой мировой войны, и английские стратеги, вероятно, не один раз сожалели о том, что клюнули на удочку преемников Бисмарка.

В 1891 г. возник замысел возобновления Тройственного союза. При этом имелось в виду осуществить то, что не удалось Бисмарку, привлечь к нему Англию. Вторая статья этого договора была целиком посвящена изложению условий, на которых Англия могла бы наиболее безболезненно для политики «блестящей изоляции» присоединиться к союзу. Различные демонстративные жесты, на что Вильгельм II был такой мастер, должны были доказать всему миру, что Германия якобы является естественной союзницей Англии, а германский император не знает большей заботы, как получше угодить своей престарелой бабушке — английской королеве Виктории.

Но правителей Англии и Германии гораздо большее разделяло, чем связывало. Общим у них была, пожалуй, лишь вражда к России, желание помешать экспансии царизма. Однако сговориться на этот счет оказалось невозможным не только потому, что Англия уклонялась от каких-либо договорных обязательств. Гораздо важнее было то, что Англия представляла собой такое государство, за счет которого только и мог поживиться и обогатиться молодой «обделенный» хищник — Германия. Это касалось всего, что составляло предмет вожделений крепнувших германских монополий: рынков сбыта для товаров стремительными темпами развивавшейся германской промышленности, источников сырья и продовольствия, колониальных владений.

Проанглийский курс внешней политики не встретил единодушной поддержки правящих кругов Германии. Против него высказывались крупные промышленники, которым сговор с Англией представлялся серьезнейшей помехой на пути развертывания экономической и политической экспансии. Их интересам противоречил разрыв с Россией, ибо они стремились использовать ее

[65] *Н. Лукин-Антонов.* Очерки по новейшей истории Германии. 1890—1914. М.— Л., 1925, стр. 167.

как гигантский рынок сбыта, что было невозможно без поддержания нормальных отношений. Юнкерство же было более заинтересовано в сближении с Англией, чем с Россией, так как последняя являлась конкурентом Германии на хлебном рынке. Надо учесть, что соотношение сил участников юнкерско-буржуазного блока не оставалось стабильным, оно менялось в пользу буржуазии, хотя юнкерству в отдельные моменты удавалось навязывать своему партнеру невыгодные для него решения конкретных вопросов, компенсируя его в каких-нибудь других областях, где проявлялась заинтересованность буржуазии [66]. Такова была основа «политики сплочения» господствующих классов Германии, приведшей ее к войне и против России, и против Англии.

Каприви, начавший с антирусских шагов, казалось, шел навстречу интересам юнкеров. Но, как в свое время Бисмарк, новый рейхсканцлер не мог не учитывать потребностей крупного капитала, превращавшегося во все более внушительную политическую силу и требовавшего от правительства обеспечения более или менее устойчивого рынка для германских промышленных изделий. И Каприви вынужден был, вопреки протестам аграриев, внять этим требованиям. Начиная с 1891 г., Германия заключила ряд торговых договоров, основанных на взаимном снижении ввозных пошлин. Первыми государствами, с которыми были подписаны такие договоры, явились Австро-Венгрия, Италия, Бельгия, в следующем году последовали Румыния, Испания, Сербия и др. Последним, но, конечно, наиболее важным из всех был торговый договор с Россией, заключенный в 1894 г. Аграрии резко выступили против договора с Россией, причем не только из экономических соображений. В связи с блокированием Каприви с левыми либералами, поддерживавшими торговую политику канцлера, юнкеры боялись потерять преобладающее влияние на государство. Развернулась ожесточенная борьба против Каприви. Во время обсуждения русско-германского договора возникла организация юнкеров — так называемый Союз сельских хозяев, который начал крикливую кампанию против канцлера, «пренебрегавшего» интересами юнкерства в таможенном вопросе. Однако договор с Россией был ратифицирован; оказывая аграриям всяческие поблажки, предоставляя им многие привилегии, юнкерско-буржуазное государство не могло в то же время не соблюдать коренных интересов капитала, интересов, с которыми были неразрывно связаны перспективы расширения экономической, а стало быть, и военной экспансии.

Тем не менее аграриям удалось свалить Каприви. В том же 1894 г. он был заменен на посту рейхсканцлера бывшим намест-

[66] *F. Klein.* Deutschland 1897/98—1917. Berlin, 1961, S. 58.

ником Эльзаса и Лотарингии Гогенлоэ. Но смысл смены канцлера сводился не только к уступке юнкерству. Еще до отставки Каприви выяснилась неудача попыток достичь сближения с Англией, добиться ее присоединения к Тройственному союзу. А в то же время политическое и стратегическое положение Германской империи серьезно ухудшилось в результате создания франко-русского союза, который был образован в 1891—1893 гг. В Европе возник второй военный блок, предотвращение которого являлось постоянной задачей Бисмарка в течение 20 лет его пребывания у власти. Военная опасность усилилась.

Уже несколько десятков лет немецкие буржуазные историки ожесточенно спорят о том, кто несет историческую ответственность за то, что Германии пришлось воевать в первой мировой войне против коалиции, в которой, в числе других, участвовала и Англия. Одни утверждают, что политики «нового курса» упустили реальную возможность привлечь Англию на сторону Центральных держав, другие отрицают, что такая возможность имелась, третьи полагают, что еще действия Бисмарка определили ту конфигурацию держав, которая воплотилась в Тройственном союзе, с одной стороны, и Антанте,— с другой [67]. И хотя во многих рассуждениях этих авторов есть доля истины, всем им, как правило, чуждо главное — понимание того, что в основе развития международных отношений рассматриваемого периода лежали эпохальные объективные процессы, сущностью которых было складывание империализма. Конечный итог дипломатической борьбы обусловливался не отдельными удачами или ошибками действующих лиц, хотя и это имело определенное значение, а реальными империалистическими интересами крупных держав.

ГЕРМАНСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ. ПЕРЕХОД К «МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

В 90-х годах внешняя экспансия германского капитализма приобрела особенно активный характер. Размеры германской внешней торговли в конце XIX в. в $2^1/_2$—3 раза превышали уровень 70-х годов [68]. Германские товары занимали первое мес-

[67] *H. Rothfels.* Bismarcks englische Bündnispolitik. Stuttgart, 1924; *F. Meinecke.* Geschichte des deutsch-englischen Bündnisproblem 1890—1901. München, 1927; *G. Ritter.* Die Legende von der verschmähten englischen Freundschaft. 1898—1901. Freiburg, 1929; *W. Schüssler.* Deutschland zwischen Russland und England. Leipzig, 1940.

[68] *Ю. Кучинский.* История условий труда в Германии. М., 1949, стр. 122.

то в ввозе России, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Швейцарии, Румынии, они успешно вытесняли английские товары и товары других европейских стран. Не ограничиваясь этим, немецкие фирмы наводняли своими изделиями гораздо более отдаленные страны, на рынке которых господствовала Англия,— Центральную и Южную Америку, государства Ближнего и Дальнего Востока. Донесения английских консулов из самых различных пунктов земного шара свидетельствовали, что английские товары зачастую не выдерживали конкуренции с германскими. Дело дошло до того, что в 90-х годах германские железные изделия продавались в самой Англии по ценам более низким, чем соответствующие английские товары.

Усиливавшаяся экономическая экспансия Германии вызывала огромную тревогу правящих кругов Англии. «Германия вступила с Англией в намеренное и смертельное соперничество и со всей силой ведет борьбу за уничтожение британского преобладания» [69],— писал один английский журналист в своей книге «Сделано в Германии», опубликованной в 1896 г. В том же духе выдержано высказывание английского премьер-министра Розбери, заявившего, что «нам угрожает страшнейший противник, который гложет нас, как море гложет рыхлые берега» [70]. Английские промышленники в поисках причин этого явления обращали внимание главным образом на второстепенные факторы — превосходную организацию германской торговой службы, знание ею особенностей того или иного рынка, умение приспособиться к покупателю, т. е. на приемы, которые английский капитал, избалованный вековой монополией, считал излишними. Подлинная же причина успехов германской внешнеторговой экспансии заключалась в превосходстве Германии над ее основным конкурентом — Англией — в технико-экономическом уровне производства, в большей степени его концентрации, значительно усиливавшей позиции Германии в конкурентной борьбе.

Интересы английской и германской буржуазии сталкивались и в области вывоза капиталов. Хотя по общему объему капиталов, помещенных за границей, Германия сильно отставала от Англии (как и от Франции), но в ряде мест ей уже удалось заметно потеснить соперников. Так, например, в Европе германские капиталовложения значительно превышали английские. Ввиду отсутствия богатых колоний германский экспорт капитала устремлялся главным образом в страны, формально самостоятельные, но слабые, которые можно было таким путем поставить в эконо-

[69] «Мировые экономические кризисы», т. I. М., 1937, стр. 243.

[70] *Н. Лукин-Антонов.* Очерки по новейшей истории Германии. 1890—1914, стр. 132.

мическую зависимость. Поэтому ареной англо-германской борьбы за вывоз капитала становились страны Азии и Латинской Америки[71].

Экономические (и политические) последствия вызова капиталов особенно наглядно видны на примере концессии на Багдадскую железную дорогу. Во второй половине 90-х годов интерес господствующих классов Германии к ней, в связи с обострением борьбы за сферы влияния, резко повысился. Из предприятия, первоначальная цель которого заключалась в получении крупных прибылей во время постройки дороги, проект постепенно превратился в орудие подчинения Турции и приобретения важных позиций с целью подрыва английского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, овладения подходами к Суэцкому каналу и сухопутными путями в Индию. Идеологи агрессии заговорили «о правах Германии» на всю Азиатскую Турцию. В 1898 г. Вильгельм II совершил поездку в Турцию и получил согласие султана на доведение дороги до Багдада[72]. Сообщение об этом было встречено правящими кругами Германии с подлинным ликованием.

К тому же времени относится захват важных позиций на Дальнем Востоке. В результате напряженной борьбы с другими державами Германии удается окончательно установить свою власть не только на островах Самоа, но и на Каролинских и Марианских. Однако несравненно бо́льшую ценность для германского империализма имело «приобретение» опорных пунктов в Китае. В 1897 г. Германия под видом «аренды» обосновалась в порту Цзяочжоу, а затем распространила свой протекторат на весь полуостров Шаньдунь. Германия была первой из европейских держав, хищнически навязавших Китаю договор, посредством которого целая провинция превращалась в вотчину иностранного капитала. Ее примеру последовали другие государства, и началась новая полоса закабаления и расчленения Китая.

Германия претендовала на обширные английские владения в Африке и стремилась предотвратить захват англичанами бурских республик; отсюда — приветственная телеграмма Вильгельма II президенту Трансвааля Крюгеру в связи с неудачей набега английского отряда на Трансвааль (начало 1896 г.), вызвавшая резкое недовольство правящих кругов Великобритании. В свою очередь английская буржуазия, уже владевшая колоссальной колониальной империей, претендовала на германские владения в Африке, наличие которых мешало осуществлению англий-

[71] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 265—267.

[72] *Г. Л. Бондаревский.* Багдадская дорога и проникновение германского империализма на Ближний Восток (1888—1903). Ташкент, 1955, стр. 111—112.

ского проекта постройки железной дороги от Каира до Кейптауна[73]. Но экономические и территориальные противоречия с Англией не сразу явно сказались в германской внешней политике. После отказа от линии на сотрудничество с Англией германская дипломатия придерживалась политики балансирования между Англией и Россией, сочетавшейся с настойчивыми попытками столкнуть оба государства друг с другом. В этом отношении дипломаты «нового курса» могли опираться на богатые традиции Бисмарка. Другим излюбленным методом из арсенала «железного канцлера», которым охотно пользовались его наследники, было подталкивание России на авантюры в удаленных от Европы районах. В отличие от прежнего Германия толкала теперь царизм не к Проливам, ибо это уже стало невыгодно германскому капиталу, а на Дальний Восток. «Ибо несомненно,— писал Вильгельм II Николаю II в 1895 г.,— что для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защита Европы от вторжения великой желтой расы»[74].

При Вильгельме II еще более, чем в прежние десятилетия, дипломатия была полностью изъята из-под парламентского контроля. Она была тайной от начала до конца. Это проявлялось даже в том, что фактическим творцом германской внешней политики после ухода Бисмарка был вовсе не император, не канцлер и не статс-секретарь по иностранным делам, а один из чиновников дипломатического ведомства, Гольштейн. Эта неприметная на вид личность, «серое преподобие», как прозвали его, зарывшись в документы и не сверяясь с реальной действительностью, без устали ткала нити искусственных хитросплетений. Балансированию между Англией и Россией Гольштейн придал даже некое «теоретическое» обоснование. «Каждое соглашение с Англией,— писал он,— уменьшает безопасность восточной границы Германии, каждое соглашение с Россией уменьшает виды на приобретение колоний»[75]. А по мере приближения империалистической эпохи вновь стала возрастать заинтересованность германского капитала в колониях. Германия не ограничивалась более районами прежней колонизации, обращая свои взоры во многие другие уголки земного шара. И повсюду препятствием для германской экспансии были владения Англии или ее преобладающее влияние. В 1895 г. Гольштейн занялся разработкой плана создания «Кон-

[73] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., гл. 2.

[74] «Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894—1914 гг.». М.— Пг., 1928, стр. 8.

[75] *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в., стр. 84.

тинентальной лиги», направленной против Англии; в нее должны были войти Германия, Франция и Россия.

Особенную остроту англо-германская борьба приобрела в связи с началом строительства в Германии мощного военно-морского флота. Создание флота было одним из важнейших элементов «мировой политики», к которой господствующие классы Германии перешли в 90-х годах и которая могла принести успех лишь за счет позиций и владений Англии. В 1898 г. рейхстаг принял обширную военно-морскую программу. Но уже в 1900 г. программа была признана недостаточной; новый проект ставил целью постройку вдвое большего числа военных кораблей. «Наша будущность — на воде»,— эта крылатая фраза, брошенная кайзером в период прохождения через рейхстаг военно-морской программы, не могла не обеспокоить правящие круги «владычицы морей», не усилить их решимости идти до конца в борьбе против опаснейшего соперника.

В 1897 г. статс-секретарем по иностранным делам стал Б. Бюлов, в дальнейшем, в 1900 г., занявший пост рейхсканцлера вместо престарелого и инертного Гогенлоэ. Бюлов был политическим деятелем новой, империалистической формации, сторонником и активным проводником экспансионистской политики, которая уже не ограничивалась узкими рамками Европы, а отражала стремления быстрорастущего империалистического хищника — кайзеровской Германии — к мировому господству. Новый статс-секретарь высказал эти замыслы уже в первых своих публичных выступлениях. «Германию,— говорил он, выступая в рейхстаге в декабре 1897 г.,— с самого начала не следует исключать из соревнования за господство над другими странами, обладающими богатыми перспективами. Те времена, когда немец одному из своих соседей уступал землю, другому — море, а себе оставлял небо, где царствует чистая теория,— эти времена прошли... Одним словом: мы не хотим никого отодвигать в тень, но и себе требуем места под солнцем» [76]. Это была излюбленная тема Бюлова и его многочисленных единомышленников; под влиянием агитации Пангерманского союза шовинистические настроения распространились весьма широко.

«Если германский орел залетел куда-нибудь и вонзил свои острые когти в землю,— заявил в 1898 г. кайзер,— то эта страна должна принадлежать Германии и навсегда останется германской» [77]. Господствующие классы Германии своими действиями подтверждали, что их стремление занять свое «место под солнцем» в деле грабежа и захватов не ограничится одними словами.

[76] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Deutschen Reichstags», 6.XII 1897, S. 60.

[77] *Б. Ишханян.* Развитие милитаризма и империализма в Германии. Пг., 1917, стр. 77—78.

13

НА ПУТИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

ГЕРМАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЕГО ОСОБАЯ АГРЕССИВНОСТЬ

На рубеже XIX и XX вв., с вступлением капиталистического мира в монополистическую стадию развития, в центре Европы сложилась сила, которой суждено было долгие годы оказывать роковое воздействие на весь ход европейской, и не только европейской, истории. Этой силой стал молодой, быстро наращивавший экономическую и военную мощь германский империализм.

В отличие от империализма английского и французского, германский империализм развивался в стране, не пережившей успешной демократической революции. Множество феодальных пережитков, отягощавших германскую экономику, налагало отпечаток на весь строй общественной жизни, придавая новейшему германскому империализму черты крайней реакционности. Союз юнкеров и крупной буржуазии, сложившийся на почве общих экономических интересов, безудержной жажды наживы и совместной вражды к рабочему движению и социализму, стал классовой основой специфического прусско-германского юнкерско-буржуазного империализма.

Хотя темпы экономического развития Германии, столь бурного в конце XIX в., несколько снизились в начале нового столетия, они все еще были весьма значительны. За 14 лет — с 1900 по 1913 г.— выплавка чугуна в Германии выросла более чем в два раза (с 8,5 млн. т до 19,3 млн. т), почти вдвое увеличилась добыча угля (со 109,3 млн. т до 190,1 млн. т), без малого втрое поднялась выплавка стали (с 6,6 млн. т до 18,3 млн. т) [1]. Уже в начале XX в. Германия по уровню промышленного производства обогнала Анг-

[1] «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I. М., 1937, стр. 259, 329.

лию и выдвинулась на первое место в Европе. Накануне войны в Германии добывалось и потреблялось железной руды, выплавлялось чугуна и производилось стали примерно вдвое больше, чем в Англии — стране, еще совсем недавно являвшейся промышленной «мастерской мира» [2]. Так Германия, бывшая всего лишь несколько десятилетий тому назад, по выражению В. И. Ленина, «жалким ничтожеством» по сравнению с тогдашней Англией [3], стремительно выдвинулась в ряды перворазрядных империалистических держав и продолжала неудержимо увеличивать свое экономическое могущество.

Преимущественный рост тяжелой промышленности в немалой степени объяснялся возросшими нуждами германского милитаризма, потребностями военного производства, гигантски разраставшейся военной машины. Взращенный столетиями, запятнавший себя международным разбоем и насилием, прусский милитаризм был поставлен империалистической буржуазией Германии на службу ее экспансионистским планам и захватническим целям.

Вместе с дальнейшим развитием промышленного производства завершилась перестройка экономической структуры Германии. Гигантские монополистические союзы, тесно связанные с крупнейшими банками, прибирали к своим рукам целые отрасли промышленности, в первую очередь тяжелой, становились безраздельными хозяевами экономической жизни страны.

В 1910 г. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат концентрировал 95,4% производства угля в своем районе. Мощные монополистические союзы возникли в металлургической промышленности: в 1904 г. был создан Стальной синдикат, в 1910 г.— Железный синдикат. Такие могущественные компании, как концерны Круппа и Тиссена, Гельзенкирхенское горное общество, горнозаводское и металлургическое общество «Феникс» и некоторые другие, оказывали решающее влияние на всю экономическую жизнь страны [4]. В электротехническом производстве с 1908 г. установилась «кооперация» между двумя колоссами — АЭГ (Всеобщее электрическое общество) и «Сименс-Гальске и Шуккерт». Далеко зашел процесс концентрации в химической промышленности, в морском торговом и пассажирском судоходстве, которое почти полностью захватили два крупнейших общества: «Гамбург — Америка» и «Северогерманский Ллойд». Даже по преуменьшенным данным, общее число картелей в Германии выросло с 385 в 1905 г.

[2] См. *Ю. Кучинский.* Очерки истории германского империализма. М., 1952, стр. 24.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 417.
[4] *F. Kestner.* Der Organisationszwang. Berlin, 1912, S. 11.

до 550—600 в 1911 г. Видную роль играла Германия в образовании международных монополистических союзов и в разделе мира международными монополиями; число таких компаний с участием германского капитала уже в 1909 г. достигало сотни [5]. Бурными темпами развивалась германская внешняя торговля. Только за четыре года — с 1909 по 1913 г. — экспорт увеличился более чем на 60%. Немецкие капиталисты имели возможность широко прибегать в борьбе с конкурентами к демпингу и завоевывать важные позиции на мировых рынках. По ряду отраслей Германия занимала накануне войны ведущее место в мировой торговле. Так, ей принадлежало первое место в мире по вывозу изделий электротехнической промышленности.

Накануне мировой войны явственно определилась одна из характернейших особенностей германского империализма — очень широкий охват монополиями всего хозяйства страны, высокая организованность финансового капитала. Сравнивая Германию периода до первой мировой войны с США, В. И. Ленин указывал, что Германия «была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении, но в отношении организованности финансового капитализма, в отношении превращения монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм — Германия была выше Америки» [6].

Все бо́льшую роль в экономической жизни страны играли крупные банки, становившиеся всесильными монополистами. К 1907—1908 гг. девять мощных берлинских банков сконцентрировали половину всех вкладов (крупнейшие из них — «Дейче банк» и «Дисконтогезельшафт») [7]. Быстро рос вывоз германских капиталов за границу, в особенности в страны Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и Южной Америки. В 1900 г. германские вложения за границей составляли 15 млрд. марок — почти в три раза меньше английских и в полтора раза меньше французских. В 1914 г. германские вложения достигли уже 35 млрд. марок — около половины английских и более $^2/_3$ французских [8].

К началу мировой войны экономическая власть и громадное политическое влияние в стране сосредоточились в руках представителей 300 финансовых магнатов — некоронованных королей империалистической Германии А. Тиссена, Э. Кирдорфа, Г. Круп-

[5] *R. Liefmann.* Kartelle und Trusts und die Weiterbildung der volkswirtschaftlichen Organisation. Stuttgart, 1910, S. 30.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 38, стр. 157.
[7] *A. Lansburgh.* Fünf Jahre deutsches Bankewesen.— «Die Bank», N 8, 1913, S. 728; *Г. Хальгартен.* Империализм до 1914 года. М., 1961, стр. 115.
[8] *J. Kuczynski.* Die Geschichte der Lage der Arbeiter unter dem Kapitalismus, T. I, Bd. 4. Berlin, 1967, S. 86.

па, Г. Стиннеса, А. Баллина, братьев Маннесман и др., широчайшим образом использовавших в своих интересах государственную власть. В Германии, по характеристике В. И. Ленина, гигантская сила капитализма соединялась с «гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма» [9].

Как и в других капиталистических странах, развитие экономики в Германии шло неравномерно. За периодом интенсивного промышленного подъема 90-х годов XIX в. последовал жестокий экономический кризис 1900—1902 гг., с большой силой поразивший промышленность страны. В 1907 г. наступил новый кризис, после кратковременного подъема в 1913 г. последовал новый спад. Он предвещал наступление очередного кризиса, прерванного, однако, мировой империалистической войной.

Но кризисы и падение темпов промышленного развития мало влияли на прибыли монополистического капитала. Они продолжали расти. Прибыль Стального синдиката, например, составила в 1907 г. 89% к капиталу, прибыль Круппа на постройке каждого корабля равнялась 60 млн. марок, или 113%, общая же сумма монопольных прибылей составила в 1913 г. 15 млрд. марок [10].

Выдвижение Германии в число передовых капиталистических держав не соответствовало ее положению как колониальной державы. К 1914 г. Германия имела «только» 2,9 млн. кв. км колониальных территорий — в 3,5 раза меньше Франции и в 11,5 раз меньше Англии. В германских колониях насчитывалось 12,3 млн. рабов — в 4,5 раза меньше, чем у Франции, и в 32 раза меньше, чем у Англии [11]. Быстро развивавшемуся германскому империализму становилось «тесно» в его владениях. В порядок дня был поставлен вопрос о насильственном переделе мира в соответствии с изменившимся соотношением сил крупнейших империалистических держав.

Стремительный экономический подъем Германии, значительная концентрация ее промышленности и высокая организованность финансового капитала в условиях, когда мир был уже поделен и на долю Германии досталось сравнительно мало колониальных владений, настоятельно побуждали германский империализм к резкому усилению внешней экспансии. Интенсивное использование хорошо налаженной милитаристской машины также придавало германскому юнкерско-буржуазному империализму черты

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 83.
[10] *Б. Н. Михалевский.* О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны.— «Вопросы истории», 1955, № 1, стр. 102—103.
[11] *Н. Лукин-Антонов.* Очерки по новейшей истории Германии 1890—1914 гг. М.— Л., 1925, стр. 141.

особой агрессивности, а методам его внешней политики и дипломатии — особенно провокационный, вероломный и брутальный характер. В результате против старой группы капиталистов — англо-французской — в конце XIX — начале XX в. быстро выдвинулась другая группа, по словам В. И. Ленина, «еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию, превращающую старый капитализм, капитализм эпохи свободной конкуренции, в капитализм гигантских трестов, синдикатов, картелей» [12].

ОБОСТРЕНИЕ АНГЛО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ. МОРСКИЕ ПРОГРАММЫ ТИРПИЦА

С конца XIX в. в системе межгосударственных противоречий ведущее место все более занимал англо-германский антагонизм. Углубляясь и обостряясь, этот антагонизм способствовал окончательному оформлению двух гигантских военно-политических группировок — Тройственного союза и Антанты и их столкновению в жестокой схватке во время мировой империалистической войны 1914—1918 гг.

Один из главных узлов противоречий между Германией и Англией лежал на Балканах и Ближнем Востоке. Сооружение Багдадской железной дороги играло решающую роль в экспансионистской политике германского империализма. Подчиненной Турции отводилась роль трамплина для дальнейшего натиска немцев на страны Востока, «мирного» проникновения в них, а если потребуется, то и завоевания их силой. Пангерманцы мечтали о создании великой империи с территорией от устья Рейна через Европейский континент до Передней и Центральной Азии, от Северного моря до Персидского залива и преддверия Индии.

Германские и английские интересы сталкивались и в других районах мира. Германский империализм проникал в Африку, Южную Америку, в Азию, в особенности в Китай, повсюду вступая в конфликты со своим английским соперником, уже проникшим на все континенты.

Главным орудием мировой политики германские монополисты считали сильный военно-морской флот и были крайне заинтересованы в скорейшем его создании. Душой планов морских воору-

[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 83.

жений были адмирал фон Тирпиц, занимавший пост руководителя военно-морского ведомства, и кайзер Вильгельм II, одержимый идеями «особой миссии» немцев. Эту программу энергично поддерживал Бюлов, с 1900 г. канцлер Германской империи. «Сильный германский флот это для нас вопрос жизни»,— постоянно твердил Вильгельм II с 1898 г., когда Германия приступила к строительству флота [13]. Германский военно-морской флот занимал тогда пятое место в мире, уступая не только флотам Англии, Франции, США, но также и царской России [14]. Имея могущественную сухопутную армию, Германия располагала в основном кораблями береговой обороны.

В начале века положение стало меняться. Воспользовавшись англо-бурской войной, германское правительство еще до завершения первой морской программы внесло в 1900 г. в рейхстаг новый закон, предусматривавший значительное увеличение темпов и масштабов строительства военных кораблей. По этому закону германский флот должен был состоять из 32 линейных кораблей, 11 тяжелых и 34 легких крейсеров и около 100 миноносцев, не считая резервной эскадры из 4 броненосцев, 3 тяжелых и 4 легких крейсеров [15].

Приступая к созданию мощного флота, германские политики рассчитывали с его помощью прежде всего заставить Англию пойти на значительные колониальные уступки. Предусмотренная законом 1900 г. обширная 20-летняя программа выполнялась с непреклонностью и пунктуальностью. Встревоженные быстрым ростом германского морского могущества, английские политики разрабатывали планы неожиданного нападения на неокрепший еще германский флот с целью уничтожения его в самом зародыше. Эти планы не были осуществлены, но они вызывали большое беспокойство в Германии.

С 1906 г., когда Англия спустила на воду первый сверхмощный военный корабль «Дредноут», морское соперничество Англии и Германии вступило в новую фазу, приняв еще бо́льшие размеры. В 1906 и 1908 гг. германский рейхстаг утвердил дополнения к морской программе, рассчитанные на ускорение и увеличение строительства мощных военных судов. Согласно принятому в апреле 1908 г. четвертому морскому закону, срок службы линейных кораблей сокращался с 25 до 20 лет, в связи с чем в 1908—1917 гг. подлежало замене 17 линейных кораблей и 6 крупных крейсеров. До 1912 г. предполагалось закладывать ежегодно по 4 линейных корабля типа «Дредноут» [16].

[13] Цит. по: *Б. Ишханян.* Развитие милитаризма и империализма в Германии. Пг., 1917, стр. 217.
[14] *А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян.* На путях к мировой войне 1914—1918 гг. М., 1940, стр. 43.
[15] Reichstag, 1898/1900. Anlageband VII, S. 5429.

Англия ответила принятием дополнительной программы военно-морского строительства. Было намечено закладывать на каждый строящийся Германией крупный военный корабль два английских. В 1912 г. английское морское министерство приняло решение о строительстве такого числа дредноутов, чтобы всегда иметь их на 60% больше, чем Германия.

В 1913 г. Германия имела уже 399 боевых единиц, общим водоизмещением 1,9 млн. т [17]. Она стала второй морской державой мира, хотя в мощи военного флота еще значительно уступала Англии.

Создание сильного военно-морского флота, требовавшее колоссальных средств и сопряженное с риском войны против Англии, встречало оппозицию прежде всего со стороны партии рабочего класса — социал-демократии. В жарких парламентских схватках, в прессе и на многочисленных народных собраниях вождь партии Август Бебель и другие видные ее представители со всей энергией выступали против начатой правящими кругами Германии безумной гонки морских вооружений. В оппозиции оказалось и немалое число представителей имущих классов. Планам создания такого флота противились юнкеры, видевшие главную задачу в укреплении германской сухопутной армии. Против этих планов выступала и часть буржуазии, заинтересованная в торговле и мирных отношениях с Англией.

ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА ПОСЛЕ КРИЗИСА 1900—1902 гг.

Переход к империализму означал также новый этап в экономическом наступлении господствующих классов на широкие массы немецкого народа. Монопольные цены на товары и увеличение военных расходов вели к росту дороговизны жизни и налогового бремени, т. е. ко все большему падению реального денежного дохода большинства рабочих. Уровень заработной платы массы немецких рабочих далеко не соответствовал возраставшей стоимости жизни. В 1903—1914 гг. фактическая заработная плата рабочей семьи в среднем была на 10% ниже ее прожиточного минимума. Отдельные категории взрослых рабочих имели еще меньший заработок. Во многих пролетарских семьях

[16] *А. ф. Тирпиц.* Воспоминания, М., 1957, стр. 227.
[17] *Б. Ишханян.* Развитие милитаризма и империализма в Германии, стр. 225.

вынуждены были работать не только мужчины и их жены, но и дети.

В упорной экономической борьбе немецкие рабочие завоевали себе к началу XX в. средний 11-часовой рабочий день. Однако нередки были случаи, когда рабочий день продолжался значительно дольше. Росла интенсификация труда. Постоянная безработица, крайне тяжелые жилищные условия, рост заболеваний — таковы были симптомы обнищания многих рабочих, особенно разительного на фоне роста богатств господствующих классов. Ухудшалось также положение средних слоев — мелких предпринимателей, ремесленников, широких масс крестьянства, страдавшего от безземелья и гнета юнкеров, кулаков, финансового капитала.

Одновременно шло выделение небольшой прослойки «рабочей аристократии», поставленной финансовым капиталом в привилегированное положение и поэтому стремившейся к «классовому миру», к союзу с буржуазией. «Рабочая аристократия» вносила в рабочее движение буржуазную идеологию, раскалывала рабочий класс, ослабляла его силы. Она явилась основной социальной базой ревизионизма и реформизма в германской социал-демократии.

В прусско-германском монархическом полицейском государстве трудящиеся страдали не только от экономической нужды, но и от политического бесправия. Вся общественная жизнь несла на себе отпечаток господства реакционной военщины — этого «государства в государстве», прусской милитаристской касты, оказывавшей сильное влияние на политику двора Вильгельма II и кайзеровского правительства. Осуществляя интенсивную подготовку к войне за передел мира, военщина, юнкеры, монополисты стремились не только создать мощный военно-экономический потенциал, но и укрепить политический тыл на случай войны, ликвидировать демократические завоевания немецкого народа. Ухудшались избирательные системы в отдельных землях, муниципалитетах, под угрозой находились всеобщее право выборов в германский рейхстаг, право коалиций и т. д.

Атаки реакции встретили энергичный отпор. Бурю негодования в массах вызвало известие о внесении правительством Бюлова в рейхстаг еще в конце 1901 г. проекта нового таможенного тарифа, значительно повышавшего ввозные пошлины на сельскохозяйственные товары и удорожавшего их. Германская социал-демократическая партия показала себя тогда активным борцом за интересы народа, она выступила организатором и руководителем широкого движения протеста. Были распространены сотни тысяч листовок; петицию против тарифа, направленную в рейхстаг, подписало около 3,5 млн. человек. Социал-демократическая фракция устраивала в рейхстаге обструкции при

обсуждении законопроекта, но воспрепятствовать принятию его не смогла [18].

Оживление рабочего движения в Германии в те годы нашло свое выражение в росте стачечной борьбы. Рабочие различных профессий в различных промышленных центрах и районах Германии добивались повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий труда. Только за два послекризисных года (1903—1904) в германской промышленности произошло, по неполным данным, 2907 экономических конфликтов против 2440 за три предыдущих года кризиса. Увеличилось и число участников этих конфликтов. Общее число бастовавших и подвергшихся локаутам рабочих в 1900—1902 гг. составило, также по неполным данным, 220 тыс. человек, а в 1903—1904 гг.— около 260 тыс. человек, т. е. возросло почти на 20% [19].

Самым упорным и острым из всех экономических боев немецкого пролетариата того времени была знаменитая стачка ткачей Криммитчау. Полгода (с августа 1903 г. по январь 1904 г.) мужественно и стойко боролись свыше 7 тыс. ткачей этого саксонского городка, добиваясь облегчения невыносимых условий труда, требуя от хозяев сокращения рабочего дня с 11 до 10 часов и повышения заработной платы. Ни запугивания хозяев, ни злобная клеветническая кампания буржуазно-юнкерской прессы, ни жестокие расправы судов над активными стачечниками, ни грубый произвол наводнившей Криммитчау полиции — ничто не могло сломить боевой дух рабочих. Во многих городах Германии состоялись собрания солидарности с ткачами, повсюду начался сбор средств в их пользу. На помощь стачечникам приходили крестьяне из окрестных деревень, снабжавшие рабочих продовольствием. Только неожиданное и вызвавшее возмущение рабочих решение профсоюзных лидеров прекратить стачку оборвало упорную и мужественную борьбу ткачей Криммитчау [20].

Стачка в Криммитчау свидетельствовала о начинавшемся подъеме рабочего движения в Германии, она явилась как бы предзнаменованием наступления полосы острых классовых столкновений. Это подтвердили также результаты состоявшихся в июне 1903 г. выборов в рейхстаг, которые принесли социал-демократии небывалый успех. Число голосов, поданных за ее кандидатов, увеличилось по сравнению с предыдущими выборами (1898 г.) почти на 900 тыс. Более 3 млн. избирателей голосовало

[18] *F. Klein.* Deutschland 1897/98—1917. Berlin, 1961, S. 93 ff.
[19] *D. Fricke.* Zur Organisation und Tätigkeit der deutschen Arbeiterbewegung 1890—1914. Leipzig, 1962, S. 261.
[20] См. *Б. А. Айзин.* Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века. М., 1954, стр. 83—89; «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2. Berlin. 1966, S. 76—77.

за представителей социал-демократии, пославшей в рейхстаг 81 депутата (против 56 в 1898 г.) [21].

На развитие рабочего движения в Германии, как и в других странах Запада и Востока, все большее воздействие оказывала революционная борьба героического рабочего класса России. Задолго до начала русской революции 1905—1907 гг. стало развиваться движение братской солидарности немецких рабочих с революционным российским пролетариатом. В 1900—1902 гг. немецкие социал-демократы помогали печатать в Германии и переправлять в Россию ленинскую «Искру» и другую нелегальную литературу, а также оружие [22]. На рабочих собраниях ораторы приветствовали занимавшуюся на востоке зарю народной революции, гневно клеймили кровавый царизм и реакционные полицейско-бюрократические порядки в Германии. Возмущение передовых немецких пролетариев вызывала политика полицейского сотрудничества прусских и русских властей в борьбе против «революционной угрозы», вылавливание в Германии и высылка на расправу царю русских революционных эмигрантов, преследование немецких рабочих, поддерживавших русских революционеров.

Стремясь помочь царизму в его борьбе против угрозы революции и рассчитывая нанести удар рабочему движению в собственной стране, прусская реакция устроила летом 1904 г. в Кёнигсберге процесс над девятью немецкими социал-демократами, привлеченными к суду за пересылку в Россию нелегальной революционной литературы. Кёнигсбергский процесс вызвал большое возмущение немецких рабочих. Выступая на одном рабочем собрании, К. Либкнехт, принимавший участие в процессе в качестве защитника, призывал немецких рабочих оказывать еще более активную помощь русским товарищам, «чтобы в ближайшее время можно было воскликнуть: царизм уничтожен, да здравствует русская свобода!» [23]

ПОДЪЕМ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Весть о зверской расправе царя над мирным шествием рабочих Петербурга 9(22) января 1905 г. глубоко взволновала рабочих всей Германии. В стране широко развернулось массовое дви-

[21] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 43. Jg. Berlin, 1913, S. 328.
[22] *К. Штреб.* Ленин в Германии. М., 1959, стр. 17; см. также: *B. Brachmann.* Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895—1914. Berlin, 1962, S. 13 ff.
[23] Цит. по: Reichstag, Bd. V. 5. Dezember 1904, S. 3374.

жение солидарности с рабочим классом России. Немецкие рабочие приветствовали начавшуюся в России революцию. «В победе над царизмом, которую теперь призван одержать русский рабочий класс,— писала тогда левая социал-демократическая газета «Лейпцигер фольксцейтунг»,— международный пролетариат видит предпосылку своей собственной победы над капитализмом. Русская победа есть немецкая победа, есть европейская победа, есть интернациональная победа!» [24]

Начало русской революции совпало в Германии с периодом высокой экономической конъюнктуры, благоприятствовавшей подъему экономической борьбы немецкого пролетариата, росту его стачечного движения. За два года (1905 и 1906) в забастовках, по далеко не полным данным, приняло участие свыше 800 тыс. человек — почти столько же, сколько за предыдущие 15 лет. В одном только 1905 г. в Германии бастовало свыше полумиллиона человек [25].

Возросший боевой, наступательный дух немецких рабочих ярко проявился в самой крупной забастовке того времени — всеобщей стачке рурских горняков, доведенных до отчаяния нуждой и жестокой эксплуатацией на шахтах Рейнско-Вестфальского каменноугольного синдиката. Когда хозяин одной из шахт магнат Стиннес объявил об очередном увеличении рабочего дня на полчаса, это переполнило чашу терпения. Тщетно профсоюзные лидеры пытались воспрепятствовать провозглашению стачки. Со стихийной силой, подобно пламени, мощная забастовка в течение нескольких дней января 1905 г. распространилась на весь угольный район, захватив свыше 200 тыс. шахтеров. В ходе борьбы сложилось единство действий рабочих, входивших в разные профсоюзы — социал-демократические, христианские, гирш-дункеровские, польские, а также «неорганизованных» пролетариев.

Встревоженное необычайным размахом стачки, прусское правительство поспешило внести в ландтаг законопроект насчет реформы горного производства. Этим воспользовались профсоюзные лидеры, принявшие к великому возмущению рабочих решение о прекращении забастовки [26].

В годы русской революции страстными пропагандистами ее неоценимого опыта, ее уроков для западноевропейского рабочего движения выступали в Германии революционные вожди пролетариата, виднейшие представители левого крыла социал-демократии Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Франц Меринг и др. Деятельность этих выдающихся теоретиков и руководите-

[24] «Leipziger Volkszeitung», 23.I 1905.
[25] *D. Fricke.* Zur Organisation und Tätigkeit..., S. 257, 261.
[26] *D. Fricke.* Der Ruhrbergarbeiterstreik von 1905. Berlin, 1955.

лей рабочего класса была ярким воплощением высоких идеалов и славных боевых традиций революционного немецкого пролетариата. Она приобретала большое значение не только для германского, но и для всего международного рабочего движения. Вожди левых звали немецких рабочих перенимать боевой опыт пролетариев России, следовать их примеру. «Учитесь у русской революции!» — провозглашала Р. Люксембург [27].

Одно из центральных мест в рабочем движении Германии с этого времени занял вопрос о тактике, формах и методах борьбы пролетариата, о массовой политической стачке, которую немецкие рабочие называли «русским средством» борьбы. Левые социал-демократы горячо пропагандировали это могучее боевое средство. Они выступали против оппортунистических лидеров социал-демократии, которые с высокомерием относились к борьбе пролетариата России, считали революционную массовую стачку неприменимой на Западе.

Вопреки воле профсоюзных оппортунистов вопрос о массовой стачке, о возможности ее применения в Германии, об уроках русской революции стал предметом страстных дискуссий. Учитывая революционные настроения масс, съезд Социал-демократической партии Германии в Иене в сентябре 1905 г. по предложению вождя партии А. Бебеля признал массовую политическую стачку одним из важнейших средств борьбы [28]. В этом факте, как отмечал В. И. Ленин, также проявились влияние русской революции и происходивший под ее воздействием рост боевых настроений зарубежного пролетариата [29].

Правители Германии делали все, чтобы не допустить проникновения идей русской революции на Запад, чтобы помочь царизму поскорее потушить революционный пожар. На восточной границе была сосредоточена многотысячная, готовая к выступлению армия. Прусские правительственные чиновники деятельно обсуждали вопрос о мерах предотвращения массовой стачки германского пролетариата в случае контрреволюционного похода западных держав в Россию.

Между тем массовое движение немецкого пролетариата продолжало расти, приобретая все более ясно выраженный политический характер. В период решающих боев русской революции в октябре — декабре 1905 г. в Германии началось широкое движение за введение всеобщего избирательного права по выборам в ландтаги отдельных земель. В конце 1905 — начале 1906 г. по всей стране

[27] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands». Abgeh. zu Jena, 1905. Berlin, 1905, S. 321.
[28] Ibid., S. 143.
[29] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 323.

прошли сотни рабочих собраний, выдвинувших это требование. В Саксонии состоялись многотысячные демонстрации, сопровождавшиеся стычками с полицией. Рабочие Гамбурга в ответ на посягательство на их избирательные права провели 17 января 1906 г. первую в истории Германии полдневную массовую политическую стачку. На улицах Гамбурга сооружались баррикады [30].

Немецкие рабочие требовали от руководства социал-демократической партии проведения по примеру русского пролетариата всеобщей политической стачки для завоевания демократического избирательного права во всех землях Германии. «Идея массовой политической стачки... охватила немецкий пролетариат как лесной пожар»,— писала в те дни «Лейпцигер фольксцейтунг» [31].

Однако массовое движение за демократизацию политического строя не увенчалось успехом. Реакция в Пруссии упорствовала, не желая идти ни на какие уступки. Но основной причиной неудачи массовой борьбы за всеобщее избирательное право была политика оппортунистических лидеров социал-демократической партии и «свободных» профсоюзов.

В конце XIX и первые годы XX в. германская социал-демократическая партия еще была революционной партией немецких рабочих, верной своим славным боевым традициям 70—80-х годов XIX в. На своих съездах в Любеке (1901 г.) и Дрездене (1903 г.) партия вновь отвергла буржуазно-либеральную ревизию марксизма, предпринятую Э. Бернштейном и его единомышленниками, пытавшимися навязать партии реформистскую, соглашательскую тактику. Как отмечал позднее, в 1920 г., В. И. Ленин, германская социал-демократия была в тот период ближе всего к такой партии, какая нужна пролетариату для того, чтобы он мог победить [32].

Однако со времени выступления Бернштейна в партии немецких рабочих шел быстрый рост правооппортунистического, реформистского крыла. Переход к империализму сопровождался в германской социал-демократии, как и в других партиях II Интерна-

[30] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 102.
[31] «Leipziger Volkszeitung», 20.I 1906.
[32] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 16. Глубоко неверно распространенное в западной буржуазной и правосоциалистической литературе мнение о германской социал-демократии конца XIX — начала XX в. как о партии реформистской, оппортунистической, уже к тому времени утратившей свои революционные и интернационалистические традиции (см. например, *P. Gay.* The Dilemma of democratic Socialism. Edward Bernsteins Challenge to Marx. New York, 1952, p. 99, 102, 109; *G. A. Ritter.* Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich. Die Sozialdemokratische Partei und die freien Gewerkschaften 1890—1900. Berlin-Dahlem, 1959, S. 187; *W. Theimer.* Von Bebel zu Ollenhauer. Bonn — München, 1957, S. 40, ff.; *W. Matull.* Werden und Wesen der deutschen Sozialdemokratie. Berlin — Hannover, 1957, S. 70, и др.).

ционала, обострением борьбы двух тенденций — революционной и оппортунистической, все более углублявшимся идейно-политическим расколом ее рядов. В годы первой русской революции происходило дальнейшее идейное размежевание в германской социал-демократии, все более явственно выкристаллизовывались теперь уже три течения: ревизионистское — реформистское; соглашательское — центристское; левое — революционное.

Реформисты оказывали все большее влияние на политику партии. Их вредная деятельность облегчалась тем, что не встречала по существу надлежащего отпора со стороны «ортодоксальных» партийных руководителей, осуществлявших пагубную линию соглашения с ревизионистами во имя «мира» в партии и «единства» партийных рядов. За такой «мир» ратовал авторитетнейший теоретик партии К. Каутский. Он считал раскол партии недопустимым всегда и при всех условиях. «В тех случаях,— утверждал он,— когда избавление от ревизионистов может быть достигнуто только путем раскола партии, мы должны их терпеть» [33]. Идейный лидер германской социал-демократии игнорировал тот очевидный факт, что ревизионисты по существу уже раскалывали партию, что подлинное единство возможно только на революционной, марксистской основе, только при полном освобождении партии от оппортунизма.

Не видел правильных путей борьбы против оппортунизма, к сожалению, и выдающийся революционный вождь партии А. Бебель, не раз выступавший на партийных съездах с резкой критикой оппортунистов. Бебель до конца своих дней оставался страстным противником капитализма, неутомимым борцом за идеалы социализма. Но он продолжал и в новых условиях во многом мыслить категориями ушедшей в прошлое эпохи домонополистического капитализма, что привело его к ряду ошибочных политических выводов. Известное влияние на Бебеля, как и на других видных руководителей партии, оказали также неудачи первой русской революции.

Всем этим пользовались такие оппортунистические лидеры, реформистские вожди социал-демократии и профсоюзов, как Бернштейн, Фольмар, Давид, Легин и др. В феврале 1906 г. реформистские деятели Генеральной комиссии профсоюзов добились от руководства социал-демократической партии важной уступки: было заключено соглашение, которое по существу исключало возможность проведения в Германии всеобщей политической стачки. Спустя несколько месяцев, в сентябре 1906 г., на съезде социал-демократической партии в Маннгейме оппортунистам удалось

[33] *V. Adler.* Briefwechsel mit August Bebel und Karl Kautsky. Wien, 1954, S. 416.

настоять на принятии решения, фактически перечеркнувшего резолюцию о стачке, одобренную Иенским съездом 1905 г. Руководители социал-демократической партии отказались, таким образом, возглавить массовую борьбу немецких рабочих за установление демократических порядков в стране.

Лишь представители левого крыла германской социал-демократии, опираясь на опыт и революционные традиции немецкого и международного, в особенности российского, рабочего движения, хранили верность заветам Маркса и Энгельса, энергично отстаивали боевую, наступательную тактику. Левые звали рабочий класс на беззаветную борьбу против сил реакции, против воинствующего германского империализма и милитаризма, его антинародной внутренней и разбойничьей внешней политики. К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг и их единомышленники выступали как наиболее последовательные носители революционной марксистской идеологии, противостоявшей враждебной пролетариату идеологии юнкерско-буржуазного империализма, а также реформистской идеологии ревизионистских и центристских оппортунистических элементов. Будучи убежденными пролетарскими интернационалистами, левые вместе с тем являлись лучшими выразителями коренных национальных интересов немецкого народа [34].

Однако левые не были достаточно сплочены. Они не придавали необходимого значения руководящей, организаторской роли пролетарской партии, долгое время не видели настоятельной необходимости более решительного размежевания с оппортунистами и сплочения своих сил в единую революционную фракцию внутри СДПГ, а затем — образования самостоятельной партии. К тому же и они не были свободны от некоторых серьезных теоретических и политических ошибок. Все это мешало им организационно и политически возглавить борьбу рабочего класса Германии.

ЮНКЕРСКО-БУРЖУАЗНЫЙ БЛОК В БОРЬБЕ ПРОТИВ ПРОЛЕТАРИАТА

Агрессивная внешняя политика, не встречавшая единодушной поддержки даже среди господствующих классов, а также резкое обострение классовых противоречий диктовали правящим кругам задачу дальнейшей консолидации политических партий буржуазии и юнкерства в единый реакционный блок, так называемую «политику сплочения» («Sammlungspolitik») [35]. Для осуществле-

[34] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 62, 227—228.

[35] См. *А. С. Ерусалимский.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века. М., 1951, стр. 287 и далее.

ния «политики сплочения» трудно было подыскать более подходящего канцлера, чем граф, а затем князь Бюлов. Изворотливый дипломат, Бюлов ловко лавировал между противоборствующими политическими силами, не позволяя ни одной из них получить решающий перевес. Он имел обыкновение называть себя «аграрным канцлером», но считался и с требованиями буржуазии, в особенности, разумеется, с пожеланиями магнатов крупного капитала. Бюлов стремился прежде всего зацементировать брешь, образовавшуюся между юнкерством и частью буржуазии в результате экономической политики Каприви. Удовлетворению аппетитов аграриев, жадность которых, по выражению одного немецкого политика, могла сравниться только с их ограниченностью, должен был служить протекционистский тариф 1902 г., который был положен в основу заключенных с рядом стран в 1904—1906 гг. торговых договоров. Интересам крупной буржуазии отвечали строительство военного флота, расширение колониальной империи, перераспределение налогового обложения и т. п.

Но первоочередной задачей германская реакция считала мобилизацию всех сил для борьбы с нараставшими в стране выступлениями рабочих. Самые реакционные представители юнкерства и буржуазии все настойчивее требовали насильственного подавления рабочего движения, призывали вернуться к политике исключительных законов, ликвидировать всеобщее избирательное право, разогнать и запретить профессиональные союзы и другие рабочие организации. Кайзер Вильгельм II на протяжении всего своего многолетнего правления не расставался с планами государственного переворота и всемерного усиления полуабсолютистского режима, так называемого личного правления.

В январе 1906 г. на совместном заседании имперского и прусского правительств специально обсуждался вопрос о возможности принятия нового исключительного закона против социал-демократии. Только опасение, что такой закон может вызвать решительный протест масс и потерпит провал в рейхстаге, заставило правителей Германии отказаться от этой затеи.

В арсенале борьбы германской буржуазии и правительства против революционного рабочего класса большое место занимал также подкуп отдельных прослоек рабочего класса, раскол его рядов, «идейное» воздействие, внедрение буржуазной идеологии в сознание рабочих. Спешно сколачивала германская буржуазия новые организации, вроде Союза немецких предпринимателей, Союза борьбы против социал-демократии, всемерно поддерживала и насаждала штрейкбрехерские гирш-дункеровские и христианские профсоюзы и другие враждебные марксистской идеологии рабочие организации. Политически очень важна для германской буржуазии была ставка на оппортунистическое перерождение со-

циал-демократии, на победу в ней реформистского, ревизионистского крыла. Канцлер Бюлов, сторонник этих «новых» методов борьбы с рабочим движением, высказывался даже за включение в правительство по французскому образцу одного-двух видных реформистских лидеров, рассчитывая таким путем укрепить в широких рабочих массах веру в «социальную монархию» и в возможность установления «классового мира» [36].

Так укрепление юнкерско-буржуазного блока в его борьбе с рабочим движением стало одной из основных внутриполитических задач, которые пыталось решить германское правительство. Для сплочения реакционных сил необходимо было, однако, постоянно преодолевать серьезные противоречия внутри правящих классов, а порой и острые разногласия по различным вопросам внутренней и внешней политики.

Одна из вспышек такой борьбы привела к роспуску рейхстага и к внеочередным выборам 1907 г. Толчком к этому послужили события в германских колониях в Юго-Западной Африке. Здесь, как и в других колониальных владениях империалистов, царили подневольный рабский труд, бесчеловечный гнет и надругательство над негритянским населением. До полного изнеможения работали негры на плантациях белых пришельцев, массами гибли они на тяжелых земляных работах при проведении железных дорог и в рудниках, куда их насильно сгоняли колонизаторы, умирали под палящими лучами тропического солнца, просеивая песок в поисках алмазов и золота для белых хозяев; их спаивали вином, лишали земли, скота и жилищ.

Терпению негров приходил конец. В начале 1904 г. в Африке вспыхнуло восстание племени гереро, а затем — готтентотов, доведенных до отчаяния грабежами и насилиями немецких колонизаторов. 60 тыс. повстанцев гереро, предводительствуемых вождем Махареро, потребовали упразднения резерваций для местного населения, возвращения отобранных земель. В ответ правители Германии послали в Юго-Западную Африку войска и принялись зверски подавлять восстание. Мужественно отстаивали повстанцы свою независимость и свободу, проявляя высокий героизм и самопожертвование, не раз ставя захватчиков перед угрозой полного разгрома. Однако огромное превосходство в вооружении и военной организации предрешило исход борьбы. Негры были бессильны перед смертоносным огнем артиллерии и пулеметов, косивших ряды повстанцев и наводивших на них ужас. Разбив основные силы негров в решающем бою, колонизаторы приступили к методическому истреблению племен гереро, загоняя их в знойную, безводную пустыню.

[36] *Б. Бюлов.* Воспоминания. М.— Л., 1935, стр. 381—382.

Покончив с гереро, колонизаторы обрушились на восставших готтентотов. И здесь дело решило техническое превосходство. Кровавым итогом неравной борьбы было истребление значительной части местного населения. Из 200 тыс. гереро и готтентотов в живых остались едва 50—60 тыс. Многие из них вынуждены были покинуть свои земли. «Война сделала страну гереро пустыней»,— писал один немецкий миссионер, непосредственный свидетель тех страшных событий [37].

В конце 1906 г. германское правительство потребовало в рейхстаге утверждения дополнительных кредитов на подавление восстания. На этот раз большинство рейхстага отказалось поддержать требования правительства. Против кредитов голосовали не только социал-демократическая фракция, но также и депутаты католического Центра. Разумеется, эта партия не была противником колониальной политики германского империализма. С ее стороны это был маневр, имевший целью воспрепятствовать уходу рабочих-католиков и добиться от правительства новых уступок.

В ответ на отклонение кредитов Бюлов распустил рейхстаг. Немецкие правящие круги воспользовались колониальной войной в Южной Африке для разжигания шовинизма и колониального психоза в массах немецкого народа, стремясь противопоставить эти настроения революционным устремлениям передовых немецких рабочих. Выборы в рейхстаг в январе 1907 г. проходили в обстановке небывалого разгула национализма, заразившего широкие массы мелкой буржуазии и часть рабочих. Правительство выступило на выборах под лозунгами борьбы «за честь и достояние империи», «против социал-демократии и черных» (католиков) [38]. В действительности, однако, Бюлов мечтал о том, чтобы после выборов поскорее найти с католиками «modus vivendi».

Выборы в рейхстаг принесли победу правительственному большинству. Несмотря на то, что число голосов, поданных за социал-демократию, даже несколько возросло по сравнению с выборами 1903 г., количество ее депутатов в рейхстаге на этот раз сократилось с 81 до 43 [39]. Это объяснялось тем, что многие сотни тысяч мелкобуржуазных избирателей, до того вообще не участвовавших в выборах (так называемая «партия неизбирателей»),

[37] Цит. по: *И. И. Васин.* Колониальная политика Германии в Юго-Западной Африке (восстание гереро и готтентотов в 1904—1907 гг.). М., 1950 (дисс.), стр. 357; *H. Drechsler.* Südwestafrika unter deutscher Kolonialherrschaft. Berlin, 1966.

[38] См. *D. Fricke.* Der deutsche Imperialismus und die Reichstagswahlen von 1907.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1961, N 3, S. 538, ff. *К. Оберман.* «Готтентотские выборы» 1907 г.— «Германский империализм и милитаризм». М., 1965, стр. 32 и др.

[39] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 43. Jg., S. 328.

на этот раз, увлеченные империалистической агитацией, отдали свои голоса «национальным» партиям (национал-либералам, консерваторам, «свободомыслящим»). Многие мелкие буржуа, ранее голосовавшие за СДПГ, как партию последовательной демократии, теперь, захваченные национализмом, отхлынули от социал-демократии и устремились в империалистический лагерь. Как отмечал в те годы В. И. Ленин, особая острота избирательной борьбы, сближение всех представителей реакционной буржуазии против общего врага — пролетариата — свидетельствовали об обострении классовой борьбы в Германии. «Два враждебные лагеря медленно, но неуклонно увеличивают свои силы, укрепляют свои организации, расходятся все резче друг с другом во всей общественной жизни, как бы готовясь, молча и сосредоточенно, к грядущим революционным битвам» [40].

В обстановке отступления русской революции, временного спада массового рабочего движения и высоко поднявшейся волны национализма в Германии родился бюловский, или «готтентотский», блок — политический блок национал-либералов, консерваторов и «свободомыслящих», ставивший своей задачей дальнейшее экономическое и политическое наступление на рабочий класс, активное подавление рабочего движения и осуществление агрессивной внешней политики. Новое большинство рейхстага вотировало кредиты на подавление восстания в Африке и утвердило дополнительные средства на осуществление обширной программы строительства военного флота.

В 1908 г. консервативно-либеральный рейхстаг принял новый реакционный закон о союзах и собраниях, который получил в народе название «исключительного закона против молодежи». Закон 1908 г., запрещавший молодежи до 18 лет вступать в союзы, преследовал цель положить конец юношескому антивоенному движению, активным руководителем которого был К. Либкнехт. распустить боевые антимилитаристские организации, уберечь будущих солдат от воздействия антивоенной агитации. Закон ограничивал участие женщин в союзах и запрещал пользоваться на собраниях каким-либо языком, кроме немецкого, что делало невозможным участие в них рабочих других национальностей, не владевших немецким языком: поляков, датчан, жителей Эльзаса и Лотарингии и др.[41]

Усиление политической реакции нашло свое выражение также в обострении традиционной прусско-германской антипольской политики. В том же 1908 г. прусский ландтаг голосами консер-

[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 181.

[41] *W. Sieger.* Das erste Jahrzehnt der deutschen Arbeiterjugendbewegung. 1904—1914. Berlin, 1958, S. 121.

ваторов и национал-либералов принял закон, предоставлявший Колонизационной комиссии право принудительного отчуждения земель в западных польских землях[42]. Этим прусские реакционеры рассчитывали сломить упорное сопротивление польского народа преступной политике германизации и вытеснения поляков.

Вскоре, однако, обнаружилась непрочность созданной Бюловым либерально-консервативной политической комбинации. Буржуазия требовала от правительства, чтобы оно в большей мере считалось с ее экономическими интересами. Торговые палаты одна за другой принимали резолюции об ограничении экономических привилегий и претензий аграриев. Представители буржуазных кругов создали в 1909 г. в противовес юнкерскому «Союзу сельских хозяев» так называемый «Ганзейский союз», имевший целью «охрану» интересов промышленности и торговли[43].

Дело дошло до открытого конфликта внутри консервативно-либерального блока, когда правительство внесло в 1908 г. в рейхстаг проект финансовой реформы. Реформа имела целью пополнить казну и ликвидировать дефицит, образовавшийся в государственном бюджете главным образом из-за громадных расходов на вооружение. Предполагалось изыскать дополнительно 500 млн., из которых подавляющую часть — 400 млн.— должны были дать новые косвенные налоги, а 100 млн.— налог на наследства. Последнее должно было прикрыть подлинный грабительский, антинародый характер реформы, создать видимость того, что все слои населения вносят свой вклад в государственную казну[44].

Демагогический маневр правительства поддержали буржуазные политики, представители национал-либералов и «свободомыслящих». Однако аграрии-консерваторы и лидеры партии Центра усмотрели в налоге на наследства посягательство на священное право земельной собственности. Юнкеры к тому же не желали идти ни на какие уступки буржуазии и в вопросе о реформе избирательного права в Пруссии. Объединившись с католическим Центром, консерваторы провалили в 1909 г. закон о налоге на наследства. Блок национал-либералов и консерваторов распался. Бюлов, творец консервативно-либерального блока и инициатор финансовой реформы, вынужден был уйти в отставку. Его место на посту рейхсканцлера занял Бетман-Гольвег.

Выбор императора не случайно пал на этого человека. Потомок франкфуртских банкиров, представитель так называемого молодого дворянства, усердный и трудолюбивый чиновник, Бетман производил впечатление своей разносторонней ученостью и склонностью к философским обобщениям (разумеется, в религиозно-монархическом, идеалистическом духе). Типичный прусский бюрократ, крайний рутинер, вечно колебавшийся и терявший в решительные моменты самообладание, медлительный и слабовольный, Бетман-Гольвег получил прозвище земляного червя — в противоположность Бюлову, которого за ловкость и изворотливость называли вьюном. Бетман не был лишен честолюбия, цепко держался за вверенный ему пост рейхсканцлера и во всем уступал своему неуравновешенному монарху, который его третировал, но которому Бетман импонировал именно своей бесхарактерностью и уступчивостью. Новый канцлер опирался в рейхстаге на реакционное консервативно-клерикальное большинство — так называемый черно-голубой блок.

[42] *Е. И. Рубинштейн.* Политика германского империализма в западных польских землях. М., 1953, стр. 103 и далее.
[43] *Н. М. Лукин.* Избранные труды, т. III, М., 1963, стр. 192.
[44] Там же, стр. 190.

НАВСТРЕЧУ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

На развитие международных отношений в начале XX в. определяющее воздействие оказывал все более обострявшийся англо-германский антагонизм. Обстановка в Европе с каждым годом становилась тревожнее, предвещая неминуемый военный взрыв. В 1904—1907 гг. завершилось создание мощной военной группировки Англии, Франции и России — так называемого Тройственного согласия (Антанты), противостоявшего Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии.

Предотвратить образование блока Англии, России и Франции Германия не сумела. В дальнейшем германская дипломатия не раз делала отчаянные попытки взорвать или по крайней мере подорвать военный союз России и Франции, чтобы отвести угрозу войны на два фронта. Пользуясь затруднительным положением царской России во время войны с Японией и революции, Вильгельм II попытался во время свидания с Николаем II в Бьёрке (в июле 1905 г.) навязать царю союзный договор и оторвать Россию от Франции. Договор, впрочем, был тогда же сорван русским правительством[45]. Такая же попытка была предпринята в 1910 г., когда германская дипломатия стремилась использовать временное охлаждение англо-русских отношений после международного кризиса 1908—1909 гг., вызванного аннексией Австро-Венгрией турецких владений Боснии и Герцеговины. С другой стороны, не раз в 1909—1912 гг. Германия предлагала Англии

[45] См. *А. С. Ерусалимский.* Германский империализм: история и современность. М., 1964, стр. 131—132.

заключить договор о нейтралитете, обещая взамен этого замедлить темпы строительства своего военно-морского флота.

Эта политика «маятника», качаний попеременно то в сторону ориентации на Англию, то в направлении сближения с Россией не принесла Германии успеха. Все усилия германской дипломатии разрушить Антанту, отколоть от нее Россию или Англию оказались тщетными: англо-германский антагонизм оказался сильнее и глубже других противоречий между державами, в том числе между Англией и Россией. Своей агрессивной «мировой политикой», провокационными методами, с помощью которых эта политика осуществлялась и которые не раз создавали ситуации, когда Германия, по выражению В. И. Ленина, оказывалась «на волосок» от войны с Англией и Францией [46], германский империализм лишь способствовал дальнейшей консолидации Антанты и приближал час кровавой военной развязки.

Воспользовавшись затруднениями России, Германия спровоцировала в 1905 г. острый, грозивший вылиться в европейскую войну, конфликт из-за Марокко, куда с согласия Англии уже подбирался французский империализм. В 1911 г. прыжок германской «Пантеры» — так называлось военное судно, отправленное в марокканский порт Агадир,— вновь обострил марокканский вопрос, поставив мир перед угрозой войны. Правящим кругам Германии пришлось однако, умерить свой воинственный пыл и отступить, когда Англия устами Ллойд Джорджа заявила о своей готовности всеми средствами поддержать французские притязания на Марокко. Германия должна была взамен удовольствоваться малоценным куском болотистых земель французского Конго.

Начиная с 1911 г. один европейский конфликт непрерывно следовал за другим. Далеко не все из этих конфликтов и кризисов приносили успех германской политике. Уже Альхесирасская конференция 1906 г., последовавшая за первым марокканским кризисом, продемонстрировала внешнеполитическую изоляцию Германии, которая нашла поддержку лишь у своего слабевшего австро-венгерского сателлита. Тройственный союз давал глубокие трещины, о чем свидетельствовала позиция одной из союзных держав, Италии, выступившей на этой конференции заодно с державами Антанты и в дальнейшем, по мере обострения ее отношений с Австро-Венгрией из-за политики на Балканах, все более сближавшейся с Францией [47].

За этим последовало поражение германской внешней политики в марокканском кризисе 1911 г. Неудачная для Турции война

[46] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 28, стр. 668.
[47] *А. С. Ерусалимский.* Германский империализм: история и современность, стр. 133—134.

Посещение кайзером Вильгельмом II Танжера. 1905 г.

с Италией 1911 г., а в еще большей степени — первая балканская война 1912 г., также закончившаяся поражением Турции и почти полной ликвидацией ее владений в Европе, были новым ударом по германской политике «натиска на Восток». С существованием и целостностью Турецкой империи, все более подпадавшей под влияние германского империализма, последний связывал далеко идущие планы проникновения в Азию, подрыва британского влияния в Индии и в других странах Азиатского материка и утверждения своего мирового могущества. Теперь этим планам был нанесен чувствительный удар.

Вторая балканская война 1913 г., явившаяся непосредственным прологом мировой войны 1914—1918 гг., принесла новое поражение австро-германскому блоку: в борьбе с Сербией оказалась разбитой сблизившаяся с этим блоком Болгария. Таков был малоутешительный итог агрессивной внешней политики и дипломатии империалистической Германии накануне мировой войны 1914—1918 гг.

Но чем выше поднималась в Германии мутная волна шовинистического угара, тем громче шумела реакционная пангерман-

ская пропаганда. «Германские юнкера и генералы с бурбоном Вильгельмом II во главе,— писал В. И. Ленин в 1908 г.,— рвутся в бой с Англией, надеясь на возможность использовать перевес сухопутных сил и мечтая о том, чтобы шумом военных побед заглушить все растущее недовольство рабочих масс и обострение классовой борьбы в Германии»[48].

Небывалый еще взрыв шовинизма был вызван марокканским кризисом 1911 г. Наиболее агрессивные представители буржуазии и юнкерства обвиняли правительство в трусости, в неспособности отстоять интересы страны и призывали к решению спорных вопросов силой оружия. Военной истерией была охвачена юнкерско-буржуазная Германия во время балканских войн 1912—1913 гг. Реакционная пресса без умолка твердила о неизбежности войны с Англией, Францией и Россией и настоятельно призывала к такой войне. «Только в наступательной войне найдет Германия свое спасение»,— заявила в начале 1912 г. газета консерваторов «Пост»[49]. «Для нас также наконец должен пробить радостный час великой войны»,— вторил журнал милитаристского «Союза молодой Германии»[50].

Германский империализм вел энергичную подготовку к войне. Уже к исходу 1905 г. германский генеральный штаб закончил выработку окончательного варианта плана войны на два фронта, так называемого плана Шлиффена. Согласно этому плану, рассчитанному на кратковременную войну, основной удар большими силами первоначально предполагалось нанести на Западе, чтобы вывести из строя Францию, а затем всей мощью выступить против России[51]. Буржуазно-юнкерское большинство рейхстага безоговорочно вотировало вносимые правительством военные законопроекты и ассигнования на новые вооружения. Только с 1909 по 1914 г. военные расходы Германии увеличились почти на 23%, составив в 1914 г. около полутора миллиардов марок. Они были равны почти половине государственного бюджета[52]. В 1911 г. было решено значительно расширить состав инженерных войск и пулеметных рот германской армии, в 1912 г.— создать два до-

[48] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 202.
[49] «Die Post», 20.I 1912.
[50] «Jugenddeutschland Post». 25.I 1913.
[51] См. *Г. Фёрстер, Г. Гельмерт, Г. Отто, Г. Шниттер.* Прусско-германский генеральный штаб. М., 1966, стр. 127 и сл. Западногерманские буржуазные историки тщетно стараются затушевать роль германского генерального штаба в подготовке мировой войны 1914—1918 гг. Примером такого рода попыток реабилитировать германский милитаризм является книга Г. Риттера (*G. Ritter.* Staatskunst und Kriegshandwerk, Bd. 2. München, 1960).
[52] *Б. Ишханян.* Развитие милитаризма и империализма в Германии, стр. 248.

полнительных корпуса. В 1913 г. правительство Бетман-Гольвега, ссылаясь на введение во Франции трехлетней военной службы и вооружение царской России, внесло в рейхстаг новый военный закон, предусматривавший увеличение германской армии на 136 тыс. человек, формирование нескольких новых полков тяжелой артиллерии, новых пулеметных рот и т. д.[53]

За пять лет — с 1908 по 1913 г.— германская армия выросла почти на 30% (с 612,6 тыс. до 791 тыс. человек)[54]. Германия решила уже в 1913 г. полностью осуществить намеченную на пять лет (1912—1917 гг.) программу вооружений с таким расчетом, чтобы весной 1914 г. быть в состоянии начать войну с державами Антанты.

Гонка вооружений приносила громадные прибыли капиталистическим монополиям. Быстро росли барыши фирм, поставлявших оружие и военные материалы. Акции оружейной фирмы «Людвиг Лёве», например, поднялись с 284 марок в 1906 г. до 320 марок в 1912 г., акции фирмы «Немецкое оружие» — с 313 до 562 марок и т. д. Фирмы «Людвиг Лёве» и «Немецкое оружие» имели в 1911 г. соответственно по 18 и 25% дивиденда[55]. «Вот *кому выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры)...»,— писал В. И. Ленин[56].

ПОДГОТОВКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ И ПОЗИЦИЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Идеологи готовившего войну германского империализма принимали все меры к тому, чтобы развратить сознание немецкого народа, отравить его ядом шовинизма. Множество буржуазных союзов — флотские и военные объединения, Колониальное общество, Пангерманский союз и десятки других — вели крикливую пропаганду расизма, милитаризма, международного разбоя. Появилось немало политиков и публицистов, развивавших планы образования «Срединной Европы» — объединения европейских государств под эгидой Германии, создания Германией мировой колониальной империи. Эти люди воспевали традиционную прусскую политику «натиска на Восток», на все лады возвеличивали культ

[53] *K. Stenkewitz.* Gegen Bayonett und Dividende. Berlin, 1960, S. 97.
[54] *Б. Ишханян.* Развитие милитаризма и империализма в Германии, стр. 209.
[55] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands». Abgeh. zu Chemnitz, 1912. Berlin, 1912, S. 7.
[56] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 62.

грубой силы, превозносили войну как источник прогресса человечества.

Один из типичнейших представителей прусской милитаристской клики, генерал Бернгарди в нашумевшем сочинении «Германия и ближайшая война», вышедшем в 1912 г., развивал идеи о «превосходстве» германской нации над другими народами, призывал смотреть на войну как на «необходимое условие развития» немецкого народа и требовал дальнейшего всемерного расширения программы вооружений. «Небрежная подготовка к войне и неполное развитие военной мощи,— утверждал он,— является величайшим преступлением против народа» [57]. Автор подобной же книги «Позиция Германии в мировом хозяйстве» Аридт призывал немецкий народ не страшиться «заглянуть в лицо смерти». Руководствуясь старым принципом прусских милитаристов — «сила выше права»,— идеологи германского империализма Рорбах и Ден требовали в своих сочинениях насильственного передела мира, новых колоний для быстро развивающейся Германии.

Широкая и крикливая пропаганда подобных идей, настойчивые призывы к превентивной войне против России и других стран составляли содержание не только толстых книг, но и сотен рассчитанных на массового читателя брошюр, листков, многочисленных газетных статей, лекций в германских высших учебных заведениях, заявлений высокопоставленных государственных деятелей и речей самого кайзера Вильгельма II, угрожавшего противникам Германии «бронированным кулаком».

Идеология империализма все больше заражала широкие круги мелкой буржуазии и «аристократической» верхушки рабочего класса. Не раз на съездах партии, с трибуны рейхстага и в прессе реформистские лидеры социал-демократии выступали с проповедью шовинизма, пропагандой усиления военной мощи Германии. Одни из них, подобно В. Гейне, пробовали при этом поторговаться с германским правительством, обещая ему поддержку в политике вооружений в обмен на внутриполитические реформы. Другие, подобно Носке, не скрывали, что в случае «оборонительной» войны лидеры социал-демократии призовут массы «защищать германское отечество». Некоторые, подобно Кальверу, добивались положительного отношения партии к колониальной политике германского империализма и к строительству военного флота и т. д. [58] Такие заявления звучали все чаще по мере обострения международной обстановки и приближения мировой войны.

[57] *Ф. Бернгарди.* Наше будущее. [Б. м.], 1914, стр. 91.
[58] См. *Н. Лукин-Антонов.* Очерки по новейшей истории Германии 1890—1914 гг., стр. 346; Reichstag. Bd. 228, 25. April 1907, S. 1100 ff.; «Sozialistische Monatschefte», Februar 1907, S. 105—106.

Поддерживая притязания германского империализма, оправдывая гонку вооружений и подготовку к войне, ревизионисты фальшиво ссылались на необходимость защищать Германию от царской России, которую они изображали как самую агрессивную и реакционную державу в мире, хотя в действительности сила царизма уже была основательно подорвана революционной борьбой российского пролетариата и крестьянства, войной с Японией. Они всячески воспевали при этом мнимое «миролюбие» Германии, хотя в действительности она являлась одной из наиболее агрессивных, заинтересованных в мировом пожаре сил тогдашнего мира. Оппортунисты препятствовали развертыванию антимилитаристского движения, солидарности и дружбе немецких рабочих с рабочими Англии, Франции и других стран.

Не желало поднимать массы на активную, действенную борьбу против милитаризма и угрозы войны также центристское руководство социал-демократической партии. Во время марокканского кризиса 1911 г. Правление партии отказалось организовать массовые антивоенные выступления, аргументируя это тем, что такие выступления могут «отвлечь» внимание рабочих от важных вопросов внутренней политики, в частности от приближавшихся выборов в рейхстаг [59].

Дело дошло до того, что социал-демократическая фракция проголосовала в рейхстаге за покрытие расходов, связанных с осуществлением военного законопроекта 1913 г. Это было неслыханным решением, означавшим полный разрыв со старым революционным принципом социал-демократии — отвергать предоставление средств на милитаризм. Оставался один только шаг до позорного голосования социал-демократической фракции 4 августа 1914 г.

Революционные представители немецкого рабочего класса, левые социал-демократы вели активную борьбу против милитаризма. В многочисленных статьях, в выступлениях на рабочих собраниях, на съездах социал-демократической партии Р. Люксембург, К. Либкнехт, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский (Карский) и др. вскрывали всю опасность гонки вооружений, агрессивного внешнеполитического курса германского правительства, призывали рабочих к активному отпору милитаристам [60].

В 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала Р. Люксембург вместе с В. И. Лениным выступила с требованием развернуть решительную революционную борьбу против военной опасности и войны. В принятых конгрессом по их предложению поправках к резолюции о милитаризме и войне указывалось на

[59] «История Второго Интернационала», т. II. М., 1966, стр. 240.
[60] *W. Wittwer.* Streit um Schicksalsfragen. Berlin, 1964, S. 53 ff.

Антивоенная листовка. 1912 г.

необходимость в случае, если войну не удастся предотвратить, использовать порождаемый ею кризис для свержения власти буржуазии [61].

Энергичную деятельность развернул другой выдающийся вождь левых К. Либкнехт. В 1907 г. он издал книгу «Милитаризм и антимилитаризм», в которой изложил революционную программу борьбы социал-демократии против преступного милитаризма и угрозы войны. Большое значение имели его выступления в рейхстаге в 1913 г. с разоблачениями «пушечного короля» Круппа. В ходе этих разоблачений выявилось, к каким скандальным аферам — вплоть до шпионажа в государственном аппарате и подкупа правительственных чиновников — прибегают представи-

[61] «Internationaler Sozialisten-Kongreß in Stuttgart 18. bis 24. August 1907» Berlin, 1907, S. 102.

тели финансового капитала в целях усиления гонки вооружений и увеличения прибылей [62].

Реакция жестоко мстила мужественным революционерам. По приговору имперского суда К. Либкнехт в 1907 г. был осужден к полутора годам заключения в крепости за свою книгу «Милитаризм и антимилитаризм». В 1914 г. состоялись два судебных процесса над Р. Люксембург, приговоренной к году тюремного заключения за антимилитаристскую пропаганду [63].

Мужественная борьба германских левых социал-демократов против милитаризма и войны, против агрессивного германского империализма, за подлинные интересы немецкой нации является одной из наиболее ярких страниц в истории германского рабочего движения, одной из его лучших традиций.

НАЗРЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Гонка вооружений сопровождалась дальнейшим наступлением на жизненный уровень немецких трудящихся и прежде всего — рабочего класса. Стоимость жизни в 1913 г. выросла по сравнению с 1900 г. почти на $^1/_3$. «Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы...» — писал В. И. Ленин о рабочем движении того времени [64].

С огромной энергией продолжали немецкие рабочие борьбу против господствовавших в стране реакционных политических порядков. В 1908—1909 гг. во многих городах Германии снова происходили многотысячные демонстрации с требованием отмены ненавистной трехклассной избирательной системы и введения всеобщего права выборов в ландтаги земель. В 1908 г. рабочие Саксонии добились отмены введенной в 1896 г. трехклассной избирательной системы (здесь было установлено множественное избирательное право, по которому состоятельные избиратели получали два и более голосов каждый) [65].

В Пруссии движение за всеобщее избирательное право достигло наивысшего подъема весной 1910 г. Под напором рабочих

[62] См. *П. М. Гапонов.* Антимилитаристские выступления К. Либкнехта накануне первой мировой войны.— «Вопросы истории», 1957, № 2.

[63] См. *Б. А. Айзин.* Судебный процесс Карла Либкнехта в 1907 году.— «Новая и новейшая история», 1960, № 1, стр. 104 и сл.; *он же.* Роза Люксембург — борец против германского милитаризма и империализма (1913—1914 гг.).— «Европа в новое и новейшее время». М., 1966, стр. 514 и сл.

[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 4.

[65] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands». Abgeh. zu Leipzig, 1909. Berlin, 1909, S. 26—27

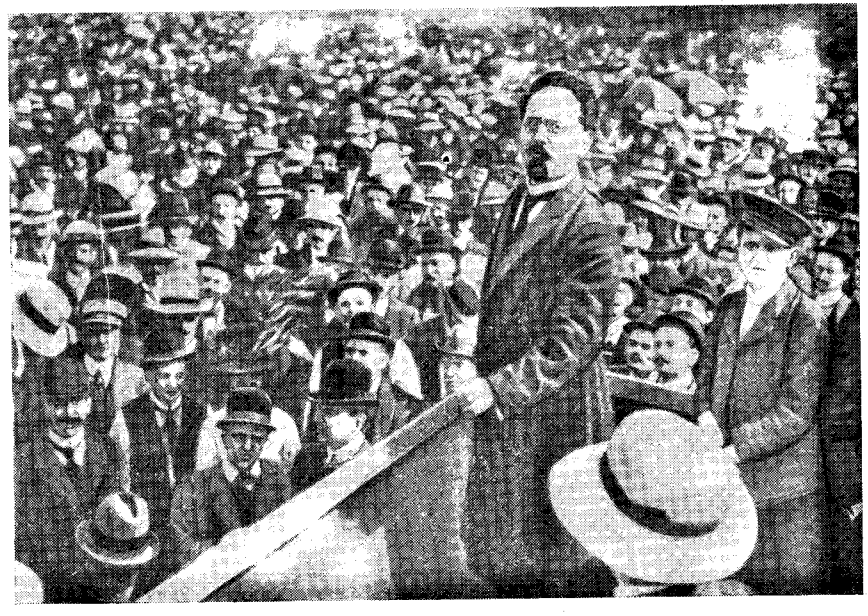
правительство вынуждено было пообещать реформу избирательной системы и в начале 1910 г. внесло в ландтаг ее проект (вскоре, однако, он был взят обратно). «Реформа» трехклассной системы сводилась по этому проекту лишь к замене двухстепенных выборов прямыми, и к некоторому расширению круга избирателей первого класса. Самое же разделение избирателей на три класса сохранялось, как сохранялись открытое голосование и выгодное юнкерству распределение избирательных округов [66]. Но и этот жалкий законопроект был встречен в штыки политиками реакционного консервативно-клерикального блока; он вызвал недовольство и у национал-либералов, добивавшихся перераспределения избирательных округов в интересах крупных промышленников.

Даже самое незначительное увеличение числа буржуазных депутатов в прусском ландтаге встречало упорное сопротивление юнкеров. Юнкерство не желало допускать буржуазию ближе к кормилу государственного правления, открыть ее представителям широкий доступ к военной и дипломатической карьере.

«Свободомыслящие» политики, встревоженные небывалым ростом сил реакции и милитаризма, озлобленные упорным сопротивлением помещиков любым, даже ничтожным реформам избирательной системы, усиленно стали искать поддержки у демократических слоев. В начале 1910 г. они создали вместо трех левобуржуазных партий, подорвавших доверие масс к себе выступлениями в пользу грабительской финансовой реформы 1909 г., новую, так называемую Прогрессивную народную партию. Продолжая в кулуарах ландтага торговаться с зубрами консервативно-клерикального блока, либеральные политики обращались одновременно к народному движению, созывали собрания, выносили резолюции протеста против «прусского партикуляризма», выдвигали требование единого избирательного права во всей империи.

Правительственный проект реформы прусской избирательной системы был встречен немецкими трудящимися с возмущением. Тысячи многолюдных народных собраний и митингов во многих городах и даже деревнях Германии требовали отмены реакционных порядков и введения всеобщего, прямого, тайного и равного права выборов во всех землях Германии. Одна за другой следовали в начале 1910 г. мощные уличные демонстрации. 13 февраля в одном только Берлине в демонстрации приняло участие 200 тыс. человек [67]. В столице империи, во Франкфурте-на-Майне, Галле, Кёнигсберге, Неймюнстере и многих других городах произошли кровавые стычки демонстрантов с полицией.

[66] «Norddeutsche Allgemeine Zeitung», 4.II 1910.
[67] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 150.



Выступление К. Либкнехта на митинге

Зверским атакам подвергся 6 марта 1910 г. в Берлине (в Тиргартене) митинг, на который собралось 150 тыс. рабочих, чтобы протестовать против антидемократической прусской системы. В апреле 1910 г. не было дня, чтобы здесь или там не возникала крупная народная манифестация. В демонстрации в Берлине 10 апреля участвовало 250 тыс. человек [68].

От собраний, митингов и т. п. рабочие переходили к организации массовых политических стачек. Такие стачки прошли в Киле, Франкфурте и других городах Германии [69]. Рабочие настоятельно требовали от социал-демократических лидеров немедленно объявить массовую политическую стачку во всей Германии. Р. Люксембург и другие руководители левых горячо поддерживали это требование, выдвинув одновременно лозунг борьбы за демократическую республику.

[68] См. *H. Wohlgemuth.* Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung von der Jahrhundertwende bis 1917. Berlin, 1964, S. 105.
[69] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 150.

Престиж монархии Гогенцоллернов не раз подвергался в те годы серьезным испытаниям. В 1908 г. в рейхстаге поднялась целая буря в связи с опубликованием в английской газете «Дейли телеграф» безответственных заявлений кайзера относительно внешней политики Германии. Это способствовало созданию условий для борьбы за устранение монархии и завоевание республики.

Об обострении классовых противоречий свидетельствовал непрекращавшийся рост стачечной борьбы. В 1910 г. в германской промышленности произошло более 3 тыс. конфликтов[70]. Весной 1910 г. в строительной промышленности вспыхнула борьба, которая привела к большому локауту, впервые в истории германского рабочего движения охватившему всю страну: 200 тыс. рабочих-строителей были выброшены на улицу. Острый экономический конфликт возник летом 1910 г. на верфях Гамбурга, Киля, Штеттина, Бремена и других портовых городов. На борьбу против забастовщиков были мобилизованы суды, жандармерия, войска, жестоко расправлявшиеся с рабочими.

Кульминацией массовых экономических боев германского пролетариата в 1910 г. были события в Моабите и Веддинге — пролетарских районах Берлина[71]. В сентябре 1910 г. на одном из предприятий Моабита, снабжавшем столицу углем, вспыхнула забастовка, во время которой начались стычки рабочих с вооруженными штрейкбрехерами и охранявшими их полицейскими. Небольшой экономический конфликт, в котором первоначально участвовало не более 150 человек, превратился вскоре в выступление 20—30 тыс. рабочих. Отдельные столкновения стачечников со штрейкбрехерами переросли в баррикадные сражения с вооруженной до зубов полицией, пустившей в ход револьверы и карабины. Все население района активно поддерживало героев моабитских баррикад. Из окон зданий летели на головы полицейских кирпичи и камни. Штрейкбрехерам население отказывало в пище и ночлеге.

Несколько дней в столице империи шла упорная уличная борьба, глубоко взволновавшая рабочих всей Германии и встревожившая господствующие классы. «Моабит — начало революции!» — со страхом писали реакционные газеты[72]. Характеризуя создавшееся положение, В. И. Ленин отмечал, что в Германии «явно для

[70] *D. Fricke.* Zur Organisation und Tätigkeit..., S. 261.
[71] См. *B. Helmut.* Die Moabiter Unruhen 1910.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, N 2, S. 173 ff.
[72] См. «Protokoll über die Verhandlungen der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands». Abgeh. zu Jena, 1911. Berlin, 1911, S. 13.

Столкновение бастующих рабочих с полицией в Моабите (Берлин). 1910 г.

Рисунок В. Цеме.

всех *надвигается* великая революционная буря», имеет место «предреволюционная ситуация»[73].

Складывавшаяся в Германии обстановка предреволюционной ситуации настоятельно требовала, чтобы во главе рабочего клас-

[73] *В. И. Ленин.* Полное собр. соч., т. 20, стр. 10, 17. Современные западные буржуазные и социал-демократические историки и социологи усиленно пропагандируют модный тезис об интеграции («сращивании») рабочего класса с буржуазным государством и «обществом», об утрате рабочими еще на рубеже XIX и XX столетий революционной энергии, об отказе от марксистских традиций и о переходе на позиции реформизма и буржуазного национализма (см. *G. A. Ritter.* Die Arbeiterbewegung im Wilhelminischen Reich, S. 12, 187; *C. E. Schorske.* German Social Democracy 1905—1917. Cambridge, 1955, p. VII, 16; *P. Gay.* The Dilemma of democratic Socialism... p. 117—119; *H. Heidegger.* Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat. 1870—1920. Berlin — Frankfurt, 1956, S. 59—64; *P. Angel.* Edward Bernstein et l'evolution du socialisme allemand. Paris, 1961, p. 8, 173, 175—176, 329, 428—430, и др.). Исторические факты полностью опровергают подобные концепции буржуазных и реформистских авторов.

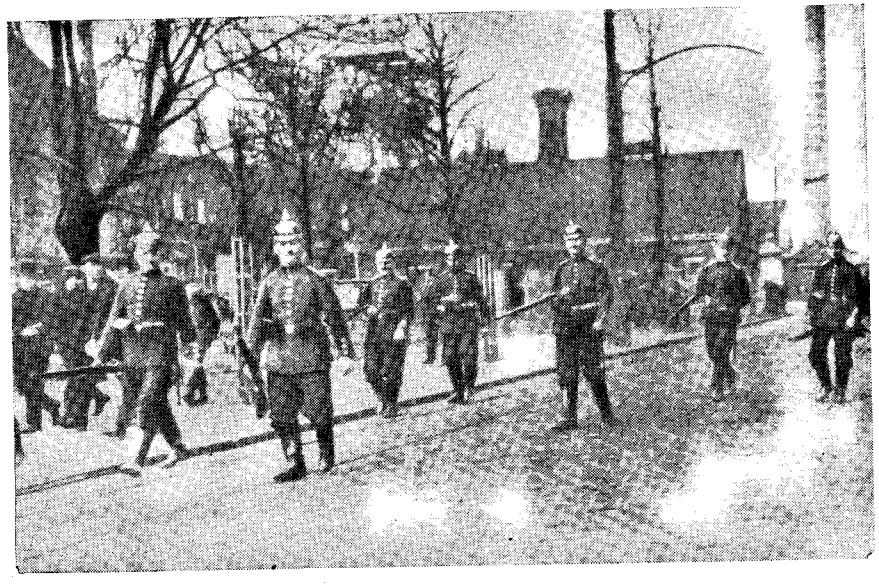
са стоял надежный и твердый руководитель — подлинно революционная, марксистская партия. Однако на политику партии немецких рабочих, несмотря на существование в ней сильного левого крыла, в предвоенные годы все большее влияние оказывали реформисты, особенно после того, как партия потеряла своих испытанных вождей — П. Зингер умер в 1911 г., А. Бебель в 1913 г. К руководству пришли иные люди. Одним из двух председателей СДПГ стал Ф. Эберт, тесно связанный с профсоюзной бюрократией, другим председателем был центрист Г. Гаазе, а руководство парламентской фракцией перешло к Ф. Шейдеману, представителю оппортунистических кругов.

Насколько сильным было влияние реформистов, наглядно показали уже события 1910 г., когда Правление партии по требованию Генеральной комиссии профсоюзов решило прекратить бурно нараставшее движение за всеобщее избирательное право и направило всю энергию на подготовку к предстоявшим в 1912 г. выборам в рейхстаг [74]. Эти выборы центристское руководство партии намерено было провести в блоке с оппозиционно настроенными буржуазно-либеральными элементами. Правда, состоявшийся в сентябре 1910 г. в Магдебурге съезд социал-демократической партии под влиянием нараставшего подъема рабочего движения осудил оппортунистическую тактику поддержки социал-демократами правительственных бюджетов (такие случаи имели место неоднократно и повторились в 1910 г. в баденском ландтаге) и еще раз подчеркнул громадное значение массовой политической стачки как одного из важнейших средств политической борьбы [75].

Однако и после этого политическая линия руководства партии оставалась центристской, продолжая испытывать сильнейшее воздействие со стороны откровенных реформистов. Вместо развертывания массовой борьбы, применения политической стачки и иных революционных средств руководство социал-демократии держало курс на «завоевание власти» с помощью избирательных бюллетеней, всячески приспособляясь к буржуазно-юнкерской законности.

Теоретическим обоснованием такого курса была «стратегия изматывания», выдвинутая в 1910 г. К. Каутским. Выступая с резкой полемикой против требований Р. Люксембург всемерно развивать массовое движение и использовать при этом опыт борьбы российских рабочих, Каутский доказывал «неприменимость» на Западе «русских» средств борьбы. Он предлагал оставаться в рам-

[74] *P. Klein.* Deutschland 1897/98—1917, S. 221.
[75] «Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands». Abgeh. zu Magdeburg, 1910. Berlin, 1910, S. 487—489.



Военный патруль на улицах гор. Херне. Март 1912 г.

ках старой «испытанной» тактики постепенного «изматывания» сил врага [76]. Так Каутский, видный пропагандист и теоретик марксизма, еще в 1909 г. издавший одну из лучших своих марксистских работ — книгу «Путь к власти», теперь, когда потребовалось на практике применить марксистские принципы классовой борьбы, занял центристские позиции; уступив нажиму со стороны реформистов, он стал прикрывать «марксистскими» фразами откровенно оппортунистическую, реформистскую политику.

Выборы в рейхстаг 1912 г., проходившие в обстановке обостренной классовой борьбы, продемонстрировали значительный рост радикальных настроений масс, их недовольство политикой правящих классов. Социал-демократическая партия получила свыше 4 млн. голосов (более $^1/_3$ поданных) — на 1 млн. больше, чем в 1907 г. «Черно-голубой» блок оказался в меньшинстве. Социал-демократия была представлена самой многочисленной фракцией (110 человек) [77]. Однако и этот успех не стал «решаю-

[76] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 152—156.
[77] «Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich», 43. Jg., S. 328.

Польские крестьяне и прусский жандарм

щей победой», как незадолго до выборов предсказывал Каутский.

В марте 1912 г. снова, как в 1905 г., разразилась крупная стачка рурских горняков, требовавших от Рейнско-Вестфальского каменноугольного синдиката повышения заработной платы и сокращения рабочего дня. В стачке приняло участие 250 тыс. шахтеров. Однако ряды забастовщиков вскоре были расколоты лидерами христианского профсоюза, и стачка была прекращена [78].

Экономические выступления немецких рабочих приобретали серьезное политическое значение, расшатывая основы «социального мира» в кайзеровской Германии. Одним из проявлений назревавшего политического кризиса было резкое обострение национальных противоречий. Нарастало сопротивление народных масс угнетенных наций усилившемуся национальному гнету. Польские трудящиеся оказывали решительное противодействие пре-

[78] См. *Б. А. Айзин.* Стачка горняков Рура в марте 1912 года.— «Из истории Германии нового и новейшего времени». М., 1958, стр. 108 и сл.

ступной политике насильственного онемечивания и истребления польского народа, подавления его национальной культуры. Рабочие-поляки принимали активное участие в экономической и политической борьбе, которую вели немецкие пролетарии.

Глубокое недовольство господством «дворянско-прусской сабли» царило среди угнетенного населения Эльзаса, насильственно отторгнутого от своей родины — Франции. Несмотря на установление в 1910 г. «автономии» Эльзаса и Лотарингии, произвол прусской военщины здесь не был обуздан, явно поощрялся «сверху».

Терпению эльзасцев приходил конец. Когда в городке Цаберне прусский офицер грубо оскорбил мирное население, по всему Эльзасу осенью 1913 г. прокатилась волна бурных антипрусских демонстраций. «То, что накипело за десятилетия гнета, придирок и оскорблений, за десятилетия насильственного опруссачения, прорвалось наружу»,— писал В. И. Ленин в специально посвященной этому событию статье [79].

Цабернский инцидент вызвал целую бурю в рейхстаге и в германской прессе. Возмущение произволом прусской военщины было столь велико, что даже реакционный рейхстаг подавляющим большинством голосов принял в декабре 1913 г. вотум недоверия канцлеру.

В 1913 г. ясно обозначились симптомы спада высокой экономической конъюнктуры; начинался очередной экономический кризис. Страна стояла перед перспективой развертывания новых острых классовых боев. В этих условиях германские империалисты и юнкеры стремились к развязыванию большой войны, которая должна была не только привести к осуществлению планов установления мирового господства, но и предотвратить грозный подъем широкого движения масс против реакционного юнкерско-буржуазного строя.

[79] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 184.

14

РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ

РОЛЬ ГЕРМАНИИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ВОЙНЫ. ЦЕЛИ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

К 1914 г. Германия в военном отношении обогнала Россию и Францию. Морально-политически Германия в результате деятельности различных шовинистических и милитаристских союзов была подготовлена к войне также лучше своих противников. Поэтому, когда летом 1914 г. представился удобный повод для развязывания мировой войны, правящие круги Германии не хотели его упустить.

Как только произошло сараевское убийство, немецкая дипломатия стала добиваться подчинения Сербии, чтобы в дальнейшем совершенно вытеснить Россию с Балкан[1]. Вильгельм II, канцлер и другие члены правительства заверили Австро-Венгрию, что Германия активно поддержит ее действия[2]. С вечера 5 до утра 6 июля кайзер принимал в Потсдамском дворце политических и военных руководителей Германии. Среди них, как недавно выяснилось из архивных документов, был и фельдмаршал Вальдерзее, один из наиболее агрессивно настроенных представителей военщины, тайно приезжавший для этой цели в Берлин из провинции[3]. Было окончательно решено использовать австро-сербский конфликт, чтобы спровоцировать большую войну.

Германское правительство торопило Австро-Венгрию и советовало поставить Сербии такие требования, «которые сделали бы

[1] *F. Fischer.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschlands 1914/18. Düsseldorf, 1961, S. 55.
[2] «История дипломатии», т. II. М., 1963, стр. 780.
[3] «Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd. 1. Berlin, 1968, S. 222.

Первый день мобилизации в Берлине

разрыв неизбежным». «Тогда немедленно последует свалка!»[4],— такого рода пометку сделал Вильгельм II на одном из документов тех дней. 23 июля Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, принятие которого означало бы ликвидацию независимости этой страны. Несмотря на то, что Сербия согласилась удовлетворить почти все выдвинутые требования, 28 июля Австро-Венгрия объявила ей войну.

В последние дни июля, несмотря на предостережение своего посла в Лондоне, кайзер и его правительство продолжали надеяться на нейтралитет Англии, которая не спешила их разочаровывать и делала все, чтобы конфликт не ограничился войной между Австро-Венгрией и Сербией. 31 июля 1914 г. германское пра-

[4] «Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch», Bd. 1. Berlin, 1927, S. 47.

вительство предъявило России ультиматум с требованием прекратить мобилизацию. Он был отклонен, и 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России [5]. При этом война с самого начала изображалась как вынужденная оборона от реакционного царизма; расчет заключался в том, чтобы привлечь на сторону правительства симпатии трудящихся, ненавидевших русский царизм.

Весь германский оперативный план (об этом позднее откровенно писал статс-секретарь по иностранным делам Ягов) строился на быстроте действий [6]. Поэтому генштаб требовал немедленно начать войну также против Франции.

В соответствии с этим требованием военного командования германское правительство распустило слухи о пограничных инцидентах и налетах французской авиации, «обосновывая» этим объявление войны Франции (3 августа 1914 г.) Затем, утверждая, будто Франция собирается вторгнуться в Бельгию, правительство Германии заявило о вступлении немецких войск в эту страну. Бетман-Гольвег назвал международный договор, гарантировавший нейтралитет Бельгии, «клочком бумаги». Правительство Англии использовало просьбу Бельгии о помощи как удобный предлог и 4 августа объявило войну Германии.

Характеризуя роль германского империализма в развязывании первой мировой войны, В. И. Ленин писал: «Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией» [7].

Выше уже шла речь о плане войны против России и Франции, разработанном в 1905 г. тогдашним начальником генерального штаба фон Шлиффеном [8]. Зная, что для мобилизации русской армии необходим срок в три раза больший, чем для немецкой, план предусматривал разгром Франции в три-четыре недели. Граница же с Россией, по мысли Шлиффена, в это время будет прикрыта только слабым заслоном; после разгрома Франции великолепная сеть немецких железных дорог обеспечит быструю переброску победоносных армий на восток. То был план «молниеносной войны», стратегия блицкрига, которая являлась, как писал В. Ульбрихт, «военным выражением противоречия между

[5] «Julikrise und Kriegsausbruch 1914», Bd. 1—2. Hrsg. von J. Geiss. Hannover, 1963—1964.
[6] «Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd. 1, S. 278.
[7] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 16.
[8] См. «История дипломатии», т. II, стр. 602.

силами и целями...» [9] Казалось, что Шлиффен устранил несоответствие между далеко идущими агрессивными планами правящих кругов Германии на Востоке и Западе и недостатком сил для их реализации, позволил не бояться войны на два фронта, об опасности которой не раз предостерегал Бисмарк.

Война со стороны Германии, как и со стороны других великих держав, носила грабительский, империалистический характер. Правда, правящие круги всячески внушали народу, будто его долг — бороться за освобождение Европы от ига царизма, «защищать» Германию от «коварного Альбиона» — Англии и французских войск — союзников русского царя. Но это был наглый обман. На деле правители Германии стремились осуществить свой давний замысел передела мира.

Соответствующие планы, не только в общей форме, но и с вполне конкретными деталями, разрабатывались и в предшествовавшие войне годы. После же ее начала, после первых успехов немецких войск, аппетиты германских аннексионистов разыгрались еще больше. И здесь в первых рядах, естественно, шли крупные промышленники. Уже в августе рурский магнат А. Тиссен потребовал от правительства присоединить к Германии французскую территорию вокруг Брие и Лонгви и немедленно передать расположенные там шахты в руки немецких углепромышленников.

В начале сентября такое же требование выдвинули братья Рехлинг. С письмом, содержавшим аналогичные предложения, обратился к рейхсканцлеру глава Всеобщей компании электричества Ратенау. Между 9 и 13 сентября 1914 г. состоялась встреча Бетман-Гольвега с Тиссеном и Кирдорфом, посвященная вопросу о военных целях Германии [10]. В эти же дни канцлер составил записку на эту тему, сформулировав основные «идеи» относительно аннексий за счет Франции, Бельгии, Люксембурга и превращения Германии в безусловно господствующую силу в Западной Европе [11].

Хозяева тяжелой промышленности, значительная часть военщины во главе с адмиралом Тирпицем считали, что главной целью является разгром основного конкурента — Англии, расширение владений Германской империи в Европе за счет Бельгии и Франции, захват колоний.

Записки с изложением различных аннексионистских требований следовали одна за другой. Объединения финансистов, торгов-

[9] «Einheit», 1959, N 3, S. 362.
[10] «Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd. 1, S. 356—358.
[11] *W. Basler.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918. Berlin, 1962, S. 381—383.

цев и помещиков, реакционные профессора и политические деятели предлагали отнять у Франции ее северное побережье и тем самым блокировать Англию, захватить французские территории, прилегающие к Эльзасу и Лотарингии, получить с Франции контрибуцию, присвоить ее колонии.

Часть господствующего класса — идеологи «Срединной Европы» (В. Ратенау, Ф. Науман), руководители «Дейче банк» и некоторые другие представители финансового капитала первостепенное значение придавали экспансии на Восток: захвату территорий, принадлежащих России, Ближнего Востока. Россию намечалось превратить в «сельскохозяйственную колониальную страну». Восточная граница Германии должна была быть установлена в соответствии со стратегическими соображениями; Прибалтика стала бы важной областью германской колонизации. Английские колонии также должны были перейти к Германии. Создание «Срединной Европы» имело целью объединить под руководством Германии все страны Центральной Европы, включая Австро-Венгрию, Бельгию, часть Франции, а также Польшу и Прибалтику.

Возможности Германии казались почти неограниченными, и эти два течения без особых споров сходились друг с другом в определении агрессивных целей, требуя экспансии в обоих направлениях.

В дальнейшем, уже в ходе войны, программа германских агрессоров уточнялась и дополнялась новыми требованиями [12]. Цели войны были суммированы и одобрены руководителями германского правительства, приобрели официальный характер [13] (хотя и оставались сугубо секретными).

[12] *W. Gutsche.* Erst Europa — und dann die Welt. Probleme der Kriegszielpolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, N 5.

[13] Опубликованные в 60-х годах архивные материалы показывают полную несостоятельность точки зрения историков — апологетов германского империализма, утверждающих, будто требования аннексионистского характера исходили только от «безответственных экстремистов», а не от правительственных кругов. Главная заслуга в разоблачении несостоятельности этой точки зрения принадлежит гамбургскому ученому Ф. Фишеру, который в серии статей, а затем в объемистой монографии (уже цитировавшейся выше) на огромном фактическом материале подтвердил концепцию марксистской историографии о том, что немецкие монополисты, политические и военные руководители Германии разрабатывали до войны и осуществляли в ходе ее обширную экспансионистскую программу с целью завоевания мирового господства.

Работы Ф. Фишера вызвали у представителей официальной исторической науки ФРГ резкое недовольство. Такие ведущие буржуазные историки Западной Германии, как Г. Риттер, Э. Цехлин и др., обрушились на Фишера с нападками, стремясь подорвать огромное впечатление, произведенное его разоблачениями. Но это не остановило гамбургского профессора, который в полемике со своими реакционными оппонентами продолжает раскрывать планы правящих кругов Германии в первой мировой войне (*F. Fischer.* Weltmacht oder Niedergang. Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt am Main. 1965). В том же направлении действуют его ученики, среди которых наиболее плодотворно работает И. Гейс (*I. Geiss.* Der polnische Grenzstreifen 1914—1918. Ein Beitrag zur deutschen Kriegszielpolitik im ersten Weltkrieg. Lübeck — Hamburg, 1960). См. *К. Б. Виноградов.* Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

Таким образом, война велась ради осуществления агрессивных, захватнических планов монополий, банков, юнкерства и милитаристов.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО СОЦИАЛ-ОППОРТУНИСТОВ

Угроза возникновения войны встревожила трудящиеся массы сразу же после сараевского убийства. Даже деятель правого крыла социал-демократической партии Шейдеман признавал, что «огромное большинство народа настроено против войны» [14]. Правление СДПГ обсуждало международное положение, но, вопреки указаниям Базельского конгресса II Интернационала, медлило с организацией массовых антивоенных выступлений. Центральный орган партии газета «Форвертс» писала о «признаках опасности войны», но в то же время утверждала, будто миру в Европе угрожает Белград, а правящие круги Германии выступают против авантюристического курса Австро-Венгрии. Только 25 июля Правление СДПГ наконец призвало трудящихся на массовые собрания протеста против происков поджигателей войны, но и тогда не разоблачило агрессивный курс правящих кругов Германии.

Массовые антивоенные выступления прокатились по всей стране. 28 июля конференция социал-демократов Вюртемберга по предложению К. Цеткин приняла решение «сплачивать и обучать массы на платформе революционной классовой борьбы, чтобы вместе с тем они были готовы самоотверженно использовать всю свою экономическую и политическую мощь для сохранения мира» [15]. Участники многолюдного митинга в Хемнице заявили, что «грядущая война бессмысленна и потому вдвойне преступна» [16]. Пролетариат Германии выступал против войны, но не имел руководства.

[14] *P. Scheidemann.* Memoiren eines Sozialdemokraten, Bd. I. Dresden, 1928, S. 234.

[15] «Vorwärts», 28.VII 1914.

[16] «Sozialdemokratische Korrespondenz», 28.VII 1914.

Между тем в Правлении СДПГ активная и сплоченная группа ревизионистов (Эберт, Шейдеман и др.) ультимативно, угрожая расколом, потребовала от растерявшихся, боявшихся столкновений и репрессий лидеров-центристов (Гаазе, Каутский), чтобы партия положила конец антивоенным акциям, заняла лояльную по отношению к правительству позицию. В то время, как Гаазе на заседании Международного социалистического бюро заверял, что правительство Германии стремится к миру, и обещал добиваться, чтобы оно сдерживало Австро-Венгрию, уверенные в своих силах ревизионисты 29 июля через Зюдекума уведомили Бетман-Гольвега о том, что руководство СДПГ в любом случае поддержит его политику [17].

1 августа большинство социал-демократических газет выступило в поддержку войны потому-де, что война направлена против русского царизма, «за свободу народов России». 2 августа Генеральная комиссия «свободных» профсоюзов, в которой преобладали правые социал-демократы, призвала рабочих поддержать правительство. Решением Генеральной комиссии на все время войны был объявлен «гражданский мир», т. е. рабочие должны были прекратить стачки и другие выступления, отказаться от классовой борьбы, сотрудничать с буржуазией [18].

2 и 3 августа проходили бурные заседания социал-демократической фракции рейхстага. Несмотря на протесты К. Либкнехта и еще 13 депутатов, большинство фракции (97 человек) высказалось за военные кредиты; меньшинство подчинилось большинству. 4 августа фракция СДПГ проголосовала за кредиты на империалистическую войну, грубо нарушив решения Интернационала и съездов своей партии. От имени СДПГ центрист Гаазе заверил императора и рейхстаг в полной поддержке и призвал немецких трудящихся к «гражданскому миру» с буржуазией и помещиками ради «обороны Германии».

Руководство СДПГ, где теперь ревизионисты стали преобладать над центристами, открыто перешло на сторону империалистической буржуазии, порвало с пролетарским интернационализмом. В. И. Ленин писал: «Поведение вождей немецкой с.-д. партии, самой сильной и влиятельной партии II Интернационала (1889—1914), голосовавшей за военный бюджет и повторяющей буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму... На деле эта партия

[17] «Dokumente und Materialien zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Reihe II, Bd. 1. Berlin, 1958, S. 17.
[18] *W. Richter*. Gewerkschaften Monopolkapital und Staat im ersten Weltkrieg und in der Novemberrevolution. Berlin, 1952, S. 40—41.

повела в данное время национально-либеральную политику» [19]. Ленин до конца вскрыл причины позорного предательского поведения руководства СДПГ. В войне за господство над другими нациями, за расширение колоний мелкая буржуазия и рабочая аристократия видели средство укрепления своего привилегированного положения. В результате оппортунизм перерос в социал-шовинизм.

Но противоречия между пролетариатом и буржуазией с началом войны углубились и классовая борьба трудящихся не заглохла. Хотя массы были деморализованы предательством руководства СДПГ и частично захвачены волной шовинизма, во всех областях страны нашлись рабочие и местные партийные группы, встретившие страстными протестами известие о том, что социал-демократическая фракция рейхстага голосовала за военные кредиты [20]. Газета «Бремер бюргерцейтунг» призывала социал-демократию остаться «врагом капитализма и бойни народов», «борцом за социализм и братство всех тех, кто трудится...» [21] Р. Люксембург, Ф. Меринг, Л. Иогихес начали принимать меры, чтобы сплотить левых социал-демократов для борьбы против войны и социал-шовинизма. В социал-демократической фракции рейхстага империалистическую войну резко осуждал К. Либкнехт.

Начало войны благоприятствовало усилению наиболее реакционных элементов юнкерства и буржуазии. Конституционная законность была сломлена, буржуазные свободы ликвидированы. Высшей властью фактически стало верховное командование. В стране было введено осадное положение. Жестоко преследовались все выступления против войны и военной диктатуры. Многие газеты были запрещены, для других введена предварительная цензура. Производились многочисленные обыски и аресты. Учитывая, что руководители социал-демократии и профсоюзов поддерживали политику германского империализма, военные власти помогали им подавлять противников социал-шовинизма внутри СДПГ и профсоюзов.

ПРОВАЛ ПЛАНОВ БЫСТРОЙ ПОБЕДЫ

Согласно плану Шлиффена предполагалось вторгнуться во Францию через территорию слабой нейтральной Бельгии, так как франко-бельгийская граница не была укреплена. Соотношение сил между правым и левым флангами немецкой армии должно

[19] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 1—2.
[20] *В. Спиру*. Когда раздался призыв «Спартака». М., 1936, стр. 3.
[21] «Bremer Bürger-Zeitung», 28.VIII 1914.

было составить 7:1. Немецким армиям следовало совершить глубокий обход Парижа с запада. Французская армия, двигавшаяся навстречу правому флангу, должна была быть отброшена, прижата к швейцарской границе и в короткий срок уничтожена. После разгрома Франции война с Россией представлялась делом нетрудным.

На Западном фронте в целом соотношение сил было в пользу Германии. Она располагала 34 корпусами, 24 отдельными дивизиями и бригадами против 22 корпусов и 27 отдельных дивизий Франции, 6 дивизий Бельгии и экспедиционного корпуса англичан. Большой перевес сил имелся у Германии на правом фланге. Но в расстановке сил германское командование отступило от плана Шлиффена: соотношение их на правом и левом флангах Западного фронта было установлено в пропорции 3 : 1. На этом настояли промышленники, чтобы оградить от возможного вторжения французских войск индустриальные центры Рейнской области и Саара.

В первые дни войны германские армии, вступившие в Бельгию, взяли крепости Льеж и Намюр. Пока немцы подавляли сопротивление бельгийских войск, к франко-бельгийской границе были подброшены английский экспедиционный корпус и вторая французская армия. Вместо обхода французских войск с севера, как это предполагал Шлиффен, германские войска 21—25 августа завязали с ними бои у пограничной крепости Мобеж. Благодаря превосходству в численности, в артиллерии и пулеметах германская армия выиграла это сражение. Положение Франции крайне осложнилось. Четыре немецкие армии угрожали Парижу, форсировали р. Марну от Мо до Шалона, подошли к Вердену; однако правый фланг германских войск так и не совершил обхода Парижа с северо-запада [22].

Но на ход событий на Западном фронте неожиданно для немцев повлияло то, чего не предусмотрел Шлиффен. Вопреки ожиданиям германского генерального штаба, вооруженные силы России, еще не закончившей мобилизации и развертывания, на 14-й день войны перешли в наступление. 20—22 августа германские войска понесли поражение у Гумбинена. Значительная часть Восточной Пруссии с имениями юнкеров попала в руки русских. Юнкерство возмущенно требовало защитить его владения, и германское командование спешно сняло с Западного фронта два пехотных корпуса и одну кавалерийскую дивизию и перебросило эти силы на Восток. Сюда же спешно направлялись резервы, предназначавшиеся для Западного фронта. Русские армии вскоре потерпели поражение у Мазурских озер. К середине сентября немцам удалось вытеснить русских из Восточной Пруссии и вторгнуться на территорию России. Но своей кровью русские спасли Францию, дав ей необходимую передышку.

[22] *А. Коленковский.* Маневренный период первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940.

5 сентября французские войска начали наступление против вражеских армий, форсировавших Марну. Развернулось сражение, в котором с обеих сторон участвовало 1,5 млн. человек [23]. Атаки французов заставили одну из германских армий начать отход на север. В немецком фронте появилась брешь, куда вклинились англо-французские войска. Утром 9 сентября немцы вынуждены были покинуть левый берег Марны. Стремясь избежать окружения, они к 12 сентября отступили на 60—80 км. Здесь германские войска собрались с силами, окопались и остановили французов на р. Эн.

Поражение на Марне лишило Германию надежды на быструю победу над Францией. Оно означало провал авантюристической стратегии молниеносной войны. Германия оказалась вынужденной вести затяжную войну на два фронта. Это предопределило ее поражение, так как у стран Антанты резервы были бо́льшими, чем у Германии и ее союзников. Начальник генерального штаба Мольтке ушел в отставку, его преемником был назначен генерал Фалькенгайн, являвшийся в то же время и военным министром.

В сентябре 1914 г. оба противника закрепились на достигнутых рубежах — от швейцарской границы до р. Эн, создав систему окопов, блиндажей, проволочных заграждений. Однако к западу от р. Уазы и до берега Северного моря оставалось еще свободное пространство. Фалькенгайн пытался использовать его для обхода левого фланга французских войск, последние же стремились к охвату правого фланга германской армии. Крупнейшим сражением этого периода была битва во Фландрии в октябре — ноябре 1914 г. Вскоре армии противников вышли к морю, и маневренный период войны на Западном фронте окончился.

Но в это время русские войска добились успеха на русско-австрийском фронте в Галиции. Часть немецких войск из Восточной Пруссии была срочно переброшена на помощь австро-венгерской армии. Тем не менее русские армии перешли в наступление одновременно по фронту Варшава — Ивангород и на р. Сан. Немецкие и австро-венгерские войска начали быстро отступать. Создалась угроза для Силезии и Познани, входивших тогда в состав Германии; русские войска вновь вступили на территорию Восточной Пруссии.

[23] *А. С. Силин.* Преступление империализма — трагедия народов. Очерки войны 1914—1918 гг. М., 1964, стр. 39.

1 ноября 1914 г. главнокомандующим Восточного фронта стал Гинденбург, а начальником его штаба — Людендорф [24]. Формировались новые дивизии и корпуса из населения пограничных областей Германии. С Западного фронта в распоряжение Гинденбурга были переброшены два кавалерийских и четыре армейских корпуса, а также отдельные части. Чтобы остановить продвижение русских войск, в ноябре германское командование начало наступление по Висле из района Торуня. Стремясь отвлечь с Восточного фронта часть русских войск, Германия добилась вступления Турции в войну против Антанты.

Если на суше силы двух блоков были примерно равны, то на море явный перевес имела Антанта. Германия была отрезана от своих колоний и потеряла их. Но неожиданный успех выпал на долю нового оружия — немецких подводных лодок. Они наносили английскому флоту заметные потери, вынудили его покинуть якорные стоянки в Северном море, причиняли ущерб неприятельской торговле. Было развернуто строительство более 50 новых подводных лодок.

В итоге военных действий 1914 г. Германия захватила Бельгию и 10 наиболее богатых северных и восточных департаментов Франции, ее войска вторглись в западные области России. Людские потери германских армий были меньше потерь Антанты [25].

Но быстрая победа достигнута не была. Германия вынуждена была сражаться одновременно на западе и востоке. Война приняла затяжной характер.

Германское командование настойчиво искало пути военного разгрома противников. Фалькенгайн уже с 1915 г. не верил в возможность победы, если Германия будет продолжать войну на два фронта. При поддержке военно-морского командования, стремившегося прежде всего сокрушить Англию, он выступал за сепаратный мир с Россией. Такова была и точка зрения Бетман-Гольвега, разделявшего соображения банковских и торгово-промышленных кругов, что главным противником является Англия [26]. Однако он не считал возможным игнорировать интересы другой группировки финансового капитала, а также союзников Германии — Австро-Венгрии и Турции, для которых основным врагом была Россия. Поэтому рейхсканцлер не хотел предлагать России мир, а стремился заставить ее просить мира, что позволило бы осуществить хотя бы часть захватнических планов Центральных держав на Востоке.

[24] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 1. М., 1963, стр. 86.
[25] *H. Otto, K. Schmiedel, H. Schnitter.* Der erste Weltkrieg. Militärhistorischer Abriss. Berlin, 1964, S. 74.
[26] «Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd 1, S. 381.

В соответствии с этим правящие круги в 1915 г. планировали «нанести поражение России еще в течение этого лета» [27]. В феврале — марте немцам в ожесточенных боях у Мазурских озер удалось вытеснить русские войска за пределы Восточной Пруссии. Из подкреплений, полученных с запада и из тыла, были сформированы две новые армии. В мае 1915 г. немецкие и австро-венгерские войска прорвали фронт на Среднем Дунайце. Русская армия с боями отходила к Висле. Немецкие войска начали наступление севернее Варшавы. В августе Варшава пала. К концу 1915 г. немцы захватили всю Польшу и часть Прибалтики, взяли ряд важных крепостей.

Половина всех вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии находилась на Восточном фронте; они несли тяжелые потери. Но принудить Россию к сепаратному миру так и не удалось.

Военные действия на Западном фронте в 1915 г. в основном сводились к отражению атак войск Антанты в Шампани, Артуа и во Фландрии, где англо-французы понесли колоссальные потери, но не смогли добиться успехов. Активные операции германской армии ограничились лишь атакой севернее р. Ипр в апреле — мае, где немцы впервые применили удушливые газы, грубо поправ Гаагскую конвенцию, запрещавшую использование газов. Но, несмотря на это, немецкое командование добилось и здесь только тактического успеха. С ноября 1914 г. по декабрь 1915 г. Германия потеряла на Западном фронте почти полтора миллиона солдат убитыми, ранеными и пропавшими без вести; сколько-нибудь существенно положение, однако, не изменилось.

Германское командование рассчитывало поставить Англию на колени беспощадной подводной войной. С февраля 1915 г. по январь 1916 г. германские подводные лодки потопили более 700 кораблей различных стран. Немецкие лодки топили без всякого предупреждения даже торговые пароходы нейтральных стран. Архивные документы свидетельствуют, что морское командование своим приказом от 18 февраля 1915 г. (имевшим совершенно секретный характер) фактически разрешило это командирам подводных лодок, освободив их от какой-либо ответственности за последствия [28].

7 мая 1915 г. германская подводная лодка потопила английский океанский пароход «Лузитания»; при этом погибло немало американских граждан. Правительство США, использовав потопление «Лузитании», категорически потребовало немедленного прекращения неограниченной подводной войны. Это требование поддержал и ряд нейтральных стран. Германское командование вы-

[27] *F. Fischer.* Griff nach der Weltmacht, S. 231.
[28] «Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd 2, Berlin, 1968, S. 96

нуждено было отдать приказ не топить пассажирские пароходы без предупреждения.

Что касается торгового судоходства Антанты, то угроза, создавшаяся для него, постепенно была уменьшена, а затем и устранена благодаря быстрому строительству кораблей и разработке эффективных мер борьбы с подводными лодками [29]. В результате попытка Германии добиться победы над Антантой путем подводной войны не увенчалась успехом.

Тем временем германская дипломатия вела напряженную борьбу за привлечение новых союзников. Для осуществления ее планов на Балканах большое значение имело присоединение Болгарии к блоку Центральных держав. Германия и Австро-Венгрия предложили последней значительную часть территории Сербии и обещали также вознаграждение за счет Греции и Румынии. 6 сентября 1915 г. Болгария подписала союзный договор с Германией и Австро-Венгрией. Она предоставила в их распоряжение полумиллионную армию. Сложился четверной союз Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Других союзников Германии найти не удалось.

ЗАСИЛЬЕ МОНОПОЛИЙ И БЕДСТВИЯ ТРУДЯЩИХСЯ. НАЧАЛО АНТИВОЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

Затяжная война потребовала крайнего напряжения всех сил страны. Буржуазно-помещичье государство стало регулировать хозяйство с целью максимального расширения военного производства. Укреплялась система государственно-монополистического капитализма, которая начала складываться еще до войны. Происходили слияние государственного, в частности военного, аппарата с аппаратом монополий, сосредоточение монополистических и государственных функций в руках одних и тех же лиц [30]. В 1916 г. В. И. Ленин писал, что Германией *управляют* не более 300 магнатов капитала [31]. Они использовали государственную власть, чтобы усилить эксплуатацию рабочих и других слоев трудящихся, подавлять всякое сопротивление с их стороны.

Для финансирования войны требовались огромные средства. До марта 1915 г. Германия ежедневно расходовала на войну 36 млн. марок, позднее расходы возросли, составляя 100 и более млн. марок

[29] *Р. Гибсон* и *М. Прендергаст*. Германская подводная война 1914—1918 гг. М., 1938, стр. 76—77.
[30] *A. Schröter*. Krieg, Staat, Monopol 1914—1918. Berlin, 1965, S. 123—143.
[31] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 332.

в день. Бóльшая часть этих сумм шла на оплату военных заказов, т. е. попадала в карманы монополистов. Государство покрывало расходы за счет народа. Затраты на здравоохранение и пенсии инвалидам были сокращены, косвенные налоги увеличены почти вдвое; в 1917 г. они равнялись 1203,5 млн. марок. Тяжелым бременем на трудящихся ложились многомиллиардные внутренние займы. В стране началась инфляция, что сильно ухудшило положение широких масс.

С самого начала войны особую остроту приобрела проблема военно-стратегического сырья. Уже в августе 1914 г. было создано специальное управление для его распределения. Запасы сырья и продовольствия пополнялись за счет грабежа захваченных земель, откуда все ценное увозилось в Германию. Торговля со Швецией, Норвегией, Данией, Голландией и Швейцарией была в условиях блокады известной отдушиной, но она не могла покрыть всех потребностей. Широко развернулись поиски эрзацев (заменителей). Но даже прибегнув ко всем этим средствам, решить полностью проблему сырья так и не удалось.

Гражданское производство и строительство были свернуты. Регулирование военного производства и распределение военных заказов осуществлялось Центральным управлением военным хозяйством, куда входили виднейшие представители финансовой олигархии (Ратенау, Клекнер, Мертон), а также государственные чиновники и военные.

В интересах монополий государство проводило принудительное синдицирование, лишало сырья и средств мелких и средних предпринимателей. Статс-секретарь ведомства финансов банкир Гельферих добивался «сосредоточения производства лишь на высокопроизводительных предприятиях и остановки менее производительных» [32]. Исключительное право на получение сырья и увеличение производства получили объединения промышленников, контролировавшиеся монополиями. Союзы работодателей вместе с военными и чиновниками образовали так называемые третейские комиссии для сотрудничества с профсоюзами, поддерживавшими «гражданский мир», для распределения рабочей силы и регулирования условий труда. Военно-хозяйственные органы проводили реквизицию сырья и продовольствия, устанавливали нормы выдачи его населению и продажи сельскохозяйственной продукции, ограничивали личное потребление земледельцев.

В 1915 г. военные материалы составляли 38% всей промышленной продукции, в 1917 г.—75%. Монополисты и банкиры баснословно наживались. «Прибыли известных групп капиталистов

[32] *K. Helfferich*. Der Weltkrieg, Bd II. Berlin, 1919, S. 244.

от войны неслыханно, скандально велики»[33],— указывал В. И. Ленин. Значительно увеличились доходы помещиков.

Однако в результате нехватки квалифицированных рабочих и сырья, снижения производительности труда (мужчины все чаще заменялись на производстве женщинами) и других причин промышленное производство в Германии уменьшалось. Добыча угля упала с 190 млн. т в 1913 г. до 159 млн. т в 1916 г., выплавка чугуна — с 16 700 тыс. т до 11 300 тыс. т, стали — с 16 900 тыс. т до 13 000 тыс. т. Продукция сельского хозяйства сократилась за 1914—1916 гг. почти в два раза. Резко уменьшилось поголовье домашнего скота, особенно свиней. Поэтому с 1915 г. стал ощущаться недостаток всех жизненно важных товаров для населения и сырья для промышленности. В 1916 г. истощение страны приняло серьезные размеры.

Война, милитаризация экономики и засилье монополий принесли неисчислимые бедствия трудящимся Германии. Уже за первых два года в армию было мобилизовано около 7 млн. человек — свыше 20% мужского населения. Только на Западном фронте до декабря 1916 г. погибло более 2,4 млн. человек. Тяжелой и безрадостной была судьба уцелевших. Один из морских офицеров прямо заявил матросам: «Подохнете вы с голоду или нет, нам безразлично. Люди — второстепенное дело, так как их мы можем получить столько, сколько захотим»[34].

Тяжелые лишения обрушились на трудящихся и в тылу. Они сильно страдали от дороговизны. В 1915 г. были введены карточки на хлеб, в 1916 г.— на мясо. Осенью 1916 г. по карточкам можно было получить всего 1344 калории на сутки. Положение населения Германии некоторые наблюдатели называли «гениально организованным голодом»[35].

Особенно тяжелым было положение рабочего класса. Опираясь на военную диктатуру и используя предательство социал-демократических и профсоюзных лидеров, буржуазия в первые годы войны проводила политику «замораживания» зарплаты. Хотя рабочим подчас удавалось добиваться повышения оплаты труда, их реальная заработная плата из-за быстрого роста цен все время снижалась. Даже с учетом оплаты за сверхурочные работы она в 1917 г. была на 27% ниже, чем в 1914 г. Уже к весне 1916 г. длительность рабочего дня возросла до 11—12 часов. Были отменены запрещение детского труда и установленное ранее ограничение рабочего дня для подростков.

[33] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 220.
[34] «Die Ursachen des deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Bd. XI, T. 1. Berlin, 1929, S. 114.
[35] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

Эти бедствия способствовали усилению антимилитаристских настроений. С августа 1915 г. во многих городах Германии происходили стихийные бунты и демонстрации голодных. В 1915 г. бастовало 26 248 рабочих; эти выступления расшатывали «гражданский мир».

Выразителями и защитниками интересов германского народа были левые, революционные социал-демократы К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, В. Пик и др.

2 декабря 1914 г., когда в рейхстаге обсуждался вопрос о новых военных кредитах, только К. Либкнехт, один из 110 социал-демократических депутатов, проголосовал против. Он потребовал «немедленного, ни для кого не унизительного мира, мира без аннексий»[36]. Его мужественное выступление стало для немецкого рабочего класса сигналом к борьбе против империалистической войны. Первым из зарубежных революционных социал-демократов Либкнехт, вслед за Лениным, потребовал взамен потерпевшего крах II Интернационала создать новый Интернационал на революционных принципах, без оппортунистов. Идеи Интернационала поддерживали социал-демократические газеты «Бремер бюргерцейтунг», «Готаер фольксблатт», «Социал-демократ» в Штутгарте, где большинство членов СДПГ организационно порвало с социал-шовинистами[37].

В немецкой и иностранной печати, на собраниях рабочих левые социал-демократы разоблачали грабительский характер войны. В одной листовке, написанной Либкнехтом в мае 1915 г., говорилось: «Главный враг германского народа находится в Германии; это — германский империализм, германская военная партия, германская тайная дипломатия»[38]. Р. Люксембург заявила, что голосование депутатов СДПГ в рейхстаге за военные кредиты покрыло партию позором и превратило ее в «смердящий труп». Резко осуждая социал-шовинизм, левые подчеркивали свою верность пролетарскому интернационализму и антивоенным решениям II Интернационала. Они разоблачали также вред центризма, ценившего единство с ревизионистами выше принципов социализма. Левые решительно отвергали лозунг «гражданского мира», считая, что только путем классовой борьбы, массовых выступлений можно добиться мира между народами[39].

[36] «Dokumente und Materialien...», Reite II, Bd. 1, S. 80.
[37] *В. Бартель.* Левые в германской социал-демократии в борьбе против империализма и войны. М., 1959.
[38] *К. Либкнехт.* Избранные речи, письма и статьи. М., 1961, стр. 228.
[39] *H. Wolgemuth.* Burgkrieg, nicht Burgfriede! Der Kampf Karl Liebknechts, Rosa Luxemburgs und ihrer Anhänger um die Rettung der deutschen Nation in den Jahren 1914—1916. Berlin, 1963.

Военные власти и полиция преследовали левых. Люксембург, Цеткин, Пик и их единомышленники были посажены в тюрьму, Либкнехта призвали в армию и отправили на фронт. Левым приходилось печатать и распространять свои статьи нелегально. Весной 1915 г. были подпольно изданы выступления К. Либкнехта против войны и социал-шовинизма. Было решено также издавать журнал «Интернационал». В апреле 1915 г. вышел первый его номер со статьями Р. Люксембург, Ф. Меринга, К. Цеткин и др.

Немецкие левые идейно и политически были сильнее революционных социалистов многих зарубежных стран. Но они не имели единого организационного центра. Большинство из них считали, что нужно оставаться в партии и попытаться завоевать ее изнутри.

Постепенно в борьбе против социал-шовинизма разрозненные силы революционного направления в СДПГ стали складываться в группы, которые особенно активно действовали в Берлине, Штутгарте, Бремене, Гамбурге, в промышленных центрах Рейнской области и Саксонии. 18 марта, а затем 28 мая 1915 г. под руководством левых социал-демократов состоялись первые антивоенные демонстрации перед зданием рейхстага. Военные власти запретили журнал «Интернационал», но на его платформе под руководством Р. Люксембург, К. Либкнехта и их единомышленников сплотилось ядро, развернувшее революционную пропаганду. Было положено «начало добровольной связи между оппозиционными группами различных городов Германии» [40].

В. И. Ленин поддерживал немецких левых, критиковал их нерешительность, помогал стать на правильные позиции. Он считал, что в Германии «фактически растет, крепнет, организуется *новая* партия, действительно рабочая, действительно революционно-социал-демократическая» [41].

Пример большевиков способствовал активизации революционных сил в СДПГ. С осени 1915 г. они стали издавать и распространять информационный материал — «Политические письма». Либкнехт выступал в рейхстаге и прусском ландтаге с разоблачением грабительской политики правительства. 21 и 30 ноября в Берлине состоялись демонстрации с антивоенными лозунгами и пением «Интернационала». Манифестации против голода и войны были проведены в Штутгарте, Бремене и других городах.

[40] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2. Berlin, 1966, S. 242.
[41] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 253.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В 1916 Г. РОСТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ И ГРУППА «СПАРТАК»

К началу 1916 г. германский генеральный штаб окончательно убедился, что у Германии не хватает сил для разгрома России. В декабре 1915 г. Фалькенгайн докладывал кайзеру, что удар на Петроград «не сулит решительного результата. Движение на Москву ведет нас в область безбрежного. Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами. Поэтому Россия как объект наступления исключается» [42]. Фалькенгайн считал, что силы Франции напряжены до крайности. «Если удастся ясно доказать ее мирному народу, что ему в военном отношении не на что рассчитывать, тогда предел будет перейден, меч будет выбит из рук Англии... Франция истечет кровью...»,— писал он [43]. Германское командование решило наступать на западе.

Прорыв фронта представлялся делом трудным. Франция и Англия быстро преодолевали отставание в тяжелой артиллерии и другой технике. Поэтому германские милитаристы решили вести бой на истощение, перемалывание сил противника на таком участке, «для защиты которого французское командование будет вынуждено пожертвовать последним человеком» [44]. Но Фалькенгайн и его единомышленники не могли не понимать, что и немецкая армия неминуемо понесет огромные потери.

21 февраля 1916 г. германские войска атаковали узкий участок у Вердена: взятие этой крепости грозило прорывом фронта в особенно уязвимом для французов месте. Сотни тысяч снарядов обрушились на французские форты и траншеи на правом берегу Мааса.

Каждый клочок земли перепахивался снарядами и обильно орошался кровью немцев и французов. Атаки продолжались до 30 июня. Казалось, Верден вот-вот падет. Но французы проявили большое упорство в обороне. Германским войскам за все время боев у Вердена удалось захватить лишь небольшой клочок земли. Этот клочок они оплатили более чем 334 тыс. убитых, раненых и пропавших без вести. Французы потеряли 442 тыс., но удержали Верден.

[42] *Э. фон Фалькенгайн.* Верховное командование в его важнейших решениях. М., 1923, стр. 200.
[43] Там же.
[44] Там же.

Чтобы ослабить нажим немцев, 1 июля французская и английская армии начали наступление по обоим берегам реки Соммы.

В сентябре англичане применили здесь новое средство борьбы — танки. Они произвели немалое впечатление и обеспечили местный успех. Тяжелые бои на Сомме длились до конца ноября, что позволило французам захватить инициативу у Вердена в свои руки, оттеснить немцев и вернуть важные позиции. «Верденская мясорубка» перестала действовать только в декабре 1916 г. Германия вынуждена была перейти к обороне.

Военное положение Германии осложнялось успехами русских войск на Восточном фронте. В марте 1916 г. они атаковали немцев у Сморгони. Положение германских армий на этом участке стало критическим, и командование бросило сюда часть резервов, предназначенных для Вердена.

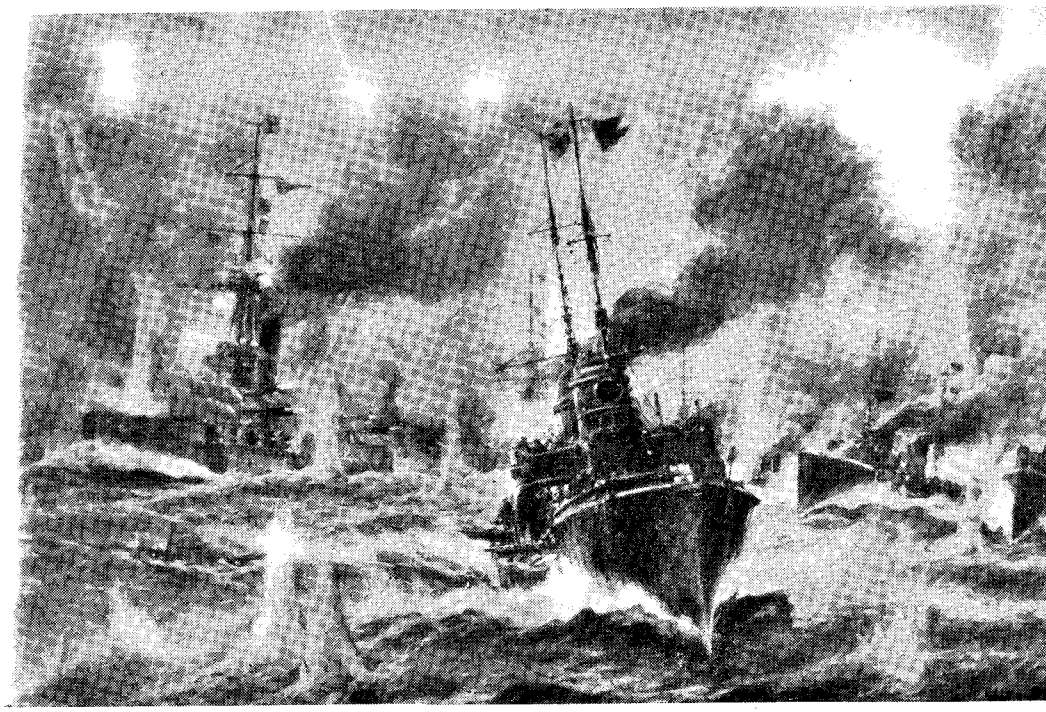
В июне русские войска Юго-Западного фронта перешли в наступление против австро-венгерской армии. Им удалось прорвать оборону противника на участке в 280 км и продвинуться вглубь на 60—120 км. В то же время русские войска атаковали немцев на центральном участке фронта. Как признавал Людендорф, «положение Восточного фронта сразу стало исключительно серьезным» [45]. Сюда была переброшена часть немецких дивизий с запада. Несмотря на это, русские войска заняли часть Галиции и Буковину, вошли в Карпаты. Но коммуникации их были растянуты, боеприпасов не хватало.

Война на море в течение длительного времени проходила без крупных сражений. Но 31 мая 1916 г. у берегов Ютландии произошло наконец столкновение крейсерских эскадр Англии и Германии.

На помощь немецким и английским кораблям подоспели главные силы их флотов. План немецкого военно-морского командования разбить английский флот по частям не удался. У англичан оказался решительный перевес, и германские корабли вынуждены были спасаться от разгрома на своих базах. После Ютландского сражения немцы не могли и мечтать о прорыве морской блокады. До конца войны главные силы германского флота отсиживались в гаванях, а английский флот по-прежнему господствовал на море.

Вера господствующих классов Германии в возможность добиться победы военными средствами была поколеблена. Однако в 1916 г. они имели «известные шансы посредством политики умеренности и лавирования выйти из войны по крайней мере без уничтожающего поражения» [46]. Правительство Бетман-Гольвега

[45] *Э. Людендорф.* Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 1, стр. 178.
[46] *F. Klein.* Deutschland 1897/98—1917. Berlin, 1961, S. 336.



Морское сражение между немецкими и английскими судами. 1916 г.

пыталось улучшить международное положение Германии дипломатическими средствами. В конце 1915 г. оно начало тайные переговоры с Бельгией и Россией о возможности сепаратного мира. Но Бельгия не соглашалась стать вассалом Германии, чего от нее требовали, и в феврале 1916 г. переговоры с нею кончились безрезультатно.

Зондаж позиции России, продолжавшийся до весны 1916 г., тоже не дал ничего определенного.

Наиболее агрессивная часть правящих кругов во главе с генералами Гинденбургом и Людендорфом пыталась возложить ответственность за военные неудачи на Фалькенгайна, резко критиковала его «стратегию истощения» и пропагандировала «стратегию сокрушения».

Обескураженный неудачами и потерявший веру в победу, Фалькенгайн ушел в отставку.

В августе 1916 г. начальником генерального штаба был назначен Гинденбург, а его помощником Людендорф, который с этого времени стал фактическим руководителем всех военных операций. В Германии еще более усилилось влияние милитаристской группировки, стремившейся добиться победы любой ценой.

По требованию верховного командования была разработана так называемая программа Гинденбурга, предусматривавшая значительное увеличение производства вооружения и боеприпасов. Для ее выполнения предприятия, не связанные с производством военных материалов, лишались топлива и сырья.

Напряжение всех сил для выполнения «программы Гинденбурга», не соответствовавшей реальным возможностям страны, ускорило истощение Германии.

Многие вновь построенные предприятия бездействовали из-за отсутствия рабочей силы, транспорт не справлялся с перевозками. Все острее становилась нехватка угля и сырья; производство суррогатов не смогло сделать экономику независимой от импорта.

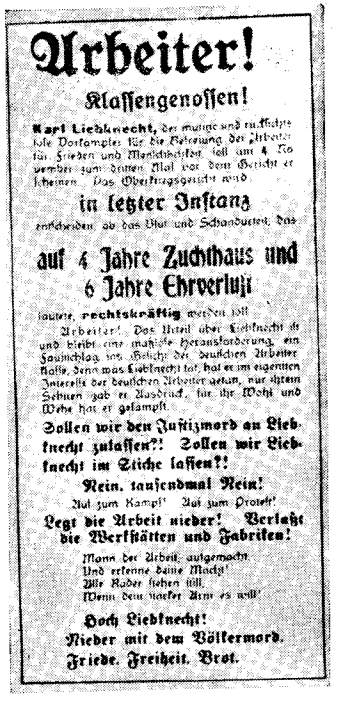
В конце 1916 г. дело дошло до введения в стране принудительного труда. По закону о «вспомогательной службе для отечества» трудовая повинность стала обязательной для всех мужчин от 18 до 60 лет и для женщин от 20 до 55 лет. Запрещалось менять место работы по своему желанию. Германия, по выражению В. И. Ленина, превратилась в военную каторгу для рабочих [47]. В трудном положении оказались также мелкие и средние крестьяне.

Объективная обстановка постепенно начинала складываться в пользу революционных сил. Но тем более остро ощущалось отсутствие руководящего центра антимилитаристской борьбы.

1 января 1916 г. в Берлине состоялась общегерманская конференция группы «Интернационал». Ее участники обсудили доклад Либкнехта о политическом положении и обменялись опытом работы в массах. Конференция «ориентировала рабочий класс и все силы немецкого народа, действительно заинтересованные в мире, на необходимость свержения империализма и милитаризма» [48].

Было решено впредь издавать «Политические письма» регулярно. Подпись под ними — «Спартак» — стала с тех пор наименованием группы. Ее программой явились принятые конференцией тезисы, разработанные Р. Люксембург с участием К. Либкнехта. Они не были свободны от недостатков — не подвергали критике центризм, не касались вопроса о союзниках пролетариата, не говорили о необходимости создания самостоятельной партии. Но в целом тезисы были боевой платформой борьбы против германского империализма. Работа группы «Спартак», как указывал В. И. Ленин, «спасла честь немецкого социализма и немецкого пролетариата» [49].

[47] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 191.
[48] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 269.


Arbeiter!

Klassengenossen!

Karl Liebknecht, der mutige und rücksichtslose Vorkämpfer für die Befreiung der Arbeiter für Frieden und Menschlichkeit, soll am 4. November zum dritten Mal vor dem Gericht erscheinen. Das Oberkriegsgericht wird

in letzter Instanz

entscheiden ob das Urteil und Schandurteil, das

auf 4 Jahre Zuchthaus und 6 Jahre Ehrverlust

lautete, rechtskräftig werden soll.

Arbeiter!... Das Urteil über Liebknecht ist und bleibt eine infame Herausforderung, ein Faustschlag ins Gesicht der deutschen Arbeiterklasse, denn was Liebknecht tat, hat er im eigensten Interesse der deutschen Arbeiter getan, nur ihrem Sehnen gab er Ausdruck, für ihr Wohl und Wehe hat er gekämpft.

Sollen wir den Justizmord an Liebknecht zulassen?! Sollen wir Liebknecht im Stiche lassen?!

Nein, tausendmal Nein!

Auf zum Kampf! Auf zum Protest!

Legt die Arbeit nieder! Verlaßt die Werkstätten und Fabriken!

Wann der Arbeit aufgemacht,
Und erkennt deine Macht!
Wie Räder stehen still,
Wenn dein starker Arm es will!

Hoch Liebknecht!
Nieder mit dem Völkermord.
Friede. Freiheit. Brot.

Листовка в защиту Карла Либкнехта. 1916 г.

На конференции группы «Спартак», состоявшейся в марте 1916 г., было решено, что целью пропаганды «должно явиться развитие предпосылок для больших революционных массовых выступлений» [50]. Со «Спартаком» солидаризировалась оппозиция в ряде местных организаций СДПГ, его поддержала общегерманская конференция рабочей молодежи, собравшаяся нелегально в Иене.

Передовые рабочие, разрушившие «гражданский мир», с особенным вниманием прислушивались к выступлениям К. Либкнехта, который с трибуны прусского ландтага открыто призвал солдат и рабочих «повернуть оружие и выступить против общего врага» [51], т. е. против германских империалистов. 1 мая 1916 г. на Потсдамской площади в Берлине по призыву спартаковцев состоялась 10-тысячная демонстрация рабочих, работниц и солдат. Она прошла под лозунгами, провозглашенными Либкнехтом: «Долой войну! Долой правительство!». Аналогичные митинги состоялись 1 мая и в ряде других городов.

Суд над Либкнехтом, арестованным во время демонстрации в Берлине, вызвал возмущение рабочих. Под лозунгом Либкнехта: «Долой войну!», «Долой правительство!» — по Германии прокатилась волна политических стачек и демонстраций. В Бремене они продолжались четыре дня. 24 июня 2-тысячное шествие

[49] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 50, стр. 196.
[50] «Spartakusbriefe». Berlin, 1958, S. 137.
[51] «Bremer Bürger-Zeitung», 17.III 1916.

с пением «Интернационала» прошло по Штутгарту. 25-тысячная демонстрация состоялась 27 июня в Берлине. Она возобновилась на следующий день перед зданием военного суда, где проходил процесс над Либкнехтом. Была объявлена первая массовая политическая стачка за годы войны; в стачке участвовало 55 тыс. рабочих Берлина. В Брауншвейге бастовало около 8 тыс. человек.

Рабочие не добились освобождения Либкнехта; он был осужден к каторжным работам на четыре с лишним года. Но антивоенное движение продолжало расти вширь; в него включались также солдаты и матросы.

Учитывая настроения масс, некоторые центристы организовали в июне 1915 г. сбор подписей под письмом Правлению СДПГ, содержавшим требование «развернуть по всей линии классовую борьбу и социалистическую борьбу за мир» [52]. Было собрано более 1000 подписей. Но лидеры центристов: Каутский, Гаазе, Бернштейн и их единомышленники — не желали размежеваться с социал-шовинистами; они противились развертыванию массовых действий, стремились ограничить борьбу за мир выступлениями в парламентах.

В декабре 1915 г. 20 депутатов рейхстага — центристов заявили, что отклоняют военные кредиты; свое выступление они мотивировали тем, что «границы нашей страны и наша независимость обеспечены» [53]. Вскоре шовинистское большинство исключило «бунтовщиков» из социал-демократической фракции рейхстага. Это вынудило их образовать весной 1916 г. свою фракцию — так называемое Трудовое содружество. Его лидеры претендовали на руководство всей оппозицией внутри СДПГ, стремясь подчинить себе левых, считали революцию во время войны невозможной и стремились «ради сохранения единства» к примирению с социал-шовинистами. Деятельность социал-пацифистов, указывали левые, «лишает готовые к борьбе элементы лучших сил, сковывает и парализует их» [54].

На состоявшейся в сентябре 1916 г. конференции СДПГ социал-шовинисты, центристы и левые выступали уже как три фракции.

[52] «Dokumente und Materialien...», Bd 1, S. 173.
[53] «Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstags». Bd. 306, S. 507.
[54] *R. Luxemburg.* Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, 1951, Bd. 1, S. 130

НАЧАЛО КРИЗИСА «ВЕРХОВ» И «МИРНОЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

Рост революционного движения в течение 1916 г. вызвал серьезные опасения господствующих классов. Министр внутренних дел Гельферих вынужден был публично признать в рейхстаге, что опасность революции вполне реальна. Для разгона рабочих демонстраций и митингов полиция применяла оружие, в некоторых же городах против трудящихся посылались войска. Вместе с тем Бетман-Гольвег, убедившись, что обещания провести преобразования после окончания войны более не действуют на массы, стал склоняться к мысли о проведении умеренной реформы трехклассной избирательной системы в Пруссии. Однако консерваторы и милитаристы, составлявшие окружение кайзера, не желали ничем поступиться и отклонили проект, воспрепятствовав запланированному правительством маневру [55].

В другой области маневрирование было осуществлено. Чтобы укрепить морально-политические позиции Германии и сформировать дивизии из польского населения, германское правительство 6 ноября 1916 г. провозгласило «независимую Польшу», как «самостоятельное государство с наследственной монархией и конституционным правлением» [56]. В нее были включены только польские земли, входившие в состав России. Однако надежда на поддержку со стороны поляков не оправдалась — за небольшим исключением они отказались воевать за интересы германского империализма. В то же время создание «независимой Польши» вызвало сильное возмущение царского правительства и сорвало новые переговоры о сепаратном мире с Россией, начавшиеся в июле 1916 г.

Все эти уловки правящие круги Германии рассматривали как предпосылку к «мирной акции». Она вытекала, как и в других воюющих странах, из все более очевидной невозможности добиться победы в войне; германские империалисты, занимавшие более выгодные позиции, надеялись достичь своих целей посредством империалистического мира. Но единства на этот счет в «верхах» не было, как не было его и среди политических партий. Мирную инициативу полностью поддерживали лишь социал-демократы и прогрессисты; консерваторы и национал-либералы стояли на прежних позициях, партия Центра лишь начинала отходить от них.

[55] «Politik im Krieg 1914—1918». Studien zur Politik der deutschen herrschenden Klassen im ersten Weltkrieg. Berlin, 1964.
[56] *W. Basler.* Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum 1914—1918, S. 153 ff.

По настоянию военного командования для мирного предложения был избран момент, когда германские войска добились очередного успеха — взятия Бухареста.

12 декабря 1916 г. Германия обратилась к правительствам нейтральных держав с нотой, выразив готовность немедленно приступить к мирным переговорам[57]. Кайзеровское правительство имело в виду аннексионистскую программу мира, но умалчивало об этом. Однако страны Антанты не приняли предложения Германии. «Мирная акция», имевшая целью закрепить достигнутые Германией завоевания и продемонстрировать ее мнимое миролюбие, провалилась.

Отказ Антанты усилил влияние наиболее агрессивных элементов буржуазии, юнкерства и милитаристов, добивавшихся расширения масштабов мировой бойни. С фанатизмом обреченных они доказывали, что победа может быть достигнута исключительно благодаря беспощадной подводной войне. По их инициативе, поддержанной кайзером, Германия в январе 1917 г. вновь начала неограниченную подводную войну. Однако это решение, казавшееся «прыжком к цели», лишь осложнило положение страны и углубило кризис «верхов».

Подводная война привела к резкому обострению конфликта с США. 3 февраля 1917 г. Соединенные Штаты порвали дипломатические отношения с Германией. В апреле 1917 г., после того как в России произошла Февральская революция и ее народ все более решительно стал требовать мира, США объявили войну Германии. Американские империалисты, присоединившись к Антанте на последнем этапе борьбы, стремились обеспечить себе право участия в послевоенном переделе мира.

Вступление США в войну заметно осложнило положение Германии. Ее правящие круги с еще большей настойчивостью стали искать путей разгрома европейских противников, торопясь добиться победы раньше, чем США смогут развернуть свои силы. Германские империалисты надеялись, что русская революция и нежелание солдат продолжать грабительскую войну ослабят русскую армию. Командование рассчитывало в короткий срок нанести России поражение и навязать ей грабительский сепаратный мир. Затишье, наступившее на западе, действительно позволило перебросить часть войск на Восточный фронт. В июле 1917 г. немцы нанесли сильный удар и оттеснили южное крыло русской армии. Последовавшее затем авантюристическое наступление Керенского,

[57] Из архивных документов видно, что уже в октябре 1916 г. Бетман обосновывал на заседании прусского кабинета необходимость «мирной инициативы»; он заявил в этой связи, что не считает неограниченную подводную войну гарантией достижения победы («Deutschland im ersten Weltkrieg», Bd. 2, S. 541).

потерпевшее позорный провал, было на руку германскому империализму. Русская армия разлагалась.

Но те или иные частные военные успехи не могли предотвратить назревания экономического и политического кризиса внутри страны. Хотя Германия продолжала получать руду, уголь, продовольствие из нейтральных стран, а также от своих союзников, недостаток сырья и продовольствия нарастал с каждым днем. К весне 1917 г. остро не хватало угля, керосина, картофеля и хлеба. В январе 1917 г. недельный рацион картофеля на душу был сокращен до 1,5 кг. Зиму 1916/17 г. в народе назвали «брюквенной зимой», но и брюквы было не вдоволь. В марте ежедневный хлебный паек был сокращен с 200 до 170 г[58]. К хлебу примешивали до 94% низкокачественных примесей. В результате голода и эпидемий значительно увеличилась смертность в тылу. Хотя рабочих заставляли трудиться по 10 и более часов, а в отдельных случаях переводили на положение солдат, промышленное производство в 1917 г. было на 38% ниже, чем в 1913 г.

В этих условиях крайние правые: пангерманцы, консерваторы и т. п.— продолжали решительно подавлять даже умеренные требования реформ, видя в них посягательство на права кайзера и прусских помещиков. Верховное командование и придворная олигархия, поддерживаемые кайзером, отвергали все предложения реформ, выдвигавшиеся весной 1917 г. не только социал-демократами и прогрессистами, но и католическим Центром, а в определенной мере — и национал-либералами. Пангерманцы оголтело требовали отказа от какого-либо компромисса в вопросе о военных целях, выступая за «германский мир», основанный на максимальных территориальных приобретениях.

Борьба этих двух течений вызвала в июле 1917 г. правительственный кризис. По настоянию командования император принял отставку Бетман-Гольвега, пытавшегося примирить оба течения. По рекомендации военщины Вильгельм II назначил канцлером прусского чиновника Михаэлиса. Вскоре после этого, 17 июля, большинство рейхстага одобрило так называемую мирную резолюцию, инициатором которой являлся один из лидеров Центра, Эрцбергер. В резолюции говорилось, что рейхстаг стремится к «миру и соглашению» при сохранении за Германией «права на жизнь и развитие»[59]. Этот документ удовлетворял либералов, обманывал и успокаивал массы, но был настолько эластичным, что в дальнейшем ничуть не мешал осуществлению агрессивной программы германского империализма.

[58] *А. Дикс.* Война и народное хозяйство по опыту Германии в мировую войну. М., 1926, стр. 86 и сл.

[59] *М. Эрцбергер.* Германия и Антанта. Мемуары. М.— Пг., 1923, стр. 237

Новый глава правительства безоговорочно выполнял требования верховного командования; диктатура военщины стала в этот период полной и безраздельной. Под руководством Гинденбурга и Людендорфа генеральный штаб достиг высшей точки своей власти [60]. Разъясняя, к какому миру стремится Германия, Вильгельм II цинично заявил: «А соглашение должно состоять в том, что мы возьмем у врагов деньги, сырые материалы, хлопок, масло и из их кармана переложим в наш карман» [61]. Чтобы укрепить свое влияние на массы, пангерманцы Тирпиц, Капп и др. создали в начале октября 1917 г. Немецкую отечественную партию. Она развернула пропаганду «мира меча» на основе победы Германии, разжигала шовинизм, требовала расправы со всеми «подрывными элементами» внутри страны. Усилилась и активность других аннексионистских союзов и группировок [62].

Однако Михаэлис оказался, с точки зрения правителей Германии, не вполне подходящим человеком; он не сумел наладить более или менее нормальные отношения с большинством рейхстага, нарушенные «мирной резолюцией». В результате Михаэлис уже в октябре 1917 г. вынужден был подать в отставку. На канцлерское кресло был посажен лидер правого крыла партии Центра престарелый граф Гертлинг, имевший репутацию сторонника более гибкой политики, более тесного сотрудничества с социал-шовинистами и т. п. В действительности же Гертлинг был реакционером-клерикалом, всецело разделял пангерманские цели войны. Это делало его приемлемым для военщины, чью волю он проводил в жизнь [63].

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ГЕРМАНИИ

На положение в Германии большое влияние оказала Февральская буржуазно-демократическая революция и последовавший за ней подъем революционной борьбы в России. «Весть о русской Февральской революции подействовала на нас как разорвавшаяся бомба», — писал спартаковец Будих [64]. Из тюремного заключения

[60] *G. Förster, H. Otto, H. Schnitter.* Der preußisch-deutsche Generalstab 1870—1963. Berlin. 1964, S. 41.
[61] *F. Payer.* Von Bethmann-Hollweg bis Ebert. Frankfurt am Main, 1923, S. 42—43.
[62] *В. Г. Брюнин.* Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917 года. Л., 1965, стр. 57.
[63] *З. К. Эггерт.* Борьба классов и партий в Германии, стр. 668—669.
[64] *В. Будих.* Под знаменем «Спартака». Из воспоминаний спартаковца. М., 1930.

революцию в России приветствовала Р. Люксембург, которая сообщала: «Прекрасные события в России действуют на меня как эликсир жизни» [65].

Спартаковцы окончательно убедились, что демократический мир может быть достигнут только путем пролетарской революции. «Или мировая война до всеобщего обескровления или пролетарская революция — империализм или социализм» [66],— говорилось в нелегальных «Письмах Спартака». Спартаковцы выдвинули лозунг создания единой германской демократической республики. Они призывали рабочих создавать Советы и готовить массовую политическую стачку.

Заслугой германских левых социал-демократов являлось движение солидарности с русскими революционерами. Пропагандируя пролетарский интернационализм, они доказывали, что лучшей помощью революции в России будет революция в Германии. Укреплялись связи с большевиками, происходило сближение с ними по вопросам теории и тактики. Однако спартаковцы не решались на создание самостоятельной действительно революционной партии, считая, будто это приведет к отрыву их от масс.

Февральская революция доказала возможность победы революции во время войны, обострила недовольство масс политикой социал-шовинистов и побудила социал-пацифистов более решительно требовать демократических преобразований. Выступления «Трудового содружества» в рейхстаге способствовали росту популярности его лидеров среди трудящихся, стремившихся к борьбе за мир и демократию, но не имевших достаточного политического опыта.

Правление СДПГ исключило из партии целые организации, отказавшиеся поддерживать социал-шовинистов. Это привело к расколу СДПГ и вынудило центристских лидеров создать новую рабочую партию. В начале апреля 1917 г. на конференции в Готе, в которой участвовали сторонники «Трудового содружества» и левые социал-демократы, была основана Независимая социал-демократическая партия Германии. Выступая в Готе, спартаковцы критиковали центризм, доказывали необходимость развернуть массовые выступления против войны и военной диктатуры и пропагандировать революционные идеи, но большинство конференции поддержало социал-пацифистские лозунги.

Новая рабочая партия объединила почти всех противников социал-шовинизма. В НСДПГ сосредоточилась основная масса революционных рабочих. Вскоре в ней насчитывалось свыше 100 тыс.

[65] *R. Luxemburg.* Briefe an Freunde. Hamburg, 1950, S. 157.
[66] «Spartakusbriefe», S. 328.

трудящихся. Однако во главе партии стали социал-пацифисты — Каутский, Дитман, Ледебур и др., имевшие значительную опору в партийном аппарате, пользовавшиеся славой «борцов», исключенных из СДПГ, и доверием многих рабочих, не имевших ясного представления о конкретных путях и средствах борьбы.

Спартаковцы вошли в НСДПГ. Но группа «Спартак» сохранила идеологическую и политическую самостоятельность[67], свой центр, сеть доверенных лиц и свободу действий. Входя в НСДПГ, члены «Спартака» надеялись превратить ее в революционную партию (эти расчеты не подтвердились).

Раскол в социал-демократии отражал рост классовой борьбы и самосознания немецких рабочих. В 1917 г. в Германии произошло 560 стачек с 667 тыс. участников (в пять раз больше, чем в 1914 г.); многие из них имели политический характер. Самой массовой и значительной была забастовка в Берлине, начавшаяся 16 апреля; непосредственным поводом послужило снижение хлебного пайка. В забастовке участвовало около 300 тыс. человек.

Рабочие выдвинули политические требования: освобождение Либкнехта, амнистию, восстановление демократических свобод, отмену осадного положения[68]. Но главным было требование немедленного окончания войны без аннексий и контрибуций. Руководители стачки — избранные рабочими старосты — составили особую организацию, примыкавшую к НСДПГ, но выступавшую за массовые действия. В ходе движения в Берлине впервые возникли рабочие Советы[69]. 16 апреля началась забастовка в Лейпциге, а также в других промышленных центрах Саксонии.

Военные власти, полиция и суды жестоко расправлялись с забастовщиками. Агитаторов и главарей бросали в тюрьмы. Сотни рабочих были мобилизованы в армию и отправлены на фронт. Подавлять забастовки помогали социал-шовинисты.

Но в это время антивоенное движение распространилось и на солдат и матросов военно-морского флота. Контрольные хозяйственные комиссии, созданные на кораблях, вели антивоенную пропаганду, нелегально распространяли спартаковскую литературу. Матрос Макс Рейхпич писал: «Мы должны разъяснять людям, что хозяйственные комиссии являются первым шагом к созданию матросских Советов по русскому образцу». Матросы не желали продолжать войну и обсуждали вопрос о мире. В мае 1917 г. они

[67] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 307.
[68] *Ф. Ф. Головачев.* Рабочее движение и социал-демократия Германии в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 207.
[69] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 2, S. 315.

Братание русских и немецких солдат

пытались объединиться в союз. Участились случаи неповиновения приказам.

Центральная хозяйственная комиссия решила начать стачку, если командование будет прибегать к массовым репрессиям или прикажет кораблям выйти в море. 1 августа на корабле «Принцрегент Луитпольд» произошли волнения. 16 августа отказались от работы кочегары на корабле «Вестфалия». По приговору военного суда двое матросов — М. Рейхпич и А. Кебис — были расстреляны, а остальные «зачинщики» получили в общей сложности около 400 лет каторги[70]. Но репрессии не могли остановить роста революционного движения. В 1917 г. В. И. Ленин писал: «В Германии уже *кипит* настроение пролетарской массы...»[71].

В сложившихся условиях Великая Октябрьская социалистическая революция не могла не вызвать в Германии особенно сильный отклик. Установление в России власти рабочего класса, руководимого большевистской партией, оказало на немецкий рабочий

[70] *З. К. Эггерт.* Борьба классов и партий в Германии, стр. 604.
[71] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 93.

класс огромное воздействие. Это объяснялось и близостью к революционной России, и прочными традиционными связями с русским пролетариатом. Кроме того, в Германии 1917 г. классовые противоречия и борьба были острее, а революционное течение в немецком рабочем движении — сильнее, чем в других зарубежных странах. Всюду: на фронте и в тылу, «на фабриках и военных предприятиях, на собраниях и на улицах, в армии и на флоте — горячо приветствовались и живо обсуждались революционные события в России. Они возбуждали надежду на быстрое окончание войны» [72]. Уже в ноябре 1917 г. по всему Восточному фронту прокатилась волна массовых братаний [73].

Все это было предвестником событий, которые привели к Ноябрьской революции 1918 г. В истории Германии под могучим воздействием Октябрьской революции начиналась новая эпоха, связанная с вступлением капиталистической системы в период общего кризиса.

[72] «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», Bd. 3. Berlin, 1966, S. 21.
[73] *A. Norden.* Zwischen Berlin und Moskau. Berlin, 1954, S. 77.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

1. ГЕРМАНИЯ В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ
М. М. Смирин 9

Экономический подъем в XV — начале XVI в. . . . 10
Особые условия развития Германии. Социальные движения перед Реформацией 15
Католическая церковь в начале XVI в. и ее положение в Германии 22
Гуманистическое движение до Реформации 25
Немецкая Реформация и ее основные направления. . 33
Великая крестьянская война 44
Германия во второй половине XVI и в начале XVII в. 59

2. ТРИДЦАТИЛЕТНЯЯ ВОЙНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
С. Д. Сказкин, Л. И. Гинцберг 65

Тридцатилетняя война 65
Империя — конгломерат независимых государств . . 70
«Второе издание крепостничества» 76
Ремесло и мануфактура 82
Бранденбург во времена «великого курфюрста» . . 89
Становление абсолютизма в других германских государствах 96

3. ГЕРМАНСКИЕ ЗЕМЛИ В XVIII в. ВОЗВЫШЕНИЕ ПРУССИИ

С. Д. Сказкин, Л. И. Гинцберг 99

Развитие торговли и мануфактурного производства 99
Формы абсолютизма и пути развития сельского хозяйства 104
Антифеодальная борьба крестьян и выступления городских низов. 110
Прусский милитаризм. «Фельдфебель на троне» . . 113
Завоевательная политика Фридриха II 117
«Просвещенный абсолютизм» 125

4. НЕМЕЦКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ. ПЕРИОД «БУРИ И НАТИСКА»

Ю. Я. Мошковская 130

Ранние просветители 130
Против феодального произвола 137
«Буря и натиск» 141
Материалисты и атеисты второй половины XVIII в. 151
Просвещение и историческая наука в Германии . . 159

5. КРИЗИС КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

М. И. Михайлов 162

Французская революция. Волнения крестьянства и городских низов 162
Войны против Франции и их последствия 169
Господство Франции над Германией 174
*Немецкая классическая философия. Литература и искусство начала XIX в.** 177
Реформы Штейна и Гарденберга 184
Борьба немецкого народа против наполеоновского ига 188
Освободительная война 1813 г. 193

6. УСКОРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В 20—40-х ГОДАХ

М. И. Михайлов 202

Начало промышленного переворота в германских государствах 203

* Данный раздел, а также разделы, посвященные идеологии, науке и культуре, в последующих главах написаны Л. И. Гинцбергом.

Общественное движение в стране 206
«Молодая Германия» и рост оппозиционных настроений 211
Начало рабочего движения. Восстание силезских ткачей 215
Первые рабочие организации 219
Создание Союза коммунистов 224
Возникновение революционной ситуации 227

7. БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг.

М. И. Михайлов 231

Революция в Пруссии 232
Подъем рабочего движения 237
Деятельность Маркса и Энгельса. «Новая Рейнская газета» 242
Франкфуртский парламент и вопрос о единстве Германии 249
Государственный переворот в Пруссии 254
Борьба за имперскую конституцию 257

8. ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

И. С. Галкин 264

Политическая реакция в 50-х годах 264
Экономическая мощь и политическое бесправие буржуазии 267
Прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве 269
Борьба по вопросу объединения страны 272
Итало-франко-австрийская война и ее влияние на Германию 274
Конституционный конфликт. Приход Бисмарка к власти 279
Всеобщий германский рабочий союз. Лассаль и лассальянство 286
Немецкая наука и культура 294

9. ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ «ЖЕЛЕЗОМ И КРОВЬЮ». ОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

И. С. Галкин 299

Начало династических войн Пруссии. Северогерманский союз 299
Против политики «железа и крови» 308
Франко-прусская война 1870—1871 гг. 311
Образование Социал-демократической рабочей партии 317

10. ГЕРМАНИЯ ВЫРЫВАЕТСЯ ВПЕРЕД

Л. И. Гинцберг 323

Экономическое развитие в 70—80-х годах 323
Формирование монополистического капитала . . . 327
Юнкерско-буржуазный блок у власти 330
«Культуркампф» 334
Успехи рабочего движения и объединение эйзенахцев с лассальянцами 337
Усиление реакции во внутренней политике 342
Героический период немецкого рабочего движения 345
Отмена исключительного закона против социалистов и отставка Бисмарка 351

11. КЛАССОВЫЕ АНТАГОНИЗМЫ ОБОСТРЯЮТСЯ

Н. Е. Овчаренко 355

Переход к империализму и сдвиги в структуре общества 355
Германская социал-демократия после отмены исключительного закона 360
Социальное маневрирование правительства 363
Борьба СДПГ за марксистскую программу и тактику 366
Социал-демократия и крестьянство 372
Противоречия в правящем лагере 375
Рост милитаризма и борьба социалистов против него 378
Конец «нового курса» и «эра Штумма» 380

Политика сплочения господствующих классов и политический кризис конца XIX в. 384
Обострение борьбы двух тенденций в рабочем движении. Возникновение ревизионизма 387
Идеология, наука, культура в последние десятилетия XIX в. 393

12. ОТ СОЮЗА ТРЕХ ИМПЕРАТОРОВ К «МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ»

Л. И. Гинцберг 402

Союз трех императоров 402
«Военная тревога» 1875 г. и ухудшение отношений с Россией 407
Австро-германский союз и образование первого военного блока в Европе 411
Начало колониальной экспансии. Отношения с Англией. 416
Балканский узел противоречий и «военная тревога» 1887 г. 419
«Договор перестраховки» 423
Крах системы союзов Бисмарка 426
«Новый курс» и попытки достичь соглашения с Англией 429
Германская экономическая экспансия. Переход к «мировой политике» 432

13. НА ПУТИ К МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Б. А. Айзин 437

Германский империализм и его особая агрессивность. 437
Обострение англо-германских противоречий. Морские программы Тирпица 441
Забастовочная борьба после кризиса 1900—1902 гг. 443
Подъем рабочего движения во время русской революции 1905—1907 гг. 446
Юнкерско-буржуазный блок в борьбе против пролетариата 451
Навстречу мировой войне 457
Подготовка империалистической войны и позиция социал-демократии 461
Назревание политического кризиса 465

14. РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ
И. М. Кривогуз 474

Роль Германии в развязывании войны. Цели германского империализма 474
Предательство социал-оппортунистов 479
Провал планов быстрой победы 481
Засилье монополий и бедствия трудящихся. Начало антивоенного движения 486
Военные действия в 1916 г. Рост революционного движения и группа «Спартак» 491
Начало кризиса «верхов» и «мирное наступление» 497
Февральская революция в России и подъем революционного движения в Германии 500

ГЕРМАНСКАЯ ИСТОРИЯ
в новое и новейшее время

Том 1

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Ю. И. Хаинсон

Художник
Г. В. Дмитриев

Технический редактор
В. В. Тарасова

Сдано в набор 26/II 1970 г.
Подписано к печати 3/VII 1970 г.
Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 32,0+3 вкл.
Уч.-изд. л. 30,8
Бумага № 2
Тираж 4500 экз.
Т-11218
Тип. зак. 252
Цена 2 р. 15 к.

Издательство «Наука».
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
41	1 св.	Цвиллингом	Цвингли
66	12 св.	войжам	войскам
83	18 св.	XVIII в.	XVII в.
130	1 сн.	XVIII	XVII
177	9 св.	1913	1813
272	8 св.	объеденения	объединения
309	22 св.	отказался	отказаться
346	2 сн.	Feldsport	Feldpost
459	2 сн.	чем	тем
470	4 сн.	P. Klein	F. Klein
484	5 сн.	1963	1923

Германская история, т. I